

ВАЛЕРИЙ ХАРЛАМОВ

Максим
Макарычев

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Книга о великом советском хоккеисте, чье мастерство в обращении с шайбой вызывало восхищение у миллионов болельщиков по всему миру. «Легендой» еще при жизни называли 17-го номера непобедимой советской сборной не только у нас в стране, но и на родине хоккея — в Канаде. Но вместе с тем это книга о невероятно светлом, честном и порядочном человеке, каким был Валерий Борисович Харламов, о его непростом пути в большой хоккей, об испытаниях, которые ему пришлось вынести, о его друзьях и товарищах по сборной СССР и родному ЦСКА. Увы, судьба оказалась жестока к нему, отмерив лишь тридцать три года его жизни и в очередной раз подтвердив горькую истину: гении не живут долго... Существенную часть книги составили воспоминания людей, близко знавших Валерия Харламова. О многих фактах его биографии здесь рассказывается впервые.

- [Максим Макарычев](#)
 - [СЛОВО К ЧИТАТЕЛЯМ](#)
 - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
 - [Глава 1 РОЖДЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ](#)
 - [Глава 2 НА ХОККЕЙ ТАЙКОМ ОТ МАМЫ](#)
 - [Глава 3 ЧЕБАРКУЛЬСКАЯ КОМАНДИРОВКА](#)
 - [Глава 4 СТАНОВЛЕНИЕ ПЕРВОЙ ТРОЙКИ](#)
 - [Глава 5 ВЗЛЕТ ХОККЕИСТА ХАРЛАМОВА. ОЛИМПИАДА В САППОРО](#)
 - [Глава 6 КАНАДЦЫ УВИДЕЛИ РУССКОЕ ЧУДО. СУПЕРСЕРИЯ-1972](#)
 - [Глава 7 ТРЕНЕРЫ ХАРЛАМОВА: ТАРАСОВ И ЧЕРНЫШЕВ](#)
 - [Глава 8 ВСЕНАРОДНАЯ СЛАВА](#)

- [Глава 9 СУПЕРСЕРИЯ-1974](#)
- [Глава 10 СУПЕРСЕРИЯ-1976. ОЛИМПИАДА В ИНСБРУКЕ](#)
- [Глава 11 СВАДЬБА. ПЕРВАЯ АВАРИЯ](#)
- [Глава 12 МАСТЕРСТВО. ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ КАЧЕСТВА. ДРУЗЬЯ ХАРЛАМОВА](#)
- [Глава 13 КОНЕЦ 1970-Х ГОДОВ. ПРИХОД В ЦСКА ВИКТОРА ТИХОНОВА](#)
- [Глава 14 ОЛИМПИАДА В ЛЕЙК-ПЛЭСИДЕ. ПРОЩАНИЕ С ПЕРВОЙ ТРОЙКОЙ](#)
- [Глава 15 ТРАГЕДИЯ](#)
- [Глава 16 ПОСЛЕ СМЕРТИ](#)
- [ПОСЛЕСЛОВИЕ](#)
- [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ В. Б. ХАРЛАМОВА](#)
- [БИБЛИОГРАФИЯ](#)
- [ФОТОГРАФИИ](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)

- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)

- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)

- [92](#)
 - [93](#)
 - [94](#)
 - [95](#)
 - [96](#)
 - [97](#)
 - [98](#)
-

Максим Макарычев

Валерий Харламов

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЯМ

С Валерой Харламовым нас связывала искренняя и крепкая дружба, которая прошла испытание временем и обстоятельствами. Мы дружили, несмотря на то, что играли в двух конкурирующих командах — «Динамо» и ЦСКА. Конечно, Харламов давно заслуживал того, чтобы о нем была написана подробная и обстоятельная книга, не имеющая ничего общего с разного рода «легендами» о нем. Книга о тех многочисленных испытаниях, которые выпали на его долю, об их преодолении, о наших общих победах.

Об этом и не только, и прежде всего о его человеческих качествах, рассказывает в своей книге Максим Макарычев. На страницах книги автор приводит многочисленные высказывания о Харламове людей, близко знавших его. Причем некоторые из этих людей не имеют отношения к миру хоккея и вообще спорта, но хорошо знают о том, каким был Валера вне ледовой площадки. Читатель сможет сам убедиться в том, каким порядочным и на редкость чутким и великодушным человеком он был.

Эта книга написана простым, доступным языком. Автор рассказал о разных гранях таланта Харламова — хоккеиста и человека, рассказал без вычурности и сложных оборотов. Так, чтобы эта книга из серии «Жизнь замечательных людей» не превратилась в повествование «Харламов на льду», а стала бы понятна даже такому читателю, который не является дотошным спортивным болельщиком.

И еще. Хочу обратиться к молодому поколению наших хоккеистов, которому предстоит продолжать наши победные традиции. Цените ту страну, которая вас воспитала, не жалейте сил для того, чтобы

доставить радость болельщикам, для которых ваши хоккейные победы являются светлым праздником в нынешние непростые времена, играйте во имя чести и флага. Без этого не бывает великих побед и достижений. Выражаю особую надежду на то, что книга действительно будет особенно полезной и познавательной для молодых людей, которым предстоит приумножать славные традиции отечественного хоккея с шайбой и спорта в целом.

Александр Мальцев, двукратный олимпийский чемпион по хоккею с шайбой

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда мне приходится рассказывать молодому поколению о тех, кто ковал славу нашего хоккея, о Валерии Борисовиче Харламове и его товарищах, о их предшественниках и последователях, то я всегда привожу одну фразу. Она из названия гениальной книги Михаила Александровича Шолохова про непобедимый русский характер. Эта фраза очень проста. Ее помнят все, кто знает, какой ценой достигнута самая великая Победа в многострадальной истории России.

Они сражались за Родину. Пусть речь идет и не о войне. Хотя кто скажет, что та суперсерия 1972 года с Канадой не была самым настоящим ледовым побоищем?

В этой фразе три ключевых понятия. *Они. Сражались. За Родину.*

Они — это те, кто, стиснув зубы, шел вперед, кто на льду защищал честь своей страны и готов был постоять не столько за себя, сколько за своего товарища. За те самые честь и совесть, которые они не продавали ни на льду, ни в жизни. За ту страну с ее бескрайними полями и хрупкими «есенинскими» березками, что каждый раз ждала их с победой.

О славных традициях коллективизма советской сборной, пожалуй, лучше всего сказал сам Валерий Харламов, вспоминая в автобиографии «Три начала» о том, как в сборной СССР на пороге 1970-х годов происходила смена поколений: «Почему же так легко и естественно влились в прославленную команду новички? Почему не чувствовали себя чужаками дебютанты семидесятого года Владислав Третьяк, Володя Шадрин, Валерий Васильев? Почему (позже) нашли себя в сборной Геннадий Цыганков, Сергей Бабинов, Сергей Капустин, Хельмут Балдерис, Зинэтула

Билялетдинов, Сергей Макаров? Думаю, что ответ на эти вопросы — в традициях нашей сборной, в бескорыстной и заинтересованной помощи старших младшим, в сплоченности и самоотверженности коллектива, в умении подчинить свои интересы интересам команды. В традициях, передающихся от одного поколения спортсменов к другому».

Они сражались. Действительно, сражались, не позволяя себе поблажек ни в жизни, ни в быту. Их били, били нещадно, били жестоко, как Харламова по голеностопам в той самой памятной серии 1972 года, а потом в других матчах с канадцами — в 1974-м и 1976-м. Когда вслед за хоккеистом по площадке тянулся кровавый шлейф... Они вставали и шли вперед, словно шли на вражеские редуты. Заброшенными в ворота противника шайбами отвечая на подлую грубость.

Они были и остались настоящими мужиками. Как учит традиция русской театральной школы, актер может не выйти на сцену только в одном случае — если он мертв. Наши хоккеисты выходили на лед в таком состоянии, при котором обычные люди лежат пластом в постели и продлевают больничный. Друг Харламова хоккейный исполин Валерий Васильев перенес микроинфаркт прямо на льду, но продолжил матч, хотя и вернулся на скамейку без чувств. Тот же Васильев однажды снял в раздевалке хоккейную крагу, полную крови. Ему буквально раздробили руку, а он продолжал сражаться. Или Анатолий Фирсов, проводивший ключевую игру чемпионата мира с температурой 39 градусов и сказавший врачу, что у него «всего лишь» 37. Или Геннадий Цыганков, отыгравший несколько игр первенства планеты с трещиной в кости.

«В хоккее играют настоящие мужчины. Трус не играет в хоккей» — эти слова из самой популярной отечественной песни о любимой игре лучше всего отражают мужество отечественных спортсменов. Они и

стали легендами в сражениях, которые выигрывали благодаря своему упорству и трудолюбию.

«Мы не просто играли, демонстрируя свою тактическую или техническую выучку, мы “бились”... Да, бились, не боялись идти на самые болезненные столкновения, не боялись ни ушибов, ни травм. Мы цеплялись при подъеме на вершину за каждый выступ, находили каждую щель, куда можно было поставить ногу, — всё, что помогало росту нашего мастерства... Другого пути к вершинам нет. Как бы талантлив ты ни был, только тренировки, упорные, настойчивые тренировки, где в полной мере проверяются сила воли и терпение спортсмена, его характер, умение справляться со всеми препятствиями и неожиданностями, позволяют рассчитывать на успех», — писал Валерий Харламов в своей биографии.

Они сражались за Родину. Это была действительно битва за Родину. За ту страну, которая победила коричневую чуму. Страну, в которой еще были свежи трагические воспоминания о том, какой ценой была достигнута победа. За ту страну, которая в едином порыве, «болея за наших, за родных», разве что не прислонялась к экранам телевизоров. В коммуналках. В больницах. В аэропортах в минуты ожидания перед вылетом рейсов.

Они сражались за ту страну, в которой не было ни мобильных телефонов, ни айпадов, как сейчас, а люди ждали эти хоккейные матчи с блестящими глазами, как ждут салют. Зная, что салют непременно будет. И будет в честь этой победы.

Они сражались за Родину. И чаще всего побеждали.

Это книга о человеке, которого болельщики на многих стадионах великой страны в знак особой симпатии перед его талантом и человеческими качествами называли не по фамилии. Но только по имени: Валерой, Валерочкой. Вне зависимости от

клубных пристрастий. Харламова любили все. «Публику не проведешь. Не случайно мало кто из самых одаренных хоккеистов пользовался у многомиллионной хоккейной аудитории такой любовью и таким уважением, как Харламов», — очень точно сказал по этому поводу легендарный Тарасов.

Это книга о человеке высочайших моральных принципов, который никогда не был демагогом и морализатором, как некоторые титулованные «учителя жизни», но, несмотря на всё свое величие и популярность, оставался простым и добрым парнем. «В нем была простота, но не было простодушия», — несколько раз сказал в беседе с автором этих строк близкий друг Харламова Вадим Никонов. После его смерти, как выразился еще один его друг, Владимир Винокур, хоккей стал пресным и скучным. Эта книга о человеке, который беззаветно любил свою родину, уважал старших, искренне любил заниматься с детишками, и если бы не трагическая гибель, то, как уверяли меня люди, близко знавшие его, наверняка стал бы детским тренером.

В этой книге большое место занимают воспоминания людей, знавших Валерия Харламова. Она и задумывалась-то и создавалась для того, чтобы помнили. И стар, заставший его игру на льду, и млад, знающий о нем по «легендам». Эта книга о том, каким светлым, честным и порядочным человеком был Валерий Борисович Харламов, которому злодейка-судьба отмерила лишь 33 года жизни.

Глава 1 РОЖДЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ

Об уникальном таланте Харламова однажды было сказано очень точно и емко: «Шайба, посланная им, имеет глаза». «Где-то я прочитал, что поэзия — это то, что нельзя пересказать словами. Игра Харламова была хоккейной поэзией, очарованием загадки и фантазии. Валерий и сам не всегда знал, как в следующую секунду будет обыгрывать соперника, куда и кому будет отдавать шайбу. Но главное, что экспромт получался часто, лишний раз подчеркивая величие Харламова», — признавался трехкратный олимпийский чемпион Виталий Семенович Давыдов, который и на тренировках сборной, и в играх «Динамо» против ЦСКА имел возможность воочию убедиться в уникальном таланте армейского хоккеиста.

Валерий Харламов родился в Москве ранним утром 14 января 1948 года в семье Бориса Сергеевича Харламова, слесаря завода «Коммунар», и Бегони (Бегониты) Ориве-Абад, басконки по национальности, работавшей на том же предприятии; Бегоня приехала в СССР в конце 1930-х годов в двенадцатилетнем возрасте. «Смешалась русская и испанская кровь, и получился уникум», — заметил друг Валерия Харламова Вадим Никонов.

Часто имена и фамилии, с которыми человек «идет по жизни», отражают его характер. Русская фамилия Харламов происходит от имени Харлампий, которое по-гречески означает «светящийся радостью». Как представляется, это абсолютное «попадание в яблочко». Харизма, радость, обаяние, «солнечность» Харламова четко проступают даже на черно-белых фотографиях.

А что с именем? Имя Валерий означает крепкий, здоровый, бодрый, сильный. «Большое, хорошее и даже величественное имя», — говорится на одном из сайтов. «Величественно» игравший на льду Харламов действительно потрясал своих товарищей по команде, соперников подвижностью, выносливостью, мощью. Был бодр, никогда не унывал. «Я потею даже в бассейне», — сказал однажды игрок, подразумевая под этим колоссальные физические нагрузки, которые ему подвластны. Вместе с тем поначалу Валера рос хилым и щуплым. При рождении он весил меньше трех килограммов. Читатель вскоре убедится, через какие испытания пришлось пройти мальчику, который из-за врожденного порока сердца в детстве был частым гостем педиатров.

Интересные выводы в свое время сделал друг детства Валерия Харламова, известный тренер Владимир Богомолов. «Как-то я сложил даты рождения Харламова, согласно всем правилам нумерологии. 14.01.1948 года: получилась цифра 1. Эта цифра означает отвагу. Человек, чьи цифры в дате рождения складываются в единицу, является “солнышком”. Единица в нумерологии — число лидерства и высочайшего положения в обществе. Выдает благородного человека с отличным чувством юмора, который элегантно одевается. Вылитый Валера. Будто про него всё написано», — признался Богомолов.

Предки Харламовых по отцовской линии жили в Коломне — одном из тех славных тихих патриархальных русских городков, что составляли хребет большой империи. Постепенно промышленность в Коломне «наступала» на природу, ломая прежний уклад жизни горожан. Дед Валерия, Сергей Гаврилович Харламов, трудился на машиностроительном заводе в редкой и, как бы сказали, штучной профессии краснодеревщика. Дед Сергей прошел и Первую мировую, и Гражданскую,

и Финскую, и Великую Отечественную войны, но мало об этом рассказывал. В одном его легком еще со времен Гражданской оставался осколок от ранения: оперировать было нельзя.

В столице Сергей Харламов познакомился со скромной и милой девушкой Натальей, ставшей его женой. Наталья Степановна родила ему пятерых детей: сыновей Николая, прошедшего всю войну и вернувшегося домой с ранениями и боевыми наградами, Бориса и Валерия и дочерей Ирину и Валентину. Бабушка Харламова родилась в Смоленске. В конце 1919 года, спасаясь от голода, она пешком пришла в Москву. Первой в семье, в 1920 году, родилась Ирина. Борис Харламов появился на свет в 1927 году.

Семья была уважаема соседями за доброту, скромность и трудолюбие. За те самые качества, которые от деда и от отца перенял впоследствии и сам Валера. Слух о золотых руках Сергея Гавриловича вышел за пределы Коломны. В 1930-е годы для стяжки книжных шкафов его приглашали легендарные советские маршалы Буденный и Ворошилов. Основам работы с деревом он обучил всех своих сыновей. Они пилили лесоматериалы, сушили доски, обрабатывали их при минимуме лаков и какой-либо «химии». «Харламовские» шкафы ценили за то, что были они натуральными и, как говорят мастера, «дышали». Отец Валерия Харламова Борис в свободное время, когда уже появился на свет Валерка, мастерил небольшие полочки и шкафчики и продавал их — в семье деньги лишними не бывают — на Тишинском рынке.

Позже за тем, как умело дед обращается с деревом, наблюдал и маленький Валера, часто гостивший у бабушки и дедушки. Сергей Гаврилович внушал внуку, что труд и терпение осияют все преграды и, как говорится, всё перетрут. Не отсюда ли берут начало

невероятное трудолюбие и титаническое терпение Валерия Харламова?

Харламовы никогда не были богатырями или людьми высокого роста. Но выносливостью и крепостью отличались. Как вспоминали Владимир Дворцов и Зино Юрьев, авторы одной из книг о Харламове, Сергей Гаврилович, «среднего роста, далеко не богатырь по виду, но крепкий и жилистый, обладал какой-то взрывной силой: тяжелая бита, вылетая из его рук при игре в городки, неизменно попадала в “дом”. Бросал он почти без замаха, как бы играючи, но бросок был сильный и точный». В молодости дед Сергей участвовал и в кулачных боях, которые чаще всего проходили в Коломне на Масленицу. Перед боями мужики парились в банях, «выгоняя хворь». Дрались не натошак. Всегда перед боями ели много мяса и хлеба. Это, по поверью, придавало бойцам силу и смелость. Нельзя было «биться по-увечному», то есть калечить соперника. Было и такое правило: «мазку не бить», то есть в случае появления у противника крови заканчивать с ним бой. Нельзя было наносить удары со спины, биться полагалось только лицом к лицу.

Сергей Гаврилович отлично катался на коньках, чему потом научил внука. Ну а когда, еще до революции, в России появилось новое увлечение — футбол, Сергей Гаврилович одним из первых в Коломне начал осваивать эту игру. При этом сразу получил твердое место в основном составе местной городской команды. Бабушка же Валерия, Наталья Степановна, когда к ней приезжали внуки, непременно потчевала их своими любимыми блюдами. В такой атмосфере неподдельной семейной доброты и уюта провел свои детские годы Валерий Харламов.

Дедушка с бабушкой жили на окраине столицы, в деревянном домике на Соломенной Сторожке с удобствами во дворе. Эта историческая местность на

севере Москвы получила такое оригинальное название по крытому соломой глинобитному Дому, в котором жили сторожа, охранявшие уголья Петровской лесной и земледельческой академии.

Одно время Валера с сестрой Таней жили у дедушки с бабушкой с понедельника и до субботы: мама с папой с утра до вечера работали на заводе. Здесь Валера ходил в школу. «Анатолий Владимирович Тарасов, узнав, где я впервые встал на коньки, воскликнул: “Знаю это место! Раньше там были сады и огороды — мы туда за клубникой лазили”», — вспоминал Валерий Харламов в своей биографии «Три начала». Сейчас это часть Петровско-Разумовского района столицы.

Отец Валерия, Борис Сергеевич Харламов, перед войной поступил в ремесленное училище. В свободное время занимался спортом. Летом играл в футбол, зимой — в хоккее с мячом, отлично катался на коньках. Занимался не только игровыми видами спорта. Любил прокатиться от души на кроссовом мотоцикле. В Советском Союзе действовала единая всесоюзная спортивная классификация, согласно которой спортсменам присваивались разряды и звания. Борис Харламов имел три взрослых разряда: по футболу и хоккею — первый взрослый, за которым следовало звание «кандидат в мастера спорта», а также второй взрослый разряд по мотокроссу.

В то самое время, когда отец Валерия Харламова осваивал азы будущей профессии токаря в ремесленном училище, пароход вез в Советский Союз детей из Испании, среди которых находилась мама нашего будущего героя. Но расскажем о том, почему и каким образом Бегоня Ориве-Абад, басконка по национальности из Испании, оказалась в Советском Союзе.

18 июля 1936 года одна из испанских радиостанций передала сообщение: «Над всей Испанией безоблачное

небо». Но то была не простая сводка погоды, а условный сигнал мятежникам. Во главе их встал генерал Хосе Санхурхо. Через несколько дней, после гибели Санхурхо в авиакатастрофе, национал-фашистов возглавил Франсиско Франко. Именно по его фамилии установившийся вскоре в Испании режим стали называть франкистским.

В Испании началась гражданская война. По существу, это была первая схватка с международным фашизмом в Европе. Гитлеровцы, спустя несколько дней после начала мятежа, направили в Испанию авиационный «Легион Кондора», а итальянец Муссолини — пехотный «Корпус добровольческих сил». Страну наводнили иностранные военные инструкторы, диверсанты, хорошо обученные наемники, воевавшие на стороне Франко. В распоряжении национал-фашистов были современные виды оружия. Так, итальянский экспедиционный корпус был оснащен новейшими танками, артиллерией.

В этой сложнейшей обстановке разрухи и хаоса, когда в Испании появилось много беженцев, противники фалангистов по договоренности с советскими представителями приняли решение отправить в Советский Союз детей, в первую очередь из семей коммунистов. Бегоня, единственная дочь Бенито Ориве-Абада и его жены Антони, оказалась среди сотен других испанских ребятишек, которых отправили в СССР. По-русски никто из них не говорил. Советские люди встретили испанцев с особенной теплотой. Это была настоящая жизненная трагедия: дети, уехав на чужбину, оказались сиротами при живых родителях, оставшихся во франкистской Испании. О их судьбе они ничего не знали — как не знала, например, в течение почти двадцати лет Бегоня.

«Мамин теплоход пришел в Крым. Она жила в санатории “Ласточкино гнездо” в Крыму, затем ее с

другими испанцами перевезли в Одессу, — рассказывает сестра Харламова Татьяна Борисовна. — Перед самой войной детей отправили в Саратов. В Саратове мама пошла работать на завод. До войны там производили комбайны, а в годы Великой Отечественной стали изготавливать авиационную технику. А затем, когда испанских детей эвакуировали из Саратова на юг, случилось страшное. Два из трех теплоходов с детьми были подбиты в результате немецкой бомбежки. По словам мамы, вся Волга была в крови. “Мы сидели на гробах и разговаривали с погибшими сверстниками: ‘Вот ты уже отмучился, а нам еще предстоит самое страшное’ ”, — вспоминала мама об этих жутких днях».

Бегоня в годы войны работала токарем на авиационном заводе в Тбилиси. «Там была целая группа, состоящая из токарей-испанцев. И лишь в 1945 году, после войны маму отправили в Москву. Она устроилась сначала в токарный цех, а затем стала работать лаборантом в химической лаборатории на машиностроительном заводе “Коммунар” недалеко от станции метро “Белорусская”, где с 1943 года уже работал папа», — вспоминала Татьяна Харламова.

С испанскими мальчишками Борис Харламов познакомился раньше, чем с женой. Случилось это на Соломенной Сторожке, где жили его родители. Испанских детей разместили на старинной даче. С мальчишками Борис Харламов запускал в небо голубей, это было любимое занятие ребят до войны. Вместе они играли в любимый испанцами футбол. Борис даже выучил с десятков слов на испанском языке.

Однажды Борис Харламов пришел в заводской клуб, который располагался недалеко от Белорусского вокзала. В клубе перед традиционным просмотром кино проводились танцы. В тот вечер рядом с его приятелем-испанцем, с которым он познакомился еще до войны,

стояла группа темноволосых девушек. Все ждали, когда заиграют самое популярное танго тех лет: «Утомленное солнце нежно с морем прощалось...»

Борис решил, что пригласит на танец невысокую, стройную девушку, стоявшую чуть поодаль от подружек. Когда в динамике раздались знакомые слова тысячу раз прокрученной пластинки со знаменитым танго, он подошел к испанке:

— Буэнос ночес (Добрый вечер)! Разрешите пригласить вас на танец?

Девушка, немного смущаясь, кивнула головой. Потом Борис проводил Бегоню до общежития. Так начался их роман...

«Встречались тогда, когда у нее и у меня заканчивалась смена. Посидим, чайку попьем и идем гулять по московским улицам. Я приходил домой только к полуночи. Все свободное время проводил с ней. У нее был очень приятный голос, она любила петь на родном языке песни из популярного в те годы аргентинского кинофильма “Возраст любви” (*La edad del amor*) 1953 года с известной актрисой Лолитой Торрес в главной роли. Мы любили смотреть этот фильм в кинотеатре, а моя супруга потом пела почти как Лолита Торрес. Фильм был классный, потом я достал самодельную пленку, на нее записали песни из этой кинокартины, и супруга часто подпевала Торрес», — вспоминал Борис Харламов в 2007 году в интервью для фильма «Валерий Харламов» из цикла «Живая история».

Если ты в глаза мне глянешь, и тревожно мне и сладко,
Если ты вздохнешь украдкой, мне печаль твоя видна,
Если руки мне, целуя, ты шепнешь одно лишь слово,

Жизнь отдам и не спрошу я, для чего тебе она.

Так поется в песне, которую любила исполнять в кругу близких Бегоня Харламова. Бегоша, как звал супругу Борис Сергеевич.

«Сидели в кино мы обычно на заднем ряду, целовались. Один раз я даже брюки в кинотеатре порвал. Кресла были расположены близко друг от друга, и из того, что располагалось напротив меня, торчал гвоздь. Я стал резко подниматься после сеанса, оцарапал коленку», — вспоминал Борис Харламов.¹

Так и гуляли несколько месяцев, а потом решили пожениться. Позже завод выделит молодоженам комнатуху, а пока, до свадьбы, жених и невеста «оставались при своих»: Борис Харламов жил с родителями на Соломенной Сторожке, Бегоня — в заводском общежитии на Тверской-Ямской улице. Главное было в том, что они сильно любили друг друга: он — сын русского мастера-краснодеревщика и она — дочка простого испанского шофера, о судьбе которого она по-прежнему ничего не знала.

Долгое время молодых не расписывали, потому что у Бегоши был только вид на жительство, она считалась «лицом без гражданства». Лишь после того, как родился Валера, через три недели, на родительский адрес пришла телеграмма из загса с разрешением вступить в брак. Бориса и Бетониту расписали 3 февраля 1948 года.

Схватки у матери Валерия Харламова начались в ночь с 13 на 14 января 1948 года после того, как они с супругом в компании друзей в заводском клубе накануне вечером отпраздновали Старый Новый год. Бегоня даже пыталась танцевать. Подпевала подружкам.

Пришли домой, и супруга, схватившись за живот, поняла, что вот-вот родит. Борис боялся, что они не успеют в роддом. К счастью, выручили друзья. Увезла в роддом Бегоню не «скорая помощь», а испанец по имени Монхе, который работал шофером на заводской служебной машине. Вопреки некоторым байкам, которые больше похожи на легенду, дескать, родился Валерий в машине и умер в машине, Бегоня Ориве-Абад (она не меняла фамилию после замужества — это традиция у испанских женщин) благополучно родила сына не в автомобиле, а в больнице. Хотя роды действительно проходили стремительно.

А вот Бориса Сергеевича в эту волнительную ночь ждали самые настоящие приключения.

«Я вышел на улицу. “Скорая” уже уехала. Помню, что на улице было очень холодно. Метро не ходило еще. Я взял ее вещи, небольшой сверток, закрутил в узелок. Меня вскоре задержала милиция. Я был в отцовской шинели без погон, больше похож на дезертира. Спрашивают документы. “Какие документы?” — отвечаю им. “Тогда пошли в участок”, — говорят милиционеры. Слава богу, думаю про себя, сейчас хоть согреюсь, а когда метро откроется, я и уйду. Пришли в участок, милиционеры спросили: “Что у тебя там внутри свертка?” Я говорю им: “Посмотрите сами, там вещи жены, она сейчас рождает в больнице”. Достал документы, которые, конечно, были у меня, показал их милиционерам. “А чего же раньше не сказал?” — возмущаются они. Я улыбнулся и ответил: “Метро-то в шесть утра открывается, погреться у вас хотел”. Они посмеялись, спросили, родился ли у меня кто-нибудь. Я им ответил: “Жду, пока еще нет”. — “Тогда желаем вам мальчика”, — сказали милиционеры, напутствуя меня», — вспоминал Борис Харламов.²

О том, что он стал отцом, Борис Сергеевич узнал в десять часов утра, когда позвонил в роддом. Дежурная

отрапортовала, что Бегоня Харламова родила мальчика. Имя придумывать было не нужно. Супруги заранее решили, что если родится мальчик, то его назовут Валерием — в честь легендарного летчика Чкалова. Тем более что Валерием звали любимого младшего брата самого Бориса Сергеевича.

«Валерик родился очень слабым. Весил меньше трех килограммов, да и откуда было ждать богатыря при тогдашнем-то карточном питании. Обмывал я, как водится, ножки с ребятами в общежитии. Жили мы в ту пору с женой Бегонитой в четвертушке большой комнаты, отгороженной от других семей фанерной перегородкой», — вспоминал Борис Харламов.

В стране после войны еще существовала карточная система. Люди не голодали, но питались скромно, в крупных городах — продуктами, получаемыми по карточкам. В ночь на 1 января 1948 года, за две недели до рождения Валеры, карточную систему отменили: в любом магазине теперь можно было купить необходимые товары по доступным ценам. Кроме того, в СССР была проведена денежная реформа: у людей были изъяты все сбережения, обмен наличных денег на новые проводился в течение одной недели в конце 1947 года. Реформа планировалась годом ранее, однако из-за неурожая, вызванного засухой в южных районах страны, ее пришлось отложить на год. Были введены единые сниженные государственные розничные цены на продовольствие и промышленные товары: так, цены на хлеб и муку снизились на 10 процентов по отношению к карточным, пиво подешевело на 10 процентов. В целом по стране послереформенные цены оказались на 17 процентов ниже тех, что действовали в 1947 году, что, конечно, не могло не радовать советских потребителей.

Вопреки бытующим рассказам о том, что, дескать, послевоенные дети постоянно недоедали, этого не было

и в помине. Хлеб да каша — пища наша, любили говорить в ту пору. Никто от голода не умирал. А ребенка, если вдруг родители задерживались на работе, всегда могли покормить соседи. Русские своих действительно не бросали. Жили люди послевоенной поры дружно, всегда стремясь прийти друг другу на помощь. Даром ли побеждали фашизм всем миром, чтобы в такой ситуации что-то «зажать», не поделиться с ближним своим, тем более с ребенком?!

«Мы с Валерой были непривередливы. Есть картошка — значит, будем есть картошку. Каша, так каша. Питались, как все советские дети. Правда, Валера с детских лет обожал блины. Они были самой любимой его едой. Я была засоней. А Валера вставал рано в воскресенье, и сразу к плите. Просыпаюсь, он их уже напек. Приглашает семью к столу. Когда подросли, обожали с ним готовить безе. Отделяли желтки от белков и начинали готовку», — с улыбкой вспоминала в беседе Татьяна Харламова.

В первые годы маленький Валерик, как его называли в семье, рос хиленьким и слабым. Те самые испытания, через которые он будет проходить всю жизнь, начались у него в самом раннем детстве. Болел он действительно много. «Цеплялись» к нему и корь, и скарлатина, не говоря уже о многочисленных простудах.

В 1949 году появилась на свет сестра Валерия Татьяна. Но лишь в 1954 году супруги Харламовы получили комнату в коммуналке недалеко от станции метро «Аэропорт». В квартире с тремя окнами в 24 метра квадратной площади были потолки высотой пять с половиной метров! Там жили еще 25 человек, но у соседей практически не было конфликтов.

(Кстати, за свою жизнь Валерий Харламов сменил пять квартир. Сначала жил здесь, возле Московского автомобильного института. Затем семья переехала

ближе к Савеловскому вокзалу, откуда Валера ездил на тренировки в ЦСКА: отцу выделили двухкомнатную квартиру от завода в Угловом переулке. Когда Валерий Борисович стал игроком основы ЦСКА, клуб предоставил ему служебную однокомнатную квартиру на улице Свободы в Тушине. От ЦСКА он затем получил «двушку» на улице Кибальчича возле ВДНХ. И, наконец, переехал в свою последнюю квартиру на проспект Мира возле станции метро «Алексеевская». После его смерти родители и сестра Татьяна с племянником жили в квартире на Хорошевском шоссе.)

В те годы Валеру и Таню без проблем устроили в заводской детский сад. Летом ребята ездили в заводской пионерлагерь «Лесные поляны», расположенный недалеко от Звенигорода. Потом Валерий Харламов, уже признанная звезда мирового хоккея, будет сам во время отпуска приезжать к детишкам в пионерский лагерь, рассказывать им подробно о хоккейных делах, о том, что видел в разных странах. Охотно приезжал он выступать и на завод, где работали его родители. «Я замечал, что на заводе, когда приглашали Валерия выступить, он всегда чувствовал себя очень свободно, по-домашнему», — вспоминал позднее отец хоккеиста.

Борис Сергеевич часто отвозил детей на мотоцикле к своим родителям на Соломенную Сторожку, где с утра до вечера Валерка зимой гонял на коньках, а летом сражался в футбол.

Позднее здесь же, на Соломенной Сторожке, делал свои первые шаги в хоккее и Вячеслав Фетисов, живший в этом районе. «Во дворе нашего дома на Коровинском шоссе была ледовая коробка, которая была построена энтузиастами. Мы там пропадали с утра до вечера, — вспоминал он в беседе с автором этих строк. — В соседнем подъезде жил Сергей Гаврилович, дедушка Валерия Харламова. И он приходил все время, смотрел,

как мы играем на площадке. В хоккее он хорошо разбирался. У меня была маленькая майка ЦСКА, которая не подходила по размеру. Как-то ко мне подошел дед Сережа и спросил: “Ты играешь в ЦСКА?” Я ответил: “Да”. — “Молодец!” — сказал он, добавив, что у него там играет внук. Я поинтересовался, кто именно. “Валера Харламов”, — ответил он. “Да ладно, дед, перестань, какой Харламов”. Он улыбнулся и говорит: “Ну, ладно, посмотрим”. А когда мне было лет 12-13, он сказал, что после одного из крупных турниров к нему в гости обещал приехать его внук, легендарный Валерий Харламов. “Я тебя с ним познакомлю”, — сказал дед Сергей».

Сергей Гаврилович Харламов действительно рассказал о талантливом мальчишке со своего двора внуку. Естественно, юный Слава, для которого Харламов был кумиром, все это время жил в ожидании встречи. И вот однажды во двор дома на Коровинском шоссе заехала ослепительно-белая «Волга» с номерами 00-17 ММБ. (Кстати, сочетание ММБ в номере своей «ласточки» Валерий «расшифровывал» как «Милая моя Бегоня» — в честь мамы.)

«В то время машин у нас во дворе вообще ни у кого не было. Так, пара инвалидов была всего в том месте, где я рос. Сама такая машина — это уже круто было, а то, что Харламов из нее вышел, это было вообще как из сказки. Потом, когда они уже пообщались, из подъезда, поддерживаемый Валерием Борисовичем, вышел дед Сергей и сказал нам, пацанам: “Ну что, съели?” Он был горд, что у него такой замечательный внук. Он подозвал меня и сказал внуку: “Валерка, вот этот мальчишка играет в ЦСКА”. Что меня потрясло, Харламов в то время уже был суперзвезда хоккея, но поздоровался он со мной по-простому, за руку, подружески потрепал меня по волосам и сказал: “Надеюсь, что мы с тобой вместе еще поиграем”.

Улыбнулся своей знаменитой улыбкой, глаза засверкали, сел в свою машину и уехал, — вспоминал об этом напутствии Вячеслав Фетисов. — Для меня это был бог, небожитель. Как игрок и человек он был такой простой и великий одновременно. И улыбчивый, и харизматичный. Прикосновение это его какую-то энергетику мне передало».

В 1976 году Фетисов начал полноценную подготовку к сезону с командой мастеров ЦСКА. Его сразу поставили в пятерку к Михайлову, Петрову и Харламову. Он набрался смелости и сказал: «Валерий Борисович! А вы не помните такого пацана с Коровинского шоссе?» Харламов улыбнулся и спросил у молодого защитника: «Это ты, что ли, был? Ну, елки-палки, что же ты молчал раньше?» Фетисов признался, что ему неудобно было напоминать об этом великому мастеру. «Да ладно, — ответил Харламов. — Дед Серега о тебе постоянно говорил. Мол, пацан всё растёт и растёт. Хороший хоккеист будет».

К деду Валера всегда приезжал в гости после того, как возвращался в Москву после крупных международных турниров. Возвращался обычно с победой. Деда Сережу он очень любил. «Не бойся, дед, все будет нормально», — часто повторял Харламов. «Дед Сергей всегда гордился внуком и тем, что он не забывает его и заботится о нём», — вспоминал Михаил Туманов, которого называли «хранителем» Харламова.

Многое, очень многое перенял Валерий Харламов от своего дедушки. Трудолюбие, упорство, скромность, присущую мужской ветви рода Харламовых, силу, выносливость, чувство справедливости, наконец. Дед Сергей любил внука искренне, всегда защищал, хотя Валера с юных лет сам мог постоять за себя и дать отпор обидчикам.

Это поколение мальчишек, воспитывавшееся после войны, вообще ничего и никогда не боялось. Валера рос

храбрым и справедливым. Мог подраться, но знал и цену чести и совести. С детства был ранимым мальчишкой, который через сердце пропускал любую несправедливость.

Дом Харламовых стоял буквой «П», внутри была хоккейная коробка. Летом ребятня гоняла на ней мяч. И хотя площадку обтянули защитной сеткой, мячи иногда улетали за ее пределы. Тогда и бились окна. Расплачиваться приходилось родителям незадачливых «бомбардиров». Одному парню совсем не повезло. Умудрился за неделю разбить два окна. Получил от родителей по полной программе. Его папа и мама, чьи «финансы после этого спели романсы», запретили сыну играть на площадке. Но за озорниками не уследишь, тем более в рабочее время. Вышел этот «мазила» во двор на следующий день, когда родители были на работе, — и саданул мимо сетки, разбив уже третье окно! Валера взял вину на себя. Платили его родители, хотя Валера был абсолютно не виноват. «Не счесть случаев, когда Валера брал чужую вину на себя, — вспоминает Татьяна Харламова. — Папа из-за этого часто бывал в отделении милиции, которое находилось в нашем дворе. Двор был дружный. Там был стол для игры в теннис, столы для домино. На скамейках всегда сидели старушки. Помню, как, начав играть в ЦСКА, он в первый раз предстал перед местными бабушками в военной форме. Те стали интересоваться: “Валерочка, ну как ты там?” Валера, напустив солидности, ответил: “Не переживайте, 47 из 50 (в стрельбе) выбиваю”. Потом рассмеялся».

Он был чуток к любой несправедливости. Всегда заступался за свою сестру Таню, которая была на 14 месяцев его младше. Однажды от души поколотил мальчишку, который во время уличной ссоры ударил Таню. Дело, со слов его мамы, было так. «Как-то раздался стук в дверь. Открыла. Стоит мальчишка из

нашего двора, зареванный: жаловаться пришел, что Валерий его поколотил. Ну, позвала я сына. Спрашиваю, что к чему, а Валерий только что-то зло бурчит. Весь смысл его оправданий или “объяснений” — в извечном мальчишеском аргументе: “А чего он...” Оставила дома, накричала, гулять не пустила», — вспоминала Бегоня, которая за своего сына, как говорят простым языком, «могла порвать любого». А на следующий день в квартиру пришел отец побитого Валерой мальчика. Пришел не для того, чтобы предъявлять претензии. А наоборот, чтобы извиниться за поступок сына. Оказывается, Татьяна в порыве эмоций сказала что-то обидное этому мальчику, тут же получила подзатыльник. Увидев это, Валера «коршуном» бросился на обидчика сестры. Когда же мама ругала, взял всю вину на себя, лишь бы сестренке не досталось. Такие эпизоды, когда Харламов стоял горой за близких, за товарищей и брал вину на себя, будут повторяться, когда он станет заслуженным игроком.

«Мы вообще были с ним очень дружны с юных лет. Как иголка с ниткой, так и мы были с ним. Всюду, всегда вместе. Несмотря на то, что я его младше, в детстве я была его физически здоровее. И выше его, и помощнее. Ему попадало от родителей за меня. Мне никогда не попадало. Мы жили в коммунальной квартире, у нас был стол посередине комнаты. А попадать могло только от мамы. Она была темпераментная женщина, и чуть что (это, наверное, у всех испанцев) она быстренько снимала тапок и с тапком гонялась за ним вокруг стола. Этим бегством мы всегда спасались. Много такого веселого было у нас, — вспоминала Татьяна Харламова. — Мы вместе с Валерой ходили на каток. Я ему всегда говорила: “Представляешь, Валера, если бы вместе с тобой пошли на фигурное катание”. Он смеялся и отвечал: “Не дай бог такую корову, как ты, поднимать!” Ведь я была

значительно крупнее его. Это потом он наверстал упущенное, вытянулся».

Иногда озорники Валера с Таней веселились так, что родители хватались за сердце. «Мама, шутя, признавалась: “Знала бы, какой ты будешь, назвала бы тебя не Татьяна в честь пушкинской Татьяны Лариной, а Сорванцом”», — рассказывала Татьяна Харламова. «Только не подумайте, что Валерий рос ангелом. И озорничал, и нас, случалось, не слушался, и врал. Помню такой случай. Работал я вечером, днем дома был. Взглянул в окно — вижу: на скамейке около катка сидит Таня, а Валерий, разогнавшись на коньках, прыгает... через сестру. Руки у меня затряслись, долго успокоиться не мог: а что если бы задел коньками?» — вспоминал Борис Сергеевич Харламов. «Однажды, вернувшись из школы, Валера подставил под дверь швабру. Думал, что мне ударит по лбу, когда я войду, — вспоминает другой случай Татьяна Харламова. — На его беду, вошла мама. Ох и долго же он бегал от нее по квартире».

Как уже говорилось, маленький Валера, гостя у бабушки с бабушкой, проводил все свободное время на улице. Здесь зимой детвора рассекала на коньках прямо по автомобильным дорогам, которые благодаря проезжающим машинам были отшлифованы до состояния льда. Ребята не только катались на коньках, но и устраивали хоккейные баталии, едва проезжающие машины скрывались за поворотом.

Коньки у них были разные: «снегурочки» и «гаги». «Снегурочками» («снегурками») назывались коньки для начинающих. Они были двух видов: однополосные и двухполосные. Коньки состояли из полоза (лезвия) и при помощи специальной платформы крепились к обуви. Лезвия «снегурок» напоминали полозья санок с загнутым передом. «Гаги» были уже более профессиональные коньки, со сплошным креплением

лезвия к ботинку. Ботинки для них изготавливались из тонкой и мягкой кожи, и в суровые морозы нужно было обязательно надевать на ногу плотные шерстяные носки. А то и две пары.

Борис Сергеевич поставил Валеру на коньки в пять лет, регулярно точил их для сына, у него для этого был специальный станок. Юркого, быстрого Валерку, который, несмотря на свой маленький рост, хорошо стоял на коньках, быстро приняли в свою компанию мальчишки на дворовой площадке. С ними он проводил свободное время, когда немного подрос и взял в руки клюшку.

Первую клюшку Валере сделал папа. Пожертвовал для сына старой доброй клюшкой, которой сам играл в хоккей с мячом. Пришлось подрезать ее, подстругать, а затем предстояло самое сложное — выгнуть крюк. Этим «инструментом» Валера забьет во дворе много «шайб», которыми первое время служили консервные банки. А воротами — два ранца, школьные сумки.

«Моим первым тренером был отец, Борис Сергеевич, слесарь-испытатель одного из московских заводов. Он возил меня, пятилетнего, с собой на соревнования заводских команд, давал мне, чтобы я не замерз, коньки. Ботинки были настолько велики, что я надевал их прямо на валенки. Отец не опекал меня, когда я вставал на коньки: на льду я чувствовал себя уверенно», — вспоминал Валерий Харламов в автобиографии.

Тем временем Бегоня на долгое время потеряла связь с родными: она знала лишь то, что ее отец-республиканец подвергался гонениям франкистов, а мама даже сидела в тюрьме. В 1956 году у испанцев, которые были перевезены в СССР до войны, появилась возможность вернуться на родину. Этим занимался Красный Крест. Желание уехать изъявили многие. Причем мужчин-испанцев отпускали домой с русскими

женами. А испанских женщин, которые вышли замуж за русских, — без мужей. Уезжала насовсем и близкая подруга Бегони — Мария. Тяжелый разговор состоялся и в семье Харламовых.

Однажды вечером Бегоня со слезами на глазах рассказывала мужу о том, как соскучилась по родному Бильбао. О том, что помнила родителей только двенадцатилетней девочкой, а с тех пор о них ни слуху ни духу. Наконец выдержала паузу и сказала, что хочет поехать в Испанию и показать родные места детям. Валере только что исполнилось восемь лет. Наступила гнетущая тишина... И этот вопрос, которого они избегали — а сможет ли Борис поехать в Испанию навсегда, Бегоня все-таки задаст мужу поздним вечером. А отец будущей звезды мирового хоккея лишь улыбнется в ответ: «Какой из меня испанец...» Договорились об условном «сигнале»: Бегоня даст весточку с условной фразой, и Борис обратится с просьбой в Красный Крест о возвращении детей на родину. Только в этом случае семья смогла бы воссоединиться вновь.

Годы спустя Борис Сергеевич вспоминал о тех днях, когда ему предстояла разлука с самыми близкими для него людьми — женой и детишками: «Мы жили дружно, расставаться не собирались. Я понимал состояние супруги, которая тосковала по родителям. Да и бытовые условия у нас были плохими, а испанские родственники были людьми состоятельными. Дед Бенито владел парком автомобилей. И я согласился на эту поездку в Испанию ради материального благополучия сына и дочери».

Решение поехать на побывку на родину предков пришло сразу после того, как Бегоня получила весточку из Испании: тяжело заболел ее отец. Тут надо сделать небольшое отступление: во время эвакуации один из автобусов из Бильбао с детьми-испанцами разбомбили.

Родителям Бегони Ориве-Абад сказали об этом. Они оплакивали своего единственного ребенка и для себя «похоронили» дочь. Однако от испанцев, которые первыми вернулись на родину по линии Красного Креста, спустя многие годы они узнали о том, что дочь жива. И сразу связались с ней по телефону. Так Бетонита попала в группу испанцев, которым разрешили вернуться на родину.

Уезжали втроем: Бегоня, Валера и маленькая Танечка. Родственникам в провинцию гордых и свободолюбивых басков везли русские сувениры. Во дворе Валера объяснил своим приятелям, что едет к бабушке в Испанию. А ему не верили, подшучивали: «Да брось, Валера, какая Испания, зачем она тебе?!» Борис Сергеевич решил проводить своих родных до Одессы.

Бегоню и детей ждал красавец-корабль «Крым», на котором и началось это морское путешествие. Прощаясь, Валера обнял отца, буквально вцепившись в него руками. Понимал, что предстоит разлука, но только на какой срок: месяц, полгода, год? А может, и больше. Мальчишку обуял страх за будущее. Он не представлял своей жизни без отца, без деда Сергея. А Борис Сергеевич утешал сына, сам еле сдерживая слезы: «Ничего, сынок, скоро вернетесь». Сын держался, держался, но как только корабль «Крым» отчалил от пристани, закрыл глаза руками, не выдержал и разрыдался...

В Бильбао их встретили как самых близких людей. Накрыли стол. Пели песни. Валеру смущало то, что все говорили по-испански. Даже мама, казалось, забыла о русском языке. Всё говорила без умолку. Из рассказа матери Валера с Таней узнали, что их испанский дедушка Бенито начал работать рано, в 18 лет. Получил права. Позже, накопив денег, стал владельцем грузовика, на нем и стал перевозить коммерческие грузы. К тому времени, когда домой приехала дочка с

внуками, доходы его были выше среднего: он сдавал в аренду крупной энергетической компании три большие фуры. Бабушка Антония была домохозяйкой. «Они с бабушкой жили очень хорошо в финансовом плане. Семья обитала на втором этаже семиэтажного дома, где было всего две квартиры. В нашей было семь комнат плюс большая кладовая. Там даже был большой загончик для собак. Их у деда Бенито было пять или семь. Одну звали Катя. Дед был заядлым охотником. Хорошо пел, блестяще играл на гитаре. Добрый он был очень, в Валерке души не чаял, — вспоминает Татьяна Харламова. — Он возил его на своем “фольксвагене” по Бильбао. При этом не включал поворотники, зная, что Валерка будет показывать водителям руками, куда поворачивает машина. Регулировщики дорожного движения тоже знали, что едет русский мальчик, и махали ему. Дед брал Валерку с собой в таверны, где он любил проводить время с друзьями. Там Валерка отплясывал: как он говорил, “русского показывал”, демонстрировал фокусы. Рвал бумагу и, скрутив ладони, доставал ее из рук уже целенькой. Зарабатывал себе на пирожные, конфеты, потом угощал меня».

Однажды испанский дедушка Бенито серьезно поругался с бабушкой и пропал. Искали его везде, но безуспешно. А нашел только Валера: была между ними какая-то незримая связь.

Быстрее и шустрее разговаривать на испанском языке стала Татьяна. Как признавался сам Валерий Харламов журналисту Владимиру Дворцову, она буквально «стрекотала» на нем. Самому Валере испанский давался чуть похуже, чем сестре, но уже спустя считанные недели и он спокойно изъяснялся на языке Сервантеса. Когда повзрослел, стал испанский забывать. Хотя понимать-то многое понимал. «С мамой, и особенно когда в наш дом приходили ее испанские

подружки, он хорошо говорил на испанском языке», — отмечала Татьяна Харламова.

В начальной школе Бильбао Валера проучился четыре месяца, быстро подружился с местными мальчишками. Неугомонный ритм испанской жизни пришелся ему по вкусу. Казалось, что квартал, где остановилась семья Харламовых, не спал круглые сутки. С ранним утром пробуждались местные торговцы, лилась темпераментная испанская речь. Потом были уроки, позже игры. Жизнь в Бильбао не затихала до позднего вечера.

Уже тогда Валера проникся сочным колоритом испанской музыки. Танцевать он умел и до приезда в Испанию. Татьяна Харламова вспомнила, что свой первый приз за танцы Валера получил еще на новогодней елке в Колонном зале Дома союзов, билеты в который детям достала их родная тетя Ирина. Явный музыкальный и особенно танцевальный талант Харламова дружно отмечали все, кто его знал.

В Испании Валера и Таня иногда шалили. Надо же такому случиться, что в те дни, когда семья Харламовых была в Бильбао, там на несколько часов выпал снег. Редчайшее для этих мест явление. Тогда вся окрестная улица узнала, как могут заводиться русские дети, темпераментом ничуть не уступавшие испанским сверстникам. Брат и сестра Харламовы вырыли ямы в сугробах, положили на них листки бумаги и присыпали снежком. Сами быстро побежали на балкон и смотрели, как идущие по улице испанцы проваливаются в ямки.

Классный руководитель Валеры в школе Бильбао, учитель математики, сразу невзлюбил неуступчивого и правдолюбивого мальчишку из Страны Советов. А возненавидел, когда между ними на уроке возник религиозный спор, после которого в классе воцарилась гнетущая тишина. Маленький Валера никак не мог понять и принять, почему все жители городка должны в

воскресенье идти на службу в церковь. Ведь такого не было в его родной и любимой Москве. Не этому учил его папа, который был непререкаемым авторитетом в жизни. Валера с детства, конечно, видел, как много церквей в златоглавой Москве: купола их радовали глаз и озаряли древний город. Но он воспринимал их как памятники культуры, как музеи. А так чтобы молиться и креститься?! Когда учитель спросил у Валеры, верит ли он в Бога, тот, не колеблясь, ответил: нет. И объяснил это очень просто: тем, что Бога нет. Приподнявшись со стула, учитель подошел к мальчишке и, еле сдерживая гнев, спросил, откуда у него такие сведения. И тут Валера ответил предельно просто: «Папа сказал». К счастью и для Валеры, и для педагога, их общение было недолгим и закончилось спустя несколько месяцев.

«Однажды Валера пришел домой с красными от ударов указкой кистями. Оказалось, учитель ударил его за то, что Валера отказался молиться перед занятиями, как это было принято в школе. Ох и устроила мама этому учителю и руководству школы. Высказала им всё, что о них думает, и сказала эмоционально, так, как умела: “Отправляйте всех, куда хотите. Моего ребенка не смейте трогать!” С тех пор Валера не молился и не ходил в церковь. Я за него всё делала, а он с дедушкой на машине катался», — с улыбкой вспоминала в беседе Татьяна Харламова.

По мере того как малыши привыкали к местным обычаям и полностью освоились в общении со сверстниками, Бегоня всё чаще вспоминала о любимом муже и ставшей до боли близкой Москве. Той самой Москве с ее вьюгами и снегами, которая так была непохожа на купающийся в солнечных лучиках Бильбао.

Смотришь на сегодняшних молодых, проводящих ночи в чатах и «стреляющих» эсэмэски по три раза в минуту, и представляешь, как жили бы они во времена своих бабушек и мам. Особенно разделенные

расстояниями, как Харламовы. Без мобильного и Интернета. «Какие звонки?! — удивилась Татьяна Харламова в ответ на мой вопрос, как часто родители созванивались друг с другом. — Общались только через письма. В одном из них мама и написала условную фразу. А папа обратился в Красный Крест. Те — в посольство Испании в Москве, а потом уже вышли на нас в Бильбао».

Решение Бегони вернуться в Советский Союз не стало сюрпризом для ее родных. Хотя мама будущей мировой знаменитости всё еще сомневалась, когда именно стоит возвращаться в Москву. И тут случился эпизод, который расставил всё по своим местам.

Синьору Харламову пригласили на местную радиостанцию выступить в передаче, посвященной жизни испанцев, «детей России». Европа уже полностью оправилась от ран Второй мировой войны, стал забываться или «ретушироваться» образ советского воина-освободителя. Советский Союз рисовался в самых черных тонах, особенно в Испании, где на долгие годы воцарился режим диктатора Франко.

Здесь уместно отметить, что хотя в 1947 году Испания была объявлена королевством, престол оставался незанятым при своеобразном регентстве (исполнении обязанностей в отсутствие монарха) «каудильо» (предводителя) Франсиско Франко. И хотя после политической изоляции Испании в начале 1950-х годов последовала череда ее признаний государствами мирового сообщества, внутри самой страны ничего не менялось. Диктатура Франко базировалась на четырех понятиях. Во-первых, на экономике, контролируемой преимущественно военными. Во-вторых, на автаркии — экономике, ориентированной вовнутрь, на саму себя, без развития связей с другими странами. В-третьих, на корпоративизме, который при фашистах потерял свой базовый смысл и слился с крайним государственным

национализмом. В-четвертых, на идее социальной гармонизации. С середины 1950-х годов, когда Харламовы приехали в Испанию, уже началось «испанское экономическое чудо», выведшее одну из беднейших стран Европы на уровень вполне развитой европейской страны. Однако внутри самой страны усиливались репрессии. Объектом ненависти франкистского режима в числе прочих были коммунисты и социалисты, лишенные какого-либо политического голоса и «преданные анафеме» в средствах массовой информации.

Этот историко-политологический экскурс важен для понимания того, в каких условиях предстояло выступать матери Харламова. Впрочем, поначалу ничто не предвещало подвоха. Те, кто приглашал ее на радио, были предельно любезны. Ведь она — одна из первых, кто вернулся на родину после почти двадцати лет пребывания на чужбине. А там оставались еще сотни и сотни испанцев, родственники которых в том же Бильбао жадно ловили любую весточку о них. Придите в студию, синьора Харламова, расскажите, что да как. Бегоня сразу же согласилась. Тем более знала, что к приемникам в этот час прильнет и стар и млад, не только те, чьи родственники живут в Советском Союзе, но и те, кому любопытна жизнь в далекой Стране Советов.

Она расположилась в студии, отхлебнула водички, любезно предложенной обходительным ведущим. Жаль, что не услышат подруги и Борис. Но что это? Вместе со стаканом воды ей поднесли какой-то листок. «Зачитайте в эфире этот текст», — учтиво попросил ведущий. До эфира оставалось несколько минут. Едва начав читать текст, напечатанный на бумаге, Бегоня обомлела. Ей предлагалось сообщить слушателям, как плохо живется всем, в том числе и испанцам, при советской власти. Как мало в Стране Советов продуктов

и какие лишения испытывала она все эти годы, только и ожидая любой возможности вернуться домой.

Темпераментная Бегоня, не дочитав текст, кинула листок на стол рядом с микрофоном и заявила: «Я этой лжи читать не буду». Несмотря на уговоры ведущего, она моментально покинула студию. Обещанная передача не состоялась. В эфире в урочный час играла музыка. Вернувшись домой, обняла детишек и сказала родным: «Мы едем домой!»

Впрочем, с решением дочери были не согласны ее родители, которые успели полюбить непоседливых внуков из снежной России. «Мы с Валерой подслушали, что нас в ночь перед отъездом дедушка хочет спрятать. Сказали маме. И переночевали у нее в спальне, хотя это и не принято, опасаясь каждого шороха. А утром уже уехали в Париж. Остановились у маминых родственников. Оттуда через месяц, пока Красный Крест оформлял документы, поездом поехали домой», — вспоминала Татьяна Харламова.

Валера был рад, что снова вернется к отцу, деду, по которым так сильно скучал. Что увидит своих друзей. Что наконец-то выйдет на родную дворовую коробку, где было забито столько голов и заброшено столько шайб... Чуть позже, уже в Москве, он скажет своим друзьям о том, что в Испании не знают, что такое хоккей, и поклоняются футболу. На одной из игр местного «Атлетика», на которой он побывал вместе с дедом, его поразили болельщики, поющие гимн в честь любимой команды, размахивающие флагами и гудящие в трещотки. Особенно впечатлили сиденья на трибунах, отдельные кресла, на которые можно было подложить подушки. Через каких-то полтора десятилетия эту атмосферу фанатичного боления он ощутит, приехав в Канаду.

Больше испанских дедушку и бабушку Валерий никогда не увидит. Дед Бенито умрет в 1968 году, а

бабушка — в начале 1981 года. Первыми о смерти дедушки Бенито узнают внуки: ведь письмо придет, когда мамы не будет дома. «Мы как раз собирались на встречу выпускников в нашей школе номер 642. Вдруг приносят эту трагическую весточку. В заказном письме была статья о смерти деда из местной газеты. Похороны уже прошли, но от этого было не легче. Мы с Валеркой испугались, не зная, как сказать об этом маме», — вспоминала Татьяна Харламова.

А пока... «Папа, представляешь, у них нет льда и хоккейных коробок», — сказал Валера своему улыбающемуся отцу. На вокзале в Москве их встречал дедушка Сережа. За год он сильно поседел, осунулся. Так волновался, что выехал в день встречи из дома на целых три с лишним часа раньше прихода поезда. Перепутал даже вокзалы. Поехал на Курский вокзал, а не на Киевский. Увидев невестку и внуков, чуть не расплакался. Всю дорогу любовался детьми и заметил, что они сильно загорели под теплым и приветливым испанским солнцем.

Особых увлечений и хобби, кроме спорта, у Валеры не было. Как почти все мальчишки той поры, возвращался из школы, обедал, делал уроки и мигом во двор. Правда, уже в зрелом возрасте признался, что иногда «малевал» краской по бумаге, но художником так и не стал. «Я ведь в детстве мастак был рисовать. Особенно когда в больнице лежал и потом в санатории долечивался. Чего только не рисовал! Родители придут меня проведать, а я с ними сестре целую пачку рисунков отправляю. Мама все надеялась, что, может быть, из меня еще один Пабло Пикассо выйдет. Но вышел хоккеист», — признавался Харламов журналисту Владимиру Дворцову.

А в больнице он оказался, когда в марте 1961 года заболел ангиной. Болезнь дала сильнейшие

осложнения. У него временно отнялись правая рука и нога. «Скорая» отвезла его в детскую Морозовскую больницу. В ней он пролежал несколько недель, а затем целых три месяца восстанавливался в санатории в Красной Пахре. После этого был прикреплен для постоянного наблюдения в Морозовскую больницу.

Проблемы со здоровьем оказались очень серьезными. Речь шла о том, что он может остаться инвалидом на всю жизнь. У мальчика был обнаружен порок сердца. «Здоровье у мальчика крайне ослабленное. Остерегайтесь простуд, и ни в коем случае ему нельзя заниматься спортом», — сказал врач Борису Сергеевичу при выписке.

Врачи ввели крайне жесткие ограничения. Харламова не брали в пионерский лагерь, в школе он был освобожден от занятий физкультурой, от подъема и переноски тяжестей. Врачи запретили ему любые подвижные игры и даже школьные походы. Конечно же, о том, чтобы бегать, плавать и вообще заниматься спортом, речи не шло. Эту грустную новость рассказал отец сыну, когда Харламовы приехали домой. «Тебе ни в коем случае нельзя играть в футбол, а уж тем более в хоккей. Понял, Валера?» — Борис Сергеевич впервые так жестко говорил с сыном. Валера, потупив взор, кивнул. А в глазах читалась такая грусть...

Кстати, врачи тогда сказали, что Валере с его заболеванием нельзя находиться в коммунальной квартире, где с утра до вечера шумно. Нужно жить отдельно. «Тогда мама, которая делала всё ради детей, подняла всю испанскую общественность в Москве. Чтобы у него были лекарства, лучшая больница. Испанская община обратилась в Красный Крест. И они добились того, чтобы в администрации завода маме выделили двухкомнатную квартиру в Угловом переулке», — вспоминала Татьяна Харламова.

Начались постоянные поездки по врачам. Практически раз в месяц. «Не лучше, но хорошо уже, что не хуже. Предписания мои выполняете, спортом он не занимается?» — спросил однажды врач. «Конечно же не занимается», — заверил Борис Сергеевич.

Сначала действительно Харламов-старший не знал, что, когда он работает на заводе, сын его, как угорелый, носится со сверстниками во дворе. Играет и в хоккей, и в футбол. Потом понял, но промолчал. «Вначале после больницы Валера катался украдкой, делая всё, чтобы не узнала мать или отец. Ему казалось, что он дьявольски хитер и осторожен. Но отец знал об обмане. Знал и делал вид, что не догадывается. Потому что в глубине души не верил, не хотел верить, что Валерке и впрямь нельзя было побегать с клюшкой в руках. Так бы и играли они в молчаливые кошки-мышки, если бы отец однажды не сказал: “Я тебе коньки наточил”», — писал Владимир Дворцов.

Между отцом и сыном установились особо доверительные отношения. Борис Сергеевич уделял Валерику, как он его называл, практически всё свободное время. «У нас с сыном отношения были товарищеские — ничего мы друг от друга не скрывали. Я-то болельщик, ни одной игры не пропускал, знал всех друзей Валерия, всех игроков, с которыми он играл, еще с юношеских команд. Мой интерес к его спортивной жизни понятен и без объяснений. Но вот что меня особенно радовало: и Валерия мои заводские дела интересовали, всегда, бывало, спросит: как там у тебя и что... К друзьям моим относился со всем расположением», — вспоминал отец хоккеиста.³

Надо сказать, что родителей своих Валерий боготворил. «Валерий нигде так хорошо, спокойно себя не чувствовал, как в родительском доме. Здесь он всегда отдыхал душой», — признавался Борис Сергеевич. На все праздники, не только семейные,

Валера обязательно делал родителям подарки, не говоря уже о многочисленных сувенирах, которые он позже, начав играть за сборную СССР, привозил родным из-за границы. Когда шел в гости в родительский дом, покупал маме обожаемые ею красные гвоздики. «К матери он относился очень уважительно, больше всего боялся огорчить ее чем-нибудь. Знал: она за него волнуется так, что и давление, случалось, подскочит. И всегда, если задерживался; где бы там ни был, никогда не забывал позвонить, предупредить, успокоить...»

В этой семье, где родители искренне любили друг друга, больше всего ценились простые человеческие качества: честность, порядочность, бескорыстие, трудолюбие, уважение к ближнему. «Я его ни разу пальцем не тронул, голоса не повысил. Мы с женой считали, что всё должно быть на доверии построено. Присматривали, понятно, со стороны, но не понукали», — вспоминал Борис Сергеевич.

«Отношения Валеры с мамой были трепетные. Он мать очень уважал и преклонялся перед ней. В нем ее испанская чувствовалась натура. Гены передались по наследству. Темперамент взрывной был. Вспомните хотя бы его движения на льду. Он мог неожиданно взрываться. Не боялся никого и ничего. Игры с канадцами его только подстегивали — вот где проявляется: ты мужик или нет, — рассказывал друг Валерия Харламова Михаил Туманов, добавляя, что Валерий был отходчивым и мягким человеком. — Он никогда не грубил, не ругался. Никогда!»

«Он очень любил маму, которая говорила немножко с акцентом: “Валерик, Валерик, перестан, перестан”. Валера по-испански особо не говорил, Таня, сестра, очень хорошо говорила по-испански. А папа, дядя Боря, был простой, как жизнь. Мы с ним иногда могли махнуть по рюмочке, встречались всегда на матчах, мне иногда удавалось в автобус им передать чуть-чуть

сухой паек, — вспоминал в беседе с автором друг хоккеиста Владимир Винокур. — От отца он взял коммуникабельность простого человека, отец был не светский мужик, а мама была очаровательная испанская женщина, красавица. Мамины черты у него были, он и внешне был на нее очень похож. И испанская грусть была у Валеры в глазах. Я знаю, что испанцы в те времена с удовольствием заполучили бы такого своего земляка, но наши говорили, что советские офицеры не продаются».

Бегоня прекрасно пела и танцевала. Даже будучи в зрелом возрасте, могла перетанцевать любого. «Мама Валерия была святая женщина, человек исключительной тактичности и доброты, которая передалась детям, — признавался Георгий Хитаров, который близко познакомился с семьей Харламовых в 1979 году. — После ужина и застолья обычно танцевали или пели песни, да так, что заслушивался весь двор. Ее коронным номером было “Бесаме мучо”. Такого пронзительного исполнения этой народной песни я больше никогда не слышал в жизни».

Друзья Валерия, когда он приглашал их на какие-нибудь торжественные мероприятия, первым делом интересовались, будут ли там его родители. Так легко и радостно было общаться с ними. Мама хоккеиста вспоминала: «Товарищи Валеры и нас с дедом (так Бегоня звала мужа. — *М. М.*) всегда в гости приглашали. И веселились мы обычно от души — чего только не придумывали. Однажды Борис Михайлов решил показать, как надо отбивать чечетку. Залез на табуретку и только начал, как свалился вместе с ней. Тогда я им, этим молодцам, показала, как танцуют у нас в Испании, и табуретка даже не шелохнулась».

С теплотой вспоминал о маме Валерия Харламова и друг его детства Владимир Богомолов, который в начале 1960-х годов был частым гостем в этом

хлебосольном доме. «Семья у Валеры была прекрасная, об этом много написано. Мама Бегоня и дядя Боря, Борис Сергеевич, были добрые, искренние люди. Таким вырастили и сына. Бегонита, тетя Бегоня, — была женщина очень правильная, воспитанная, как все католические люди, очень требовательная была. Детей любила — и Таню, и Валерку. Она его всегда защищала; даже если он что-то сделает, она скажет: “Всё равно мой сын — самый лучший”. Она была очень гостеприимная, в доме всегда был накрыт стол, без вина, но поесть всегда предлагали. Очень добрая, очень справедливая была женщина. Притом с сильным характером. Если Бегоня чувствовала фальшь, сразу могла сказать — нет, ты не прав. Испанцы, которые жили в Москве, были очень дружны. У них было небольшое землячество, и они всегда собирались у Бегони, пели по-испански, разговаривали только по-испански, пили красное вино. Мы там присутствовали, но ничего не понимали. Баски — это очень сильная кровь. Когда я уже стал взрослым, поехал с командой в Испанию, попал в Страну Басков, Басконию, и там увидел, какие они крепкие, очень уважающие себя и непримиримые к фальши и обману люди. Такие ребята могут быть настоящими бойцами. Очевидно, это тоже сыграло значительную роль в формировании характера Валерки. Он был мальчик невысокого роста, но в плане физических возможностей был не слабее других».

«Уже когда он заиграл в ЦСКА и купил машину, очень любил приходить на испанские посиделки у мамы. Если ее подруги не оставались у нас, то развозил их по ночной Москве на машине. Включит испанскую музыку в салоне — подружки мамы счастливы. Валера такой был с детства — доставлял счастье и радость людям. Умел и любил это делать», — рассказывала Татьяна Харламова.

«Мы с Валерой были знакомы с юности. Это был очень порядочный, трудолюбивый, безумно уважавший старших парень. Уже в те юношеские годы бросалось в глаза то, как сильно любит он свою семью, родителей. Это о чем говорит? О том, что человек очень порядочный. В 17-18 лет родители, как правило, были на втором плане. Для него же всегда семья была на первом месте. Он очень трогательно относился к своей сестре Танечке — это было одно целое, единое. Мамочку обожал и всех родных. Был очень добрым человеком», — вспоминала супруга известного хоккеиста ЦСКА и сборной СССР Юрия Блинова Татьяна Семеновна.

По словам Михаила Туманова, именно в доме Бегони собирались ее подружки-испанки, которые вместе с ней были эвакуированы с родины перед войной. «Среди них были Мария, Селия. Обе жили в Черемушках, но приезжали раз в неделю к Харламовым на северо-запад Москвы. Во время каждой встречи они пили ароматнейший кофе, который с наслаждением готовили в турках. Закусывали вкусным шоколадом, которым угощали нас. Когда времени было побольше, готовили свое фирменное испанское блюдо — рис с кроликом. Пальчики оближешь. И, разумеется, пели, пели, пели песни на испанском. Все замирали, Бегоня начинала, а подружки подхватывали».

Мама учила сына всегда помогать людям. «Сынок, разве ты не видишь, что женщине тяжело нести сумку?! Помоги ей...» — говорила она сыну. «Не отсюда ли начиналось то постоянное стремление Валерия помочь каждому — другу, партнеру, просто человеку, встретившемуся на его жизненном пути, — нести его ношу. Особенно если она, эта ноша, была тяжелой», — задавался вопросом обозреватель «Советского спорта» Дмитрий Рыжков.[4](#)

Учила она его, несмотря на любые жизненные обстоятельства, оставаться благородным человеком. В семье Харламовых дети с детства знали цену трудовой копейке. Однажды мама пришла с работы и сказала, что на две пары ботинок детям денег не хватит: «Решайте, кому из вас ботинки нужнее». Ответ порадовал материнское сердце. Валера сказал: «Конечно Тане! Она же девочка. Должна быть красивой». Таня возразила: «Конечно Валерке! У него от футбола ботинки совсем развалились. А я еще в старых могу походить».

Так же дружно стояли они друг за друга, когда решали, кому устраиваться на работу, чтобы приносить деньги в семью. Татьяна сказала, что это сделает она: пусть Валера учится и играет в хоккей. На что Валера резко возразил: «Деньги в дом должен приносить мужчина. Работать пойду я, а Татьяна пусть продолжает учиться».

Мама на хоккей почти не ходила. В свое время, когда Валера только начинал, сходила, да воспротивилось материнское сердце. «Играли они на открытой площадке, — вспоминала Бегоня Харламова в 1984 году. — Вокруг бортов такие снежные валы, а на них люди стоят, смотрят. Взобралась туда и я. Вдруг вижу, как несколько игроков столкнулись и упали. Потом все поднялись, а Валера лежит. Перенести это я не могла. Перелезла через борт и — к этому человеку со свистком: “Судья, куда вы смотрите?! Ребенок лежит...” Остальное можете представить себе сами. Вот с тех пор я на хоккей почти и не ходила...»⁵

«А вы знаете, после чего мама перестала ходить на хоккей?» — спрашивает меня Татьяна Харламова, сестра хоккеиста. И когда я в ответ пожимаю плечами, отвечает: «Когда Валера только начинал, она пошла на хоккей. Папа сразу сказал, что с ней, темпераментной женщиной, сидеть рядом не будет. Мама села в сектор

болельщиков другой команды. И чуть не подралась с болельщиками, которые кричали грубости в адрес ЦСКА. Маму забрали в милицию в “Лужниках”, приняв ее за цыганку-скандалистку, и отпустили только после того, как за ней пришел Валера. С тех пор ходить на хоккей она не любила».

Действительно, Бегоня не ходила на матчи, даже когда ее сын стал звездой и его игрой наслаждалась вся страна. Всегда смотрела хоккей по телевизору, на котором у нее стояла иконка святой Бетониты. «Она сидела у телевизора, сильно переживала, держа кукиши за Валеру. И как только матч заканчивается — сразу к окну ждет, когда приедет на ужин Валера».

Отец — Борис Сергеевич, или дядя Боря, как называли его все знакомые Харламова, — стал для Валеры и наставником, и лучшим другом. Все, с кем довелось общаться в процессе подготовки этой книги, вспоминали о Борисе Сергеевиче Харламове с особой теплотой.

«Дядя Боря был очень добрый, настоящий русский человек. Беззаветно любил сына, отдавал ему все свое свободное время. Он был сам спортсменом. То, что он был все время с нами, вызывало неподдельное, сыновнее уважение. У меня отца не было с войны, и я, как мальчишка, тянулся к более старшим людям, потому что это была какая-то опора в жизни. У дяди Бори всегда чему-то можно было научиться. Для меня он был близким человеком. Всегда добрый, всегда говорил: “Валерик, Валерик, ну что ты там?” Практически не помню, чтобы он разбирал какие-то моменты и говорил: “Ты там не отдал кому-то” и прочее. Наоборот, подходил и говорил: “Дело ваше, ребята, разбирайтесь сами на поле, вы всё умеете”. Но было видно, что в душе сильно переживал», — вспоминал Владимир Богомолов.

«Борис Сергеевич был неизменным зрителем и матчей, сыгранных Валерой в Москве, и очень многих тренировок, всегда провожал сына в хоккейные полеты по белу свету и всегда встречал — и не одного его, а всю команду. Человек очень скромный, тихий, предпочитающий слушать, а не говорить (эти его качества в полной мере были унаследованы Валерием), он, однако, весьма здраво судил о хоккее, и для меня было интересным его мнение, — писал Анатолий Тарасов в статье для посмертного сборника статей «Три скорости Валерия Харламова». — Десятилетия простоявшие у станка, мама работала токарем, а отец — слесарем, они ценили в Валере не столько то, что он трудом и талантом своим достиг огромного успеха, уважения всех без исключения товарищей, всемирной славы, сколько то, каким нежным и любящим сыном он был, верным мужем, заботливым отцом. Они не просто вырастили сына, они все отпущенные ему 33 года жили его интересами, он был для них и смыслом существования, и гордостью, и счастьем».

«Цену труда он познал рано, в семье. На примере своих родителей-тружеников. И не случайно отец его, Борис Сергеевич, узнав как-то, что Валерий пропустил тренировку в детской команде, сказал сыну: “Делом либо следует заниматься всерьез, либо не заниматься вовсе... тем более в команде, где ты можешь подвести других. На тренировках, да и вне их”», — вспоминал Борис Кулагин.[6](#)

В этой счастливой семье и родители, и дети были связаны глубокой и нежной привязанностью друг к другу.

«У него были просто изумительные родители. Изумительные! — вспоминал в беседе первый тренер Валерия Харламова Виталий Ерфилов. — Мы настолько подружились с Борисом и Бегоней, что часто они приглашали меня к себе домой. Дом Харламовых всегда

был хлебосольный. Еда в нем была простая, обыкновенная. Бегоня часто говорила: “Что ты в дверях стоишь? Да заходи, и всё...” Она испанка, была такая импульсивная. К Харламовым можно было прийти в любое время. Вспоминается один эпизод, связанный с этим. Однажды мы встретились после тренировки. Тренер Тазов, я, папа Боря. Он говорит: “Пошли ко мне!” Мы кое-что с собой берем, приходим, Бегоня лежит на диване. Говорит: “Ребята, меня радикулит разбил, я подняться не могу, вы уж сами себе что-нибудь придумайте”. Какая женщина бы такое сказала, когда три мужика приходят, как говорится, по пять капель добавить. Да просто выгнала бы, сказала: “Уйдите, я больная, чтобы духу здесь никого не было”. А в этой семье гостеприимство было святым делом, несмотря на хвори и болезни. Вот вам отношение к людям. Человек, будучи больным, извинился, что не может поухаживать за нами. В таком предельном гостеприимном, корректном, доброжелательном отношении к людям и воспитывался Валера. А испанская кровь повлияла и на его темперамент, на чувство юмора, на его отношение к жизни».

«Валера был настоящий друг, каких бывает мало в жизни. Позитивный, веселый с детства. Подружились мы сразу, как я пришел в армейский клуб. Мне тогда было 15 лет, Валера был на год старше. Я никогда не видел, чтобы он на жизнь смотрел как-то уныло и невесело. И не видел ни разу, чтобы ему было грустно. Наверное, в нем это было от испанских генов, — рассказывал Владимир Лутченко, которого Валерий Харламов называл одним из самых близких своих друзей. — Я ездил в ЦСКА из подмосковного Раменского в 64-65-х годах, когда начал вместе с ним играть за юношей. Тогда тренировки начинались поздно и могли закончиться в час ночи. Валера в этом случае всегда звал меня к себе, говорил: “Перестань, куда ты поедешь

в Раменское, поздно уже”. Вот так я иногда у них останавливался, и меня всегда встречали как родного и дядя Боря, и тетя Бегоня».

Валера, по воспоминаниям людей, знавших его в детстве, был красивым парнем с запоминающейся внешностью. Черноволосый, с пронзительным взглядом, он выделялся среди сверстников. Еще в школе начал стильно, как сказали бы сейчас, одеваться; любил черную водолазку, которая подходила к его жгучего цвета волосам. Водолазки особенно подходят парням со спортивной фигурой, и на Валере она смотрелась здорово. В него нельзя было не влюбиться — вспоминали те, кто учился с ним в школе или преподавал ему.

Детство Харламова прошло в районе Ленинградского проспекта, недалеко от Дворца спорта ЦСКА, и именно это обстоятельство, по его же словам, во многом повлияло на выбор спортивного пути. Когда ему исполнилось 14 лет, он решил попробовать свои силы уже не в дворовом, а в «серьезном» хоккее.

Глава 2 НА ХОККЕЙ ТАЙКОМ ОТ МАМЫ

Хоккей в начале 1960-х годов набирал стремительную популярность в стране, где еще недавно безраздельно властвовал футбол. Мальчишки шли гурьбой записываться в хоккейные секции. Рискнул и Валера, к тому времени закалившийся в дворовых ледовых схватках.

Ситуация в тот судьбоносный для него день, по словам самого Валерия Харламова, развивалась следующим образом. В ЦСКА он попал благодаря своим дворовым друзьям. В 1962 году, когда ему исполнилось уже 14 лет, один из друзей, что был на год младше, предложил ему на следующий день пойти на просмотр в хоккейную школу ЦСКА. Она находилась почти рядом с их домом на Ленинградском проспекте.

«Да зачем, стоит ли?» — спросил Харламов. «Ты что, Валер, там форму настоящую дают. — Товарищ выдержал паузу: — Правда, не всем, надо еще тренерам понравиться». — «Как это понравиться?» — «Ну, покататься там с шайбой по льду. Короче, надо произвести впечатление». — «Ладно, — ответил Валера. — Уговорил. Завтра пойдем».

Вернувшись с прогулки во дворе домой, он не рассказал о предстоящем просмотре отцу. «Папа, как обычно, наточил Валерке коньки в этот день, но не знал о том, что тот идет на просмотр. Узнал только через два месяца, когда Валера привел домой и, хитро улыбнувшись, сказал: “Папа, там тебя майор вызывает”. Папа развел руками: “Опять в милицию? Опять окно разбил?” Тогда Валера ответил: “Да нет. Тренер-майор.

Я в хоккейной школе ЦСКА занимаюсь, в секции"», — улыбаясь, вспоминала Татьяна Харламова.

А тогда утром ватага пацанов, около двадцати человек, направилась в армейский Дворец спорта. «Там в тот день играли юнцы чуть постарше нас, а после игры был выделен час времени для набора. Часа хватило: ажиотажа такого, как сейчас, не было. Не спрашивали с такой строгостью, как ныне, и метрики или справку о здоровье», — вспоминал Харламов. Просматривал дворовых хоккеистов в этот день Борис Павлович Кулагин, будущий ангел-хранитель Харламова и главный тренер сборной СССР по хоккею.

Стеснялись и волновались «дворовые» страшно. Наконец настала их очередь выходить на лед, и ребята с Ленинградки прокатились по полтора круга каждый. Харламов выходил на лед последним, когда свои «сольные номера» с клюшкой уже откатали его товарищи по двору.

«Вышел на лед, смотрю, стоит Кулагин, хмурый такой, сосредоточенный. Уже потом я узнал, что долго никого отобрать в тот раз не мог. Оттого, наверное, и был хмурый. Ну, подошла моя очередь, я поехал. Тут я уж точно ни о чем не думал, кроме того, чтобы и скорость показать, и владение коньками. Прокатился круг, смотрю на Бориса Павловича, а он — на меня», — признавался Харламов журналистам Владимиру Дворцову и Зино Юрьеву.

Неожиданно Кулагин подъехал от центра площадки, где находился все это время, к бортику. Приблизившись к Валере, спросил у того фамилию, а затем год рождения. «Неужели возьмут?» — промелькнуло в голове у будущей мировой знаменитости. И тогда Валера, нарушив отцовский завет — никогда не врать, сказал Кулагину, что ему всего 13 лет, а не 14, как было на самом деле. «Хорошо, что хватило ума не сказать, что мне 10 лет», — с

присущим ему юмором вспоминал потом Валерий Харламов.

А дальше произошло чудо. Самого невысокого из мальчишек, щупловатого Валерку, единственного из гурьбы пацанов с Ленинградки, взяли в армейскую детско-юношескую хоккейную школу. Позже он сам неоднократно признавался журналистам, что пошел со своими товарищами на просмотр, что называется, за компанию. Потому особо не волновался. Не возьмут, так не возьмут, чего убиваться и тратить нервы, как его приятели, по дороге то и дело щебетавшие о «требовательности и придирчивости» тренеров. Тем более уже на месте выяснилось, что отбор проводится для мальчишек не 1948-го, как у Харламова, а 1949 года рождения. И для того, чтобы быть зачисленным в армейскую школу, ему не просто нужно было откататься на «отлично». Но и соврать, что ему не 14 лет.

Кстати, как признавался автору этих строк известный отечественный тренер Владимир Юрзинов, Борис Кулагин до конца своих дней гордился тем, что именно он открыл Харламова. «Харламов — игрок кулагинский, а не Тарасова. Кулагин гордился этим до самой смерти. И Валера знал это».

Именно Борис Кулагин увидел в Валере те самые задатки, ростки таланта, которые сделают его мастером. Кулагин привил Харламову, что главное в хоккее — это неустанный труд, научил его трудолюбию и умению переносить нагрузки. Как отмечал сам Харламов, Борис Павлович умел подойти к каждому игроку индивидуально, тонко учитывал особенности характера спортсмена.

«Борис Павлович не раз напоминал мне, что хоккей — это не только сбор урожая, что, конечно, само по себе тоже требует немало сил, но и посадка, уход за будущим урожаем. Он объяснил мне постепенно, что

любовь к хоккею — главное условие будущих успехов, но вместе с тем нужны и другие качества — прежде всего трудолюбие. Вдохновение закреплено соленым потом, максимальной самоотдачей хоккеиста. Нужно научиться во многом себе отказывать, не поддаваться слабостям, искушениям, согласиться на добровольное самоограничение — большой спорт снисхождения не знает и поблажек не дает никому, — писал Валерий Харламов в автобиографии. — Сегодня у твоего школьного друга день рождения, отказаться прийти нельзя — не в том дело, что неприлично, а в том, что тебе и самому хочется увидеть друзей, тебя, ты знаешь, ждут. Дружба и спорт не должны исключать друг друга, но если ты пришел в гости, то заставь себя отказаться от второй рюмки, от лишнего часа пребывания в приятной и интересной тебе компании. Не потому, что ты боишься тренера — Тарасова или меня, а потому, что завтра трудная тренировка и ты почувствуешь сам все излишества проведенного накануне вечера».

До 1961 года в структуре хоккейного клуба ЦСКА было три команды — взрослая, юноши и младшие юноши. И вот в 1961-м Анатолий Тарасов принял решение создать первую детскую спортивную школу и набрать к этим трем командам дополнительно еще четыре подготовительные команды младших возрастов. Как раз в одну из них, «группу тренера Ерфилова», и зачислили Валеру Харламова.

Смог бы сегодня быть принятым в детскую хоккейную школу в ЦСКА четырнадцатилетний Валерий Харламов с учетом всех его обстоятельств? Об этом хорошо говорится в книге преподавателя Высшей школы тренеров С. Е. Павлова. «А кто-нибудь считал, сколько шестнадцатилетних хоккеистов ежегодно “отчисляется” уже из самого хоккея только по причине окончания хоккейной школы? Тот же Харламов (и из впоследствии великих — не только он) в этом возрасте

еще только учился играть в хоккей! Впрочем, будь он, как и все другие (кстати, те, кто “рулит” сегодня российским хоккеем), в те времена поставлен в нынешние условия — не было бы их никого в хоккее! В 14-15 лет сегодня в хоккей с “улицы” попасть невозможно, взяточника-тренера отец Харламова послал бы по-мужицки, куда положено, а если бы первого и второго не случилось, отстегнули бы Валерия сразу после выпуска из школы — за негабаритность!» — делал вывод Павлов.⁷

Виталий Георгиевич Ерфилов — первый тренер Валерия Харламова. Он единственный из ныне живущих специалистов, кто помнит появление одаренного мальчишки в армейском клубе. Ерфилов в молодости сам играл в футбол, в хоккей, окончил институт физкультуры, стал тренером, начал работать с детьми. Именно он открыл таланты не только Харламова, но и армейцев Владимира Лутченко, Владислава Третьяка, а также будущих игроков «Крыльев Советов» Юрия Лебедева, Вячеслава Анисина, Александра Бодунова. Более того, впоследствии успел потренировать команду кирово-чепецкой «Олимпии», где начинал свою выдающуюся хоккейную карьеру друг Харламова Александр Мальцев. Именно Ерфилов открыл для отечественного хоккея вратаря Владимира Мышкина. Ерфилов подробно рассказал о первых днях появления Харламова в детско-юношеской школе ЦСКА.

Занятия, как правило, полтора-два часа, проводились три раза в неделю — в понедельник, среду и пятницу. Летом занимались атлетизмом, футболом, баскетболом. Ерфилов сразу же предложил мальчишкам первое упражнение: быстро разогнаться, а затем резко затормозить. Справились не все: кто-то, споткнувшись, упал сразу. Кто-то, проехав с десятков метров, пытаясь затормозить, упал на брюхо, да так и прокатился,

носом, «собирая лед», чуть ли не до противоположного борта, смущаясь и стыдясь своей неловкости.

Для Валеры Харламова такое упражнение было не в диковинку. Сколько раз он проделывал такие трюки на Соломенной Сторожке у деда, тормозя на накатанной грузовиками дороге еще на допотопных «гагах», а потом соревнуясь со старшими товарищами у себя во дворе. Разогнался, благо со скоростью у него не было проблем, тормознул так, что из-под коньков заискрила ледяная крошка. И тотчас удостоился похвалы Виталия Ерфилова.

Самое приятное было уже в конце тренировки. Всем пацанам выдали настоящую детскую армейскую форму и, главное, краги и клюшки. Все это снаряжение давали детям при условии, что за них на следующей тренировке в ведомости о получении формы распишутся родители.

«У нас не было никаких ограничений со стороны тренеров в процессе подготовки. Никто нас особенно не учил азам техники. Тренеры давали упражнения, которые мы выполняли. Наше мастерство формировалось в многократном повторении упражнений, так динамически у игрока вырабатывается стереотип. Одно и то же делаешь каждый день два часа, три часа, и у тебя вырабатывается навык. У каждого свой, неповторимый. У меня была своя модель поведения на льду, у Валерки — своя. А, например, у Александра Павловича Рагулина — совершенно иная. Хотя упражнение было одно. Тренеры никаких ограничений не делали», — вспоминал в беседе приятель Харламова Владимир Богомолов.

Но кто сказал, что Харламов и друзья по району ограничивались лишь этими часами, проведенными во время тренировок в детско-юношеской школе ЦСКА? Все остальное время и он, и его приятели проводили на спортивных площадках во дворах, забывая о девчонках.

На первом плане у тех мальчишек был искренний, дворовый, его Величество хоккей, который снился им по ночам.

У этих ребят в голове был хоккей, хоккей, хоккей. У них не возникало мыслей выпить или похулиганить. Все свободное время было посвящено спорту. Летом они играли в футбол либо в уличный баскетбол. Тогда в школах везде были площадки, ребята приходили, собирались, тут же делились на две команды, с двумя капитанами, которые набирали себе состав. Главная задача — обязательно обыграть команду соперника. Иногда это были встречи, не уступающие по накалу дерби ЦСКА — «Спартак».

«Мы жили жизнью простых пацанов, занимающихся спортом. Нас, парней из армейской детской школы, узнавали, говорили с уважением: “Вот пошли спортсмены, хоккеисты”. Хотя и не говорили, что это Харламов, Богомолов. И я, и Валерка благодаря занятиям спортом уж точно преодолели комплекс неполноценности молодежи, когда более старшие ребята могли побить. Я вообще ходил спокойно, с высоко поднятой головой. У нас первенство школы было по хоккею, первенство района было по хоккею, первенство Москвы; даже по Центральному телевидению показывали, когда наша школа № 1164 стала чемпионом Москвы. Это сейчас все время говорят: наркотики, ночные клубы. А тогда был спорт. А когда хоккеисты сборной СССР удачно в 1956 году сразу стали олимпийскими чемпионами, это была фантастика, такого не было никогда. Толчок хоккею в стране был очень сильный», — вспоминал Владимир Богомолов.

«У нас, армейцев, еще с юношей, все были за одного. Команда была дружная. Мы все время фактически проводили вместе. Это не считая того, как сплотились позже в команде мастеров. И в кино вместе ходили, и парад на Красную площадь смотреть вместе

ездили, и в футбол играли. Проводили вместе свободное время. И уже позже в команде мастеров мы все вместе ездили отдыхать в Алушту, в Ялту», — рассказывал Владимир Лутченко.

Тогда ребят, зачисленных в спортшколы, не бросали в «мясорубку» спортивных турниров, едва они освоят хоккейные азы. Мальчики, родившиеся в 1949 году, в чемпионате Москвы в то время еще не играли. Их специально набирали, чтобы они кропотливо подготовились к будущим баталиям. Они участвовали только в товарищеских матчах, познавая азы хоккея. Их, спортивным языком говоря, «натаскивали»: сначала они долго и упорно тренировались, и лишь потом, спустя пару-тройку лет, их плавно подводили к играм на первенство Москвы. Ребята просто были счастливы находиться в одной команде и учились играть в хоккей в двусторонних и товарищеских матчах.

Наш разговор с Виталием Ерфиловым проходил весной 2014 года за чашкой душистого чая в одном из заведений на севере Москвы. Виталий Георгиевич не так давно отметил 75-летие, но был бодр и полон сил. Он сразу же принялся убеждать, что юный Харламов был парень с искрой божьей. Эту «искру» и разглядел в нем Борис Павлович Кулагин, или «Боб», как его называли в хоккейных кругах.

Когда Валерий уже был зачислен в армейскую школу, Виталий Георгиевич принялся учить его азам хоккея. «Когда он пришел в секцию, у меня было ощущение, что его надо обучать. Но когда он немного подрос, я пришел к такому мнению, что его обучать-то особенно и нечему. Потому что все умение в нем было настолько глубоко, генетически интуитивно заложено, что ему говорить, куда двигаться, как пасовать, что делать — лучше бы и не стоило, — с удовольствием вспоминает первые месяцы Харламова в хоккее Виталий Ерфилов. — И когда он подрос немного, когда стал

более-менее знаменитым, меня спросили: “Как на примере Валеры Харламова вырастить выдающегося игрока?” Я ответил: “Надо найти талантливую парнишку и не мешать ему развиваться”».

«Дело в том, что его манера катания, его манера движения, его координация были неизмеримо выше в сравнении с остальными сверстниками, — продолжал Ерфилов. — И движение, и его амплитуда, и направление атаки складывались вместе в удивительное сочетание. Прибавьте к этому большой азарт: он выезжал в атаку и уже знал, что надо сделать с этими, простите за выражение, “погаными” защитниками. Если они выпрямились, он просто проезжал мимо них. Если они все собрались, он их раскачивал из стороны в сторону и потом проскакивал между ними. Он понимал изнутри эту игру».

— Александр Гусев говорил мне, что защитников в советском хоккее всегда учили смотреть нападающему в глаза. Так чему же все-таки обучали будущих снайперов?

— В первую очередь учили кататься. Менять направление, использовать все технические приемы перебежек, виражей, улиток, тактике особо не учили. Не учили, что ему в данный момент надо было сделать, — признался Виталий Ерфилов.

В разговоре мы неизбежно пришли к тому, почему в отечественном хоккее 1960-1980-х годов было столько самородков. Фирсов, Альметов, Мальцев, Харламов, Фетисов, Крутов и далее, как говорится, целая хоккейная планета с уникальными звездами. А ларчик, оказывается, открывался просто.

Появлению таких самородков благоприятствовали дворы с маленькими уютными площадками, где с утра до ночи проводились игры. Игры, где никто не поругает тебя за только что сделанный финт, никто не посадит на лавку. Где остудить тебя может только невероятный

мороз, лютый мороз в 35 градусов, при котором, например, играл с дворовыми друзьями Саша Мальцев. Вот и тренер Ерфилов раскрыл до простого удивительный рецепт таланта своих ребят, ставших «золотыми чемпионами»: «Каждый из них был уникальный человек, который до того, как прийти в секцию, уже года три-четыре поиграл во дворе, где научился обманывать, финтить, находить свои сильные стороны. Поэтому учить принципиально их особо не приходилось. Они умели делать на льду уже практически всё. Сравним с нынешними временами. Где эти самые дворовые коробки? В лучшем случае небольшие футбольно-баскетбольные площадки, огороженные забором. Дворы заставлены машинами, ни пройти, ни проехать. Сейчас даже никого ничему не учат. Сейчас подбирают упражнения, сочетания движений, начинают находить свои концепции. Тогда было то же самое, только не надо было ничего делать дополнительно, надо было этих пацанов просто выпускать на лед, бросать им шайбу и говорить: “Ну, покажите всё, на что вы способны, ребятки”. Они тут же заводились, играли. Нужно было смотреть, как тот же Валерка обыгрывает соперников, сам что-то ищет, придумывает, поддерживать и подкреплять их инициативу, энтузиазм».

Но мастерство мастерством, а физически мальчишки развиваются по-разному. Кто-то до пятнадцати лет не может выйти за пределы своих «метр пятьдесят пять», а кто-то поражает басом и щетиной в неполные 16 лет. Как быть, если против тебя в твоей возрастной группе выходит соперник на две головы выше, уже не мальчик и не дитя, а самый настоящий атлет-переросток, который может запросто подавить тебя на льду?

«Сколько помню Валеру по юношеским командам, у него никогда не было боязни чего-то делать. У него была колоссальная интуиция, и он в каждый момент

знал и чувствовал, что ему надо сделать. Особенно на льду. В жизни он был гораздо менее успешен, чем на площадке, — вспоминает Виталий Ерфилов. — Да и за пределами льда он был такой же веселый, задорный, ничего не боявшийся человек. На него трудно было обижаться, настолько все его действия были откровенными, без пафоса. И такой он был везде и всегда».

«С Валерой я впервые познакомился в 1962 году, когда он пришел в ЦСКА и был принят в детско-юношескую школу. Я уже играл до этого в хоккей три сезона. Сначала тренировался в Сокольниках в детской спортивной школе у Бориса Ивановича Афанасьева. На следующий год нас перевели в ЦСКА. И буквально через год-два Валера пришел, маленький, щупленький, но, что бросилось в глаза, — тогда уже очень он техничный был», — вспоминал в беседе олимпийский чемпион Александр Гусев.

По словам защитника ЦСКА и сборной СССР, Харламов очень хорошо катался на коньках. «Мы же все с дворов вышли, а “дворовая” подготовка тогда была будь здоров. На коньках пацаны стояли очень уверенно. Дворовые баталии — ведь дело серьезное. Не обидят, но никто тебя по голове не погладит. В общем, так я впервые его увидел. Он был на год младше меня, у них в команде был главной звездой Саша Смолин. Команда 1947-1948 годов рождения ездила в Киев, выиграла чемпионат СССР по хоккею среди молодежных команд. Так мы впервые оказались в одной молодежной команде. Это был 1965 год», — уточнил Гусев.

«У нас в ЦСКА каждый год выпускались талантливые игроки, которые родились в послевоенные годы. 1946 год рождения — Полупанов, Викулов, Еремин (потом в “Динамо” играл), 47-й — Саша Гусев, 48-й — Валера Харламов, 49-й — Володя Лутченко и я,

50-й — Деев, 51-й — Анисин, Бодунов. Этот список можно долго продолжать», — вспоминал Юрий Блинов.

«Мы жили на Писцовой улице и всё время проводили там. Там же и научились кататься, — рассказывал приятель Харламова, будущий игрок московского „Динамо“ Анатолий Белоножкин. — Пролезешь на стадион, там гоняет компания, и начинаешь в эту игру включаться. В детстве Валера был нормальный пацан. Простой, как все, не скажешь, что будущая легенда хоккея. Всегда старался товарищу помочь. Был безотказный. Шустрый, правда, был очень. Ну что, говорит, писцовские, пойдём, посражаемся, кто кого победит. Его папа, дядя Боря, был нашим хранителем, нашим руководителем, смотрел, чтобы все в порядке было, когда мы дворовые баталии устраивали».

В условленный час мальчишки все вместе собирались на трамвайной остановке и ехали в ЦСКА на Ленинградке.

«Мы постоянно были вместе в свободное время. Валера жил возле метро „Белорусская“ (квартиру в Угловом переулке Харламовы получили в 1964 году. — *М.М.*). Мы в Петровском парке вместе играли. Валерка, Саша Гусев, Богомоллов Володя, Коля Подкопаев, я. Тренеры были довольны, что в свободное время мы не бездельничаем, а спортом занимаемся. Было видно, что незаурядная команда у нас собралась. Хоккей мы беззаветно любили. Через хоккей стремились быть лучше», — продолжал Анатолий Белоножкин.

«У меня был друг, и сейчас жив-здоров, большие надежды подавал как хоккеист. Вместе с ним мы и в футбол играли, и в хоккей за команду „Серп и Молот“, завод такой был раньше. Саша ушел в ЦСКА, поскольку он очень хорошо играл в хоккей. Его зовут Смолин Александр Федорович. Когда Сашу Смолина взяли за 48-й год играть в ЦСКА, я впервые увидел в настоящем деле Валеру. Хотя я замечал его и раньше, когда мы

играли в хоккей против них», — вспоминал в беседе будущий футболист «Торпедо» и ЦСКА Вадим Никонов.

У Харламова, как признался Никонов, уже тогда была персональная болельщица. Легендарная Маша, Машка, о которой знают все поклонники ЦСКА от мала до велика. Маша, чьим легендарным восклицанием всегда было «Ел-па!» (от «Елки-палки!»), начала болеть за армейские команды с года рождения Харламова — 1948-го и не пропускала ни одной игры футболистов и хоккеистов ЦСКА на протяжении десятилетий. Она знала все новости спортивной и околоспортивной Жизни, была самым главным, как сказали бы сейчас, инсайдером во всем, что касается «красно-синих». Даже Тарасов говорил, что «Маша прилично разбирается в хоккее».

В детстве у Валерия было несколько прозвищ — все они были связаны с его небольшим ростом и невероятной подвижностью. «Тарасов называл его “Конек-горбунок”. Потом придумали прозвища “Клири”, “Хорлик”. Ума не приложу, откуда эти прозвища взялись и кто их придумал. Я как был “Гусь”, так и остался», — улыбается Александр Гусев, который тогда, как и уже упомянутый Анатолий Белоножкин, жил на Писцовой улице между Савеловским вокзалом и стадионом «Динамо».

Писцовая улица дала много чемпионов. Достаточно назвать имена того же Александра Гусева, Владимира Юрзинова, Альметова. «Я горжусь, что писцовский», — признавался автору этих строк Владимир Владимирович Юрзинов.

Бывало, идут «писцовские» пешком от родной улицы прямо к новенькому армейскому Дворцу спорта. Мимо проезжает машина Андрея Старовойтова, тренера ЦСКА. Он останавливается, открывает дверь и зовет: «Эй, писцовская шпана, залезайте в машину, довезу».

Так и едут счастливые мальчишки на тренерской «Волге-21» до самого катка.

За подготовку мальчишек в армейской школе отвечали тренеры Тазов, Старовойтов и Ерфилов. Белоножкин и Харламов занимались в одной группе. «Уже в 15 лет нам платили неплохие по советским меркам деньги. Как говорится, на содержание организма. Подкормиться», — вспоминал Белоножкин.

«Во всей армейской системе тренерами работали самые настоящие энтузиасты. И Виталий Георгиевич Ерфилов с ребятами 1949 года. И Вячеслав Леонидович Тазов, который тренировал 1948 год. В то время был сильный тренерский состав. Корифеи своего дела. Упражнения у них интересные были, с выдумкой», — вспоминал защитник Владимир Лутченко.

Владимир Богомолов с детских лет играл с Харламовым в одной тройке. «Тренер Вячеслав Леонидович Тазов привел Валеру к нам: “Этот паренек будет с вами играть”. Валера на коньках держался уверенно, но в целом особо не выделялся. Кто бы мог предположить, что он, Харламов, — будущая звезда? Думаю, никто. В том, что не затерялся он, есть заслуга армейских педагогов. Но считать, что они сразу разглядели в нем дарование, — значит выдавать желаемое за действительное», — полагает Богомолов.

По его мнению, от своей мамы Валерий Харламов взял импульсивность, а от отца, игравшего в русский хоккей, — спортивность. Летом мальчишки занимались футболом. Бегали на находившийся рядом стадион «Динамо». Валерий Харламов также занимался в футбольной секции при Метрострое у Нила Степановича Гугнина. Тренер был в восторге от его взрывной скорости и дриблинга.

Богомолов, который выступал и за армейский юношеский футбольный ЦСКА, как-то сказал своему другу: «Валера, что ты гоняешь за метростроевцев,

айда к нам». Привел своего друга на просмотр — и ушел Валера не солоно хлебавши. Не взяли, надо же такому случиться! Хотя все удивлялись: во дворе Валерий Харламов такое вытворял с мячом, что его игрой с истинным наслаждением любовались взрослые мужики.

«На большом поле он тоже был хорош, но потом, пройдя атлетическую подготовку армейского хоккея, был несколько массивнее, чем того требует кожаный мяч. На зеленом поле мяч у него был как приклеенный к ноге. Обводка была простая. Показал корпусом в одну сторону, а ушел в другую. Надежно прикрывал мяч. Тогда о полузащитнике Викторе Папаеве (игрок московского “Спартак” 1960-1970-х годов) шла молва, что в проходе автобуса восьмерых может обвести. Я видел, как нечто подобное исполнял и Харламов, — вспоминал Владимир Богомолов. — Летом, спасаясь от городского пекла и шума, мы ездили на пляж в Серебряный Бор. Был там футбольный пятак размером с баскетбольную площадку с урнами вместо штанг. Регламент строгий: проиграли — ждите своей очереди, а желающих — длинный хвост. Играть там умели и сражались по-мужски. А мяч у Харламова отнять не могли».

«Лентяем я никогда не был, но, честно говоря, и носиться без толку по футбольному полю не любил. Моими футбольными кумирами были Всеволод Бобров и Эдуард Стрельцов. Оба казались на поле спокойными, даже сонными. Но вот приходит момент, и они оказывались именно в той точке поля, где им выгоднее всего было быть, и делали всё то, что им следовало делать, с такой скоростью, какую нужно было включить. Они и забивали, и делали игру умной, захватывающей. Они делали игру игрой, а не нудной работой. Увы, большинство футбольных тренеров того времени, да и нынешнего тоже, только и повторяли: работай, работай, двигайся больше! В хоккее хоть проще: оттолкнулся раз

— и всю площадку пересек. В общем, остался я в хоккее» — так объяснял Валерий Харламов в 1977 году сделанный в детстве выбор авторам книги Дворцову и Юрьеву.

Харламов, когда его, уже чемпиона мира и признанную звезду хоккея, футбольные друзья уговаривали «оставить шайбу и прийти в мяч», отшучивался, отвечая, что футбол — это самая умная игра после «перетягивания каната». Кстати, на полном серьезе Харламова уговаривал играть в большой футбол сам Всеволод Бобров, в середине 1970-х годов возглавивший футбольный ЦСКА. На самом деле футбол Харламов обожал. «Когда теперь на тренировках мы, хоккеисты, играем в футбол, — это для меня праздник. Иногда мне кажется, что из хоккеистов ЦСКА получилась бы неплохая футбольная команда», — признавался он в конце 1960-х.

Спортивное мышление Харламова, точь-в-точь, как у его друга Александра Мальцева, выражаясь сегодняшним языком, «было заточено на игры». Подвижный, маневренный, легкий, он был хорош и при игре в волейбол, и в баскетбол. «С шайбой или с мячом шел он не туда, где ждали его соперники, а бросался в самую гущу, на эшелонированный участок обороны, чем вызывал смятение у противника и создавал оперативный простор для партнеров. Мог сделать всё и в одиночку, от первого хода до последнего, но чаще делился с товарищами радостью проведения лихой атаки», — говорил Владимир Богомолов.

Показателен еще один момент. Богомолов вспоминал, как в юношеские годы часто сражался с Харламовым в настольный хоккей. «Я манипулировал одной рукой, он — обеими; мой крайний форвард пасовал центральному — тот бил по цели, у него левый крайний мог легко сделать передачу на правый фланг. И вообще он такую закручивал карусель, что я получал

передышку лишь после того, как обнаруживал миниатюрный кругляшок в своих воротах. Поражения эти меня не расстраивали, подумаешь, настольная игра. Но сейчас я готов предположить, что таким образом он как бы намекал о своей грядущей хоккейной славе. Всё, чем он впоследствии обезоруживал противников и приводил в восторг зрителей, накапливалось подспудно, постепенно и потому незаметно для деливших с ним спортивные будни», — делал вывод Богомолов.

«Интересно, что Валерий футбол любил едва ли не больше хоккея. Любой случай использовал, чтобы в футбол сыграть. Как-то даже специально в Малаховку поехал с Петровым и Михайловым. Они выступали за свой курс областного института физкультуры, а ему, хотя он в московском институте учился, разрешали в виде исключения вместе с друзьями играть, — признавался отец хоккеиста Борис Сергеевич Харламов. — В футболе он болел за московское “Торпедо” еще со времен Стрельцова, Иванова, Воронина. А в институте с торпедовцем Вадимом Никоновым особенно сдружился. Да и вообще среди футболистов у него было много приятелей. За футбол он действительно как-то особенно переживал. Обычно на трибунах старался держаться незаметно, больше молчал. Но как-то, именно на футболе, вышел прямо-таки из себя и с каким-то болельщиком даже в спор вступил. Тот решил про одного игрока, что тот притворяется, лежит нарочно, ждет, чтобы штрафной судья назначил. И вслух об этом сказал. Ну, Валерий не удержался, возмутился: “А вы бы сами попробовали, на поле вышли бы”. Обидно ему стало за игрока, захотелось заступиться по справедливости...»[8](#)

О том, что Валерий Харламов действительно не затерялся бы в большом футболе, говорил воспитанник торпедовской спортивной школы, известный

отечественный футболист и тренер Вадим Никонов: «Все в то время играли и в футбол, и в хоккей, кто-то лучше в футбол, кто-то лучше в хоккей. У Валерки тоже большие задатки были как у футболиста. Он выделялся на поле тем, что если хотел, то всего добивался. У него в общении с мячом полный порядок был. Кстати, у него потом был любимый тост: за технарей! То есть за технических игроков. Он мог вполне играть в футбол, так же как я в хоккей, не хвалясь, мог бы играть, но, естественно, не на высшем уровне, но в команде класса “Б” вполне возможно. Скорость, обводка — всё у него, как в хоккее, было».

«Он был человеком широко одаренным, обладал сильным, мужественным характером, был чрезвычайно обаятелен. Убежден, к примеру, что если бы он в юности решил всерьез заняться футболом, то и здесь, несомненно, был бы на первых ролях, играл бы, я полагаю, за сборную страны», — писал Анатолий Тарасов в статье для сборника «Три скорости Валерия Харламова».

Спортивные комментаторы и журналисты тогда часто посещали не только взрослые, но и юношеские турниры, чтобы своими глазами посмотреть на то, какая поросль растет на смену известным мастерам. «Впервые я увидел Валеру во время юношеских соревнований по хоккею на первенство Москвы. Было ему тогда 15 лет, и он поразил меня, тогда спортивного комментатора, своим необычным видением игры. Он виртуозно обыгрывал своих соперников, у него уже тогда были какие-то свои неуловимые защитниками движения», — вспоминал в беседе спортивный комментатор Владимир Писаревский.

Имена блеснувших на ледовой арене новичков быстро становились известными в хоккейных кругах. «О Валере было известно, что он — наполовину испанец, и его легкость, подвижность, виртуозность игры я

относил к его испанскому происхождению. Многие специалисты тогда, в первой половине 1960-х годов, действительно отмечали самобытность и оригинальность игры Валерия Харламова. Но потом он неожиданно исчез, и в потоке новых талантливых юношей его имя как-то забылось, — продолжал Владимир Писаревский. — О нем ничего не было известно до Чебаркуля. И вот приезжающие в Москву тренеры и игроки как-то неожиданно заговорили о таланте, который заблистал всеми гранями на Урале. Как водится, его игра стала обрастать слухами. О том, что он может забить пять-семь шайб. Этому мало верили, в Москве-то паренька никто не видел». Но о Чебаркуле мы поговорим в следующей главе.

Все те, кто помнит, как начинались первые шаги Валерия Харламова в юношеском хоккее, отмечали чуткость и внимательность его наставников. Система подготовки ребят для основы ЦСКА работала как часы. «Я начал учиться у больших тренеров еще до того, как меня включили в сборную страны, и потому я получил, конечно же, немалое преимущество перед теми моими коллегами, кому не довелось работать с первоклассными специалистами хоккея. Мальчишкой попал я в ЦСКА, кузницу первоклассных мастеров. С нами возились не только те тренеры, что прямо отвечали за детские команды, но и их более опытные коллеги, работающие с мастерами. Они опекали юных спортсменов, контролировали их учебу, поддерживали, если что-то не получалось, и мы росли быстрее наших сверстников. Общеизвестно, что в ЦСКА были собраны лучшие тренерские кадры и лучшие игроки», — признавался Валерий Харламов в автобиографии.

«Откуда появились Кулагин, Ерфилов, Тазов, Старовойтов и другие тренеры в ЦСКА? Это были люди, которые занимались с этими мальчишками, отдавали им всю свою душу, искали новые подходы в тренировочном

процессе. Конечно же, строжайшим образом все это процессу был жесткий контроль со стороны первого человека (Тарасова), который создал эту систему и контролировал ее сам. Каждый понедельник проводился педсовет. Тарасов часто сам приходил на тренировки, не важно, было ли это девять утра или девять вечера», — вспоминал Владимир Богомолов.

«Он так трепетно и дотошно интересовался всем, что происходит в ЦСКА, что мы просто боялись его. Как только его увидишь — сразу думаешь, куда бы свинтить, потому что сейчас прицепится, начнется контроль. Это был страшный контроль, это такой общественный контроль был, дай бог, чтобы у нас все это было в экономике. Это жесткое отношение к детским тренерам школы, контроль за всеми воспитанниками, система была так отлажена, она целиком подчинялась одному человеку. Он тренер, сильная личность, он всю жизнь везде был тренером и всегда, даже когда уже стал пожилым, не совсем здоровым, он всегда оставался тренером. Но благодаря ему появились и “Золотая шайба”, и Высшая школа тренеров (ВШТ). Кто мог заставить двукратного олимпийского чемпиона Владимира Лутченко, обучавшегося в ВШТ, кувырнуться в луже в адидасовском костюме в присутствии других людей? Только Тарасов. Он собирал людей и показывал, как он может управлять ими», — продолжал Богомолов. Но об Анатолии Владимировиче Тарасове подробнее мы поговорим в одной из следующих глав.

Первая в жизни Харламова хоккейная травма случилась у него на тренировке, в первом же сезоне в армейской школе, в 1962 году, когда Валерию уже исполнилось 14 лет. Команда, где играл Харламов, тренировалась с ребятами годом старше. Наставник дал установку: игрок должен был ехать в одну сторону,

ведя шайбу, затем резко притормозить и мчаться обратно вдоль борта уже без шайбы.

Харламов, выполняя упражнение, разогнался и со всей силы влетел в другого хоккеиста. Да так, что не смог сгруппироваться, навзничь упал на лед лицом. Встал не сразу. Напугал тренера и врача, очнулся уже в медпункте, лицо в порезах и крови. Первая мысль: что скажет мама. Ведь Бегоня не знала о том, что ее сын-сердечник ходит в хоккейную секцию. И сам Валера, и его отец, и даже маленькая Таня скрывали от нее, что Валера усердно занимается в спортивной секции.

Домой вернулся в «синяках и шишках». Мама, открыв сыну дверь, не на шутку испугалась, всплеснула руками: «Валерик, сыночек, кто же тебя так поколотил?» — «Никто, — понурившись, ответил сын. — Этот так, я в хоккей играл и на лед упал». — «Какой еще хоккей?» — еще больше удивилась мама. А затем почти дословно воспроизвела легендарную фразу, которую десять лет спустя, во время суперсерии с канадцами, произнесет Николай Николаевич Озеров: «Этот хоккей тебе не нужен!»

Вечером, когда вернулся с работы Борис Сергеевич, в семье Харламовых начались жаркие споры. О том, почему Валера занимается «опасным» хоккеем с его-то больным сердцем. И тут отец сумел убедить супругу, что Валере лучше заниматься спортом три раза в неделю, чем слоняться во дворе. Договорились, что сын будет тренироваться в хоккейной секции не в ущерб учебе, и только предварительно сделав уроки. А в больницу, чтобы проконсультироваться с врачом, они обязательно сходят в самое ближайшее время. В конце концов, говорил Борис Сергеевич, тренеры строго следят за своими воспитанниками и не дают им бездельничать и хулиганить. Аргументы сильной половины семьи Харламовых перевесили.

Вот и настал момент снова поговорить о здоровье. «Когда его взяли в ЦСКА, мы тогда каждые три месяца ездили с ним на обследование в Морозовскую больницу, где его проверяли. А он уже в ЦСКА за юниорскую команду играл. Я врачам об этом ничего не говорил», — вспоминал Борис Харламов. Медицинскую справку в ЦСКА у него не спрашивали, и Валера был рад этому обстоятельству. Хотя и боялся, что однажды его тайна может быть раскрыта. «Играя в ЦСКА, я боялся, что меня спросят о медицинской справке. И вот однажды спросили. Справку я взял там, где числился ревматиком», — признавался сам Харламов в автобиографии.

Придя домой, Валера сообщил отцу, что в клубе необходимо показать медицинскую справку. Приняли решение немедленно ехать в детскую Морозовскую больницу. По пути Харламов-младший заметно помрачнел. Выходило, что после такого тяжелейшего отбора злодейка-судьба, «улыбнувшаяся» на миг в армейском Дворце спорта, сейчас может продемонстрировать свой коварный лик в больнице. Эх, похоже, не видать теперь большого льда и больших побед!

Сняли кардиограмму, потом Борис Сергеевич один, без Валеры, вошел в кабинет. Врач с ходу сказала: «Если сравнить записи, сделанные раньше, с тем, что я вижу сегодня, то улучшение совершенно очевидно. Хорошо, что мальчик занимался лечебной физкультурой, как ему было рекомендовано, и не играл в футбол или хоккей: подвижные игры ему и сейчас еще противопоказаны. Вы знаете, детский порок сердца...»

И тут Борис Сергеевич, собрав волю в кулак, решил открыть карты и перебил врача: «Дочь, сестра Валерия, жаловалась мне, что брат не только бегаёт по двору, пока не вспотеет, но потом ещё и снег жуёт, чтобы остыть. Таня кричит на него, осуждая, но он, конечно,

ее не слушает... Потому мы и решили, что уж если берут его в ЦСКА, то пусть занимается. Там он под присмотром тренеров, медсестер, врача. Так спокойнее... Мальчишка все-таки. За руку с нами ходить не станет».

Врач, которая из всего этого путаного набора слов поняла, что ее пациента с пороком сердца зачислили в хоккейную школу, приподняла очки. Судя по ее тяжелому и усталому взгляду, ничего хорошего от заключений эскулапа ожидать не приходилось.

«Как вы сказали... хоккей?! — выдержав паузу, спросила врач, будто Харламовых только что уличили в совершении уголовного преступления. — Вы что?! Такие нагрузки недопустимы. Никакого хоккея. Забудьте об этом».

Не принимая никаких возражений, доктор снова погрузилась в бумаги. Борис Сергеевич, понимая, каким тяжелым ударом для сына может стать решение врача, попросил ее еще раз посмотреть Валеру. Она согласилась. Тот буквально влетел в кабинет, мигом снял, как велел доктор, рубашку. Врач с таким же тяжелым взглядом взяла фонендоскоп и стала командовать: «Повернись спиной. Дыши. Не дыши».

В кабинете врача воцарилась гнетущая тишина. Отец виновато стоял в углу. Валера, кажется, уже обреченно, на автомате выполнял все команды доктора. Неожиданно женщина покачала головой. Еще раз, второй. И вдруг улыбнулась, сжала фонендоскоп в руках и, отойдя от смущенного Валерки, подошла к его отцу, сказав: «А вы уверены, что это тот самый мальчик, о котором вы только что говорили?»

Борис Сергеевич замялся, не понимая, в чем тут подвох. «Так вот. — Доктор снова выдержала паузу, улыбнувшись: — Сдается мне, что ваш мальчик здоров. Ну, если не как бык, то как резвый молодой бычок. Мы, конечно, обязаны будем провести дополнительное

детальное обследование, но первоначальный осмотр говорит о том, что у вашего сына нет проблем с сердцем». Отец обомлел, открыв рот. Валера же тем временем задал ей вопрос: «Могу ли я играть в хоккей?» — «Сможешь, конечно, сможешь, — улыбнулась врач, положив руку Валере на плечо. — Только боксом не занимайся. И будешь ходить на обследования».

Потом его направили к медсестре снова сделать кардиограмму, чтобы удостовериться в результате. Врач — один, потом второй, третий — все они долго сравнивали предыдущие кардиограммы с новой. И все как один пожимали плечами, отказываясь верить в происходящее. Обследовали его еще раз со всей тщательностью, но так и не нашли следов былой болезни.

Волнуясь, шел Валера и на контрольный медосмотр, который состоялся через пару месяцев. Врач внимательно осмотрела юного хоккеиста, изучила снимки. А затем мечтательно вздохнула, сказав: «Ну, прямо живая иллюстрация к теме о благотворном влиянии регулярных занятий физкультурой на здоровье подростка. Буду писать об этом диссертацию».

Преодолел эту преграду Валера. Победил не дававшую ему покоя хворь. Сам, спортом победил. Он многое сделал сам и многое победил в жизни.

Валерий Харламов быстро выделился среди своих сверстников. Был не только самым шустрым и сообразительным на площадке, стал лучшим бомбардиром, пользовался авторитетом у товарищей. Ерфилов доверил ему капитанскую повязку.

Напомним, что на отборе в секцию Валера обманул Кулагина. А потом и Ерфилова, сказав, что он не 1948-го, а 1949 года рождения. Ведь прием его сверстников в ЦСКА к тому времени уже закончился. Метрику у него не спрашивали, и в тот день Харламову повезло. Но он знал, что обман рано или поздно откроется.

К тому времени тренер довольно крепко сдружился с отцом Харламова. Борис Сергеевич сказал Ерфилову: «Виталик, извини, но Валера не может за тебя играть, он липач, он на год старше». Было видно, что отцу неловко оправдываться за вранье своего сына. Был Харламов-старший человеком чести и слова. Как теперь после этого обмана смотреть в глаза Ерфилову, который к тому времени стал частым гостем в их доме?

Тогда юных спортсменов, которые занижали свой возраст, чтобы играть за детские команды младшего возраста, называли «липачами». Было это сплошь и рядом. Росли послевоенные мальчишки, особенно не разгуляешься. Худые, щупленькие, пойдя пойми, сколько ему лет на самом деле? Свидетельство о рождении приносить не требовали. Разве что дневники из школы.

«У меня перед этим была такая картина, что я проехал по всем своим воспитанникам 49-го года рождения, зашел в школы и нашел четверых липачей. Четверых! А что такое липач? Это не только старший по возрасту, но и, как правило, сильнейший в команде. Для меня это было потрясением. Я еще до признания Бориса Сергеевича подумал, что если еще и Харламов липач, то играть мне будет некем. Он ведь лидер в нашей команде стопроцентный был. И тут — нате вам. Через день-два выясняется, что и Валера свой возраст занизил», — улыбнулся в разговоре со мной тренер.

А вскрылся обман так. Однажды вечером между двумя Харламовыми, старшим и младшим, состоялся серьезный разговор. Сын сказал отцу о том, как обманул тренеров и снизил себе возраст на год. Только тогда отец узнал, что Валера тренируется не с 1948 годом, а с мальчишками на год младше его. «Сам заварил эту кашу, сам ее и расхлебывай», — сказал Борис Сергеевич Валере за ужином. Тем не менее к Ерфилову пришел раньше сына. «Отец терпеть не

может лжи, даже в “тактических” целях, мне врать всегда запрещалось, и потому папа рассказал моим тренерам Виталию Георгиевичу Ерфилову и Андрею Васильевичу Старовойтову, что я обманул их, что я с сорок восьмого года», — вспоминал Валерий Харламов.

Не было никаких собраний, решений, голосования молодых игроков, как упоминается в некоторых статьях о Харламове. У двух тренеров, Ерфилова и Тазова, были хорошие, дружеские отношения. «Я скажу Славику Тазову, если он его возьмет — значит, возьмет, не возьмет — значит, прости. Он будет играть не за ЦСКА, а за другую команду», — пообещал Ерфилов отцу Харламова.

На следующий день, улучив момент, Валера виновато подошел к своему наставнику и сказал ему об обмане. Не говорил никаких лишних слов, просто сказал, что очень хотел играть в ЦСКА. Ерфилов также был скуп на слова и не стал читать нравоучения хоккеисту, который ему, честно говоря, уже успел полюбиться. «Ты обманул своих товарищей. Больше так никогда в жизни не делай», — сказал тренер уже после занятий. Валеру, с его недюжинным талантом, конечно, простили.

«Его собирались отчислить, но все-таки приняли во внимание размах таланта. Помню слова тренера Ерфилова: “Харламов обманул нас, но не по своей вине, не со злости. Мы его оставляем”», — вспоминал Юрий Лебедев в интервью порталу «Спорт.ру».

Этот случай сильно повлиял на Валерия. Он дал слово больше не обманывать. Ни себя, ни окружающих. По этой «высокой планке» он будет жить все последующие годы, не терпя лицемерия и вранья и требуя того же от своих товарищей.

Будущий известный хоккейный функционер Андрей Васильевич Старовойтов занимался с командой 1948 года рождения. «Когда Харламова признали липачем,

его передали в команду 48-го года к Старовойтову. Впрочем, в момент передачи Старовойтов уже уходил в Управление хоккея Спорткомитета СССР. Валерку направили в команду Тазова Вячеслава Леонидовича. Тазов был мой друг, а Старовойтов проверил Валерку на год раньше. Это получилось так, — вспоминает Виталий Ерфилов. — Команда 1948 года рождения играла на первенство Москвы со “Спартаком”. Причем игра была не рядовая, а решающая. Четырнадцатилетние армейцы и спартаковцы набрали в тот сезон в первенстве Москвы одинаковое количество очков, и предстояла переигровка.

С учетом ее значимости она проходила во Дворце спорта ЦСКА перед матчем команд мастеров этих клубов. На ней, естественно, присутствовал Тарасов. Валерку им дали из моей команды, чтобы, как говорится, “заткнуть дырку”. В одном звене у них не хватало одного игрока. Старовойтов говорит: “Кого ты мне можешь посоветовать из своих?” Я показываю на Харламова и говорю: “Возьми этого шкета”. И этот шкет такое натворил, что вся Москва потом говорила».

Виталий Ерфилов явно наслаждается этим эпизодом пятидесятилетней давности:

— Я чувствовал, что Валера не потеряется на площадке, но все-таки игра есть игра. Он получил шайбу на своей синей линии, а перед ним встали преградой два спартаковских громадных защитника — Лапин и Стеблин (между прочим, будущий президент ХК «Динамо» и генеральный менеджер сборной России в 1990-е годы. — *М. М.*). Валерка рядом с ними выглядел совсем маленьким. И вот он на них едет и потом вдруг оглядывается назад, мол, избавиться от шайбы хочет, показывает, что боится вперед идти и ищет пас кому-нибудь отдать. Причем вот что удивило, у парня будто слезы сейчас начнут капать, такое впечатление складывается. Ведь впереди такие два громилы, он

росточком вполовину их. Защитники тоже остановились, любопытно все-таки посмотреть на плачущего форварда — не каждый день такое увидишь. И тогда он вдруг начинает быстренько уходить вбок, к борту, и оглядывается, как бы показывая, что теряет контроль над шайбой. Соперники, эти двое, уже наезжают на него. В их глазах читается: эх, плакса, угомонись, отдай шайбу. А иначе сейчас мы тебя сделаем! И тут происходит совершенно поразительное. Валера сначала меняется в лице, он уже уверен в себе. У него нет никаких слез. Он начинает работать ногами и на сумасшедшей скорости проскальзывает сбоку мимо защитников. Шайбу вперед пробросил, в скорости добавляет, выезжает на вратаря и забивает ее в сетку! При этом вскидывает руки и едет на скамейку запасных с улыбкой на лице. Вот так-то! Защитники уже думали, что Валера вымотался, что он готов уже, сдался, а он их уделал, обыграл вратаря и забил. В лужу с улыбкой на лице посадил этих громил. Хотя я и был в то время еще молодым, но все-таки не новичком, кое-что в жизни повидал. А тут у меня прямо дух захватило. Так Валерка артистически сыграл в тот момент. Именно артистически, потому что, кроме техники, скорости, проявил он в этом мгновенном эпизоде чисто актерское дарование».

Это очень понравилось Андрею Васильевичу Старовойтову. Он, будучи серьезным и принципиальным человеком, Валеру, обманувшего тренеров своим возрастом, не отчислил. По крайней мере, из тех липачей, которые были в ЦСКА, через год оставил в своей команде только Валеру Харламова. А остальных пять человек выгнали. Они были намного слабее его, и никаких вопросов по отчислению не возникло.

Добавим, что в той игре со «Спартакoм», с которым у армейцев и динамовцев всех поколений особые счеты, Валера Харламов забросил еще одну шайбу. Армейцы

выиграли со счетом 6:2, а тройка, в которой Харламов играл с Николаем Гариповым и Валерием Лапиным, забросила четыре шайбы.

Вот как вспоминал о той игре сам Харламов в своей биографии: «У спартаковцев была хорошая команда, там играли Владимир Шадрин и Игорь Лапин. В тот день случился эпизод, который я запомнил на всю жизнь. Я нарушил правила, столкнувшись с уже мощным в ту пору Лапиным; меня посадили на скамью штрафников, я был огорчен, мне было стыдно, что подвел товарищей. И вдруг ко мне подошел Анатолий Владимирович Тарасов и сказал: “Молодец, что не испугался. Спасибо за мужество. Никогда никого не бойся!” Я был обрадован, горд, восхищен. Сам знаменитый, легендарный Тарасов, несравненный маг хоккея, заметил меня, похвалил за смелость! Для четырнадцатилетнего мальчишки, увлеченного хоккеем, похвала Тарасова была не просто высшей оценкой, но максимально возможной наградой. И вполне понятно, что его напутствие — “Никого не бойся!” — стало для меня высшим заветом: подростки особенно восприимчивы и тем более внимательны и старательны они, если обращается к ним их кумир».

«Маленький, а бьешься по-настоящему» — эту фразу Тарасова игрок запомнил на всю жизнь. «Валера с детских лет очень уважительно относился к Анатолию Владимировичу. Помню, мама как-то, когда он уже был чемпионом мира, сказала: “Что ваш Тарасов постоянно вас гоняет?” Валера тогда ответил вопросом: “Мама, вот ты когда на заводе что-нибудь не так сделаешь, тебя начальник упрекает?” — “Ну, да, могут и премии лишить”. — “Вот и у нас так же. И не надо больше о Тарасове так говорить”», — вспоминала Татьяна Харламова.

Чуть позже Харламов сыграет еще одну судьбоносную встречу со «Спартакoм». На этот раз в

финале молодежного чемпионата СССР в «Сокольниках». «Харламова ставили тогда в основной состав редко (во всяком случае, реже, чем ему хотелось), но в тот день на игру заявили. И Валерий сыграл отлично. Юные армейцы выиграли у сверстников из «Спартака». Награда команде — медали чемпионов страны, а Валерию — еще и часы. Это был подарок от имени министра обороны, Маршала Советского Союза Родиона Яковлевича Малиновского, — писал Олег Спасский. — Отцу тот матч запомнился еще и по другой причине: сын вдруг сказал ему перед самым началом игры, что страшно проголодался. Отец побежал было в буфет — тот был почему-то закрыт. Помчался в булочную — там весь хлеб черствый. Купил черный хлеб (единственная в тот момент свежая часть ассортимента). Валерию и хлеб этот казался вкуснее всякого пирожного».

В команде 1948 года рождения будущая звезда мирового хоккея Валерий Харламов не сразу обрел себя. В команде мальчиков 1949 года он был явным лидером и ощущал себя лучшим в коллективе. На новом же месте, среди своих настоящих сверстников Харламов, по выражению его тренера Виталия Ерфилова, «года на два потерялся как лидер». Валера даже сомневался в том, стоит ли продолжать заниматься хоккеем. Тем более что его активно приглашали играть в футбольную секцию. Подначивал и дедушка Сережа, сам в прошлом классный футболист. «Сдался тебе этот хоккей, давай иди играй в футбол, тем более что у тебя это хорошо получается», — говорил он внуку, когда тот приезжал в гости.

Но всё, по словам самого Харламова, «перевернул» чемпионат мира 1963 года по хоккею, ставший первым в победной серии славной советской хоккейной дружины. И после этого чемпионата мира, на котором блистали

Рагулин, Альметов, Александров, Давыдов, Валера для себя решил, что посвятит свою жизнь хоккею.

Он прошел еще одно важное испытание, которое подстерегает любого футболиста или хоккеиста, когда в возрасте от 14 до 17 лет тебе кажется, что ты всего достиг, а вокруг столько соблазнов и удовольствий. Харламов преодолел это искушение и посвятил эти годы исключительно хоккею.

В целом у ребят, которые играли в юношеских и молодежных командах, как вспоминал Ерфилов, сначала не было особых проблем с режимом. Появились они, как водится, с возрастом. «Мы, тренеры, не замечали этого. Нам потом рассказали. Курево, красненькое. Я настолько был уверен, что мои режимят, был уверен, что они просто не могут этого делать, не имеют права. А потом мне болельщики со стажем, как мы их называли, тарасовские “советники”, которые были шибко умные, говорят: “Твои после каждой игры за молодежку заходят за трибуну и по бутылочке красненького выпивают”».

Но у Харламова таких проблем не было, в отличие от тех, что появились у него на льду. Ему с его небольшим росточком приходилось туговато. Сверстники росли, если можно так сказать, «вымахивали ввысь и вширь» на глазах, а он оставался таким же «негабаритным» для хоккея. Мощные защитники норовили особенно приструнить, придавить этого щуплого, но очень подвижного юношу, часто оставлявшего их в дураках.

«Период, который выпал из его хоккейной биографии, когда он еще не вышел на первые роли, на мой взгляд, был с 15 до 17 лет. Как игрок, он был небольшого роста, мышечной массой толком еще не оброс. Играл в третьей тройке или во второй, в том юношеском ЦСКА на три тройки нападения не набиралось. И я помню, у армейцев в него, пожалуй, верила лишь знаменитая болельщица Машка, она все

время кричала: “Валера, дави их, дави!”», — вспоминал Вадим Никонов. Выходит, прав был Тарасов, Маша знала, что говорила.

В отличие от многих нынешних родителей, которые иногда всячески пытаются надавить на тренера, ни Борис Сергеевич Харламов, ни тем более Бегоня, ни другие родители никогда в действия тренера не вмешивались. (Это сегодня, зная о том, какие баснословные гонорары получают хоккеисты в НХЛ и КХЛ, некоторые родители пытаются любым способом пристроить парня в секцию. Чтобы потом отплатил, устроил «безбедное будущее в старости». Делают всё возможное и невозможное, чтобы добиться своей цели: пытаются обласкать тренера; доходит до предложения взяток, лишь бы их отпрыск «засветился в основе» молодежного клуба. Или «гнут пальцы».)

Спортсменов на улице и в школе боготворили. «Было уважение, было понимание того, что образец здорового образа жизни и патриотизма — это хоккеист! Я мог вообще не ходить в школу, потому что для меня всё готовы были сделать, поставить все оценки, на любые соревнования отпускали. И у Валерки так было», — признался в разговоре со мной Владимир Богомолов. Хоккеисты, спортсмены, занимавшиеся в детских школах, в восприятии своих сверстников и учителей действительно были «особой кастой».

«Молодежь сейчас совсем другая, — продолжает Богомолов. — Сейчас у кого деньги есть, тот и занимается спортом. Хоккей стал очень дорогим удовольствием. Я вообще не мог бы быть в спорте, и Харламов не мог быть в хоккее при такой “денежной” системе. Мама моя 80 рублей получала на двоих. С чего платить? Сейчас нет идеологии, идеалов, авторитетов, нет ничего. Есть только телец золотой. А тогда была система воспитания. Хорошая или плохая — я не знаю. В детский сад ты ходил в самый лучший. Потому что вся

страна для тебя это сделала, за тобой сопли вытирали, ты хорошо кушал. В пионерский лагерь тебя вывозили, там постоянно проводились спортивные игры, там были кружки — фото, плавание. Ты находился на полном государственном обеспечении. В школе спортсменов боготворили, и в то же время отношение учителей очень строгое было. На четвертом этаже учишься, с четвертого этажа ты не имеешь права спуститься во двор на перемену. Стояли дежурные на каждом этаже. Попробуй пройди! Куда идешь? Была система, которая вела к цели. Пионерская организация, комсомол, партия. Всё направляло человека в нужном направлении. Тем более такое внимание уделялось спорту, здоровому образу жизни. На футбол ходили семьями. Сейчас люди на футбол не ходят, боятся. А тогда мы, пацанье, через забор, в дырки проникали. Или просили, умоляли: “Дяденька, проведи!” Бабулька видит, что ты идешь или пролезает через дырку, и отворачивается, чтобы только ты прошел на футбол. Спортсмены получали квартиры, машины без очереди. Зарплата по тем временам у них была на уровне министра. То поколение тоже не чуралось денег. Только кто как к этому относился? Кто-то из сборников из-за границы девяносто болоньевых плащей в чемоданы запихивал, а кто-то пластинки для удовольствия и собственного развития привозил, как Харламов».

«Учились они все через пень-колоду, — неожиданно признался Виталий Ерфилов. — Потому что, кроме того, что они занимались три раза хоккеем в ЦСКА, они еще четыре раза в неделю играли во дворе. Хотя в то время вопросам учебы придавалось большое значение. Раз в месяц я собирал дневники, проверял, подписывал их, смотрел. Так, кстати, я одного игрока “разлипачил”. Играл у меня Белоножкин, а еще был Белошейкин — не путать с армейским игроком, который заиграл позже. Приехал я к ним в семью и говорю: “Здравствуйте, я из

ЦСКА”. Родители спрашивают: “И что вам надо?” Я отвечаю: “Ваш сын занимается у меня хоккеем”. Отец его в изумлении: “Да нет, мой сын не занимается”. — “А где он?” Отец показывает рукой за окно: “Вон, во дворе”. Теперь уже я в изумлении: “Нет, это не тот. Мой на две головы выше”. Отец мальчишки начинает улыбаться: “А, тогда это сосед напротив. Он, видать, взял свидетельство о рождении моего сына, дневник и поехал на просмотр в ЦСКА”. Так и выяснилось, что старший парнишка провернул хитроумную комбинацию: брал дневники своего младшего соседа по лестничной клетке и стал его “двойником”, лишь бы тренер не разоблачил его возраст. Да еще давал “малому” подзатыльники за то, что плохо учится: ведь тренер отчитывал его, липача, за плохие отметки».

Виталий Ерфилов, у которого Харламов продолжил играть в молодежной команде ЦСКА, однажды завел с Валерием разговор о его будущем. Харламов ответил тренеру, что намерен поступить в институт физкультуры. «Хорошо, пригласят в команду мастеров — будешь заочно учиться, не позовут сразу — побудешь студентом», — ответил подопечному его наставник. В основу ЦСКА его сразу не взяли.

Летом 1966 года, успешно сдав квалификационные экзамены, Валерий Харламов поступил в московский институт физкультуры. Здесь существовало отделение футбола и хоккея. Летние и зимние сессии спортсменов этих видов спорта практически не совпадали: футболисты и хоккеисты пересекались максимум на три дня в ходе одной сессии. Однако во время редких встреч в стенах вуза они тесно общались друг с другом.

«С Валерой мы проучились в одной группе три семестра, полтора года. Поступить в то лето в институт физкультуры было непросто: заявлений имелось 250, а мест в десять раз меньше — 25. Но мы конкурс выдержали. Валера, должен заметить, ни в чем никому

не терпел проигрывать. Был оптимистом. Верил в свои способности и силы, хотя никогда по этому поводу не распространялся. Он играл в хоккей за институтскую команду, вы знаете, катался великолепно, но слабенький физически был. Игнали за сборную курса и в футбол. Пока мы учились вместе, он проиграл только в матче первенства института футболистам третьего курса. У третьекурсников команда была не классная, но подобрались ребята дружные, сильные духом. Таким и проиграть не зазорно. Но Харламов все равно огорчился: “Ну, погодите, придет зима, мы с вами в хоккей сразимся, поквитаемся тогда”, — вспоминал Вадим Никонов. — Кстати, Валерке очень помог институт, у нас атлетическую гимнастику хорошо давали, плюс он сам много занимался дополнительно. Там была и штанга, сдавали гимнастику, занятия нельзя было пропускать, это не как сейчас, избаловали наших спортсменов. А тогда мы были никто».

«Валера во время учебы старался не выпячивать себя. Никакого налета звездности, позерства, хотя к тому времени (речь идет о начале 1970-х. — *М.М.*) он уже был олимпийским чемпионом и в кругу спортсменов считался лучшим нападающим Европы. Если бы я не знал его, то ни за что не догадался бы, что этот тихий и скромный парень, в компании предпочитавший находиться в тени, и есть тот самый великий Харламов», — признавался автору этих строк Владимир Пильгуй, сменивший легендарного Льва Яшина 27 мая 1971 года в его прощальном матче в «Лужниках». По словам Пильгуя, Харламов в институте не претендовал на какое-то лидерство в компании, тем не менее пользовался у спортсменов непререкаемым авторитетом.

«Он поступил в институт физкультуры, в ГЦОЛИФК, где ему очень серьезно помогал мой друг Ян Лазаревич Каменецкий, — вспоминает Виталий Ерфилов. — Валера

плавать не умел. Он договорился, что проплывет на вступительных экзаменах абы как 100 метров, и ему поставят пять, потому что он должен был быть зачислен. После этого, уже будучи в ЦСКА, он играл за хоккейную команду института физкультуры. Причем не отлынивал, играл. И как играл! Вот самый яркий пример, который приводил Каменецкий. Сборной ГЦОЛИФК предстояла игра с командой МВТУ. У тех была очень сильная команда. Тогда Каменецкий сказал: «Валерочка, ты должен на игре, нам сильно понадобится твоя помощь». Валера отвечает: «Нет вопросов!» Приезжает и говорит: «Ян Лазаревич, вы знаете, у меня так сложились обстоятельства, что мне надо побыстрее смыться». Тот отвечает: «Без вариантов — забей четыре и уходи!» И что делает Харламов? Он в течение пяти минут забивает четыре шайбы и спрашивает: «А теперь можно я пойду?»».

«Валера действительно перед институтом совсем плавать не умел. Научился за месяц, — подтверждает Татьяна Харламова. — Каждое утро летом перед экзаменами садился в троллейбус № 20 и ехал в Серебряный Бор, где и плавал».

Валерий Харламов никогда не курил, во время учебы в институте даже не пил пиво. Но исправно сбрасывался по рублю, как и те, кто пил «Жигулевское». Сидел с ребятами в компании, наблюдал за ними. «Поговорить любил. Но никогда не хвастался и лишнего не болтал. Ему можно было полностью довериться во всем. Товарищ мировой! Я знал, что всегда найду у него поддержку моральную, а понадобится, и материальную», — вспоминал Вадим Никонов.

Правда, однажды в компании друга Харламов в институте все-таки расслабился. «Раз мы хорошо на первом курсе выпили, после зимней сессии, когда анатомию сдали, это был один из главных экзаменов, как сопромат у технарей, грех не обмыть. Но в тот день

надо было ехать играть за институт в “Сокольники”. Не знаю, Валерка, что ли, тогда предложил — есть портвейн лучший. Мы по стакану выпили, он за первую команду играл, а я за вторую институтскую. В первом периоде у меня всё двоилось. Единственное, от этого никуда не уйдешь, портвейн с ним, наконец, попробовали», — признавался в беседе Вадим Никонов.

Он вспоминает, что Харламов еще с молодости любил разыгрывать студентов. «В институте после первой зимней сессии нас, студентов-спортсменов, направили на недельные лыжные сборы в Лобню, в ближайшее Подмосковье. Валера уже тогда меломан был. Взял с собой старый магнитофончик. Поморозились мы изрядно тогда на лыжном кроссе. Кто хоккеисты, так те хитрые, они в рейтузах побежали. Холодно очень было. Ведь бежали десять километров, у нас даже сирийцы бежали. И пробежали все.

Мы там неделю жили, там и девушки хорошие были. По-моему, гимнастки с нами в потоке учились и фигуристки. Волей-неволей кто-то с кем-то познакомился. Валерка не особо флиртовал, для него хоккей все-таки на первом месте был, — продолжил Вадим Станиславович. — У меня знакомая там была, художественной гимнастикой занималась. Валера помимо музыки и хоккея нашел себе “занятие”. На ее беду, она шепелявила. Так он ходил и передразнивал ее. Все время передразнивал. Сборы уже закончились. В институте по коридору идет, а он ей: “Ну, что, пливает, тлидцать тли!” Она начальству потом пожаловалась. Валеру, всеобщего любимца, конечно, простили. Правда, настоятельно попросили эту “художницу” больше не передразнивать».

«Помню, как он постоянно передразнивал Веру Белаковскую, дочь знаменитого врача ЦСКА Олега Белаковского, которая часто приходила к нам. Она картавила. Придет, Валера, широко улыбаясь, говорит с

хитринкой: “Вер, а Вер, скажи: тридцать три”. На других можно обидеться, на него нет», — вспоминала Татьяна Харламова.

Эти свои «тлидцать тли» Харламов начал произносить еще в школе и продолжал, даже став олимпийским чемпионом. Разгадку фирменной харламовской фразы предложила Татьяна Блинова, знавшая Валерия со времен его игры за молодежку, с тех пор как за ней стал ухаживать ее будущий муж, а тогда игрок ЦСКА Юрий Блинов:

— Шуточки у него беззлобные с детства были. Знаете, такие, которые попадают именно в точку. Вот и его знаменитое выражение: «Ей, ты, тлидцать тли, огулцы». А всё пошло оттого, что один человек у нас в компании в юности не выговаривал букву «р», и Валера, как бы передразнивая его, сам чуток шепелявил. Потом прилепилась к нему эта фраза, как говорится. Так и пошло. Но у него это произносилось беззлобно, как мы произносим, например, «елки-палки».

Ухаживали тогдашние армейские кавалеры за своими девушками галантно. «Валера к нам, к девочкам, относился великолепно. Не было у него никакой разнузданности и никакой пошлости. В принципе, ни у кого не было — ни у будущего моего мужа Юрия Ивановича Блинова, ни у Вовы Лутченко. У всех наших ребят не было такой развязности в отношениях, чтобы нахамить девочке, обидеть. Валера очень бережно относился к слабому полу. Молодец был», — вспоминала Татьяна Блинова. Но всё же на первом месте у него была игра. Как поется в той песне, первым делом самолеты, «ну а девушки, а девушки потом». Потом, на пике популярности, наверстают. Отбоя от девушек не будет.

Все свободное время Харламов действительно посвящал хоккею, а не развлечениям. Искал для этого любой повод. Когда Владимир Богомолов стал детским

тренером, Харламов просил взять его с собой на тренировки юношей младшего возраста. «Валерка приезжал, со мной с удовольствием мотался. Мы тогда не боялись ни ходить по Москве, ни выезжать за город. Тренировки в лесу проводили, в слона играли, залезали на березы, играли в футбол с деревенскими — всё было. Валерка во всем этом принимал участие, хотя его уже подпускали тренироваться с основной ЦСКА. Он такой же, как все ребята, был. Не чувствовалось ни заносчивости, наоборот, был немножечко расслабленный. “Едят тя мухи” — что-нибудь такое скажет, и все от смеха покатываются. Было у Валеры с детства несколько любимых выражений, которые он произносил с хитринкой. Например “елы-палы”. Или уже упомянутое “едят тя мухи”. Я думаю, что для него они были своего рода заменителями известных нецензурных выражений», — вспоминает Владимир Богомолов.

Первым крупным турниром на всесоюзном уровне, где он получил не «редкие минуты в основе», а полноценную практику, стал для Валеры Харламова финал молодежного первенства СССР. Он проводился весной 1967 года в Минске. Забегая вперед отметим, что Харламов играл очень достойно, но не получил индивидуальных призов. Владимир Богомолов был признан тогда лучшим нападающим, будущий страж ворот «Динамо» Владимир Полупанов — лучшим вратарем, а многолетний партнер Харламова по ЦСКА Владимир Лутченко — лучшим защитником. Выделяли и Александра Смолина, гораздо более мощного по габаритам, чем Харламов.

«Сколько я ни перебираю в памяти, ничего необыкновенного в юном Харламове не нахожу. Вот Смолин — дело другое. Кудесник, как его звали, Саша Смолин запросто обводил пятерку соперников. Проезжал за ворота и снова обводил пятерых. Снова

уходил за ворота и снова разделялся со всеми. С ним играть-то никто не хотел, потому что резонно возникал вопрос: зачем же здесь ты? Саша исполнял буквально цирковые трюки. Сближался, к примеру, с защитником и в последний момент перебрасывал шайбу через него, тот едва успевал голову пригнуть, чтобы шайба в лицо не угодила. А Смолин объезжал его на одном коньке. Кто сегодня помнит чудесника Смолина? Только мы, его сверстники. А не слывший вундеркиндом в этот, наиболее сложный период спортивной жизни Харламов показал, что имеет установку на большую игру», — констатирует Владимир Богомолов.

Валерию Харламову на минском турнире было тяжело состязаться с более габаритными сверстниками. Все-таки в момент становления молодого игрока вес и мощь на хоккейной площадке нередко «нивелируют» скорость и сноровку. Более мускулистый игрок может запросто подавить и физически, и психологически своего худенького оппонента. Раз-два такого защитника не пройдешь — мало того что больше не рискнешь пойти в обводку, страх ошибиться все желание отобьет. Да и получишь нагоняй от тренера, усядешься на скамейку запасных. Но Валерий старался. Придумывал что-то новое прямо во время матчей. В итоге стал одним из самых ярких игроков турнира.

Организаторы турнира впервые придумали тогда такой сложный регламент. На финал было заявлено 12 команд. Чтобы провести турнир в максимально короткие сроки, сформировали четыре группы по три команды в каждой. У проигравших не оставалось шансов. Тот коллектив, который занимал первое место в группе, автоматически выходил в первую пульку. Второй попадал в группу, которая разыгрывала места с пятого по восьмое. Наконец, аутсайдеры групп играли в «утешительной пулке».

Главными фаворитами считались ЦСКА и новосибирская «Сибирь». Как и ожидалось, именно они сошлись в финальной игре чемпионата.

В «Сибири» выделялся вратарь Владимир Зарембо. В «Сибирь» он перешел из местного СКА в 1965 году и уже успел почти два сезона поиграть за взрослую команду. «Крепким орешком оказалась “Сибирь”. Видно, что тренер Звонарев провел со своими парнями серьезную работу. И главное, что Зарембо, вратарь, стоял как столб. Финал, мы за первое место с ними играем, где-то минут пятнадцать ведем 1:0, но не можем ничего с их голкипером поделаться. С пятака его расстреливают, а он как стенка стоит — застрелись! — вспоминает Ерфилов и берет паузу, отхлебывая чай из чашки. — А вот дальше началось самое веселое. Валера взял и натворил таких вещей, которых никто из этих ребят на льду творить не мог».

Тренер взял в руки столовые приборы — ножи и вилку, которыми стал изображать Харламова и Зарембо. В роли ворот выступила тарелка, и он начал доходчиво объяснять, что же придумал Харламов.

— Что тогда делает Валерий Борисович? Вот ворота впереди, он слева заезжает сюда, в уголок площадки, здесь обыгрывает защитника и выезжает по линии ворот на сами ворота. По линии ворот! — с неподдельным азартом рассказывает Ерфилов.

— К штанге едет? — спрашиваю; страсти накаляются, интересно, что придумал Харламов.

— Да, к правой от голкипера штанге. Он приближается к вратарю, закрывшему ближний угол ворот. Останавливается сбоку от него. И, замерев на месте, абсолютно не двигает ногами. Он заводит клюшку с шайбой впереди неподвижного вратаря. Зарембо стоит у штанги, ну не забивают оттуда, не запивают! А Валера в сотые доли секунды делает движение руками — раз, и обводит вратаря, стоя на

месте, с помощью резкого движения клюшкой направляя шайбу слева от Зарембо в ворота. Руками выдергивает, заводит крюк за него и — гол. Вратарь, намертво закрывший свой правый угол, стоит спокойно, он реально не видел, как мимо него юркнула шайба. А в этот момент раздается свисток, шайбу — на центр, а Зарембо ничего понять не может. Оттуда не забивают. Он же знал это. Его этому учили.

После гола Харламов остался на льду и продолжил ловить кураж. Всё повторяется как под копирку. Валера, получая шайбу после вбрасывания в центральном круге, опять выезжает в этот же угол, опять обыгрывает того же бедного правого защитника и едет по линии ворот к вратарю. В точности повторяет свое действие. Но вратарь уже сосредоточился, его просто так не проведешь. Он выдвигается навстречу Харламову, дергает руками, покидая угол ворот, в этот момент Валера стрелой, огибая ворота сзади, выскакивает из-за другого угла и отправляет шайбу в пустые ворота».

Рассказывая об этом, Ерфилов победоносно держит паузу, словно не Харламов, а он забивал эти шайбы. Он счастлив, что вырастил такого великого игрока: «Похоронка в первом же периоде. А в концовке игры на табло горят цифры 12:2».

О том, как блистал на этом турнире и особенно в его финальном матче Валерий Харламов, вспоминал его партнер по тройке Владимир Богомолов: «В Минске совершенно неожиданно я увидел нового Харламова. В предпоследнем матче я упал за воротами и наткнулся на конек. “Легко отделался, повезло”, — повторял доктор, накладывая швы. Выступить, однако, запретил. На финал я, капитан, вывел команду, отыграл несколько смен, и Борис Павлович Кулагин снял меня с игры, понимая серьезность травмы. Наша скамейка была дальней по отношению к чужой зоне, поэтому,

когда там появлялся Харламов, сразу хотелось привстать, чтобы всё рассмотреть. С шайбой на крюке клюшки выбирался он из углов площадки, где сражались сразу несколько игроков, уходил в центр и выдавал острейшие пасы или атаковал ворота сам. Три или четыре гола забил. Играя сам — перемещаясь, открываясь, кого-то отвлекая, угрожая воротам. Словно шахматист, просчитывал возможные варианты и успевал выбрать лучший; вынужденно став зрителем, был изумлен: как же лихо можно выходить из углов площадки?! До чего же здорово играет Валера!»

«Несмотря на такие фокусы, у Валеры никогда не было тяги к пижонству, циркачеству на льду. Это было у Саши Смолина. Тот мог сам с собой играть, подбрасывать шайбочку, подкидывать ее так-сяк, отсюда, из-под ног, он игрался с шайбой. А Валера играл в хоккей. Валерке надо было обыграть, забить. А как он это делал — его не особенно волновало», — вспоминает Виталий Ерфилов.

Еще одна интересная сцена произошла, когда армейская молодежная команда уже на вокзальном перроне ждала отправления поезда до Москвы. Кулагин отошел по своим делам, и с ребятами, отпраздновавшими успех, остался Виталий Ерфилов.

«Находимся мы на перроне, у нас еще где-то час до поезда, они сидят, я подхожу, довольный, они довольные, и вдруг они меня спрашивают: “А можете вы нам нарисовать нашу перспективу?” Могу, отвечаю. И говорю лучшему нападающему первенства СССР среди молодежных команд Владимиру Богомолу: “Тебе в ЦСКА делать нечего, тебе надо идти в ‘Локомотив’; тебе, Саша Смолин, надо остаться, потому что тебя любят Тарасов, руководители. Валера Харламов, тебе надо остаться, потому что ты сможешь играть и будешь играть”. Я им раздал цэу — ценные указания. После этого они садятся в поезд, и каждый из них мрачнее

тучи. Кулагин подходит ко мне: “Виталик, что случилось, почему они такие мрачные?” Я говорю: “Рассказал им их перспективу”. — “Дурак! Кто ж так делает?” — “Дурак? Да, согласен! Но я не ошибусь ни в одном слове”. И время показало: как я сказал, так и вышло», — вспоминал Виталий Ерфилов.

Итак, ребята возвращались в Москву. Они стали чемпионами, но после трудного разговора с Ерфиловым на душе было как-то тяжело. Как оказалось, все трудности действительно только начинались. Путь в команду мастеров лежал через тернии.

Анатолий Тарасов очень внимательно следил за армейской школой. Харламова в деле он практически не видел до его выступлений в составе молодежной команды. Но вот после финала молодежных команд в Минске, где тот сильно проявил себя, стал расспрашивать об игроке.

После возвращения домой у Харламова состоялся разговор с Тарасовым. В результате он принял решение взять академический отпуск в институте и написать заявление о приеме в ЦСКА. «Петров написал. И не жалеет», — только и сказал Анатолий Тарасов, при этом внимательно изучая новичка. По взгляду мэтра Валерий понял, что всё здесь не так просто. С распростертыми объятиями его никто в основе не ждет. И точно.

«Я уже играл за мужскую футбольную команду “Торпедо”, Валерка в марте пришел к нам на тренировку и говорит: “Беру академический отпуск в институте. Я ухожу в армию”», — вспоминал Вадим Никонов.

Тарасов обещал взять Харламова на турнир в Японию, куда отправился ЦСКА для участия в товарищеских встречах с местными хоккеистами. Но отцепил его в последний момент от поездки. А спустя несколько месяцев отправил в командировку на Урал,

откуда хоккеисты обычно возвращались подавленными и часто утратившими веру в свои способности.

Глава 3 ЧЕБАРКУЛЬСКАЯ КОМАНДИРОВКА

«С Валерой мы начали вместе играть с 1965 года. Он, будучи 1948 года рождения, играл за год 1949-й. Я был тогда вторым вратарем и вместе с ним участвовал в тренировках, — вспоминал Владислав Третьяк. — Для него, конечно, был ударом эпизод, когда армейцы отправились в Японию, а ему перед самым взлетом не дали визу. Это была мечта каждого хоккеиста. Вместо него поехал Смолин, а Валеру отправили в Чебаркуль. Человек мог сломаться в этой ситуации, а Валера взял и стал штамповать голы».

По словам Александра Гусева, в молодежной армейской команде своей техничной игрой действительно выделялись Харламов и Смолин. «Смола даже повыше его котировался, но не пошло у него потом. Он потом в Японию уехал вместо него. Мы с Валеркой не поехали, нас не взяли, хотя должны были», — вспоминает Александр Гусев.

История, когда Ерфилов и Кулагин весной 1967 года после победного для ЦСКА молодежного чемпионата СССР настойчиво уговаривали Тарасова взять Харламова в армейский клуб, из разных уст обрастает разными подробностями. Говорят, что тот сказал своим помощникам знаменитую фразу: «Это же конек-горбунок! Зачем нам еще один метр с кепкой». Но помощники настаивали на своем. Вызвав к себе Харламова, Тарасов взглянул ему в глаза и сказал: «Хочешь рискнуть — давай. Пробьешься — молодец. Не пробьешься — винить некого будет. Тебе в армию по годам пора?» Харламов ответил, что да, пора. Пришлось

выбирать между ЦСКА и институтом. Выбор был сделан в пользу клуба.

Борис Сергеевич беспокоился за сына, у которого в новом коллективе не удавалось выйти на ведущие роли. «Особенно его беспокоило, когда его отправляли в Чебаркуль. Папа пришел ко мне и говорит: что делать, как поступить? Его звали и в другие команды, а он, учась в институте физкультуры, “сдался” в армию. Там были такие перипетии интересные. Валерка со мной мало консультировался», — признавался Виталий Ерфилов.

«Валере, когда он начал тренироваться в основном составе ЦСКА, просто не хватало силенок убежать в отрыв, тех самых, мощишек, как говорят; потом это всеросло, и он сам, насколько я знаю, занимался с гантелями. Валера был человек, который хотел чего-то добиться. Если Смолин Саша, не в обиду ему будет сказано, думал, что все само пришло уже, то Валера, в отличие от него, избежал искушений и гнул свою линию благодаря врожденному упорству. Смолин после того, как Альметов, закончив карьеру в 27 лет, вручил ему свой игровой свитер — дескать, вот он, наследник, снизил обороты. Плюс он, в отличие от Валеры, избегал единоборств. Валерке же было все равно, сколько против него соперников впереди и какие у него габариты. Он лез в самую гущу борьбы, не чураясь черновой работы», — вспоминал в беседе Вадим Никонов.

Пробиться в армейскую основу тех лет, тем более такому молодому нападающему, было практически нереально. Хоккеисты выходили тогда на лед тремя тройками нападения. Следовательно, на игры раздевались, как правило, десять нападающих: девять основных и один запасной. А состав у ЦСКА был такой, что от имен захватывало дух.

Фирсов — Полупанов — Викулов — это первая, неприкосновенная тройка. Александров — Локтев — Альметов — эти кандидатуры также не обсуждаются: несколько лет они считались ведущей тройкой ЦСКА и сборной СССР. (Кстати, Харламов позже корил себя за то, что не заиграл в армейском составе в 17 лет, как прирожденный снайпер Альметов. Ушедший со льда, к слову, из-за проблем с режимом непростительно рано — в 27 лет. Ушедший фактически в никуда — в могильщики на кладбище. И слишком рано ушедший из жизни.) Наконец, третье звено также имело гарантированное место в команде Тарасова. Тройку Моисеев — Мишаков — Ионов хоккейные эксперты тех лет считали самой быстрой и маневренной в мировом любительском хоккее.

«В команде мастеров ЦСКА все места были заняты. Играла и талантливая молодежь, возглавляемая Владимиром Викуловым и Виктором Полупановым; я имею в виду таких одаренных мастеров, как Борис Михайлов, Владимир Петров. В молодежной команде вместе со мной выступали перспективные ребята Владимир Богомоллов, Александр Смолин, Юрий Блинов, Евгений Деев, которые по физическим кондициям, по уровню были, на взгляд тренеров, не хуже, а лучше меня. Потому на меня тренеры обращали не слишком много внимания, а на подходе были уже Вячеслав Анисин и Александр Бодунов», — писал сам Валерий Харламов в автобиографии.

И где при таком созвездии мастеров мог играть Харламов в его восемнадцать с небольшим лет? Разве что на подхвате, если кто-то получит травму или заболит.

«С Валерой я познакомился в начале июня 1967 года, когда мы с Володи Петровым уже играли в команде ЦСКА и поехали на наш сбор в Кудепсте. Туда великий тренер Тарасов вместе с Кулагиным взяли

молодых перспективных игроков из детской спортивной школы ЦСКА. Это были Саша Гусев, Валера Харламов, Борис Ноздрин, Саша Смолин, Виктор Еремин. Мы с Володькой уже давно играли — я в “Локомотиве”, он в “Крыльях Советов”. С Валерой же только там произошло первое знакомство. Нельзя сказать, что у нас возникла сразу группа по интересам. Мы рассматривались как игроки основного состава, а Валера — как перспективный молодой парень, которого взяли на просмотр для того, чтобы посмотреть, как он умеет работать. Там все молодые работали наравне с основой. А потом уже ближе мы познакомились, когда приехали со сбора и начали тренироваться вместе. Из этой молодежной группы, в которую входил Валерка, в ЦСКА оставили только Смолина и Бориса Ноздрина. А Сашку Гусева и Валерку Харламова отправили служить в Чебаркуль. Всех остальных оставили играть за молодежку. И наши пути на время разошлись», — вспоминал в беседе Борис Михайлов.

На первых порах Харламову с его небольшим по меркам армейской хоккейной команды (рост 173 сантиметра, при весе 72 килограмма) было крайне тяжело. От могучих защитников ЦСКА на тренировках он отскакивал как мячик от стенки. Те в ответ лишь улыбались. Не таких «воробьев» видывали и за борт выкидывали. Впрочем, вскоре отношение к этому настырному парню поменялось. Как бы его ни прижимали, он все равно упорно лез вперед.

Во время короткого отпуска, который Харламов проводил в Москве, ему сообщили радостную новость. Тарасов, убедившись в том, что Харламов находится в бодром настроении и готов к хоккейным подвигам, решил взять его на летние сборы с основным составом в Кудепсту. «Мускулатуру бы этому парню накачать», — обмолвился мэтр. Его брали на те самые изнуряющие

сборы, после которых игроки отходили еще несколько дней.

Харламов будто слышал эти слова Тарасова. И принялся работать на юге с каким-то остервенением, задавшись целью значительно нарастить мышечную массу.

«Веселые» тренировки Тарасова начинались в Кудепсте с раннего утра. Утром, после зарядки, хоккеисты бежали к морю. «У Тарасова вся команда в Кудепсте, в том числе все великие, работали на 100 процентов. Мы тренировались с 7 до 8 утра, с 11 до 13.30 и с 16.30 до 18.00. И кто плохо тренировался, занимались еще с 21 до 22 часов. Это были те, кому Тарасов делал замечание, чьим отношением к делу он оставался недоволен. Утром нас выводили на тренировку на каменистый пляж. Там еще не было отдыхающих. Особенно пристально Тарасов смотрел на нас, молодых, специально брал в помощники опытных игроков. Они показывали нам на своем примере, какие валуны надо бросать в воду. И мы такие же по объему брали и кидали в море. Потом из этого моря выкидывали их обратно. И так продолжалось в течение получаса. Валуны весом меньше десяти килограммов брать запрещалось», — вспоминал о сборах в Кудепсте Борис Михайлов.

Все эти упражнения придумывал лично Анатолий Владимирович. «В Кудепсте есть подъем, который с трудом одолевает дизельный автобус. И каждый из нас по очереди, меняясь ролями, сажал партнера на плечи и тащил его в гору. Моим напарником был, естественно, Петров — другой новичок ЦСКА. А к вечеру, когда спадала жара, проводили вторую тренировку: работали с клюшками. Партнер, разумеется, сидел на твоих плечах, а ты вел шайбу по грунту или асфальту — тренировка была одновременно и технической и силовой», — продолжал Борис Михайлов.

Бывший защитник ЦСКА и сборной СССР Александр Гусев уверен, что в киноленте «Легенда № 17» отношения Тарасова и Харламова «немножко переиграли: такого прямого деспотизма тренера по отношению к молодому Валере не было». Хотя, по признанию олимпийского чемпиона, Тарасов действительно мог поставить на тренировке без вратарской защиты в рамку кого-нибудь из молодых. «Так он воспитывал характер, проверял игрока на вшивость. Часто после таких упражнений в синяках со льда уходить приходилось», — вспоминал Гусев. Но в целом к игрокам со стороны тренерского штаба отношение было самое доброжелательное.

Правда, однажды Тарасов показал Харламову, «кто в доме хозяин». Этот урок — нужно выполнять всё, что скажет и задаст тренер, — он запомнил надолго. У Харламова, едва он начал тренироваться с основой ЦСКА, не шел бросок. Бросал он хотя и неожиданно и точно, но не сильно. «Тренер сказал, что в те минуты, когда в руках у меня нет клюшки, я должен заниматься с теннисным мячом: постоянно сжимать и разжимать его, вырабатывая силу рук. С тех пор я не расставался с теннисным мячом, но однажды, когда я шел в столовую из своей комнаты, Тарасов увидел, что мяча в руках у меня нет, спросил: “А где мяч?” — “Но я же обедать иду, руки сейчас заняты будут”. Анатолий Владимирович обиделся: “Куда бы ты ни шел, мяч должен быть с тобой. И в столовую, и в театр. Ты же пока не за столом”», — вспоминал Валерий Харламов.

О тарасовских импровизациях рассказывал автору этих строк прославленный защитник ЦСКА и сборной СССР Владимир Лутченко: «Я как-то ошибся в игре. Тарасов подходит и говорит так, что весь напрягаешься: “Ну что, понял свою ошибку, молодой человек?” Отвечаю: “Понял”. Он: “Вот завтра придешь утром на тренировку, придумав упражнение для того

момента, где ты ошибся". Все ребята в ресторан, а ты чешешь голову, придумываешь. Ведь надо придумать не просто упражнение, а сделать его либо в прыжках, либо в кульбитах со всякими наворотами». «Воспитывал нас тренерский штаб во главе с Тарасовым всех хорошо, по-человечески. Валерка молчун был, при этом он никогда не огрызался, был очень дисциплинированный. На него грех было жаловаться. Работоспособность была у него невероятная», — вспоминает Александр Гусев, добавляя, что после сборов в Кудепсте, проведенных с командой мастеров, Харламов за считанные недели окреп физически.

Теперь его было не узнать. Занятия с камнями, штангами и силовые упражнения превратили тело Харламова в настоящую гору мышц. «Когда уже Валерка приехал ко мне, он снял майку и я просто не узнал его. Такой мощный торс у него был. Казалось, что он весь буквально был соткан из мышц. Даже как-то непривычно, даже пугающе немного было видеть его таким», — вспоминал Вадим Никонов. «Тело у Валеры было рельефное, сплошная гора мышц, хотя, как признавался он сам, еще в 15 лет он был просто щупленьким мальчишкой. Но, работая над собой на сборах в Кудепсте, а потом в Чебаркуле, он довел его до такого идеального состояния, что все им любовались. И руки, и ноги — красивые, как у греческих атлетов», — признавался Михаил Туманов.

Действительно, многие знакомые Валерия Харламова, которые видели его спустя несколько месяцев после того, как он вернулся с летнего сбора в Кудепсте, замечали, что от тощего юноши не осталось и следа. Теперь это был хорошо сложенный атлет, добавивший к своей технике и отменному катанию достойную атлетическую подготовку. «Ведь если посмотреть на Харламова раздетого, то это был вылитый Геркулес. У него фигура была просто

потрясающая. Если бы он поставил себе такую задачу, то запросто бы выиграл конкурс культуристов. Чуть-чуть бы подкачался, где-то чуть-чуть жирка убрал бы, и тело было бы совершенным. Реально он был суператлет. Преуспевающий во всем», — вспоминал известный хоккейный комментатор Сергей Гимаев, игравший с Харламовым несколько лет в армейском клубе. «Очевидно, у него была хорошая мышечная масса, Тарасов умело тренировал своих подопечных; конечно, тренировки эти были жестокие, что там говорить. Поэтому выживал только сильнейший», — полагает Владимир Богомолов.

На сборах у Анатолия Тарасова обычно работали до тридцати или больше хоккеистов. Во время предсезонки на просмотр брали много игроков, проверяли их способность к нагрузкам, смотрели их на площадке. Собиралось, например, на таком сборе по 12 защитников, в два раза больше, чем может выходить в основном составе. А потом, когда приближался сезон, оставляли лишь тех, кто составлял костяк команды.

«Когда сезон стартовал, у нас была одна тренировка. Молодых еще вечером, бывало, собирали. Утром в ЦСКА идем тренироваться, думая, вот вечером наконец-то отдохнем. А Тарасов тут как тут, собирает нас, молодых, и с нами выходит на каточек. Или когда льда не было осенью, то устраивает для нас кроссик», — вспоминал в беседе с автором этих строк Александр Гусев.

Правда, на тренировках, по признанию ветеранов, игроки, особенно опытные, иногда позволяли себе немного халтурить. «Как-то кросс бежали по стадиону, молодые были; Александр Палыч Рагулин был постарше, кто вперед забежит, так того он сразу осаживает, дескать: “Але-але, молодежь, куда полетели? Ну-ка все пристроились за мной”. И сам первый приходит на финиш», — улыбается Гусев.

Едва Валерий Харламов появился в армейской основе, над ним взяли своеобразное шефство титулованные игроки. Тот же Рагулин, те же Анатолий Фирсов, Владимир Викулов, Виктор Полупанов, который, правда, был всего на два года старше. Да и вообще в ЦСКА тех лет, по признанию самих хоккеистов, не было никакой дедовщины, старшие ко всем новичкам относились доброжелательно. Тот же Александр Гусев считает, что благодаря этому Харламов так быстро раскрылся.

С началом нового хоккейного сезона 1967/68 года Кулагин и Ерфилов продолжали «молвить словечко» перед Тарасовым за своего воспитанника. В итоге с согласия главного тренеры решили проверить настырного юношу в одной из игр в октябре 1967 года. ЦСКА прилетел на игру в Новосибирск. Дебют Валерия Харламова во взрослом хоккее случился 22 октября 1967 года. В тот момент, когда армейцы громили «Сибирь» (выиграли у нее в итоге 9:0), на лед в одной из игровых смен вышел Харламов. Дебют его остался незамеченным зрителями, прессой и болельщиками.

«Ничего особенного, — равнодушно заметил Тарасов после игры. — Отправляйте этого “конька-горбунка” в Чебаркуль вместе с Гусевым». Больше в том сезоне Харламов за ЦСКА так и не сыграл. «Радоваться особенно было нечему. Мне почти девятнадцать лет, и я далек от основного состава... А потом тренеры мне сказали, что, выступая только за клубную мужскую команду, я не смогу повышать свое мастерство: места для меня в основном составе не видели и потому в ноябре решили направить на стажировку в одну из армейских команд. Выбрали “Звезду”», — вспоминал Харламов.

1967 год действительно стал одним из самых ярких в истории армейцев столицы. В клуб пришла талантливая плеяда молодых игроков. Они влились в

коллектив, где солировали многократные чемпионы мира. Было понятно, что и Харламову, и Гусеву в лучшем случае «светили» сидение на скамейке запасных и выход на площадку «на подмену» в концовке удачно складывающихся для ЦСКА матчей. В Чебаркуль их отправляли для получения игровой практики в основном составе.

«Я тогда догадался, что ЦСКА без меня обойдется. Предстояло решить, обойдусь ли я без ЦСКА», — философски заметил Валерий Харламов десять лет спустя, вспоминая о стажировке в Чебаркуле.

В стране в те дни как раз шли масштабные торжества, посвященные пятидесятилетию Октябрьской революции. Гусева и Харламова неожиданно вызвали в армейский клуб. В кабинете уже находился приехавший из Чебаркуля начальник местной хоккейной команды, друг Тарасова майор Владимир Филиппович Альфер, человек, по воспоминаниям людей, общавшихся с ним, буквально живший хоккеем.

«Он нас с Валеркой и забрал с собой. 8 или 9 ноября праздничные дни были, мы находились дома, так неохота было куда-то срываться, — вспоминал Александр Гусев. — Мы, молодые, домашние были, из родной Москвы толком-то не уезжали никуда. Но надо, значит, надо. Мы были солдаты, на воинской службе, куда денешься? Тарасов был немногословен, вызвал, говорит: ребята, езжайте, помогите команде».

«Майор Альфер был великолепный, доброй души человек. Потом, когда приезжал в Москву, часто оставался у нас. А в тот день отъезда в Чебаркуль мама, которая получила весточку о тяжелой болезни нашего деда, ее отца, в первый раз после нашей памятной поездки в Бильбао отправлялась в Испанию, — вспоминала Татьяна Харламова. — Валера улетал на несколько часов позже. Маме об этом ничего не

сказали, иначе она бы просто не отпустила Валеру или уехала вместе с ним в Чебаркуль. Узнала, когда уже вернулась обратно под Новый год с подарками и мандаринами. Строго спросила у папы: “Почему меня не встретил Валерик?” А узнав правду, набросилась на отца: “Почему ты не уберег его, почему он не остался в Москве?!” Только поняв, что у него всё хорошо, успокоилась».

А вот как позже объяснял это свое решение сам Анатолий Тарасов в статье для сборника «Три скорости», посвященного Валерию Харламову:

«В юные годы Валерия принял я однажды рискованное, но, как потом оказалось, вполне оправданное решение. Видел, что он человек способный, незаурядный, но выпускать его на площадку с мастерами было еще рановато, не хватало у парня умения, опыта. А где же набраться практических навыков, как не в играх — регулярных, важных, ответственных? Чтобы Харламов смог развить в себе игровую самостоятельность, усовершенствоваться в обводке, разучить новые финты и опробовать их на реальных соперниках, я предложил ему один сезон поиграть в одной из наших армейских команд среднего класса. Валерий воспринял мое решение до будничного просто. Спросил только, предоставят ли ему там время и условия для самостоятельных тренировок. Интересовался он, зная строгие порядки военной службы. Да, ответил я, руководители той команды всё знают, они получили копию твоего индивидуального задания».

«Почему Тарасов в Чебаркуль Валерку направил? — задался вопросом в беседе с автором этих строк Владимир Богомолов. И тут же выдал поразительный и неожиданный ответ: — Да потому, что он, Анатолий Владимирович, уйму грибов там всегда собирал. Его привезут туда на вертолете, а он как увидит, что одни

белые стоят, так обо всем на свете забывает. Для него раздолье. Грибов на территории воинской части, куда никого не пускали, немерено. Вот он и набирает целый баул, чтобы их солить. Он же фанат этого дела был. Помню, как помидоры пальчиковые мы ему из Киева везли. Целых восемь чемоданов на засолку. Он это дело обожал. У человека было хобби. Может быть, это единственная черта человеческая была у него такая — баня и соленья».

Тогда в армейском кабинете Альфер выразил сомнение в возможностях Харламова. Маловат, мол, затопчут, затолкают его, столько синяков наставят, что он из хоккея убежит. «Я слушал и про себя посмеивался, — вспоминал этот эпизод Борис Павлович Кулагин. — А вслух сказал: “Ну что ж, посмотрим...”».⁹

Итак, для двух друзей путь в большой хоккей начался с выступлений в команде «Звезда» из Чебаркуля Свердловского военного округа. Армейский клуб появился здесь в середине 1950-х годов. Сначала именовался «военная часть г. Чебаркуль» или «в/ч 13201». В протоколах, чтобы не упоминать наименование части, уральских армейцев называли «Команда г. Чебаркуль».

«Помню, сказал ему перед дорогой: Валера, чего раскис, нос давай кверху. Всё еще впереди, мы обязательно вернемся в ЦСКА», — вспоминал Александр Гусев. «Послали — поехал. Верил ли, что вернусь? Наверное, верил», — признавался позже Валерий Харламов. А за этими словами проглядывала неуверенность. И действительно, тяжело и неуютно было на душе у будущей звезды мирового хоккея.

Собрались в дальнюю дорогу, попрощались с родными. И полетели на самолете до Челябинска, а оттуда до Чебаркуля километров восемьдесят ехали по ухабистой дороге, уже на машине. «Нас было трое: Альфер, я и Валерка. Приехали, не выспавшись. И сразу

же отправились на тренировку», — вспоминает Гусев. Летевший с ними в самолете майор Альфер позже сказал, что в полете, наблюдая за хоккеистами, понимал, «какие кошки скребут на душе» у его попутчиков-«стажеров». Тарасов поставил четкую установку перед Альфером насчет Харламова, зная, что майор непременно выполнит его указания: «Вы должны создать ему условия для ежедневных трехразовых тренировок. В календарных встречах Валерий должен проводить не менее семидесяти процентов времени на льду независимо от того, как складывается игра». Харламову и Гусеву даже не пришлось проходить курс молодого бойца, как это делают новоиспеченные солдаты. Да и приехали в Чебаркуль они в штатском.

Это сегодня Чебаркуль знаменит на весь мир. Именно здесь, на Урале, 15 февраля 2013 года упал на землю самый большой астероид в истории Земли после знаменитого Тунгусского метеорита. А тогда, во второй половине 1960-х годов, это было райское место. Правда, с суровым климатом.

В переводе с тюркского языка «Чебаркуль» означает «Пестрое, красивое озеро». Город был основан на землях представителя местной башкирской знати с его добровольного согласия как военное поселение-крепость на границе русских и башкирских земель. В знак благодарности местные башкиры были освобождены от податей в царскую казну. Позже Чебаркуль стал казачьей станицей. В годы советской власти здесь появились промышленные предприятия.

Окрестности города считались курортной зоной: здесь в санаториях от туберкулеза лечились пациенты со всего Советского Союза. И Александр Гусев, и Вадим Никонов, который, — вот же поворот судьбы, — будучи в «крайнем призывном» возрасте, попадет в 1970-е служить в Чебаркуль, говорили автору этих строк о завораживающей красоте этих мест.

«Чебаркуль был нормальный городишко, в нем был отличный ресторанчик “Уральские зори”. Рядом танковая часть стояла, через переезд перейти. При мне там солдат месяц обучали или два и отправляли в Германию в Группу советских войск уже специалистами-сержантами, — вспоминал в беседе Вадим Никонов. — Город очень хорош. А места там уникальные. Озера прекрасные. Малый Сунукуль, Большой Сунукуль. Там единственное — грибы большие были, даже чересчур большие выростали. Говорят, там при маршале Жукове провели какие-то секретные испытания где-то в горах». Из-за озер эти места называли «второй Швейцарией». К тому моменту, когда в Чебаркуль приехали Гусев с Харламовым, в этом промышленном городке проживало около тридцати четырех тысяч человек, среди которых было немало военных. В городе стояла военная танковая часть, к которой были приписаны армейские хоккеисты. Благодаря этому для них было предусмотрено питание и денежное довольствие от части.

Настроение у Харламова в первые дни было упадническим. На хоккеиста накатил волна тоски и отчаяния, какая бывает, когда абсолютно всё порой представляется безнадежным. «Хоть плачь, хоть бессильно стучи кулаком в равнодушные каменные стены казармы! Самым обидным казалось то, что выбрал он этот путь сам. Не послушай тогда Тарасова, не подай заявление — остался бы дома, а не торчал бы теперь в казарме. Учился бы и играл. Пусть и не в ЦСКА — смотришь, в другую команду взяли бы. В приличную, — писал журналист Олег Спасский. — Спустя неделю утренний подъем не казался уже гнетуще трудным. И ребята в команде, оказывается, ничего. Не тот класс, конечно, что у Фирсова, но играть умеют».[10](#)

Харламов и Гусев были в звании рядовых. Защитник был призван в армию в 1966 году, а будущая гроза

канадцев — в 1967-м. Страна как раз переходила с трехгодичного на двухгодичный срок службы в армии. И если Гусеву пришлось отслужить три года, то Харламову суждено было пробыть «служивым» только два.

Хоккейный стадиончик в Чебаркуле находился у подножия живописных лесистых гор. Его называли острогом. Дело в том, что его ограда в виде кольев, как в свое время в дореволюционных тюрьмах, была сделана из цельных стволов мощных деревьев.

Для хоккейной команды, в которой были собраны призывники со всех концов страны, местные начальники выделили две четырехкомнатные квартиры при ДОСе (Доме офицеров Советской армии). Жили по два, три, четыре человека в каждой комнате. Общими были кухня, санузел. Тогда в составе каждой из команд было не более двадцати человек. И чебаркульские армейцы прекрасно размещались в этих двух больших квартирах. Через год к армейцам присоединился Александр Смолин, также отправленный Тарасовым в Чебаркуль. В каждой квартире имелся телевизор, который смотрели по вечерам, если не было игр и тренировок. Случались и редкие выходные. Военный люд стягивался в Дом офицеров, там играли в бильярд, смотрели, как правило, военные фильмы.

В военном городке, растянувшемся на сотни метров на уральских просторах, жили офицеры, служившие в части, с семьями. В ответ на вопрос относительно комфорта и бытовых условий в городе Гусев был откровенен: «Там была плохенькая гостиница, и, по моему, ни одного нормального ресторана». Но это всё мелкие неудобства, незаметные на фоне того радушия, которым окружили приезжих хоккеистов. Рядом была офицерская столовая, где спортсменов, городских любимцев, очень хорошо кормили: трудягам-хоккеистам, радовавшим местных болельщиков,

постоянно накладывали дополнительную порцию. Кушайте, голубчики! Кормили от души, с уральским гостеприимством. Часто сотнями штук лепили смачные уральские пельмешки и подавали их со сметанкой. «Деликатес» для вечно голодных служивых да еще утомившихся после тренировок и игр.

Местная команда целиком состояла из приезжих игроков. Потом, когда Валерий и Александр вернулись в Москву, ее перевели в Свердловск. Туда переехал и майор Владимир Альфер.

А пока Гусев и Харламов довольно быстро освоились в чебаркульской команде и, как отмечали местные знатоки, сразу рванули с места в карьер. Тренер Борис Поспелов давал им свободу творчества и не нагружал такими тяжелыми физическими упражнениями, как Тарасов. Хотя распорядок дня, по воспоминаниям Гусева, был довольно жесткий, как в армии: «Утром подъем, зарядка, завтрак, в город на тренировку едешь. В городе каточек был деревянный, открытый. Правда, лед, надо отдать должное работникам стадиона, нормальный был. Народ туда собирался битком. По сути, единственное зрелище в городе было. Трибуны вмещали около четырех тысяч зрителей, но болельщиков сюда набивалось значительно больше».

Новичков в команде приняли совсем не так, как показано в фильме «Легенда № 17», где Харламову едва не устроили темную «местные хоккейные деды», пытавшиеся его всячески унижить и лишить свободы творчества. «Полная чушь в том фильме про Чебаркуль. Да и не только про Чебаркуль. Не случайно я попросил, чтобы мою фамилию убрали. Там нет Гусева. Там есть Гуськов, — рассказывает Александр Гусев. — Атмосфера в нашей армейской команде была отличная. Ребята в ней классные, простые были. Из Свердловска, Челябинска, из Тагила. Из москвичей мы с Валерой в ней вдвоем были. Потом уже Смолин подъехал после нас,

Смагин с Юрой Федоровым (защитник, двукратный чемпион мира, воспитанник ЦСКА. — *М. М.*). Потом туда приехали Трунов Володька, Женька Деев. Кто был помоложе, тех туда по указанию Тарасова и отправляли. Играл в команде и Коля Макаров, отличный хоккеист, брат Сергея Макарова. А Валера сразу в лидеры выбился, так что, когда мы в новый город для игр приезжали, слава о нем уже шла впереди него. И это признание случилось за считанные недели».

В Чебаркуле у игроков практически не было силовых упражнений. «Атлетизмом занимаются обычно перед сезоном. А в Чебаркуль мы попали в самый разгар сезона, игры уже вовсю шли, все местные хоккеисты уже давно вкатились в этот сезон», — уточнил Гусев. Правда, Валерий Харламов выкраивал время на дополнительные силовые тренировки.

Играли примерно через два дня на третий. При столь интенсивном графике игр свободного времени почти не оставалось. Игроков очень выматывали разъезды. Надо было из Чебаркуля на электричке доехать до Челябинска, потом добираться до аэропорта, затем лететь на самолете. На тренировки из ДОСа игроков возил старенький военный автобус. Особых приключений в дороге не было, поездки игроки переносили нормально.

На побывку в Москву Гусева и Харламова не отпускали. Да и некогда им было ездить домой: таков уж был порядок, игры и еще раз игры. «Раза два транзитом проезжали через Москву, домой заскочишь буквально на несколько часов, и всё», — вспоминает Гусев.

Самыми принципиальными соперниками были клубы из Нижнего Тагила, Ярославля, Глазова, Прокопьевска. Играть игрокам низшего советского хоккейного дивизиона, особенно на открытых стадионах Урала и Сибири, часто приходилось при 25-30 градусах мороза.

«Однажды в Устинке играли при минус 47. Шесть периодов по 10 минут. Там сарайчик стоял, в середине — печка-буржуйка. Одна пятерка играет, другая у печки сидит. Вылетаешь на смену — на льду такие трещины! Лед от мороза кололся. Попадаешь шайбой в штангу: одна половина в воротах, другая на вираже. Судья спрашивает: что делать? Ярославцев (игрок минчан) советует: взвесить, если тяжелее та часть, что в воротах, — гол», — вспоминал в интервью порталу «Прессбол» бывший игрок минского «Торпедо», выступавшего в одной игровой зоне со «Звездой», Сергей Шитковский. «Это было нормальное явление, — улыбается Гусев. — Мы молодые были, особо морозов и не замечали. Уши мерзли, погреешь их немножко, и снова в бой. Болельщикам было проще, они согревались своими методами. Там разбивали военные палатки, в них предлагали портвейн, беляши горячие. Народ отдыхал хорошо. Куда еще им идти в этом городе? Зато радость у людей была искренней и неподдельной. Все болельщики, несмотря на крайне суровую и невеселую жизнь, были одной дружной семьей. Игру и хоккеистов здесь ждали так, как ждут семейных праздников».

Гусев говорил эти слова одновременно с такой светлой печалью, но с такими искрящимися глазами, что я живо представил себе тех людей, болельщиков. наших дедов и отцов (если говорить о моем поколении сорокалетних), живших в то самое время, которое так клеймили «господа демократы» в 1990-е, а некоторые люди, для которых родина — это когда «одно место в тепле», поливают и до сих пор. Время жен, проводящих лучшие годы жизни в самых отдаленных гарнизонах, но счастливых оттого, что вот она есть, она твоя — эта жизнь без войны. С тяготами службы среди замерзших елей и затаившихся в дремучем лесу болот.

Это было время службы во благо твоей великой страны. С людьми, счастливыми по пустякам.

Радующимися новой обновке, новой брошке, новой игрушке, но не превращающими потребление и накопительство в смысл бытия. Не сделавшими деньги смыслом и целью жизни.

Счастливыми от ощущения полноты самой жизни, от радости ее маленьких фрагментов. С братской всепрощающей любовью объединяющимися вокруг одного маленького счастья по имени хоккей. В тридцатиградусный мороз согреваемыми портвешком в стаканчиках, которые заботливо передаются друг другу, в ожидании горячего беляшика.

Такую счастливую атмосферу помнит и автор этих строк. В начале 1980-х, в мороз под минус 30, надев пару шерстяных носков, пару свитеров, шубу, валенки и много чего теплого, бегущий с друзьями на тридцатитысячный стадион имени Ленина в Хабаровске, чтобы посмотреть на хоккей с мячом. И ведь были забиты стадионы, ведь передавали друг другу термос с «чаем» сидевшие рядом мужички. И все обнимались друг с другом при очередном голе любимой команды, в радостных порывах едва не душа друга друга.

Где это время, где эта радость? Убиты проклятой диктатурой денег и коммерциализацией душ, вытеснившей из сердца самое сокровенное и «замкнувшей людей друг в друге»...

Любопытно, что, когда ЦСКА в 1969 году сыграл товарищеский матч в Швеции на открытом воздухе, Харламову было уже не так комфортно, как раньше. Игроки команд мастеров — не мальчишки, которые часами могут резвиться на дворовых площадках, забывая о холоде. Или не хоккеисты команд низших лиг, которые играли на холоде чаще, чем в закрытых помещениях. «В том матче в Швеции я терпел сколько мог, но наступил момент, когда руки меня уже не слушались, пальцев я не чувствовал и, чтобы как-то согреться, сжал руки в кулак и так вот, без помощи

пальцев пытался держать клюшку. Лихо носился по льду, не вступая, однако, в игру. Увы, долго имитация активности продолжаться не могла. Товарищи увидев, что я “открываюсь”, и хорошо понимая хоккей, дали мне пас, шайба была пущена сильно и точно и, попав в клюшку, выбила мое оружие из рук. Сил поднять клюшку, разогнуть пальцы уже не было», — вспоминал Валерий Харламов.

Но вернемся в Чебаркуль. Харламов с его взрывной вдохновенной манерой игры, оригинальной обводкой и виртуозным катанием полюбился болельщикам сразу, стал любимцем местных жителей. За «Звезду» он играл с огоньком в глазах. «В третьей группе мало было хоккеистов, которые могли бы сравниться с ним в скорости. Да и в обводке. В Чебаркуле Харламов чувствовал себя спокойно. Очень помогала ему спокойная, доброжелательная атмосфера, которая царил в “Звезде”. Он видел, что другие игроки надеются на него, и постепенно привыкал к роли лидера», — писал Владимир Дворцов.

Закружил лихие карусели Валера Харламов на льду, стал искрить, зажигать, забивать. Пошли голы, голы, голы. Полюбился этот необычный, черноволосый юркий парень уральским болельщикам своей залихватской, искрометной игрой. «С Харламовым пересекались, когда его сослали в Чебаркуль. Как он играл! Просто как черт, как вьун...» — вспоминал Сергей Шитковский в интервью portalу «Прессбол».

«Три-четыре заброшенных шайбы за матч были для Харламова нормой. Его обожали чебаркульские болельщики! Открытый каток в Чебаркуле на пять тысяч мест забивался до отказа, на Харламова приходили смотреть семь-восемь тысяч болельщиков, и не только из Чебаркуля. На матчи с участием “Звезды” ехали электрички из Челябинска, Миасса, Златоуста, из поселков и деревень всего Чебаркульского района,

полные предвкушающих искрометное зрелище людей. В день матча Чебаркуль словно бы вымирал, жил и дышал хоккеем. Стадион заполнялся за час-два до начала матча», — делился впечатлениями хранитель музея Харламова в средней школе № 6 Чебаркуля Эрнст Иванов.

Уже спустя несколько игр Харламов и Гусев стали любимцами болельщиков. «В Чебаркуле были отличные болельщики, для которых хоккей был настоящей отдушиной. Однажды после очень напряженной игры, которая закончилась нашей победой, а Валера забросил то ли две, то ли три шайбы, они вынесли нас с Харламовым на руках прямо от выхода со стадиона, едва мы вышли из раздевалки. Спрашивают: “Куда вас нести?” Я отвечаю: “Давайте до ближайшего магазина”. Мол, сейчас это дело обмывать будем. Потом мне неудобно стало. Сказал им, что я пошутил. А так бы отнесли, куда хочешь. Нас ссадили на землю раньше, чем мы попали в магазин», — улыбаясь, вспоминает Александр Гусев.

Обо всех успехах Валерия Харламова Альфер регулярно докладывал Анатолию Тарасову. Вот что говорил об этом сам мэтр тренерского цеха годы спустя: «Периодически мне докладывали, как там идут дела у Харламова. Никаких замечаний. Игроки команды равняются на него. На тренировки приходят сотни зрителей. Во время матчей стадион не может вместить всех желающих. Играет самоотверженно и в мастерстве прибавляет день ото дня». «Тарасов в курсе всего был. Знал каждый наш шаг. Альфер сыграл большую роль в нашем возвращении. Пригляделся Тарас к Валере. Он вроде такой же маленький, щупленький. Тот самый конек-горбунок. Но присмотрелся получше к нему и понял, что Валера очень техничный и не по годам умный игрок. В Чебаркуле он раскрылся по-настоящему», — рассказывал Александр Гусев.

«Он с такой неохотой ехал в Чебаркуль, а потом я открываю газеты и читаю, что Валерий Харламов постоянно забивает шайбы и стал любимцем Чебаркуля. Так с помощью Валеры они вышли на первое место в своей группе чемпионата СССР», — признавался в свое время Борис Сергеевич Харламов. Именно в Чебаркуле зародилась та традиция, которой потом Валерий Харламов будет следовать все годы хоккейной карьеры. Он последним из хоккеистов выходил на лед. И последним уходил со льда.

«Мороз — за 30, ветер, пронизывающий до костей. Минут 25 потренируемся и — в избушку греться. Через 10 минут команду: “На лед!” Солдат Харламов был единственным, кто не покидал этот лед в течение всей тренировки. После ее окончания все хоккеисты, большинство из которых были коренными уральцами, отталкивая друг друга, спешили в раздевалку, чтобы поскорее снять коньки, выпить глоток крепкого свежесваренного чая и ополоснуться под горячим душем. А москвич Харламов оставался на площадке и вел бой с невидимыми соперниками до тех пор, пока рассерженный водитель автобуса не нажимал на клаксон. Нет, он ни разу не опоздал к отъезду, но коньки с ног, которых уже наверняка не чувствовал, с трудом стягивал только в автобусе», — вспоминал старший тренер «Звезды» Владимир Альфер.[11](#)

Во многом благодаря Харламову чебаркульская «Звезда» на следующий же год вышла во вторую группу, а затем и в первую. («Звезда» выступала в классах А и Б первенства СССР до сезона 1975/76 года. Впоследствии главной командой Чебаркуля стал «Молот». Сейчас «Звезда» выступает в первенстве Челябинской области.)

В конце последнего матча за «Звезду» болельщики стоя провожали Валерия Харламова бурными аплодисментами, а игроки вынесли его с площадки на

руках. Харламов забросил за «Звезду» 34 шайбы в 40 играх, набрав отменный «снайперский ход».

Его чебаркульская командировка продлилась четыре месяца. Игроки приехали на Урал в середине ноября, а в начале марта первым уехал из Чебаркуля Валерий Харламов. «Валерку раньше забрали, а я еще в Прокопьевск поехал, там две игры сыграли. “Звезда” с нашей помощью вышла во вторую лигу. Я вернулся домой в апреле, тепло уже было. Здесь чемпионат Союза доигрывали. Мы еще несколько игр за ЦСКА с ним провели. Хотя там всё ясно было, что ЦСКА станет чемпионом», — вспоминает Александр Гусев.

«В 1968 году мы поехали на Кубок Советского Союза играть со “Звездой” из Чебаркуля. Добирались туда двое суток, а там мороз стоит минус 35. Он там здорово сыграл на глазах у Тарасова, и после этой игры Валерку вернули в команду», — вспоминал многолетний партнер Валерия Харламова по первой тройке Борис Михайлов.

«У Валеры в жизни было постоянное преодоление преград. Небольшой рост, порок сердца, который в юном возрасте диагностировали врачи. А он стал заниматься спортом, преодолел этот сложный этап в жизни. Перестал бояться, что у него порок сердца. Человек почувствовал, что не просто обыгрывает соперников, а обыгрывает красиво, и много обыгрывает. Это было еще одно преодоление. Есть акселераты, а есть ретарданты, те, кто опаздывает в развитии. У Валерки было больше от ретардантов. Но он преодолел и это обстоятельство, — признавался в беседе Владимир Богомолов. — Потом этот случай с Чебаркулем. Он собрал волю в кулак, нашел в себе силы быть лучшим. А ведь запросто мог там запитать от безнадеги. То, что в кино показали, это бред. Ведь он приехал на Урал из ЦСКА уже потенциально ведущим игроком, это надо понимать. Он звезда там был уже сразу. Но выступление за “Звезду” стало очередным

испытанием, когда ему опять пришлось что-то доказывать».

«Почему он не скурвился, не сломался в Чебаркуле? Потому что он любил играть, — говорил автору Виталий Ерфилов. — Я знал о том, что его планируется отправить в Чебаркуль. Потом папа Боря подошел и говорит: что делать? Я говорю: пусть едет. Пусть добивается результатов, успеха, пусть становится там лидером и возвращается в Москву».

Интересуюсь у первого тренера Харламова: что двигало Тарасовым, чем руководствовался армейский старший тренер? Ерфилов отвечает без обиняков, прямо: «Неверие в него, он в него не верил абсолютно; Валера, по его мнению, был маленький, дохлый, хилый, пусть верткий, но это не был игрок, который мог противостоять канадцам. У Тарасова же тогда в 1967 году были одни канадцы в голове. К ним он готовился. У него была идея: нужны габаритные игроки, и этому были посвящены все упражнения, например, часто упоминающиеся в прессе — бей канадца. Он брал распечатки игр, изучал статистику, хронометраж, антропометрические данные советских игроков. Сравнивал с канадцами. У тех рост 180-190 сантиметров, а у нас 160, он говорил: это несерьезно! Тарасов же Вячеслава Анисина выгонял из ЦСКА три раза! Тот вообще был маленький. Помню, Тарасов говорит, показывая на Анисина: “Гони эту шпану к чертовой матери!” Я говорю: “Славик, Тарасов тебя выгнал, уходи”. На следующий день Анисин снова приходит. Он упрямый был. Выгонял Тарасов его и из детской команды. А тот снова приходил. А в итоге Анисин в суперсерии 1972 года сыграл. И как сыграл?! Здорово!»

Наконец в Чебаркуль посмотреть, как устроились его подопечные по ЦСКА, насколько они адаптировались в команде, приехал Борис Кулагин. У

него состоялась встреча с тренерским штабом. Все как один, перебивая друг друга, нахваливали армейских хоккеистов, особенно того самого «мальца», который сначала смутил их своими габаритами. Выражали восхищение не только игрой Харламова, но и его уважительным отношением к партнерам, зрителям, готовностью играть и совершенствоваться. «Не секрет, иной столичный игрок, попав в периферийную команду, поглядывает свысока на местных хоккеистов, позволяет себе вольности. Естественно, он остается чужаком. Валерий же, хотя он играл в команде Чебаркуля не так уж долго, сразу стал своим. И дружбу со многими хоккеистами из той команды сохранил на долгие годы. Родители Харламова рассказывали, что без телеграммы из Чебаркуля не обходился ни один праздник, а после трагической гибели Валерия именно в том городе начал создаваться первый музей Харламова. Вот ведь какую добрую память оставил о себе Валерий в Чебаркуле!» — вспоминал Борис Кулагин в 1984 году.[12](#)

Кулагин также лично посмотрел матч уральцев в городе Калинин в марте 1968 года. С Кулагиным в Калинин поехал и Борис Сергеевич Харламов. Выбил у себя на работе отгул и поехал посмотреть на сына. «Молодой хоккеист буквально раскрылся за сезон и показывал великолепную игру», — доложил Кулагин Тарасову об игре Харламова. «После матча Кулагин подозвал Гусева и Харламова, похвалил за игру, и, хотя прямо ничего не сказал, по тону разговора, по вниманию и интересу, с какими расспрашивал про «жизнь-бытие вдали от Москвы», поняли Александр и Валерий, что недалек, видимо, день, когда вновь пригласят их в ЦСКА», — писал Олег Спасский.

7 марта «Звезда» выиграла игру, и эта победа позволила команде перейти в следующий класс розыгрыша первенства страны. В итоге Кулагиным по согласованию с Тарасовым было принято решение

откомандировать Валерия Харламова в Москву уже на следующий день, хотя к тому моменту он уже вернулся с Гусевым обратно в Чебаркуль. Поздно вечером в клубе раздался звонок из Москвы, а 8 марта утром Валерий Харламов уже летел домой.

Чебаркульская командировка принесла Валерию Борисовичу колоссальную пользу. Во-первых, он показал себя настоящим бойцом со стальным характером, который, по большому счету, и сделал из него великого хоккеиста. Во-вторых, он стал лидером. Точнее, почувствовал, что такое быть вожаком, лидером. Распробовал этот сладкий вкус, раскрывшись во всей своей красе, что вскоре поможет ему закрепиться в основе лучшей команды страны. В-третьих, с честью перенес все тяготы пребывания в богом забытом городе и «уберегся от соблазна» столиц, который неизбежно искушает начинающую звездочку. Причем соблазн зачастую предательски поджидает, когда игрок начинает свое восхождение на вершину, и «сбивает его в полете». А здесь нет ни друзей, которые нальют тебе рюмку, ни сомнительных девиц, которые начинают виться вокруг игрока, едва о нем заговорят во всеуслышание. Играй в свое удовольствие, совершенствуйся. В-четвертых, Харламов доказал маститому тренеру Тарасову, что способен на многое и действительно может, а самое главное готов играть за прославленный армейский клуб.

Известный в прошлом телекомментатор Владимир Писаревский вспоминает, что для многих спортивных экспертов было неожиданным то, что Тарасов вернул Харламова в Москву и взял его на летний сбор, дав ему шанс заиграть в армейской основе. «Валера сильно возмужал. А понимание игры, своя, неожиданная трактовка голевого момента, неповторимая обводка быстро снискали уважение у игроков и тренеров. Было понятно, что такому таланту нельзя дать пропасть», —

вспоминал Владимир Писаревский. Теперь Харламов с оптимизмом смотрел в будущее, хотя и понимал, что «красную дорожку», ведущую в основной состав ЦСКА, перед ним никто расстилать не будет. Уезжая с Урала, сказал своим партнерам по «Звезде»: «Вот увидите, я буду играть в ЦСКА и сборной СССР. Раз я в Чебаркуле не закис, то в Москве, дома, и подавно не увяну».

По словам Вадима Никонова, который попал служить в Чебаркуль уже в 1975 году, Харламов оставил в этом городке о себе самую добрую память, хотя людей, с которыми он служил, а уж тем более играл, здесь было очень немного.

В 1983 году учитель истории, страстный поклонник хоккея и почитатель таланта Харламова Эрнст Николаевич Иванов создал при музее боевой славы школы № 6 экспозицию, посвященную памяти Валерия Харламова. Начинали с книг, вырезок статей, фотографий. Постепенно экспозиция расширялась. Там появились клюшки, с которыми Валерий Харламов играл за сборную, его краги, щитки, шлем. Борис Сергеевич Харламов даже прислал в музей студенческий билет сына. В музее побывали практически все чебаркульские мальчишки.

«Гордость переполняла моих земляков, когда они узнавали о восторженных оценках, которые давали их любимцу ведущие хоккейные специалисты и журналисты. Чебаркульцы гордились тем, что смогли увидеть этого самородка на год раньше. Тогда-то и стали наши мальчишки “играть в Харламова”. Это была величайшая сила примера. Не символ, не идол, а пример для изучения, для подражания в самом лучшем смысле. И для детей, и для взрослых он остается “нашим Харламовым”», — напишет позже в своей книге «Есть в школе музей» Эрнст Иванов.

Именем Валерия Харламова был назван ледовый дворец «Уральская звезда», который открылся 27

сентября 2008 года. В 2013 году во Дворце спорта была открыта мемориальная доска.

...Валерий Харламов вернулся домой в Москву 8 марта 1968 года, когда вся страна поздравляла своих любимых женщин. Лучшего подарка, чем возвращение сына, в этот день для мамы Бегони трудно было придумать. «С утра я всё ждала от него весточки: у нас в семье дети приучены уважать родителей, с праздником поздравлять, преподносить цветы, подарки. А тут ничего. Какой же это праздник? Расстроилась, принялась полы мыть. Вдруг звонок в дверь. “Кто там?” — спрашиваю. “Мам, это я”. Валерик приехал! Снова в Москве будет играть. То-то радости у нас в семье было: снова все вместе! Вроде и немного времени прошло, а возмужал сын заметно», — вспоминала Бегоня Харламова.

Разгрузив сумку, Валерий сразу же отправился к друзьям в район станции метро «Аэропорт». Однако Тарасов уже был в курсе его приезда, знал точную дату и немедленно вызвал Валерия на тренировку. Проверял ведь! Причем в Международный женский день 8 марта, «красный день календаря» и один из главных праздников в стране.

Лишь бы не выпил, вдруг Тарасов заставит на льду кататься, думал отец хоккеиста. Борис Сергеевич отправился на поиски сына, благо он знал, где могли быть в это время Валера и его друзья. «Мы с Валерой пошли к его другу и однокласснику Саше Баеву, который только вернулся из армии, — вспоминала Татьяна Харламова. — Тот служил в секретной части, приехал весь седой. Валера-то особо и поговорить с ним не успел, как раздался звонок в дверь. “Это наверняка папа”, — сказал Валера. Так и вышло». К счастью, Валерий еще не успел пригубить за здоровье и благополучие всех женщин Советского Союза. Хотя вино по стаканам уже было разлито. Может быть, на это

и рассчитывал хитрый Тарасов, решив проверить «возвращенца» на стойкость характера?

На самом деле Анатолий Владимирович хотел своими глазами посмотреть на Харламова, оценить, готов ли тот к нагрузкам даже в такой «празднично-неурочный» час.

Во дворе, куда пошел Валерий, уже вовсю гуляли, отмечая женский праздник. Было солнечное утро. Москва была пуста от машин. Люди разъехались за город. Кто-то накрывал столы с нехитрой снедью прямо во дворах. Жили-то дружно.

Он вернулся в свою любимую Москву. Это была та самая романтическая, милая Москва. Именно по такой столице тоскуют люди, видевшие ее без архитектурного «новояза» — стеклянных высоток «Москва-Сити» и многочисленных торговых центров, возводимых на любом свободном «пяточке». Это был главный город великой страны, без гари и вечных пробок, без непонятно откуда взявшихся «гостей столицы», чужих, нахохлившихся, как вороны. Это была еще не та «Москва, которая слезам не верит», а романтическая столица из фильма «Я шагаю по Москве». Помните тот пронзительный эпизод с девушкой, идущей босиком по лужам, когда рядом с ней с зонтом едет велосипедист? Тогда Москва заслуженно любила своих героев. Воздавая им должное не по кошельку, а по их действительно народным заслугам...

Чуть позже после возвращения из Чебаркуля у Валерия вспыхнет роман с его соседкой. Галина Егорова помнила Валеру еще мальчишкой небольшого роста, а здесь с побывки на Урале вернулся статный красавец. В день их знакомства в доме, где жили Харламовы, играли свадьбу. Валера, придя домой с тренировки, постучал палочкой в окно соседей. Тогда не было телефонов и таким «коммуникатором» — узнать, дома

ли соседи, — служила обыкновенная палочка, которой несильно били по стеклу.

«А где мои?» — спросил Валерий Галину. «У нас», — улыбнулась девушка. В соседней квартире нараспев затягивали пронзительные русские песни. Через несколько минут к веселой компании присоединился молодой хоккеист. Чувства, по воспоминаниям Галины, вспыхнули внезапно. «Я впервые серьезно обратила на него внимание. До этого мне казалось, что он какой-то маленький, — вспоминала Галина Егорова в интервью для фильма «Валерий Харламов. Живая история». — Пели одну из песен. Был перерыв. В этот момент он представился — Валерий Борисович».

Это была первая юношеская любовь Харламова, которая началась с того дня. Они простояли на балконе их дома всю ночь. Валерий держал Галину за руки и целовал ее. «Если расскажу ребятам по команде, какая у меня красивая девушка, то не поверят», — улыбнулся он.

Любовь их была искренней, но короткой, как это часто бывает у тех, кому едва исполнилось восемнадцать. Чистая юношеская любовь длилась два года. Потом Галина вдруг почувствовала, что Валерий избегает ее, старается не попадаться ей на глаза. И тогда мама хоккеиста призналась Галине, что главное для сына сейчас — это хоккейная карьера. Он как раз резко пошел вверх, и серьезное чувство, как уверяла мама, ему было ни к чему. Галина сильно страдала, возненавидела хоккей, но потом оттаяла, наблюдая по телевизору, как ее Валерий забивает голы в ворота лучших команд СССР и мира. Вскоре, как бы в отместку, Галина вышла замуж за человека, с которым была знакома лишь несколько недель. О несерьезности романа говорит тот факт, что уже через полтора года она подала на развод. Позже, уже будучи известным хоккеистом, Валерий Харламов заедет в дом к своей

первой юношеской любви, заберет ее с собой, привезет в компанию и познакомит Галину с человеком, который станет ее вторым мужем...

А тогда, в марте 1968 года, благоухала ранняя в тот год московская весна; снег, жалкий, скукожившийся, зиял серыми проплешинами, умирая под мартовским солнцем. Валера, сидевший спиной к подошедшему к их компании отцу, вдруг обернулся и сказал: «Папа, я знал, что ты придешь». В его глазах читалось: «Я знал, что меня позовет Тарасов». «Пойдем, тебе только что звонил Кулагин. Тебя срочно хотят видеть в ЦСКА», — сказал Борис Сергеевич.

Попрощавшись с друзьями, он вернулся домой, взял тот самый баул и поехал на свое главное испытание. На смотрины к Тарасову. Через 40 минут он уже был в ЦСКА. С тех пор, как говорится, пошло-поехало. Начался путь к славе и признанию.

Глава 4 СТАНОВЛЕНИЕ ПЕРВОЙ ТРОЙКИ

Его сразу бросили из огня да в полымя. «Меня не встречали в ЦСКА барабанным боем и красную ковровую дорожку передо мной не расстилали... Длинная дорожка потребовалась бы. До Урала», — признавался Харламов годы спустя, уже будучи зрелым мастером.

В полдень 8 марта вместе с отцом они приехали во Дворец спорта ЦСКА. Несмотря на праздничный день, здесь находилась вся армейская основа во главе с Анатолием Тарасовым. Внимательно посмотрев на Харламова, Тарасов сказал: «Ну что, молодой человек, переодевайтесь, покажите нам, на что вы способны». Тот пулей влетел в раздевалку, переоделся. Нет, не за 45 секунд, как учили в армии, а чуть дольше, все-таки тяжеловаты были хоккейная форма и защитные приспособления. Минут через пять уже был на родном армейском льду. Ветераны во главе с Рагулиным и Фирсовым остановились, облокотившись на клюшки, и, улыбаясь, качали головой, наблюдая за старым новым «резвым» Валерой Харламовым. «Харламов, достаточно, ты сейчас мне тут игроков на льду посшибаешь, — сдерживая эмоции и стараясь не расстаться с „маской строгого учителя“, заметил Тарасов. — Готовься к матчу. Он у нас послезавтра».

«Вспоминаю, какой счастливый и уверенный в своих силах вернулся он из Чебаркуля. Глаза блестели, — рассказывает двукратный олимпийский чемпион Владимир Лутченко. — И главное, он показывал огромную мощь. С первой же тренировки. Как бычок такой был. Мастеровитый бычок. И катил на ворота, и всё ему было нипочем. Ни страха, огромная уверенность

в правильности своих действий. На глазах преобразился, постепенно набрал мощь в 68-69-м годах. В 72-м году, конечно, он был неподражаем и в Саппоро, и в суперсерии. Но я запомнил именно его возвращение из Чебаркуля. Тогда я столкнулся с ним во время тренировки, чуть не отскочил от него. Подъехал, удивленно, признавая его силу, говорю: “Где ты так накачался, Валер? Красавец!” А он улыбается своей обворожительной улыбкой, немного смущается и говорит: “Да, ладно, ничего особенного, просто тренировался”».

Домой в тот день Валера ехал счастливый. Баул в руках казался легким, как пушинка. Харламов просто не замечал его тяжести. В голове крутилось одно: он наконец-то возвращается на «большой лед». Был вдвойне счастлив и оттого, что вернулся в родную Москву, к родителям, сестре, друзьям. Что наконец-то покажет себя перед армейскими болельщиками. Тарасов дал ему еще один шанс, и он не имеет права им не воспользоваться. Только вперед. Только к победам.

Дома, по возвращении, лишь чуть-чуть пригубил шампанского за здоровье мамы и сестры. Выпил чай с тортом. Бегоня тогда сказала ему: «Перестраивайся, сынок, снова на московскую жизнь».[13](#)

Вечером Харламов поехал на армейскую базу, где его поселили в номер с будущими многолетними партнерами по ЦСКА Борисом Михайловым и Владимиром Петровым. Не спал две ночи, ворочался, представляя, как это будет — его полноценный дебют на льду.

На базе армейцев в Архангельском были четырехместные номера. «Сначала в старой конюшне жили, затем из конюшни сделали санаторий. Раньше это были одноэтажные конюшни графа Юсупова. В длинном крыле сделали комнаты. Затем по распоряжению министра обороны Гречко построили

новое трехэтажное здание. Хоккеисты жили на третьем этаже, футболисты на втором. На первом были баня, зал, столовая. Какого-то сурового режима на базе не было. Можно было выйти за территорию базы. Может, к тебе жена приехала, ты пошел, погулял, ничего тут страшного нет, — признавался Александр Гусев. — В старом здании компанию Валере в комнате составляли Владимир Петров, Борис Михайлов. А в новом, где были двухместные номера, он уже с нападающим Володей Поповым жил».

И вот, наконец, настало 10 марта 1968 года. Дата возвращения Валерия Харламова на «большой лед» в составе команды мастеров ЦСКА.

Надо же такому случиться, что спустя четыре с половиной месяца после первой попытки его снова выпустили на лед против новосибирской «Сибири». 10 марта Тарасов поставил Харламова не абы куда, а в первую тройку. Ему дали возможность сыграть вместе с Викуловым и Полупановым. В этой тройке Валерий Харламов подменял своего кумира Анатолия Фирсова.

Армейцы разгромили соперника со счетом 11:3. Он пока не забил, времени мало для этого было. На Харламова никто из зрителей не обратил особого внимания. В конце сезона Тарасов устраивал новичкам так называемую «проверку на прочность характера». Отнюдь не все потом закреплялись в основе, так что болельщики иногда и не запоминали фамилий дебютантов.

Еще через день предстоял дебют Харламова во Дворце спорта «Лужники», где впоследствии Валерий Борисович проведет столько блистательных игр. В тот день ЦСКА не оставил камня на камне от динамовцев Киева, выиграв со счетом 17:2. В этом матче Тарасов выпустил Валерия Харламова на лед в самой концовке.

Еще через два дня Харламова «ввели» в игру весьма ответственную и важную — против динамовцев Москвы.

В этой встрече, которую армейцы тоже выиграли, Харламов впервые сошелся лицом к лицу на льду со своими будущими закадычными друзьями Александром Мальцевым и Валерием Васильевым. Правда, если у молодых динамовцев уже было постоянное место в составе, то пребывание Харламова на льду ограничилось несколькими минутами. Кстати, в том сезоне ЦСКА выиграл у динамовцев четыре встречи из четырех с общей разницей шайб 25:7. С этого дня Харламов играл во всех оставшихся матчах ЦСКА сезона 1967/68 года. 23 марта 1968 года во встрече с воскресенским «Химиком» незадолго до конца матча Тарасов снял с игры изрядно уставшего к тому моменту Вениамина Александрова (шутка ли, еще с Бобровым играл!), и Харламов вышел на площадку вместе с Петровым и Михайловым. Пока подменить Александрова, на несколько минут.

«Это эпизод, всего лишь эпизод, и ни один из нас, ни наши тренеры, никто еще не знает, что только что на льду была тройка, которой суждено будущее. Матч за матчем. 26 марта я впервые в жизни выхожу на лед с самого начала игры, партнеры у меня — Михайлов и Фирсов. Затем я заменяю Моисеева, Ионова, снова Фирсова. 23 апреля в матче с «Крылышками» тренеры вслед за звеньями Полупанова и Петрова выпускают молодежную тройку: Харламов — Смолин — Блинов. После последней смены ворот я забиваю свой первый гол в высшей лиге», — вспоминал Валерий Харламов в своей биографии. До конца чемпионата Харламов отличился еще раз.

Вениамин Александров, чье место в составе занял Валерий, вспоминал: «Я видел, растет этот игрок, и, кроме симпатии, ничего к нему не испытывал. Ведь я на 11 лет старше, и он мне был как младший брат. Знал, что почти всё уже отыграл, особо не печалился — замена-то получалась достойной».

В отличие от многих других новичков, которые вливались в состав прославленной команды и считали, что уже всего добились в жизни, Валерий Харламов воспринял приглашение играть в основе ЦСКА спокойно. Он был очень счастлив, что попал в состав великой команды и будет играть рядом со своим кумиром Фирсовым, однако не бравировал этим. Наоборот, считал, что ему нужно расти и расти. Как и в Чебаркуле, ему всё нужно было доказывать с нуля. Правда, в «Звезде» он почти сразу стал игроком номер один. Здесь же нужно было выбиваться в первые ряды в компании лучших хоккеистов страны. Девятнадцать из двадцати армейцев того состава в то или иное время привлекались в сборные страны, первую или вторую.

Тренировки у Тарасова и занятия в Чебаркуле были как небо и земля. Вечером возникало одно желание — быстрее добраться до койки в номере на базе. Зарядка, тренировка, обед, небольшой отдых и опять тренировка — так тянулись бесконечные дни на сборах и между играми в чемпионате.

Сборы могли продолжаться недели, а если игры следовали одна за другой — то и месяцы. От такой скуки в четырех стенах с томительными тренировками игроки иногда срывались. Особенно когда их отпускали домой на побывку. Но Харламову это пока не грозило. Он охотно готовился к новому хоккейному сезону, который, как он говорил сам, должен был стать переломным в его карьере.

Но что было там, на этих тренировках, которые хоккейный мэтр Тарасов превращал в искусство? И как переносили их хоккеисты? Ни минуты послабления, безостановочные занятия с несколькими передышками между очередными упражнениями. Те, кто занимался у Тарасова, а впоследствии у Тихонова, потом «порхали на льду».

«Я был уже психологически подготовлен к трудностям, что ждут меня в основном составе, к колоссальным нагрузкам, принятым в ЦСКА. Попав в основной состав, я понял сразу же — здесь иные требования и иная дисциплина. Жесткая дисциплина. Анатолий Владимирович Тарасов предельно требователен во всем, что, так или иначе, связано с хоккеем, и потому любое отклонение от правил, норм, традиций армейского клуба, любая, как он считает, измена хоккею строго наказываются. И если во время тренировки, в минуты выполнения какого-то упражнения хоккеист (неважно — новичок или семикратный чемпион мира!) позволит себе передышку буквально в десяток секунд, не предусмотренную тренером, а Тарасов увидит, что игрок расслабился, то этому мастеру, даже если он хотя бы и, повторяю, трижды олимпийский чемпион, житья на тренировке уже не будет», — вспоминал Валерий Харламов.

Однажды во время занятий у него развязался шнурок на ботинке. Он остановился, нагнулся, чтобы завязать его. Тарасов увидел, что молодой хоккеист на несколько мгновений выключился из тренировки. Тут же помрачнел, приблизился к Харламову и перешел на «вы». Маститые игроки, да и новички, вливавшиеся в состав ЦСКА, хорошо знали, что это является высшей степенью проявления недовольства мэтра. «Вы, молодой человек, украли у хоккея десять секунд, и замечу, что вы их никогда не наверстаете», — сказал Тарасов и повернулся к Харламову спиной. Хорошо, что ограничился устным замечанием, а не выговором. А то мог и несколько дней не разговаривать с разозлившим его хоккеистом.

«У Тарасова никогда не было полуторачасовых занятий. Максимум — 45-50 минут, а потом он оставлял молодых и занимался нами отдельно. А ветераны, считал Тарасов, и так всё умеют и форма у них в

порядке. Тарасов не останавливал тренировку, не распинаясь у доски, просто диктовал перед занятием комплекс упражнений, и по свистку мы их поочередно выполняли. Иногда мог втык кому-то дать, замечание сделать, но не больше», — вспоминал игрок ЦСКА и «Крыльев Советов» Юрий Лебедев, который стал заниматься с основой армейского клуба с 1969 года.

Тренировки и сборы у Тарасова, несмотря на относительно небольшую продолжительность, были такими напряженными, что новичкам было не до гулянок. Восстанавливались кто как мог, благо возможности для этого имелись на любой вкус. «Вечером мы свободны. Гуляем по базе, благо места у нас замечательные, сказочно красивые. Иногда направляемся в кино, чуть ли не всей командой, порой вечером кто-то уезжает в Москву, кто-то встает на лыжи, в Архангельском есть, где побегать. Любители шахмат, тон здесь задают Владимир Петров и Владимир Попов, нападающий из третьей тройки, начинают бесконечное “выяснение отношений”. Есть любители бильярда, домино, тенниса. К теннисистам отношусь и я», — вспоминал Валерий Харламов.

На самих тренировках Валерий Харламов тренировался, как принято говорить, до седьмого пота. Ни в чем не уступал такому гиганту, как Александр Рагулин. «Приседал и кувырчался Харламов с таким же двадцатикилограммовым стальным диском, крутил в руках, как байдарочное весло, тяжелый гриф штанги, носил на плечах партнера», — писал обозреватель журнала «Спортивные игры» Владимир Ульянов.

«В плане физической выносливости Валера Харламов и мы все были отлично готовы. Единственное, он не любил бегать кроссы. Короткие дистанции он великолепно бегал, а кроссы — нет. Все бежали, исключений не было. Старались кучей держаться, не вырываться особенно вперед, зачем ерундой

заниматься? — вспоминал Александр Гусев. — Сначала кроссы были по времени поменьше. Потом с подачи Тарасова начали бегать по часу. Час бежишь. Или по кругу по полю, или по пересеченной местности. Неохота. А чего неохота? Бежишь и бежишь, всей кучей. Рассказывали друг другу что-нибудь по дороге. Валерка всегда последний кроссы прибежал. Не любил он их».

Тут действительно было не до гулянок и развлечений. Пожалуй, только старшие товарищи могли «поддать жару». Но не попадались, прекрасно изучив поведение Тарасова. «Кузькин с Рагулиным часто Анатолия Владимировича дурили. Обход на базе он обычно устраивал в десять вечера. Проходит мимо их комнаты — вроде спят. Едва шаги затихли, они бутылку достают. И пьяницами ведь не были — просто тянуло на запретное. Знали, где дырка в заборе, — а ресторан в Архангельском был шикарный. Но что главное? После этого выходили — и кого угодно рвали на площадке. Здоровье было лошадиное... Пусть сегодняшние так попробуют!» — признался в одном из интервью джазовый музыкант Владимир Морозов, общавшийся со многими советскими хоккеистами.[14](#)

Харламова «за этим делом» никто не замечал. «Валера, когда попал в команду мастеров, был настолько поглощен хоккеем, что ему было не до гулянок и нарушений режима, — рассказывает Александр Гусев. — Когда в фильме “Легенда № 17” нас показали после какой-то гулянки в Чебаркуле с какими-то развязными подругами в голем виде, я был в самом настоящем шоке, если так можно выразиться цензурно».

Во всех командах новичкам надо было проходить крещение, а потом, после окончания чемпионата, отмечать победы всей командой. Попробуй откажись от такого «мероприятия» в коллективе, где все были один за одного! «Если Третьяк практически никогда не

участвовал: приходил, вносил деньги, выпивал бокал шампанского, говорил: “Ребята, я заплатил, больше ко мне никаких претензий” и уезжал, то Валера уже потом участвовал. Не сразу, это было нормально. Он замечен в гулянках не был. Он начал позже в команде мастеров пригублять, когда стал чемпионом мира. А до этого ни-ни, — делится воспоминаниями Виталий Ерфилов. — С этим у Тарасова и у хоккеистов старшего армейского поколения было не забалуешь. Узнает не сам Тарасов, а старшие товарищи, мало молодому не покажется. Там были профессионалы. Рагулин, Кузькин, Фирсов сами могли кого угодно на место поставить».

«Борис Петрович Михайлов держал всю их тройку, не давая загулять, он у них был главный по дисциплине. Говорил: “Так, всё, заканчиваем, ребята, хватит на сегодня”. Хотя собирались они часто», — вспоминал в беседе с автором этих строк Вадим Никонов.

Однажды Анатолий Тарасов перед тренировкой зашел в армейскую раздевалку в таком настроении, что жди от мэтра сюрприза. Раздевалка напряглась. «А вас, Александров, я штрафую», — обратился Тарасов к игроку ведущего на тот момент звена ЦСКА и сборной СССР. «За что, Анатолий Владимирович?» — напрягся Вениамин Александров. Тарасов хитро прищурился: «За то, что чай пьете перед холодной закуской».

Ну и как понимать эти слова? Оказывается, «чаем» мэтр назвал коньяк, а холодной закуской — холодец. Хоккеисты брали по стакану коньяку, пили залпом — а потом закусывали холодцом.

Чемпионат СССР 1967/68 года армейцы выиграли с огромным преимуществом: занявший второе место «Спартак» они опередили на 13 очков. В активе Валерия Харламова были 15 проведенных игр в составе армейцев, золото чемпионата СССР и пять баллов по системе «гол плюс пас» — две заброшенные шайбы и три результативные передачи. В пассиве — пожалуй,

только то, что у него не было постоянного места в составе, не было постоянной тройки. И времени на льду он проводил мало, что, в общем-то, было обычным делом для новичка, оказавшегося в тарасовской «обойме».

На сборе перед чемпионатом 1968/69 года Харламов, по воспоминаниям друзей, тренировался с удвоенной энергией. Ограничивал себя во всем. Много времени проводил на базе, дополнительно посещал атлетический зал.

Тарасов предупреждал о том, что предстоящий сезон будет очень трудным. Спартаковцы намеревались дать настоящий бой ЦСКА и отобрать у армейцев чемпионский титул. Опасения Тарасова, как оказалось, были не напрасными.

У Харламова, который всё лучше проявлял себя в контрольных играх и не стеснялся солировать на льду, по-прежнему не было постоянной тройки. Его наигрывали в том или ином звене, ставя на сборах вместе с очередными новичками, которые старались доказать Тарасову свою пригодность. «Когда стали появляться молодые ребята, Валера (хотя он и был старше их всего на год-два) сразу же окружил их заботой, подсказывал, как надо себя вести — у Тарасова особо не побалуешь. Это очень помогало новичкам», — вспоминал Юрий Блинов.

В стартовавшем сезоне Анатолий Тарасов решился на очередной эксперимент. Соединил в одной из игр Петрова, Михайлова и Харламова в одно звено. Это произошло 30 октября 1968 года в Горьком против «Торпедо». «Думаю, что их соединение в одну тройку — это заслуга Тарасова. Хотя, наверное, он советовался по этому вопросу с Кулагиным. Одного взял из «Локомотива» (Михайлова), другого из «Крыльев» (Петрова) и к ним подвел коренного армейца Валеру Харламова», — признавался Александр Мартынюк. «Без

дела сидели и Владимир Владимирович Петров, и Борис Петрович Михайлов, по разным тройкам играли. И вот это, наверное, предчувствовал Анатолий Владимирович. Прежде чем пойти на этот шаг — их всех в одну тройку поставить, он увидел, что из Валерки стало», — вспоминал Вадим Никонов.

Первым из них в основе ЦСКА заиграл Борис Михайлов, который был на два года старше Петрова и на четыре — Харламова. «Борис Михайлов — скала! Не все знают, как он начинал. Когда мальчишкой играл во дворе, был у него один конек, потом уж раздобыл второй. Годы были первые послевоенные, четверо сыновей у мамы, не до коньков, как вы понимаете. И не до клюшек. Сам их делал. Выпиливал из доски. Несколько раз ударишь — и в щепки. И снова выпиливал. Представляете, какой характер иметь надо! А щитки? Он нам рассказывал, пришла ему в голову “гениальная” идея: сделать щитки из старых водосточных труб. И сделал. Грохот стоял страшный, когда в них попадала шайба или кто-нибудь задевал клюшкой», — писали о Михайлове в книге «Форвард № 17» Владимир Дворцов и Зино Юрьев.

Борис Михайлов не сразу попал в ЦСКА, а прошел свой «путь к звездам через тернии» низшей хоккейной лиги. Три года провел в не самой выдающейся команде дивизиона «А» — саратовском «Авангарде». «В 17 лет я впервые оказался один — без мамы, без ее опыта и без постоянной опеки. Сам распорядился и заработком, и временем. Сам решал вопросы быта», — вспоминал Борис Михайлов о своей жизни в Саратове. В одной из игр Михайлова заметил Анатолий Кострюков. Старший тренер московского «Локомотива» разглядел в нападающем команды-аутсайдера те качества, о которых позже напишет в предисловии к книге воспоминаний самого Бориса Михайлова «Такова хоккейная жизнь»: «Кому-то может показаться, что он

упрямый человек. Выразусь точнее, Борис настойчив в достижении цели, не нарушая при этом, как говорится, правил игры. Его нельзя упрекнуть в лени, равнодушии. Наоборот, он всегда максимально собран, был и остается отмотобилизованным и готовым к выполнению самых сложных задач».

А дальше произошел счастливый случай, те самые «несколько минут везения», которые могут перевернуть жизнь любого человека: Михайлов получает приглашение в «Локомотив», где обретает неплохую игровую практику. Он находится на виду у всей хоккейной Москвы. Уже в зрелом по понятиям хоккея тех лет возрасте, в 23 года переходит в ЦСКА. Говорят, что великий Тарасов сначала не верил в этого новичка. Но терпение и труд, которые особенно ценны в хоккее, превратили обычного с виду игрока в звезду мирового масштаба. «Михайлов боец, каких мало» — эта фраза Тарасова стала нарицательной.

Затем в ЦСКА пришел Владимир Петров, начинавший в «Крыльях» и отыгравший за эту московскую команду с 1965 по 1967 год. Армейцы играли со свердловским «Автомобилистом». Травмированный накануне на тренировке Михайлов не мог выступать во всю силу, и Анатолий Владимирович выпустил вместо него Петрова. Тот забил две шайбы. Тогда Тарасов решил, что поставит двух новичков в новое молодежное звено. «Обаяние Петрова как раз и состоит в том, что избыток своих достоинств он нес легко, естественно. На льду он был уверен в своей непобедимости. Если Харламова невозможно было заставить высказаться на собрании, то Петров, внимательный к любому высказыванию, — всегда готов был выступить, обострить полемику. Харламов же обычно только улыбался запальчивости партнера», — вспоминал Леонид Трахтенберг. [15](#)

В первом для Харламова полноценном сезоне в большом хоккее претерпела изменения формула розыгрыша чемпионата. В первой и во второй лигах выступали по 12 команд. По итогам двух кругов определялась шестерка лучших клубов, которая разыгрывала между собой медали. Остальные шесть коллективов объединялись с двенадцатью командами второй лиги и разыгрывали места с 7-го по 24-е.

В первом круге армейцы привычно опередили всех соперников, правда, оторвались от спартаковцев всего на два очка. «Химик», замыкавший тройку лучших, отстал от армейцев на десять очков. Было понятно, что золото чемпионата разыграют между собой ЦСКА и «Спартак».

Осенью, с началом нового сезона, Харламова определили в молодежную тройку. Играл он со Смолиным и Блиновым. К тому времени Смолин, которого «по юношам» называли «кудесником», начал постепенно снижать обороты. Валерий, наоборот, в новой для себя тройке «расправил крылья», раскрепостился так, что стал ее лидером.

Анатолий Владимирович Тарасов понимал, что ему в придачу к двум возрастным тройкам нападения необходимо создать ударное молодежное звено, которое с неизбежным уходом из большого хоккея зрелых мастеров должно было закрепиться на первых ролях в ЦСКА и сборной СССР. Уже ушел из большого хоккея Локтев, затем Альметов. На очереди был Александров, игравший как раз в тройке с Петровым и Михайловым. Тарасов думал, кого после его ухода определить третьим к паре Михайлов — Петров. Решил попробовать с ними в сочетании взрывного на льду Валерия Харламова.

«Сказать, что у нас сразу же установились с ним дружеские отношения, такого не было. Потому что мы были старше. Когда его вернули из Чебаркуля, то

Тарасов сразу поставил Валерку к нам. Вот отсюда уже начинается наша дружба. Мы уже играли, мы имели опыт. А он опыт приобрел, когда играл в Чебаркуле. Нашей задачей было в то время закрепиться в основном составе. Да, мы играли, но сказать, что мы были основными игроками, нельзя. Нас то ставили, то не ставили. А когда пришел Валерка, нас всех объединило желание закрепиться в основном составе великой команды. Закончил тогда Александров, который получил травму. Но осталось звено Фирсов — Полупанов — Викулов, звено Моисеев — Ионов — Мишаков. Постепенно мы стали выходить третьим звеном. Так образовалась наша тройка. Когда мы вместе первую игру сыграли с “Торпедо”, с этого и началось становление нашей тройки», — признался в беседе Борис Михайлов.

— Чем руководствовался Анатолий Владимирович, соединяя вас в одну тройку? — спрашиваю у лучшего бомбардира в истории отечественных чемпионатов.

— У Тарасова было потрясающее видение того, кто с кем должен играть. Он же не поставил к нам Смолина или Ноздрина, а вытащил из Чебаркуля Харламова. Тарасов не просто так создавал тройки. Он чувствовал игроков, давал им развиваться. И он почувствовал, что с Валеркой мы можем играть на более высоком уровне. Он говорил, что главное закрепиться в основном составе ЦСКА и рассматривать перспективы играть в сборной. Тарасов одинаково с уважением относился ко всем игрокам. И так же одинаково ругал тех, кто что-то не выполнял. Что старшего, что младшего. Он повторял: во время тренировочного процесса нет игрока-ветерана, есть равный игрок, а в быту ты должен ветерана уважать. И отношение к Валерке сначала было как к молодому. Потом уже появились уважение, любовь как к игроку. Потому, что мы все показывали

достаточно высокое мастерство. Не просто же так он нас включил в состав национальной сборной.

Когда Харламов попал в тройку к Петрову и Михайлову, они уже были мастерами спорта, чемпионами СССР. Он же был перворазрядником. Но оба играли на новичка без лишних слов, без упреков. Когда он забывал по неопытности вернуться назад и отработать в обороне, спешили на помощь защитникам. Терпеливо ждали паса, к которому Харламов, особенно после града шайб в Чебаркуле, поначалу особо не тяготел. Говорили ему в перерывах: «Ты, Валера, конечно, играй, как привык, но иногда и на нас поглядывай, не забывай искать нас на льду».

Как уже говорилось, первая полноценная игра будущей первой тройки состоялась в Горьком против «Торпедо» 30 октября 1968 года. Тогда расклеился весь ЦСКА. Не шла игра ни у звена Петрова, ни у других нападающих московского клуба: армейцы впервые за долгое время не забросили в ворота соперников ни одной шайбы, уступив со счетом 0:1. «Наша тройка родилась в один прекрасный, хотя и горестный для ЦСКА день, создана она была, как все знают теперь, надолго, хотя я соврал бы, если бы сказал сейчас, что догадался об этом в день первого же матча, — писал в своей биографии Валерий Харламов. — Тот первый матч, сыгранный в Горьком, армейцы, напомним, проиграли с футбольным счетом 0:1, все наши могучие форварды, ведомые находящимся в расцвете сил Анатолием Фирсовым, так и не смогли тогда поразить ворота Виктора Коноваленко, и мне, откровенно говоря, подумалось, что первый матч нового звена окажется и последним: Анатолий Владимирович Тарасов может решить через два дня попробовать проверить новую тройку».

«Проиграли? Ну и что? Молодежное звено виновато в этом меньше всех. Смешно говорить о “коме” —

испечен аппетитный, дразнящий запахами блин. Попробуйте — убедитесь», — заявил позже Анатолий Тарасов, защищая хоккеистов тройки Петрова. Разбивать их звено он не стал. Был уверен, что себя еще проявят. Непременно проявят. Постепенно дело наладилось.

Так в октябре 1968 года Тарасовым и было создано звено Михайлов — Петров — Харламов. Первая тройка. Тройка «А», более десятилетия наводившая ужас на защитные редуты соперников. «Когда я попал в тройку, у меня, по существу, был только один козырь — неплохая и, как говорили тренеры, нестандартная обводка. Всему остальному предстояло учиться — игре в обороне, добиванию шайбы, нацеленности на ворота. Именно Володя и Борис сделали меня Харламовым, ибо они дополняют меня во всем», — очень точно сказал о своих партнерах на льду Харламов.

«С первых матчей с Харламовым — проигранных и выигранных — почувствовали и мы, и тренеры — игра у нас получается. Все трое были на скорости, могли много бегать и очень любили играть в хоккей. А самое главное, мы старались играть друг на друга: не важно, кто забивает, лишь бы тройка забрасывала шайбы. Скоро друзьями стали не только на льду, но и в жизни», — вспоминал Борис Михайлов.[16](#)

«У нас, как-то так получилось, совместимость чисто человеческая была гигантская. И по манере игры дополняли друг друга. Валера виртуоз, ловкий, как чертенок, на клочке льда мог двух соперников обыграть да еще лбами столкнуть. Борис Михайлов — резкий, колючий, всегда на воротах — забить, добить, затолкнуть шайбу готов в любую секунду. И я — с фигурой, мы раньше других стали силовую борьбу сами искать, с “ходом” — еще от русского хоккея», — добавлял Владимир Петров.[17](#)

В жизни все трое были разные люди. Они могли ругаться в быту, но на льду превращались в единое целое. «Для нас на площадке не существовало ничего, кроме хоккея. Отсюда, может быть, у нас всё так здорово получалось», — признавался Борис Михайлов. Человеческие отношения внутри тройки были высшим проявлением настоящей мужской дружбы. Они вместе росли, мужали как игроки, формировались как люди, вместе проводили долгие месяцы на сборах, ездили по стране и миру. Наконец, вместе приобрели свое славное имя.

Находясь на учебно-тренировочном сборе, на выездах, все трое старались сесть за один стол, в раздевалке их места находились всегда рядом. Взаимопонимание было таким, что если кто-то из тройки шел получать или заказывать клюшки, то старался взять их и для партнеров. «У нас невозможна ситуация, когда бы кто-то забыл о друге, не предупредил его о чем-то, не позаботился о товарище. С Борисом Михайловым и Володей Петровым играть легко. Даже в тех матчах, когда соперник попадаетесь трудный: взаимопонимание, мастерство и работоспособность моих партнеров выше всяких похвал», — вспоминал Валерий Харламов.

«Борис, Володя и Валерий дружны и едины во всем серьезном. У них в ходе матча — никаких ссор, обид, недоразумений. Дружат домами — это значит не случайные, от раза к разу, встречи. Собираясь вместе, они стараются как можно меньше говорить об игре, стараются забыть о хоккее. Пожалуй, нет ничего, чего бы они не знали друг о друге», — писал Олег Спасский в книге «Первая тройка».

«Мы понимаем друг друга не с полуслова, а еще быстрее. Я знаю, что они могут предпринять в то или иное мгновение, догадываюсь об их возможном решении, о направлении движения с шайбой по

положению фигуры, по движению рук, конька или мимолетному взгляду — даже если смотрят они куда-то в другую сторону. Точнее говоря, я даже не столько знаю, сколько чувствую, что сделают они в следующую секунду, как сыграют в той или иной ситуации, и потому в то же мгновение мчусь туда, где ждет меня шайба, куда, по замыслу партнера, я должен выскочить через мгновение. Мы знаем сильные и слабые стороны друг друга, — признавался Валерий Харламов в своей биографии. — Знаем, как хотел бы сыграть товарищ в эту секунду. Не говоря ни слова, лишь переглянувшись, мы вырабатываем устраивающее всех решение — потеряв шайбу, знаем, кто должен бежать назад, на помощь защитникам, знаем, когда партнер устал настолько, что именно тебе следует “отработать” назад, хотя он вроде бы и ближе к своим воротам, в любой момент матча знаем, кому вступить в борьбу, кому атаковать игрока, владеющего шайбой».

Что говорить, если в канадских средствах массовой информации с конца 1960-х годов появился новый термин, навеянный слаженной игрой в нападении хоккеистов сборной СССР, — *troika*. А в отношении звена Михайлов — Петров — Харламов это слово писали с большой буквы.

Интересными наблюдениями о тройке «А» поделился известный комментатор и аналитик хоккея Григорий Твалтвадзе: «Я думаю, что Харламов в их первой тройке был импровизатор; этаким Сальвадор Дали. Или, как он говорил, Пабло Пикассо. Мозговой центр в тройке был Петров — пятерка-то Петрова все-таки. А капитаном был Михайлов. Борис Петрович — это, конечно, совершенно удивительный человек. Это человек, перед которым я всегда снимаю шляпу. Это был трудяга до мозга костей. Харламов был настолько талантлив, Петров был настолько стабилен, что Михайлову это всё надо было компенсировать, ему надо

было пахать как трактору. Поэтому он был, конечно, капитан. Я бы не сказал, что он был лидер, это две большие разницы. Но он был капитан. Потому что человек был основательный. Я думаю, что его капитаном не зря сделали, не по прихоти Тарасова. Он был яростный капитан. Битый-перебитый, который под шайбы ложился, клюшкой получал по лбу, он же шел в борьбу, он шел на амбразуру все время. Михайлов на себя двух защитников стягивал на пяточке, он же там выжигал всё! Он для Харламова и для Петрова очень много пространства освобождал, это, конечно, тоже гений, что там говорить. Ломовик, который тянул воз этой тройки, это был, конечно, Борис Петрович. Харламову не нужна была такая трудоспособность. Он за счет непредсказуемых движений включал тормозную систему, мимо него все соперники прокатывались, он делал паузу и или пас давал, или сам бросал».

«Мы все были разноплановые игроки. Может быть, именно поэтому у нас всё получалось. У Валерки были миниатюрная обводка, кистевой бросок, у Володьки очень сильный бросок, он был распасовщик, я где-то большой объем работы выполнял на пятаке. Это всё нас дополняло. Мы в игровых отрезках заменяли друг друга. У нас не было такого, что кто-то должен оттянуться, кто-то идти вперед. Мы были все нацелены — потерял шайбу — с места потери борись за нее. Поэтому мы как стервятники бросались на шайбу», — признавался Борис Михайлов.

Тогда, в 1969 году, они только становились на ноги, мужали на глазах, поставив на поток забитые голы. За два круга чемпионата СССР Борис Михайлов забросил 18, Владимир Петров — 17, Валерий Харламов — 14 шайб. Вместе эта тройка отличилась забитыми голами больше любого другого армейского звена. В том сезоне еще не учитывались голевые передачи. «По голевым передачам Валера был среди нас на первом месте. И

уже одно это качество делало его необыкновенно ценным игроком для тройки. Мы ведь редко сольные голы забивали, больше после комбинаций, в которых последняя голевая передача стоит не менее гола, а порой и больше. Можно смело сказать, что в нашей тройке тотальный хоккей существовал намного раньше голландского тотального футбола», — делился своими размышлениями Борис Михайлов.

Тем временем Борис Сергеевич Харламов старался не пропускать ни одного матча с участием ЦСКА. Вскоре все контролеры во Дворце спорта ЦСКА и в «Лужниках» уже узнавали его, шепча друг другу: «Смотри, отец Харламова пришел». «Я приходил на матч всегда пораньше, чтобы встретить автобус с игроками. У нас с сыном и традиция образовалась — когда автобус подъезжал к служебному входу, я обязательно подходил к дверце и успевал сказать несколько напутственных слов... И после игры спешил подойти к нему — высказать свое мнение», — вспоминал отец хоккеиста.[18](#)

Тарасов рекомендовал тройку Михайлов — Петров — Харламов во вторую сборную страны, которая формировалась для участия в Международном московском турнире (позже он стал называться турниром на приз газеты «Известия»). Командой руководили уважаемые тренеры Анатолий Кострюков, Владимир Егоров и Николай Эпштейн. Эта сборная заняла второе место на турнире (после первой сборной СССР), а тройка Петрова фактически одна играючи переиграла сборную Канады — 4:3. Дебютанты забросили все четыре шайбы: две — Харламов и по одной — Михайлов и Петров.

Впрочем, главным хоккейным мэтрам игра Харламова показалась «сыроватой». «Вряд ли В. Харламов быстро окажет достойную конкуренцию любому из чемпионов мира, если его игре уже сейчас

давать завышенную оценку, как это делалось во время турнира некоторыми обозревателями», — писали в статье в еженедельнике «Футбол-хоккей» наставники главной сборной страны Аркадий Чернышев и Анатолий Тарасов. Но это, скорее всего, был педагогический ход двух великих тренеров. Тем самым они хотели предостеречь Харламова от «звездной болезни», которая подстерегает новичка, с ходу взявшего высокую спортивную планку.

По итогам турнира была сформирована команда лучших из лучших, представителей первой и второй сборных. Ей 17 января 1969 года предстояло вылететь в Канаду для участия в матчах с любительской сборной этой страны. В последний момент по решению тренеров в состав советской команды был включен и Валерий Харламов, впервые полетевший за океан. И с кем: в компании тех самых «небожителей»: Старшинова, Фирсова, Рагулина, Давыдова и других! В канадской прессе команду, прибывшую из Страны Советов, представляли как «сборную студентов». Стало быть, студентами называли настоящих «профессоров» любительского хоккея, выигравших шесть первенств планеты подряд!

К тому времени сборная СССР имела довольно впечатляющее преимущество в личных встречах с любительской командой Канады, быстро приспособившись к довольно примитивной манере игре заокеанских хоккеистов. Канадцы не увлекались передачами, не плели сложные «паутины» комбинаций, старались в первую очередь бросить по воротам из любой позиции. Особенно неохотно, в отличие от советских хоккеистов, делились с партнерами шайбой в чужой зоне, полагая, что те добьют в ворота шайбу, отлетевшую от вратаря. «К сборной СССР, правда, у канадцев было иное отношение, чем к другим командам, — они знали, что, если потребуется, мы не

побоимся на грубость ответить грубостью. Помнится, на чемпионате мира в 1967 году в Вене Олег Зайцев так “поработал” с экс-профессионалом Бревером, что тому пришлось играть с заклеенным пластырем глазом», — вспоминал Виталий Давыдов.

Харламова поразило в Канаде обилие искусственных катков, которые находились едва ли не в каждом квартале. Впечатлила и экипировка, в которой играли местные хоккеисты. Игры двух команд проходили в крупнейших городах страны — Торонто, Монреале, Ванкувере, Виннипеге, Квебеке и Оттаве.

Стартовый матч в Торонто в знаменитом дворце «Мейпл лифс гарденс» посетили 15 574 зрителя. Советские хоккеисты проигрывали 1:2 за десять минут до конца встречи, но вырвали победу — 4:2. Вторая игра этой серии, которая прошла на другом конце страны — в Ванкувере на тихоокеанском канадском побережье, завершилась разгромом хозяев и стала бенефисом Харламова. В этой игре он забил два гола. Более того, одна из шайб стала юбилейной — 1500-й, забитой сборной СССР за всю историю ее выступлений в международных встречах. После этого в еженедельнике «Футбол-хоккей» впервые появился фотопортрет Валерия Харламова. Сколько их еще будет, таких портретов...

Эти матчи проводились по правилам не канадского профессионального, а мирового любительского хоккея. Время от времени родоначальники хоккея пытались навязать сопернику жесткую и грубую игру. Но советские хоккеисты абсолютно не тушевались, отвечая канадцам «взаимностью», хотя и в пределах правил. Дошло до того, что местные игроки, «звонко» отскакивая в ходе силовых приемов от советского богатыря Александра Рагулина, потребовали проверить, не спрятаны ли в его амуниции свинцовые набалдашники. Всего советские хоккеисты за 16 дней

провели десять игр с канадцами и все выиграли. При этом тройка, в которой выступал Харламов, выиграла все свои микроматчи. Назовем счет некоторых поединков с канадской сборной, чтобы читатель понял, с каким преимуществом сборная СССР праздновала свой успех, — 7:0, 8:3, 10:2, 7:4.

Когда от имени советской делегации министру здравоохранения и спорта Канады Джону Мунро преподнесли клюшку с автографами игроков сборной СССР, он, любуясь клюшкой и выдержав паузу, с улыбкой заметил: «Мне теперь будет легко сформировать лучшую команду. Все имена хоккеистов для нее находятся на этой клюшке». «Гости демонстрировали такую игру в пас, что публика воспринимала это как великолепное театральное представление. В общем, создалось впечатление, что сильнейшая профессиональная команда дает урок неплохому университетскому клубу. А Фирсов просто творил чудеса: за 26 минут он забросил шесть шайб и ушел отдыхать. Зрители просто впали в отчаяние после такого трюка. Ведь даже звездам НХЛ редко удается такое», — констатировала монреальская «Газетт» после одной из игр.[19](#)

Тренер канадской сборной Джек Маклеод, сам в прошлом известный нападающий, заметил с грустью после матча: «Когда-то нас в России называли учителями в хоккее. Времена переменялись. Теперь вы преподаватели, а мы — студенты». А защитник-профессионал Джек Боуэнс заявил в интервью — за три года до начала суперсерии-1972: «Только когда наши профессионалы разобьют сборную СССР, они смогут утверждать, что лучшие в мире хоккеисты. Но предупреждаю, что сила советской сборной окажется для них неприятным сюрпризом».

Харламов быстро приспособился к жесткой игре на меньших по размеру, чем в Европе, площадках. Он

словно родился для таких арен: верткий, взрывной, всегда отлично видящий открывающихся для паса партнеров. Валерий и его товарищи по звену скоро поняли: с крепкими, рослыми канадцами надо играть в быстрый, коллективный хоккей. Овладел шайбой, продвинулся вперед и, не дожидаясь, пока тебя сомнут, отдай партнеру. Но отдай так, чтобы ему было удобно принять шайбу, чтобы и его не успели «нейтрализовать». Харламов не всегда спешил освободиться от шайбы: атакуемый канадцами, обычно он обводил одного, а то и двух соперников, а уж потом создавал голевые моменты партнерам.

Мощные канадцы нередко мчались на «малыша» на предельной скорости, рассчитывая запугать и «размазать» его по борту. Но паренек был не робкого десятка: в последний момент — даже вроде бы случайно это у него получалось — он отодвигался чуть в сторону, и канадец пулей пролетал мимо него, при этом сам вступая в «соприкосновение» с бортом площадки, к которому намеревался припечатать своего невзрачного на первый взгляд соперника. Это уже был не просто класс игры, а высший класс! «Когда в сборную вошел Валерий Харламов, он сразу стал забивать, обыгрывать. Он был мужиком», — делился воспоминаниями нападающий сборной СССР Евгений Зимин.

Татьяна Харламова вспоминала в беседе, как, вернувшись домой, Валерий с улыбкой рассказывал о «противоядии», которое он нашел против канадцев. «Они же выше меня на голову были, постоянно пытались зацепить, схватить. Тогда я взял и во время одного из единоборств натянул на голову канадского защитника его хоккейный свитер. Он замахал руками, поскользнулся, но от меня канадцы малость отстали».

В ходе турне Валерий Харламов забил канадцам восемь шайб, на две меньше, чем лучший бомбардир этой серии Владимир Петров, и на одну — чем

Александр Мальцев. Во время визита в Канаду советские хоккеисты посетили несколько игр профессионалов: тогда в НХЛ играло всего шесть команд.

После возвращения из-за океана Харламов в аэропорту Шереметьево дал первое свое полноценное интервью. Общался с корреспондентом ТАСС. «Хоккейная Канада — такая, как я ее себе и представлял: там очень любят эту игру. Для меня турне в составе сборной СССР было большим событием. Канадцы играют жестко, и, кажется, я эту игру воспринимал неплохо. Они большое внимание обращают на силовые приемы. Понравились мне вратари. У канадских нападающих хорошо поставлены броски. Но больше всего запомнилась игра двадцатилетнего защитника Бобби Орра», — заявил Харламов. Мастер мастера видит издали. Спустя несколько лет хоккейные эксперты будут называть Бобби Орра лучшим заокеанским игроком, а Харламова — самым талантливым хоккеистом Старого Света. «Валера сразу заявил о себе, как о зрелом мастере. Мне, например, сразу стало понятно, что в наш хоккей надолго пришло явление, — признавался в беседе известный комментатор Владимир Писаревский. — Вспоминаю, как на Кубке “Известий” 1968 года его игрой восхищался Николай Николаевич Озеров, комментировавший матчи по Центральному телевидению. Однажды в перерыве Николай Николаевич, сняв наушники, искренне и с большим удовольствием говорил о том, что в нашей команде появился очередной самородок, какими были многие игроки сборной СССР в те годы. “Театр одного актера”, — произнес тогда с улыбкой Озеров, оценив индивидуальное мастерство Валеры».

Между тем в ходе первого полноценного для Харламова чемпионата СССР московскому ЦСКА

приходилось туго. Перед последним туром спартаковцы не только выравнялись с армейцами, но и опережали их на одно очко. Для чемпионства «Спартаку» было достаточно ничьей, в то время как армейцам требовалась только победа. Матч двух команд, непримиримых антагонистов в советском хоккее, прошел в забитых под завязку «Лужниках» и стал одним из самых запоминающихся в истории советского хоккея.

В середине третьего периода команды тогда менялись воротами. Ровно по истечении десяти минут чистого времени. Счет к тому времени был 2:1 в пользу «Спартака». Армейцы давили на соперника, наконец Владимир Петров одновременно с сиреной забросил вторую шайбу. Табло свидетельствовало, что до смены ворот осталась одна секунда, однако судья за воротами сказал, что часы якобы испорчены. Главный судья Юрий Карандин взял время по контрольному секундомеру и, увидев, что время первой половины третьего периода истекло, дал свисток. Тарасов говорил позже, что свистка не слышал. Гол не засчитали.

Наставник ЦСКА вспылал, завелся, считая, что шайба была заброшена правильно, и увел команду в раздевалку. Игра задержалась на 39 минут. Была прервана прямая трансляция матча на всесоюзном канале, что считалось по тем временам чрезвычайным происшествием. Может быть, скандал был бы не таким оглушительным, если бы на матче не присутствовал сам генсек ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев. Поведение Тарасова было расценено как из ряда вон выходящее.

«За долгие годы работы тренером не раз случалось сталкиваться с подлостью, — вспоминал годы спустя Анатолий Тарасов. — При Брежневе Спорткомитет возглавил Павлов, переведенный после отставки Хрущева из руководителей комсомола. Для него это было явное понижение... Сейчас мне стыдно за тот

поступок. Понимал, что налицо жульничество, но это не давало мне как тренеру права так поступать. Спасибо моим игрокам. Они проявили со мной солидарность. Не поддались на уговоры Павлова, спустившегося к скамейке запасных из правительственной ложи. Павлов мне тогда говорит: “Ты разве не знаешь, что на матче сам Брежнев? Он ждет, когда игра будет продолжена”. А Брежнев ничего не ждал. Он пошел из своей ложи в буфет и там оставался во время паузы».

«Вскипели яростные споры. Нам было до слез обидно. Это была явная несправедливость. Злость была страшная. Игра долго не клеилась, наконец-то мы почувствовали игру, захватили инициативу, гол стал бы переломным в ходе борьбы, и вот на тебе... Мне эта история была досадна еще и потому, что я той весной впервые стал чемпионом мира, однако стать чемпионом СССР не смог», — вспоминал Валерий Харламов в книге «Три начала».

Лишь после уговоров чиновников, грозивших санкциями, Тарасов нехотя вывел армейцев на лед. Последние десять минут прошли при полном преимуществе «Спартака», хоккеисты которого забили в ворота психологически надломленного ЦСКА еще один гол, в итоге одержав победу в матче, а с ним и в чемпионате СССР.

«Так как этот матч судил я, то долгое время не мог найти себя при встречах с Анатолием Владимировичем. Казалось, и не в чем винить себя, а на сердце тяжесть...» — писал позже в своей книге Юрий Карандин. На коллегии Спорткомитета было принято решение лишить Тарасова звания заслуженного тренера СССР. «Мол, есть указание сверху», — заявил Павлов. «Я ему ответил: “Не имеете права, потому что я воспитал 50 чемпионов мира, а заслуженного давали даже за одного”, — писал позднее Тарасов. — Да и указания сверху никакого не было. Просто Павлов хотел

выслужиться перед Брежневым, который его недолюбливал».

Анатолий Владимирович слег в больницу. Тарасова тогда завалили письмами поддержки болельщики ЦСКА. За него заступился министр обороны Гречко. В итоге, как говорили, по указанию самого генерального секретаря, звание заслуженного тренера Тарасову вернули. «После матча с папы сняли звание заслуженного тренера СССР. Это был большой удар. Он упал на кровать и заплакал, — вспоминала дочь Анатолия Владимировича, знаменитый тренер по фигурному катанию Татьяна Тарасова. — Через несколько месяцев звание восстановили. Отец тогда сказал: “Понимаю, за что отобрали, не понимаю, за что вернули”».

В итоге «Спартак» с 38 набранными очками занял первое место в первенстве Союза, армейцы с 35 остались на второй позиции. Хотя пропустили заметно меньше красно-белых (79 шайб против 91). Да и забросили гораздо больше — 171 против 150. Весом был вклад в эту победу звена Петрова.

Не став в свой первый полноценный сезон чемпионом СССР, Харламов получит сатисфакцию уже через месяц, когда блестяще сыграет на чемпионате мира. Перед чемпионатом сборная СССР проводила товарищеский матч с командой Швеции. В этой игре вместе с Харламовым и Михайловым в тройку поставили Владимира Юрзинова, будущего прославленного тренера сборной СССР.

«Борю-то Михайлова я знал, а этого нет. Когда меня поставили с ним в тройку, думаю про себя: а это что за конек-горбунок. Как тогда говорили, ни кожи ни рожи. Как он в ЦСКА играет, ведь там такая мощная школа? — вспоминал в беседе хоккейный мэтр. — И тут мы выходим на разминку. Что же я вижу? На льду резвится настоящий жеребенок. Выпрыгнув на лед, Валерка как

понесется на глазах у изумленных шведов. Резвясь, будто тот самый жеребенок от радости. От неимоверного счастья».

Но разминка была только началом «харламовского представления». «Началась игра, — продолжает Юрзинов, — и у меня стали круглыми глаза. Он находится то в одном конце площадки, то через пару мгновений в другом. Я за ним не поспеваю как партнер по звену. Он как начал носиться, как начал открываться: мол, дай, дай мне пас, как принялся накручивать шведов, я буквально обалдел! Вот это живчик, думаю! Небольшой, худощавый, но летит и туда, и сюда, в единоборства вступать не стесняется с отнюдь не маленькими шведами. И в углу площадки, и на круге; еще и пасы умудряется точнехонькие отдавать». Стало ясно, что на предстоящем чемпионате мира такая звезда не может не засверкать.

Перед чемпионатом мира Тарасов и Чернышев рисковали, обновляя непобедимый чемпионский состав сборной СССР почти на треть. В те времена ветеранами в игровых видах спорта считались хоккеисты, чей возраст перевалил за тридцать. Можно вспомнить многих, кто закончил карьеру рано. Альметов с его уникальным талантом и вовсе перестал играть в 27 лет... В Стокгольм приехали два вратаря, шесть защитников и одиннадцать нападающих. Семеро из этих девятнадцати игроков были новичками на столь представительном турнире.

Удивительное дело: Харламов по-настоящему пристрастился к хоккею в 1963 году. А уже через шесть лет стоял на льду вместе с теми игроками, которые начинали беспроигрышную серию побед советского хоккея на чемпионатах мира. Его вместе с Мальцевым опекали более опытные игроки. По-отечески относился к Валерию легендарный «Палыч» — Александр Рагулин. Так, еще в самолете он предупредил, что с канадцами

играть легче, чем с чехословацкими или шведскими хоккеистами. «Уж если канадец пошел на тебя, то идет он настолько решительно, что изменить свое намерение просто не успевает. Если хоккеист из команды Канады показывает, что “садится” под твой бросок, то можно быть уверенным — он не передумает», — говорил защитник своему товарищу по команде.

На чемпионате 1969 года участвовали не восемь, как прежде, а шесть команд. Играли они в два круга. Сделано это было с тем, чтобы хоть как-то обострить интригу.

В самом конце 1960-х годов у советской сборной не было соперника принципиальнее, чем чехословацкая сборная. Спор на льду между хоккеистами из двух социалистических государств обострился до предела после того, как в августе 1968 года советские танки вошли в Прагу, пытаясь силой оружия подавить ростки народного недовольства. Акция «старшего брата» по соцлагерю вызвала возмущение во всей этой восточноевропейской стране, да и во многих странах Европы и мира. Единственным «голосом Чехословакии», который можно было услышать за рубежом, были ее хоккеисты. «В 1969-м нам не требовались никакие призывы. Мы готовы были умереть на площадке, лишь бы не проиграть СССР, потому что знали: страна ждет эту победу как единственно возможную в то время сатисфакцию за вторжение. Это особый случай, исключение из правил», — говорил в одном из интервью легендарный чешский хоккеист Иржи Холик.

«У нас взаимоотношения со сборной Чехословакии всегда были самые тяжелые. Мы все время, когда встречались с ними, были отмотилизованы на 150 процентов. Играя со сборными Швеции, Финляндии, мы всегда думали, что мы их обыграем. Но вот со сборной Чехословакии у нас каждый раз был бой. В любом

случае — и хоккейный бой, и политический», — вспоминал в беседе Борис Михайлов.

Собственно изначально 47-й чемпионат мира должен был состояться в Праге. Но его перенесли из столицы ЧССР в Стокгольм как раз по той причине, что в Прагу были введены советские войска. В Международной федерации хоккея опасались возможных беспорядков и непредсказуемой реакции местных болельщиков во время матчей советской команды.

15 марта 1969 года — это день дебюта на чемпионатах мира не только Валерия Харламова. Вместе с ним выйти на лед первый раз в таком представительном турнире также выпала честь Борису Михайлову, Владимиру Петрову, Владимиру Лутченко и Александру Мальцеву. Диктор, который совершенно не знал новичков, коверкал их фамилии: Харламова назвал «Чаламовым», Михайлова — Мичайловым. Никак не признавал букву «х».

Первый матч сборная СССР проводила с американцами, которые, как правило, отправляли на такие турниры студентов. Результат встречи оказался рекордным не только для всего первенства, но и для выступлений сборной СССР на чемпионатах мира в целом — 17:2. В некоторых источниках утверждается, что одну из шайб на 38-й минуте забил Валерий Харламов, выступавший в тройке с Борисом Михайловым и Владимиром Петровым. Но если судить по турнирной статистике, это неверно. Харламов забил в следующей игре, а в матче с США отдал две голевые передачи.

«Первый матч был с американцами. Боялся ли я? Нет. Но здорово волновался. Вдруг игра не пойдет? Вдруг даже простой финт не получится? В первых матчах в начале игры я передерживал шайбу. До сих пор не знаю, чем это объясняется: излишним волнением

или желанием доказать всем, что право играть в сборной я действительно заслужил? Самое важное для дебютанта — понять, что ты не хуже других, что и ты можешь играть на равных с самыми знаменитыми хоккеистами мира. Мне это было тем более трудно, что еще совсем недавно, наблюдая по телевизору за игрой лидеров мирового хоккея, я думал, что мне никогда не подняться до их уровня, что игра такого класса — недостижимый эталон», — вспоминал Валерий Харламов.

В советской сборной никто не придавал этим семнадцати шайбам большого значения. И, как оказалось, зря. Забегая вперед отметим, что именно благодаря такому «заделу» у сборной СССР при равенстве очков с командами Чехословакии и Швеции оказалась наилучшая разность забитых и пропущенных шайб, которая и вывела советскую команду на итоговое первое место в чемпионате.

Впервые за сборную Харламов отличился в поединке второго тура в матче со сборной Швеции, установив окончательный счет — 4:2 на 51-й минуте поединка. В третьем матче, который сборная СССР проводила против канадцев, Харламов провел уже две шайбы: на 7-й и 23-й минутах. Счет 7:1 в пользу советской команды, который зажегся на табло уже к 37-й минуте, не изменился до конца встречи. В этом поединке в молодой армейской тройке Бориса Михайлова заменил Евгений Мишаков.

Кульминацией всего турнира стали две встречи сборных СССР и Чехословакии. Мотивация у чехов в матче с русскими была запредельной. Неудивительно, что эта сборная дважды нанесла поражение советской команде — 2:0 и 4:3. После этих побед на улицы Праги вышли толпы болельщиков. Они разгромили в самом центре столицы страны представительство «Аэрофлота».

Когда в первом туре второго круга сборная СССР уступила чехам со счетом 3:4, на пресс-конференции тренеры сборной назвали виновниками поражения двух человек — многоопытного вратаря Виктора Зингера и... новичка Валерия Харламова. В третьем периоде при ничейном счете он потерял шайбу в своей зоне, после чего чехи и забили решающий гол. Из состава его не вывели, оставили, чтобы доказал свою пригодность сборной. Это только подстегнуло молодого хоккеиста: оставшиеся игры он провел с особым старанием и задором. Вот как он сам вспоминал о той злополучной игре. Этот отрывок лишний раз показывает, как остро Валерий Харламов переживал неудачи, как искал причины поражений не в ком-либо, а в своей игре:

«В раздевалке сборной СССР после матча воцарилась гнетущая тишина. Меня не нужно было ругать. Я сам понимал, что произошло. И меня не ругали. Не объясняли цену моей ошибки. Никто из ребят не упрекал меня, кто-то даже, проходя, постучал клюшкой по щитку — не расстраивайся, мол, не убивайся, всякое случается. Я протирал коньки и думал о матче, о том, что случилось. Из-за меня, из-за моей непростительной ошибки. Мне было стыдно. Из-за меня проиграли матч. Из-за меня проиграли чемпионат мира. Шесть раз подряд — с 1963 по 1968 год становились наши ребята чемпионами мира, и вот цепочка побед нарушается, рвется. Из-за меня рвется. Из-за меня, мальчишки, станут не чемпионами, а экс-чемпионами мира — бывшими, вчерашними чемпионами Анатолий Фирсов и Вячеслав Старшинов, Александр Рагулин и Виталий Давыдов, Виктор Кузькин и Владимир Викулов. От обиды у меня непроизвольно потекли слезы», — вспоминал Валерий Харламов.

Увидев, как сильно переживает игрок, к Харламову подошел главный тренер сборной Аркадий Иванович Чернышев и абсолютно спокойно, вроде бы даже не

утешая его, обронил ненароком: «Ты только начинаешь играть в хоккей. И не нужно так расстраиваться. Это не последнее поражение в твоей жизни. И если ты так близко к сердцу будешь принимать каждую ошибку, любую неудачу, то надолго тебя не хватит». «Если бы Аркадий Иванович стал в ту минуту доказывать мне, что не все проиграно, не все потеряно, что есть некоторые, хотя и призрачные шансы, что мы все-таки станем чемпионами мира, то я бы ему, конечно же, не поверил: едва ли утешила меня такая малоуспокаивающая и нереальная надежда, вера в чудо. Видимо, по своему богатейшему опыту Чернышев это знал и потому нашел единственно правильные слова. “На ошибки надо реагировать иначе, — продолжал Аркадий Иванович, — надо анализировать свою игру, стараться понять, почему ошибся, и больше не повторять промахов...”

Согласитесь, что после таких слов становится легче, хочется играть, доказывать, что ты не подведешь тренера, который понимает, как коришь ты сам себя за промашку», — признавался Валерий Харламов.

Нейтральность и «будничность» слов Чернышева вселили в Харламова надежду: с кем не бывает, зато в следующей игре покажу, что способен не только «бабочек ловить». «Впоследствии, после разговора с Аркадием Ивановичем, я играл все спокойнее, с большей верой в себя, меньше волновался, а когда ты веришь в свою силу, то ошибаешься реже — идя навстречу сопернику, чувствуешь, что можешь его обыграть, обвести, обмануть, не боишься ни опекуна, ни возможной ошибки, знаешь, что риск поймут и оправдают. И игра идет лучше. И хоккей самому себе кажется еще интереснее», — вспоминал хоккеист в автобиографии.

Эти два поражения так и остались единственными осечками сборной СССР на стокгольмском турнире. Все остальные встречи были выиграны: у Канады 4:2,

Финляндии 7:3, Швеции 3:2 и, наконец, США 8:4. А благодаря той самой первой игре сборная СССР и заняла первое место. Разница шайб у советской команды оказалась «плюс 36» против «плюс 26» у шведов и «плюс 20» у чехов. Кстати, в матче второго тура со шведами, который сборной СССР кровь из носу нужно было выигрывать, а иначе бы они заняли третье место, случился поразительный эпизод, связанный с Тарасовым.

Великий мотиватор мирового хоккея, о котором мы подробно поговорим в следующих главах, после окончания второго периода, когда на табло горели цифры 2:2, зашел в раздевалку. Аркадий Иванович Чернышев давал наставления игрокам, пытаюсь достучаться до них, завести. Некоторые игроки откровенно пропускали мимо ушей слова добрейшего и интеллигентного Чернышева, о чем-то шептались друг с другом.

Тарасов зашел в туалет, вышел из него, как всегда в таких случаях, потирая руки. Стал в центр раздевалки — и вдруг запел «Интернационал», международный пролетарский гимн, да так проникновенно, что у некоторых игроков готовы были пролиться слезы от такого пронзительного выступления. Когда Тарасов пропел: «Это есть наш последний и решительный бой», игроков заводить не требовалось. Они выскочили на лед, дожав шведов и вырвав у них победу.

Истории о пении Тарасова настолько обросли легендами, что и сами хоккейные ветераны путаются, что и когда пел Тарасов и как он настраивал хоккеистов.

Так, решающей для сборной СССР на чемпионате мира 1971 года опять стала игра со шведами. Советские хоккеисты уступали к третьему периоду встречи со счетом 2:3. И тут Тарасов, который, похоже, больше всех переживал за итоговый результат, зайдя в

раздевалку, вдруг перебил проводившего установку Чернышева и запел гимн Советского Союза. «В этой истории мне больше всего запомнилось не пение Анатолия Владимировича, а последовавшая реакция Чернышева, — с улыбкой вспоминал Александр Мальцев. — Выждав, когда Тарасов закончит петь, Аркадий Иванович, еле сдерживая улыбку, сказал тихо, но так, что все в раздевалке покатались со смеху: “Ну, ты, певун, чего распелся, нельзя ли потише!” Внешне всё выглядело предельно дружелюбно, почтительно и мягко. Смешно было вдвойне, что, говоря абсолютно беззлобно и по-дружески, Аркадий Иванович разбавил эту фразу несколькими крепкими словечками. Естественно, мы расслабились, раскрепостились и вышли на третий период с одним желанием — не просто победить противника, а смять оборону шведов. Что, собственно, в итоге и сделали».

Вернемся к рассказу о чемпионате мира 1969 года. Драматическим оказался предпоследний матч первенства, в котором шведы выиграли у сборной ЧССР 1:0. «Забей они хотя бы еще гол, и стали бы чемпионами мира. Сравняй счет соперники — и золото досталось бы им. Наши ребята смотрели этот матч по телевидению в гостинице “Фламинго” и нервничали, пожалуй, больше, чем в любой игре, в которой сами участвовали. Их судьба была в чужих руках, они теперь ничего не могли сделать, а только судорожно хватались за подлокотники кресел в острые моменты игры, которая разворачивалась перед ними на экране телевизора. Но на этот раз его величество случай явно симпатизировал нашей сборной. Он выбрал единственный вариант, при котором советская команда, выиграв заключительную встречу турнира у канадцев — 4:2, стала чемпионом мира: набрала она столько же очков, сколько сборные Швеции и Чехословакии, но разница забитых и пропущенных шайб оказалась лучше у нашей сборной».

— писал Владимир Дворцов, работавший на том чемпионате корреспондентом ТАСС.

«Турнир в Стокгольме проходил в сложной обстановке, и я не мог не заметить, что часть публики настроена против нас. Все это держало нас в постоянном нервном напряжении и, конечно же, влияло как-то на игру, на действия на поле. Впрочем, любители спорта постарше помнят, как дружелюбно и искренне приветствовала нас публика, когда мы во главе с капитаном совершали круг почета вдоль трибун стадиона “Юханнесхоф”, — вспоминал Валерий Харламов. — Мы возвращались после матча с канадцами в свою гостиницу и пели. Мы ехали почти час и все время, не умолкая ни на секунду, пели. В те минуты счастье было совершенно полным. В Стокгольме я впервые ощутил, что значит стать чемпионом мира. Никогда прежде не исполнялся гимн в честь победы, вклад в которую внес и я. Никогда прежде не просили у меня автографа, никогда не приходилось отвечать на вопросы журналистов».

Во время своего первого большого интервью Валерий Харламов признался, что, как нападающий, больше всего любит забивать. Причем уже тогда 21-летний игрок поразил опытного корреспондента ТАСС тем, как по полочкам раскладывает секреты мастерства нападающего. «Гол — бросок сильный, точный, внезапный. Сила, точность — это техника, а внезапность — хитрость игроков: в момент обводки хорошо бросать, когда вратарь перекрыт игроками или когда он начал двигаться вправо, например, а ты ему в левый угол. На противоходе. И с кистей надо бросать, это всегда внезапно для вратаря...

Больше всего нравится обводить соперников. Сорваться с места на скорости, одно движение — и защитник сзади... Первое время не только хвалили, но и ругали тренеры, партнеры. Потом уж я сам сообразил,

что дружнее надо играть. С силовой борьбой не сразу у меня стало получаться. Но потом как-то додумался: в этом деле очень важно правильно выбрать момент для столкновения с противником. Сделаешь все аккуратно, останешься на ногах и с шайбой, поторопишься или промедлишь — пеняй на себя. Многому я научился в этом у Старшинова, Викулова, Давыдова. И делать на льду все надо как можно быстрее. Я с самого начала любил быстроту, но часто терял шайбу. Потом на тренировках стал справляться со скоростью, а дальше и в игре стало получаться». [20](#)

Журналист Борис Левин, который наблюдал за Харламовым с первых игр в большом хоккее, вспоминал, что видел своими глазами, как Валерий тайком, отвернувшись от всех, на церемонии чествования лауреатов трогательно поцеловал свою первую золотую медаль чемпиона мира.

Всего на чемпионате мира 1969 года дебютант сборной Валерий Харламов записал на свой счет по системе «гол плюс пас» 13 очков (6 шайб и 7 результативных передач). Он занял почетное и не только для новичка 5-е место в списке бомбардиров, который возглавил его кумир Анатолий Фирсов, набравший всего на один балл больше. Всего на этом чемпионате тройка Петрова отличилась 21 раз. Помимо результативной игры в атаке это звено выделялось в игре против сильнейших троек соперников. Именно этим, голодным до шайбы молодым ребятам Тарасов и Чернышев поручали опеку ведущих игроков сборных Швеции, Канады и Чехословакии. И они с этой целью успешно справились, оправдав выданные им авансы. Такого не могли предположить тренеры да и сами игроки накануне мирового первенства. Чернышев и Тарасов называли это звено лучшим в советской сборной. «Сыграли достойно. Молодежная тройка Петрова хороша. Особенно Харламов. Ему два зуба

вышибли, а он сплюнул и вперед помчался», — сказал после окончания турнира Аркадий Иванович Чернышев.

«В 1969 году на чемпионате мира Валера уже будь здоров играл, — вспоминал Александр Гусев, добавляя, что на тренировках против Харламова было очень тяжело играть. — И ударить его не ударишь. Он такой верткий был, очень хорошо на коньках стоял, маневренный, клюшкой очень хорошо работал, чудеса творил. И на тренировках, и в играх».

После окончания того чемпионата в гостиницу, где жила сборная СССР, зашел один испанец и в холле столкнулся с Харламовым. В том заговорила испанская кровь. Валерий начал говорить с иностранцем бегло, бойко, чем поверг в смущение своего лучшего друга Александра Мальцева. «Не знал, Харлам, что ты настоящий испанец, так говоришь быстро», — подружески хлопнул Валерия по плечу товарищ по сборной. По признанию других хоккеистов, Валерий, несмотря на приличное знание испанского языка, говорить на нем стеснялся. Съездить в Испанию после завершения карьеры было его мечтой. У него хранились воспоминания о той детской поездке, когда ему было восемь лет, а сестре Татьяне — семь.

В сборной СССР Харламов сыграл со своими будущими постоянными партнерами по тройке Владимиром Петровым и Борисом Михайловым под номером 12. Легендарный 17-й номер был занят Евгением Зиминым и перешел к Харламову уже после чемпионата мира 1970 года.

На чемпионат мира 1969 года Михайлов, Петров, Харламов поехали едва ли не в качестве запасных, а уехали первой тройкой. Тогда, после этого первенства, глава Спорткомитета СССР Сергей Павлов своим единоличным решением присвоил Валерию Харламову, Борису Михайлову и Владимиру Петрову звания

заслуженных мастеров спорта, не спросив об этом ни у Тарасова, ни у Чернышева.

Первым в стокгольмском аэропорту о присвоении самого высокого в советском спорте звания Харламову сообщил Вячеслав Старшинов, который каким-то непостижимым образом узнал это раньше всех, опередив даже тренеров. Так Валерий Харламов прошел путь от перворазрядника до заслуженного мастера спорта всего за 15 недель — уникальный случай по требовательным советским меркам. Тарасов бушевал, гневался, вышел из себя. Как так? Без году неделя в сборной — а уже заслуженный?! Больше всего он обижался на то, что решение о присвоении званий было принято без согласования с ним, без его ведома. Тарасов считал, что звание это, как и многие другие регалии в Советском Союзе, нужно было заслужить.

За победу на чемпионате мира 1969 года Валерий Харламов получил и свою первую государственную награду — медаль «За трудовую доблесть».

Впрочем, кто сказал, что молодой хоккеист удовлетворился достигнутым и посчитал, что дело сделано? «Когда они вернулись, Харламов даже меня удивил. Он, поехавший в Швецию перворазрядником, а вернувшийся заслуженным мастером спорта, был недоволен собой. Не оставил у Валерия этот первый для него чемпионат мира полного удовлетворения — мог (это проскальзывало в его разговорах) сыграть лучше», — вспоминал Борис Кулагин.

После чемпионата мира 1969 года и окончания успешного для него первого полноценного сезона в большом хоккее Харламов стал задумываться над тем, как улучшить свою игру. Пришел к нескольким важным для себя выводам. Во-первых, заметил, что когда стал лучше пасовать товарищам на льду, то заметно прибавил в скорости. Вывод: кто меньше возится с шайбой, тот быстрее двигается на льду. Во-вторых,

начав изучать поведение голкиперов в воротах, понял, что те ждут, когда нападающий завершит обводку защитника и уже тогда бросит. «В какой-то момент обводки, когда вратарь ждет, чем единоборство кончится, я стараюсь, не завершая ее, бросить. Если это удается, вратарь, как правило, оказывается застигнутым врасплох», — признавался Валерий Харламов.

Так родились его знаменитые броски. Предпочитал атаковать ворота не щелчком, а кистевым броском. «Кистевой бросок для вратаря опаснее. Он неожиданнее, и ему труднее предугадать направление полета шайбы», — рассуждал Харламов. Наконец, маневры у самих ворот, которые зрители называли артистизмом. Сколько натерпелись от Валерия Харламова вратари соперников, когда он «своим танцем» на льду показывал, что будет бросать, скажем, вправо, а сам поражал левую девятку ворот. Вячеслав Фетисов признавался, что Харламов с блеском демонстрировал эти фокусы на тренировках. «Третьяк об этом знал, готовился, а Валера все равно, раз за разом, забивал ему», — вспоминал он.

При всей его малой комплекции форвард абсолютно не чурался столкновений с могучими по комплекции защитниками, более того, сколько раз шел, словно на таран, а в самый последний момент увиливал от них. «Если стокилограммовый защитник стоит, а я мчусь на него, моя кинетическая энергия больше. Важно только поймать момент, когда он расслабится, застигнуть его врасплох. А для этого надо убедить его в том, что я не иду на столкновение, постараюсь сейчас избежать его. И толкнуть. Тут необходимо то же умение перехитрить противника», — говорил Валерий Харламов Владимиру Дворцову.

Именно после этого чемпионата Харламов завоевал симпатии как специалистов, так и требовательных

болельщиков. В традиционном опросе еженедельника «Футбол-хоккей», который выявлял лучшего хоккеиста сезона 1968/69 года, он с 51 баллом, полученным в результате опроса журналистов, занял четвертое место в списке. Уступил только признанным корифеям: Анатолию Фирсову с 69 баллами, который был признан лучшим хоккеистом СССР, вратарю Виктору Зингеру (63 очка) и Вячеславу Старшинову (56).

Глава 5 ВЗЛЕТ ХОККЕИСТА ХАРЛАМОВА. ОЛИМПИАДА В САППОРО

В 1970 году в интервью газете «Советский спорт» Анатолий Фирсов, отвечая на вопрос журналиста, кого бы он назвал своим преемником в хоккее, сказал, что это — Валерий Харламов. Эта оценка радовала Харламова не только потому, что Фирсов выделил его среди таких многообещающих молодых игроков, как Александр Мальцев, Александр Якушев, Борис Михайлов. А потому, что Валерий Харламов считал своего старшего товарища по ЦСКА игроком номер один не только в советском хоккее тех лет, но и вообще в истории этого вида спорта, всегда мечтал научиться играть так, как умел Фирсов. Такого же мнения, кстати, придерживается и Александр Николаевич Мальцев.

Харламов, на которого буквально обрушилась мировая слава, всё еще продолжал обучаться премудростям большого хоккея. Благо рядом были мастеровитые и всегда готовые помочь старшие товарищи. Наблюдая за тем же Фирсовым, Валера не уставал удивляться его финтам, особенно знаменитому «конек — клюшка — конек» и страшной силы броску, который считался самым мощным не только в СССР, но и в Европе.

В начале своей блистательной карьеры Харламов говорил, что ему требуется некоторое время, чтобы «включиться в матч». «Мне всегда нужно в начале игры поддержать шайбу. Игрока, владеющего шайбой, толкают, оттирают, бьют, но когда тебя чуточку «обобьют», ты готов к игре, чувствуешь шайбу, привыкаешь к ней. А если сразу начать играть в пас, то

потом в сложных ситуациях можно растеряться, утратить контроль над собой, над своим состоянием», — признавался хоккеист.

Из-за того, что чемпионат мира проводился не в апреле, а в марте, первенство СССР сезона 1969/70 года закончилось лишь 29 апреля — позже, чем обычно. Уверенную победу одержали московские армейцы, в составе которых на первый план вышла тройка Петрова. Сам центрфорвард стал лучшим бомбардиром первенства, забросив 51 шайбу. 40 шайб забросил Борис Михайлов, 33 — Валерий Харламов. Таким образом, на счету тройки оказалось 124 заброшенные шайбы — больше, чем у половины игравших в этом чемпионате команд! И вообще игроки ЦСКА, который в 15-й раз стал лучшей командой страны, в 39 поединках забросили 321 шайбу, почти на 60 шайб больше, чем занявший второе место «Спартак». Невероятный результат! В этом сезоне произошло еще одно историческое событие: в концовке чемпионата место в воротах ЦСКА занял Владислав Третьяк. Как оказалось, почти на полтора десятилетия.

А еще раньше тройка Петрова стала ударной на чемпионате мира 1970 года, который, как и год назад, проходил в Стокгольме. Вообще-то чемпионат мира планировалось провести на родине хоккея — в Канаде. «Сейчас или никогда!» — писали канадские газеты, прямо призывая своих хоккеистов не посрамиться на родном льду. Ни один чемпионат мира до этого не сопровождался такой пропагандистской шумихой. На карту канадцами было поставлено всё.

На летнем конгрессе Международной лиги хоккея на льду в 1969 году было принято несколько важных решений, в частности разрешено принимать участие в чемпионатах мира девяти профессионалам из низших лиг. Однако в январе 1970 года конгресс пересмотрел это решение. В знак протеста канадцы предъявили

ультиматум Международной лиге: или та снимает запрет на участие в первенствах планеты профессионалов, или Канада отказывается принять у себя предстоящий чемпионат. Лига на уступки не пошла. Чемпионат мира был перенесен в столицу Швеции, а бойкот канадцами мировых хоккейных первенств продолжался до 1977 года.

Сборная жила в том же отеле «Фламинго», что и год назад. Харламова поселили в одном номере с Анатолием Фирсовым. Сбылась его давняя мечта — обстоятельно поговорить со своим кумиром, узнать у него секреты мастерства. Общение началось со споров: труднее или легче будет играть в Стокгольме, чем год назад? Харламов был уверен, что не легче. Фирсов больше молчал, слушая настырного новичка, и уверял, что, по меньшей мере, будет никак не интереснее. Острота ощущения большого хоккейного праздника, как это было в 1969 году, немного притупилась. Тот же город, те же улицы, тот же стадион. А вот чувства уже не такие яркие, что годом ранее. Да и зрители не проявляли такого интереса к чемпионату.

Первый поединок сборная СССР проводила против финнов. Матч собрал чуть менее трех тысяч зрителей. Благодаря голам Петрова и Мальцева в ответ на точный бросок финна Лейму советские игроки с трудом удержали скромное преимущество.

Несмотря на отсутствие канадцев, чемпионат мира 1970 года в спортивном отношении был довольно напряженным. Во втором и третьем турах сборная СССР катком прошла по сборным ФРГ (12:0) и Польши, которая заменила на турнире канадцев (7:0). Этот турнир стал бенефисом динамовца Александра Мальцева, который в игре с немцами оформил «покер» — забил четыре гола. К слову, Мальцев с 21 набранным баллом стал лучшим бомбардиром чемпионата и был признан лучшим нападающим.

На этом турнире оспорить советское хоккейное превосходство взялись не чехи, у которых сборная СССР выиграла в четвертом туре со счетом 3:1, а хозяева — шведы. Они играли с советской командой в пятом, заключительном матче первого круга. В составе сборной Швеции в этот вечер блистал вратарь Холмквист по прозвищу «Болтунишка». Накануне игры он прикинулся больным. Как стало известно позже, это было сделано для того, чтобы усыпить бдительность русских. Появившись же на льду, Холмквист творил чудеса, ловил всё, что летело в створ. Тут, как назло, получил травму «советский вратарь без нервов», как называли западные СМИ Виктора Коноваленко. У него было сильнейшее рассечение брови. «В госпитале целый консилиум собрали, крутили-вертели так и этак. 37 рентгеновских снимков сделали! Потом начали шпильки вставлять — множественный перелом переносицы оказался. Швед на всей скорости врезался коньком», — писал в своей книге «Третий период» Виктор Коноваленко.

После окончания второго периода шведы вели со счетом 3:1. И хотя Харламову удалось найти брешь во владениях Холмквиста, хоккеисты «Тре крунур» наказали юного Третьяка, вышедшего на замену Коноваленко, забросив четвертую шайбу. Как после признал на пресс-конференции Аркадий Иванович Чернышев, «шведы играли просто лучше». Они одержали победу 4:2, заставив трибуны прыгать от восторга и бить в барабаны. Когда шведские хоккеисты отправились в раздевалку, трибуны хором запели шведский гимн. Шведы радовались так, будто их сборная только что выиграла не один матч, а весь чемпионат на родном льду. На первых полосах ведущих шведских газет пестрели красочные заголовки, подчеркивавшие мастерство Холмквиста и лучшего нападающего в составе шведов центрфорварда Ульфа

Стернера. «Благодаря игре Стернера и его партнеров шведы снова стали твердой валютой на чемпионатах мира», — писала одна из местных газет. В другой появился коллаж: фотография этого нападающего и лучшего шведского жокея Нурдина верхом на жеребце, который недавно был куплен в СССР, сопровождалась надписью: «Эти два парня знают, как управлять русскими».

После этой игры в советской сборной состоялось собрание. Виновными в неудачном выступлении были признаны хоккеисты тройки Петрова. «Тренеры на каком-то отрезке чемпионата здорово ругали нас. Петрова даже снимали с игры. Укоряли тройку за себялюбие, за отсутствие паса. Мы всё понимали. Понимали, когда корят нас “по делу”, когда “для педагогики”. Старались. Пот катил ручьями. И в игре, и на тренировках. Каждый матч мы играли на пределе своих возможностей. Всё как будто было при нас, а игра не шла. Пропала свежесть», — вспоминал Валерий Харламов об игре своей тройки на чемпионате мира 1970 года. Объяснение этому, по словам хоккеиста, заключалось в том, что он и его партнеры «хотели доказать, что они не временщики», и именно поэтому «перебарщивали в своем рвении».

И началось. Финнов, главное открытие этого чемпионата, раскатали со счетом 16:1. При том что в том матче вратари финнов (Илонен и сменивший его Валтонен), помимо 16 пропущенных, умудрились отразить 53 броска советских хоккеистов в створ ворот. Почти 70 точных бросков в ворота соперника на столь представительном турнире — кажущийся невероятным показатель по нынешним временам. Более того, Илонену потом дали приз лучшего голкипера чемпионата. Все это говорит о том, как разозлились советские игроки и особенно тройка Петрова.

Хет-трики в составе советской команды оформили Харламов и Михайлов, по два раза отличились Мальцев, Фирсов, Якушев. Через день, не сбавляя оборотов, сборная СССР победила команду ФРГ со счетом 7:1. На следующий день со счетом 11:0 были разгромлены поляки. Забив в этой встрече четыре гола, Александр Мальцев побил казавшийся вечным рекорд национальной сборной Всеволода Боброва (13 шайб), установленный на чемпионате мира 1957 года.

27 марта советские игроки легко расправились с чехами и начали готовиться к решающей игре со шведами, которая была запланирована как раз на католическую Пасху. К этому моменту сборная СССР возглавляла таблицу, опережая шведов на одно очко. В матче между собой чехи и шведы сыграли вничью. Ажиотаж вокруг ставшего финальным поединка сборных Швеции и СССР поднялся невероятный. Набожный шведский тренер Арне Стремберг, который в детстве даже мечтал стать пастором, накануне вечером не пошел на пасхальную мессу в церковь, как делал это каждый год, а всю ночь чертил у себя на базе тактические схемы игры против русских.

Изумлению шведов не было предела, когда они увидели, что место в воротах советской сборной занял Виктор Коноваленко. И это несмотря на перелом переносицы, который, как представлялось шведам, вывел его из игры как минимум на несколько недель. Владислав Третьяк позже признавался, что именно тогда он впервые понял, что такое настоящее мужество. Советская сборная не позволила шведам развернуться на площадке и выиграла со счетом 3:1. Шайбы в этом матче забросили Мальцев, Викулов, Петров. Впечатляющий, уже пятнадцатый для него на этом первенстве планеты гол Александра Мальцева, забитый Холмквисту, позже крутили многие западные телеканалы. Тогда Мальцев, получив шайбу в своей

зоне, обвел по дороге нападающих, «скрутил в узел» двух защитников, столкнув их лбами, наконец, объехал ворота Холмквиста, заведя шайбу в пустые ворота. Сам Александр Мальцев признавался, что считает этот гол самым любимым в своей карьере.

Харламов забил семь шайб; столько же было у Михайлова, пять — у Петрова. Михайлов и Харламов поделили между собой седьмое место в списке бомбардиров: по семь заброшенных шайб и по три результативные передачи.

Находилось у Харламова время и для шуток.

— Чего вам в этом году не хватало? — спросил его по окончании чемпионата писатель и драматург Яков Костюковский.

— Канадцев.

— А какая тройка больше всего понравилась?

— Никулин — Вицин — Моргунов. Нам в Стокгольме вашу «Кавказскую пленницу» показывали. (Костюковский был одним из авторов сценария фильма.)

«Валера был заправским шутником вместе с Сашей Мальцевым, — вспоминал в разговоре с автором Владимир Винокур. — У Мальцева часто были “шутки не для печати”. Валера тоже мог сказать крепко, но абсолютно беззлобно». Журналист Борис Левин вспоминал, как однажды Валерий Харламов после трудного матча в «Лужниках», облизывая на ходу губы, на минуту задержался по пути в раздевалку, спросив у журналиста: «Ну, как я сегодня играл?» — «Валера, ты же три забросил, о чем тут можно говорить?!» — удивился Левин. «А сам (Тарасов) говорит, что я играл на блондинок», — хитро улыбнулся Харламов.

Вспоминает Вадим Никонов: «Моя жена знает французский язык почти в совершенстве. И Валера постоянно подкалывал ее. То пытался показать какой-то заграничный акцент, специально шепелявил, то постоянно вставлял в разговор свое любимое “тлитцать»

тли”. Однажды спросил ее на полном серьезе: “Таня, ты знаешь французский?” — “Конечно, знаю”. — “Тогда переведи мне вот какую фразу: дай трэ до по-нэдэ”. Жена смутилась, а Валера, выдержав паузу, улыбнулся и ответил так, будто только что одержал победу на льду: “Это значит: дай трешку до понеделника”».

По окончании сезона Валерий Харламов заехал к отцу на завод, долго общался с рабочими. Потом отправился в пионерский лагерь, где играл в футбол с детишками. Ему было всего 22 года. Два года, как он начал свой путь в большом хоккее, а в багаже уже два золотых всесоюзных первенств и два титула чемпиона мира. И главное, у Харламова и у его партнеров по звену был огромный потенциал для роста.

...В 1971 году Валерий Харламов познакомился с человеком, которому суждено было находиться рядом с ним оставшиеся годы жизни. Михаила Туманова многие хоккеисты тех лет, с которыми довелось побеседовать автору этих строк, называли не иначе как «телохранителем Харламова». На все руки мастер, могучий даже сейчас, когда ему уже за семьдесят, Михаил Александрович оберегал хоккеиста от всяких напастей и злоключений. Следил, чтобы тот не сорвался в загул, ограждал от буйных фанаток, был его водителем, занимался машиной, помогал его семье, за что его любили все Харламовы.

«Миша не пил спиртного, но обожал чай с конфетами. Как придет, к нам вечером, так мы уже знаем, что надо готовить чайник на полтора-два литра. И непременно горы конфет», — улыбаясь, вспоминала Татьяна Харламова.

«С Валерой я познакомился позже, чем с его партнерами по команде», — рассказывает Михаил Туманов. Бывший водитель «Совтрансавто», советской компании, занимавшейся автомобильными перевозками за границу, он по-прежнему в рабочем строю. На

момент нашего знакомства, которое состоялось в феврале 2014 года, М. А. Туманов занимал должность начальника департамента эксплуатации строительно-монтажного управления № 1, которое расположено недалеко от района Очаково.

В Москву Михаил Туманов вернулся в начале 1970-го после демобилизации из Ташкента и поселился в подмосковном Красногорске. Там познакомился с центрфорвардом ЦСКА и сборной СССР Владимиром Петровым, который жил в соседнем доме. Так случилось, что Туманов устроился на работу в ресторан «Архангельский». А жили армейцы (хоккеисты, футболисты, баскетболисты) большую часть года на базе в Архангельском. Там была одна комната отдыха внизу, где размещалась столовая, имелся телевизор в холле, а больше, по большому счету, ничего и не было.

Как справедливо замечают армейские ветераны, министр обороны Андрей Антонович Гречко сделал для ЦСКА, в котором души не чаял, больше, чем все советские министры обороны, вместе взятые. Он дал распоряжение построить самую современную по тем временам спортивную базу в живописном Архангельском, а также свой стадион на Песчаной улице, армейский спортивный манеж, в 1990-е годы превратившийся, правда, в барахолку.

В свободное время спортсмены гуляли по парку, вечером после игр приходили поужинать в ресторан «Архангельский». Он был построен по личному распоряжению председателя Совета министров СССР Алексея Николаевича Косыгина, который целых 16 лет, дольше всех в истории страны, руководил советским правительством и о котором с теплотой вспоминают многие ветераны. Ресторан задумывался как место встреч иностранного дипломатического корпуса, поэтому и меню, и уровень обслуживания были в нем с приставкой «супер». Михаил Туманов рассказал, как

открывался ресторан. Однажды Алексей Николаевич вместе со своей дочкой Людмилой решил прогуляться по усадьбе Архангельское, находившейся совсем рядом с его правительственной дачей. Захотел перекусить. Увидел забегаловку, где стояли высокие столы без стульев, продавали водку и бутерброды сомнительного качества, несмотря на то, что провести свой отдых сюда стремились москвичи и иностранцы. Тут же, по его указанию, в Архангельское вызвали первого секретаря Московского обкома партии Василия Ивановича Конотопа.

Уже на следующий день начались работы по сносу забегаловки и строительству нового ресторана. Он получился роскошным, а позже, как теперь принято говорить, стал культовым. Достаточно сказать, что в ресторане имелись своя коптильня, свое производство, а работало в нем около ста человек.

Тарасов не запрещал игрокам ходить ужинать в ресторан «Архангельский». У него не было принято, чтобы какие-то люди специально следили за режимом игроков и наутро докладывали мэтру, кто и как «провел вечер». Хотя Тарасов, если бы захотел, мог узнать всё, что ему было нужно, о том или ином своем подопечном.

В Архангельском Туманов познакомился и с начинающими армейскими звездами — Харламовым, Лутченко, Третьяком, Цыганковым и другими. К тому времени Михаил успел поработать автослесарем и с машинами был на «ты». Хоккеисты ЦСКА часто приходили к нему, выражаясь современным языком, сделать тюнинг — приукрасить своих железных «красавцев» или поменять ту или иную деталь. Туманов никому не отказывал. Более того, вскоре едва ли не половина хоккейного ЦСКА выписала ему доверенности на автомобили, чтобы он мог в свободное от работы время развозить самих хоккеистов или их родных. По его словам, таких доверенностей было чуть ли не с

десяток. Машина Харламова и вовсе стала для Туманова родной. Он возился с ней, как со своей, проводил техосмотр и профилактику. Позже Туманов организует ремонт первой «Волги», на которой Харламов разбился в 1976 году.

«Тарасов первое, что спросил: “Кто это?” Ему ответили — это Миша, друг Петин (Петрова. — *М. М.*). У него тут теща — Манюня работает. У меня теща действительно работала поваром в Архангельском, в санатории, кормила всех спортсменов. Видимо, Тарасов узнал, что я не употребляю алкоголь, у меня жесткое отношение к тем, кто это дело жалуется. Тогда он и сказал: “Ладно, ему можно с ребятами находиться”. При Тарасове ведь никто из посторонних не имел права, невзирая на регалии и звания, прийти в автобус и ехать с командой. Только если Тарасов разрешил. Мне он в этом не отказал. Мне как бы посчастливилось стать членом команды ЦСКА. Не только при Тарасове, но и при других тренерах — Всеволоде Боброве, Косте Локтеве», — вспоминал Туманов. При этом Тарасов, узнав, что большую часть времени Туманов помогает Харламову, напутствовал его: «Миша, береги Валеру».

У Михаила Александровича среди армейских хоккеистов была кличка «Лесной», потому что был он тогда, как сам признается, «колоритной внешности». Словно вышел из леса — заросший, большой. «Ребята мне говорили: Миша, надо туда-то съездить. Кто-то из их родных просил, когда надо было помочь что-то отвезти. Я был с ними всегда. Не знаю, как-то так получилось, что я стал помогать им во многих бытовых вопросах. Много было всяких вещей. Если надо было кому-то по здоровью помочь, я помогал. Помню, как у них у всех в одночасье поменялись автомобили. У Валеры был “москвич”, на котором он в начале 1970-х попал в аварию. Правда, он на нем почти не ездил. Ремонтировал его тогда первый муж его сестры

Татьяны. После победы на Олимпиаде в Саппоро у всех армейцев, игроков сборной, появились новенькие, только что сошедшие с конвейера “Волги”. Первыми, по-моему, у Третьяка и Валерки. Тогда на его машине и стали красоваться знакомые всем сотрудникам ГАИ те самые знаменитые номера, как на его хоккейном свитере: 00-17».

По словам Туманова, некоторые хоккеисты ЦСКА уже во второй половине 1970-х захотели почувствовать себя настоящими лихачами. «Едешь за ними после ресторана, они немного подшофе, я за ними, не дай бог, что случится. Они начинают куражиться. Скорость резко прибавляют, закладывают виражи, едва в кювет не сваливаются. Спасало и уберегало их от аварий, пожалуй, то, что у них была блестящая реакция. Я не выдерживал этого, тормозил их, чуть ли не дрался с ними», — рассказывал Михаил Александрович.

С Харламовым Туманов действительно общался чаще, чем с его партнерами по тройке: Борис Михайлов и Владимир Петров к тому времени уже обзавелись семьями. «Постепенно отношения из товарищеских переросли в дружеские. Я познакомился со всеми его родными и близкими, которые жили в Москве, включая знаменитого деда Сергея».

Было откровением узнать, что, оказывается, Анатолий Тарасов запрещал игрокам накануне игр ездить на машинах, да и вообще не был сторонником того, чтобы хоккеисты садились за руль. Нет, Тарасов не боялся того, что хоккеисты разгонятся и разобьются, хотя опасения такого рода в душе легендарного наставника, наверное, присутствовали. Просто он полагал, что, отвлекаясь на свои машины и постоянно думая о них, игроки должным образом перестанут сосредотачиваться на хоккее, расслабятся и потеряют концентрацию. Мог ли Тарасов тогда, сорок с лишним

лет назад, представить, какие роскошные лимузины окажутся в автопарках нынешних спортивных звезд?!

Спортсмены приезжали на сборы в Архангельское и там, у ворот, оставляли свои машины. А на игру и на тренировки ездили уже на автобусах. У ЦСКА в начале 1970-х годов был автобус Львовского автозавода, после на смену ЛАЗу пришел из Венгрии новенький «икарус».

В отсутствие хоккеистов за руль садились их жены. «Сусанна Мальцева хорошо водила. Михайлова Бори жена Татьяна, Надя Петрова отлично водили, жена Лебедева Юры из “Крылышек”. Тогда была мода такая, все начали учиться управлять машиной», — вспоминал Михаил Туманов. На базе в Архангельском было мало развлечений. Разумеется, никаких игровых приставок, в которые любят сегодня сражаться молодые игроки. В лучшем случае — настольный хоккей. В основном играли в бильярд. Смотрели кино.

В чемпионате СССР 1970/71 года принимали участие не 12, как годом ранее, а 9 клубов. Первенство в тот год проводилось в пять кругов. Серьезную конкуренцию армейцам составило московское «Динамо», в котором блистал Александр Мальцев, забросивший 37 шайб. Динамовцы шли на первом месте большую часть чемпионата, уверенно победив ЦСКА в трех поединках из пяти. Но в последних двух кругах в поединках со «Спартаком» неожиданно потеряли шесть очков и еще пять — в противостоянии с армейцами из Ленинграда. В результате динамовцы уступили верхнюю строчку армейцам. ЦСКА обогнал их на семь очков в турнирной таблице. Как отмечали специалисты, динамовцам не хватило второго дыхания.

При этом на заключительном отрезке чемпионата здорово прибавила в игре именно первая тройка, которой основательно доставалось от Тарасова в тот год. По итогам чемпионата Валерий Харламов, забросивший 39 шайб и отдавший 12 результативных

передач, занял второе, вслед за Мальцевым, место в гонке бомбардиров. Два друга вошли в тройку лучших нападающих чемпионата СССР.

В 1971 году впервые игры мирового первенства принимал швейцарский Берн. Там состоялся первый круг состязаний, а во втором шестерка команд-участниц соревновалась уже в Женеве. Несмотря на наличие в Берне хоккейной арены, хозяева решили отличиться и возвели еще один хоккейный стадион на месте одного из атомных убежищ. Это оказалось дешево и сердито. Раздевалки для команд и арбитров, холодильные установки и даже пресс-центр с баром строители по просьбе организаторов вписали в интерьер подземных помещений. Сама ледовая арена разместилась над убежищем. Собранная из легких конструкций, стекла и пластмассы, внутри она «превратилась» в настоящий холодильник. В результате в день дебютной игры организаторы были вынуждены положить на все 11 тысяч зрительских мест шерстяные пледы, а затем постоянно выносить их со склада на все последующие встречи.

Сборная СССР приехала на турнир в ранге явного фаворита, выиграв восемь предыдущих чемпионатов и намереваясь продолжить победную серию. Вместе с тем настроения в тренерском штабе были тревожные. Тренеры заводили игроков, понимая, что чем больше команда СССР выигрывает чемпионаты мира и чем дольше продолжается ее победная серия, тем злее становятся соперники. И Чернышев, и Тарасов, по воспоминаниям ветеранов, не только не позволяли сборникам расслабиться, а увеличили объем нагрузок на тренировках и количество тактических занятий. Несмотря на то, что сборная СССР одержала три легкие победы на старте турнира, последовательно со счетом 11:2, 8:1 и 10:2 обыграв команды ФРГ, Финляндии и США, тренеры сборной были не особенно довольны. И

даже когда со счетом 8:0 наши «раскатали» шведов, напряжение сохранялось.

Кстати, тогда в стане шведской сборной разразился скандал. Газетчики выяснили, что накануне столь важной игры некоторые шведские хоккеисты вдоволь повеселились в ночном клубе. В те «патриархальные» годы, когда хоккеисты не были столь свободны в своем поведении, как сейчас, это произвело настоящий фурор. На фоне разгромного поражения от Советов любимцы нации быстро превратились в изгоев. Благо шведы выкрутились, одумались и заняли итоговое третье место на пьедестале.

В первых матчах «пушка» первого армейского звена молчала, в сборной солировали Фирсов и его партнеры. В итоге Анатолий Фирсов с 19 набранными очками стал лучшим бомбардиром чемпионата, вошел в тройку лучших игроков атаки и стал лучшим нападающим.

Тренеры упрекали первую тройку в том, что они жалеют себя и не выкладываются на льду полностью. «Вы много суетитесь. Играете на себя. У вас пропали пас и взаимопонимание», — повторял Тарасов, всё больше заводясь. Даже когда в поединке второго круга тройка Петрова забросила три шайбы в ворота западных немцев, Тарасов недовольно буркнул: «Вами, молодые люди, мы недовольны».

«Переусердствовали мы на тренировках», — скажет позже Валерий Харламов, объясняя проблемы с качеством игры физической усталостью. А потом их прорвало, как в концовке всесоюзного первенства. Причем прорвало в решающий момент, что, как известно, является уделом настоящих мастеров. В заключительной игре со шведами именно они сделали результат.

Советские хоккеисты уступали к третьему периоду встречи со счетом 2:3. В перерыве произошел тот самый эпизод, когда Тарасов запел гимн Советского Союза.

Причину такого «раскрепощения по-тарасовски» объяснил в беседе Владимир Богомолов. «Замысел у Тарасова был простой. Он доминанту пораженческую у них снял. Они думали о счете все время. А он зашел в раздевалку, запел гимн и убрал всё это. Тогда существовала идеология, нацеленность на результат. Не смог бы Тарасов переломить ту игру, если бы вдруг ни с того ни с сего, когда в раздевалке сидят здоровые и приунывшие мужики, не запел бы гимн. Они вышли на лед и порвали соперников. Фабио Капелло (тренер сборной России по футболу. — *М. М.*) запел бы? Никогда», — уверен Владимир Богомолов.

А тогда, в решающие минуты игры со шведами в 1970 году, именно Харламов, Михайлов, Петров, забив по голу каждый, всего за девять минут полностью перевернули ход матча. Сборная СССР победила, опередив в итоговой таблице чехословацкую сборную на два очка и став в девятый раз подряд (недостижимый рекорд в истории мировых первенств!) лучшей на планете.

Радовали глаз фамилии в списке бомбардиров этого первенства. На вершине — Анатолий Фирсов, который будто обрел вторую молодость. Следом — уступивший ему всего два балла (5 голов и 12 результативных передач) Валерий Харламов, далее Мальцев, Петров, Викулов. Шестое место Борису Михайлову пришлось разделить с американцем Гэри Гамбуччи.

В ту пору совместно с чемпионатом мира проводились и игры чемпионата Европы. Точнее, в его зачет брались те игры на мировом первенстве, которые проводили между собой европейские сборные. Так вот на этих играх случился любопытный казус. Если чемпионом мира в 1971 году стала советская команда, то чемпионом Европы — хоккеисты сборной ЧССР, которые потеряли очки во встречах с американцами, но

набрали больше баллов в противостоянии с европейскими командами.

Девятое подряд золото мировых первенств стало последним в богатейшей коллекции наград у бессменного тренерского дуэта Чернышев — Тарасов. Через год с небольшим их «попросят» из сборной...

А пока по возвращении в Москву мэтр армейского тренерского цеха стал нагружать первую тройку больше, чем обычно. Собственно, этого и следовало ожидать после той накачки, которую он устраивал им во время чемпионата. Уже в Москве Тарасов не уставал повторять, что за парой успешных сезонов, когда кажется, что ты поймал птицу удачи за хвост, следует неизбежный психологический провал. Может пропасть желание тренироваться так же упорно, как когда ты только начинал путь к вершине. Это, по мнению Тарасова, и произошло в Швейцарии. «То наше первенство действительно было не лучшее», — заметит позже Борис Михайлов.

Тренировочный сбор перед сезоном 1971/72 года Анатолий Тарасов решил провести в дружественной ГДР. Не успели хоккеисты распаковать чемоданы, как «главный» устроил собрание и выступил на нем, как принято сейчас говорить, с программной речью. Мэтр понимал, что в ЦСКА, впрочем, как и в сборной, в силу объективных причин начинается естественная смена поколений. Начал с того, что предстоящий сезон будет необычайно трудным, особенно для сборников. «Динамо», «Спартак» уже дышат в затылок. А в 1972 году сборников ждет непростая Олимпиада на другом конце материка — в Японии. И, главное, серьезное испытание в негостеприимной Праге, где советским хоккеистам предстоит завоевать юбилейный десятый титул чемпионов мира. «Не забывайте, что близится 55-я годовщина победы Октябрьской революции», — сказал Тарасов.

Игроки и сами знали, как это важно для Кремля, где любили разного рода «юбилейные» титулы. «Соперники стремительно догоняют нас в мастерстве. Поэтому негоже играть так, как играли наши деды», — отрезал Тарасов, внимательно глядя на хоккеистов первой тройки.

Под словом «деды» он подразумевал поколение Всеволода Боброва, с которым был непримиримым соперником и в спорте, и в жизни. Надо сказать, что слово «ветераны» отсутствовало в лексиконе Анатолия Владимировича. Он предпочитал употреблять слово «возрастные». В эту категорию относил игроков, которые приближались к тридцатилетнему рубежу или уже перешагнули его.

А дальше была вторая часть его выступления. Тарасов перешел к новым тактическим построениям, обрушив на игроков поток совершенно неожиданной для них информации. Подобную «революционную» схему игры он опробовал на победной Олимпиаде в Гренобле в 1968 году. Тарасов заявил, что отныне в команде не будет классической пятерки — два защитника и три нападающих. Он намерен играть по новой схеме, которая сильно смахивала на футбол. «Тройка Толи Фирсова будет играть с Палычем (Рагулиным) в амплуа центрального защитника. Его задача — играть на ближних подступах к своим воротам. Викулов и Цыганков будут исполнять роли полузащитников, атакуя, но и помня, что они в известной мере защитники, которым поручается атака крайних нападающих соперника. Впереди находятся два острых нападающих», — объяснил суть своей задумки Тарасов изумленным игрокам. По Тарасову, в этой ситуации нападающим открывалось бы больше пространства для маневра, но возрастала их личная ответственность за результат. «На эту роль больше всего подходят думающие игроки, техничные, любящие

идти в единоборство. — Тарасов взял победоносную паузу. — Думаю, что с этим лучше всего справятся Фирсов и Харламов».

В зале воцарилась гробовая тишина. До игроков еще не дошел весь смысл задумки Тарасова. Было ясно одно — тренер разбивает не одно, а два своих ударных звена, которые приносили армейцам и сборной львиную долю набранных очков. Этот шаг Тарасова никто не мог понять, к тому же в мировой практике до этого не было случаев, чтобы главный тренер разбивал два ведущих и лучших звена своей команды.

«А теперь готовьтесь к тренировке», — сказал Тарасов, покидая зал для собраний и не давая игрокам возможности задать ему вопросы. Что же, слово Тарасова — это не просто закон. Это закон, подлежащий немедленному исполнению. Но всё случилось так внезапно. Неужели во всем виноват последний чемпионат мира? Игроки расходились переодеваться понурые и явно ошеломленные новой «реорганизацией».

«Мы обиделись. Ужасно обиделись на тренера. И... друг на друга: нас разбивают, а мы ничего не можем сделать. Думаю, особенно обидным это решение показалось Михайлову с Петровым. Они, опасаюсь, могли подумать, что я согласился на реорганизацию с легкой душой, ведь меня ранее подключали к большим мастерам. Мне тоже было обидно за нашу тройку. Неловко чувствовал себя перед партнерами: в конце концов, пришел в звено последним — самым молодым и неопытным, ребята помогали мне, опекали, давали возможность поверить в собственные силы, а я, набравшись мастерства и опыта, покидал их теперь. И это всего за несколько месяцев до первой для нас Олимпиады, на которую мечтали попасть и к которой шли вместе более трех лет» — из этих слов игрока видно, как искренне переживал Валерий Харламов.

Опять, как и в детстве, он «вызывал огонь на себя», лишь бы не пострадали товарищи. Из этих слов видно, как он напрасно корил себя, как страдал внутренне. А ведь он был ни в чем не виноват и ничего не знал заранее о задумке Тарасова. Правильно сказал Эрих Мария Ремарк. Совесть обычно мучает тех, кто не виноват.

В беседе с журналистом Спасским Харламов выделял слово «вместе», понимая, что Тарасов давит на больное место. К тому же тренер ЦСКА, когда к нему потом подходили Петров и Михайлов, прося объяснить мотивы своего поступка, или просто уходил от них, или по-прежнему жестко стоял на своем: «Я всё уже объяснил».

Конечно, всё это были сознательные комбинации в сложной игре, в задуманной тренером многоходовке. Непревзойденный мастер создания конфликтных ситуаций, Тарасов всегда выходил из них победителем. Так было и на этот раз. Когда игроки вновь подошли к нему, он прошелся по самому чувствительному — по их самолюбию. «Борис, Володя, неужели вы, с вашим талантом, опытом и мастерством, трудолюбием и работоспособностью, с вашим доброжелательным отношением к молодым игрокам, не воспитаете еще одного Харламова?» — задался вопросом тренер, тут же отрезая все возможные «пути к наступлению» у Михайлова и Петрова.

Новым партнером по звену стал воспитанник ЦСКА и приятель Харламова Юрий Блинов. «Мало-помалу они прониклись идеей доказать миру и Тарасову, что и без Харламова звено может сыграть блестяще, что они и вправду помогут стать первоклассным мастером еще одному хоккеисту — Юрию Блинову, — вспоминал Валерий Харламов. — Володя и Борис добились своего. И в матчах первенства страны, и на Олимпийских играх

обновленная тройка Петрова выступила великолепно». [21](#)

Сам Тарасов позже признавался, что долго думал, кто может стать вторым, как он говорил, «острым» нападающим в новой тактической схеме игры ЦСКА и сборной. В итоге остановился на Харламове. «По уровню мастерства он устраивает самого придирчивого и даже капризного партнера. Потому я был убежден, что Валерий на равных дополнит тройку. Усилит ее, сделает действия звена более интересными и разнообразными. Манера его игры достаточно привлекательна и убедительна. Великолепная обводка, необычные решения и бесстрашие дополняются беспощадностью к себе и к сопернику, неутолимой жаждой забивать, истинно мужским атлетизмом. У него, считал я, сойдет на нет некоторая небрежность: новые партнеры заставят его быть требовательнее к себе. Рассчитывал я и на психологические изменения: в новом звене Валерий не будет абсолютным лидером, каким он был в прежней тройке», — вспоминал Анатолий Тарасов.

«Харламова новые партнеры приняли безоговорочно, — вспоминал Владимир Дворцов. — По классу своему, по стилю игры, по умению легко адаптироваться он мог играть с кем угодно и где угодно, почему, видимо, Тарасов и ввел Харламова в звено Фирсова. Он ведь никогда не был капризным “премьером”, на которого должны работать, “горбатиться”, как говорят хоккеисты, другие. Наоборот, он был волшебником ювелирного паса и не случайно всегда лидировал по результативным передачам. Просто он был реалистом, понимал замысел тренера, хотя, конечно, предпочел бы играть с постоянными своими партнерами. Ну а с такими мастерами, как Викулов и Фирсов, ему было нетрудно найти общий язык».

Решение это далось Тарасову непросто. «Харламов многим рисковал, но спорить не стал, поверил на слово тренеру. И, придя в новое звено, сумел зарядить своей невероятной энергией, своим неиссякаемым оптимизмом и Александра Рагулина, и Анатолия Фирсова, и Геннадия Цыганкова, игроков к тому времени уже именитых. Лучшая игра Владимира Викулова тоже приходится на тот сезон, когда он выступал в одном звене с Валерием. Они были благодарны судьбе, объединившей их с Харламовым в одной игровой компании, о чем мне не раз говорили сами», — вспоминал он.

Самым счастливым для себя годом в хоккее Харламов считал 1972 год. Во многом из-за тех впечатлений, которые оставили его первые зимние Олимпийские игры. Они стали первой Белой олимпиадой, прошедшей за пределами Западной Европы и США.

Саппоро, который находится на самом северном из японских островов — Хоккайдо, отлично подготовился к зимним Олимпийским играм. Здесь было построено метро, возведены новые здания, дороги. Олимпийцев разместили в просторной деревне: мужчины поселились в девятнадцати пятиэтажных домах, а женщин расселили в двух одиннадцатиэтажных строениях. Причем если дамы могли навещать кавалеров, то мужчинам вход в женский корпус был категорически запрещен. Накануне Олимпиады на Хоккайдо обрушились обильные снегопады, чего в этих местах не случалось много лет. Так что игры были действительно белыми.

3 февраля 1972 года в Саппоро был зажжен олимпийский огонь. За те две неполные недели, что продолжалась Олимпиада, на поддержание этого огня потребовалось столько газа, что средней японской семье его хватило бы на... 200 лет. Атмосфера

Олимпиады впечатлила Валерия Харламова, вдохновила его: за те несколько игр, что сборная СССР провела в Стране восходящего солнца, он стал самым популярным хоккеистом как у японцев, так и у журналистов.

На Олимпиаде 1972 года Валерий Харламов выступал в звене с Владимиром Викуловым и Анатолием Фирсовым, а в тройку к Михайлову и Петрову определили Юрия Блинова. Кстати, на этом турнире Борис Михайлов получил тяжелую травму и сыграл только в трех поединках, в том числе, с надорванными связками, — в решающей игре. «Двое суток врач команды, великий Олег Белаковский, и массажист Георгий Лаврович колдовали над моей ногой. Перебинтовали, жгут поставили снизу и сверху, после этого выходил — играл. А что делать? Тарасов сказал, что я должен играть, а раз тренер говорит — надо подчиняться. Играл через боль, понимая, что я нужен команде», — вспоминал Борис Михайлов. «Преклоняюсь перед мужеством Бориса. На его колено страшно было смотреть. Незадолго до Саппоро я сам перенес операцию на колене и знаю, какие муки он вынес. Сейчас с такими повреждениями восстанавливаются три месяца. Он же пропустил пару игр и вышел на лед. И не просто вышел, а забил чехам с центра поля кистевым броском. Хотя, по его же признанию, с трудом добрасывал шайбу до ворот от синей линии, даже будучи здоровым», — признавался в одном из интервью вратарь сборной СССР Александр Пашков.

Турнир в Саппоро стал для хоккеистов первым, в котором вместе с олимпийскими медалями не разыгрывались титулы чемпионов мира и Европы. С 1972 года было решено проводить такие соревнования отдельно, и, следовательно, в год проведения зимних Олимпиад на хоккеистов стала выпадать дополнительная нагрузка. Команда СССР, как действующий чемпион Олимпийских игр, сразу попала в

шестерку сильнейших команд, разыгравших чемпионский титул. В итоге в финальном турнире этим сборным предстояло сыграть по пять встреч друг с другом.

В первом матче сборная СССР уверенно разобралась с финнами, победив их со счетом 9:3. Харламов взял с места в карьер, забросив три шайбы. Накануне финальных встреч канадец Билл Харрис, ставший у руля сборной Швеции, смело заявлял, что сделает шведов чемпионами. Но уже в самом начале команда «Тре крунур» уступила сборным ЧССР и Финляндии. Вскоре из числа соискателей золота выбыла и сборная Чехословакии, которая проиграла американцам с неожиданным счетом 1:5. «Осторожно, они кусаются» — таким заголовком сопровождала одна из японских газет материал о возможностях сборной США, предупреждая русских. Впрочем, советская сборная быстро показала, что отнюдь не боится американцев, выиграв у них с убедительным счетом 7:2. Однако именно американцы вмешались в итоговое распределение мест.

Матч со шведской командой был единственным, в котором сборная СССР потеряла очко. Этот поединок закончился вничью — 3:3. Затем советские хоккеисты победили поляков со счетом 9:3. Опять трижды отличился Харламов. И, наконец, игроки сборной СССР поставили убедительный восклицательный знак, выиграв в последнем своем матче на олимпийском турнире в Саппоро у команды Чехословакии 5:2. Этот матч запомнился тремя подряд грубыми ошибками чешского вратаря Дзуриллы, после чего советские хоккеисты повели 3:0. Затем чехи предприняли ряд жесточенных попыток переломить ход борьбы, но это им уже не удалось.

Олимпиада в Саппоро стала настоящим бенефисом и тройки Фирсова, и самого Харламова. Из 33 шайб, заброшенных сборной СССР, 16 пришлось на долю этого

звена. Харламов сыграл просто потрясающе. Он отличился в четырех из пяти сыгранных матчей, став лучшим бомбардиром турнира с 16 набранными очками (9 голов и 7 результативных передач). Достаточно сказать, что Вацлав Недомански, игрок сборной ЧССР, занявший второе место в гонке бомбардиров, отстал от Харламова на 7 баллов.

По мнению Михаила Туманова, во время Зимних игр в Саппоро в 1972 году произошел настоящий прорыв зрительского интереса в СССР к хоккею. Началось народное обожание хоккеистов, огромная страна прильнула к телевизорам, наблюдая за матчами из экзотической по тем временам Японии. «Именно поколению Петрова, Харламова, Михайлова, Мальцева было суждено поднять на небывалый уровень интерес к хоккею в нашей стране. Эта игра тогда стала восприниматься как некое театральное искусство», — делился впечатлениями Туманов.

Матч с чехами был последним на крупных турнирах, когда хоккейной сборной СССР руководили Анатолий Тарасов и Аркадий Чернышев. По словам Александра Мальцева, он еще до начала Олимпиады понял, что тренерский тандем исполняет свою лебединую песню: «На Олимпиаде в Саппоро Аркадий Иванович перед турниром, проводя установку, дал понять, что расстанется с нами. Он так и сказал: “Я ухожу, творите на льду всё, что вы умеете, что хотите”. А Тарасов перед турниром слова не говорил».

Вокруг увольнения Тарасова с Чернышевым ходит много слухов и версий. В одних источниках утверждается, что они якобы не захотели «сгонять» с чехословаками в последнем туре «вничейку», чтобы помочь «братской социалистической стране» опередить американцев. Последние, разгромив команду ЧССР со счетом 5:1 во втором туре и в итоге набрав с ними одинаковое количество очков, опередили их как раз за

счет победы в очной встрече. Об этом в интервью в 2004 году упомянула и вдова Анатолия Тарасова Нина Григорьевна. «Генералом хотели его сделать, да обстоятельства помешали. С чехами встречались в Саппоро — и начальство приказало Тарасову проиграть. У Анатолия Владимировича и Чернышева глаза округлились — в голове не укладывалось. Отказались. Поэтому хоккеистам дали ордена Ленина, а Тарасова с Чернышевым обошли», — вспоминала Нина Тарасова.[22](#)

С чехами Тарасов и Чернышев никогда бы не сыграли в поддавки. Во-первых, не приучены к этому были и «расписывать» какие-то игры считали изначально ниже своего достоинства. К ним, особенно к Тарасову, страшно было даже подходить, предлагая договорняк. Во-вторых, им было противно поведение на площадке некоторых игроков сборной ЧССР, которые вели себя откровенно по-хамски. Могли проехаться, ткнув клюшкой в Аркадия Ивановича Чернышева, как тот же Недомански, о котором многие ветераны до сих пор говорят с презрением. Или, проезжая мимо скамейки запасных, поднять клюшку и начать «стрелять» как бы из автомата в наставников сборной СССР. «Чехи тогда вели себя вызывающе. Мстили за Пражскую весну, хотя с той поры минуло почти четыре года. Незаметно для судей кололи наших ребят клюшками, провоцировали. Особенно усердствовали братья Холики и Недомански. Хотите верьте, хотите нет, последний во время рукопожатия плюнул сопернику в лицо», — вспоминал вратарь сборной СССР Александр Пашков.[23](#) Сам Недомански много лет спустя говорил о том, что ничуть не раскаивается за те поступки. Дескать, так он реагировал на потоки оскорблений, что «неслись с советской скамейки». А он всё понимал, потому что учил русский язык в школе. Ну, и не выдержал...

Советские игроки, разумеется, хамские штучки чешских хоккеистов без наказания не оставляли. Отвечали и в прямом, и в переносном смысле: кулаками и заброшенными шайбами. Да и Тарасов был не промах. Сам мог ответить так, что мало не покажется. Например плюнуть в ответ.

Говорят, что последней каплей терпения чехословацких руководителей стало поведение Тарасова после выигрыша американцев у сборной ЧССР на Олимпиаде в Саппоро. Маститый советский тренер якобы по-мушкетерски стал на колени перед наставником американцев Мюрреем Уильямсоном, которого хорошо знал, и приложил к сердцу руку, тем самым отдавая должное этой победе команды США над сборной ЧССР. В любом случае было понятно, что в Праге Чернышев и Тарасов являются нежелательными гостями и, если поедут туда, подвергнутся невероятной обструкции со стороны местных болельщиков.

На играх в Саппоро Валерий Харламов, поймавший кураж на льду, и вне площадки всегда находился в бодром расположении духа. Охотно общался с журналистами и артистами, приехавшими поддержать сборную.

«Ариготе на добром слове», — поприветствовал он сценариста и писателя Якова Костюковского, увидев его на Олимпиаде в Саппоро в группе творческой поддержки.

— Вы уже японский освоили, Валерий Борисович? — спросил драматург.

— Тут на стадионе только и слышишь «ариготе-ариготе». Вот мы стали тоже вежливыми... Правда, Гена Цыганков произносит «алиготе» (популярный сорт вина в 1970-е. — *М. М.*). Это ему понятнее, — рассмеялся Харламов.

«Японцы — мои братья по росту и весу», — спустя несколько дней пошутил хоккеист, снова столкнувшись

в кулуарах чемпионата с писателем. Уже было ясно, что советская сборная уверенной поступью движется к своему очередному олимпийскому золоту и никто не может помешать ей занять первое место.

— Ну а что за это время видели нового в Саппоро? — поинтересовался Костюковский.

— Нового? — улыбаясь, переспросил Харламов. — Лед и лицо Тарасова.

«Я встречал его в аэропорту в 72-м году, когда они прилетели из Саппоро. Он недавно купил “москвич”, встречал его на нем друг Миша Туманов, телохранитель. Для меня Валерка, триумфатор той Олимпиады, остался таким же, когда мы встретились в первый раз. Вышел, мы обнялись, хотя на него стала моментально наседавать толпа болельщиков и просить дать автографы. Он спросил, как играет его любимое “Торпедо”. Попросил познакомить его с некоторыми футболистами. Однажды мы, торпедовцы, играли в мини-футбол. Он пришел на эту игру, там много футболистов известных было, и Кузьмич (Валентин Иванов) познакомился с ним. Валера тогда ему объяснил, почему он за “Торпедо” болеет: “Вы, торпедовцы, техничная команда”. Именно об этом они с Ивановым не раз говорили потом, когда встречались», — вспоминал Вадим Никонов.

«С 1970 по 1972 год у Харламова произошел резкий взлет. За это короткое время он приобрел колоссальную уверенность в своих силах. У него уже была обводка коньком такая на скорости, было непонятно, как он через защитников перешагивал. Мне всегда казалось, что на льду играет знаменитый правый крайний бразильской сборной Гарринча. Валерка тоже так делал — раз, смена движений и в другую сторону поехал. Мне посчастливилось играть и против альметовской тройки, и против старшиновской, и против петровской. Этой первой тройке ЦСКА и особенно Валере противостоять

было труднее всего. Он упорно лез вперед. И вовремя мог пас отдать. Если он видел, что партнер находится в более выгодной позиции, он не жадничал, всегда пас отдавал. При этом глаза ничего не выдавали. Харламов очень хорошо использовал свои скоростные качества, координацию, мог убежать куда угодно: и влево, и вправо, и между двумя защитниками мог проскочить и тут же сделать гол. Я думаю, это чутье врожденное», — вспоминал в беседе бывший игрок «Химика» и «Спартака», олимпийский чемпион Юрий Ляпкин.

На родине сборную СССР встречали как героев. Команде устроили торжественный прием в Кремлевском дворце съездов. Наливали каждому «положенные» 250 граммов вина. Но поклонницы хоккеистов из числа официанток, по просьбе Александра Рагулина, принесли в одном из графинов коньяк. Чествование пошло заметно веселее.

Александр Рагулин, Виталий Давыдов, Виктор Кузькин и Анатолий Фирсов впервые в истории советского хоккея стали трехкратными олимпийскими чемпионами. Позже к этому «сонму великих» присоединятся Владислав Третьяк и Андрей Хомутов. За победу в Олимпийском турнире 1972 года в Саппоро каждый из советских спортсменов получил «большую» по тем временам сумму: «целых» 300 долларов. Как было принято в таких случаях, повышения, награды, благодарности, грамоты от ЦК КПСС в основном получили функционеры и чиновники. Валерий Харламов за победу на Олимпиаде в Саппоро был удостоен ордена «Знак Почета».

«Мне кажется, что Валерий и вся железная когорта игроков его поколения совершали нечто большее, нежели просто забивание шайб в ворота, пусть даже и самых сильных соперников. Своей невероятной самоотверженностью, своим искрящимся мастерством, оплаченным предельным напряжением сил и на

тренировках, и в матчах, своим вдохновением, глубоко одухотворенным отношением к игре они добились того, что хоккей стал восприниматься как подлинное искусство, — скажет о мастерстве своей золотой олимпийской команды Анатолий Тарасов. — Зрелище высокого хоккея в их исполнении вызывало восторг и у специалистов, и у завзятых болельщиков, и даже у тех, кто случайно оказывался на стадионе и затем прикипал душой к хоккею на всю жизнь».

В этом коротком отрывке Анатолий Владимирович, по сути, охарактеризовал суть той сборной. Его с Чернышевым команды. Той, которая побеждала всех подряд и никого не боялась.

«Если взять те годы Тарасовские-тихоновские, то сборная была главной командой страны. Всё в те годы делалось во благо сборной. Календарь составлялся для этого. Игроки концентрировались в ведущих клубах ЦСКА, “Спартак”, “Динамо”. Для них создавались все условия. Отличие тех времен состоит в том, что государственной задачей были победы сборной. И ты, попадая в эту систему, должен был от многого отказаться и жить хоккеем. Это самое главное отличие. Сейчас хоккей — это работа. Но еще есть жизнь. В то время при Тарасове и Тихонове вся твоя жизнь — это был хоккей», — признался в беседе известный хоккейный аналитик и комментатор Сергей Гимаев.

Однако на апрельский чемпионат мира в Прагу сборная СССР поехала уже с новым тренерским тандемом. Команду возглавили Всеволод Михайлович Бобров и Николай Георгиевич Пучков, которые на Олимпийских играх в Саппоро числились наблюдателями при тренерском штабе сборной. В Праге Боброва и Пучкова тотчас по прибытии пригласили в резиденцию советского посла в ЧССР Степана Червоненко, который дал понять, что в Кремле больше беспокоятся не за результат, который покажет сборная,

а за то, чтобы турнир прошел в спокойной обстановке, без провокаций.

Можно представить, что творилось на душе у Тарасова. Через пару месяцев он узнает о том, что в Праге наконец-то было достигнуто соглашение о проведении матчей советских хоккеистов с канадскими профессионалами. Это была мечта всей его жизни, которую он лелеял, вынашивал, пробивал все эти годы. Да и как пробивал?! Используя любую возможность, о чем вспоминала его вдова. «Он ходил к Хрущеву, умолял разрешить играть (с профессионалами из НХЛ)! Был вечер на Воробьевых горах после Олимпиады (1964 года), там и Брежнев присутствовал. Гагарин Тарасову сказал: “Пойдем, попросим...” Тарасову это больше всех надо было. Гагарин подошел к Хрущеву, изложил. Тот в ответ — нет, мол, давай сначала выпьем. “Нет, Никита Сергеевич, сначала решим вопрос. Вот товарищ Тарасов говорит, что победим канадцев, он берется!”», — рассказывала Нина Тарасова.²⁴ Но даже первый космонавт Земли Юрий Алексеевич Гагарин тогда не смог помочь Анатолию Владимировичу.

И каково было видеть Тарасову осенью 1972 года, что его игроков, которых он несколько лет специально и целенаправленно готовил к этим ледовым баталиям, теперь повезет в Канаду его антагонист Всеволод Бобров.

Хоккейный сезон 1971/72 года продлился дольше обычного из-за того, что были сдвинуты сроки проведения чемпионата мира. 39-е первенство планеты стартовало в Праге. Формула его проведения не изменилась. Команды по-прежнему играли в два круга. Сборная Канады продолжала бойкот мировых первенств. На этот чемпионат мира новые тренеры не взяли Фирсова и Давыдова. Хотя тот же Фирсов в четырех из предыдущих пяти чемпионатов становился лучшим бомбардиром и входил в число лучших игроков.

Харламов в Праге играл с Викуловым и Мальцевым, заменившим в этом звене Фирсова. «Смена капитанов, стоящих у штурвала сборной, особенно убедительно показала, как велика роль тренера в команде. Мой партнер по матчам в Саппоро Анатолий Фирсов в Прагу не поехал. Тренеры решили не включать его в состав сборной. Вместо Фирсова играл Александр Мальцев. Фирсов играл оттянутым нападающим, вторым хавбеком, а Мальцева неудержимо тянуло вперед, ему хотелось забивать голы, играть на острие атаки, это естественно — он прирожденный нападающий. И потому кому-то из нас — то Викулову, то мне — приходилось оставаться вместо Саши сзади, помогать своим защитникам», — вспоминал Валерий Харламов.

Местных болельщиков по-настоящему интересовали только два поединка — между сборными СССР и ЧССР. Именно они были в восприятии чехов и словаков «настоящим чемпионатом мира». Половина Европы по-прежнему мечтала отомстить русским за подавленную Пражскую весну.

Пожалуй, впервые хоккейный турнир имел столь мощную политическую подоплеку и по-разному переживался двумя народами. В СССР телекомментатор Николай Озеров вел репортаж так, как будто в Праге в 1968 году ничего не случилось. Упоминая о чехословацких хоккеистах, он говорил о том, какие дружеские чувства связывают две страны Варшавского договора. Объяснял телезрителям, что непривычный гул на трибунах есть не что иное, как «оживленное проявление» дружеских чувств. А на самом деле болельщики заглушали враждебными криками и улюлюканьем любое действие советских игроков.

Пражский чемпионат мира 1972 года выдался крайне трудным для советских игроков. Если хозяева находились в апреле на пике спортивной формы, то наши прошли его на Олимпиаде в Саппоро. Сев на сбор

и отрешившись от всего, кроме предстоящих поединков, чехословацкие хоккеисты репетировали будущие матчи со сборной СССР. «Наша команда учитывала особенности действий и искала противоядие атакам каждого звена советских форвардов. На тренировке запасные, Глинка и Хаас, исполняли роли Мальцева и Харламова. Они старались действовать в манере, отличающей этих больших мастеров, а хоккеисты основного состава отрабатывали варианты нейтрализации вашей ведущей тройки», — признавался Владимиру Дворцову уже после окончания чемпионата мира вратарь сборной ЧССР Иржи Холечек.

Как и ранее, на предыдущих мировых чемпионатах, советская команда уверенно разобралась с аутсайдерами и середняками, победив команды ФРГ 11:0 и Финляндии 10:2. В первой игре Валерий Харламов забросил две шайбы, во втором поединке отличился один раз. Затем с таким же счетом 10:2 советские игроки победили швейцарцев, здесь Харламов не смог распечатать ворота противника.

Камнем преткновения стали игры с хозяевами турнира. Одну из игр непримиримые соперники завершили вничью 3:3, а во втором круге сборная СССР, к огромной радости местных болельщиков, уступила 2:3. В заключительном матче турнира советские хоккеисты разошлись миром с командой Швеции. И в итоге, отстав от хозяев льда на три очка, заняли второе место.

Тем не менее первые три строчки в списке бомбардиров заняли игроки сборной СССР: Александр Мальцев набрал 22 очка (10 голов и 12 передач), Владимир Викулов — 16 очков (12 шайб и 4 передачи) и Александр Якушев — 15 очков (11 шайб и 4 передачи). Валерий Харламов отстал от Якушева на один балл (8 шайб и 6 передач). Он опять показал: тройка, в которой он выступает, неизменно становится самой

результативной на мировом первенстве. Викулов, Мальцев и Харламов забросили шайб больше всех и в сборной, и вообще на чемпионате — 30. Но даже несмотря на то, что Александр Мальцев получил приз лучшего нападающего первенства мира, а вся их тройка вошла в символическую сборную чемпионата по версии журналистов, Валерий остался недоволен их игрой.

«Слаженной игры не было, хотя нельзя сказать, что мы обижались друг на друга или мало помогали друг другу. Но то ли мы излишне старательно играли друг на друга, то ли, наоборот, каждый из нас проявлял ненужную инициативу и брал всю игру на себя, до сих пор точно сказать не могу, но сыграли мы в Праге не так, как могли бы. Да и в обороне действовали неважно. Смена тренеров не могла не отразиться на игре. Времени сыграть нам не хватило (тем более что прежде вместе мы никогда не выступали). Замена Фирсова Мальцевым изменила и тактику действий звена, которую мы осваивали, готовясь к Олимпиаде в Саппоро, и конкретный рисунок игры», — признавался он.

Во время первенства мира Валерия Харламова особенно поразил поступок тренера сборной Николая Пучкова — знаменитого в прошлом вратаря (с которого, между прочим, лепили статую атлета во время Олимпиады 1956 года в Италии). Пучков на все выданные ему командировочные купил стереомагнитофон — и не себе, а команде. (Пучков был еще и главным тренером ленинградского СКА.) «Тренер решил поднять культурный досуг на высоту», — восхищался его поступком Валерий Харламов. Да он и сам часто делал людям такие же бескорыстные подарки.

В газете «Чехословенски спорт» вышел тогда очерк Владимира Дворцова, из которого чешские болельщики впервые узнали о том, что Харламов — наполовину

испанец. И вот в самый разгар пражского чемпионата в гостиницу, где жили советские хоккеисты, принесли огромную корзину апельсинов. Это сотрудники испанской торговой фирмы из Валенсии, поставлявшие в тот год в Чехословакию апельсины, в знак восхищения его игрой преподнесли ему такой оригинальный подарок. Валерий, широкая душа, разумеется, сразу раздарил апельсины товарищам и журналистам, лишь несколько штук забрав в Москву. Угостить любимых маму, папу и сестру.

На этом трудный, как и предупреждал Тарасов, сезон не завершился. Предстояло доиграть первенство СССР. Но во всесоюзном чемпионате у Валерия Харламова и его партнеров как раз не было никаких проблем.

Преимущество ЦСКА оказалось неоспоримым. В тридцати двух матчах москвичи потерпели всего лишь два поражения. Их преимущество над занявшим второе место московским «Спартаком» на финише чемпионата составило 13 очков. Как и Олимпиада, это первенство стало бенефисом Валерия Харламова. Он стал лучшим бомбардиром чемпионата, заработав 42 результативных балла (26 заброшенных шайб и 16 результативных передач).

После окончания сезона, получив отпуск, армейские игроки во главе с Харламовым направились в полюбившийся им Крым, в Алушту. На вокзал они приехали в ковбойских шляпах, модных джинсах, с заграничными сумками. «История появления этих шляп такая, — вспоминал Владимир Лутченко. — Мы были на новый год на турнире в американском Колорадо, и нам в одной из гостиниц в качестве презента хозяин подарил роскошные шляпы. В них если в Москве появиться на улице, то приняли бы за чужестранца или ненормального. Ну, мы решили у меня собраться и в таком виде поехать на Курский вокзал, откуда

отправлялся поезд в Крым. Ничего, добрались. Доехали». На вокзал их провожали братья Мальцевы, Александр и Сергей. «Ребята эти модные наряды берегли, не надевая, до отпуска. Зрелище феноменальное, — вспоминал в свою очередь эту историю Сергей Мальцев, брат Александра, который, конечно, знал всех его друзей. — Красивые, стройные, походкой уверенных в себе мужчин-победителей, вытянувшись в струнку, идут вдоль Курского вокзала, словно сошедшие с плаката “ковбои”. Слышу, как одна из старушек, продававших рядом семечки, напряглась и говорит другой: “Смотри, американские шпионы объявились. Что они тут у нас на Курском вокзале забыли, одни, без сопровождения? Надо в милицию сообщить”. В общем, бабуля оказалась идеологически подкованная».

Сергею Мальцеву пришлось остановиться и убеждать бабушек не тревожить почем зря доблестную милицию. Старушки долго отказывались признать в «американских ковбоях» тех самых хоккеистов сборной СССР, за игрой которых они наблюдали у экранов телевизоров...

Отдохнув меньше обычного, уже в конце июня игроки сборной СССР сели на сборы. Готовиться к играм с канадскими профессионалами. Без Чернышева и Тарасова.

Глава 6 КАНАДЦЫ УВИДЕЛИ РУССКОЕ ЧУДО. СУПЕРСЕРИЯ-1972

На рассказе о суперсерии 1972 года между канадскими профессионалами и советскими хоккеистами остановимся поподробнее. Во-первых, эти восемь игр — по четыре в Канаде и СССР — справедливо считаются и в нашей стране, и в Стране кленового листа главным хоккейным событием XX века. Во-вторых, именно в Канаде, на родине хоккея, в полной мере раскрылся и был по достоинству оценен талант Валерия Харламова, покоровшего взыскательную канадскую публику.

Многие читатели книги, равно как и ее автор, в силу возраста не могли наблюдать за этим «ледовым побоищем» в 1972 году. Но с годами, спрашивая о нем у своих старших родственников, товарищей, прониклись великим духом накала тех встреч. Ну а сейчас, благодаря развитию глобального коммуникационного пространства, все эти игры можно увидеть на собственном компьютере. Конечно, это не 3 или 4D, к которым привыкла нынешняя молодежь. Но пробирает другое: сюжет в этих играх, каждой по отдельности и всей суперсерии, закручен по такой лихой спирали, какую, пожалуй, не сможет «накрутить» бывалый сценарист. Эти игры так захватывают, что кажется: ты наблюдаешь за ними в прямом эфире, хотя давно знаешь и счет, и сюжет.

Именно после этих поединков советская сборная развеяла миф о непобедимости канадских хоккейных профессионалов. «Наше поколение игроков первым скрестило клюшки с энхаэловцами. Знаю, что таких

матчей, как в серии 1972 года, больше не будет. Будут другие — лучше, хуже, но не такие. Мы делали историю. Во всяком случае, историю хоккейную», — справедливо заметил Александр Николаевич Мальцев.

С 1957 года сильнейшие советские хоккеисты стали посещать Канаду и принимать у себя лучшие по тому времени любительские команды Страны кленового листа. Увиденные во время рабочей поездки в Канаду тренировки профессионалов НХЛ настолько потрясли Анатолия Тарасова, что позже он написал: «Разница была колоссальной. Но не в уровне подготовки, а в отношении друг к другу. Я просмотрел их занятие “от и до” и не припомню другого такого случая, когда бы записывал так много и так быстро».

Откровенно говоря, любительский хоккей у родоначальников этой игры к началу 1970-х годов утратил ведущее положение. Фред Шеро, который в 1970-е годы руководил самой грубой в НХЛ командой — «Филадельфия Флайерз», признавался, что в бытность игроком «тренеры не научили его ничему». Однажды перед выходом на лед он спросил своего тренера: дескать, что это за такая хитрая система, которую тот использует в игре? Дело в том, что никому из хоккеистов после тренерских установок в итоге так и не было понятно, что именно нужно демонстрировать на льду. «Что ты имеешь в виду под словом “система”?» — задался вопросом тренер и тут же ответил про «стратегию» игры: «Тебе надо просто выйти на лед и играть ради Христа». Поразительная установка! Будто на поле выходит команда протестантских священников, а не мастеров.

На чемпионатах мира канадцы были регулярно биты не только советскими хоккеистами, но и чехословаками и шведами. Так что теперь выявить сильнейшую хоккейную державу мира можно было только в поединках советских «любителей» и канадских профи.

Споры о том, нужно ли советским хоккеистам мериться силами с профессионалами, велись задолго до проведения серии. Еще в 1964 году Советский Союз попросил генерального менеджера «Нью-Йорк Рейнджерс» Патрика Музза об организации нескольких выставочных матчей. Однако только через восемь лет это желание осуществилось.

«В шестидесятые годы мы неоднократно предлагали профессионалам сыграть с нами. Канадцы не то чтобы побаивались, но не очень охотно шли на контакт. А когда однажды дали согласие встретиться на льду, Международная лига хоккея заняла двойственную позицию — принципиальных возражений против матча не было, но была такая оговорка: участники встречи не смогут выступить в мировом первенстве. На это мы не пошли. Страсти только подогрелись, и недостатка в прогнозах — как может закончиться такой матч, кто сильнее — не было», — писал в своей книге «Третий период» Виктор Коноваленко, основной вратарь сборной СССР по хоккею в 1960-е годы.

Конечно, больше всего мечтал встретиться с канадцами Анатолий Тарасов. Это была мечта всей его жизни, «идея фикс» в хорошем смысле этого слова. Он начал готовиться к этим встречам, значительно расширяя диапазон силовых упражнений.

«В ЦСКА в конце 1960-х годов появилось специальное упражнение, которое Тарасов называл “бей канадца”, — вспоминал в беседе Александр Гусев. — Практиковали мы его на воздухе, рядом с аэродромом у Дворца спорта. Подходишь к “столетнему” дубу, широкому, с могучей кроной, с виду он выглядит каменным. Тарасов командует: “Разбегайтесь и прыгайте в него”. Ничего себе, Анатолий Владимирович, ну вы и фокус придумали, про себя, мягко говоря, думаешь. Но прыгали. Прыгали что есть сил, врезаясь в

дерево на полном ходу, с разбегу, прямо в крону дуба. Синяки были огромные, главное тут вовремя сгруппироваться и не выбить себе плечо. Ничего, живы-здоровы. Потом это в играх с канадцами действительно пригодилось».

Увы, Тарасову не суждено было проверить свой тренерский талант в матчах с канадскими профессионалами. Но за него осенью 1972 года бились его ребята, основательно подготовленные им к этим нелегким сражениям. «С драчливыми родоначальниками хоккея играть всегда и интересно, и трудно. Заокеанские хоккеисты по праву считаются теми соперниками, в матчах с которыми новичок проходит проверку на крепость духа, на мужество. Готовясь к матчам с канадцами, выходя играть против них, мы знали, что Аркадий Иванович Чернышев и Анатолий Владимирович Тарасов (пристально наблюдавшие за этими баталиями) могли бы нам простить что угодно, но только не трусость», — признавался Валерий Харламов.

В то время в Советском Союзе готовились торжественно отметить пятидесятилетие основания государства. В политическом международном лексиконе стало активно использоваться слово «разрядка». Этот термин означал потепление международных отношений. В мае 1972 года в СССР, впервые после Франклина Рузвельта, приехал американский президент. Во время этого визита Ричард Никсон подписал с Леонидом Брежневым исторический договор об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-1). Однако, несмотря на ощутимый прогресс, отношения между двумя сверхдержавами оставались крайне напряженными. Прежде всего, из-за атмосферы холодной войны — взаимного недоверия, которое пронизало все сферы двусторонних отношений. Спорт стал еще одним орудием в этой борьбе.

Канада долгие годы считалась и считается главным стратегическим союзником Соединенных Штатов в Западном полушарии. Две страны связывает не только граница в несколько тысяч километров, но и общие позиции по внешнеполитическим вопросам. Это тем более относилось к хоккею: НХЛ объединяла хоккейные команды обеих стран.

Переговоры о времени и месте проведения серии встреч между сильнейшей любительской командой мира и сборной, составленной из лучших игроков НХЛ, велись втайне. Наконец в один из последних дней чемпионата мира 1972 года в Праге член руководства Международной лиги хоккея на льду (ЛИХГ) от СССР Андрей Старовойтов выступил с сенсационным заявлением. «Сегодня в двадцать часов по местному времени президент Канадской хоккейной ассоциации (КАХА) Джозеф Кричка и я подписываем соглашение о восьми матчах сборной СССР с сильнейшими профессионалами», — сообщил он. В соглашении, скрепленном подписями двух сторон, говорилось о проведении серии в сентябре 1972 года.

Договорились играть по правилам не канадского профессионального хоккея, а по регламенту, принятому ЛИХГ. Единственное, что могло смутить советских игроков, это размеры хоккейных площадок, которые были меньше, чем в Европе. Правда, уже по окончании карьеры Борис Михайлов скажет, что ему, как и Харламову, было комфортно играть на небольших площадках: «Да, приходилось быстрее соображать, принимать решения, но ведь рядом были верные друзья-партнеры — Петров и Харламов, так что думали мы в три головы. Иногда такие кружева в “телефонной будке” плели, что канадцы не знали, куда бежать, кого держать». О грубой игре канадцев советские игроки были наслышаны, но, конечно, предположить не могли,

что временами она будет так откровенно выходить за рамки правил.

Руководство Советского Союза тогда больше всего боялось не собственно спортивного поражения, а того, как оно будет воспринято на Западе. Ведь если унижат, морально «побьют» на льду советскую хоккейную сборную, которая была одним из «брендов», спортивной витриной СССР, значит, дискредитируют всю советскую систему, советский образ жизни. Околополитический накал страстей вокруг суперсерии был запредельным по обе стороны океана.

Не случайно главным противником предстоящих игр в СССР был серый кардинал и идеолог партии Михаил Суслов, которого на Западе называли «человеком без улыбки» и которому были чужды любые «мирские» развлечения и удовольствия. Он настаивал на отмене игр. Однако добро на участие советских хоккеистов в суперсерии к тому времени дал большой любитель хоккея и частый гость матчей в «Лужниках» генсек ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев. Страсть настоящего болельщика взяла в нем верх над соображениями «партийной целесообразности». Брежнев, который был простым в общении человеком, сказал предельно ясно и четко: «Пусть одни мужики поиграют с другими мужиками». Хотя задачу доказывать, что советский строй лучше империалистического, с отечественных хоккеистов партия не снимала.

Подобная идеологическая накрутка дошла и до канадцев: они также понимали, что будут представлять свой, отличный от советского, образ жизни. «Никогда не играл против этих русских красных дьяволов и негодяев» — эти слова капитана сборной канадских профессионалов Фила Эспозито вполне четко отражают накаленный антураж вокруг предстоящих игр.

Почти все канадские и американские хоккейные специалисты предсказывали восемь побед

профессионалов с крупным счетом. Эксперт хоккея Джек Коффман писал в оттавской газете «Ситизен»: «Одно совершенно ясно: они не добьются успеха в играх с лучшими профессиональными клубами». Даже осторожное высказывание тренера Билла Харриса: «Дома все матчи с крупным счетом выиграют канадцы, а в Европе успех может сопутствовать и советским хоккеистам» — прозвучало как глас вопиющего в пустыне.[25](#)

Подготовка к матчам сборной СССР проходила под руководством нового тандема наставников: старшим тренером был назначен Всеволод Михайлович Бобров, а его помощником — Борис Павлович Кулагин, который вскоре вместе с Аркадием Чернышевым вылетел в Северную Америку, с тем чтобы изучить будущих соперников.

У Всеволода Боброва действительно были сложные отношения с Тарасовым: рассказывали, что из-за упрямства они однажды даже не смогли разъехаться на автомобилях во дворе дома. Бобров был самостоятельным, свободолюбивым человеком, предпочитая оставаться «свободным художником» вне строгих тактических схем, что никогда не нравилось Тарасову. В пику Тарасову армеец Бобров заявил как-то, что является учеником динамовского наставника Аркадия Чернышева. Боброва с Чернышевым в первую очередь роднило то, что они оба не ограничивали игроков на площадке, позволяя им импровизировать на льду.

Советские спортсмены заблаговременно были отправлены на тренировочный сбор, где постарались забыть обо всем, кроме хоккея. В состав советской сборной включили 26 игроков. Тройки нападения были давно наиграны в клубах: армейская, спартаковская и из «Крылышек», еще недавно выступавшая в молодежной команде. Вместе игравшие в сборной на

чемпионате мира в Праге весной 1972 года Викулов, Мальцев и Харламов на время проведения серии также были объединены в одно звено.

В советской сборной опять не оказалось одного из лучших форвардов в истории отечественного хоккея Анатолия Фирсова. Болельщики оживленно судачили о его травме, а информация из стана сборной СССР была крайне скупа. Лишь позже выяснилось, что Анатолий Фирсов бойкотировал это турне в знак протеста против исключения из тренерского штаба многолетнего тандема Тарасов — Чернышев.

Канадская команда включала в себя лучших игроков Канады и США. Она также недосчиталась главной звезды. Защитник Бобби Орр, который в первой половине 1970-х годов считался в Канаде лучшим хоккеистом мира, не смог сыграть в суперсерии из-за травмы. Лучшим его считал и Харламов. «К сожалению, я так и не увидел Орра в деле: бесконечные операции колена замучили этого выдающегося хоккеиста. Впервые против советских мастеров Бобби сыграл лишь в сентябре 1976 года, когда я по необходимости должен был остаться в Москве, в госпитале», — скажет годы спустя Валерий Харламов. Не включили в состав для игр с русскими и звезд ВХА (Всемирной хоккейной ассоциации) во главе с неувядающим Горди Хоу.

По времени начало серии совпало с летними Олимпийскими играми в Мюнхене. Матчи из Канады, как и потом из Москвы, транслировались на многие страны. Первые четыре игры были запланированы в Монреале, Торонто, Виннипеге и Ванкувере 2, 4, 6 и 8 сентября, оставшиеся четыре — в Москве 22, 24, 26 и 28 сентября 1972 года. В Канаде тогда вызвал недоумение тот факт, что игры проводятся в сентябре, когда местные игроки еще толком не отошли от каникул. Тренировались канадцы перед суперсерией считанные дни, собравшись вместе на полтора месяца позже советских хоккеистов.

До этого они занимались всем, чем угодно, кроме хоккея. Кто-то залечивал старые травмы, кто-то нежился на пляже во Флориде. Друг о друге советские и канадские игроки не знали почти ничего, кроме баек и слухов, гулявших в хоккейном и около-спортивном мире.

Канадцев, например, искренне удивляло то, насколько долго советские спортсмены могут находиться на сборах — практически взаперти до одиннадцати месяцев в году. По канадскому телевидению в августе 1972 года показали документальный фильм с броским названием «Всё о советском хоккее». Его снимали в СССР с разрешения советской хоккейной федерации канадские документалисты. Только вот взяли они для своих съемок выгодный им ракурс, выставив советский хоккей преимущественно в комическом свете. Из репортажей канадских телевизионщиков выходило, что лед на хоккейных площадках в Советском Союзе заливают простым шлангом, а клюшки мастерят в обычных заводских мастерских. В подтверждение этого демонстрировались соответствующие кадры с обычной дворовой площадки и из какого-то слесарного цеха. Но знатокам хоккея было понятно, что такие ленты не отражают истинного положения дел в СССР. Ведь не могла же сборная страны, где играют «палками», постоянно, с 1963 по 1972 год, выигрывать звание чемпионов мира?!

И вот главный редактор канадской «Монреаль газетт» — заметим, не сугубо спортивной, а общественно-политической газеты, — пользуясь связями в советском посольстве, пробил поездку в СССР для своего лучшего хоккейного обозревателя Реда Фишера. Тому ставилось задание: втайне от канадских СМИ и дипломатов проникнуть в стан соперника, а по возвращении в Канаду написать большую статью об

уровне мастерства хоккеистов сборной СССР, а главное, о их настроении перед началом серии. Самолеты «Аэрофлота» тогда летали из Монреаля в Москву раз в неделю, и сотрудник советского консульства, провожавший в аэропорту заметно нервничавшего канадского журналиста, заверил, что в столице СССР его встретят по высшему разряду.

Однако самолет опоздал с посадкой в Москве на целых шесть часов, и в Шереметьеве Фишера никто не встречал. Мобильных телефонов тогда не существовало, сообщить о задержке рейса было некому. В итоге Фишер обратился в канадское посольство. Ему помогли поселиться в гостинице в Москве. Лишь через два дня в его номере раздался звонок от русских. Александр Гресько, который представился сотрудником Спорткомитета, пригласил Фишера на встречу. (С 1972 года Гресько работал заместителем начальника управления международных спортивных связей Спорткомитета СССР и курировал вопросы, связанные с проведением первых встреч наших хоккеистов с командами профессионалов Канады. Канадцам он запомнился своим обаянием, блестящим знанием языка и профессионализмом.) Однако это не было свидание «тет-а-тет». Канадца ждала встреча с двадцатью советскими представителями, которые начали с ходу задавать вопросы о силе команды Страны кленового листа. Тот, понятное дело, опешил. Привыкший ко всему матерый западный журналист, он в этих обстоятельствах выбрал не оборонительную, а наступательную тактику и потребовал встречу с ведущими советскими хоккеистами — Харламовым, Якушевым, Михайловым, Мальцевым, а также тренером Бобровым. Эта напористость несколько не смутила Гресько и других чиновников.

— Так как вы прилетели почти на день позже, господин Фишер, я с сожалением говорю вам, что Харламов находится в Восточной Германии, Якушев — на берегу Черного моря, Бобров отдыхает на Каспийском море, а Михайлов и Мальцев тренируются за пределами города, — невозмутимо ответил Гресько на безукоризненном английском.

— Вы полагаете, что я проделал весь этот путь и теперь буду не в состоянии поговорить с игроками и тренером? — не унимался канадец. — Господин Гресько, я уверен, вы знаете: посольство Канады потратило два дня, пытаясь найти вас. Я проделал длинный путь, и моя газета потратила много денег, чтобы командировать меня сюда, с тем чтобы написать о вашей хоккейной команде. Если они, как вы говорите, не в Москве, то я должен вам сказать, что немедленно возвращаюсь в Монреаль, где напишу о том, как жестоко вы «кинули» меня, — без тени смущения заявил Фишер.

Гресько пообещал «что-нибудь придумать», правда, оговорившись, что в случае с «неуловимым» Бобровым организовать интервью представляется делом почти невозможным. «Я продолжал сидеть в своем номере в отеле в разгар самой сильной жары, которая была отмечена в Москве за последние три десятилетия, — вспоминал Ред Фишер в своей статье для «Монреаль газетт». — Кондиционера нет. Звонков от Гресько в течение следующих восьми часов не раздавалось. Я звонил в его офис каждый час. Никто не брал трубку. Наконец журналист, который работал на «Советский спорт», нанес мне визит. В СССР, сказал он весело, не всегда можно легко обнаружить Боброва. Как журналист, я сочувствую вам. Это не Бобров, это настоящий Джеймс Бонд».

В конце концов некоторые интервью с людьми из мира советского хоккея, в том числе и с «неуловимым

Бобровым», канадцу организовали. Но домой он возвращался в невеселом настроении, так и не докопавшись до секрета побед лучшей любительской команды в истории мирового хоккея. А что он хотел?! Еще буржуины в произведении Аркадия Гайдара тщетно пытались узнать у Мальчиша-Кибальчиша секрет побед Красной армии. Бесполезно. Русские своих не сдали.

Это, конечно, лирическое отступление. Но советские представители умело спрятали от Фишера и Якушева, и Мальцева, и Харламова, а посмотреть на игру молодого вундеркинда Третьяка, по словам канадского журналиста, «было равносильно попаданию за ворота Кремлевской стены».

Тем временем сборная СССР вовсю готовилась к предстоящим поединкам. Тренеры Аркадий Чернышев и Борис Кулагин, ранее отправившиеся с «разведкой» за океан, вынесли об игре своих визави отнюдь не такое одностороннее мнение, как представители канадцев. Они работали, делали заметки в блокнотах, подмечая различные игровые нюансы. Сначала отечественных тренеров поразило то, что после игр и тренировок канадские хоккеисты не оставались на базе, а уезжали на своих личных автомобилях. Удивило и то, сколько времени на тренировках канадцы отводили отработке бросков и силовой борьбе. То, как не щадили друг друга. С трибуны происходящее на льду выглядело значительно жестче, чем в СССР, где на тренировках все-таки старались беречь товарища.

Впрочем, Чернышев и Кулагин отзывались о канадцах с уважением и говорили советским игрокам о том, насколько сильны их будущие противники. Канадцы практически не тратили время на бросок, «стреляя» без подготовки при первой же возможности, даже из самых неудобных положений. Их броски, большей частью щелчки, отличались силой и точностью.

Канадские нападающие хотя и мало маневрировали и не закладывали такие виражи на скорости, как Мальцев, Харламов или Якушев, но были очень сильны индивидуально и хорошо обучены технике владения клюшкой. Впечатлило Кулагина и Чернышева умение канадцев играть корпусом, особенно у бортиков и на пяточке.

На игроков сборной СССР с приближением серии оказывалось большое психологическое давление. В Канаде все вокруг только и говорили о предстоящем разгроме. Об этом советские игроки, безусловно, догадывались. В СССР им внушалась мысль о «непомерном грузе ответственности» перед огромной страной. В этот момент мастерским психологом проявил себя Всеволод Бобров, который почти за 20 лет до суперсерии вместе со своими товарищами по сборной СССР успешно играл с канадцами. «В 1954 году нас тоже пугали канадцами, — говорил он своим игрокам накануне суперсерии. — Они будто надо льдом летают, шайбу бросают так, что гвозди ею забивать могут. И что приготовиться нам нужно к поражению с двузначным счетом. У некоторых из ребят зуб на зуб не попадал при мысли о канадских страшилищах. И что получилось? Страшилища при ближайшем рассмотрении оказались обычными игроками, даже послабее нас, и мы родоначальников хоккея обыграли. Да не просто у них выиграли, а расколотили со счетом 7:2».

Настала пора отправляться за океан. Вылетели скромно, без лишней помпы и толп поклонников. В Канаду прилетели 30 августа. В Монреале их ждал неприятный сюрприз. Один из чехословацких эмигрантов, осевший в Канаде, подал в канадский суд иск, узнав о том, что сюда прилетают советские представители. Этот эмигрант «требовал от Советов» возмещения материального ущерба в размере 1889 долларов. В эту сумму он оценил свой якобы

раздавленный советскими танками автомобиль, пострадавший во время ввода советских войск в Прагу в 1968 году. Местный суд, несмотря на отсутствие каких-либо доказательств, внял доводам «борца с коммунистическим режимом» и удовлетворил его прошение. Решение «умиляло» своей оригинальностью. Судья постановил ни много ни мало опечатать хоккейное снаряжение советской команды до тех пор, пока чеху не будут выплачены деньги, которые он просит. Ситуацию разрешил один из руководителей канадской сборной Алан Иглсон. Не вдаваясь в подробности, он просто достал чековую книжку и выписал на имя назойливого эмигранта требуемую сумму. Таким образом, поездка началась с нервотрепки. В большей степени не для самих игроков, а для руководителей советской делегации.

В Канаде между тем приезд загадочных русских стал темой номер один на полосах ведущих газет. О каждом «часе» советских хоккеистов становилось известно и их будущим соперникам.

«Они в один голос говорили: с нами в хоккее приехали играть медведи», — признавался Александр Мальцев. Сам статус любителей, да еще и приехавших из социалистической страны, принижал в глазах канадцев реноме советских спортсменов.

Во время первой тренировки сборной СССР на монреальском льду пришедшие понаблюдать канадцы вели себя крайне вальяжно и высокомерно. Кто-то даже задымил сигарой. У игроков советской сборной сложилось впечатление, что за ними действительно наблюдали, словно за медведями в зоопарке.

Канадцев особенно умиляло то, что русские вышли на лед в допотопных шлемах, а вратари надели решетчатые маски, которые уже вышли из оборота в НХЛ. Их также веселило то, как русские защитники «неуклюже» пятятся к воротам, хотя на самом деле

движение спиной для защиты собственных ворот было важным компонентом игры советской обороны. «Канадцы посмеивались над нашей формой. Мы действительно немножко убогие вышли. В конце 1960-х в чем играли-то? Кто что достанет. Нам, молодым, перепало от мастеров кое-какое старье. И наколенники, и наплечники. Кто в сборной играл, тот что-то получал, а в командах, когда молодые были, сами выкручивались. Свитера шерстяные какие-то нелепые были. Хорошо, что канадцы нам трусы выдали, перчатки “Купер”, еще кое-какую форму. А в майках мы в своих играли. Они бы нам и майки хорошие сделали с надписью “СССР”, но нет, наши руководители сказали: “В своих играть будем”. Ключки гнули сами. Три штуки настрогаешь, так за игру сломаешь их все. Их нам выдавали, а они постоянно ломались», — с юмором вспоминал Александр Гусев.

«Мне говорили накануне серии, что у русских в составе есть звезды. Чего? У русских? — отвечал я им. Это я — звезда. У них там, в их команде одни медведи. Что бы там ни говорили, мы их положим одной левой», — писал Фил Эспозито в своей книге воспоминаний, характеризуя настрой в рядах своей сборной накануне серии.

Не подозревал Эспозито, что советские хоккеисты, по указанию тренерского штаба, выйдя на предыгровую тренировку, просто дурачат их. Всеволод Бобров и Борис Кулагин решили, что канадцев как можно дольше нужно держать в неведении, создавая у них иллюзию полного непрофессионализма и отсутствия мастерства у советских игроков. Можно представить, как же «чесались» на тренировке руки у таких технарей, как Харламов, Мальцев или Якушев, продемонстрировать всё то, что они действительно умеют делать на льду. Но сдержались. Работали под «простачков», как велели наставники.

И этот план сработал. У энхаэловцев действительно сложилось впечатление, что они забьют русским столько, сколько захотят. К тому же побывавшие за пару недель до этого в СССР канадские «разведчики» докладывали, что «самым слабым звеном у русских» является их вратарь, «юниор» Третьяк. (В той тренировочной игре, которую наблюдали канадцы, Владислав пропустил в свои ворота несколько «бабочек». Как позднее объяснял сам Третьяк, на следующий день у него была свадьба и все мысли были заняты ею. В итоге канадцы решили, что у русских в воротах стоит довольно слабенький игрок.)

Кстати, Третьяка перед игрой пришел успокаивать не кто иной, как легендарный вратарь Жак Плант, изобретатель хоккейной маски. За час до игры он специально зашел в раздевалку советской сборной. Этот его приход в стан соперников шокировал многих канадских игроков. На самом же деле Плант просто пожалел молодого вратаря, которому впервые в жизни предстояло выйти против матерых канадских профессионалов.

Впрочем, отдельных советских игроков канадские журналисты выделяли. И о Харламове в Канаде знали, благо местные газеты, анализируя состав советской сборной, относили ее «семнадцатого номера» к ведущим игрокам. Так, газета «Торонто стар» сообщала читателям, что «много забивавший в Саппоро Харламов — мастер необычно хитроумного дриблинга и великолепного паса».

Перед первой встречей в Монреале спортивный обозреватель Дик Беддос написал в газете «Глоб энд мейл»: «В победе профессионалов с крупным счетом в первом матче я настолько уверен, что в противном случае обещаю публично съесть эту свою статью». Беддос персонально «прошелся» и по советским игрокам: «Русские умеют точно пасовать, но они всегда

опаздывают, как их поезда на великой Транссибирской дороге. Вячеслав Старшинов, безусловно, хороший нападающий, а Юрий Блинов — неплохой защитник (хотя Блинов был нападающим! — *М. М.*). Но никто при всем желании не спутает Старшинова с Фрэнком Маховlichem или Виком Хэдфилдом, а Брэд Парк съест Блинова, словно сладкоежка пирог с черникой».

Пикантности ситуации придавало то обстоятельство, что в своей газетной статье Беддос на всю Канаду обратился к главному редактору издания «прислать сметану» в случае, если ему все-таки придется «откушать борщ».

Билеты стоимостью восемь долларов на первый матч в Монреале не продавались: так много было желающих посмотреть на «разгром русских». Организаторы устроили лотерею, выпустив билеты ценой по три доллара. Причем из ста таких лотерейных билетов выигрыш — входной билет на матч — приходился лишь на один! Зрители шли в «Форум» с цветами в руках, нарядно одетые, готовясь праздновать победу над Советами.

Во время подготовки книги Александр Мальцев рассказал автору этих строк одну ранее неизвестную историю. Перед первой игрой в Монреале в гостинице они с Харламовым спускались в лифте и обомлели, увидев, как на одном из нижних этажей в лифт зашли Владимир Высоцкий с Мариной Влади. Приятели обнялись. «Володя, какими судьбами? На нас, что ли, посмотреть приехал?» — улыбнулся Харламов. «Да так, я тут с супругой. Хочу концерт дать», — отвечал Высоцкий. Пожелав друг другу удачи, они разошлись. Надо заметить, что Мальцев и Харламов поддерживали приятельские отношения с Высоцким. А иначе и быть не могло: три этих «гения земли русской», любимые всем народом, обязательно должны были встретиться и подружиться. «Впервые мы познакомились с ним на

базе сборной в 1971 году, когда Владимир Семенович с актерами Театра на Таганке приехал туда и пел свои песни, — вспоминал Александр Николаевич Мальцев спустя почти 42 года после той исторической встречи. — Высоцкий много сделал для воспитания и формирования людей в патриотическом духе. Мы очень ценили его за это».

Владимир Семенович с Мариной не смогли присутствовать в тот вечер на матче: у Высоцкого действительно был запланирован концерт. А на следующий день они улетели в Нью-Йорк.

Но продолжим рассказ об атмосфере вокруг матча в Монреале. В победу хоккеистов сборной СССР не верили даже руководители советской делегации. Этот настрой конечно же не мог не передаваться самим игрокам. Взявший слово на установке перед игрой глава советской делегации, заместитель председателя Спорткомитета СССР Георгий Рагульский, просил хоккеистов: «Ребята, вы должны достойно проиграть». В итоге на лед советские хоккеисты вышли не с тем настроением, с которым следовало бы и к которому они привыкли. Кстати, по прилете к главе советской делегации во избежание провокаций и международного скандала приставили целых девять телохранителей, трое из которых посменно дежурили у его гостиничного номера.

На представлении команд у многих начался мандраж. «Такое было ощущение, что соперникам рукоплескала вся Канада, — вспоминал Александр Гусев. — Говорю на разминке Валере Васильеву: “Валерка! Как бы нас тут не убили!” Он отвечает, улыбаясь: “Не волнуйся, насмерть-то не убьют”».

— У вас внутри было какое-то особое ощущение? Страх перед канадцами, осознание важности предстоящих поединков? — спрашиваю у Гусева.

— Как-то страшновато было. Ни разу в жизни никто не играл против них. Конечно, мандраж был.

— А сам этот антураж, который сопровождал игры, когда вы на тренировках первый раз пришли посмотреть на них, уже в Монреале?

— А что тренировка? Вот когда мы на предыгровую раскатку перед игрой в Монреале вышли и начали упражнения делать, они встали и смеются над нами: дескать, что за русские идиоты, ерундой занимаются.

— Задирали вас во время разминок?

— Нет. Это в основном «Филя» Эспозито занимался ерундой. А так — ничего. Задача главная, которую озвучили нам, была такая: «Ребята, надо сыграть достойно». Не было такого, что настраивали выйти на лед и выиграть во что бы то ни стало. Этой точки зрения придерживались и Бобров с Кулагиним, и большие люди, которые с нами ездили.

«В первенстве СССР тогда не было представления игроков, и эта процедура шокировала нас. Тем более что канадцев представляли минут сорок, каждого по две-три минуты, а вся эта церемония затянулась на час с лишним. У нас ноги от непривычки затекли. А канадцам хоть бы что. Это и показали первые минуты, когда они обрушились с атаками на наши ворота», — признавался Александр Мальцев.

2 сентября 1972 года места у телевизоров заняли вся Канада и весь Советский Союз. «В то время жить в СССР и остаться вне хоккея было невозможно. Люди знали наперечет всех канадцев, не говоря уже о наших игроках», — говорил нападающий Евгений Зимин о том повышенном интересе к хоккею, который испытывали во всем Советском Союзе. В Канаде на время игр отменили занятия в школах и закрылись многие офисы. За игрой в Монреале наблюдали около 25 миллионов человек в Северной Америке и около 100 миллионов зрителей в СССР. Чтобы провести репортаж, советский

комментатор Николай Озеров покинул Олимпийские игры в Мюнхене и перелетел через океан в Монреаль. Игра началась в 19.15 по местному времени. В СССР она транслировалась в 10 часов утра следующего дня, в записи. Но это не мешало болельщикам, некоторые из которых уже знали результат, вместе со счастливым Озеровым семь раз прокричать «гол!» при каждой новой шайбе хоккеистов сборной СССР в ворота канадцев.

Итак, шайбу в игру в Монреале вбросил лично премьер-министр Канады Пьер Эллиот Трюдо. В начале первого периода советские игроки были сметены, подавлены канадцами, бросившимися в наступление при оглушительной поддержке трибун. «Когда Третьяк пропустил первую шайбу на 30-й секунде, все стали кричать: “Мы съедем их сырыми! Какого черта они здесь делают?!”», — писал Жан Терру в книге «Вбрасывание века». «Там и думать-то не приходилось. Это было как на войне, когда снаряды летят каждую секунду, ты голову высунешь и можешь без нее остаться. Они нанесли за первый период 16 бросков. Это было очень много», — вспоминал Владислав Третьяк в фильме «Битва титанов», посвященном суперсерии-1972.

После второй шайбы, заброшенной Полом Хендерсоном, казалось, что восемнадцатитысячный монреальский «Форум», в котором не было ни одного свободного места, вот-вот взорвется от напряжения, от безумного ликования и непривычных уху советских игроков оваций. Празднуя голы своих любимцев, канадцы, все как один, вскочили со своих мест. Советские хоккеисты конечно же знали, что такое — обожание публики. Но чтобы это было до такой степени?!

Теперь они поняли, что значит в Канаде хоккей. Это национальная религия. «Если ты не любишь хоккей, то появляются сомнения, какой ты канадец на самом

деле», — справедливо заметил спортивный обозреватель Всеволод Кукушкин.

«Шум тогда поднялся чудовищный. Мне показалось, что на трибунах началось какое-то всеобщее безумие. Рев, треск, свист.

— О'кей, — покровительственно похлопал меня рукавицей Фил Эспозито, открывший счет. Мол, не переживай, паренек. Вспомни, с кем играешь.

— О'кей, — скорее по инерции пробормотал я в ответ. Выли сирены, вспыхивали мигалки, электроорган играл “Подмосковные вечера”. До сих пор удивляюсь, как нас это всё не сбило с толку... Еще более яростное ликование захлестнуло трибуны, когда Хендерсон на 6-й минуте забил мне вторую шайбу. Орган заиграл похоронную музыку», — вспоминал в своей книге «Хоккейная эпопея» Владислав Третьяк.

Игроков других сборных органичный похоронный марш, наверное, добил и «пригвоздил бы ниже плинтуса» окончательно. Но наши доказали, что одна из главных установок нации, передающаяся из поколения в поколение, ее «посыл», состоит в том, что «русские не сдаются». Били нещадно, били жестоко. Но в итоге-то победили, хотя могли психологически сломаться в считанные минуты.

«Помню, когда в Монреале Канада повела 2:0, на всю арену врубил похоронный марш. Мы там обалдели просто. Поджилки затряслись. Приходим в раздевалку — Бобров с Кулагиным — нам: “Вы что, не видите, что с ними можно играть? Ладно бы звери какие были, но вы ж переигрываете их вчистую”. Вышли и заиграли в свою игру. Так и пошло», — вспоминал Юрий Лебедев. [26](#)

«Помню, как на скамейке запасных при счете 0:2 Всеволод Михайлович Бобров крикнул нам: “Мы же русские, на нас смотрит весь Советский Союз!”», — рассказывал Владимир Лутченко.

«Кроме собственной шкуры и ног терять нам было нечего. И мы полетели», — вспоминал Борис Михайлов. На 12-й минуте шайба попала к Александру Якушеву, перед которым был один защитник. Форвард двинулся на канадца, и когда их разделяли считанные сантиметры, защитник не выдержал и рванулся навстречу. В это мгновение Якушев искусно переправил шайбу Шадрину, который, увидев Зимина, отпасовал шайбу последнему. Зимин бросил в нижний угол. Гол! «Мы так обрадовались этой шайбе, словно нас запустили в космос», — признался Михайлов. Вскоре Владимир Петров сравнял счет.

И вот тогда настал звездный час связки Мальцев-Харламов, двух друзей в жизни, получивших в Канаде шанс сыграть в одном звене против местных профи. «Отправляясь в раздевалку, я начинаю понимать, что игра будет долгой и трудной, более трудной, чем мы могли вообразить. В комнату вошел Гарри Синден; узел его галстука распущен, по лицу струится пот. “Мы играем в хоккей, — сказал он. — Вы что, ожидали чего-то другого?” В комнате установилась напряженная тишина. Нет-нет. Ничего другого мы и не ждали. Конечно нет. И все-таки — да. Но у нас же превосходная техника. Чтобы победить, нам нужно только одно: немного собраться. По тому, как Гарри сказал это, показалось, что и он рассчитывал на легкую победу. И вообще, сомневался ли кто-нибудь в том, что мы легко преодолеем сопротивление русских? — писал в своей книге Кен Драйден. — В этом усомнился Валерий Харламов. Он играл на левом крыле первой тройки советской команды и двигался с невероятной быстротой. Находясь у противоположного борта, он получил шайбу от Александра Мальцева. Ушел от Рода Джилберта, обыграл Дона Оури. Совершенно неожиданно шайба проскакивает у меня между ног и влетает в ворота».

В «Форуме» стих гул и замолкли трещотки, когда через восемь минут ситуация повторилась. Снова последовал пас Мальцева на Харламова и армеец произвел неожиданный для Кена Драйдена выстрел. Канадский вратарь среагировал на бросок с опозданием, успев лишь выставить перчатку, от которой шайба влетела в створ ворот. Счет стал 4:2.

Второй период действительно стал триумфом Валерия Харламова, которого ни канадские зрители, ни специалисты, ни сами игроки перед началом серии не принимали всерьез. Дескать, куда ему с его габаритами против мощнейшей канадской обороны. А он взял канадцев не силой, а мастерством, умом и бесстрашием. Как Суворов своих неприятелей.

«Он демонстрировал превосходство искусства над силой, скорости — над массой. Он обходил противников с легкостью, которая заставляла их ошеломленно озираться по сторонам: где этот дьяволенок, который, казалось, только что уперся в защитника и остановился в нерешительности, а в следующее мгновение уже оказался позади него. Испушенные в тонкостях хоккея канадские зрители видели много великих игроков. Они аплодировали легендарному Морису Ришару, прозванному за реактивную скорость “Ракета”. Они скандировали: “Ка-та-пуль-та!” — когда на поле выходил знаменитый ревнитель чистого хоккея двухметровый гигант Жак Беливо. Они восторгались реакцией вратарей Жака Планта и Джорджа Везины. Они видели стремительный бег на коньках, видели искусное владение клюшкой, снайперские мощные броски, видели точные пасы, игру без шайбы. А теперь своим виртуозным мастерством их удивлял этот невысокий, не отличающийся мощью игрок», — писал Владимир Дворцов.

По мнению первого тренера Харламова, Виталия Ерфилова, в этой игре в Монреале ярко проявилось

главное, что было в арсенале его питомца, — изумительное умение кататься и распределять центр тяжести во время движения: «Сказать, что у него был какой-то фирменный финт, такого не было, потому что он всю свою жизнь импровизировал. Но импровизировал на очень высоком уровне мастерства. Бог дал ему великий талант. Что нужно, чтобы воспитать выдающегося игрока? Найти талант и не мешать ему развиваться. Не вешать на него свои возможности и свои умения, свои неумения. Вот и всё».

«Бояться мы их не боялись. И не потому, конечно, что считали противников слабаками. Это было бы глупо. Во время предыдущей поездки в Канаду мы видели матчи профессионалов, знали, на что они способны. Но мы верили в себя. Эта вера воспитывалась победами нескольких поколений наших хоккеистов. К тому же с нами был Всеволод Михайлович Бобров, который в 1954 году был героем сенсационной победы над канадцами, когда также советской команде прочили поражение, — вспоминал позже сам Валерий Харламов. — Волновались мы очень. Особенно когда они забили нам два гола. Но тут помог тренер. Авторитет Всеволода Михайловича был для нас очень высок. Возбужденный, плюхнешься на скамейку во время смены, сделаешь глоток из кувшинчика, передашь соседу, а напряжение не спадает. И тут взглянешь на Боброва, лицо, как обычно, чуть нахмуренное, но совершенно спокойное, и спокойствие, и уверенность снова возвращаются к тебе».

В третьем периоде канадцы сократили разрыв в счете. Но в последние семь минут матча получили еще три пробоины от русских. Михайлов, Зимин и Якушев довели счет до неприличного для родоначальников хоккея. Бобби Кларк, названный лучшим канадским хоккеистом в этом матче, заметил: «Если бы счет был —

5:4, можно было бы в чем-то сомневаться, но сегодняшний итог безапелляционен».

«Мы смотрим хоккей в 1972 году с канадцами у телевизора, наши проигрывают. 0:2. Ну, всё, думаю, сейчас похоронный марш заиграет. Заиграл действительно. И вдруг Женя Зимин забивает первую шайбу. Мы у телеэкранов воодушевились немножечко. Потом Володя Петров вторую шайбу забивает. И тут, наконец, Валерка третью шайбу забивает. 3:2 в нашу пользу. И тут сосед мне через стенку что есть мочи кричит: “Сергеич, Валерка забил! Иди сюда!” Я тоже вскочил, кричу жене: “Бабуля, давай, это дело отметить надо!” Потом еще Валерка забивает одну шайбу. Ну, тут, как говорится, сам Бог (рюмочку налить) велел», — вспоминал в 2000-е годы в интервью отец Валерия Харламова, Борис Сергеевич.[27](#)

Поразительный эпизод случился в концовке встречи. Минут за десять до конца третьего периода исполнительный директор Ассоциации игроков НХЛ Алан Иглсон сказал представителю советской делегации Андрею Старовойтову, что организаторы по заведенной на родине хоккея традиции определили лучшего игрока матча. Им с советской стороны, «разумеется», как отметил канадец, стал Харламов. Организаторы хотели бы, чтобы игрок не уезжал сразу после игры в раздевалку, а получил приз. Передать это Харламову они попросили Старовойтова.

Харламов в этот момент отбывал двухминутный штраф. Старовойтов спустился к игроку и передал ему слова Иглсона. «Лучшим, говорите, признали. Да я сейчас такое сделаю!» — расплылся в своей обворожительной улыбке Валерий Борисович. И, выскочив на лед, начал феерить. «Только его выпустили на поле, как он подхватил шайбу и минуты полторы гонял ее по площадке, не отдавая даже своим, а чужие

ничего сделать не могли. Стадион был потрясен таким дриблингом...» — вспоминал Старовойтов.

«С мистера Харламова, когда он был на льду, нельзя было спускать глаз ни на секунду. Я понял это после первой же встречи осенью семьдесят второго года, когда он забил мне два гола. Он бросал шайбу сильно, точно и, что опаснее всего, часто неожиданно», — скажет позже вратарь канадцев Кен Драйден.

В конце игры стадион еще раз взорвало. «Форум» бурлил как вулкан, только не от ликования, а от негодования. Болельщики стали бросать на лед всё, что у них было под рукой. Зонтики, сложенные вчетверо газеты, даже курительные трубки. Дело в том, что в то время, как советские игроки стали стягиваться в центральный круг, чтобы обменяться рукопожатиями с соперниками, как они к этому привыкли, канадцы, понуриив головы, словно нашкодившие школьники, тихо ушли со льда через открывшуюся у борта калитку.

«Никогда не забуду, как зрители улюлюкали нам вслед, — писал в книге «Гром и молнии» Фил Эспозито. — Они материли нас буквально с трибун. Такого позора в своей жизни я больше никогда не переживал. Я тогда откровенно сказал на всю Канаду: не наша вина, что русские играют так хорошо. О том, что у них есть сильные игроки, мы ни черта заранее не знали. Мы думали, что эти комми только идеологически накачаны. А у них оказались мускулы, быстрые ноги и острые клюшки». Уход со льда без традиционного рукопожатия — этот некрасивый жест канадцев — потом критиковали и симпатизировавшие им до игры местные журналисты. Мол, если проигрываете, то не грубите, не теряйте своего достоинства. На следующий день после матча, 3 сентября, вся Канада сникла, будто погрузившись в национальный траур.

А когда игроки сборной СССР остались на льду одни, грянули аплодисменты. Искушенные канадские

болельщики признали талант советских хоккеистов. Наши вернулись в раздевалку счастливые, едва не падая с ног. «Ребята не обращали внимания ни на ушибы, ни на травмы, а после игры все едва дышали, едва добрались до раздевалки. Но были счастливы, и потому к следующему матчу, к сожалению, нами проигранному, готовились так, как будто трудная победа потребовала не слишком много сил», — признавался Валерий Харламов.

После матча в раздевалку советской сборной забежал взволнованный от счастья посол СССР в Канаде: «Спасибо за всё, что вы сделали сегодня, — я такого и за 20 лет бы не сделал. Мы сегодня договорились с канадцами о поставках пшеницы на пять лет вперед!»

Тогда на свитерах хоккеистов не писали фамилии. Более того, болельщики не знали советских игроков в лицо, а диктор на монреальской ледовой арене всякий раз, когда называл фамилии, неизменно их «коверкал». Журналист Владимир Дворцов, в ту пору спецкор ТАСС, освещавший серию, вспоминал, что из всего советского состава «более или менее правильно именовали лишь одного Анисина, и то потому, что в Северной Америке было довольно распространено лекарство под названием “Энисин”». Но после матча в Монреале советских хоккеистов узнавали на каждом шагу, где бы они ни появлялись. Для них было непривычно, что к ним сразу бежит толпа людей, всем им были нужны автографы, причем каждый непременно хотел поговорить с Харламовым.

Канадские хоккеисты были ошеломлены его игрой. «То, что он делал с канадскими игроками, было для них очень пугающим. Канадцы всегда смотрели на Харламова с открытыми ртами. Они просто не могли принять его. По их меркам он был просто тощий парень. Но на льду он становился фокусником», — писал

живущий за океаном известный историк хоккея Артур Шидловски. «Клянусь, что теперь все до одного в Канаде знают, что отчество Валерия Харламова — Борисович, а Владислава Третьяка — Александрович. Всё было приготовлено для великого торжества канадского хоккея. Но приехали русские и всё испортили, показав 60 минут такой игры, какая нам никогда не снилась», — писал вратарь канадской сборной Кен Драйден в вышедшей спустя год после суперсерии книге «Хоккей на высшем уровне».

Гарри Синден, который был тренером канадской команды в 1972 году, сразу же после первой игры понял, что Харламов, с его «глубиной мастерства», является ключевым элементом российской атаки. «Он был нашей главной мишенью. Каждую ночь меня терзали сомнения, как же справиться с этим парнем. Он был настоящий динамит», — признавался годы спустя Гарри Синден. И добавлял: «Тот факт, что Харламов никогда не играл в НХЛ, ничего не значил. Доказательство его ценности состояло в том, что в качестве игрока он преуспел против самых лучших защитников в мире. Серж Савар, бывший игрок “Канадиенс”, полагал, что Харламов — один из величайших игроков, которых он когда-либо видел, и это мнение было достаточно показательно для меня».

К советской делегации во время матчей в Канаде был прикреплен канадский тренер, медик, механик, знаток русского языка, словом — мастер на все руки Рик Нунан. Он был единственным канадцем, который имел регулярный доступ к советской раздевалке. «Я стоял позади российской скамейки, — вспоминал Нунан. — Когда счет стал 2:0, я посмотрел на канадскую скамейку, они держались довольно высокомерно. При счете 2:1 они были всё еще довольно дерзкими. Когда на табло загорелось 2:2, они задались вопросом, что происходит. Затем были 5:3, 6:3, 7:3».

«После окончания матча “Форум” молчал. Вы могли слышать писк мыши. Люди были в шоке», — лаконично, но вместе с тем предельно достоверно передал Рик Нунан атмосферу, царившую на монреальской арене. По его словам, после этой впечатляющей игры советские хоккеисты выпили все оставленные в раздевалке 72 бутылки кока-колы, а за ужином радостные, с хорошим «молодецким» аппетитом попробовали стейки, салаты, мясное ассорти, томатный сок и минеральную воду.

В Советском Союзе эта историческая победа была воспринята как полет Юрия Гагарина в космос. Народное единение, восторг и радость, невероятная радость обуяли всех собравшихся у телевизоров. И накрывались столы на Сахалине и Кавказе, и некоторые советские болельщики, еще до трансляции знавшие о нашем громком успехе, готовились праздновать эту, безусловно, выдающуюся победу...

Впрочем, впереди были еще семь трудных матчей.

На следующее утро в гостиничный номер Валерия Харламова постучали. В дверях стоял агент одного из клубов НХЛ с переводчиком. Попросив разрешения пройти в номер, он, заметно волнуясь, с ходу приступил к делу. «Предлагаю вам контракт на один миллион долларов», — заявил скаут (это примерно семь миллионов долларов по нынешнему курсу). При том что самый высокооплачиваемый в ту пору игрок в Канаде Горди Хоу в год получал 800 тысяч долларов!

Как выяснилось позже, контракт предлагал владелец клуба «Торонто Мейпл Лифс» Гарольд Баллард. Естественно, ни о каком договоре, подписанном между клубом НХЛ и советским игроком, речи идти не могло. Харламову надо было как-то выходить из этой непростой ситуации, не обидев гостя. Все-таки он был воспитанным и учтивым человеком. И тогда Валерий Борисович, понимая, что сделке не суждено состояться, но все-таки «ноблесс оближ»

(«честь обязывает»), сказал, что никуда не поедет без своих партнеров по звену Владимира Петрова и Бориса Михайлова. Канадцы покачали головами. Ушли, серьезно обещав подумать. Правда, больше не приходили.

По словам Мальцева, он тогда прямо ответил канадцам, предлагавшим ему также внушительный контракт: «Если я останусь, то меня наш народ не поймет». «Валера потом эти слова почти в точности повторил, — признался Александр Николаевич. — Если бы мы хотя бы раз дали знак в сторону канадцев, дали тем малейший повод, не поздоровилось бы нам по возвращении на родину. Хотя какие суммы там назывались! Заоблачные по тем и нынешним временам».

Как вспоминал сам Харламов, когда «ему предлагали миллион — в душе было чувство глубокого удовлетворения». Дескать, канадцы грозились задавить на площадке, а теперь «приглашают к себе в команду с поклонами». Харламов говорил, что в тот момент ему было смешно: «Я — и вдруг миллионер!»

«И Саша (Мальцев), и Валера Харламов, и Валера Васильев, может быть, и жалели внутри себя, что не могут играть в НХЛ. Но не из-за того, что не могут зарабатывать огромные деньги (они были по-другому воспитаны), а из-за того, что не могут проверить свой потенциал в сравнении с теми, кого западная пресса называла лучшими. По сути, они были лишены той самой нормальной конкуренции (отдельные игры не в счет), которая способствует росту таланта», — говорил автору этих строк брат Александра Мальцева Сергей.

Уже после первой игры стало ясно, что канадцы хотят не только победить мастерством, но и задавить силой. Проигрывая, они начали грубить, использовали тычки, хамили. Амуниция в те годы защищала канадских игроков лучше, чем наших. Зная о «слабых

местах» в форме советских хоккеистов, канадцы тыкали клюшкой в район икр. Наши «отвечали» им по ребрам. Ругали друг друга на разных языках: канадцы матерились по-английски, русские — используя «изысканные глаголы и прилагательные» великого и могучего. Забегая вперед скажем, что у Евгения Мишакова в третьем матче серии произошла потасовка с игроком канадцев Жильбером. Тот остановил советского игрока у борта, ткнул его клюшкой в бок и скинул перчатки, чтобы подраться. Хоккеистов развели в разные стороны, и уже со скамейки Мишаков жестом показал: дескать, давай, отсидим и продолжим. Но канадец не принял вызов, хотя на льду, в компании своих же игроков, вел себя как тот самый настоящий провокатор, пацан-задира со двора, за которого непременно заступятся старшие товарищи.

Уже спустя много лет, на одном из совместных мероприятий с профессионалами Мишаков спросил с улыбкой у своего тогдашнего визави: «Ты чего тогда мне не ответил?» Жильбер улыбнулся советскому игроку: «Да ты бы тогда меня убил!» Боялись, выходит. Хоть и задирались.

«Игры канадской части серии, которые довелось комментировать с Николаем Озеровым, проходили на таком накале страстей и при таком, хорошо заметном из комментаторской трибуны давлении со стороны зрителей, что мы с Николаем Николаевичем переживали за наших игроков: выдюжат ли, не дрогнут? Одну из игр пришлось наблюдать, стоя за бортиком, рядом со скамейкой запасных советской команды. Именно там лучше всего было видно, как бьют, цепляют, причем едва ли не каждую секунду Харламова канадские игроки, почувствовав, от кого исходит главная угроза. Было очень хорошо заметно, как ему тяжело. Могу уверить, Харламов играл, стиснув зубы, умудряясь при таком силовом давлении раз за разом оставлять не у

дел канадских защитников. За это они потом отомстили ему в Москве», — вспоминал в беседе комментатор Владимир Писаревский. И тут же добавил: «Но вот что интересно. Возвращаясь на площадку запасных и присаживаясь на нее рядом с партнерами, он становился тем самым Харламовым, которого мы все успели полюбить. Веселым, обаятельным, по-доброму подначивавшим грустных партнеров. Валера отпускал какие-то шутки, которые сейчас, через сорок с лишним лет, и не припомнишь. Словом, разряжал атмосферу на скамейке, словно и не было той адской боли. Игроки в ответ улыбались и выходили на площадку уже не такими зажатými».

«Перед игрой в Монреале спортивные руководители говорили нам: “Ваша задача — не проиграть крупно канадцам. Ваша задача — проиграть достойно”. Когда мы выиграли и на следующий день переехали в Торонто, раздалась другая установка. Рагульский от Спорткомитета тогда сказал: “Товарищи хоккеисты, вы не имеете права канадцам проиграть!” Мы говорим, ничего себе, вчера говорили одно, а сейчас ситуация поменялась на 360 градусов», — вспоминал Борис Михайлов.

«После матча в Монреале мы последними из пассажиров вошли в самолет, летевший в Торонто. Вдруг все пассажиры встали, узнали нас и долго нам аплодировали, как в театре. Такое забыть невозможно!» — признавался Владимир Лутченко.

На вторую игру в Торонто, которая состоялась 4 сентября 1972 года, канадцы вышли раздосадованные и злые. Состав у них поменялся почти наполовину: появилось девять новых игроков. В воротах Кена Драйдена заменил Тони Эспозито. Профессионалы понимали, что шутки закончились. Теперь им было нечего терять. К тому же, как писали канадские хоккейные аналитики, поражение могло поставить

крест для игроков при получении выгодных контрактов от клубов НХЛ.

«Поражение для них было равносильно спортивной смерти. Смерти их имиджа, смерти НХЛ, смерти своего имени. Поэтому игра в Торонто была такая жесткая и грязная», — вспоминал в документальном фильме «Битва титанов» Александр Якушев. «Мы разбудили, разбередили этого зверя, обыграв их. Им, естественно, нужно было доказывать, что они — сильнее», — вторил своему товарищу по команде Владимир Петров.

Перед игрой случилось примечательное событие. Дик Беддос, тот самый, который заявил, что съест собственную статью, если русские выиграют хотя бы один матч, выполнил обещание. В присутствии публики съел родную газету. Правда, без «сметанки», о которой просил главного редактора.

Итак, Беддос пришел в гостиницу, где жили советские хоккеисты, пригласил их спуститься вниз. Сел прямо на лестницу, под софитами и камерами. Сначала предложил Третьяку, чтобы тот «покрошил» газету, но после того, как советский вратарь отказался, сам организовал трапезу и все-таки «откушал» свою родную газету.

Правда, о том, что именно ел Беддос, мнения расходятся. Одни говорят, что борщ, другие, что чуть ли не кисель. Вот как рассказывал об этом Владимир Петров в интервью для фильма «Валерий Харламов» из цикла «Живая история»: «В Торонто, куда мы приехали и где разместились в гостинице, нам сказали: “Спуститесь, пожалуйста, вниз, на улицу”. Мы спускаемся. Там много репортеров, кинокамеры, журналисты. Мы думаем: что здесь такое случилось? Оказывается, журналист из Торонто сдержал свое слово. Он сел на крылечко, начал рвать газету на куски. Валера Харламов ему говорит: “Давай ешь”. Он сжался весь. Говорит, так не могу, можно мне с киселем? Ему

дали большую чашку с киселем. И он туда бросал мелкие кусочки газеты. И ел эту смесь ложками. Валерка подошел к нему, улыбается и говорит: “Так не пойдет!” Рвет газету на более крупные куски и кладет ему в чашку, взял у него ложку, помешал. И говорит: “Теперь вот ешь”».

Ну, да ладно. Не важно, с чем ел газету Беддос и кто подкладывал ему «добавку». Главное, что съел. Этот факт запечатлен на кадрах кинохроники. Молодец канадский коллега. Выполнил обещание.

Накануне игры в Торонто не было недостатка в прогнозах. Вспомнилось в эти дни и одно давнее любопытное пророчество. Встретившись с Анатолием Тарасовым на чемпионате мира 1968 года в Вене, один из лучших защитников НХЛ того времени Карл Томас Бревер, словно предчувствуя ход дальнейших событий, поделился с советским тренером любопытным соображением. Бревер предположил, что когда советская сборная приедет в Канаду, то в первых встречах, несомненно, канадцы проиграют, но потом обязательно возьмут реванш: «Профессионалы, пока их не побьют, не принимают всерьез никакого противника. В дебюте обязательно скажется их неполная мобилизация на серьезную игру. К тому же у вас будет преимущество за счет вашей необычной манеры. Вы ведь действительно играете в совсем другой хоккей. Но, проиграв матч-другой, профи быстро перестроятся, примут контрмеры, и вот тогда ваши козыри, я думаю, будут биты». Бревер оказался хорошим прорицателем.

Арена в Торонто, как и «Форум», была забита до отказа, собралось 16 485 зрителей. В ожидании игры публика нервно топала ногами и свистела. В звене с Харламовым и Мальцевым вместо Викулова появился Вячеслав Старшинов.

Именно этот матч стал самым тяжелым для советской команды в суперсерии. Тактика канадцев

была предельно проста: не задерживаясь в средней зоне, отправлять шайбу ближе к воротам Третьяка и нещадно биться на пяточке противника. Если первые два периода сборной СССР удалось сдерживать атаки родоначальников хоккея, уступая одну шайбу, то в последнем периоде канадцев прорвало. Они забросили три шайбы в ворота Третьяка, получив в свои лишь одну, таким образом, выиграв встречу со счетом 4:1.

Серьезные вопросы возникли у советских представителей к судьям. Андрей Старовойтов, сам в прошлом судья, войдя в раздевалку, едва не снес дверь, заявив, что арбитры из Северной Америки, судившие матч, позволяли канадцам действовать как «шайке разбойников». Именно в этой игре советские хоккеисты впервые столкнулись с тем, чего боялись больше всего, — с откровенной грубостью на льду местных игроков.

Грязные силовые приемы, удары исподтишка, захваты клюшкой — канадцы задействовали целый арсенал своих излюбленных методов. Кен Драйден, оставшийся в тот вечер в запасе, позже отмечал: «Иногда наша игра становилась весьма пошлой. Не раз вверх угрожающе взлетали клюшки, намекая русским, что может произойти вслед за этим. Были в игре и откровенно грубые моменты. Мне самому порой становилось неловко и даже стыдно за своих. На месте русских хоккеистов я бы наверняка подумал: “Эти канадцы, должно быть, настоящие звери, раз они позволяют себе такие выходы”».

В игре в Торонто Валерия Харламова удостоили десятиминутным штрафом, хотя он лишь подъехал к арбитру, с тем чтобы выяснить, за что был удален Геннадий Цыганков. Произошло удивительное: канадец ударил его товарища по шлему, едва не снеся ему голову. А на лавку отправился советский игрок.

Наиболее бескомпромиссный поединок команды провели в Виннипеге, куда переехали из Торонто. В

этой игре Харламов забил один из самых красивых голов в серии. При счете 3:1 в пользу канадцев во втором периоде после шикарного паса Цыганкова через половину площадки умчался на рандеву с голкипером и забросил шайбу, обхитрив Тони Эспозито. Причем эта шайба была заброшена, когда советская команда находилась в меньшинстве. Счет 4:4, установившийся после двух периодов, так и не изменился. «После игры мы пытались подсластить результат, заявляя, что упустили верный выигрыш. Мы не упустили его. Его у нас отняли русские. Мы твердили, что им везло и что они использовали все отрывы. Чепуха. Они проигрывали, но не растерялись, а отрывы были созданы их собственными действиями. Они могут играть, по меньшей мере, в двух тактических ключах. В Монреале они применили тактику давления в течение всех шестидесяти минут игры. Здесь, в Виннипеге, они сумели уверенно использовать представившиеся возможности. Наверное, им приятно сознавать, что их трудно выбить из седла. Часто ли команды НХЛ дважды сравнивают результат, проигрывая по две шайбы?» — подвел итог этой игры в своих воспоминаниях Кен Драйден.

Перед заключительной игрой канадской серии в Ванкувере тренеры сборной «кленовых листьев» снова решились на радикальные перестановки в составе, поменяв сразу восемь игроков. В воротах появился неудачник первой встречи Кен Драйден. Настрой на игру у родоначальников хоккея был запредельный. Они вышли агрессивные и мотивированные, рассчитывая победить в этой игре, а значит, в домашней части серии.

Но не тут-то было. Советская сборная приготовила свой сюрприз. На этот раз не канадцы, а советские игроки обрушили шквал атак на ворота соперника в первые минуты встречи. Как результат — 2:0 в пользу

сборной СССР на 8-й минуте. Валерий Харламов отдал пас Борису Михайлову, забросившему первую шайбу. Это произошло в тот момент, когда сборная СССР играла в меньшинстве. Харламов еще раз выступил ассистентом для забивающего, отдав голевой пас своему товарищу по звену Викулову, когда тот забрасывал четвертую шайбу советской сборной. Итог матча — 5:3 в пользу сборной СССР.

Своих хоккеистов, заметно уступивших советским во всех компонентах игры, болельщики проводили многотысячным гулом. Ведь не два поражения за четыре матча мечтали увидеть местные зрители. Но результат ванкуверского матча и общий итог: две победы русских при одном поражении и одной ничьей — были закономерными.

После этой игры Фил Эспозито дал очень эмоциональное интервью канадскому национальному телевидению. Он выступил с обвинениями в адрес канадской прессы, болельщиков и специалистов за их отношение к игрокам своей национальной сборной. «Мы делаем всё, что можем, и выкладываемся до конца, и я хотел бы, черт побери, чтобы вы поняли это. Эти русские — великие хоккеисты. Почему бы вам не оценить их по достоинству и не прекратить осыпать нас обвинениями?» — вопрошал он.

Больше всех понравились канадцам Владислав Третьяк и Александр Якушев. Но покорила всех Валерий Харламов. В местной прессе его сравнивали с Бобби Орром, что являлось высшим мериллом в Канаде по отношению к мастерству хоккеиста. Но было много неприятных моментов, не красивших хозяев. Владислав Третьяк вспоминал, что канадские игроки выходили на лед после первой игры в Монреале со специальной установкой: бить Харламову по ногам. Однако Валерий продолжал забрасывать шайбы. Связка Харламов — Мальцев, которой по объективным причинам, к

сожалению, так и не удалось заиграть в сборной впоследствии, стала настоящим открытием серии.

«У Валеры в арсенале было очень много финтов. За счет чего он канадцев обыгрывал? За счет этих неординарных финтов, которых они попросту не знали. Он шел в обводку смело, на двоих. Выходил на ворота, абсолютно не боясь, что ему достанется. А ему ведь часто доставалось и по ногам, и по рукам, и по лицу», — вспоминал Валерий Васильев.

Вернувшись домой после канадской части серии, Харламов часто вспоминал старый советский мультфильм, в котором «добрые» мягкие игрушки играли с «грубыми» деревянными. «Мягкие» были более техничными и играли в более корректный хоккей, что злило туповатых «деревянных», постоянно нарушавших правила. «Мы вызываем вас на бой!» — говорилось в том мультфильме. «Валера, улыбаясь, любил по-своему переиначить эту фразу. Он говорил: “Они, значит, вызывают нас на бой?” — подразумевая грубых канадцев. “Ну и дураки, что вызвали, — выдерживал паузу, произнося с улыбкой: — Согласились на свою голову играть с нами и только потом поняли, куда на самом деле вляпались”», — вспоминал в беседе брат Александра Мальцева Сергей.

За четыре матча канадской части суперсерии хоккеистам сборной СССР выплатили по 150-200 долларов каждому, что по нынешним временам кажется чем-то «несусветным». Да еще по 10 долларов сборники скинулись на «премию» врачам и массажистам, которым такие вознаграждения отечественным Спорткомитетом не были предусмотрены вовсе. «Да еще за домашние матчи дали рублей по 800, — вспоминал Александр Гусев. — Тогда это очень большие деньги были».

В Москве должна была пройти вторая часть серии. Для того чтобы победить, канадцам предстояло выиграть три матча из четырех, что было крайне

непростой задачей. Они не скрывали, что ехали играть в чужую, непонятную и неприветливую для них страну. Но для начала канадцы отправились в Швецию, где очень злые и постоянно грубившие провели две игры со сборной «Тре крунур».

Советские же хоккеисты вернулись в Москву. На следующий после прилета день Мальцев и Харламов собрались откусать в одном из своих любимых ресторанов на аэровокзале, что на Ленинградском проспекте. Там их, естественно, знали и любили. А после суперсерики встречали как королей. Наступало бабье лето. Было уже не жарко, но еще не холодно.

«Как-то мы сидели в ресторане “Аэропорт” после прилета из Канады в 1972 году. Что-то мне стало скучно. Полетели, Валера, на юг, говорю ему. Харламов улыбается и отвечает: “Нет, Саня, в другой раз”. — “Ладно, не хочешь, как хочешь”. Встаю, беру билет в Адлер и улетаю один, без него. Молодые были тогда, заводные», — улыбается Мальцев.

Через пару часов динамовец летел в самолете, взявшем курс в южные края. Боброву ничего не сказал. Приехал, потратив там не больше десяти рублей: везде обижались, если Мальцев хотел заплатить. Вернулся сильно загоревший. Окружающим было понятно, что хоккеист отдыхал явно не в Москве.

В аэропорту Внуково, как и договаривались, его встретил лучший друг. «Пожинать, Александр Николаевич, не желаете с дорожки?» — улыбнулся Валерий Харламов, хлопнув друга по плечу. Отправились в ресторан Дома кино. Популярное заведение по тем временам: какие люди там отдыхали!

Был чудный сентябрьский вечер. Хорошая погода сулила дефицит свободных мест в одном из любимых мест отдыха культурно-спортивной богемы Москвы.

Итак, хоккеисты, встречаемые аплодисментами на входе в заведение, вошли в ресторан. Как и

предполагали, он был почти заполнен, а те редкие столы, где еще не сидели посетители, были зарезервированы. Метрдотель признался, что свободные места «пока еще есть за столиком у Высоцкого». Игроки направились к поэту.

«Володя, можно с тобой посидеть?» — спросил Мальцев у приятеля. «Конечно, присаживайтесь, ребята», — любезно пригласил их Владимир Семенович. «А чей тут столик рядом забронирован, не знаешь?» — спросил Харламов. «Не знаю, говорят, какой-то генерал армии должен с друзьями прийти», — ответил Высоцкий. Не успели друзья поделиться со своим приятелем из Театра на Таганке последними новостями, как Высоцкий, перестав улыбаться, тихонько одернул Мальцева: «Саша, обернись, только аккуратно».

Мальцев обернулся и увидел, как в накуренный зал ресторана в сопровождении генерала армии и еще двух генералов рангом ниже входит не кто иной, как тренер сборной СССР Всеволод Михайлович Бобров! Когда Мальцев повернулся назад, Харламова уже не было за столом. «Где Валерка?» — быстро спросил Мальцев у Высоцкого. «Там! — едва сдерживая смех, показал под стол Высоцкий. — Похоже, и тебе, Саша, нужно лезть туда». Мальцев полез под стол.

— Привет, Володя, как дела? — подходя к столику Высоцкого, поздоровался с ним Бобров.

— Да ничего, Всеволод Михайлович, вот заехал поужинать после спектакля.

— А это кто там у тебя ужинает? — показал тренер рукой под стол. — Сдается мне, что это ботинки Харламова. Так, орлы, вылезайте!

Через несколько секунд «на поверхности» показались виновато улыбающиеся Харламов с Мальцевым. К счастью, в этот момент у стола появился знавший их официант, который быстро сориентировался в ситуации и принес вместо заказанного шампанского

«детский» крюшон. «Вот, видите, Всеволод Михайлович, — начал заступаться за хоккеистов Высоцкий, — они к матчам ответным с канадцами готовятся, крюшон безалкогольный пьют. Официант подтвердит».

Официант утвердительно закивал головой. «Знаю я их крюшон. Даю вам завтра день на восстановление, а послезавтра с утра чтобы были на базе», — сказал Бобров. «Но мы на полчаса заехали поужинать», — попытался оправдаться перед тренером Валерий Харламов. «Никаких полчасаков. Езжайте домой, если не хотите, чтобы завтра вся Москва говорила о том, что Мальцев с Харламовым в кабаке гуляют, вместо того чтобы к играм с канадцами готовиться», — отрезал Бобров. Через минуту два друга уже выходили из ресторана. Они не могли подвести великого Боброва...

«У Всеволода Михайловича был невероятный авторитет перед игроками. Он пытался раскрыть их, поднять до уровня своего таланта. Это главное, о чем он мечтал. Что ему не хватало, так это тарасовской жесткости. Он многое нам прощал, сам ведь был игроком со всеми слабостями. Если бы он поступал с нами жестко, то некоторые ребята, у которых был безусловный талант, играли бы раза в два лучше», — полагает Александр Мальцев.

Поездка канадских игроков в Москву 1972 года и ряд пикантных ситуаций, связанных с ней, сейчас вызывают аналогии с рязановской комедией «Приключения итальянцев в России». «Приключения» канадских хоккеистов также вылились в весьма смешную и поучительную историю.

20 сентября хоккеисты сборной Канады, взяв в поездку жен, прибыли в СССР. Большинство игроков, а тем более их спутницы никогда не покидали Северную Америку и были буквально «напичканы» стереотипами о жизни в СССР. В аэропорту они держались очень уверенно. «Я бы не прочь выступить в одной тройке с

такими крайними, как Михайлов и Харламов», — сказал журналистам по прилете в Шереметьево Фил Эспозито.

О Харламове говорили и другие хоккеисты. «Он был так быстр, что нам тяжело было защищаться, — вспоминал канадский защитник Дон Оури, которого несколько раз издевательски обыграл Харламов. — Я восхищался тем, как он использовал свой потенциал, чтобы обыгрывать нас, и как он держал всех в напряжении. Он был просто замечательный!»

Поселили канадцев в элитную гостиницу «Интурист» на улице Горького (ныне Тверской), в нескольких сотнях метров от Красной площади. С собой они привезли горы воды и мяса. Для многих канадских игроков СССР представлялся страной, где живут ненавистные им «комми», а всем заправляет «зловещий» Комитет государственной безопасности. Некоторые, едва расселившись, начали искать в номерах сюрпризы от КГБ: «жучки» и подслушивающие устройства. Фрэнк Маховлич, который начал паниковать еще до отъезда канадской делегации в Москву, ожидая провокаций, предлагал руководителям делегации поселиться не в официальной гостинице, а разбить ставку чуть ли не в поле под Москвой. Прямо как битый русскими в 1812 году Наполеон. Но в канадской делегации, вероятно, знали историю Наполеона и решили не отказываться от благ цивилизации.

«Идет холодная война. Советы могут сделать всё, что им заблагорассудится. Например, начать стройку в четыре утра возле гостиницы, чтобы мы не заснули. Для усиления своей пропаганды они должны выиграть и готовы на всё», — серьезно полагал Фрэнк Маховлич. Смирившись с тем, что канадцам предстоит жить все-таки в «Интуристе», он, зайдя в номер, начал тщательную проверку на предмет нахождения в нем подслушивающих устройств и вскоре обнаружил неизвестное металлическое крепление — пять болтов

под ковром, ввинченных прямо в пол. Пригласив нескольких товарищей по команде, игрок начал откручивать их от пола.

О том, что он открутил люстру из номера этажом ниже, Маховлич и компания догадались по оглушительному звону стекла. Внизу располагался конференц-зал гостиницы, и люстра упала прямо на продолговатый стол. Спасло канадцев то, что случилась эта история ночью. Никто не пострадал, но в конференц-зал сбежались почти весь персонал гостиницы и виноватые канадские игроки. «Шалость» канадским профи простили, посоветовав, правда, расплатиться за стоимость люстры.

Начитавшись шпионских романов о том, что в коммунистических странах за всяким зеркалом в гостинице прячется «жучок КГБ», Уэйн Кэшмэн снял зеркало в своем номере и выбросил его в окно. Новое зеркало в номер буяна так и не поставили, заставив «заплатить по счетам». Ну а супруга Кэшмэна ходила прихорашиваться в номер жены Фила Эспозито.

Забегая вперед отметим, что запасы воды и провизии, помещенные на склад «Интуриста», таяли, по мнению канадцев, не по дням, а по часам. Канадцы считали, что русские повара крадут мясо, хотя в ресторане стейки, показавшиеся советским кулинарам непривычно большими, просто резали пополам. Особенно заокеанские игроки обиделись на пропажу пива, которое «испарилось» из гостиницы сразу же после первой игры в Москве. Позже один из канадских хоккеистов шутливо заметил, что именно после этого неприятного инцидента «они страшно разозлились и решили во что бы то ни стало выиграть всю серию».

Впрочем, это были небольшие ложки дегтя в «медовой» программе пребывания канадцев в СССР. Их встречали предельно доброжелательно и искренне, показали все значимые достопримечательности Москвы,

сводили в Большой театр. Впечатление о людях из страны «комми» у канадцев явно поменялось в лучшую сторону.

Из Канады поболеть за свою сборную и неистово поддержать ее приехали три тысячи болельщиков. Вместе с турпоездкой они получили на руки билеты на все четыре матча серии. Каждому из хоккеистов сборной СССР давали только по четыре приглашения для родных. В основном стадион по разнарядке заполняли партноменклатура и люди в штатском, не проявлявшие эмоций. От того в первых играх из-за мощной поддержки канадских болельщиков казалось, что советские хоккеисты играют не у себя дома, а по-прежнему в Канаде.

А поток желающих попасть в «Лужники» был огромным. Десятки начальников, заведующих базами, ресторанами, магазинами были готовы выполнить любую просьбу, поставить самый дефицитный товар, только чтобы получить заветный квиток. Особенно часто обращались за помощью к Харламову, зная о его невероятной доброте.

В ответ на русский клич: «Шай-бу! Шай-бу!» канадские зрители на трибунах ответили многоголосым ревом и улюлюканьем. Валерий Харламов, удивившись тому, как несколько тысяч канадцев перекрикивают десять тысяч советских болельщиков, бросил крылатую фразу: «Я не понял, где мы играем, в Торонто или в Москве?»

На разминке Фил Эспозито потешил московскую публику: канадец получил букет на представлении участников встречи и начал мять его в руках. В результате цветы упали на лед. Когда диктор назвал его имя, Фил двинулся вперед, наехал на цветы, поскользнулся и упал. Причем упал, как клоун в цирке. Так это вышло неуклюже для него: ногами кверху. Публика залилась смехом. Другой бы растерялся, но

Эспозито был тот еще фрукт. Он встал и откланялся потешающейся над ним публике в реверансе. При этом свой «поклон» отвесил не абы кому, а генеральному секретарю ЦК КПСС Леониду Ильичу Брежневу, находившемуся в тот момент в ложе для почетных гостей «Лужников». Обстановка вроде бы была разряжена, но никто не знал, что в тот момент творилось в голове Эспозито и что замыслил самолюбивый канадец. Позже он признавался, что у него на уме была одна лишь мысль: «Боже, живыми мы отсюда точно не выйдем!»

Уже первая половина первого матча показала, что канадцы извлекли уроки из поражений на родном льду. Перед заключительным отрезком встречи они вели 3:0. Однако советская сборная отнюдь не впала в уныние, а наоборот, раскрепостилась, стала играть в свое удовольствие. Блинов, Анисин, Шадрин, Гусев с интервалом в восемь минут провели четыре шайбы в ворота противника, который ответил лишь голом неутомимого Хендерсона. Ничья 4:4 была зафиксирована на табло к окончанию 52-й минуты матча. И тут на первый план вышло уже обкатанное в Праге и Канаде звено Мальцев — Викулов — Харламов. Разыграв многоходовую комбинацию, партнеры вывели на бросок Валерия Харламова, который установил окончательный счет матча — 5:4 в пользу сборной СССР. Уже пятый матч подряд Валерий Харламов приносил канадцам одни только неприятности.

Все в нашей стране ждали победы и были уверены в ней. Но и канадцы настроились так, как никогда раньше. Сергей Гимаев приводит слова Фила Эспозито, говорившего ему, что канадцы вообще не готовились к серии: «Думали, что порвем ваших легко. Но учитывайте, что мы играли, мы проигрывали, мы набирали форму за счет игр, мы тренировались. Сыгрывались. Тренер понимал, кто лучше играет, кто

хуже. И уже на решающие матчи в Москве мы выходили на более высоком уровне готовности, лучше чувствовали себя физически, более четко понимая, что нам надо делать». «Поэтому канадцы готовились достойно выглядеть, — продолжал Гимаев. После пятого матча у них не было уверенности, что они выигрывают серию, но в любом случае они боролись до конца. Как я потом убедился, когда много раз играл в Канаде, что они борются всегда до конца».

Итак, перед второй игрой в «Лужниках» канадцы оказались в положении раненого зверя, припертого к стенке. Им нужно было выигрывать все три матча.

Судьба второй встречи в Москве решилась во втором периоде, когда были забиты все голы. В ответ на гол Ляпкина канадцы умудрились за 83 секунды забросить в ворота Третьяка три шайбы. Якушев сократил отставание. Затем Харламов, карауливший шайбу у левой штанги ворот Драйдена, сравнивает счет. Однако судьи не засчитывают шайбу. Один из канадских игроков тут же коршуном набрасывается на 17-го номера советской сборной. «Харламов забросил стопроцентную шайбу. Но судья не засчитал ее. Но такая судьба. Судьи тоже ошибаются», — вспоминал Владислав Третьяк.

«В конце второго периода после броска Якушева счет вдруг стал 3:2. А грозило нечто еще более страшное, — вспоминал Кен Драйден. — Они (русские) волнами накатывались на нас, но нашим защитникам, и в особенности Сержу Савару, который более двух недель назад в Виннипеге сильно повредил себе колено, удавалось прерывать комбинации русских у наших ворот. В какой-то момент мне показалось, что русские забросили шайбу. Им тоже это показалось. Но красный сигнал не зажегся. Якушев справа послал шайбу вдоль ворот Харламову, который стоял в углу вратарской площадки. Единственное, что я мог сделать,

— это переместиться в сторону Харламова и попытаться отразить его бросок. Шайба ударилась в мой щиток и отскочила в сторону сетки ворот. Не знаю, что произошло вслед за этим. Может, шайба ударилась о стойку и отлетела ко мне, а может, влетела в ворота и отскочила от сетки. Как бы то ни было, она оказалась у меня в перчатке, и судья остановил игру. Слава богу, через несколько секунд период закончился. В раздевалке мы все дико переругались. Мы понимали, что теряем контроль над собой и проигрываем встречу».

С этого момента началось самое неприятное. Канадские игроки устроили охоту за 17-м номером сборной СССР с подачи своих тренеров — Гарри Синдена и Джона Фергюссона, которые требовали от них в один голос: «Остановите Харламова!»

«Как только он вышел на лед, канадцы сразу же начали нападать на него. Все жены игроков, сидящие на трибуне, — Таня Михайлова, Надя Петрова и я, мы думали выскочить на лед и мстить за Валеру. Что не Мишаков будет разбираться, а все мы будем разбираться. Когда его в очередной раз завалили, и началась заварушка, Женя Мишаков заступился за Валерку, а потом уже все вылетели на лед и пошла самая настоящая драка стенка на стенку. Мировая драка. Ужас», — вспоминала Татьяна Харламова. Мишаков в 2007 году признавался, что в той серии, особенно в московской ее части, «Валерку рубили, словно топором, во все части тела». «Говорю Гэрри Бергману, защитнику канадцев, показываю ему руками. Иди сюда. Один на один. Молчит», — вспоминал Евгений Мишаков.

В этой игре Бобби Кларк нанес крюком клюшки рубленый удар в область лодыжки советского игрока, чуть выше верхнего края ботинка. Повреждение оказалось очень тяжелым. «Мы шли параллельными

курсами, и Харламов толкнул меня клюшкой, а потом развернулся и уехал. Я его догнал и тяпнул по ноге, совершенно не думая, куда и как бью. Я игрок жесткий и уважаю жесткость в других. Но если меня “трогают” клюшкой, я делаю то же самое», — оправдывался потом «беззубый забияка» Кларк.

Впрочем, как оказалось позже, он бессовестно лгал. Джон Фергюссон, тогдашний помощник старшего тренера сборной Канады, много лет спустя решился на откровения: «Харламов нас замучил до смерти. Я сказал Кларку: “Мне кажется, что нам нужно стукнуть его по лодыжке”. Я ни на секунду не сомневался в том, что это был правильный ход. Ведь мы просто не могли остановить Харламова». Позже Кларк хвастался: «Если бы я иногда не прикладывал их (русских) “двуручником”, я бы до сих пор куковал свои дни в деревне Флин Флон».

Удивительно, но после этого чересчур грязного приема Кларк не был удален до конца игры, а получил только штраф «2+10». «Я был убежден, что Бобби Кларк получил задание вывести меня из игры, — сказал позже Харламов. — Иногда я думал, что это было его единственной целью. Я смотрел в его сердитые глаза, увидел клюшку, которую он использовал как палку, которой он владел, как мечом, и не понимал, что он делает. Это не имеет ничего общего с хоккеем».

На пресс-конференции после матча Гарри Синден пытался сгладить неприятное впечатление. «Игра канадцев была резкой не умышленно. Никто из хоккеистов ни в коей мере не намеревается нарушить тот прекрасный дух спортивного соперничества, который установился с первых же встреч на поле. Мы хотим продолжать наши контакты, а в таком случае было бы нелепо вести себя неуважительно по отношению к соперникам», — сказал канадец. Но, глядя

на лодыжку Харламова, тренеры и игроки советской сборной этим словам не верили.

«Конечно, главным забиякой у канадцев был Бобби Кларк, который за что-то ненавидел Валеру Харламова. Действительно, он охотился за ним», — признавался Александр Мальцев.

В 2012 году Ред Фишер, журналист, много лет проработавший в «Монреаль газетт», уже вышедший на пенсию, специально для своей родной газеты написал статью, посвященную сорокалетию серии. В ней влиятельный спортивный обозреватель, чьим мнением дорожит хоккейная Канада, отметил, что «охота и грубые приемы Кларка в отношении Харламова стали поворотным моментом суперсерии».

Когда Харламов ехал от дальнего борта к скамейке запасных, за ним оставалась дорожка крови. Следующую игру он пропустил, а в восьмой играл на медицинской блокаде. Но боли, по воспоминаниям врача сборной Олега Белаковского, были такие сильные, что в этой решающей игре Харламов не смог толком себя проявить.

Накануне тридцатилетия серии, которое отмечалось в 2002 году, Джон Хендерсон, забивший «золотую шайбу», ушедший в 1972 году в лоно церкви, раскритиковал действия своего партнера по сборной, назвав поведение Кларка в отношении Харламова «нижней точкой серии».

«Если бы Кларк подрался с ним в бою во время матча и “вырубил” его, это честно и справедливо, — сказал Хендерсон. — Но то, что он сделал, похоже на отстрел какого-нибудь парня в коридоре. Ничего спортивного в этом нет. Кларк был, пожалуй, единственным парнем из всей команды, который мог сделать нечто подобное». «У нас было много крутых парней в этой команде, но было не так много парней, которые бы играли в хоккей. Это — жесткая игра, но

чтобы выйти и намеренно пытаться покалечить парня (Харламова), я не думаю, что такому должно быть место в хоккее», — констатировал Хендерсон.

Канадские журналисты и по сей день признают поведение Кларка в отношении Харламова гнусным, прибегая к этому сравнению — «прием Кларка», когда надо «сочным эпитетом» охарактеризовать грязную игру. Более того, канадские аналитики хоккея, публикуя статьи или составляя рейтинги, в которых фигурирует фамилия Харламов, непременно вспоминают о подлом поступке Кларка. Так, в 2010 году, перед Олимпиадой в Ванкувере, напомнив о том, что Харламов по количеству голевых передач является рекордсменом Зимних игр за всю их историю, одно из канадских изданий написало следующее: «Самый известный на западной стороне Атлантики советский хоккеист, во многом из-за подлого удара в лодыжку со стороны Бобби Кларка в ходе серии 1972 года, Валерий Харламов является в России тем, кем Морис Ришар является в Канаде, — оригинальной суперзвездой».

В шестом матче без своего лидера сборная СССР снизила обороты, а канадцы, наоборот, показали, что бьются до последнего. И ради победы готовы на всё. Игра так и завершилась со счетом 3:2 в пользу профессионалов. Оставалось сыграть два поединка. Чтобы не проиграть суперсерию, сборной СССР было достаточно один матч свести вничью.

Канадцы тем временем вошли в раж, почувствовав «запах крови» и поняв, что серию можно не только спасти, но и выиграть. Стали больше грубить на льду, постоянно провоцировать советских игроков. Седьмой матч советская команда проводила без Харламова. Игра шла к ничьей, но в решающий момент Пол Хендерсон обыграл на синей линии Геннадия Цыганкова, вышел один на один с Третьяком и, уже падая, забросил шайбу — прямо под перекладину. Канадцы радовались этой

победе, как малые дети. Таким образом, паритет в серии восстановился: у хозяев и гостей было по три победы при одной ничьей. Семь очков против семи. А это означало, что победитель заключительной, восьмой игры становится победителем суперсерии. «Надо отдать должное игрокам сборной Канады. Они вышли на седьмую игру предельно отмобилизованными. Или мы победим, или мы уедем из Москвы с позором», — вспоминал Борис Михайлов.

В восьмой игре были мобилизованы лучшие силы команд. Советских тренеров волновал один вопрос — сможет ли выйти на лед Валерий Харламов? Ведь появление лидера сборной даже не на льду, а просто на скамейке запасных внушало бы страх канадцам. И было способно укрепить боевой дух советских хоккеистов. Несмотря на адскую боль, мужественный хоккеист все-таки появился на площадке. И опять в уже наигранной и полюбившейся болельщикам связке с Владимиром Викуловым и Александром Мальцевым. Вот как вспоминал об этом сам Харламов. В день игры, к нему, хромящему и испытывающему сильные боли, подошел Борис Кулагин, который прекрасно знал, на какие «струны» своего воспитанника можно надавить.

Начал издаലെка. Вспоминал о том, какие серьезные травмы были у него самого в бытность игроком. Затем вдруг отвлекся от темы и резко спросил: «Как думаешь, повысится у спартаковцев настроение, если они узнают, что по какой-то причине не будет играть против них Харламов или Третьяк?»

«Конечно, — сказал я, еще не понимая, куда клонит Борис Павлович.

— Вот-вот, — обрадовался он. — Значит, ты согласен, что отсутствие лидеров команды — это своеобразный допинг для соперника?

— Как тут не согласиться! Я ведь давно заметил, что, когда дают тренеры передохнуть Владу, наши

соперники начинают играть с тройным усердием и тройной старательностью (была даже кричалка — «Можно выиграть у ЦСКА, когда клуб без Третьяка!»).

— Так вот, не будем давать допинг канадцам, — заключил Кулагин. — Они тебя знают и опасаются больше, чем других. Потому и нужно, чтобы ты вышел на последний матч. Сыграешь вполсилы — и то будет хорошо. Осторожненько катайся, на столкновения не иди... Сегодня нужно твое имя... И я вышел на тот — последний в серии — матч с канадцами». [28](#)

Харламов хоть и отвлекал на себя лучшие силы канадской защиты, но помочь советской сборной победить так и не сумел. Хотя и отдал пас на Лутченко, после которого советская сборная повела 2:1.

28 сентября 1972 года в «Лужниках» собралось 15 тысяч зрителей. Хоккеисты не разочаровали их. Это была действительно самая «забойная» и напряженная встреча в серии. Страсти на поле, бившие через край, споры с арбитрами и даже конфликт гостей с московскими стражами порядка. Канадцы поставили ультиматум: если, как во второй игре московской части серии, эту встречу будут обслуживать немецкие арбитры Компалла — Баадер, то они попросту не выйдут на лед. Канадцы настаивали на том, чтобы решающий матч судили Дальберг и чехословацкий арбитр со смешной фамилией Батя. В результате, благодаря вмешательству главы судейского комитета Международной федерации хоккея Андрея Старовойтова, был найден компромисс. Каждая сторона выбрала по одному судье из этих пар — встречу довелось обслуживать немцу Компалле и уже упоминавшемуся Рудольфу Бате. Последний сразу взял с места в карьер, удалив канадца Уайта. Спустя чуть более полминуты Компалла отправил на лавку Пита Маховлича.

Советской сборной не составило труда реализовать численный перевес. Александр Мальцев бросил по воротам, Драйден отбил шайбу, однако первым на добивании оказался Александр Якушев, который отправил шайбу в сетку ворот.

А затем произошел эпизод, фотографии которого облетели многие мировые газеты. Стычку на льду с участием нескольких советских и канадских хоккеистов спровоцировал Жан Поль Паризе. После того как его обыграл Мальцев, канадец сначала попытался задержать советского хоккеиста клюшкой, а затем нанес ему откровенный, причем колющий удар в живот. На защиту Мальцева бросились все хоккеисты сборной СССР, находившиеся на льду. К судьям подъехал капитан сборной Борис Михайлов. Лишь чудом на льду не возникла массовая потасовка. Канадцы устроили разборки с арбитрами, принялись откровенно хамить им.

Рассвирепевший Паризе бесновался на льду. Он сломал заградительное стекло на скамье штрафников, расколотил свою клюшку об лед. Судья Компалла выписал грубияну 10 минут штрафа, однако тот не успокоился, замахнувшись клюшкой на него самого. В итоге Паризе получил удаление до конца матча. Советские болельщики до этого никогда не видели столь отвратительного зрелища. Именно тогда стало окончательно ясно, что победы канадцы намерены добиться любой ценой.

После того как разбушевавшийся Паризе отправился в раздевалку, судьям еще несколько минут пришлось убирать со льда полотенца, клюшки, которые туда, со скамейки запасных, выбросили разъяренные канадцы. Наконец страсти улеглись и игра возобновилась.

В перерыве матча Александр Гресько (работавший тогда заместителем начальника управления международных спортивных связей Спорткомитета

СССР) пообщался с канадским функционером Аланом Иглсоном. «Ничья была бы идеальным вариантом для наших сборных», — как бы намекая на «оптимальный расклад» в серии, сказал канадец. «Нет!» — ответил Гресько. Иглсон промолчал и, отправившись в раздевалку своей сборной, рассказал об ответе советского представителя. На лед профессионалы вышли еще более заведенными. «Иглсон ворвался в раздевалку канадской сборной с воплями, что ни в коем случае нельзя играть на ничью. Канадцы это поняли и полезли биться», — вспоминал известный спортивный журналист Всеволод Кукушкин. Сборная СССР вышла вперед, однако канадцы усилиями Эспозито сравняли счет. Правда, вскоре Лутченко восстановил перевес в одну шайбу, пробив Драйдена с дальней дистанции.

Голевая феерия продолжилась с возобновлением свистка арбитра. В итоге Валерий Васильев за две минуты до конца второго периода, реализовав большинство, доводит преимущество сборной СССР до двух шайб — 5:3. Если бы свои шансы в конце отрезка реализовали Шадрин и Блинов, то вопрос о победителе мог быть решен. Казалось, сборная СССР легко удержит нужный результат, так она «возила по льду» канадцев. Но сказалась простая усталость.

Потом многие из профессионалов признавались, что вряд ли когда-нибудь еще они играли с таким остервенением, как в заключительном отрезке последнего московского матча. Выйдя на лед после второго перерыва, они обрушили на ворота Третьяка шквал атак. Наиболее свирепствовал Эспозито, который особенно остро в составе гостей почувствовал «запах крови». Остановив шайбу рукой в нескольких метрах от ворот Третьяка, он на 43-й минуте проводит первую из двух необходимых родоначальникам хоккея шайб, делая счет 4:5. Еще через 10 минут следует бросок Парка от синей линии. После серии рикошетов и удара

Эспозито шайба отскакивает к Курнуайе, который отправляет ее в сетку.

Гол? Но советский арбитр за воротами на 53-й минуте матча не зажигает свет. Его решение буквально взбесило одного из руководителей канадской делегации Алана Иглсона. И без того заведенный, Иглсон вскочил со своего места на трибуне и стремительно пошел вниз.

Он побежал за ворота, к тому самому советскому судье, требовать объяснений. Позже Иглсон сам признавался, что его первым желанием было как следует «надавать тумаков этому арбитру». И с такой ситуацией до этого не сталкивались на советских аренах. Путь канадскому функционеру преградили советские стражи порядка. Иглсон вступил с ними в потасовку: канадского гостя, несмотря на его чин и статус, буквально скрутили и, взяв под руки, повели в подтрибунное помещение. Но это заметили канадские игроки. До конца игры оставалось восемь минут. Несколько канадских профессионалов, моментально сорвавшись со скамейки запасных, применяя едва ли не борцовско-боксерские приемы, отбили Иглсона у милиционеров.

При этом Пит Маховлич, первым переметнувшийся через борт, стал открыто тыкать в милиционеров клюшкой. Один из канадских тренеров Джо Сгро и вовсе показывал средним пальцем руки непристойные жесты с канадской скамейки. Это стало шоком для советских болельщиков. Иглсона в итоге отбили у милиционеров. Провели через ледовую площадку, сопровождая до скамейки запасных советской сборной. При этом канадский функционер, еле сдерживаемый соотечественниками, посылал проклятия в устной форме и в виде жестов советским игрокам и болельщикам, заставляя застыть в недоумении большую часть зрителей на трибунах.

Вернуться на прежнюю победную волну советские хоккеисты уже не смогли. Канадцы устроили настоящий штурм ворот Третьяка, и за 34 секунды до конца встречи произошел самый великий, как потом напишут канадские газеты, момент в спортивной истории страны. Воспользовавшись ошибкой защитников сборной СССР, «злой гений» советской команды Пол Хендерсон пробил ворота Третьяка. «Оставшиеся 34 секунды мы оборонялись как одержимые, не дав русским ни разу как следует бросить по воротам. Конеч. 6:5», — писал в своей книге вратарь канадцев Кен Драйден.

«Харламов был лучшим русским игроком, способным сотворить гол из ничего. Он издевался над не очень мобильной канадской обороной, и его травма стала большим ударом по русским», — определил одну из главных причин победы своей команды известный канадский аналитик Дон Хоуи.

«Откровенная грубость канадцев конечно же была неожиданной, в советском чемпионате этого принято не было. Случалось, дрались — но это всё детский лепет по сравнению с тем, что происходило во время суперсерии. У них посерьезнее оказались люди. Указание в раздевалке было: не отвечать, не задираться. Потому что если бы мы начали драться с ними, мы бы не выиграли. Ни в драке, ни в матчах. Тут надо было терпеть», — признавался Александр Гусев.

«Клянусь тебе, я Бобби Кларка ненавижу до сих пор — так эмоционально отреагировал в нашей беседе известный спортивный комментатор Григорий Твалтвадзе. — Потому что я помню, как он бил коньком Харламова по щиколотке, по больной ноге, прижав его к борту, в шестой игре. Еще до того, как он его вырубил. Об этом почему-то не вспоминают. Кларк знал, что у Харламова травма ноги. Он прижал его к борту, кадры эти я помню. Он стоит на одной ноге и коньком,

лезвием, бьет его по щиколотке. Была задача любой ценой вывести его из строя. Я не знаю, кто был “самым великим” в этой суперсерии. Тот, у кого больше всего перстной лучшего игрока матча (у Якушева их было четыре)? Или тот, за кем сильнее всего охотились? А охотились сильнее всего за Харламовым, понимая, что от него исходит больше всего угроз. Может быть, поэтому спартаковская пятерка и играла более раскованно, забивала шайбы — потому что всё внимание канадских церберов было акцентировано на Харламове, которого им непременно нужно было вывести из строя».

«В московскую серию Харламов уже играл с травмой. На одной ноге. Трещина уже была, и он так здорово, как раньше, играть не мог. Но то, что он играл, и еще в таком состоянии, это давило на канадцев психологически. Просто у него стиль игры был исключительно неприятный для канадцев. И скорость, и техника, и невероятная ловкость, понимание игры. Он просто был невероятный игрок. И канадцы это понимали», — признавался Сергей Гимаев.

По мнению Владимира Лутченко, в том, что серия была проиграна, немалую роль сыграла психологическая «накачка», которой подвергались игроки советской сборной. «Вторую часть серии не удалось выиграть, потому что мы перегорели. Нам устраивали собрания, постоянно говорили о том, что мы должны выиграть. Это не могло не сказаться на настрое и результате». Впрочем, не умалял Лутченко и недоработок на льду самих хоккеистов.

«Мы расслабились и поплатились за свое пижонство», — позже признаются многие советские игроки. «После первой игры, когда мы их обыграли, мы посчитали задачу на суперсерию выполненной. Нос сразу кверху. Всё, мол, короли. В Москве уступили.

Правда, по глупости», — верно подметил в одном из интервью Александр Рагулин.

«Какое основное качество как у тренера было у Боброва? — рассуждал в беседе с автором этих строк Александр Гусев и тут же задавался вопросом: — Зачем ему тренировать, когда мы все тренировались по своим командам? Ему главное было собрать народ, с тем чтобы хорошая атмосфера была в команде. Играть ведь надо. Нас ведь уже не переучишь. Он со своим видением игры делал замечания: ребята, смотрите, вот надо так сделать. Но в основном каждый знал сам, что делать. Что Харламова учить, как обводить канадца? Хотя, на мой взгляд, нужно было жестче руководить командой. Кого-то вовремя поменять. Вот почему две последние игры мы прошляпили, пропижонили, как Боря Михайлов потом сказал. Когда вели мы в Москве в последней игре, я считаю, что он (Бобров) должен был как-то передернуть состав. Можно было хотя бы ничью вырвать в последней игре, когда проиграли 6:5. Но мы сами прозевали, сами упустили свою победу».

«Тысячи канадцев заплатили большие деньги, чтобы прилететь из-за океана на матчи в Москву. Последний гол Хендерсона с лихвой оправдал все их затраты», — резюмировал Ред Фишер.

Опрос, проведенный в Канаде в начале XXI века, показал, что шайба Хендерсона занимает пятое место в списке самых значимых событий XX столетия. Причем Вторая мировая война в этом списке была поставлена только на шестое место. Не зря было сказано хоккейными экспертами по обе стороны океана, что все игроки, принимавшие участие в серии, стали легендарными. (В 2008 году на гала-вечере, устроенном Международной федерацией хоккея с шайбой по случаю столетия этой организации, победный гол Пола Хендерсона в суперсерии 1972 года занял второе место в списке самых главных событий в истории хоккея,

уступив верхнюю строчку победе американцев на Олимпиаде в Лейк-Плэсиде в 1980 году.)

Тогда же, 18 мая 2008 года в канадском Квебеке, где проходило торжество, были выбраны шесть лучших игроков в истории этой игры. Вместе со шведским защитником Берье Салмингом и канадским нападающим Уэйном Гретцки в эту символическую сборную вошли четыре отечественных хоккеиста: нападающие Валерий Харламов и Сергей Макаров, защитник Вячеслав Фетисов и вратарь Владислав Третьяк. В голосовании принимали участие 56 известных хоккейных экспертов из 16 стран мира. Ни один из вариантов во время голосования не совпал с итоговой шестеркой лучших. Подавляющее большинство голосов — 54 — было отдано за Фетисова. Далее в порядке убывания: за Гретцки — 38, Третьяка — 30, Харламова — 21, Макарова — 18 и Салминга — 17. На церемонии присутствовали сын Харламова Александр и дочь Бетонита.

После этой серии к советским хоккеистам по-другому стали относиться и их руководители. «После 1972 года в распоряжении игроков сборной СССР появились хорошие канадские, шведские клюшки. Посмотрели наши руководители на канадцев, как они выглядят, посмотрели, как у них устроены раздевалки, что у них там творится; у них же сказка по сравнению с нашими. Там было уже всё налажено. Начали и форму закупать, клубы даже. И коньки. Главное — коньки закупали. Перчатки, шлемы и трусы хорошие. Практически, у нас же не было ничего такого до этого», — рассказывал Александр Гусев.

«...Мы были как Петр Первый, который пробивал окно в Европу, — привел красивое сравнение Борис Михайлов. — Мы пробили окно в НХЛ. Мы доказали, что большинство игроков сборной СССР не затерялись бы в любой из команд НХЛ. Потом уже в Северной Америке

появились игроки из Чехословакии, Финляндии, Швеции. Из наших я бы не стал выделять кого-то. Канадцам понравились Харламов, Третьяк, Якушев. Но все были в обойме, все делали свое дело».

В 2002 году Борис Сергеевич Харламов получил большой почтовый конверт, на котором в качестве отправителя значилась влиятельная канадская газета «Глоб энд мэйл». В конверте лежали вырезка из статьи, посвященной тридцатилетнему юбилею суперсерии, а также трогательное письмо председателя совета директоров газетного концерна Кеннета Томсона Борису Сергеевичу. Издатель во вступительном абзаце назвал себя «большим поклонником Валерия». С разрешения Татьяны Харламовой, любезно предоставившей автору возможность прочесть и письмо, и газетную статью, приводим отрывки из них.

«Я хотел бы сказать, что Вы вырастили замечательного сына. У Вас есть все основания гордиться им. На самом деле Вы были бы удивлены, узнав, как много людей, и не только русских, разделяют эту гордость», — писал Томсон. А в самой статье выделим такой абзац: «Нам хотелось бы выдвинуть на звание героя суперсерии-1972 этого игрока, хотя вряд ли его имя сразу придет на ум канадцам. Он тем не менее продемонстрировал то настоящее мужество, которое, хочется верить, есть в сердце каждого канадского хоккеиста. Господин Харламов едва мог ходить после удара г-на Кларка, но, несмотря на это, он играл в последнем матче со сломанной щиколоткой, игнорируя боль и тот факт, что он оставался главной мишенью яростной силовой игры. Его игра в восьмом матче была одной из самых мужественных в истории хоккея. Он был великим игроком, достойным противником и героем, выходящим за рамки национальной принадлежности».

Популярность советских хоккеистов в 1972 году достигла апогея. Их стали сравнивать с героями нации космонавтами. Кстати, с ними у мастеров хоккейных баталий всегда были отличные отношения. Мало кто знает, что у Бориса Кулагина, когда тот работал инструктором по спортивным играм при Окружном доме офицеров в Оренбурге, занимался спортом военный летчик Юрий Гагарин. «Замечательная игра, — говорил о хоккее Юрий Алексеевич, — лучшая из всех, какие я знаю». Первого космонавта Земли и его коллег часто видели в «Лужниках» на матчах московских армейцев. Жаль, что общение Харламова и Гагарина — двух этих символов нации, людей с открытой и обаятельной улыбкой — было недолгим. Юрий Алексеевич погиб в 1968 году, когда двадцатилетний Валерий Харламов только начинал свой путь на хоккейный олимп...

«Валера Харламов в жизни был обаятельнейшим, скромным парнем. Но на площадке преображался, юлой крутил соперников да каждое их действие предугадывал. Мы его за это машиной с большим вычислительным комплексом прозвали, — сказал в одном из интервью летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза Алексей Леонов. — Товарищи, которые пришли к управлению страной в 90-х годах, растеряли всю отечественную историю, славу. А народ, лишенный героев, обречен на вымирание. А у нас героев и выдумывать не надо — мы их знаем, видели. Харламов — ярчайший пример соединения неиссякаемого таланта с трудолюбием... Дух у команды должен быть единый. Не деньги в головах, не американские и канадские клубы, а патриотизм!» [29](#)

Глава 7 ТРЕНЕРЫ ХАРЛАМОВА: ТАРАСОВ И ЧЕРНЫШЕВ

Несмотря на бросающееся в глаза различие характеров, все те люди, которые тренировали Валерия Харламова и принимали участие в его становлении, были личностями, оставившими яркий след в отечественном хоккее. Они исповедовали главный принцип тренерского ремесла: были предельно мотивированы и настроены на победу и требовали этого от своих воспитанников. А главное, хорошо знали, как этого можно добиться.

После прокатного успеха картины «Легенда № 17», в которой на первый план вышли временами непростые взаимоотношения Валерия Харламова с выдающимся наставником сборной СССР и ЦСКА Анатолием Тарасовым, в России обозначился интерес к персоне тренера, закончившего свою тренерскую карьеру четыре десятилетия назад. Впрочем, в СМИ уже неоднократно говорилось о том, что в данном фильме мы имеем дело с кинематографическим вымыслом, с мифологией и грубыми биографическими ошибками (таковых насчитали 17!), а не с исторической правдой. Так как же на самом деле складывались взаимоотношения Анатолия Владимировича Тарасова и его, как он сам признавался в очерке для книги «Три скорости Валерия Харламова», «любимого ученика»? Был ли таким уж «тренером-деспотом» Тарасов, как можно представить после просмотра ленты?

«На льду Тарасов — маг, волшебник. Он приходит с новыми идеями не только на каждую тренировку, новые мысли и идеи обуревают его и перед каждым матчем. С каждым соперником команда Тарасова стремится

играть по-разному. “Вы не роботы, — убеждает Петрова, Михайлова и меня Тарасов. — Вы — художники, артисты. Вы всё знаете в хоккее. Так решите, как играть сегодня, сейчас. Каждый должен быть сам для себя тренером. Сам должен решать, как именно выполнить задание. Больше хитрости! Соперник у вас сегодня доверчивый”» — так вспоминал о своем учителе Валерий Харламов в своей биографии.

В авторитетнейшей «Британской энциклопедии» Тарасов назван «отцом российского хоккея». Хотя эти лавры он, безусловно, делит с Аркадием Ивановичем Чернышевым. Своим многолетним напарником в тренерском тандеме, стоявшем во главе непобедимой советской сборной 1960-х — начала 1970-х годов.

Сказать, что Тарасов был одержим хоккеем — значит не сказать ничего. Он, образно говоря, 24 часа в сутки «дышал» этой игрой. По словам его вдовы, Нины Григорьевны, он вставал в четыре утра и что-то уже записывал в блокнот. Кто еще, кроме Тарасова, когда игроки не были на сборах, а получали отгул, мог позвонить любому из своих подопечных в пятом часу утра и спросить: «Ты уже сделал зарядку?» У жен хоккеистов возникал резонный вопрос: «А всё ли у него в порядке с головой?» Но ведь его, тарасовские, ребята постоянно побеждали. И ЦСКА во всесоюзных турнирах, и сборная на крупнейших международных состязаниях. Всех и вся. Причем армейцы выигрывали большей частью игроками доморощенными, им же, Тарасовым, воспитанными в этой отлаженной, как швейцарские часы, «машине» по подготовке хоккеистов. Системе, в которой он знал и пестовал всех: от мала до велика.

Тарасов не стеснялся работать с молодыми, активно подводить их к основе. Как того же Альметова, который играл у мэтра в главной армейской команде с семнадцати лет. В беседе, опубликованной в 1983 году в латвийской газете «Советская молодежь», Тарасов

признавался: «У тренера должно быть сильно развито чувство любви к молодежи, в первую очередь он — терпеливый, интеллигентный человек. Ибо каков наставник — таковы и воспитанники».

«Я познакомился с Тарасовым в апреле 1967 года, когда еще играл в московском “Локомотиве”. Он пригласил меня на встречу и с ходу сказал, что я интересный игрок, но предстоит еще много-много работать над собой: “Вы, молодой человек, должны думать только о хоккее, спать на клюшках и с утра до вечера непрерывно гонять шайбу”. А я в тот момент только-только женился, и супруга была в положении, при этом в ЦСКА мне предложили перейти на меньшую зарплату. Помню, что вышел я с той встречи как в воду опущенный. Но я всегда мечтал оказаться в великом ЦСКА, у великого тренера Тарасова, и в итоге согласился. Об этом решении впоследствии не только не пожалел, но и всем сердцем благодарен клубу и Тарасову», — вспоминал Борис Михайлов.

Виктор Тихонов позже побеждал, забирая в ЦСКА лучших игроков из провинциальных клубов. Если ему нравился какой-то хоккеист, то того «настоятельно» уговаривали перейти или просто призывали в армию. Как, например, Сергея Макарова из Челябинска, Игоря Ларионова из Воскресенска или Александра Могильного из Хабаровска. У Тарасова, как правило, игроки были свои, воспитанные системой, выстроенной им лично. Или москвичи, за которыми он наблюдал в играх на первенство столицы. Как тот же Михайлов. Конечно, были исключения, куда без них.

Казалось, каждая клеточка организма Тарасова дышала хоккеем. Эта одержимость передавалась игрокам. «Тарасов был очень требовательным. Даже после победы он каждому указывал на ошибки. Это не очень приятно, но зато игрок волей-неволей задумывался над своими действиями. В учебно-

тренировочном процессе он обращал внимание на любую мелочь, если что-то у кого-то не получалось, он заставлял работать вдвойне. А если опоздаешь на минутку, тогда несдобровать... Помню, я как-то припозднился. Первым делом Тарасов мне приказал кувыркаться на льду через голову. Потом в конце тренировки дал тяжелейшие задания, затем так называемые ускорения от синей линии до синей, от красной до синей... У нас редко кто опаздывал. Да и с режимом был всегда порядок», — вспоминал Виталий Давыдов.

На одной из тренировок сборной СССР в первые дни чемпионата мира 1971 года в Швейцарии случился любопытный эпизод. Анатолий Тарасов после раскатки оставил на льду нападающих Шадрин, Зимица, а также вратаря Третьяка. Тренер смоделировал игровую ситуацию, велел одному из игроков бросать по воротам, а другому толкать Третьяка и всячески мешать ему. Шадрин с Зиминцем засмутились, отказываясь «бить Владика». «Вы что, голубчики?! — рассвирепел Тарасов. — Нашлись тут кисейные барышни!»

После тренировки Третьяк уходил со льда в синяках и ссадинах. «Бывало, как бросит кто-нибудь в упор, я с обидой на этого игрока клюшкой замахиваюсь! “Ты что, мол, убить меня хочешь?” А Тарасов тут как тут: “Ах, вам больно, молодой человек? Вам надо не в хоккей, а в куклы играть”. Потом отмякнет немного: “Запомни: тебе не должно быть больно. Забудь это слово — ‘больно’. Радуйся тренировке. Ра-дуй-ся! Впоследствии много раз я с благодарностью вспоминал те уроки», — писал в своей книге знаменитый вратарь.

«У русских существовала железная дисциплина не только в быту, но и на площадке. Малейшие отступления от нее не то что не приветствовались, а всячески карались», — полагал один из лучших игроков в истории чехословацкого хоккея Владимир Мартинец.

По его мнению, именно поэтому победить советских хоккеистов, тренировавшихся с утра до вечера под руководством таких фанатично преданных игре людей, как Тарасов или впоследствии Тихонов, было практически невозможно.

Анатолий Владимирович никогда не давал на тренировках одинаковых упражнений, постоянно импровизировал. «У Тарасова миллион упражнений было — да с какими присказками! Не передать... Народный артист, не повторялся. Я 22 года ЦСКА отдал, 10 лет как игрок — иногда казалось, что уж все его повадки знаю, могу предположить, что произойдет в следующую минуту, — вспоминал один из самых знаменитых отечественных тренеров Юрий Моисеев в интервью газете «Спорт-экспресс». — И происходило — совершенно другое. Гениальный человек! Мог бы добиться успехов в любой области — счастье наше, что он занимался хоккеем. Не было бы Тарасова и хоккея в России не было бы. Всю жизнь искал новое, а уж другие клубы им найденное перенимали. Эрудиция какая! На установку приходил с книгой Станиславского “Моя жизнь в искусстве”».

Как известно, на армейской базе в Архангельском жили не только хоккеисты и футболисты, но и представители других игровых видов спорта. Тарасов по договоренности с коллегами практиковал оригинальные упражнения, например, игру хоккеистов в волейбол с волейболистами ЦСКА. «Мы были по одну сторону, они по другую. И начиналось сражение. Конечно, мы играли не в полную силу. Представьте, если бы мы вышли на лед и играли бы против них. Без послаблений с их стороны такая игра была бы обречена на провал, — признавался в беседе известный волейболист ЦСКА тех лет Владимир Путятов. — Тарасов полагал, что такие занятия волейболом помогут хоккеистам развивать координацию и лучше

взаимодействовать на маленьком пространстве». При этом, как вспоминал Владимир Путятюв, Анатолий Тарасов не давал поблажек ни молодым, ни ветеранам. «Сколько я наблюдал тренировки Тарасова, он держал на одинаковом расстоянии от себя и тех и других. Он хоть и имел репутацию жесткого тренера, но одинаково ровно относился ко всем своим подопечным. Среди них у него не было ни любимчиков, ни изгоев».

Тарасов никогда, ни на секунду не успокаивался, не удовлетворялся достигнутым и того же требовал от своих подопечных. «Когда я был помоложе, Анатолий Владимирович буквально после каждого матча находил у меня недостатки, и я порой удивлялся перед началом разговора: неужели опять что-то не так? Ведь ЦСКА выиграл крупно, а наше звено набросало кучу шайб. Однако Тарасов снова недоволен — сыграл я, как он любит выражаться, подходяще, но вот... Сегодня он говорит, что я мало маневрировал. Через два дня выясняется, что маневр у меня стал лучше и интереснее, но вот не использовал я пока смену ритма. Потом тренер обращал внимание на то, что я выдал всего лишь два точных паса во время обводки, то есть когда соперник не ожидает передачи шайбы партнеру», — вспоминал Валерий Харламов.

По словам Харламова, с Тарасовым было тяжело. Очень тяжело. «С ним не расслабишься, не пошутишь вволю: чувствуешь себя все время каким-то скованным. И все разговоры в конечном счете сводятся к хоккею — вольные темы в присутствии знаменитого тренера кажутся неуместными и самому себе, и оттого устаешь. Хочется расслабиться, забыть о хоккее. А завтра тренировка Тарасова, и идешь на нее с тем же интересом, как и год, как и два, как и пять лет назад».

«Анатолий Владимирович — великолепный черновой тренер. Интересные упражнения, огромные нагрузки. Но руководил игрой слишком импульсивно. Если у кого-

то не идет, начинает тасовать состав, перекраивать звенья. Это не всегда шло на пользу. Аркадий Иванович Чернышев в таких ситуациях не порол горячку, — вспоминал Виталий Давыдов. — По характеру они абсолютно разные. Анатолий Владимирович, например, не понимал шуток. Аркадий Иванович — потоньше, с ним можно было обсудить что угодно. Еще у Тарасова был пунктик: даже если по ходу матча ведем 5:1, надо обязательно к чему-то прицепиться... Хоккеисты с ним обычно не спорили. Лишь Володя Петров не боялся Тарасова. Однажды в перерыве Анатолий Владимирович накинулся на него с претензиями: “Играешь, как баран!” Петров приподнялся и спокойно: “Да сами вы баран”. Видели бы вы лицо Тарасова. Полная растерянность. И молча покинул раздевалку». [30](#)

«Анатолий Владимирович создал мощную школу. Тарасов, во-первых, был великий труженик. Во-вторых, великий, невероятно сильный психолог, чувствующий игрока от и до. Хотя он скромностью не отличался, мог отхлестать игрока и после хорошей игры. Потому что он знал, что послезавтра или завтра будет следующий матч. Мог к чему-то придраться, повоспитывать. Тех же Петрова или Михайлова. По отношению к Харламову не помню, чтобы было такое. Как можно было к нему придраться, если Валерка был естествен и открыт во всем. Бить-то его на льду стыдно было. Но некоторые били. Люди ведь тянулись к нему как к источнику добра. Душу-то эту все чувствовали. Даже те же канадцы. Хотя Валера мало кого в эту душу пускал», — признавался в беседе с автором Владимир Юрзинов, который сам может гордиться многочисленными победами, одержанными в бытность тренером сборной СССР.

На тренировках у Тарасова в обнимку со штангой, «блинами» и гирями проводили больше времени, чем с любимой женой. Тягали железо вдоль и поперек,

«танцевали» с ним чуть ли не в обнимку, едва ли не исполняя гимнастические «па» с десятками килограммов груза. Таскали на спине партнера по команде, в полной амуниции, весом под центнер. Нужно ли это было? Как говорят спортсмены: смотрите на результат. В нашем случае на бесчисленные регалии и трофеи, которые завоевала сборная СССР в 1960-е годы.

С резиновым жгутом в области живота, отягощенные немаленьким свинцовым поясом, ощущая сопротивление этих «ненавистных пут», игроки, по команде Анатолия Владимировича, пытались добежать от центра площадки до ворот. Отдельно Тарасов «натаскивал» игроков ЦСКА психологически, даже не навязывая, а, как говорили знатоки, вбивая в них дух победителей.

Упомянем про одно упражнение, которым мэтр особенно гордился и от которого в буквальном смысле «стонали» армейские хоккеисты. «Был у Анатолия Владимировича в гимнастическом зале любимый помост. Много пота у игроков ЦСКА на нем сошло. Если вы сейчас придете в ЦСКА, в гимнастическом зале уже нет этого помоста. А тогда были наши, хоккейные, раздевалки, был зал тяжелой атлетики, где занимался легендарный Юрий Власов со своим тренером Багдасаровым. Там хоккеисты всю предыгровую разминку проводили. Пробегутся по стадиону, а потом направляются в зал. Это был не тот ЦСКА, который есть сейчас, это был действительно центр спорта. В 9 утра вся Академия Генштаба, весь Генштаб приходили туда. С 9 до 10.30 все они занимались физической подготовкой. Все старшие офицеры там были, причем приезжали своим ходом, без машин. Это тогда была воинская часть. Мы всегда входили по пропускам на территорию ЦСКА, там всегда на КПП стоял солдат, это сейчас — проходной двор. А тогда там был аэродром, где сейчас находится Дворец спорта на Ходынке», —

вспоминал в беседе с автором этих строк Владимир Богомолов.

По его словам, этот гимнастический помост с ограждавшим его барьером был небольшой, примерно 15 на 7 метров, с деревянным настилом. Располагался он на высоте метра или чуть больше от земли. Тарасов заводил своих подопечных на этот помост. Разумеется, у хоккеистов в руках были любимые Тарасовым двадцатикилограммовые блины от штанг, при упоминании о которых в беседе армейские ветераны до сих пор как минимум морщатся. Армейцы бежали с этими блинами. И тут следовала команда Анатолия Владимировича: «Так, пошли кульбитики». Хоккеисты, у которых уже выработался своеобразный рефлекс ожидания такой команды тренера, с этого помоста, с блином в руках (кувырком!), прыгали вниз — с метра с лишним высоты! И умудрялись не травмироваться. Не повыбивать зубы, не разбить голову ни себе, ни товарищам.

«Сейчас кому об этих кульбитиках рассказать, не поверят, что такое возможно было. Я помню, когда был в командировке в Японии, эти “Тарасовские” опыты показал местным игрокам и тренерам. Кувыркнулся с блином с высоты. Когда я сделал такое упражнение, мне местный тренер сказал: “Ты что, Владимир, с ума сошел? Меня родители хоккеистов убьют, если с их ребенком, повторившим это, что-то случится!” И ведь страха у армейцев никакого не было. Эдик Иванов (защитник ЦСКА) по прозвищу “Индей”, потому что лицо всегда красное было, правда, однажды на моих глазах блином голову Палычу (Александру Рагулину) чуть не раскрошил. Блин в нескольких сантиметрах от Палыча прошел. Может быть, травмы и были, но все молчали. Не хотели Тарасову лишний повод для нравоучений давать. Не можешь преодолеть, жалуешься, значит, нет характера. Так и становились каждый раз чемпионами

мира. Невозможно заставить человека, достигшего какой-то величины, еще раз переступить через это, сколько раз надо было эту “палку” ломать? И он снова находил какую-то мотивацию для своих заслуженных мастеров. Правда, для него в 27 лет хоккеист уже был ветеран, которому скоро нужно заканчивать карьеру», — вспоминал Владимир Богомолов.

Автора этих строк больше всего поразила другая пример из учебных занятий тренера Тарасова. Шло занятие Высшей школы тренеров по хоккею, той самой, которая появилась на свет по инициативе Анатолия Владимировича. Дело было уже в 1980-е годы. Собрали всех начинающих тренеров на армейской базе, Тарасов принялся вести показательные занятия с помощью молодых хоккеистов из команды Спортивного клуба Московского военного округа (СК МВО). Они на таких занятиях у Тарасова были вроде «подопытных кроликов».

На горке с уклоном в 45 градусов были расставлены несколько легкоатлетических барьеров высотой 80 сантиметров на расстоянии примерно полутора метров друг от друга. Хоккеисты забегали на горку. Разумеется, с блинами. (Куда у Тарасова без них!) Следовала знакомая команда: «Пошли кульбитики». «И хоккеисты, прыгая с блинами вперед через эти барьеры, начинают делать кульбиты и вниз скатываются. Затем прыгают через другой, стоящий перед ними барьер. Разумеется, всё грохочет. Барьеры падают друг за другом. Хоккеисты к последнему барьеру теряют координацию, падают с высунутыми языками. Для них главное было, не уронить из рук блин на глазах у Тарасова. И вот один из начинающих тренеров, держа в руке тетрадь для конспектов, видит, как какой-то хоккеист СК МВО скатывается вниз с безумными глазами, и говорит ему: “Слушай, парень, мышцы-то не болят?” Парень тот, еле дыша, смотрит на тренера, еле

сдерживая мат, и отвечает: “Какие к черту мышцы? Кости ноют!” Там встать невозможно, ты просто сметаешь эти барьеры. Следующему хоккеисту там делать нечего», — рассказывал Владимир Богомолов.

Были еще гонки наперегонки друг с другом со свинцовым десятикилограммовым поясом на теле. Классическое тарасовское упражнение, которое часто показывают в хронике тех лет, — это бег с эластичным жгутом. Как бы ты ни стремился вперед, жгут этот все равно удерживает тебя и тянет назад. При этом Тарасов заставлял «связанного» этими путами игрока время от времени припадать на колени. Несмотря на то, что хоккеисты проклинали такие нагрузки на чем свет стоит, мечтая добраться до кровати, польза от этих «тренировочных экзекуций» была несомненной.

«Работать приходилось много, было тяжело, временами просто невыносимо. Но Тарасов всегда импровизировал. Все время предлагал что-то разное, был, можно так сказать, неистощим на выдумку. Главное, тренировки эти были не нудные. 30-40 минут сначала, это была действительно адская работа, а вот потом следовала игровая часть: или двухсторонка, или футболчик. Вся команда работала от звонка до звонка. Из-за этого мы в ЦСКА и выигрывали все время», — вспоминал в беседе Александр Гусев.

«Не знаю, как Тарасов гонял игроков в армейском клубе, но когда я приходил в сборную СССР еще из воскресенского “Химика”, мне казалось, что я получал по полной физической нагрузке. Например, всегда перед тем же турниром на призы газеты “Известия” нас собирали за неделю и давали хорошую “физику” — 20 километров пробежки, затем с блином от штанги “проводились” танцы. Я, честно говоря, плохо выдерживал такую нагрузку. И после, выходя на лед, вообще не чувствовал ни клюшки, ни шайбы, всё отскакивало, потому что надо такими нагрузками или

заниматься все время, или вообще не заниматься», — вспоминал игрок сборной СССР Юрий Ляпкин, которому довелось поиграть под руководством Тарасова в национальной команде. А на вопрос о том, какие тарасовские упражнения запомнились ему больше всего, ответил с ходу: «Жгут» и «Я на лодочке катался».

— Про последнее Тарасов говорил: «Гена Цыганков, покажи!» Цыганков брал гриф, помещал его на вытянутых руках и крутил им, как веслами, сидя с вытянутыми ногами, без коньков, в спортивном зале. Я еле выдерживал. Гриф весил 15 килограммов, еще могли что-нибудь подвесить. Это и называлось: «Я на лодочке катался». Потом вприсядку с блином в 20 килограммов тренировались, очень много физических нагрузок было. Надо было ноги выкидывать и закидывать, — признался Юрий Ляпкин.

Действительно, особенно тяжело приходилось в сборной тем игрокам, которые не сталкивались с такими нагрузками в своих родных клубах. А больше всего страдал от тарасовских упражнений в 1960-е знаменитый вратарь горьковского «Торпедо» Виктор Коноваленко, который был основным стражем ворот советской сборной в то время. «Витя приезжал на сборы национальной команды в значительно худших, чем динамовцы, армейцы, спартаковцы, физических кондициях, в немного разобранном состоянии. Для него были настоящим испытанием физические нагрузки, которые предлагал Тарасов с первого же дня. Помню, мы пришли в зал для разминки и Анатолий Владимирович начал ее с упражнений на поднятие двадцати килограммовых блинов от штанги. Все легли спиной на пол и по команде тренера начали поднимать груз. “Подняли — опустили”, — четко указывал Тарасов, прохаживаясь между рядами игроков. Подошел к Коноваленко, тот кряхтит, с трудом поднимает блин, пот с него градом льется. Постоял возле него Анатолий

Владимирович, пока Витя не признался, выдавливая слова: “Тяжело, может, хватит, Анатолий Владимирович?” Тарасов, как показалось, только этого и ждал. Заложил руки за спину, наклонился к вратарю и сказал так, чтобы слышали другие игроки: “Тяжело, говоришь, Витя? А ты пойдешь на завод устройся, может, легче будет?!” Под общий хохот хоккеистов Коноваленко, тужась, продолжил упражнения с блином», — рассказывал эту историю Виталий Давыдов.

Анатолий Владимирович был хитер на выдумку еще и потому, что у тренерского штаба и игроков тогда было мало подручных средств. Какие тогда были тренажеры по сравнению даже не с теми, что имеются в распоряжении современных спортсменов, а с теми, которыми оснащены обычные фитнес-клубы?!

Тогда был «первобытный век», если сравнивать с нынешними программируемыми тренажерами-машинами, с помощью которых тренируются спортсмены и простые любители физической культуры. Игроки сами варили из труб снаряды, чтобы отжиматься, таскали тяжести, в подвале базы их всегда ждала верная «подруга» — штанга. Богатый на выдумки Тарасов придумал, как можно использовать в тренировочной работе обычные автомобильные покрышки. Их привязывали резинками или парашютными стропами к поясу хоккеиста, и игроки начинали передвигаться с этим довеском, естественно, не имея возможности разогнаться по площадке. Можно представить, как проклинали хоккеисты эту вредную обузу. Зато тяжело в учении, легко в бою, как говорил великий русский полководец Александр Васильевич Суворов. На площадке армейцы и сборники летали, в то время как противник в конце игры еле волочил ноги.

«Если будете в Архангельском, то слева увидите мостик, а вниз там идет тропинка. И там же была деревянная лестница, ведущая к церкви. И был бугор.

На нем росли трава, кусты, — вспоминает Михаил Туманов, который часто наблюдал за тренировками армейцев. — Так вот после тренировки недельной этот бугор весь был голый, потому что на него по заданию Тарасова надо было быстренько забраться, наверху попрыгать, а оттуда спуститься на одной ножке, спрыгивая. Чуть отдыхаешь и опять. Это такие физические нагрузки были у Тарасова. На базе у главного корпуса была парадная лестница, вниз идет. Игроки друг на друга садились и по лесенке этой прыгали вверх-вниз».

Те, кто «погулял» накануне, буквально стонали. Организм был и без того обезвожен, а Тарасов запрещал игрокам во время занятий пить воду. «Я исхитрялся, брал с собой бутылочку воды, когда они выходили на лед, садился на скамейку запасных. “Миша, не вздумай им воду из раздевалки приносить!” — кричал Тарасов с середины площадки. Но они потихоньку подъезжали ко мне под разными предложениями. Дескать, шнурок развязался, ленту наклеить на крюк или клюшку поменять. А сами со словами: “Миша, дай глоток сделать!”, — пригнувшись за борт — главное, чтобы не видел тренер, — делали несколько глотков», — вспоминал, улыбаясь, Михаил Туманов.

И вот парадокс. При всех тех изнуряющих нагрузках, особенно после вальяжного отпуска на море или вечерних посиделок в ресторане накануне, никто и не думал жаловаться на Тарасова. Привыкали, вырабатывая под руководством наставника своего рода защитный иммунитет к самым тяжелым испытаниям.

Тарасов на подобных занятиях в ЦСКА и в сборной был сам движение, страсть, энергия. Иногда при большом стечении публики, журналистов, обожавших наблюдать за ним в эти минуты, брал в руки микрофон, хотя хоккеисты и так его прекрасно слышали. Начинал

командовать игрокам, вставляя в разговор разные «подколки».

«На тренировках Тарасов был бог!» — эта фраза принадлежит Валерию Харламову. Тренер работал на пределе сил и требовал такого же фанатичного отношения к хоккею от своих учеников. Известна фраза Тарасова: «Мало собрать в команду звездных игроков, надо, чтобы и тренер соответствовал этой команде».

«При Тарасове мы не могли и подумать о том, чтобы возражать нашему тренеру. Что бы он ни сказал, это было законом, истиной окончательной и не подлежащей обсуждению. Мы для него были новичками, еще только осваивающими премудрости хоккея. Тарасов поддерживал старших. Он объяснял нам не однажды, что возраст — не самое главное в спорте. Юность — важный аргумент, но не решающий. “Если ветеран и новичок равны по мастерству, то место в основном составе я отдам ‘старикам’ — молодой должен понимать, что он может подождать, что когда-нибудь и его будут подпирать дублеры. Место предоставим младшим только тогда, когда они, бесспорно, будут выше ветеранов...”», — признавался Валерий Харламов.

«Тарасов вел тренировки с энтузиазмом, зажигал ребят, был строг к тем, кто ленился, придумывал интересные упражнения. Требовал многого, но мы заводились и работали на совесть. Иногда кто-то из ребят хотел поддеть Тарасова, но всё заканчивалось в его пользу, — вспоминал капитан ЦСКА и сборной Борис Михайлов. — У Аркадия Ивановича Чернышева же была крепкая нервная система, я никогда не видел его вспыльчивым, его невозможно было вывести из равновесия. Даже когда мы проигрывали важнейшие матчи, Тарасов буквально носился вдоль скамейки, а Чернышев невозмутимо стоял у бортика, ничем не выказывая волнения».

Анатолий Тарасов действительно был «фонтаном эмоций и страстей», великим трудоголиком с неповторимым артистизмом. Он и строил свою речь так, что его отдельные фразы (наподобие «Есенина русского хоккея», сказанной о Мальцеве) разлетались на поговорки и легко становились газетными заголовками. Чего стоит такая фраза: «Играя, вы должны видеть блондинку, пришедшую на хоккей и сидящую на трибуне в четвертом ряду».

Не случайно, общаясь с ним, журналисты ждали от острого на язык мэтра какого-то оригинального комментария, экспромта: вдруг он сам спровоцирует спор с репортерами и сам начнет задавать им вопросы. Тарасов был находкой для объективов фотографов и камер во время телевизионных трансляций.

Как вспоминают хоккеисты, работавшие под его началом, Тарасов не стеснялся предлагать совершенно неожиданные упражнения. Однажды во время плавательных занятий в бассейне вдруг попросил помощников кинуть в бассейн клюшки и ватерпольный мяч. Дескать, поупражняйтесь в игре в «хоккейное водное поло».

«Он был всегда на коньках, мог на тренировке сам лечь под шайбу, нередко выполнял упражнения вместе со всеми нами. Эмоциональный, заводной, требовательный, Анатолий Владимирович зажигал всех своим энтузиазмом и вместе с тем зорко следил за работой каждого игрока. Характер был у него жестче, чем у Аркадия Ивановича, — вспоминал Виталий Давыдов. — Он был для нас кнутом, в то время как Чернышев — пряником. Аркадий Иванович и Анатолий Владимирович прекрасно дополняли друг друга и составляли блестящий тренерский дуэт. Темпераментному Тарасову иногда не хватало терпения. Если сборная начинала проигрывать, он сразу же предлагал перетасовать звенья, поменять тактику.

“Ну, подожди, не спеши”, — успокаивал его Аркадий Иванович».

Действительно, по воспоминаниям ветеранов, в сборной СССР, в отличие от ЦСКА, Тарасов практиковал не все свои фирменные штучки. Все-таки главным в ней был назначен Аркадий Иванович Чернышев, и ему, жалевшему игроков, приходилось сдерживать пыл своего коллеги. «В сборной не было таких тяжелых упражнений, как в ЦСКА, где Тарасов полагал, что все офицеры должны беспрекословно слушаться его. Такой клоунады, как в армейском клубе, он не устраивал. Не забывайте, что главным в сборной был Аркадий Иванович Чернышев. Его коньком была тактика и техническая подготовка. В этом он был непревзойденным тренером. Тарасов думал, что в сборной, как в армии, люди будут подчиняться ему. Но это у него в главной команде страны не проходило. Аркадий Иванович создал в ней совершенно другой микроклимат», — признавался в беседе Александр Мальцев.

«Мы не всегда понимали, по чьему плану — Чернышева или Тарасова — играем в очередном матче. Их единодушие в ответственные моменты, на мой взгляд, скорее всего, объяснялось тем, что ни тот ни другой не кончали не только Высшей школы тренеров, но и Института физкультуры. Поэтому в спортивных ситуациях они обязательно прислушивались к мнению друг друга, что лишний раз подчеркивало их взаимное уважение, хотя роли в сборной у них были разные: Аркадий Иванович был организатором, мозгом команды, а Анатолий Владимирович был силен в тренировочном процессе, поэтому чаще напарника проводил занятия, — делился воспоминаниями Виталий Давыдов. — Но главное, что объединяло Чернышева и Тарасова, — это то, что они были тренерами от Бога, с поразительной интуицией, пониманием игры; поэтому какими бы

путями они ни шли к высокой цели, часто ее достигали».

Анатолий Тарасов был величайшим мотиватором в истории хоккея. Главное его качество как тренера, пожалуй, состояло в том, что он всегда мог найти мотивацию, пусть даже пением или оскорбительными, задевавшими самолюбие игрока словами; но все-таки он убеждал в своих доводах коллектив, настраивал его не просто играть, а самозабвенно биться на льду.

Поскольку хоккей — это, по большому счету, классная игровая драма, позволю себе небольшое отступление. Блестящие наблюдения про актеров и сцену переложил на бумагу племянник великого Антона Павловича Чехова, актер и режиссер Михаил Чехов, который внес большой вклад в теорию театрального искусства.

(А ведь на тренировки Анатолий Владимирович часто приходил с томиком Чехова. Более того, не просто с рассказами, а с книгой писем Антона Павловича Михаилу. Казалось, вот ведь совпадение! Но тут нет ничего странного. Ведь, как уже говорилось выше, он брал с собой на занятия и труд основоположника российской актерской школы Константина Станиславского. Если вдуматься, то хоккей для Тарасова был больше, чем просто игра на льду с клюшкой и шайбой. Он воспринимал его как театр, со всеми его драматургией и страстями.)

Так вот, если коротко, то Михаил Чехов, автор хрестоматийной для театральных деятелей книги «О технике актера», писал, что среди актеров существует два различных представления о сцене, на которой они проводят большую часть своей жизни. Для одних сцена — не что иное, как просто площадка, пустое пространство, которое они буднично покидают, отработав спектакль. «Другие знают, что это не так. Они иначе переживают сцену. Для них это маленькое

пространство — целый мир, насыщенный атмосферой, такой сильной и притягательной, что они нелегко могут расстаться с ней и часто проводят в театре больше времени, чем это нужно, до и после спектакля. Всё, что было пережито ими за многие годы, приковывает их к этой сцене, всегда наполненной невидимым чарующим содержанием, им нужна эта атмосфера театра. Она дает им вдохновение и силу на будущее. В ней они чувствуют себя артистами, даже когда зрительный зал пуст и тишина царит на ночной сцене». Поразительно точно: одни игроки отрабатывают номер: денежки-то капают. Другие, как Харламов, воспаляют своей страстью себя и товарищей, не давая им расслабиться, ведут за собой.

«Хоккей — это всегда спектакль с сюжетом, не известным заранее никому. Сплошь и рядом матчи любого уровня и ранга преподносят сюрпризы, поражающие даже знатоков. За то, наверное, и любят эту игру во всем мире», — признавался Тарасов.

— Можно ли Валерия Харламова сравнить если не с голодным, то с ищущим художником, ведь великие произведения создаются в условиях драмы? — спросил автор этих строк у Владимира Винокура.

— Совершенно верно. Валера был настоящий художник и навсегда останется им. Он был артистом в своем деле. У него это был дар Божий от мамы с папой. Знаете, я как-то пришел к выводу, сравнивая то, что происходило с Валерой, когда он выходил на ледовую площадку, с тем, как преображался Аркадий Райкин, — ответил Винокур. — Райкин был за кулисами спокойный, больной, пожилой человек. И вот звучит объявление на сцене: «Выступает Аркадий Райкин!» И вдруг случается потрясающее преображение: на сцену выходит молодой, энергичный, сумасшедший артист великого дара. Так и у Валерки. Он не очень разговорчивый был в жизни. Он не был суперконтактный. Но как он

преображался, когда перескакивал через борт на лед! Этот неуловимый метеор вдруг оказывался просто летающей тарелкой какой-то. Валера для меня — явление.

Действительно, в этом ледовом театре Харламов был выдающимся актером при гениальном режиссере Тарасове. Именно Анатолию Владимировичу принадлежит знаменитая фраза, что «сытый хоккеист не может быть великим».

Кажется, что они взаимно гипнотизировали друг друга: лед — Тарасова и Тарасов — лед. Опять из Михаила Чехова: «На ней (сцене. — *М. М.*) они чувствуют себя артистами, даже когда зрительный зал пуст...»

Тарасов никогда не прощал игрокам передышки, игры «на малых оборотах», даже когда ЦСКА и сборная СССР выигрывали с разгромным счетом. «Почему забили десять шайб? — упрекал хоккеистов на скамейке запасных Анатолий Владимирович. — Должно быть одиннадцать, двенадцать...»

Умел Анатолий Владимирович и соригинальничать. Однажды перед началом чемпионата СССР ЦСКА проводил официальный матч на Кубок европейских чемпионов с весьма средненькой командой в одной из альпийских стран. Соперник был откровенно слабый, и шайбы сыпались в его ворота как из рога изобилия. Тарасову такой сюжет не понравился. Какая же это подготовка к первенству СССР? Какие это нагрузки? И вот в перерыве, перед началом третьего периода, он дал своим хоккеистам следующее напутствие: «Чтобы повысить нагрузку, даю новое задание — каждому хоккеисту играть с прыжками. Ведешь шайбу, только прыгая. Бросаешь, прыгая, назад откатываешься, прыгая. И обводишь соперника, опять же прыгая. И тот, у кого нет шайбы, тоже прыгает. Кто будет лениться, сниму с игры...»

И это происходило, повторим, не в товарищеской, а в официальной игре европейского кубка! Каково же было изумление публики и соперников, когда, едва выйдя на лед, советские хоккеисты вдруг стали прыгать на площадке, словно кенгуру. Зрители решили, что русские потешаются над ними. Прыгали и звезды, как Фирсов, и молодые, как Харламов. Что говорить, если прыгал даже вратарь Третьяк. Но и это не уберегло соперников ЦСКА от разгрома, а Тарасов был доволен тем, что его подопечным удалось «немного повысить нагрузку на льду».

«Тарасов — личность, он тренер, он всегда был тренером, наверное, и будет всегда тренером, и все отношения у него как у тренера. Я бы не сказал, где Тарасов тренер, а где он человек. Он всегда решал какую-то задачу. Он ставил цель и достигал ее. Какими средствами — он придумывал сам. А возьмите его афоризмы. Это же шедевры. Я всегда чувствовал, что в нем сидит неуспокоенность, что он что-то недоделал, недодал. В нем все время это было, он неуемный в этом смысле человек был. Это передавалось игрокам. Таких харизматичных людей после него не было. Даже больной, уже на кровати лежа, он все равно пытался какие-то вещи хоккейные рассказывать. Я хотел его подвигнуть на то, чтобы издать все его упражнения, которые он придумал. Он сказал: “Это — хорошая идея!” Но не успел. Ушел от нас», — вспоминал Владимир Богомолов.

Когда Тарасов в середине 1970-х годов работал в футбольном ЦСКА, его любимой фразой на тренировках было: «В чем дело? Не вижу крови!» (Кстати, зачем Тарасов «ввязался в футбол», до сих пор не совсем понятно. Его хоккейные методы не проходили на футбольном газоне. Армейцы-футболисты были в ужасе от упражнений с теми же блинами, которые им предлагал новый наставник.)

Не секрет, что при жизни Анатолий Тарасов имел много недоброжелателей из-за своего строптивного, конфликтного характера. «Тарасов, будучи великим интриганом и великим провокатором, был непревзойденный создатель конфликтов. Причем конфликт он использовал в качестве мотивации игроков. У Тарасова была фантастическая способность создавать конфликтную ситуацию, чтобы поставить игрока на место. И одновременно сделать так, чтобы игрок понял, какой он тренер великий. Это очень действенный педагогический прием. Были разные случаи. Например, Тарасов, когда в армейском дворце заливали лед с вечера, приходил в шесть утра, сыпал соль на площадку. Лед, разумеется, начинал таять. И вот в семь часов приходила команда, и Тарасов говорил, глядя на тающий лед: “Да что это такое происходит? Кто-то из вас тренироваться не хочет? Кто это сделал так, что лед растаял?” И устраивал сумасшедшие сверхнагрузки. Он был создателем конфликтов. И из этих конфликтов всегда выходил победителем, — признавался в беседе с автором этих строк Григорий Твалтвадзе. — В этом его отличие от Аркадия Ивановича Чернышева, который создал в “Динамо” такую атмосферу внутри команды, которая сама по себе позволяла избежать конфликтных ситуаций».

«Думаю, что Тарасов разрешал игрокам и курить, и выпивать. А потом просто умел этим пользоваться. Он мне всегда говорил: если в команде всё спокойно, ты должен создать конфликт. Создай его сам. Иначе ты проиграешь», — признавался Владимир Богомолов. В связи с тем, как Тарасов умело пользовался «проколами» своих подопечных, вспоминается эпизод, рассказанный одним из армейских ветеранов. В нем — правда, косвенно — оказался задействован и Валерий Харламов.

Как-то хоккеисты ЦСКА поехали на игру чемпионата СССР в Ленинград. Харламов в поезде немножко выпил пивка. Тарасов заметил это, но промолчал. Команда успешно добралась до Северной столицы и, разместившись в гостинице, отправилась на завтрак. Во время трапезы мэтр объявляет о том, что сейчас состоится собрание команды. «Ну всё, жди беды», — проносится шепоток. Харламов, почувствовав неладное, опустил голову.

Тут отвлечемся ненадолго, чтобы объяснить молодому читателю смысл таких «коллективных собраний» (партийных, комсомольских, профсоюзных и пр.) в советское время. Часто это был самый настоящий фарс. Главное было «пропесочить» виновного. Иногда это мероприятие превращалось в самую настоящую комедию: вспомните блестящий фильм Георгия Данелии «Афоня», где герою Леониду Куравлеву на собрании работников жэка пытались впясть выговор за очередное разгильдяйство. А иногда случались вещи посерьезнее. Кто-то смеялся, а кого-то увозили с таких собраний с инфарктом.

С присущим ему артистизмом, чередуя эмоциональную речь с мхатовскими паузами, Тарасов начал со слов, что «вчера в команде произошло ЧП». Валерий Харламов еще больше втянул голову в плечи: тренер ведь видел, как он пригубил пивка. И вдруг Тарасов произносит совершенно неожиданные слова — не те, которые ожидал услышать Валерий Борисович: «Вчера режим нарушил Мишаков». Харламов, потупивший до этого взор, начал медленно распрямляться. А Тарасов продолжил свою тираду: «Вчера Мишаков выпил в поезде спиртное».

Если найден «козел отпущения», теперь свое слово должна сыграть «свита короля». В нашем случае — массовка. Друзья прославленного нападающего, между прочим, неоднократно с ним тот самый граненый стакан

поднимавшие, как по команде принялись отчитывать «виновника торжества». Типа: «Женя, да как же ты так мог, перед ответственной игрой, да подвести своих товарищей. Ты подводишь, дескать, не только себя, но и команду». «Пропесочили» Евгения Мишакова — кое-кто, правда, еле сдерживая смех. Прозвучало предложение: наказать Мишакова, но из команды не выгонять. Тут Тарасов, выдающийся актер и режиссер в одном лице, выдержав гроссмейстерскую паузу, произнес в точном соответствии с «законами жанра»: «Ну, что нам скажет товарищ Мишаков?» А игрок вдруг неожиданно встал на одно колено и с надрывом в голосе обратился к Тарасову: «Отец родной, прости! Искуплю себя на поле». Из серии: не вели казнить, вели помиловать.

В зале воцарилась немая сцена. Потом раздался дружный смех. Армейцы едва не попадали со стульев. Улыбнулся и сам Тарасов: «Ну, паразит ты! Ну, паразит!»

А Мишаков в игре против СКА вышел на лед и бился, как лев. И защищался, и атаковал, забросив в той игре три шайбы. Говорят, что в раздевалке после этой вдохновенной игры Мишакова Тарасов обронил такую фразу: «Всем, что ли, разрешить пить?»

Впоследствии выяснилось, что в поезде действительно пили. Подсобили ехавшие на игру ЦСКА в последнем купе вагона уже немолодые болельщики, среди которых оказался дядя Евгения Мишакова. К ним зашли на огонек Мишаков и Рагулин. Как водится, честной компании «не хватило». В качестве гонца определили Палыча — легендарного защитника, самого титулованного в истории мирового хоккея. Рагулин долго не возвращался. Мишаков пошел на поиски товарища по команде, не нашел его в вагоне, постучался в туалет. Туалет был закрыт. Начал бить по двери: мол, Шура, открывай, ты там в одиночку, что ли,

пьешь? Дверь наконец-то открылась. Из туалета вышел не кто иной, как Анатолий Владимирович Тарасов. Тренер шутку хоккеиста оценил не до конца. После собрания было решено временно, чтобы, как говорится, ощутил последствия, перевести хоккеиста Мишакова со ставки в 220 рублей — это был высший разряд для хоккеиста — на «жалованье инженера» в 120 рублей.

Не всем нравилось, что легендарный тренер, благодаря которому мы обязаны появлением в нашей стране «Золотой шайбы», открывшей сотни талантливых мальчишек, не умеет спокойно переносить незаслуженные обиды. Что он, уже находясь на пенсии, не удовлетворяется достигнутым, стремясь советовать своим последователям, как сделать игру ЦСКА и сборной еще лучше. Беспокойный Тарасов после своего увольнения из ЦСКА пытался вмешаться в работу своих наследников по клубу и сборной.

В канадском музее истории и славы хоккея в Торонто прослежена вся история этой игры. Там удостоены чести и памяти немногие из избранных, лучшие из лучших, выдающиеся игроки и тренеры. И там, где до определенного времени даже не были увековечены американцы, игравшие в канадских командах, но не являвшиеся гражданами Канады, в 1974 году поместили художественный портрет Анатолия Тарасова. Его сопроводили таким текстом: «А. Тарасов — выдающийся хоккейный теоретик и практик, внесший огромный вклад в развитие мирового хоккея. Мир должен благодарить Россию за то, что она подарила хоккею Тарасова». Анатолий Владимирович стал первым в истории европейцем, удостоенным права войти в Зал избранных. Лишь спустя годы туда приняли многолетнего главу ИИХФ, британца Джона Ахерна.

«Его приглашали работать в Америку на три миллиона долларов в год. Когда он умер, на его счету была одна тысяча долларов, — вспоминала дочь

хоккеиста Татьяна Анатольевна Тарасова. — Я до сих пор думаю: если бы отец уехал в Америку, он бы не умер так рано. Но его не отпускали, даже не говорили о предложениях, которые поступали. В родной стране его сначала погубили как профессионала, лишив возможности работать. А потом как человека — по халатности заразив при проведении осмотра смертельной инфекцией». Умер Анатолий Владимирович Тарасов 25 июня 1995 года...

Так каковы были на самом деле отношения Анатолия Тарасова с Валерием Харламовым? Одной краской их, как говорится, не помазать.

«Это потом стало: Валерик мой, Валерчик. А на первых порах он ему спуску не давал. Тарасов — это фигура уникальная, выдумщик. Нельзя сказать, что он был самодур. Но Тарасов мог перешагивать через людей во имя командных интересов», — признался в беседе Вадим Никонов.

После смерти одного из своих наиболее талантливых воспитанников Тарасов написал большую статью для сборника «Три скорости Валерия Харламова» с самыми восторженными отзывами в его адрес. Но будем честными перед читателем, вспомнив и другое. Были и абсолютное неверие Тарасова в него, «щуплого и тоненького», и обидное прозвище «Конек-горбунок», которое благодаря Тарасову прилепилось к Харламову в начале карьеры. Был демонстративный отказ взять его в Японию. Была, наконец, «чебаркульская ссылка», которая уже потом стала восприниматься как «благополучно завершившаяся командировка».

Однажды, находясь на предсезонном сборе в ГДР в конце 1960-х, армейцы во время тренировки играли в гандбол. В ходе одного из единоборств Валерий Харламов столкнулся в воздухе с Виктором Кузькиным, и поскольку разница в габаритах у защитника и

нападающего была существенной, то первый со всего лета шлепнулся прямо в грязь. Поднимаясь с газона и отряхиваясь, Харламов выругался в сердцах, что случилось с ним довольно редко. И хотя Тарасов находился в нескольких десятках метров от этого эпизода, эмоциональный всплеск в поведении молодого игрока он заметил, подозвал Харламова к себе и выгнал с тренировки. Тот, опустив голову, уныло побрел в раздевалку. Но это было только начало. Мэтр назначил собрание, на котором Харламова «песочили» и тренер, и ветераны. Как говорят, «промывали мозги» чуть ли не целый час. «А знаете, сколько за час можно высказать игроку. И самый великий мой грех заключался, по мнению тренера, как раз в том, что я обругал старшего товарища, ветерана команды. Это был, по глубочайшему убеждению Тарасова, ужасный проступок, недостойный хоккеиста ЦСКА», — вспоминал Валерий Харламов в автобиографии.

А был в их отношениях и вообще оскорбительный эпизод для такого таланта, как Харламов, когда Тарасов со страниц всесоюзной прессы буквально заклеил Валерия Харламова после игры с «Химиком» в 1975 году. О нем мы расскажем чуть позже. Так что определенное и довольно значительное время отношение Анатолия Тарасова к Валерию Харламову было отнюдь не таким «розовым», как можно представить, читая упомянутый очерк мэтра.

И все же именно Анатолий Владимирович Тарасов сыграл решающую роль в судьбе Валерия Харламова, приложив много усилий и потратив много времени на то, чтобы «форвард № 17» стал подлинной звездой мирового хоккея. «На мой взгляд, Тарасов дал Харламову понимание того, что такое хоккей как смысл жизни. Я думаю, что Тарасов во многом, конечно, изменил бесшабашный стиль и отношение Харламова к жизни, все-таки он был для него сдерживающим

моментом. Не только для него. Думаю, что в силу обстоятельств, и субъективных, и объективных, многие из них покатались бы с катушек раньше, если бы не вот такая бульдожья хватка Анатолия Владимировича. Как говорят, если спортсмену, футболисту, хоккеисту — 20 лет, ты его уже ничему не научишь. Поэтому, наверное, если Ерфилов научил Харламова хоккею как таковому, его азам, то Тарасов научил его хоккею как некоему жизненному процессу: что такое команда, как воплощать в жизнь некие тренерские концепции, что такое тактика», — убежден Григорий Твалтвадзе.

Постоянное общение с игроком в ходе многочисленных зарубежных турне укрепило комментатора Владимира Писаревского в том, что Валерий Харламов обладает своей сложившейся философией игры. В основе ее лежали упорство и терпение на ледовой площадке, помноженные на безусловный талант и природные данные, которые направил в нужное русло Анатолий Тарасов.

«Из комментаторской трибуны складывалось впечатление, что Валера всегда играл легко и свободно, у него не было никакой заикленности на каких-то схемах или жестких игровых рамках. Он всегда старался что-то придумать, творить, даже когда только попал в основу. А у Тарасова не забалуешь, попробуй не выполни указание тренера в ЦСКА, моментально вылетишь из основы. Выходит, разглядел в нем искру армейский наставник», — уверял Писаревский, который наблюдал за Харламовым не только во время первых игр, но и на тренировках команды ЦСКА в конце 1960-х.

...Мало кто сейчас вспомнит, кому из больших начальников пришла в голову мысль создать пару Чернышев — Тарасов. Достоверно известно, что Тарасова и Чернышева перед тем, как назначить на работу тренерами сборной СССР, вызвали в ЦК КПСС и доходчиво объяснили им, что вся их дальнейшая работа

должна строиться на принципах товарищества и взаимного уважения друг к другу.

Их внешнее отличие проявлялось действительно во всем, начиная с манеры одеваться на тренировках. Аркадий Иванович Чернышев, как правило, был в своем неизменном на протяжении многих лет шерстяном спортивном джемпере, надетом под пиджак. Появлявшийся на публике во всем черно-сером, он как бы подчеркивал, что предпочитает находиться в тени. И совершенно по-иному выглядел Тарасов: часто в броском спортивном костюме с буквой «Т» — первая буква фамилии на спине, там, где у хоккеистов обычно пришивались номера. Эта куртка, пошитая по заказу Тарасова после скандального матча ЦСКА-Спартак в 1969 году, когда он, на глазах у Брежнева, увел армейцев в раздевалку, действовала, как красная тряпка на быка, на его недругов. «Что он себе позволяет, совсем распоясался», — говорили некоторые спортивные функционеры.

Аркадий Иванович во время матчей стоял или сидел на месте, почти не произносил фраз, лишь изредка своим негромким голосом делая короткое замечание сменившемуся игроку. Ему не было равных в таланте дирижировать игрой, в принятии решений, какое именно звено выпустить на площадку в тот или иной момент игры. Прекрасно зная достоинства и недостатки каждого из игроков, он находил нужные слова в самом пылу игры, когда хоккеист, казалось, не слышит ничего, кроме внутреннего голоса и отчаянно бьющегося сердца. Ему не было равных в умении общаться с новобранцами сборной.

Аркадий Иванович был внимателен к игрокам, жил их заботами. Не случайно они приходили к наставнику не только по хоккейным делам, но и, как говорится, «излить душу», зная, что тренер выслушает их со вниманием, подскажет советом, и если это зависит от

него, то обязательно поможет. В отличие от Тарасова Чернышев был неизменно сдержан и корректен, при этом часто смягчал эмоциональные, порой излишне резкие выпады в адрес хоккеистов своего напарника, тем самым снимая у игроков психологическое напряжение.

«Аркадий Иванович отличался от других тренеров тем, что позволял творить. У Тарасова всё было зажато в правило, как в армии: “Туда не ходи, сюда не беги”», — признавался Александр Мальцев.

«Тарасов с Чернышевым не были друзьями. Но уважали друг друга, оба были полковниками. Нынче говорят исключительно про Тарасова, а главным-то в сборной был Чернышев! У Чернышева интуиция была невероятная — кого и когда выпустить», — вспоминал Игорь Тузик.[31](#)

«Аркадий Иванович почти не повышал голос, да это ему и не требовалось. Сама манера его поведения — уравновешенная, мудро-спокойная, уверенная — благотворно действовала на коллектив. Чернышева, по моему, ничто не могло вывести из себя, — писал в своей книге «Хоккейная эпопея» Владислав Третьяк. — Однажды во время олимпийского турнира в Саппоро один из соперников нашей команды явно умышленно, желая как-то нас раздражить, спровоцировать, бросил шайбой в Аркадия Ивановича, который стоял у скамьи. Чернышев даже не переменял позы: как стоял, облокотившись о бортик, так и остался стоять. А хулигана того, к слову сказать, наши ребята крепко проучили».

Хоккеисты советской сборной вспоминают, что это умение Аркадия Чернышева владеть собой, сохранять невозмутимость даже в самые трудные минуты матча, это подчеркнутое спокойствие передавались команде и часто выручали даже тогда, когда ничья и тем более победа казались недостижимыми и совсем

безнадежными. «Раз тренерская мысль работает четко и ясно, раз мы живы и здоровы и полны сил, значит, судьбу еще можно переломить. Да мы и переламывали ее нередко... За историю своего существования сборная СССР девять раз подряд побеждала на мировых чемпионатах. И все эти девять раз старшим тренером был Чернышев. Уверен, что именно это свойство характера Аркадия Ивановича сыграло тут очень существенную роль», — полагал Борис Майоров.

Аркадий Иванович больше всего ценил в хоккеистах яркую индивидуальность, с отеческой заботой опекал и буквально пестовал каждого талантливое спортсмена. Тот, кто учился у него хоккею, подтвердит, что Аркадия Ивановича нельзя назвать просто тренером. Многие хоккеисты сборной СССР и московского «Динамо» считали его своим «вторым отцом». Его исключительные чуткость и доброта нарушали, казалось бы, традиционно-привычные отношения, которые, как правило, складываются между тренером и спортсменом. «Он сразу же стал для меня очень близким человеком, с которым я всегда спешил поделиться радостью, у которого находил поддержку при неудаче», — признавался автору этих строк Александр Мальцев.

Талант выдающегося педагога и тренера у Аркадия Чернышева сочетался с удивительной скромностью. Его отличали сдержанность и корректность. Он не писал книжек и не любил светиться в прессе, как сказали бы сегодня, совершенно «не умел пиариться». Может быть, поэтому о его выдающейся роли в становлении отечественного хоккея и клуба «Динамо» мало знает молодое поколение болельщиков. От Аркадия Ивановича невозможно было услышать сетований: «Вот были люди в наше время...» А ведь ему было о чем вспомнить и рассказать.

Самое поразительное состояло в том, что у Аркадия Ивановича Чернышева не было специального хоккейного образования. Это был тренер-самоучка, который доходчивыми словами умел доносить до начинающих советских хоккеистов представления о новой и совершенно незнакомой для них игре. Учил их, и сам не стеснялся учиться. Именно эти навыки позволили Аркадию Ивановичу, будучи тренером сборной, в итоге выиграть четыре зимние Олимпиады, 11 чемпионатов мира, а с «Динамо» — два чемпионата СССР. В тандеме с Анатолием Тарасовым они более двадцати лет были главными теоретиками и практиками хоккея с шайбой в Советском Союзе. Именно при Тарасове и Чернышеве сборная «второго поколения» советских хоккеистов, тех, кто играл под их руководством в 1960-е, заложила основы принципов ведения коллективной игры нашей национальной команды. Как можно быстрее добиться успеха, психологически надломить соперника, а уж потом спокойно доводить матч до победы. При этом играя по принципу мушкетеров — «один за всех и все за одного». За себя, за своего товарища и за честь страны.

Скорее, не тактические новинки, привнесенные Аркадием Ивановичем в хоккей, а именно его уникальный педагогический дар вспоминают сегодня те ветераны, кому посчастливилось играть под его руководством. Он верил в игроков, доверял им. «Человеком Аркадий Иванович был интеллигентным и остроумным. Ребята его любили. Одним своим присутствием Аркадий Иванович как бы расцветивал нелегкие хоккейные будни, создавая благоприятный эмоциональный фон. Был он добрый (не добренький, не мягкотелый), умел, когда надо, сгладить углы», — говорил о нем Николай Эпштейн.

«Валере работать с Аркадием Ивановичем было легко и радостно, — вспоминал Александр Мальцев. —

Чернышев давал Харламову творить, не ограничивал его в возможностях импровизировать. У Валеры, когда он приезжал в сборную, будто открывалось второе дыхание». Собственно, и сам Харламов говорил об этом:

«Аркадий Иванович, в отличие от Анатолия Владимировича, легко отходит, он мягок, вежлив, неизменно спокоен — по крайней мере, внешне. Он всегда сдержан и корректен. Чернышев умело успокаивает хоккеистов, смягчает темпераментные, порой излишне резкие тирады коллеги, он весьма осмотрителен в выборе выражений и, кажется, никогда ничего не делает и не говорит, не взвесив предварительно все возможные “за” и “против”. Громадное достоинство Чернышева — умение дать совет в такой форме, будто бы ты сам додумался до этого решения. Главный принцип Аркадия Ивановича, лейтмотив всего его поведения, отношений с людьми — спокойствие. Он иначе настраивает ребят перед матчем, искусно снимает неизбежное психологическое напряжение, вносит некую утишающую, если можно так выразиться, струю».

«Я не думаю, что Аркадий Иванович Чернышев мог бы чему-нибудь научить Харламова, не потому что он не мог. Просто поздно было учить. Главное, не мешать было. И это понимал Аркадий Иванович. Он был величайший тренер, он был самый великий тренер из всех тех, кто вообще тренировал в хоккее. Потому что никому, кроме него, в истории не довелось стать четырехкратным олимпийским чемпионом. Никому! Чернышев прекрасно понимал, что в сборной можно отработать тактику, но никак не индивидуальное мастерство», — полагает Григорий Твалтвадзе.

Для Чернышева после его увольнения из сборной настали трудные времена. Он еще пару лет потренировал «Динамо» и тихо ушел из клуба, который сам же основал. Точнее, его «ушли»: в октябре 1974

года Чернышева после двадцати восьми лет руководства клубом «попросили» на пенсию. Формальный повод действительно был — динамовскому наставнику как раз полгода назад исполнилось 60 лет. И хотя он еще некоторое время входил в тренерский штаб сборной, имя его все реже мелькало в прессе.

Когда в 1992 году в некоторых газетах появилась заметка о кончине Аркадия Ивановича, многие болельщики удивились — неужели он до сих пор был жив? О Чернышеве позабыли даже во время празднования побед «Динамо» на стыке 1980-1990-х годов, когда этот клуб под руководством Владимира Юрзинова спустя 30 с лишним лет снова стал лучшим в СССР.

А между тем Чернышев, почти всеми забытый, более десяти лет коротал свои дни полупарализованный в своей небольшой квартире рядом со станцией метро «Войковская». С ним часто созванивался и приходил в гости Александр Мальцев, и хоккеисты знали, что если надо узнать о Чернышеве — лучше всего спросить у Саши.

Беда с Чернышевым произошла в 1983 году, когда Центральный совет «Динамо» проводил торжественный вечер по случаю шестидесятилетия спортивного общества. Туда пригласили всех заслуженных ветеранов и некоторых действующих спортсменов, прославлявших «Динамо» на протяжении нескольких десятков лет. Кому, как не Чернышеву, который создал хоккейное «Динамо» с нуля, вывел его в первые чемпионы СССР, заложил на десятки лет вперед основы стиля команды, наконец, создал динамовскую детско-юношескую школу, сейчас носящую его имя, должно было быть уделено приоритетное внимание? Но в отличие от других ветеранов, которым раздали правительственные ордена и медали, создателя хоккейного «Динамо» «отблагодарили» обычной

грамотой. Из разряда тех, которые дают отличившемуся школьнику или студенту на спортивных соревнованиях. Такова была благодарность родного спортобщества выдающемуся тренеру. (А ведь он прославлял не только родной клуб, но и страну!) Это сильно задело самолюбие наставника, который, будучи замкнутым и спокойным человеком, все беды и неудачи переживал внутри себя, не делаясь ни с кем своими эмоциями и переживаниями. Аркадий Иванович, не дожидаясь окончания торжеств, поехал домой. Поставил машину в гараж и с горя выпил полстакана водки. До своего подъезда он так и не дошел. Неожиданно упал, сраженный инсультом, и долго пролежал на земле в сквере, пока сыну Борису не сообщили об этом.

«Чернышев так и не оправился от этого, утратив всякий интерес к жизни. Мы, конечно, не забывали о нем, часто навещали своего замечательного тренера, тем не менее помочь ему уже ничем не могли, — вспоминал Виталий Давыдов. — Аркадий Иванович принадлежал к сильным натурам, в жизни стойко перенес не один нокдаун, но не смог пережить оскорбление, полученное от чиновников родного общества. Чернышев в нашей памяти останется навечно».

Выдающегося наставника «Динамо» и сборной СССР похоронили на Ваганьковском кладбище. Два раза в год в день его рождения и на годовщину смерти сюда съезжаются прославленные ветераны, те, кто тренировался под его началом, простые болельщики, приходящие отдать дань уважения этому удивительному человеку и тренеру. Кстати, недалеко находится могила его напарника по сборной Анатолия Тарасова...

О Борисе Павловиче Кулагине и о том, что именно он открыл хоккейному миру Харламова, уже говорилось в этой книге. Кстати, вечный покой он, как и Харламов,

обрел на Кунцевском кладбище, где находится его скромная могила. Отношение игрока к «Бобу» было всегда уважительным, несмотря на то, что он возглавил в 1971 году принципиального соперника армейцев — команду «Крылья Советов». А в 1979-м — «Спартак», с которым у ЦСКА, как известно, «особые счеты».

...Валерий Харламов планировал связать свою жизнь после ухода из большого хоккея с профессией тренера. Но тренера детского. «Ни за что бы не хотел тренировать ту команду, в которой столько времени провел как игрок. Лучше с детьми», — признавался он в 1979 году.

Говорил, что мечтает взять две-три черты, два-три навыка у каждого из тренеров, с которым работал дольше всего. «У Анатолия Владимировича Тарасова я постарался бы перенять его неиссякаемую выдумку, ярче всего проявляющуюся в организации тренировочного процесса, взял бы его беззаветную преданность хоккею. У Аркадия Ивановича Чернышева — спокойствие, уравновешенность, внимательный, заинтересованный подход ко всем хоккеистам. У Бориса Павловича Кулагина — умение поговорить с каждым игроком в отдельности и убедить его в правильности тренерского замысла. Я не раз убеждался — если кто-то не согласен с идеей Кулагина о той или иной тройке, то Борис Павлович непременно сумеет объяснить, почему важно и перспективно именно такое формирование звена», — писал Харламов.

Увы, злодейка-судьба распорядилась иначе. Великий игрок не стал выдающимся тренером...

Глава 8 ВСЕНАРОДНАЯ СЛАВА

Почему во всем мире до сих пор вспоминают о великом противостоянии канадцам советской хоккейной дружины в 1972 году? Потому, что это была великая команда, не побоявшаяся бросить вызов сборной ярких и индивидуально сильных игроков. Именно так, она была Командой с большой буквы. Дружиной былинных хоккейных богатырей, в которой талант таких игроков, как Харламов, Третьяк, Мальцев, Якушев, Михайлов, Петров и других, не раскрылся бы без помощи и поддержки их товарищей.

В этой сборной мог солировать каждый. «Мне кажется, что наибольшего расцвета, филигранности, удивительного спортивного азарта наша сборная достигла тогда, когда за нее выступал Харламов. Валера был душой той команды», — вспоминал Лев Лещенко. Меткое наблюдение. Лещенко не выделил Харламова отдельно. А заметил, что он был душой и сердцем Команды. Игроком, которого трудно представить вне рамок этого сплоченного коллектива.

После уже упоминавшегося в этой книге художественного фильма серия 1972 года у многих стала олицетворяться в первую очередь с «номером 17». Молодые зрители, которые не застали на льду Харламова, посчитали, что суперсерия сборной СССР была выиграна. И выиграл ее Харламов. А другие игроки, дескать, были у него на подхвате.

Это представление глубоко ошибочно и ранит других игроков той сборной. Серию игр с канадцами «суперсерией» сделала именно команда, на груди хоккеистов которой сияли алые буквы — СССР. За которой стояла великая, «жившая накалом этих поединков» страна. Команда тренеров, игроков, врачей,

обслуживающего персонала, в которой каждый сражался за родину, за своего товарища, за свое доброе имя. Они доказали, что в хоккее действительно играют настоящие мужчины. Благородные, отважные, не боящиеся провокаций со стороны маститого и обозленного противника.

Книга, которую держит в своих руках читатель, в первую очередь и создавалась автором в целях просвещения. Для того, чтобы объяснить молодым и напомнить людям, видевшим игру советских хоккеистов, что победу сборной СССР приносили не отдельные игроки, а сильная духом и очень сплоченная команда мужиков. Коллектив мушкетеров-единомышленников во главе со своими стратегами-командирами.

В силе коллективизма были заключены главный успех и главная «тайна» советских хоккеистов. В коллективизме, помноженном на искренний, а не на пафосный и вычурный патриотизм. «Каким запасом прочности, каким запасом воли и силы должна обладать команда, чтобы на протяжении десятилетия крепко держать в своей руке руку непостоянной, а ветреной славы? Она постоянно изменяла нашему футболу и почти всегда оставалась верной хоккею. Она, подобно женщине, ценила постоянство, мужество и силу. Она выбирала личность и коллектив, как единение незаурядностей», — очень точно сказал о секрете побед советской сборной ее врач Олег Белаковский.[32](#)

О взаимовыручке и коллективизме сборной тех лет лучше всего свидетельствует пример, приведенный в одном из интервью космонавтом Алексеем Леоновым, который часто общался с игроками и тренерами сборной СССР: «После победы на одной из Олимпиад хоккеистам впервые предложили премиальные. 370 долларов. Не достались деньги лишь Анатолию Тарасову. Мол, не положено тренеру, не играл. Так вся

команда в знак протеста от поощрения отказалась. Разве сейчас такое возможно?»[33](#)

Об этом никогда не стоит забывать молодому поколению хоккеистов, которые непременно продолжат славные традиции отечественного хоккея. Советская хоккейная сборная тогда, в 1972 году, раз и навсегда продемонстрировала миру, что коллективизм может свернуть горы, дав потрясающий урок индивидуалистическому видению игры. Не случайно этот принцип потом брали на вооружение хоккейные специалисты из других стран. Самые яркие примеры — сборные Финляндии и Швеции, начавшие играть в «советский» коллективный хоккей. Да и американцы, которые в 2000-е годы, по сути, начали выстраивать у себя, как в клубе ЦСКА Тарасова, вертикальную систему подготовки молодых хоккеистов. Где главный тренер основной команды может наблюдать и наблюдает, как растёт игрок в системе клуба.

А теперь несколько слов персонально о нашем герое. Суперсерия 1972 года продемонстрировала хоккейному миру уникальные возможности Валерия Харламова. Многие эксперты называют эти игры «бриллиантовыми в блестящей карьере уникального советского хоккеиста». «Он всё делал естественно, без натуги, в моменты его лучших игр от него словно исходила какая-то аура. После серии 1972 года с канадцами Валера, пусть не обидятся на меня другие игроки, был едва ли не самым обожаемым и популярным советским спортсменом. Не зря его признали хоккеистом года и он вошел в десятку лучших спортсменов СССР», — отмечал знаменитый спортивный комментатор Владимир Писаревский.

Соглашусь с этим мнением. 1972 год для 24-летнего хоккеиста стал, пожалуй, самым ярким в карьере. Золото Олимпиады и чемпионата СССР — турниров, где он стал лучшим. Блестящая игра в суперсерии. Титул

лучшего хоккеиста года в СССР. Играть с канадцами, а это было самое трудное испытание для любого хоккеиста, ему понравилось. Спортсмены знают: показывать всю глубину своего таланта именно в поединках с самыми сильными — удел действительно большого мастера. Добавим, что в 40 играх против канадских профессионалов за свою карьеру Валерий Харламов набрал 48 очков, забив 19 голов и сделав 29 результативных передач.

Душа радовалась. Впереди была счастливая жизнь. Популярность в стране была огромной.

По окончании сезона друзья «зажигали» целую неделю на тогда еще холостяцкой квартире Мальцева. В известном ресторане «Золотой колос», что был на ВДНХ, купили 248 бутылок полусладкого шампанского — больше двадцати ящиков! Знакомый Мальцева по имени Марик помог транспортировать их на восьмой этаж мальцевской «однушки». Затем началось самое приятное: полусладкое «Советское шампанское», под любимый пшик, а игристое они называли «пшиком», лилось в мальцевскую ванную, пока та не заполнилась до краев. Проверили и убедились: в советскую ванную помещается действительно 248 бутылок «Советского шампанского», как уверяли старшие товарищи!

«Пойми, когда молодые люди приезжают: один из Горького, как Валера Васильев, другой из богом забытого Кирово-Чепецка, перед ними открываются широчайшие горизонты, — признавался в беседе Мальцев. — Плюс новые друзья. Один Харлам с его широкой душой чего стоил. Плюс, — Мальцев выдерживает свою любимую паузу, — появляются маленькие денежные знаки».

Историю эту Александр Николаевич рассказывал в апреле 2014 года. В кабинете своего старшего друга, трехкратного олимпийского чемпиона Виталия Давыдова. Через несколько дней после юбилея

Давыдова и за пару недель до юбилея — 65 лет! — самого Мальцева.

— И что, всё выпили? — уточняю у Мальцева, не скрывая изумления.

— А что тут такого? — в свою очередь удивляется двукратный олимпийский чемпион. — Люди приходили, уходили, целую неделю дегустировали. — Мальцев взял паузу и мечтательно произнес: — Вкусное тогда полусладкое было...

Судя по всему, дегустация тогда прошла успешно. Ведущие сплетники Москвы трубили по сарафанному радио о шампанском в ванной Мальцева несколько месяцев.

Компанию им с Харламовым часто составлял Валерий Васильев. Душа-человек, глыба, который, конечно же, заслуживает своей отдельной книги-биографии.

При всей своей несокрушимой силе Валерий Васильев никогда не бил соперника исподтишка, не начинал драку первым. Этот благородный хоккеист и человек был хорош не только силовыми приемами. Мало кто из игроков обладал такой заряженностью на борьбу и умением завести партнеров в самые трудные минуты игры. Во многом благодаря авторитету и классу Александра Мальцева и Валерия Васильева гораздо менее звездное «Динамо» успешно противостояло непобедимому ЦСКА в чемпионатах СССР в 1970-е годы.

Простой в общении, непосредственный и веселый человек, сначала в «Динамо», а затем и в сборной СССР, соответственно, он подружился с близкими себе по духу Александром Мальцевым и Валерием Харламовым. Шутник, душа компаний, Валерий Васильев как бы дополнял молчаливого Александра Мальцева.

«Ты можешь себе Сибирь представить в человеческом образе? — неожиданно спросил в беседе Григорий Твалтвадзе, смутив автора этих строк. — Так

вот это махина. Со всеми ее плюсами и минусами. Со всем ее неисчерпаемым богатством. Для меня это он, Валерий Иванович Васильев. Я не видел в жизни более сильного защитника. Да, конечно, многие могут похвастаться, что его когда-то обыгрывали, что из-под Васильева забивали, но нет таких защитников, из-под которых не забивают. Но в целом, постоянно это было сделать невозможно. Все, кто противостоял ему, ошибались».

«С Мальцевым и Валерой Васильевым они хорошо гуляли, — вспоминал Вадим Никонов. — Васильев говорил, когда собираемся; и начиналась то шампанского “струя”, то винная. Но я при этом не присутствовал. Здоровья у них вагон и большая тележка было, я просто поражаюсь их выносливости. Мне с ними было не тягаться. Однажды я попал к ним, Валере и Саше, в гости после окончания чемпионата мира в начале 1970-х. Так они трое суток по Москве меня по заведениям возили. Я как раз от армии у Валерки тогда скрывался в Тушине. Однажды пришлось с балкона на балкон перелезть на седьмом этаже. Дверь захлопнулась, а ключи были внутри. Ну, недолго думая, Валерка меня связал веревкой, привязал к балкону соседа, я и полез. Удачно. Жив, как видите».

«Встречались десять-пятнадцать игроков из разных команд на улице Горького у ресторана “Якорь”. И говорили: “Сегодня у нас выходной день. Следующая игра через неделю. Давайте устроим праздник. Какая сегодня будет первая струя — шампанское или вино? А может быть, водочка”. Начинали с шампанского. По нарастающей. И пили одно шампанское. Рассчитываемся на эники-беники: на кого выпадет, тот и платит. Выпадало на какого-нибудь одного игрока. Он платил в первом заведении. Потом заходили в следующий ресторан. Тот, кто платил, уже вне игры, больше не рассчитывается. И таким образом шли до

конца улицы Горького, заходя во все попутные заведения. Кто уже не мог идти, вызывали такси, шоферу давали записку с адресом, и человек уезжал», — вспоминал Валерий Васильев в интервью для документального фильма о Валерии Харламове.

«Эти походы или “винные струи”, как говорил Валера Васильев, у нас были легендарными, — улыбаясь, вспоминал в беседе двукратный олимпийский чемпион Владимир Лутченко. — Были для нас большим праздником. Мы, армейцы, и динамовцы всё время жили на сборах, нас выпускали домой, естественно, сразу же стремились встретиться. Мы, армейцы, а от динамовцев Сашка Мальцев, Валерка Васильев, Юра Репс, другие ребята. В игре мы могли быть противниками. После игры мы общались тепло, по-дружески. И на природу выезжали. И в рестораны. В столице обходили заведения не только на нынешней Тверской. Мне тогда квартиру на Калининском проспекте дали (ныне — Новый Арбат), помог Анатолий Владимирович Тарасов после двух титулов чемпиона мира. Дверь, я вам скажу, в нее никогда не закрывалась, хотите верьте, хотите нет. И вот однажды динамовцы намекают, мол, пора. Что-то давно не встречались. Сами понимаем, как-то мы засиделись на сборах. А у нас матч на кону со “Спартаком”. Говорим Боре Михайлову: “Сходи, спроси у Тарасова, может, отпустит нас на побывку”. До Тарасова не дошел, дошел до Кулагина. Ну, Борис Палыч и говорит: “Вот завтра выиграете, дам вам два дня на разграбление города!” В то время мы даже не знали, что такое премия. Мы же армейцы. Отпустили на два дня, уже счастливы были по самые уши. Но и задача в то время одна была. Только победа. Только первое место. Пришлось выигрывать у “Спартака” без вопросов. Вот тогда и устроили с динамовскими поход. От пивбара “Жигули” в начале Калининского до самой “Метелицы” с посещением всех заведений по пути. И

потом с заходом на Садовое кольцо. В лабиринт, как мы говорили. Но без экстремизма, по чуть-чуть. Для нас главное было не в количестве выпивки. А в общении, юморе, веселье, оттого, что молодые и вся жизнь впереди. Были свои дозы юмора, веселья, алкоголя».

«— Шампусика у нас было море, — признавался в беседе Александр Мальцев. — В паузах между играми, когда давали выходной, собирались наверху улицы Горького, нынешней Тверской. И шли вниз. Так легче было. От Белорусского вокзала до Красной площади.

— По прямой?

— Зачем по прямой. Наискось. Перебежками. — Непонятно, говорит ли Александр Николаевич правду или шутит, как умеет и любит. — Дорогу переходили туда-сюда, там, где были заведения. Брели бутылку шампусика. Было нас обычно человек шесть-восемь. Два Валеры: Харламов и Васильев, игроки из разных московских команд. Иногда к нам присоединялись актеры и спортсмены. Дружба между спортсменами и артистами в 70-е годы была крепкой, искренней, прочной. Много в одном кафе и ресторане не пили. Бутылку шампусика на всех. По пятьдесят шесть грамм.

— Почему по пятьдесят шесть грамм? Обычно в компаниях говорят: пьем по пятьдесят капель, — интересуюсь я.

— Это было нашим старым добрым выражением, проверенным паролем, поговоркой, — улыбается Мальцев».

Любили игроки и «подколоть» родственников. «Помню, как в начале 1970-х годов в СССР только-только появились парики. И одними из первых в Москве их раздобыли Валерка и Саша Мальцев. Недели они их, подходя к нашей квартире, и позвонили в дверь. Мама открыла и обомлела. Стоят какие-то длинноволосые парни. Валера ей сказал: “Мама, это же мы с Сашей”. Мама была настолько потрясена, что ответила ему что-

то в запале на испанском. Вообще, он ее иногда сильно разыгрывал. Придет после игры, зайдет в квартиру и хватается то за руку, то за сердце. Стонет: “Ой-ой”. Мама подойдет к нему: “Валерочка, что с тобой? Тебя опять на льду ударили?” А Валера распрямится — и как затынет: “Ой, цветет калина в поле у ручья, парня молодого полюбила я”», — вспоминала Татьяна Харламова.

Веселились молодые чемпионы здорово, с юморком. Но, как сейчас говорят, действительно «без экстремизма», с шутками да прибаутками. Мальцеву принадлежит легендарная фраза: «Мы пили, но мы и играли». А кто не верит, пусть, как говорится, «посмотрит на табло». На огромное количество титулов, завоеванных этими легендами.

Их любила вся страна. Парни брали пример с этих мужественных атлетов, девушки мечтали о том, чтобы у них были такие кавалеры, как эти славные чемпионы.

«Когда после игры мы выходили на улицу, нас всегда ждало огромное количество болельщиков. А когда выходил Харламов — это было не передать словами. Он был самым популярным. Тем более он никому не отказывал в автографе, никому не говорил: “Мне некогда, я сейчас пойду”. Тогда не было бандюков, никто не вел себя по-хамски. Да, мог подойти подвыпивший человек. Валера очень доброжелателен был и к таким, мог с ними выпить, и человек был счастлив оттого, что Харламов с ним поговорил», — вспоминал Сергей Гимаев.

«Популярность у хоккеистов тогда была сумасшедшая. Поклонницы везде стояли, их ждали. Вот, например, идут ребята с тренировки или игры, а там стоят, уже их ждут девочки прямо в шеренгу. Перед игрой их встречали. Как сейчас певцов встречают, так тогда их встречали. Они всегда подъезжали чуть пораньше, но девочки уже там стояли. Валера,

несмотря на такое внимание и девичью навязчивость, им никогда не хамил, не грубил, всё говорил: “Девчонки, подождите, подождите, и до вас время дойдет”. Никогда такого, типа “пошла ты!”, не было. Извинялся: сейчас вот, мол, у меня на первом плане игра, игра и еще раз игра», — признавалась в беседе Татьяна Блинова.

После расставания с Галиной Егоровой, с которой Харламов встречался два года, долгое время у него не было постоянной девушки. Точнее, девушки были, но особенно не задерживались. В те годы сами игроки именовали таких подружек «мартышками». Ввел это слово в обиход Борис Сергеевич Харламов. А потом подхватили игроки. Зная, например, о том, что и Мальцев до 1973 года, и Харламов «холостякуют», девушки ходили за ними «табунами». И при каждом их появлении у Дворца спорта постоянно кричали — действительно как мартышки.

По мере того как росла популярность Валерия Харламова, его всё чаще одолевали назойливые фанатки. Сегодня это звучит немного странно, но тогда у футболистов и хоккеистов действительно было в разы больше поклонников, чем у эстрадных звезд. Толпы фанаток буквально осаждали Харламова, не давая ему прохода. Они знали, что этот черноволосый, статный атлет, любимец всей страны, не женат, и мечтали «окольцевать» его. Валерия Харламова откровенно тяготило их чрезмерное внимание к его персоне.

Однажды он шел по улице со своей школьной учительницей, а рядом остановилась машина, в которой ехал Анатолий Тарасов. Словно предвосхищая вопросы мэтра, Харламов сразу же сказал тренеру о том, что женщина, которая идет рядом с ним, это его бывшая учительница. «Да, знаю, знаю, Валера, я твоих учителей», — обронил фразу Тарасов и уехал.

«Валера мне своих девушек доверял, когда ему некогда было идти на свидание. Говорил: “Таня, сходи, она будет в том-то и том-то. Скажи ей, что я на сборах или где-то еще, — вспоминала сестра Татьяна Харламова. — Самые длительные и серьезные отношения до свадьбы у него были с девушкой по имени Марина, которая работала переводчицей в одной промышленной организации”».

«Девочки иногда попадались такие назойливые, что казалось, уже не отстанут, прошмыгнут в квартиру, как мышь. Или вот-вот вытянут из машины и утащат Валеру в неизвестном направлении, — признавался в беседе Михаил Туманов. — Эти поклонницы были готовы на всё ради него. Дай им волю, на руках бы носили. Временами мне приходилось Валеру самым настоящим образом спасать».

Улыбаясь, он вспомнил один случай, который произошел в первой половине 1970-х годов в квартире Харламова, когда тот жил на улице Свободы. «Это было после очередного выигранного турнира. Мне позвонила соседка Валеры и говорит: “Миша, Валерка, наверное, устал и уснул, а эти там у него на квартире девочки с наградами на шеях бегают”... А у него стеночка в квартире такая была, на ней лежали медали. Борис и Татьяна Михайловы меня тогда к нему привезли. Заехали, смотрим, Валера действительно отдыхает. В квартире масса народа. Там еще были ребята знакомые. Тоже отдыхают. А девчонки резвятся, примеривая медали чемпионов», — вспоминает Туманов.

Запахло жареным. Еще бы немного и из квартиры «ушли гулять» по Москве многочисленные награды и призы, завоеванные Харламовым к его двадцати пяти годам. «Я сразу, когда приехал, им сказал: “Девочки, вы что делаете, зачем разобрали Валеркины медали? Вот он встанет, тогда вы возьмете с его разрешения, а сейчас нельзя”. Я жесткий был в этом отношении.

Забираю у них медали и выпроваживаю из квартиры, советуя забыть сюда дорогу. Завтра, когда он проснется, тогда мы их вам и будем вручать. Они пытались возмущаться, выяснить, кто я такой, но вскоре оставили это занятие и, после моих довольно жестких слов, пулей вылетели из его квартиры».

До свадьбы у него было много поклонниц, его даже шантажировали. «В дом матери Валерия часто звонили девушки, одна, вторая, говорили, что являются его женами. В одном городе ребенок, в другом. Мудрая Бегоня говорила: “Так, родился, говоришь, ребенок, приноси. Посмотрим. Если это наш, то примем в семью”. На другом конце телефона тотчас бросали трубку. В нашем роду подлецов никогда не было, повторяла Бегоня», — вспоминал Михаил Туманов.

«Одна девушка из Воронежа дошла до того, что прислала мне и Валере по простой почте в конверте сто рублей, — вспоминал Александр Мальцев. — Не знаю, как она умудрилась раздобыть его адрес. Это были большие деньги по тем временам. В конверте лежала записка с текстом: “Это вам с Харламовым, чтобы после игры выпили за мое здоровье. На целых сто рублей”. Мы тогда отослали эти деньги обратно».

Харламов, в силу мягкости характера и обходительности, не решался посылать по известному адресу особо назойливых подруг. Тогда наступал черед его друга. «Я с ними иногда просто очень грубо разговаривал, — признается Михаил Туманов. — Подъезжал к Дворцу спорта или к его дому на машине, они визжали, думали, что это Валера, и тут вдруг я вылезал. И у них шок сразу, разбегались врассыпную. Но были среди них и хорошие поклонницы, были очень вежливые и порядочные девочки».

— И в хоккее разбирались? — спрашиваю у Туманова.

— Болели. Раньше все в хоккее разбирались, всей огромной страной болели. Бабушки на лавочках сочетания пятерок обсуждали и могли разложить состав не хуже, чем иной тренер на установке. Поклонники часто приходили на трибуны с цветами, как в театр. Где вы увидите такое сегодня? Были ребята, которым нравилось, что их так встречают. А Валерка стеснялся всего этого. Подъезжаем к Дворцу спорта, он говорит: «Слушай, Миша, давай отсюда отъедем подальше, я выскочу и незаметно пройду». Выйдет потом через пару часов, запрыгивает в машину с другой стороны и говорит: «Поехали скорее».

На вопрос о том, как именно донимали Харламова фанаты, Туманов ответил: «Разное было: номера автомобильные снимали с его машины, тот самый номер 00-17. Ночью снимали, когда он парковался у подъезда. У подъездов и дверей квартиры не дежурили. Я таких не видел. Валера обычно говорил: “Поехали, мне надо туда-то, отвези”. Он особо не очень ездил. Но если со мной едет, то он мне доверяет. И ему было комфортно. Если где-то остается, то он просил, чтобы я его забрал. Потому что в метро ехать не резон. Там все к нему бежали с ручками, с открытками. Только из ЦСКА с тренировки выходит, и всё уже — понеслось. Все идут за автографами. Он всегда скромный был, никому не мог отказать».

«Летом Валера отпуск проводил в доме отдыха Министерства обороны, а я — у Феликса Эдмундовича, в соседнем санатории (КГБ СССР). Это сейчас хоккеисты в Эмиратах или на Мальдивах встречаются, а прежде — в Сочи. Так за Харламовым там толпа ходила. И все за стол тянут!» — вспоминал хоккейный специалист Игорь Тузик.[34](#)

Подчеркнуто уважительным было отношение к хоккеистам со стороны сотрудников ГАИ. После суперсерии 1972 года они вообще стали лучшими

друзьями советских хоккеистов на московских дорогах. Это и подтвердит история с первой аварией Валерия Харламова в 1976 году, о которой мы расскажем чуть позже. А тогда, когда еще не существовало «именных» типа «Валера», «Саша», «Лариса» и тому подобных номеров, хоккеистам в ГАИ выдавали регистрационные знаки, совпадающие с теми цифрами, которые красовались на их игровых свитерах. Это был самый «писк». Или любые, какие они хотели. Причем первым эту моду в Москве ввел Александр Мальцев, получивший в 1970 году в подарок от начальника ГАИ «свой» номер: 00-38 (в честь Петровки, 38).

«У игроков с ГАИ не было никаких проблем. Иногда останавливали, узнавали даже. А Ленинградка нас вообще всех знала. Там своя ГАИ обслуживала, ведь Дворец спорта там, путь на базу. Одни и те же люди стояли по Ленинградке. Остановят: кому клюшку подаришь, кому еще чего-нибудь, кому жвачку дашь», — вспоминал Александр Гусев.

Позже, когда Валерий Харламов обзавелся семьей и отправлялся с женой и детьми на дачу, милиционеры на постах, знавшие его знаменитую «Волгу» с номером 00-17, передавали по радиации друг другу: «Едет Харламов». Тут же по радиации раздавалось: «Сопровождение для два ноля семнадцать, зеленая улица».

О невероятной популярности не только хоккеистов, но и других советских спортсменов у общественности и особенно у слабого пола в 1970-е годы рассказывал автору этих строк его покойный дядя, один из самых выдающихся игроков в истории мирового водного поло, 17 лет подряд отыгравший в сборной СССР, олимпийский чемпион Александр Иванович Долгушин. Эта смешная история точно иллюстрирует то, до чего «доходило» обожание советских спортсменов-триумфаторов.

В 1975 году, когда сборная СССР по водному поло, выиграв чемпионат мира в Колумбии, вернулась домой, на выходе из терминала во Внукове встречающие организовали живой коридор, по которому шли спортсмены через строй болельщиков. Внезапно с двух сторон к одному из игроков-победителей ринулись две элегантно одетые и благоухающие самыми изысканными французскими духами дамы. Как оказалось, обе были директрисами двух крупных магазинов на юге столицы и обе направлялись к одному и тому же игроку. Конечно же они знали друг друга: ведь раз в неделю посещали заседания райисполкома. Не знали одного: что у них одинаковый предмет обожания. Дальнейшее напоминало сцену из романа «Двенадцать стульев» с Кисой Воробьяниновым и отцом Федором, бросившимися к одному и тому же стулу. Дамы, приблизившись к кумиру, намеревались поцеловать игрока, но не поделили его и принялись хлестать друг друга цветами по щекам. Теми самыми цветами, что были приготовлены для чемпиона. Около недели они не появлялись в райисполкоме, взяв больничный.

Популярность Харламова была такой, что люди, которые оказывались с ним в одном ресторане, забывали обо всем, желая получить у него автограф. Вот типичный пример.

«Однажды мы ужинали с Валерой в ресторане “Баку”, — вспоминал друг семьи Харламовых Георгий Хитаров. — Вдруг к нашему столику на полных парах, едва не сбивая друг друга, мчатся два азербайджанца. Гости столицы во что бы то ни стало намерены взять автограф у Харламова. Ручка есть, а бумаги нет. Не на салфетке же расписываться олимпийскому чемпиону. Друзья протягивают свои паспорта: Валерий Борисович, мол, распишитесь в них. Харламов, прищуривается, хитро улыбается. “Вы уверены в этом, это ведь

государственный документ, паспорт как-никак”, — спрашивает. “Да ладно, ваш автограф важнее нашего паспорта”, — отвечают мужики. Что делать, Валера расписывается. А я как раз пришел в красном костюме сборной СССР, подаренном Валерой. Волосы тогда у меня были черные как смоль, кудрявые. Один из гостей показывает на меня пальцем и говорит: “Так вы же, наверное, великий штангист Василий Алексеев?” А почему бы и нет? Я и впрямь был похож на него. Правда, ростом раза в полтора поменьше. “И вы у меня в паспорте распишитесь”, — просит гость столицы. “Пиши, пиши, Вася”, — улыбается Валера, хлопая меня по плечу. Пришлось расписаться. Хорошо, что не встал со стула. Тогда бы с моим ростом они точно поняли, что я совсем не Василий Алексеев».

«Глядя на то, насколько бывают надменны нынешние так называемые великие звезды из мира богемы, к которым не подступиться и не подойти на пушечный выстрел, а если подойдешь, то могут послать и подальше, я всегда вспоминаю Сашу с Валерой, когда мне посчастливилось быть вместе с ними, как говорится, на людях, — признавался брат Александра Мальцева Сергей. — Только они заходили вместе перекусить в кафе, как к ним, подлинным любимцам народа в 1970-е, выстраивалась едва ли не очередь. Ладно бы просто просили автограф, но непременно находился тот, кто предлагал им выпить за знакомство. Или, уже будучи навеселе, стремился поговорить с ними за жизнь, как персонаж из “Бриллиантовой руки”, который все хотел узнать, “почему Володька сбрил усы”. Надо было видеть, как Валерий Харламов, с его невероятно обаятельной и открытой улыбкой, находил такие слова, чтобы не обидеть человека, но и не растянуть разговор на долгие минуты».

Не случайно Харламов дружил, как уже говорилось, с такими же простыми и открытыми, как он сам, людьми

из великих. С покорителями космического пространства. С Владимиром Высоцким, в компании с которым он встречался не так часто, как хотелось бы, — все-таки хоккеисты 11 месяцев в году проводят на сборах. Но если встречались, то, как признавался Александр Мальцев, успевали поговорить обо всем. Высоцкий охотно пел хоккеистам свои песни — о любви, о мужественных людях, о своей любимой стране, испившей такую чашу горя и страданий. У Харламова появлялись слезы на глазах, когда Владимир Семенович затягивал свою пронзительную: «Протопи ты мне баньку по-белому, / Я от белого света отвык...»

Театралом Валерий Борисович не был, но когда появлялось время, с удовольствием посещал спектакли. «Давно я в театре не был. Может, пойдём на Таганку, — как-то предложил он Леониду Трахтенбергу. — И ребят заодно повидать. Там у меня много товарищей — Высоцкий, Шаповалов, Хмельницкий, Золотухин...»

«Тогда на Таганку невозможно было попасть. Для Харламова такой проблемы не существовало. Его везде любили. И всегда администратор находил один-два билета для него. Спектакль был “А зори здесь тихие...”. Валера смотрел внимательно, переживая за судьбу девчонок и старшины Васкова в исполнении актёра Виталия Шаповалова. Естественно, после спектакля мы решили подождать исполнителя главной роли. Рядом с Театром на Таганке был уютный ресторан “Кама”. Когда мы вошли в этот ресторан, то Валера сделал неожиданное признание Шаповалову: “А ты знаешь, у тебя уже гимнастерка ко второму акту была такая же мокрая, как у меня к третьей смене”. Шаповалов рассмеялся и очень благодарно пожал руку Валере. Я думаю, больше он такого комплимента в жизни не слышал», — вспоминал Трахтенберг.

Игрой Харламова восхищался «Штирлиц» — легендарный актёр Вячеслав Тихонов. Есть один

запоминающийся фотоснимок — три всенародных любимца тех лет: Тихонов, Мальцев и Харламов, одетые в элегантные костюмы с иголки, в 1978 году рассматривают какой-то буклет на одной из старинных площадей Праги.

«Высоцкий, Хмельницкий, Смирнитский — это были наши с Валерой лучшие друзья из артистического мира», — с ностальгией вспоминает Александр Мальцев годы своей молодости. Валерий был дружен с артистами Театра на Таганке Валерием Золотухиным и Борисом Хмельницким, а те познакомили его с Владимиром Высоцким, чьи песни он очень любил.

Харламов любил перечитывать «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» И. Ильфа и Е. Петрова. «Он знал эти книги чуть ли не наизусть, наверное, потому, что сам любил шутку и понимал толк в ней», — писал Владимир Дворцов. «У нас были теплые отношения с артистами. С Хазановым Геннадием часто виделись. Посещали “Ленком”. Очень любил общаться с хоккеистами Евгений Павлович Леонов. При любой возможности старался приехать на базу сборной, развеселить, порадовать нас. Высоцкий к нам приезжал на сборы в сборную вместе с Хмельницким», — вспоминал Владимир Лутченко.

Но все же чаще Харламову приходилось общаться с теми артистами, которые сопровождали сборную СССР во время крупных международных турниров.

Известный пародист Владимир Винокур и звезда хоккея познакомились, когда первый работал в популярном вокально-инструментальном ансамбле «Самоцветы», где выступал с пародийным номером. Харламов однажды пришел на концерт группы, проводившийся на ВДНХ. «Если говорить о голах, очках и секундах, то это не ко мне, потому что я не был дотошным болельщиком. Я стал ходить на хоккей из-за Валеры Харламова. Когда Валера ушел из жизни, я

перестал вообще посещать хоккейные матчи. И не потому, что я не люблю хоккей, а потому, что ушел Валера», — признался в беседе Владимир Винокур.

Артист, конечно, знал, что его новый знакомый — известный спортсмен, но каких действительно выдающихся высот тот достиг, толком не понимал. «И вот после этого знакомства я звоню “суперспециалисту”, моему родному брату Борису Винокуру, который жил в Курске, сейчас они с Валерой на Кунцевском кладбище поблизости лежат. — Винокур тяжело вздыхает, продолжая: — Звоню Боре, а Боря у меня сумасшедший спортивный болельщик был всегда. Он в отличие от меня знал, кто, когда, на какой секунде забил шайбу, гол в ворота; он футбол, баскетбол, словом, весь спорт знал, но хоккей по-особенному любил, фанател буквально. И говорю тогда я ему в телефонном нашем разговоре: “Дескать, я познакомился с одним парнем, может, ты его знаешь, Валера Харламов”. И в ответ мат-перемат: “Ты что, с ума сошел? Это лучший хоккеист мира! Я немедленно выезжаю в Москву”. И он приехал. Я их познакомил».

Валерий Харламов проникся симпатией к Борису, который был старше их с Владимиром Винокуром на четыре года, и приглашал его на многие торжества. Когда у Харламова было новоселье, он попросил Владимира Винокура позвонить брату и приехать в гости. Новоселье вышло душевным.

«Борис по первому зову приехал из Курска, приготовил фаршированную рыбу на компанию из тридцати человек. В квартиру Валеры действительно набилось тридцать человек, по тем временам нам казалось, что Валера получил какие-то хоромы, метров шестьдесят или семьдесят, на проспекте Мира. Мы думали, что там на велосипеде можно кататься», — вспоминает Владимир Винокур.

«Хоккеисты были очень популярны. Поэтому и дружба такая сложилась между ведущими артистами (Кобзон, Лещенко, Винокур) и хоккеистами, — рассказывает Сергей Гимаев. — Лещенко и Винокур были близкие друзья Харламова. Я с ними как-то в ресторане был, видел, как Валера тепло с ними общался. Между ними было очень уважительное отношение. И Кобзон любил ребят — всю тройку». Винокура с Лещенко и другими артистами часто приглашали на базу сборной СССР по хоккею, сначала в Архангельское, потом в Новогорск. В кабинете Владимира Винокура на одном из самых почетных мест находится его фотография с Харламовым. Им под тридцать. Фотограф снял молодых артиста и хоккеиста на базе в Новогорске. Самой памятной для Винокура станет поездка на Олимпийские игры в США в 1980 году. Но об этом пойдет речь позже.

На годы расцвета таланта Валерия Харламова пришлась золотая эра нашего хоккея. Харламову повезло. Он купался в лучах славы и не был обделен признанием на самом верху. Но главное: был искренне и беззаветно любим своим народом. При этом оставаясь простым и доступным человеком.

Глава 9 СУПЕРСЕРИЯ-1974

Первенство СССР 1972/73 года из-за суперсерии с канадцами стартовало на месяц позднее, чем обычно, в октябре. Валерий Харламов наконец-то вернулся в тройку к своим привычным партнерам Борису Михайлову и Владимиру Петрову.

«Мы равны, мы привязаны друг к другу, и когда осенью 1972 года все трое снова стали играть в одном звене, то, право же, сезон этот стал едва ли не лучшим в моей жизни. Может быть, потому, что играли мы с особым вдохновением, воодушевленные возможностью возрождения маленькой нашей команды. Мы все трое абсолютно равны, мы не стесняемся друг друга, высказываемся, если чем-то недовольны, не боясь обидеть партнера и не всегда задумываясь над поиском слова, которое не ранит», — признавался Валерий Харламов в автобиографии.

Анатолий Тарасов все еще находился на тренерском мостике ЦСКА. Продолжал эпатировать публику, пытаясь показать, кто является главным действующим лицом и, как бы сейчас сказали, «нюсмейкером», в советском хоккее. Когда ЦСКА осенью играл в Воскресенске с неуступчивым «Химиком» и Харламов забил гол, Тарасов вдруг громко, на весь зал, произнес: «Так, все на лед целовать Харламова!» Болельщики на крохотном стадионе, не привыкшие к таким чудачествам, обомлели. Установилась тишина, которую нарушила реплика главного тренера «Химика» Николая Эпштейна: «Конечно же, в Монреале ведь выиграли!»

В этом сезоне Анатолий Владимирович в последний раз стал обладателем «всесоюзного золота». Победа ЦСКА была убедительной. Они не только опередили «Спартак» на шесть очков, но и разгромили своих

извечных оппонентов в ключевой встрече чемпионата со счетом 7:1. Армейцы в 18-й раз стали чемпионами страны. Валерий Харламов в этом сезоне набрал 34 балла за результативность, забросив 19 шайб и отдав 15 результативных передач.

В конце 1972 года проводился традиционный опрос с целью определения лучшего игрока года. В первый и в последний раз в советской истории лучшими хоккеистами были названы два игрока. Ими стали два закадычных друга: Александр Мальцев из московского «Динамо» и Валерий Харламов из ЦСКА.

Весной 1973 года Валерий Харламов вместе с тренерами сборной СССР по хоккею Всеволодом Бобровым и Борисом Кулагиним был приглашен руководством НХЛ в Канаду с недельным визитом на финальные матчи Кубка Стэнли. Дело в том, что в Канаде среди болельщиков также был проведен опрос, согласно которому самым популярным советским игроком оказался Харламов. Суперсерия 1972 года пробудила колоссальный интерес у североамериканцев к советскому и европейскому хоккею. И в особенности к личности Харламова. Как писал уже после смерти Валерия Борисовича журналист Владимир Дворцов, «в выборе канадцев главную роль сыграло то, что Харламов был не только выдающимся мастером игры, но и исключительно обаятельным человеком».

О своей популярности в Северной Америке Валерий Харламов узнал, едва небольшая советская делегация приехала в Монреаль. На финале Кубка Стэнли его, стоя — а поднялись абсолютно все зрители, как обычно происходит во время исполнения гимна, — приветствовал переполненный до отказа огромный ледовый стадион. Его узнавали на всех улицах канадских городов, где он появлялся, окружали, брали автограф, называли «гением», «суперзвездой хоккея». Ему улыбались, искренне желали удачи, передавали

приветы другим советским хоккеистам. «Коллекционирование автографов в Канаде распространено так же широко, как у нас коллекционирование марок», — потом с улыбкой рассказывал хоккеист своим близким.

С Валерием Харламовым старались сфотографироваться не только любители хоккея, но и видные бизнесмены и политические деятели. Ведь это было великолепное паблисити!

Канадские хоккейные менеджеры, давая интервью, говорили, что игрок такого таланта должен непременно оказаться в «лучшей лиге мира». Они опять называли суммы гонораров, которые намеревались предложить советскому хоккеисту, если он согласится выступать в НХЛ. И эти суммы в разы превышали оклад президента США или контракты самых знаменитых канадских «профи». Что самое удивительное, Валерий Харламов прекрасно знал об этом. Как знал о том, что ждет его самого, как только он начнет играть в НХЛ. Гнал эти мысли от себя. Вел себя на редкость скромно. Не говорил об этом по возвращении на родину. И уж тем более не покушался на эти баснословные суммы. Для него важнее были другие миллионы. Миллионы преданных отечественных болельщиков, искренне любивших его.

«Монреаль Канадиенс» в те дни играл в финале Кубка Стэнли против клуба «Чикаго Блэк хоукс». Советских спортсменов принял тогдашний глава НХЛ Кларенс Кэмпбелл, избранный на этот пост еще в 1946 году, когда в СССР было проведено первое хоккейное первенство. Советские представители побывали и в штаб-квартире Национальной хоккейной лиги. Там Валерия Харламова больше всего поразило составленное заранее, на два года вперед, расписание матчей лиги. «После этого я уже хорошо понимал, почему так непросто было отыскать окно для будущих

встреч суперсерии-76, в ходе которой ЦСКА и “Крылья Советов” должны играть против ведущих клубов НХЛ», — признавался хоккеист.

Также впечатлила его и обстановка за «кулисами» — в раздевалках хоккеистов. «Чистота, царящая в этих помещениях, их размеры бросились в глаза сразу. Так же, как и количество обслуживающего персонала. Хоккеисты в Канаде о своей форме и снаряжении практически не заботятся. Пришел спортсмен после матча или тренировки, скинул форму и, не складывая ничего, не приводя в порядок свое снаряжение, ушел. За тебя кто-то всё это сделает», — вспоминал Валерий Харламов. Только вот какие он сделал выводы: «Не думаю, что это правильно. Все-таки, как и солдат, спортсмен, не доверяя никому, сам должен заботиться о своей готовности к завтрашнему сражению на льду».

Автору этих строк запомнились слова Владимира Владимировича Юрзинова, сказанные им как-то во время встречи. Заслуженный работник отечественного тренерского цеха рассказал о том, как Мальцев и Харламов готовились к играм. «Коньки у них блестели. Экипировка всегда была чистой. Врезалось на годы, как бережно Мальцев вытаскивал шнурки из ботинок, как стирал их и гладил. Вот это уровень, вот это отношение настоящего профессионала к своему ремеслу!»

Для себя Валерий Харламов в ходе той, по-настоящему первой полноценной зарубежной поездки, проведенной вне льда, сделал массу открытий. О том, что во «внутренних матчах» хоккеисты не грубили столь же беспардонно, не дрались так нагло, как в матчах с европейцами: в целом игра была весьма жесткая, но вполне корректная. «Особенно поразительной эта черта их матчей казалась на фоне того, что вытворяли они в поединках с нами, где отличались не только хоккеисты, но даже и тренер Джон Фергюсон, который швырнул во время матча в

Лужниках на лед стул», — признавался Валерий Харламов Олегу Спасскому. «Я пытался понять первопричины столь разительного различия в манере их действий. Не знаю, верна ли моя догадка, но мне кажется, что грубость и чрезмерная жесткость, переходящие в жестокость, проявляются в игре канадских профессионалов в матчах против новичков и дебютантов НХЛ: опытные, давно выступающие в лиге хоккеисты друг друга знают уже достаточно хорошо и потому играют, а не дерутся. А вот европейских хоккеистов знают меньше. Оттого-то и стремятся проверить на стойкость, на прочность. Если играть за команду НХЛ в рамках местного турнира, то синяков и шишек наверняка будет меньше, чем получали мы, выступая за нашу сборную против сборной Национальной хоккейной лиги».

Второе открытие было связано с откровенно невысокими, по его мнению, скоростями, которые «включали» на льду канадские профессионалы. Харламов признавал тот факт, что канадцы — весьма техничные хоккеисты. «Играют они медленнее, чем мы привыкли, это как будто кинохроника, рассказывающая о вчерашнем матче, которая прокручивается с неверной скоростью».

Поразила советского нападающего и публика на североамериканских стадионах. Своей страстностью, своим неистовым переживанием за родную команду на протяжении всех 60 минут матча. «Вскакивают с мест, вздымая в восторге руки, и стар и млад. Я видел немало весьма пожилых женщин, бабушек, которые кричали ничуть не реже и не тише своих внуков... У нас так горячо все перипетии хоккейного поединка воспринимают немногие болельщики, основная масса столь восторженно реагирует только на гол, да и то далеко не во всяком матче. Если ЦСКА играет с аутсайдером и посылает шайбу за шайбой в ворота

соперника, то овации вы не дождетесь, а вот за океаном на последний гол реагируют столь же бурно, как и на первый или на решающий. Если канадский или американский зритель пришел на хоккейный матч, то молчать он не будет. Интерес и внимание к хоккею в Канаде не могут не изумлять. Правду говорят, что мальчику, родившемуся в семье, радуются больше, чем появлению девочки, прежде всего потому, что он может стать хоккеистом», — признавался Валерий Харламов.

Наконец, еще одно наблюдение касалось своеобразного хоккейного антуража на стадионах. «К каждому матчу выпускается яркая, красочная программка, продается масса сувениров, связанных с хоккеем. Когда нам много лет назад объясняли, что в Северной Америке хоккей — заметное экономическое явление, то я не представлял себе, что нашему виду спорта сопутствует так много околохоккейного».

По сути, Харламов еще тогда, сорок с лишним лет назад, словно не игрок, а маститый хоккейный аналитик, просто и понятно разложил по полочкам весь процесс функционирования Национальной хоккейной лиги. От взгляда мастера не ускользнули ни бабушки на стадионе, ни кропотливо составленное расписание игр на годы вперед. Говорил он о достоинствах лиги не с восторженным пиететом, а как положено профессионалу — спокойно, без лишних эмоций. От коротких заключений пришел к главному для себя выводу: «И все же самый распространенный вопрос, на который хоккеисты отвечают после возвращения из Канады, остается прежним, — чему бы я постарался научиться у них: искусству обводки или броску, силовому единоборству или умению добивать шайбы? Для меня ответ на такие вопросы был всегда очевиден: их отношению к матчу, их страстности, умению бороться в любом матче, близко к сердцу воспринимая каждую игру. Эта страстность проявляется в игре с

любой командой, против которой доводится хоккеисту играть в тот или иной момент его спортивной жизни — начиная с детских команд и кончая ведущими клубами профессиональной лиги».

И это говорил Харламов, чьей страстностью на льду восхищались сами родоначальники хоккея?! Нельзя не проникнуться его поразительными скромностью и способностью, несмотря на звездный статус, к самосовершенствованию. Равно как и его, человека с отменным катанием, восхищению манерой североамериканцев «превосходно кататься на льду».

«Талант — есть труд», — любили цитировать в Советском Союзе знаменитую фразу Максима Горького. И по делу. Все великие игроки нашей сборной, как те же Харламов, Михайлов, Мальцев и другие, несмотря на талант и величие, доказывали, что достичь высот мастерства можно только изнурительным трудом. Нужно пахать и пахать, а не полагаться на свои природные данные или на «расположение хоккейных звезд». Не случайно Валерий Харламов говорил, что «тепличные условия, создаваемые новичкам, искусственная нарочитая поддержка никому еще пользы в спорте не приносили».

Харламов, который сызмальства был приучен слушаться и уважать старших, искренне возмущался тому обстоятельству, что некоторые новички, не располагающие ничем, кроме отменного здоровья, спорят чуть ли не до посинения с ветеранами команд по любому поводу, из-за каждого пропущенного гола.

Весной 1973 года Москва готовилась принять 40-й чемпионат мира по хоккею. Это право было доверено советской столице во второй раз в истории. Первый чемпионат мира, проходивший в Москве в 1957 году, стал лебединой песней для Всеволода Боброва, Евгения Бабича, Александра Уварова. Тогда второе место советской команды было тем более обидным, что

сборная СССР не потерпела ни одного поражения, но уступила в итоге первое место команде Швеции.

Игры шести команд, выяснявших отношения в двухкруговом состязании, прошли во Дворце спорта «Лужники» с 31 марта по 15 апреля 1973 года. «Лужники» заметно похорошели. Появилось современное табло, во Дворце спорта заменили борты, установив ограждения из высокопрочного пластика, модернизировали систему освещения.

Чехословацкая сборная приехала в Москву с желанием отстоять победный титул, завоеванный годом ранее в Праге. Тем более что их победный состав практически не претерпел изменений.

Тренеры советской сборной Всеволод Бобров и Борис Кулагин, находившиеся у штурвала главной хоккейной команды страны чуть более года, взяли курс на омоложение состава. Когда они, за день до старта чемпионата, объявили, кто из хоккеистов будет отстаивать честь СССР на московском турнире, удивлению болельщиков и специалистов не было предела. В составе не оказалось таких корифеев, как Кузькин, Фирсов, Викулов. Из признанных авторитетов и ветеранов советской команды в ней оставался только Александр Рагулин. Анатолий Тарасов назвал ошибочным курс на «механическое омоложение состава сборной». «Не всякий ветеран списывается с хоккейного корабля, и не каждый молодой, пусть и подающий надежды, спортсмен вводится в основной состав. Главным мерилom являются уровень мастерства, характер, игровая культура. Считаю, зря Викулова и Фирсова лишили права сыграть за сборную», — резко раскритиковал он действия Боброва. «Конечно, класс этих хоккеистов достаточно высок для того, чтобы ставить их в команду. Но мы, тренеры, создавая модель сборной-73, думали не только о сегодняшнем дне, а потому сделали ставку на способную молодежь», —

парировал вызов мэтра Всеволод Бобров, который, как оказалось, был прав.

Играли советские хоккеисты на этом чемпионате удивительно легко. Легкости на льду явно благоприятствовала атмосфера в команде, созданная Бобровым. «Ребята, расслабьтесь и играйте в свое удовольствие. Вы ведь самые лучшие на сегодняшний день», — напутствовал Всеволод Михайлович своих подопечных.

Три первые встречи на чемпионате сборная СССР по обыкновению выиграла с разгромным счетом. Особенно туго пришлось западногерманской сборной, которую советская команда «раскатала» со счетом 17:1. В этой встрече восемь (!) шайб записал на свой счет Александр Мартынюк, установив рекорд национальной сборной по количеству голов за одну игру Следующими на очереди были финны 8:2, а затем поляки, которые «отскочили» «всего лишь» со счетом 3:9. «Всего лишь», потому что во втором круге дебютанты чемпионатов мира поляки получили самую настоящую пробоину, уступив сборной СССР со счетом 0:20!

В промежутке между этими поединками советская команда провела, как и предполагалось, труднейший матч с чехословаками и, победив 3:2, возглавила турнирную таблицу. Именно в этом матче проявилось умение Валерия Харламова забивать в нужные мгновения игры. Третью, победную, шайбу сборной СССР он забросил, подкараулив отскок от чешского вратаря Холечека. Еще одного своего конкурента, сборную Швеции, дружина Боброва обыграла со счетом 6:1, причем умудрившись накидать шесть шайб в ворота шведов уже к 25-й минуте.

Вторая половина чемпионата и вовсе превратилась в бенефис советской команды. Сборная СССР начала бить все мыслимые рекорды, начиная с уже упомянутого счета 20:0 в игре с поляками. Так, если в

первом матче с командой ФРГ отличилось звено Мартынюк — Шадрин — Якушев, наколотившее в сетку ворот немцев 10 шайб, то в матче с поляками 14 шайб провело первое звено сборной: Борис Михайлов забросил семь шайб, Владимир Петров — пять, а Харламов ограничился «всего» двумя. «Здорово прибавили ребята. Играют свободно, мыслят быстро, их техника настолько высока, что на площадке воплощается в жизнь любой тактический замысел тренера. Не кривя душой, это звено можно назвать эталоном хоккейной тройки» — так прокомментировал действия звена Петрова находившийся на трибуне для почетных гостей Вениамин Александров.

Свое Валерий Харламов сполна наверстал в повторной игре между сборными СССР и ЧССР, которая в случае победы хозяев чемпионата делала их досрочными победителями первенства планеты. Эта игра стала его настоящим бенефисом. Первый гол сборной СССР получился курьезным. Защитник чемпионов мира отобрал шайбу у Мальцева в своей зоне. Динамовец упал за воротами, но сумел резко вскочить и выбить шайбу из-под клюшки зазевавшегося игрока сборной ЧССР на Якушева, который отправил ее в сетку. Чехи сравняли счет, однако в численном большинстве Борис Михайлов после щелчка Александра Гусева переправил шайбу в ворота. А дальше заблистал Валерий Харламов. Прямо из своей зоны он устремился с шайбой на двух чешских защитников, резко рванулся в сторону, поймав их в «улитку» — два соперника столкнулись лбами. Выманил вратаря на себя, а сам отдал пас назад Михайлову, которому оставалось попасть в пустые ворота. Четвертую шайбу Харламов забросил сам. Игра, которая в итоге завершилась со счетом 4:2, досрочно сделала наших чемпионами мира. В заключительном матче сборная СССР победила шведов со счетом 6:4.

Сборная СССР установила рекорд, который вряд ли можно будет превзойти в обозримом будущем. Он сродни феноменальному прыжку в длину Боба Бимона на 8 метров 90 сантиметров на Олимпиаде 1968 года. С легкой руки великого бомбардира, тренера Всеволода Боброва, советские хоккеисты наколотили в ворота соперников 100 шайб. Средняя результативность сборной СССР составила ровно 10 шайб за игру! Кроме того, впервые после чемпионата мира 1927 года команда хозяев не потеряла ни одного очка. Шведы отстали от чемпионов мира на пять очков, команда ЧССР — на семь.

Четыре хоккеиста первой пятерки забросили половину шайб всей команды (Петров — 18, Михайлов — 16, Харламов — 9, Гусев — 7) и больше, чем вся сборная ЧССР. Все четверо вошли в символическую сборную чемпионата. «В 1973 году пятерка Петрова перевернула все представление об игре. Всё было необычно в мелькающем калейдоскопе: защитники выходили вперед и забивали, форварды отчаянно защищали свои ворота, смена мест и амплуа происходила мгновенно. И в этом хитроумном круговороте Харламов был связующим звеном между защитой и нападением, звеном гибким и непредсказуемым для противников и необходимым для партнеров. Это была лучшая пятерка в мировом хоккее, и авторитет ее был непререкаем», — констатировал журналист Владимир Дворцов.

А Владимир Петров, достигнув феноменального результата по системе «гол плюс пас» — 34 очка (18+16), стал лучшим бомбардиром первенства. На этом чемпионате мира Валерий Харламов «ограничился» 23 набранными очками, забив 9 шайб и отдав 14 голевых передач партнерам по команде. В списке лучших бомбардиров чемпионата Петров, Михайлов, Харламов заняли первые три места. В списке «Всех звезд», составляемом журналистами, тройка также была

названа среди лучших подавляющим большинством голосов.

«Конечно, я вспоминаю чемпионат мира 1973 года. Мы не думали о рекордах. Мы забивали и всё. Но до сих пор эти рекорды стоят. И это приятно. Буквально три месяца назад узнал такую статистику: мы своей тройкой в один сезон забили 124 шайбы. До сих пор его никто не побил. 243 балла у нас было. Раньше считали только голы, пасы не считались. Когда мы играли, мы делали свое дело и всё. Просто у нас в тройке было такое негласное правило: забили одну, надо вторую забить, забили вторую — надо третью. И так далее. Если вспомнить всю мою спортивную жизнь, то когда мы вместе с Володиёй и Валеркой играли, то микроматчи не проигрывали. Это для нас было бы трагедией», — говорил в беседе с автором этих строк в июле 2014 года Борис Михайлов.

Именно после чемпионата мира в Москве президент Международной федерации хоккея Джон Ахерн определил главную «проблему» мирового любительского хоккея, которая заключалась в том, что нельзя найти команду, которая могла бы противостоять сборной СССР. «Есть еще, правда, вариант обязать вас играть без вратаря, но вряд ли вы на это согласитесь», — улыбнулся Ахерн. В 1973 году Харламов опять стал лучшим хоккеистом всесоюзного чемпионата по версии еженедельника «Футбол-хоккей».

Брат Александра Мальцева Сергей вспоминал, как однажды в том сезоне Валерий Харламов невольно повторил одну из выдумок героя «Двенадцати стульев» Остапа Бендера. Мальцевы в один из весенних погожих дней 1973 года получили в «Динамо» выходной. О том, что такой же отгул в тот же день достался и Харламову в ЦСКА, они еще не знали. Братья проснулись в воскресенье, и Александр предложил отведать шашлыка на ВДНХ. Погода, что называется, «шептала»,

и Мальцевы провели пару часов на территории легендарной Выставки достижений народного хозяйства.

Когда Валерий Харламов подъехал к дому на проспекте Мира, одна из бабушек у подъезда доложила ему, что «Мальцевы ушли в неизвестном направлении, одетые налегке». Харламов предположил, что братья пошли за продуктами. Ждет минут десять, полчаса, час, а их все нет. Валерий разволновался, ведь это сейчас — найти человека, когда есть мобильный, — не проблема, а тогда приходилось порой томительно ждать часами. И тогда у Харламова, прямо по аналогии с любимым им произведением Ильфа и Петрова, родился замечательный план: он подозвал к себе нескольких мальчуганов, катавшихся во дворе на велосипедах. И хотя они были готовы помочь «дяде Валере» бесплатно, раздал им по 50 копеек, как Остап — мелочь пацанам, побравшим искать несчастные стулья, и попросил «найти Мальцевых». Ну а того, кто приведет к нему братьев, пообещал поощрить дополнительно.

Еще только подходя к своему дому, Александр и Сергей обратили внимание на мальчишек, нарезающих круги на велосипедах по окрестности в поисках кого-то. Пройдя во двор, Мальцевы увидели Харламова и заметили, как со всех сторон к ним подкатывают явно разочарованные велосипедисты. «Улизнули. И от меня, и от мальчишек. Ну, вы даете, кирово-чепецкие», — расплылся в улыбке Валерий Харламов...

Первенство СССР сезона 1973/74 года неожиданно для многих прошло при явном превосходстве московских «Крыльев Советов», которые возглавлял Борис Павлович Кулагин. Кстати, игроки дали ему прозвище Мао Цзэдун, по имени «великого кормчего». Наверное, не за человеческие качества: все-таки Кулагин, хотя и слыл человеком суровым, не был жестким руководителем. Говорили, что «Мао» его

называли за внешнее сходство с китайским руководителем, хотя конечно же раскосых глаз у Кулагина не было и в помине.

Природу многих прозвищ хоккеистов и тренеров понять трудно. Иногда они рождались интуитивно, на порыве эмоций, как Пыря у Михайлова или Троцкий у Тарасова. «Михайлова прозвали Пырей за то, что он много времени сражался у чужих ворот, “пырялся” на пятаке», — полагал Григорий Твалтвадзе. У хоккеистов сборной были свои оригинальные прозвища. Они сначала «присваивались» в клубе, а затем плавно «перетекали» в сборную. Петрова звали «Петей», Лутченко — «Дидкой» или «Красавчиком», Цыганкова — «Гешей». У игроков «Крылышек», бывших армейцев, которых взял в сборной под свое крыло Борис Павлович Кулагин, тоже были запоминающиеся прозвища: у Анисина — «Клык», Бодунова звали — «Бодун», а Лебедева — «Серый». «От мультфильма, наверное, пошло про Серого Лебедя», — полагал Михаил Туманов.

Рывок Кулагина и его команды в сезоне 1973/74 года действительно был впечатляющим. Отрыв «Крылышек» от ставших вторыми армейцев в итоге составил целых 11 очков! О превосходстве профсоюзной команды говорит и тот факт, что они победили армейцев в трех из четырех очных встреч. За себя говорит и счет в этих поединках: 5:1, 7:3, 6:3. Лишь одну встречу выиграл ЦСКА у «Крыльев», и то 4:3. В составе московской команды солировала тройка Лебедев — Анисин — Бодунов, закалившаяся в битвах с канадцами в 1972 году. Эти хоккеисты играли в лучших традициях советского хоккея: партнеры понимали друг друга на площадке с «закрытыми глазами», все их слаженные действия были доведены до автоматизма.

При этом каждый из них отлично катался на коньках и в одиночку, благодаря незаурядным техническим способностям, мог решить исход матча. Мало кто знает,

что за физическую подготовку в команде отвечал будущий глава Российского футбольного союза Вячеслав Колосков. Его научно проработанная методика тренировок была основана на использовании дополнительных ресурсов организма хоккеиста. «Анатолий Владимирович Тарасов злился, когда мы в решающем матче его ЦСКА уверенно переигрывали. Снял даже с игры Володю Петрова. А Борис Павлович перед той встречей поехал в Спорткомитет и заранее доложил, что мы станем чемпионами СССР. Для того чтобы вселить уверенность в ребят. В то время ЦСКА считался непобедимым, а «Крылья» постоянно были на «задворках». Но Кулагин за какие-то три года создал настоящую команду и довел ее до первого места», — вспоминал Юрий Лебедев.[35](#)

Лучшим бомбардиром первенства по системе «гол плюс пас» в сезоне 1973/74 года стал Вячеслав Анисин, тот самый, которого Тарасов несколько раз хотел отчислить из молодежки ЦСКА. Он набрал в том сезоне 48 баллов за результативность. Кстати, когда Константин Локтев пригласил Анисина в 1976 году перейти в ЦСКА подменить сломавшего ногу в аварии Валерия Харламова, тот сразу же согласился. Анисину прочили место Харламова: ведь никто не ожидал, что Харламов не только вернется на лед, но и заиграет в своем стиле. «Крылышки» в 1974 году также стали обладателями Кубка СССР.

А ведь накануне этого первенства армейское руководство хотело ослабить своих московских конкурентов, используя влиятельный властный ресурс. Так, в 1973 году лично от ярого поклонника и куратора армейцев, министра обороны СССР А. А. Гречко в «Спартак», который стал оказывать достойное сопротивление ЦСКА, пришла разнарядка на нескольких игроков в армию. Самое любопытное было в том, что забрать выполнять священный долг — воинскую

повинность — хотели трех игроков сборной, в том числе Якушева и Шадрина — одних из героев суперсерии 1972 года. В результате в «Спартаке» выкрутились, и служить в армию — в СКА МВО — отправились три других, более молодых хоккеиста. «Спартак» в итоге занял четвертое место, отстав от лидера на 18 очков. Этот сезон стал последним в ЦСКА для Анатолия Тарасова. Его, как в свое время в сборной, сменил Всеволод Бобров.

В целом сезон 1973/74 года Харламову удался. Он вместе с Михайловым и Мальцевым вошел в тройку лучших нападающих чемпионата. В этом сезоне он забросил 20 шайб и отдал 10 голевых передач, набрав 30 баллов за результативность.

В этом первенстве был один впечатляющий поединок, который болельщики «Динамо» и ЦСКА со стажем смакуют до сих пор. 7:7 — такой счет был зафиксирован в сентябрьском матче между армейцами и динамовцами. А примечателен он тем, что состоялся накануне свадьбы главной динамовской звезды Александра Мальцева, свидетелем у которого на торжестве был Валерий Харламов.

«Это была настоящая битва, — вспоминал один из динамовских ветеранов Анатолий Белоножкин. — Саша, вдохновленный, творил на льду все, что хотел». Причем динамовцы проигрывали по ходу встречи со счетом 1:6, но тут Мальцев «разбушевался». На глазах у невесты он не имел права проиграть, да еще с таким счетом. Кстати, в том первенстве Мальцев играл блестяще, получив по его итогам «Золотой шлем» — приз лучшему нападающему страны.

В той встрече, состоявшейся 18 сентября 1973 года в забитых под завязку «Лужниках», Мальцев забросил три шайбы. Через два дня на свадьбе у своего друга Харламову особо расслабиться не удалось. Уже в 12

часов ночи он, по воспоминаниям Александра Николаевича, уехал на армейскую базу.

После свадьбы Александр Мальцев стал больше внимания уделять молодой жене, Харламов загрустил, видимо, понимая, что число дружеских «вечеринок» и посиделок заметно сократится. И однажды он набрал телефон Сергея Мальцева, у которого в тот день также был выходной, и предложил ему прогуляться по Москве.

Договорились встретиться на Ленинградке, недалеко от дома, где жили родители Валерия Харламова. «Стою на месте, вижу, как ко мне приближается довольный Валера и улыбается своей знаменитой улыбкой. Ну, думаю, сейчас что-нибудь выкинет. Правда, все шутки или розыгрыши Харламова были добрыми и легкими, — вспоминает Сергей Мальцев. — Он приобнял меня по-дружески и так заговорщицки произносит: “Ну что, Серега, скажу тебе, мой юный друг, что Малец — теперь отрезанный ломоть. Отныне мы с тобой вдвоем весело проводить время будем. Готовься”. Я, помнится, сильно смутился и не знал, что ему ответить.

“Да расслабься ты, — сказал Валера после небольшой паузы, по-дружески приободряя меня. — А не попить ли нам пивка в этот прекрасный выходной денек?” Предложение хоккейной звезды было мною с легкостью принято, хотя я сначала действительно напрягся».

Друзья направились к станции метро «Сокол», к одной из кафешек, о чем-то непринужденно беседуя. И вдруг, совершенно неожиданно, натолкнулись возле самой станции метрополитена на идущего им навстречу Всеволода Михайловича Боброва.

«Я остолбенел, стою как вкопанный, увидел великого Боброва. Стушевался, смог его только поприветствовать, — продолжает Сергей Мальцев. — А Валерий, улыбаясь, вдруг решил переключить акцент

на меня. “Всеволод Михайлович! Познакомьтесь, это будущий великий хоккеист, Сергей Мальцев, брат того самого великого Мальцева”, — едва не переходя на смех, сказал Харламов. Бобров, улыбаясь, ответил Валере: “Ну, Харлам, ты даешь! Я что же, по-твоему, не знаю брата Саши Мальцева?” Затем, делая вид, что спрашивает строго, заметил: “А вы-то куда собрались? Небось, выпить решили?” При этом Бобров двумя пальцами изобразил водочную стопочку.

Валера засмутился, произнес добродушно: “Да нет, Всеволод Михайлович! Всего лишь по кружечке пива”. Тут Бобров стал более серьезен: “Валера, смотрите аккуратнее. Скоро сборы начинаются, поберегите силы”. Бобров сделал паузу, тронулся с места, пожимая нам руки: “Не балуйте, ребята, ведите себя хорошо”».

Чемпионат мира 1974 года проводился в Хельсинки с 5 по 20 апреля. На матчи, в которых не принимала участие сборная Финляндии, приходило мало зрителей, и организаторы бесплатно раздавали билеты в школах. Запомнился чемпионат и тем, то шведские хоккеисты вышли на лед в шлемах с рекламой спонсора, концерна «Вольво». Такая реклама была запрещена правилами ИИХФ. Когда организаторы попросили шведов удалить несанкционированную рекламу, те нашли оригинальное оправдание: заявили, дескать, шведский автопроизводитель после долгих переговоров наконец-то купил фабрику, которая производит шлемы, а значит, становится обыкновенным поставщиком хоккейной амуниции, а не спонсором...

Несмотря на девять побед в десяти играх, чемпионат выдался для советской сборной крайне сложным. Сборная СССР уверенно разобралась с немцами 5:0, затем со счетом 7:1 победила хозяев чемпионата — финнов и разгромила поляков 8:3. Впереди был матч со сборной ЧССР.

Чешская команда на этом чемпионате предстала в самом боевом составе с вратарем Иржи Холечеком, защитниками Яном Сухи, Иржи Бубла, Франтишеком Поспишилом. В атаке блистали Владимир Мартинец, Иван Глинка, Вацлав Недомански из братиславского «Слована». Этот «хоккейный хулиган», признанный в итоге лучшим нападающим чемпионата, после первенства мира вместе с Рихардом Фардой сбежал в Канаду, где оба стали выступать за клуб Всемирной хоккейной ассоциации «Торонто Тороз».

В первой игре чехословаки вдоволь покуражились на льду, не оставив советской сборной никаких шансов. Так, первый и второй периоды были выиграны ими со счетом 3:0 каждый. Итоговое преимущество сборной ЧССР 7:2 впечатляло и болельщиков, и специалистов. О том, что для сборной СССР не существовало на международных турнирах иного места, кроме первого, и как доставалось команде от партийных начальников в случае чувствительных поражений, годы спустя вспоминал Борис Михайлов, капитан той незабываемой команды. После разгромного поражения от сборной ЧССР в распоряжение сборной СССР посыпались звонки из Москвы. Как бывало в таких случаях — «сверху требовали» выявить виновных, наказать, доложить. В довершение всего капитана команды вызвали на ковер к послу СССР в Финляндии Владимиру Степанову. В главе советской дипломатической миссии проснулся партийный чиновник. «Вы позорите партию», — заявил посол, добавив, что нужно поставить вопрос о пребывании Михайлова в рядах КПСС.

«Не вы меня принимали в партию, не вам меня исключать», — резко ответил капитан советской сборной. «Посол аж опешил... Когда же мы взяли у чехов реванш 3:1 и стали чемпионами мира, он устроил по случаю победы богатый прием. А я опять стал образцовым коммунистом, — рассказывал Михайлов. —

Смотрю на фото и вспоминаю тот турнир, ставший последним для нашего тренера Всеволода Боброва. Его уволили. Ходили разговоры, что Всеволод Михайлович пострадал за то, что в лифте после окончания чемпионата послал этого важного товарища куда подальше за панибратское обращение...» [36](#)

«Перед игрой и тренеры, и журналисты нам говорили: у вас только один матч на этом чемпионате — с ЧССР, и вы должны его выиграть. Только чехословацкая команда, и только она! Нас просто запугали предстоящим матчем. Это называется “накачка”. Мы проиграли встречу еще до выхода на лед. Боялись самих себя. Страх поборол нашу уверенность. Игроки с самого начала стали ошибаться, вот и посыпались голы», — вспоминал Владислав Третьяк. Председатель Спорткомитета СССР Сергей Павлов срочно прислал в Хельсинки главу Олимпийского комитета Виталия Смирнова «накачивать» сборную.

Как и на двух предыдущих чемпионатах, советская сборная для того, чтобы побороться за золотые медали, должна была обязательно выигрывать второй матч у команды ЧССР. С игроками и тренерами команды у руководства делегации состоялись серьезные и даже жесткие разговоры, хотя сами хоккеисты и без них прекрасно понимали, что им необходимо выигрывать.

Второй матч советской команды со сборной Чехословакии состоялся 18 апреля 1974 года. Перед встречей Бобров пошел на несколько кадровых перестановок. Александр Мальцев заменил на месте центрального нападающего в первом звене Владимира Петрова, который получил травму.

Получилось всё замечательно. Одну шайбу в начале игры забросил Александр Мальцев, а вторую, победную, с его передачи провел Борис Михайлов. Гол Якушева закрепил преимущество советской ледовой дружины 3:1. С таким же счетом была обыграна команда Швеции.

Причем 20 апреля, в день 25-летия Мальцева. Так, сборная СССР завоевала свой 11-й победный титул за 12 лет.

Этот чемпионат мира запомнился еще и тем, что два хоккеиста, из сборных Швеции и Финляндии, стали первыми жертвами допинга в мировом хоккее. Международная федерация хоккея приняла решение тестировать игроков на допинг еще в 1969 году. После каждого матча два игрока, выбранные произвольно из каждой команды, проходили тест. Но только спустя пять лет попались первые нарушители. Ими стали швед Ульф Нильсон и вратарь финнов Стинг Уетзелл. За это обе команды лишили двух очков, а результат аннулированного не в пользу финнов поединка Финляндия — Чехословакия стоил двух очков и третьего места хоккеистам Суоми.

Мировая федерация хоккея не случайно повела борьбу с допингом. В конце 1960-х — начале 1970-х годов в игровых видах спорта, не только в хоккее, но и, скажем, в водном поло, появилось стимулирование игроков таблетками. Затронув в разговоре с Мальцевым эту тему, неожиданно услышал от него фразу: «Дали нам как-то раз какие-то больно дорогие японские пилюли в команде, сказали, что для стимуляции сердечной деятельности. Но мы с Валеркой (Харламовым), придя к себе в номер, где жили, спустили их прямо в унитаз». Выдающимся игрокам не нужно было стимулировать себя неизвестными препаратами. «Чехи всё подшучивали над нами: знаем мы, русские, ваш настоящий допинг — водку. А мы просто играли с вдохновением. Главным допингом для нас были звуки гимна и поднимающийся ввысь ледового дворца красный флаг», — признавался автору этих строк один из прославленных советских хоккеистов.

К слову сказать, великолепную историю про гимн советской сборной рассказал технический директор ХК

«Динамо» (Москва) Алексей Панфилов. Она относится не к 1970-м годам, но достаточно точно характеризует расклад сил в мировом хоккее той поры.

В 1989 году, сразу после «бархатной» революции, чешское телевидение пригласило в студию ветеранов местного хоккея, где каждый из них делился с аудиторией приятными воспоминаниями. Там показывали заранее подготовленные фрагменты знаменитых чемпионатов мира 1947, 1949, 1972, 1976 и 1977 годов, когда чехословацкая сборная завоевывала золотые медали.

Среди приглашенных были Иван Глинка, Богуслав Штястны, Ярослав Поузар, Иржи Холечек, Владимир Мартинец, Иржи Холик и многие другие. Во время передачи «звезды» комментировали отдельные эпизоды, отвечали на различные вопросы телезрителей и ведущих программы. Когда передача стала близиться к финалу (а шла она в прямом эфире), всех участников ожидал сюрприз — шутка, которая, как представлялось организаторам передачи, должна была поразвлечь телезрителей. В результате все хоккеисты, конечно, посмеялись, но осадок горечи у них все же остался.

Дело в том, что ведущий попросил их назвать или исполнить музыкальный хит, который игроки чаще всего слышали в своей жизни. Те оживились, стали исполнять различные песни, на их взгляд, очень популярные: народные, попсовые и т. д.

Через какое-то время ведущий передачи, по достоинству оценив вокальные способности выдающихся мастеров прошлого, заявил, что все эти куплеты, конечно, хороши, но мелодия, которую они слышали чаще всего в своей жизни, так и не прозвучала. И включил... Гимн Советского Союза!

В сентябре 1974 года советской команде предстояло еще одно нелегкое сражение: встреча с канадскими профессионалами. Правда, на этот раз не

из НХЛ, а из ВХА (Всемирной хоккейной ассоциации). После матчей суперсерии 1972 года пути советских хоккеистов с канадскими профессионалами не пересекались. Но в Канаде, почувствовав, какое удовольствие и самим хоккеистам, и болельщикам приносят такие поединки, стали искать возможность проведения новых встреч с советской сборной. Больше всего это удалось руководству Всемирной хоккейной ассоциации, которая находилась в жесткой конфронтации с НХЛ. Боссы ВХА Гэри Дэвидсон и Деннис Мёрфи, два калифорнийских адвоката, которые являлись совладельцами еще и Национальной баскетбольной ассоциации, конфликтовали с руководством НХЛ.

ВХА была основана всего за два с половиной года до этих матчей, в декабре 1971 года, и задумывалась как более состоятельный конкурент Национальной хоккейной лиги. Мотив для ее создания был прост — еще одна, прилично зарабатывающая группа североамериканских бизнесменов, которых не подпустили в свое время к энхаэловской кормушке, решила подзаработать на хоккее. Модель новой лиги была скопирована с НХЛ: команды также проводили в матчах между собой более восьмидесяти встреч, а затем в состязаниях навывлет разыгрывали свой главный трофей, который, по названию крупной страховой компании, его учредившей, назывался Кубок АВКО.

Разумеется, ассоциация не могла быть собрана с нуля, и ее владельцы пошли по самому простому пути: стали переманивать в ВХА игроков НХЛ, прельщая их более высокими зарплатами. Тогда им удался, как бы сейчас сказали, мощный «пиаровский ход». В клуб «Виннипег Джетс» удалось заполучить одного из лучших канадских профессионалов Бобби Халла. Его переход стоил ВХА сумасшедших по тем временам денег — двух с половиной миллионов долларов. Во всей

этой истории самое любопытное состоит в том, что полтора миллиона долларов за игрока заплатил сам клуб, а еще миллион собрали... его конкуренты, другие команды ВХА, с той целью, чтобы приход игрока способствовал популяризации новой лиги. Кстати, Бориса Павловича Кулагина шокировала сумма страховки, которую платили профессионалам ВХА в случае травм во время игр и тренировок. Он произнес знаменитую фразу: «Я бы тоже себе все новые зубы вставил, если тут за один выбитый зуб хоккеистам пять тысяч долларов платят».

Боссы НХЛ, раздраженные появлением конкурента, делали вид, что в упор не замечают ВХА, в которой числились 14 клубов. А когда в 1972 году накануне суперсерии между профессионалами и советской сборной вся Канада умоляла их включить в состав команды «перебежчика» Бобби Халла, они использовали шанс, чтобы отомстить обидчикам. Несмотря на личную просьбу премьера Трюдо, встали стеной и отказались взять в ряды канадской сборной Халла. Конечно, в своей общей массе игроки, выступавшие во Всемирной хоккейной ассоциации, были заметно слабее энхаэловцев. Но конкуренцию до своего расформирования в 1979 году они составляли НХЛ приличную.

Серия 1974 года, как и предыдущая, была разбита на два этапа: по четыре встречи по обе стороны океана — в Канаде и СССР. Любопытно, что в Стране кленового листа ни специалисты, ни журналисты не признавали предстоящие поединки суперсерией. Лишь в последние несколько дней перед серией трансляцию матчей включило в сетку вещания канадское телевидение.

В отличие от предельно дерзкой команды двухлетней давности на этот раз на бой с русскими с канадской стороны вышли «одни старики». Действительно, тон у канадцев задавали ветераны,

особенно по сравнению с советской командой, где большинству лидеров, включая Мальцева и Харламова, было около 25 лет. У канадцев же вратарю Джерри Чиверсу было 34 года, Ральфу Бэкстрему — 37 лет. Бобби Халлу исполнилось 35 лет, как и пятикратному обладателю Кубка Стэнли Трамбле. Ну а Горди Хоу, закончивший карьеру в НХЛ тремя годами ранее, отпраздновал свое 46-летие! В сборной канадских звезд, почти как в каких-нибудь выставочных матчах, на лед с «папой Хоу» выходили два его сына, несовершеннолетние на тот момент Марк и Марти. Кстати, участвовал в серии и Пол Хендерсон, герой заключительного матча в Москве в 1974 году.

Выделялся у канадцев колоритный вратарь. У Чиверса в контракте с клубом ВХА был уникальный, особенно по сегодняшним временам, пункт. Во время перерывов между периодами он мог пить пиво. «Лучше бы он без маски играл», — шутили советские хоккеисты, узнав об этом. О маске вратаря-оригинала ходили легенды. Чиверс взял себе абсолютно чистую маску и после игр обводил те места на ней, где были следы от попавшей в нее шайбы. «Этим я хочу показать, что было бы с моим лицом и сколько бы на нем было шрамов, если бы я играл без маски», — признавался он.

Накануне турне местные эксперты отмечали силу и сыгранность советской сборной. Монреальская газета «Ля пресс» писала, что канадцы проиграют русским все восемь матчей серии. Канадцы готовились значительно интенсивнее, чем в 1972 году; на сборах тренировались более двух месяцев. Тренер Харрис большое внимание уделял тактической подготовке, подробно рассказывал игрокам о европейском и особенно советском хоккее. В свои спарринг-партнеры канадская сборная выбирала на тренировочном сборе местные юношеские команды с быстрыми и подвижными игроками, действующими в высоком темпе, в котором играли советские хоккеисты.

«Теперь, в 1974 году, уже никто в Канаде не хотел рисковать своим желудком. “Боги” не без опаски смотрели вниз... И все-таки мы понимали, что предстоящие встречи легкой жизни нам не сулят. Если Канада-72 — это удивленное “ах!”, то Канада-74 — это крепко стиснутые зубы», — писал в своей книге «Эти настоящие парни» Олег Белаковский.

Из двадцати семи советских хоккеистов, прибывших в Канаду, семнадцать выступали в серии 1972 года. Перед первым матчем в Квебеке хоккеисты сборной СССР посетили тренировку хозяев. А увидев, как много в ледовом дворце болельщиков, с изумлением узнали, что местные любители спорта могут заплатить деньги, купить билет и приходиться на тренировки своих любимцев. Капитализм, однако.

Перед играми было много разговоров о грубости. Советские хоккейные руководители еще раз попросили своих коллег сделать всё возможное, чтобы канадские игроки не грубили. А Валерий Васильев предупредил канадцев по-своему: «Держитесь в рамках, а то так тряхану — мало не покажется. И учтите, вы будете лечиться за свои деньги, а меня страна вылечит». [37](#)

В Квебеке сборную СССР разместили в фешенебельном отеле «Хилтон». Удивили не только расценки в номерах — благо за проживание платили организаторы, но и радушие местных буржуа, респектабельных постояльцев отеля, от души аплодировавших посланцам Страны Советов. Харламова и его товарищей также поразила поездка на матч в автобусе, который окружили полицейские на десяти мотоциклах. Они попеременно выезжали вперед, блокируя ближайшие перекрестки. Так, в окружении блистающих серебром «харлей-дэвидсонов», советскую команду доставили прямо к боковому входу на арену. А там уже бесновались местные болельщики, которых не смутила заоблачная цена билетов на игры с Советами.

Она доходила до 250 долларов (около 1700 долларов по нынешним ценам). Но и за эти деньги достать билеты перед игрой было почти невозможно.

«В семьдесят четвертом году мы жили в Канаде, в городе Квебеке, в гостинице, где не нашлось подходящего помещения для установки перед игрой. Тренеры наставляли нас в... баре. И вдруг после установки обнаружилось, что Валерий Васильев привязан к креслу шнуром от занавесей. Сделали это Петров и Харламов. Что это — несерьезность, легкомыслие, невнимание, неуважение к тренерам? Но тогда едва ли не больше всех смеялись сами тренеры, — вспоминал спустя десять лет после этого эпизода Владислав Третьяк, добавляя: — Такая вроде бы неуместная шутка двух ведущих игроков, оказалось, только обрадовала наших строгих наставников. Они увидели за ней уверенность, раскованность наших лидеров, их хорошее настроение в канун ответственной игры, настроение, которое не могло не передаться остальным». [38](#)

Кулагин не стал ругать своих бойцов. Шутят, значит, хорошо. Значит, не чувствуют себя напряженно и не робеют перед канадцами, уверенные в своих силах.

«Контакт с квебекскими болельщиками произошел в ту самую минуту, когда над стадионом прозвучали фамилии Якушева, Третьяка и Харламова. Стадион встретил их как своих давних, хороших знакомых, им аплодировали так, как аплодируют хоккейные гурманы своим любимцам. Это было действительно приятно», — вспоминал Олег Балаковский.

Именно в этом матче в «Квебек-сити» Валерий Харламов забросил свою, наверное, самую красивую шайбу в карьере. Этот ролик и сейчас в Интернете ежемесячно собирает десятки тысяч просмотров. Им иллюстрируют на своих сайтах материалы о Харламове

различные массмедиа. Еще тогда, 40 лет назад, этот шедевр назывался «голом для гурманов».

Канадцы повели со счетом 1:0 благодаря шайбе Маккензи. Во втором периоде Владимир Лутченко сравнял счет. Еще не была закончена атака советской сборной, как Бобби Халл на 33-й минуте перехватил шайбу, устремился к воротам Третьяка и поразил их. Профессионалы повели со счетом 2:1.

«А дальше произошло нечто невероятное, нечто граничащее с цирковым трюком. После удаления канадского игрока наши вновь устремляются вперед. Харламов уже пересекал синюю линию, как вдруг перед ним возникли два канадских защитника. Расстояние между защитниками не превышало нескольких десятков сантиметров. В эту брешь и устремляется наш нападающий. Защитники ожидали всего, чего угодно, но только не того, что произошло в следующее мгновение. Каждый из них был уверен, что русский форвард вступит с кем-нибудь из них в единоборство и завяжет, так и не дойдя до цели. А Харламов проскакивает между игроками и продолжает вести перед собой шайбу. Защитники сталкиваются друг с другом, ищут русского игрока, который оказывается уже за их спинами. Не сбавляя скорости, Валерий с ходу бьет по воротам. Шайба в воротах. Казалось, этим голом больше всех были потрясены сами канадцы. Такого они еще не видели», — писал в своей книге врач сборной СССР Олег Белаковский.

Харламов продемонстрировал все элементы своего высочайшего мастерства. Свою начатую на высокой стартовой скорости и гипнотизирующую защитников обводку. Они не понимали, куда именно уйдет номер 17. Влево или вправо? Гадали два защитника сборной ВХА, поигравшие и в НХЛ, Стэплтон и Трамбле. А он взял и совершенно неожиданно, и по-хорошему нагло пошел по центру, пока они приготовились ловить его по краям.

Здесь проявилось умение Харламова мгновенно оценить ситуацию и в доли секунды принять верное решение. Наконец он сблизился с вратарем, фирменным ложным замахом уложил его на лед. И аккуратно бросил «послушную шайбочку» в левый верхний угол!

«Когда мы со Стэплтоном откатывались назад, я был спокоен: ни один форвард ВХА или НХЛ не рискнул бы вклиниться между нами. Без ложной скромности скажу, что менее опасно очутиться между двумя жерновами. Однако этот русский нападающий понесся прямо на нас. Что было потом? Я видел, что форвард собирается обойти меня с внешней стороны, слева. Пэт Стэплтон, как потом выяснилось, заметил прямо противоположное: мол, русский хочет обойти его справа и тоже с внешней стороны. Когда же мы разъехались ловить каждый “своего” Харламова, тот проскочил между нами. И я по сей день не пойму, как он оставил нас в дураках. Но одно я знаю точно: другого такого игрока нет», — вспоминал Жан Клод Трамбле.

«Я, например, не видел ничего подобного ни до, ни после этого. Канадские телекомментаторы тоже. В 1974 году этот эпизод на экранах Северной Америки повторялся неоднократно, и каждый раз комментаторы буквально захлебывались от восторга», — признавался Борис Кулагин. Действительно, это настоящее «блюдо для хоккейных гурманов». Изыск. Как говорится, беллиссимо!

Эта встреча завершилась со счетом 3:3. В ней Валерий Харламов в довершение к чудо-голу отметился результативным пасом на Владимира Петрова. Кто бы мог подумать, что матерые канадские хоккеисты, как дети, будут радоваться ничьей. Команды переехали в Торонто: гости с томительной пересадкой, канадцы — прямым рейсом и хорошо выспавшись перед игрой.

На стадионе в Торонто советские игроки увидели последние североамериканские хоккейные новинки:

позади ворот и перед столом судей-секретарей располагались щиты из оргстекла. Вверху у свода арены были установлены световые табло с отсчетом времени, оставшегося до конца периода, и секунд «штрафников». В перерыве матчей лед чистили и заливали специальные комбайны. Поразило и обилие буфетов, ларьков с хоккейными сувенирами. Теперь этим никого не удивишь, но тогда, четыре десятилетия назад, советские игроки смотрели на эти новшества едва ли не с открытыми ртами, еще раз убеждаясь, что североамериканский хоккей — это мощная спортивная машина по получению прибылей и раскручиванию звезд.

Матч в Торонто, который советская команда проиграла со счетом 1:4, запомнился скандалом. Уже к 23-й минуте канадцы, благодаря шайбам Бэкстрема, Лакруа и Халла, вели со счетом 3:0. Затем Александр Якушев немного сократил разрыв. Когда Владимир Петров при счете 1:3 забил гол в ворота канадцев, это видели все, кроме судей. «Мы были в шоке, что гол не засчитали. А это был переломный момент матча. Мы проиграли 1:4, возвращаемся в гостиницу, включаем телевизор, а там везде показывают, как шайба туда-сюда в ворота идет и из ворот выходит. Это сегодня такие моменты просматривают профессионально, в НХЛ есть восемь-десять камер, они всё это фиксируют, а тогда мы были вынуждены смириться с этим несправедливым решением судьи», — объяснял Владислав Третьяк.

«Вы слепой патриот, судья Браун!» — писала монреальская «Газетт». В самолете, на котором судья Браун летел вместе с советской сборной на третий матч серии в Виннипег, он раскаялся в разговоре с Владимиром Дворцовым: «Я растерялся. Со мной такое впервые. Мне очень неловко, но должен сказать вам, как журналисту, что, если бы подобное произошло у

ворот советской команды, я поступил бы точно так же». Матч в Виннипеге стал единственным в канадской части серии, который транслировался в прямом эфире Центрального советского телевидения. Уделив особенное внимание обороне, подопечные Кулагина победили родоначальников хоккея со счетом 8:5. Правда, немного расслабились в последние пять минут игры, когда канадцы, благодаря двум шайбам злого гения советской сборной Хендерсона, едва не сравняли счет.

«Русские хоккеисты играли так же великолепно, как танцуют артисты балета Большого театра», — заметил канадский обозреватель Гросс в «Торонто сан», тем самым действительно подтверждая расхожий тезис, что в балете и хоккее мы были «впереди планеты всей». В этой игре лучшим игроком стал Александр Якушев, забросивший три шайбы. Валерий Харламов очков не набрал.

В расположение сборной СССР полетели весточки с родины: поздравления, пожелания, обещания... Одну из таких телеграмм во время телетрансляции с четвертой игры в Ванкувере зачитал комментатор Николай Озеров: представители Морфлота СССР в случае общей победы сборной обещали бесплатно прокатить игроков и тренерский штаб по Черному морю.

Канадские газетчики призывали: играйте с Советами жестче и агрессивнее, да и вообще покажите им, что такое настоящий канадский хоккей. В Ванкувере вдруг объявился журналист «Глоб энд мейл» Дик Беддос — тот самый, что ел газету с борщом два года назад, после разгрома канадцев в Монреале. Когда советские хоккеисты спросили его о прогнозе на предстоящий матч, «акула пера» прищурился и, хитро улыбаясь, сказал: «Вы выиграете. Со счетом 6:2». И, надо же, опять пообещал съесть газету, если не угадает с исходом игры. Впору было спасать храброго

репортера от заворота кишок. Уже в автомобиле местного собора ТАСС в Канаде Беддос решил показать гостям Ванкувер, признался, что если придется съесть газету, то он непременно сделает это с украинским борщом. В Ванкувере команды сыграли вничью 5:5. В концовке матча Валерий Харламов не реализовал выход один на один, но тем не менее вошел в тройку лучших игроков матча с советской стороны, по версии местных журналистов, вместе с Якушевым и Третьяком.

В этом матче случился любопытный эпизод. Борис Кулагин пообещал при счете 2:5 бутылку коньяку тому из игроков, кто сравняет счет. Ликовал Александр Гусев, установивший окончательный счет в матче и получивший от Кулагина бутылку армянского коньяка по возвращении на родину.

История умалчивает, съел ли Дик Беддос, снова не угадавший счет в матче между канадскими и советскими хоккеистами, газету с борщом.

Во время хоккейных матчей сборных СССР и Канады жизнь на улицах канадских городов почти замирала. Во время игр почти не фиксировались уличные преступления, не случались дорожно-транспортные происшествия. «Почаще бы русские приезжали к нам», — заявил в эфире одного из монреальских телеканалов один из местных полицейских начальников.

В конце сентября разными маршрутами сборные СССР и Канады приехали в Москву, где 1 октября должен был пройти первый матч второй части серии. Сюда же поддержать игроков ВХА отправились две с половиной тысячи канадских болельщиков. Тренер канадцев Билл Харрис перед ответной поездкой всячески заводил своих игроков: «Теперь вы убедились, что русских можно одолеть. Для этого лишь нужно не расчехлять коньки за четыре минуты до финального свистка судьи». Во Дворце спорта «Лужники» канадцы

вели себя, как студенты перед экзаменом: выйдя на лед, сосредоточенно и молча катались по площадке непривычно больших для них размеров, словно слушая, как в тишине этого огромного пространства шуршат коньки. Напряжение в стане противника было видно невооруженным глазом. Тренер гостей даже не пошел на предматчевую конференцию, заявив, что ему «нужно продумать все детали матча и переговорить с игроками».

То хамское поведение на льду, какое позволяли себе профессионалы НХЛ во время серии двухлетней давности, сборники из ВХА в первых матчах противостояния 1974 года не допускали. По крайней мере, в первой части серии, на глазах своих болельщиков. Но в Москве, начиная с пятого матча, они принялись хамить на площадке. Невысокого по канадским меркам Вячеслава Анисина, забросившего шайбу в ворота канадцев, сшибли сзади. Потом начал грубить 47-летний Горди Хоу, которого болельщики называли «Мистер локти» из-за его жесткого и силового стиля игры.

Первый поединок в Москве сборная СССР выиграла благодаря дублю Мальцева и голу Гусева. Шестой матч запомнился грубостью канадцев и очередным шедевром Валерия Харламова. Канадцы начали с провоцирования Валерия Васильева: после того как советский хоккеист забросил шайбу, Мак Грегор ткнул ему в спину клюшкой, словно шпагой. Большой потасовки удалось избежать только благодаря вмешательству судей. Васильеву порвали майку. «Порвали, супостаты, свитер, — под хохот товарищей сказал, улыбаясь, «Буслай». — Как я теперь буду на лед выходить? Он у меня один».

Затем канадцы устроили настоящую охоту за Валерием Харламовым. И опять крик «Остановите Харламова!» раздавался с тренерского мостика канадцев. Наиболее «горячо» тренерскую установку

воспринял защитник Лей, с кулаками и сверкающими злобой глазами налетевший на самого техничного советского хоккеиста. Защитник Рик Лей внешним видом напоминал гангстера времен «сухого закона» в США 1930-х годов. Он всю игру охотился на Харламова и, в конце концов, сбросив перчатки, устроил рукопашную с 17-м номером советской сборной, который значительно уступал ему по габаритам.

На льду началась потасовка, и комментировавший поединок Николай Озеров произнес свою знаменитую фразу: «Такой хоккей нам не нужен». Трансляцию матча по Центральному телевидению прервали. Грубиянов из-за океана удалось остановить только через десять минут. В ложе почетных гостей за этим поединком наблюдал Леонид Ильич Брежнев, который не пропускал ни одной встречи московской части серии. В конце потасовки он поаплодировал советским игрокам, которые дали достойный отпор канадцам.

«Казалось бы, незаметный тычок клюшкой, и у Харламова разбита переносица. Мне с трудом удается остановить у него кровь. Удар в переносицу — штука очень болезненная, но сейчас не до боли, и Валерий снова рвется на лед. Канадцы ставят перед собой задачу — сломить этого упрямяца, сломить любой ценой. И тут же на глазах у тысяч возмущенных зрителей происходит нечто отвратительное. Рик Лей, канадский защитник, настигает Валерия и бьет кулаком в лицо ни с того ни с сего. Бьет кулаком в переносицу! Удар Лея служит сигналом, и начинается настоящее побоище. Больше всего достается Харламову, Якушеву, Мальцеву, Васильеву, Лутченко. Все они серьезно травмированы», — вспоминал Олег Белаковский.

Медицинский штаб едва успевал перевязывать, подклеивать хоккеистов; они буквально рвали на лед, абсолютно не думая о том, что могут получить новую травму. «Это было поистине великое противостояние.

Слежу за игрой, и вот что бросается в глаза. Все эти потасовки и откровенные драки не результат охватившего игроков азарта. Во всем, что делают канадцы, — холодный, хорошо продуманный расчет. А поскольку это не азарт, в одинаковой мере охватывающий соперников, не возникает и обоюдной игровой страсти, когда силовая борьба не только допустима, но и в определенных пределах необходима. Сейчас передо мной происходит нечто совсем иное. Нашим ребятам все время приходится как бы прорываться к игре, к истинному хоккею, сквозь кулаки соперников. Естественно, что в такой ситуации они, в свою очередь, вынуждены прокладывать себе путь к победе не только клюшками», — продолжал Олег Белаковский в своей книге.

По воспоминаниям ветеранов, на Валерия Харламова после этой игры было страшно смотреть. Все его лицо было в кровоподтеках, как после жестокого боксерского боя, свитер порвался и был весь в крови. Партнеры увели Валерия в полубессознательном состоянии в раздевалку под руки. На пресс-конференции после матча разозленный Борис Кулагин сказал, что канадские игроки, которые замешаны в безобразной игре, заслуживают отстранения от матчей. Впрочем, никто потом никого так и не отстранил.

Абсолютно не джентльменский поступок соотечественника на льду вызвал бурную реакцию у болельщиков в Канаде, к тому времени оценивших талант «номера 17» и полюбивших его. Обсуждение поступка Лея происходило даже на заседании канадских парламентариев, когда сенатор Джон Годфри назвал защитника «позором для Канады» и потребовал исключить его из рядов канадской сборной. Спортивный телекомментатор канала «Си-би-эс» в одном из своих репортажей заявил: «Нам говорили, что

русские играют грубо. Но то, что мы с вами только что видели, — это сплошные канадские кулаки».

«У нас за такое пятнадцать суток тюрьмы дают», — мрачно заметил на пресс-конференции после матча Борис Кулагин. Понурый Лей явился в распоряжение сборной СССР и, извиняясь, попросил у Харламова прощения. «Я был донельзя раздосадован крупным проигрышем, как я посчитал, из-за плохого судейства вашего арбитра, и не нашел ничего лучшего, как выместить свою злость. Ближе всех ко мне в тот момент оказался Харламов...» — так объяснил мотивы своего хамского поступка канадец. И, конечно, был прощен отходчивым и благородным игроком советской сборной.

А в том матче, который закончился со счетом 5:2, Валерий Харламов сотворил очередной шедевр. Вот как описывал этот момент Анатолий Тарасов, наблюдавший за встречей с трибуны «Лужников»:

«Первого канадца он обвел своим коронным финтом — обманным кивком головы в сторону, отчего тот кинулся наперерез, туда, куда Валерий и не собирался двигаться. Второго, который намеревался на подкате столкнуться с Валерием, он обыграл, резко затормозив и одновременно развернув туловище, так что противник промахнулся и пролетел мимо. А третьему он показал, что якобы потерял шайбу, умышленно отпустив ее от крюка клюшки, и, когда канадец дотронулся до шайбы, предвкушая, видимо, радость оттого, что отнял ее у самого Харламова, наш форвард налетел на него, ударом плеча опрокинул на лед, овладел шайбой и оказался один на один с вратарем Чиверсом. — Как бы шутя, чуточку даже игриво приблизился Валерий к опытнейшему голкиперу канадцев, сделал замах клюшкой и выпад влево с явным намерением пробить в правый от вратаря угол ворот». Только такой специалист, как Тарасов, смог разложить по полочкам всю «азбуку атаки» своего воспитанника.

«Его финт, положение тела, его глаза и веселая улыбка были до того естественными, что вратарь просто не мог не поверить в очевидность харламовского замысла и начал смещаться вправо. Но Валерий сыграл иначе — неуловимым движением он послал шайбу верхом в левый угол ворот. Описать его действия в этот незабываемый момент вроде бы не слишком сложно. Но сыграть так против столь сильного противника — это почти невозможно. Буквально не веришь своим глазам. А между тем Харламов делал подобные вещи не раз», — с явным наслаждением смаковал этот эпизод в своих воспоминаниях Анатолий Тарасов.

Из двух оставшихся матчей сборная СССР в одном, заключительном, победила (3:2) и одну встречу свела вничью (4:4). В итоге одержав убедительную победу в серии. Харламов занял пятое место в списке лучших бомбардиров с семью набранными баллами за результативность (два гола и пять результативных передач). В объединенную символическую сборную серии от советских хоккеистов вошли Владислав Третьяк, Валерий Харламов, Борис Михайлов и Александр Якушев.

Эти матчи принесли пользу как канадской, так и советской школам хоккея. «Встречи со сборной ВХА нельзя назвать второстепенными. И дело не только в том, что для победы нам пришлось приложить все силы. Для советского хоккея серия 1974 года имела немаловажное значение. Она дала ответ на вопрос, что только звезды НХЛ могут сравниться с русскими хоккеистами, доминировавшими на мировой арене», — считает Борис Михайлов. Отметим, что сами канадцы подчеркивали, что они вновь убедились в высоком классе хоккеистов сборной СССР. Дэйв Бауэр, долгие годы работавший с любительской командой Канады, признавался, что «ради того, чтобы посмотреть такие матчи, стоит два раза пересечь океан».

Чемпионат Советского Союза 1974/75 года получился самым продолжительным в советской истории, хотя команды провели всего лишь по 36 игр. Это случилось как раз из-за суперсерии, последний матч которой завершился 6 октября 1974 года. Во всесоюзном турнире хоккейной элиты приняли участие десять команд, которые сыграли в четыре круга. На тренерский мостик ЦСКА заступил Константин Локтев. Помогали ему бывшие партнеры по линии нападения 1960-х годов Анатолий Фирсов и Вениамин Александров. Локтев к тому же стал помощником Бориса Кулагина в сборной СССР.

Армейцы лихо стартовали, потерпев поражение только в 11-м туре. Этот сезон стал очередным триумфом первой тройки. Михайлов, Петров и Харламов выиграли приз «Три лучших бомбардира», учрежденный газетой «Труд», забросив в чемпионате 82 шайбы. Валерий Харламов в том сезоне чаще выступал в роли подносчика снарядов для своих партнеров.

ЦСКА в том сезоне разбушевался, словно отыгрываясь за второе место в предыдущем первенстве. Армейцы отправили в ворота соперников 196 шайб (в среднем — более пяти за игру). В первенстве армейцы на восемь очков оторвались от прошлогоднего чемпиона «Крыльев Советов» и на девять — от «Спартака». Владимир Петров с 53 набранными баллами за результативность стал лучшим бомбардиром чемпионата, на два очка опередив своего товарища по первой тройке Бориса Михайлова. Харламов поделил в списке 5-6-е место с Александром Бодуновым из «Крыльев Советов» с 39 набранными очками.

В этом сезоне впервые в составе ЦСКА на льду появился Вячеслав Фетисов. Один из лучших защитников в истории мирового хоккея, которому на тот момент только исполнилось 17 лет, сыграл в сезоне

1974/75 года всего в одном матче. Опекать его в армейском клубе взялся Валерий Харламов, который видел его несколько лет назад в том самом дворе, где жил его дед.

Вячеслава Александровича, тогда просто Славу, пригласил на сборы сам Константин Борисович Локтев. По словам Фетисова, ему повезло, что свою профессиональную карьеру он начал в пятерке Петрова. «Естественно, они уже были мэтры в то время, и вдруг к ним в пятерку пацана поставили. Наверное, иногда я делал не то, что им нравилось. Но они терпели. В основном это был Валерка, он меня во всем поддерживал. Иногда он буквально шипел на Петю (Петрова) с Борей, когда они начинали на меня голос повышать. А в плане отношения к делу, скажу вам прямо: он тренировался больше всех и в ЦСКА, и в сборной. Последним уходил с тренировки. Потом подкачивался еще отдельно в спортзале. Он был настоящий профессиональный человек. Любил жизнь. Это тоже немаловажный фактор. Он все время говорил нам, молодым: “Ребята, получайте удовольствие от всего”. “Кайф” — такого слова тогда не было, было слово “удовольствие”. “Так вот, получайте радость от того, что вы делаете. Ведь все быстро закончится: слава, поклонники”. Он все время предупреждал нас молодых, говорил: “Я вот вижу, как несколько поколений игроков карьеру закончило. На их примере понимаю, что после того, как закончите играть, вы будете никому не нужны уже. И к этому также надо быть готовым”», — вспоминал в беседе Вячеслав Фетисов.

Доверительные отношения установились у Валерия Харламова и с Владимиром Крутовым, который дебютировал в ЦСКА в 1977 году в игре против «Крыльев Советов».

«Для нас, молодых армейцев, уважение к старшим было определяющим фактором. Так мы воспитаны были. С другой стороны, мы понимали, что уважение на льду ты должен доказывать все время. Там уже никаких авторитетов не должно было быть. И где-то как-то быстро наши интересы с Валерой пересеклись. Он к молодым тянулся. Когда мы пришли в команду, он меня и позже игроков моего поколения взял как бы под крыло, под свою опеку. Мы дружили с ним, наша пятерка, Крут, Макар, Касатон и я, — вспоминал Вячеслав Фетисов. — Характер на льду у Валеры был фантастический. Он был настоящий боец. И все эти его фирменные движения, обводки, его уникальный бросок в ближнюю девятку там, где практически шайба может только впритирку пройти, — всё это было его, харламовское. На тренировке он почти десять из десяти таким образом попадал. Тот же Третьяк знал, что все равно от Валеры последует такой бросок, но каким-то движением тот умудрялся обхитрить его... Он Володю Крутова нестандартности на льду все время учил. Когда Володя один на один выходил, то нельзя было угадать, что он сделает. У Валеры был принцип: ты для себя должен до последнего не принимать решения. Володьки Крутова тоже, к сожалению, больше нет в живых. Они по духу были близки очень. Невостребованность для таких людей, как Валера, — это смерть по большому счету. С Володей Крутовым так и случилось».

Опекая этих талантливых ребят, Харламов конечно же вспоминал свою юность, то, как таким же молоденьким парнем пришел в легендарный ЦСКА Фирсова, Рагулина, Альметова и других хоккейных талантов. Старался убереечь их от ошибок, подсказать, посоветовать что-то с позиций своего опыта, своей блистательной карьеры.

«Словами не передать, насколько он был глобальным человеком в плане открытости. Русский мужик с испанским колоритом, с жаждой жизни, жаждой какого-то удовольствия от всего, что он делает. Не злобный был, не завистливый. Был волшебный человек, своим обаянием как магнит притягивал; конечно, и к нему все тянулись, особенно молодые. Для нас он был и старшим товарищем, и старшим братом, как-то всё вместе», — вспоминал один из лучших защитников в истории мирового хоккея.

Между тем харламовское ощущение свободы, его желание радоваться жизни, выйти за рамки серых буден не нравились советским чиновникам. «Ветер дул» со стороны аппарата партийных идеологов во главе с Сусловым, человеком зашоренным, застегнутым, в прямом и переносном смысле, на все пуговицы, признающим лишь партийные догмы и лишенным каких-либо жизненных удовольствий. Примерно по той же схеме, как расправились с Бобровым, доводя до чиновников сплетни о его «загулах и ДТП в пьяном виде», пытались доброжелатели опустить с «небес на землю» Харламова и его друга Мальцева.

Чиновники совсем не так представляли моральный облик лучших советских хоккеистов. «Им нужны были такие образцовые и нескандальные комсомольцы, как Владик Третьяк», — признался в беседе один из ветеранов. Харламов и Мальцев, веселые и жизнерадостные парни, первыми надевшие золотые цепочки во время игр, видные меломаны и модники столицы, пользовавшиеся большой популярностью у слабого пола, люди, перед которыми открывались двери лучших ресторанов и театров, яркие внешне, неординарные, не вписывались в серый «пейзаж советских буден». Поставить на место, приструнить их можно было легко: и армеец Харламов, и динамовец Мальцев были офицерами, обязанными четко блюсти

устав и исполнять приказы. В начале 1970-х находились кляузники, которые пытались нашептать Аркадию Чернышеву и Анатолию Тарасову, что Мальцева и Харламова «видели тогда-то и там-то за бутылкой». К счастью, два великих тренера спрашивали со своих любимцев не в соответствии с «моральным обликом строителя коммунизма», а по большому «хоккейному счету». Два мудрых наставника понимали, что все эти развлечения — минутная блажь, а главное, что движет ребятами, — это огромная преданность его величеству Хоккею и своей великой Родине. И уже в середине 1970-х новые тренеры ЦСКА и сборной Локтев и Кулагин, которые также ценили уникальный талант Харламова, прощали ему всё, не обращая внимания на наветы.

Говорят, что один из больших начальников, прочитав «отчет» о том, что два хоккеиста «снова прилетели из загранпоездки в новой одежке», раздраженно сказал: «Пусть играют, но пусть не выпендриваются!» Тогда-то всё и началось...

Первый звоночек прозвучал для Мальцева. В самой популярной молодежной газете «Комсомольская правда» в зимнем перерыве сезона 1974/75 года появилось «Открытое письмо капитану хоккейного “Динамо” Александру Мальцеву». Корреспондент, рассказав о том, что Мальцев опоздал на самолет, который вез динамовцев в Швецию на Кубок Ахерна, предположил, что этот проступок «логично вытекает» из образа жизни нападающего сборной СССР. Дескать, тот стал уделять больше внимания пирушкам, чем хоккею. Как настоящий приговор читались заключительные строки этого «письма»: «Не стоит, право, дожидаться очередного звонка. Ведь он, Александр, может оказаться последним. Понимаешь, последним». В советские времена это действительно могло расцениваться как «последнее предупреждение». Этот случай так разозлил Валерия

Харламова, что в обычно добродушном и неконфликтном армейце «забурлила» горячая испанская кровь. Пока Мальцев у себя дома отходил от шока, вызванного публикацией «письма-статьи», очернившей его на весь Советский Союз, Валерий Харламов примчался в редакцию «Комсомольской правды», требуя организовать встречу с автором публикации и напечатать опровержение. Но было поздно, «маховик порицания» уже был запущен, и руководство «Комсомолки» не смогло уважить просьбу даже такого обожаемого в СССР человека, как Валерий Харламов.

«В то время подобным образом, как бы подвергая “публичной порке” заслуженных спортсменов, пытались, кроме того, что повлиять на них самих, еще и воспитать молодых, начинающих игроков, предупредить их, что последствия нарушения дисциплины могут быть самыми серьезными. Исходила такая инициатива из высших партийных инстанций. Дескать, если так поступили с самыми выдающимися людьми спорта, то что же может быть с другими? На примере Саши Мальцева показали, что в СССР нет и не может быть неприкасаемых спортсменов», — признавался известный спортивный комментатор Владимир Писаревский. Через год, уже в следующем сезоне, через подобную публичную порку пройдет и Валерий Харламов.

Тем не менее надо отдать им должное, и Мальцев, и Харламов, хотя и принимали эти нападки близко к сердцу, продолжали демонстрировать фееричную игру и так же веселиться вне льда. Показательным в этом отношении стал чемпионат мира по хоккею, который стартовал в ФРГ и продлился с 3 по 19 мая 1975 года.

В Германию приехало много болельщиков из соседней Чехословакии, которые даже через семь лет не могли простить «Советам» Пражской весны. Во

время матчей с участием сборной СССР освистывали советский гимн. На это сборная СССР отвечала крупными победами и градом шайб в ворота соперников. Чехи по привычке пытались грубить, навязать русским силовую борьбу, но после того, что было в серии с канадцами, советские хоккеисты просто не обращали на это внимания. Советские игроки дважды победили команду ЧССР с разницей в три шайбы — 5:2 и 4:1, а также выиграли у шведов — 4:1 и 13:4.

Этот чемпионат сильно напоминал тот, который состоялся двумя годами ранее в Москве. Сборная СССР также одержала победы в десяти матчах из десяти. Правда, забросила за турнир не 100 шайб, как в Москве, а на 10 меньше — в среднем 9 за игру. Но разница забитых и пропущенных голов впечатляла — плюс 67! В десятке самых метких игроков чемпионата было семеро (!) представителей сборной СССР. Петров был в списке вторым, Харламов — пятым, Михайлов — восьмым. Советские хоккеисты стали тринадцатикратными чемпионами мира.

Заокеанские скауты по-прежнему не давали покоя Харламову и другим ведущим игрокам советской сборной. На чемпионате мира 1975 года спортсменов преследовали буквально по пятам, карауля момент, когда они окажутся вместе, но отдельно от других сборников, и пытались уговорить их остаться на Западе. В Германии агенты пользовались тем, что советским хоккеистам разрешили взять с собой в поездку жен и те впервые увидели, что же такое на самом деле «западный образ жизни».

Телекомментатор Владимир Писаревский вместе с Николаем Озеровым освещал игры того первенства. «В Дюссельдорфе к нашей с Николаем Николаевичем комментаторской кабине подошел Билл Харрис, тот самый, кто в 1974 году тренировал команду ВХА,

сборную Швеции и был известен в Европе. Он меня знал, так как мы часто встречались на различных международных хоккейных турнирах. Он обратился к нам с Озеровым с предложением: попросил посодействовать за неплохие комиссионные в покупке нескольких наших хоккеистов, в том числе Харламова», — вспоминает Писаревский.

«Вы не могли бы с ребятами поговорить. У меня есть полномочия от шести клубов НХЛ. Они готовы тут же предложить большие контракты за пятерых ваших игроков. Это очень большие деньги. Обещаю вам приличные комиссионные», — улыбнулся Харрис, демонстративно показывая чековую книжку, куда можно было вписать любую сумму. Речь шла о миллионах долларов за контракт каждого игрока. Зарплата предлагалась значительно больше, чем у подавляющего большинства хоккеистов НХЛ, и была сопоставима с окладами руководителей корпораций Северной Америки. Николай Озеров, который был хорошим артистом (как-никак окончил ГИТИС и в свое время играл во МХАТе), сделал вид, что заинтересовался этим предложением. «А сколько нам заплатят?» — спросил он. «Двадцать пять тысяч долларов», — буднично заметил Харрис. «Нет, нас это не устроит, — продолжил «играть» Николай Николаевич Озеров. — Нам бы по пятьдесят». — «Пятьдесят так пятьдесят», — нисколько не смущаясь, ответил гость из-за океана, пообещав, что комментаторы получат деньги, как только интересующие североамериканцев игроки подпишут контракт.

Озеров пообещал «всё устроить». Харрис ушел довольный. Расплывшись в улыбке, он крепко пожал руки представителям Страны Советов. Тем временем Писаревский пошел к администратору сборной Анатолию Сеглину и рассказал ему о пристальном интересе к игрокам сборной. Сказал, что Харрис

упоминал о Харламове, Якушеве, Третьяке, Мальцеве, Михайлове. Сеглин в сборной был тем человеком, который во время зарубежных турниров контактировал с советским посольством в стране пребывания и, естественно, должен был доложить о намерениях иностранца. «Молодец, что предупредил. Всё будет хорошо, не переживай», — ответил Сеглин, которого игроки сборной уважали за общительность и чувство юмора.

На следующий день предстояла игра со сборной США. Комментаторы по традиции перед игрой спускались в раздевалку сборной, чтобы узнать о настроении игроков, их прогнозах и пожеланиях болельщикам. Писаревского поразило обилие одинаково одетых людей в плащах и шляпах, которые, по его словам, охраняли всю раздевалку, включая и санузел. Валерий Харламов первым появился на раскатке из раздевалки советской команды. На пути к ледовой площадке также стояли несколько человек во всё тех же серых плащах и шляпах. Стало ясно, что на подмогу к офицеру по безопасности, обслуживающему команду, вызвали «людей в штатском».

«Они буквально обложили весь дворец, в котором должна была пройти игра, чтобы никто из наших хоккеистов не сбежал. Валера подошел ко мне и спросил: “Владимир Львович, что происходит? У нас в стране что-то случилось, власть, что ли, переменялась? А может, китайцы к нам вошли?” При этом так хитро улыбается, — продолжает Писаревский. — Я ему объясняю, что вчера произошел такой-то эпизод. Валера развернулся и сказал несколько раз с укоризной, но улыбаясь, с явной издевкой, как бабушки на лавочках: “Эх, что же ты наделал, Владимир Львович? Зачем ты сказал, что за нас такие деньги дают, сейчас бы улетели? Что ты наделал?”». «Обхаживания» советских

хоккеистов со стороны иностранцев вскоре прекратились.

Напоследок Мальцев с Харламовым устроили дружескую пирушку в одном из немецких баров. Игрокам тогда в качестве премиальных раздали по 700 марок. Неплохая сумма, но они рассудили, что много на них не купишь. После того как приобрели свои любимые пластинки, небольшие подарки себе и близким, решили покутить. Пригласили некоторых чешских игроков в местный ресторан — отметить победу. Та совместная с чехами вечеринка удалась. Правда, в карманах друзей не осталось ни гроша. Зато местные хоккеисты в очередной раз поразились щедрости русской души. «Знаешь, почему так сблизились и дружили Саша и Валерка? — спрашивал у автора этих строк Виталий Семенович Давыдов и тут же отвечал: — Оба были ребята широчайшей души. Деньгам не придавали такого значения, как некоторые. Они были для них ничто».

Несмотря на настоящие сражения на льду, между чехословацкими и советскими хоккеистами за пределами площадки в целом поддерживались нормальные отношения. Иржи Холик признавался, что в советской команде было много харизматических лидеров, с которыми дружить ему доставляло истинное удовольствие. «Саша Якушев был блестящим организатором. Если мы приезжали в Москву, то по окончании турнира он непременно отвозил нас за 30 километров от города — там находился хороший ресторан, где мы могли расслабиться вдали от чужих глаз. В эту же компанию входили Давыдов, Мальцев и, конечно, Валера Харламов — самый коммуникабельный человек в сборной СССР», — говорил он в интервью белорусскому изданию «Прессбол» в 2000-е годы. Другой легендарный чешский игрок Владимир Мартинец признавался, что Харламов запросто мог

прийти к чехословацким хоккеистам после чемпионата мира, выпить водки и просто поговорить, как с хорошими друзьями. Конечно, это не относилось к таким провокаторам, как, например, Вацлав Недомански, которого особенно не любили в советской сборной. Да и свои его тоже не привечали.

Победу на чемпионате мира 1975 года и окончание успешного сезона игроки отмечали уже в Москве с гусарским размахом. В своих любимых кафе и ресторанах. Кое-где ели мороженое с клубникой, как в «Метелице». В заведениях поосновательнее, например, в «России», «Арагви» и «Советском» (нынешнем «Яре»), гуляли по-чемпионски под радушно накрытую хозяевами «поляну победителей».

«Сижу я как-то в “Яре” в 1975 году за ширмой, ужинаю, — рассказывал автору этих строк один из прославленных советских спортсменов. — Слышу оживление и знакомые голоса. И понимаю, что это Лутченко, Харламов, Мальцев и еще несколько игроков, чемпионов мира, в гости “к цыганам” пожаловали». Харламов был особенно вдохновлен. Он недавно познакомился с Ириной, которая вскоре станет его женой.

Естественно, заказали свое любимое «Советское шампанское», которое на таких посиделках, особенно после побед на мировых чемпионатах, иногда лилось рекой. «Что, мы не гусары? — предложил кто-то в компании. — Давайте бокалы на счастье разобьем!» Пыл игроков, только что выигравших очередной чемпионат мира, остудил хитрый Мальцев. Он предложил продолжить празднование дома у Харламова, заметив, что видел у Валерия в шкафу фужеры из венецианского стекла. К счастью, бокалы в тот вечер не полетели на пол ни в «Яре», ни дома у Харламова...

Знакомство Валерия Харламова с девятнадцатилетней Ириной Смирновой состоялось в начале 1975 года.

До Ирины у него был роман с девушкой по имени Наташа из Архангельского. Воспитанная девушка, из хорошей семьи, она работала заведующей секцией в универмаге. «У них были отличные отношения. Валера спокойный и Наташа спокойная, не пьяница какая-то. Но что-то не сложилось в последний момент», — признавался один из людей, хорошо знавших Харламова.

А с будущей женой он познакомился следующим образом. У ее подруги был день рождения, и они вдвоем пошли отметить это событие в ресторан «Россия». Сюда заявила компания — Харламов с друзьями. Одет был Валерий Борисович не как чемпион. Пришел в легкой кожаной курточке коричневого цвета, темном джемпере и кепке. Ну, вылитый таксист. Обратил внимание на девушку, сидящую за столиком напротив. Харламова привлекло в ней то, что она не смотрела на него, словно не знала, кто он такой. Пригласил ее на танец. Девушка засмушалась, но ответила согласием. «Кем вы работаете?» — спросила она. «Таксистом, — улыбнулся Харламов, поняв, что девушка действительно не узнала его. — На “Волге”. Я вас бесплатно до дома довезу». Валерий довез девушку до дома, подарил ей цветы. Так завязалось знакомство, которое переросло в роман.

Свадьбу решили сыграть по окончании сезона 1975/76 года, который стал, пожалуй, самым неудачным в карьере Харламова. Во многом из-за эпизода, произошедшего зимой. Во время матча Харламов ударил кулаком хоккеиста «Химика», своего бывшего партнера Владимира Смагина. Они вместе играли когда-то в уральской «Звезде», потом в ЦСКА. За этот проступок он был удален с поля на пять минут. «Видел,

как мне доставалось от защитников?! Ну и я в конце не выдержал. Но все равно не имел права так играть против Смагина. Он ведь вообще был ни при чем... Знаешь что: давай завтра поедem к нему домой. Я хочу поговорить с ним, извиниться», — попросил Валерий Харламов журналиста Леонида Трахтенберга.

Вместе с Трахтенбергом Харламов поехал извиняться к Смагину, зная, что тот живет «где-то в Люберцах». Целый день потратили на поиски, и только к вечеру местные ребята, игравшие на хоккейной коробке, подсказали номер дома, где жил Смагин. Но там его не оказалось: он уже уехал в Москву на игру. Они поехали во Дворец спорта, но не успели даже к концу игры. Лишь поздно вечером, узнав номер домашнего телефона игрока «Химика», Валерий Харламов позвонил Смагину: «Ты извини, Володя, погорячился...» — «Ничего страшного, — ответил тот. — В игре всякое бывает». После этого, впервые за день, Харламов улыбнулся. Обаятельной, но усталой улыбкой.[39](#)

«Валера очень переживал о том, что под горячую руку попал Володя Смагин, которого он знал столько лет. Успокоился, и то немного, лишь после того, как извинился. Смагин потом неизменно говорил о том, какой Валера вежливый и воспитанный. Уже после его смерти часто приходил на могилу Валеры. Один, без какого-либо повода», — вспоминала Татьяна Харламова.

Казалось бы, инцидент исчерпан. Но всё только начиналось. Как и Мальцева годом ранее, Харламова «решили опустить с небес на землю». Надо было видеть, как обрушились на Валерия Харламова те, кто публично восторгался его мастерством. Всё началось с письма Анатолия Тарасова, для которого его любимый «Валера» сразу превратился в изгоя. И «машина пропаганды», которая умела подавлять личность, включила обороты.

«На следующий день, вот ведь оперативно сработали, в “Комсомолке” вышла статья Тарасова, к тому времени уже ушедшего из ЦСКА. В ней он называл своего недавнего любимчика “Валерку” за этот силовой прием едва ли не самым последним негодяем, — вспоминал Григорий Твалтвадзе. — И тут все вспомнили про историю с Мальцевым, которого так же несправедливо, как и Харламова, годом ранее пропесочили в “Комсомольской правде”, обвинив хоккеиста в “смертных грехах”. Мальцев и Харламов, самые яркие хоккеисты сборной на льду и за ее пределами, сполна ощутили на себе черную зависть к их успехам и даже к их крепкой и искренней дружбе».

«Дело в том, что раньше считалось, что удар соперника в хоккее — это какой-то хулиганский поступок. Я не думаю, что даже если он написал, то это повлияло на отношение Тарасова к Валерке. То же самое и с Мальцевым. Эти письма были написаны, как сейчас говорят, по политическим мотивам», — признавался Борис Михайлов.

Оперативно, словно по разнарядке, было созвано экстренное заседание Спортивно-технической комиссии (СТК) Федерации хоккея СССР. Никто не собирал таких заседаний, когда били, травмировали самого Харламова — и отнюдь не канадцы, а родные, советские игроки.

«О статье и о травле Валеры маме не говорили, скрывали от нее. Иначе бы она пошла в газету, куда-нибудь еще, и тем людям мало бы не показалось. Валера часто повторял фразу: “Легко подняться наверх, но слишком больно падать”», — рассказывала об этом эпизоде в жизни брата Татьяна Харламова.

«Об инциденте много писали и говорили, и все, естественно, дружно осуждали меня. Справедливо осуждали. Я заслужил это всеобщее осуждение и оправдываться не хочу. Меня обсуждали на СТК, я каялся, каялся искренне, говорил, что это в первый и в

последний раз, — с горечью вспоминал об этом неприятном эпизоде сам хоккеист. — Но было мне и тошно, и вместе с тем обидно. Прощать мою грубость ни в коем случае конечно же не следовало, но и раздувать этот эпизод до такой степени тоже было несправедливо. Слушая, что говорили обо мне, я удивлялся. Говорили, что моя драчливость стала системой, что я постоянно нарушаю правила, спорю с судьями, считаю себя незаменимым и вообще позволяю себе черт знает что. Оставалось только недоумевать, когда же я забиваю, если только что и умею делать, так это драться».

Это заседание Валерий Харламов, по отзывам очевидцев, воспринял крайне болезненно. Особенно его задела слова одного из выступавших чиновников от хоккея, который принялся попрекать его в нарушении спортивной этики: «Ведь соперник — не только соперник, но и ваш товарищ по спорту, по хоккею. Не понимаю спортсменов, которые умышленно могут наносить травмы... Вы, конечно, до этого никогда не опуститесь, но и драться не следует — вы же друзья. Думали когда-нибудь об этом?»

Как будто он сам не знал этого?! Валерий хотел объяснить, что сорвался, и притом сорвался первый и, как он надеялся, последний раз в игровой карьере. А его распекали, как «последнего хоккейного рецидивиста». Самое обидное было в том, что лица, каравшие его, сгущали краски. Харламова возмущало то, что такое «внимание» со стороны СТК уделяется игрокам сборной. А вот когда провинится молодой игрок, то с него как с гуся вода.

Это напомнило ему давний разговор с одним из судей: в ответ на просьбу объяснить, почему его, Харламова, бьют, тот ответил прямо: «А что они еще против тебя могут сделать?» «И дело было не в педагогике, не в стремлении на моем примере показать,

что у нас спрос со всех, независимо от титулов и званий, равный. В том-то и дело, что спрос далеко не равный, — с обидой вспоминал Валерий Харламов в автобиографии. — Стоит дать сдачу, как выясняется, что судья всё отлично видит: тебя тут же гонят с поля, а потом еще приглашают на СТК. И наши соперники почувствовали тенденцию судей. Чуть какая стычка с игроком сборной, как они тут же показывают, что им больно. А ведущих игроков тем временем бьют с тем же энтузиазмом».

Юбилейный тридцатый чемпионат СССР по хоккею с шайбой проводился с 6 сентября 1975 года по 23 марта 1976 года. Столь сжатый график был вызван Олимпийскими играми и чемпионатом мира, который стартовал не в мае, а в апреле. Десять команд провели четырехкруговой турнир. Несмотря на сжатые сроки, он стал одним из самых интересных в 1970-е годы. Сразу два коллектива, «Динамо» и «Спартак», навязали армейцам серьезную борьбу с первых матчей чемпионата.

Харламов вспоминал, что перед началом чемпионата был в самой боевой форме и превосходном настроении. В конце лета и начале осени 1975 года игра у него шла легко и всё получалось отлично. Армейцы выиграли два турнира. Сначала победили на мемориале Чкалова, который проводился в Горьком и где он был признан лучшим нападающим. Затем выступали в Риге, в одной из подгрупп розыгрыша Кубка газеты «Советский спорт». Хоккеисты ЦСКА заняли первое место, и Харламов снова получил приз лучшего нападающего.

А затем случился тот самый неприятный эпизод со Смагиным. «Каюсь, в этот момент я начал немного переоценивать свои силы, решил, что всё теперь получается, — вспоминал Харламов, делясь с читателем в автобиографии тем, как тяжело было у него на душе.

— В начале сезона в календарных матчах чемпионата страны я выступал неважно, армейцы начали терять очки, слабо — в основном из-за меня — играла и наша тройка, я ссылался на травмы, они и вправду были, но правда заключалась и в том, что прежде они мне не мешали. Причина неудач была в другом: в том, что я был далек от соблюдения строгого спортивного режима».

Константин Локтев на что уважал Харламова, но и то был вынужден наказать его. Не потому, что хотел проучить выдающего хоккеиста. А для того, чтобы младшие не сомневались в том, что «священных коров» в ЦСКА, несмотря на звания и титулы, нет. Валерия Харламова на время — дескать, пускай одумается — вывели из состава сборной. Команда поехала на международный турнир в Чехословакию без него. «Мне было и стыдно, и обидно сидеть у телевизора: я знал, как трудно играть в Праге, и тем не менее подвел товарищей. Наша сборная выиграла оба матча, и мне вдруг особенно ясно стало, что команда может обойтись без меня и на Олимпийских играх, если выигрывает у главного соперника на его льду», — с болью в сердце писал Валерий Харламов.

Тогда он наконец-то понял: незаменимых мастеров и людей нет. «Это не слова, это факт, который я осознал, наблюдая за матчами в Праге. Оставалось усиленно тренироваться с теми армейцами, что остались в Москве. Понимал, что авторитет завоевать труднее, чем утратить», — вспоминал Валерий Харламов об этом неприятном эпизоде в своей карьере.

Спустя месяц его вернули в сборную. На турнире на приз газеты «Известия» он играл с особым вдохновением и стал лучшим бомбардиром, с двойной силой начав готовиться к новым играм с североамериканскими профессионалами, которые предстояли в самом конце декабря 1975 года. Есть одна

запоминающаяся фотография: табло во время матча на Известинском турнире со шведами, и на нем три раза подряд, по числу шайб, заброшенных «форвардом номер 17», написана фамилия — «Харламов».

Глава 10 СУПЕРСЕРИЯ-1976. ОЛИМПИАДА В ИНСБРУКЕ

После проигранных суперсерий 1972 и 1974 годов у канадцев оставался один козырь. Они утверждали, что им нет равных на уровне клубного хоккея. Москве пришлось принимать новый вызов. Летом 1975 года между Федерацией хоккея СССР и руководством НХЛ была достигнута договоренность о проведении серии игр между профессионалами и советскими любителями на уровне клубов двух стран. Представлять честь отечественного хоккея за океаном выпало ЦСКА и «Крыльям Советов» как наиболее успешным командам трех последних чемпионатов СССР.

Нужно вспомнить о главном отличии советского и заокеанского хоккея. За океаном превыше всего традиционно ставился клубный хоккей. Именно в клубах хоккеист зарабатывал деньги, понимая, что только своей игрой он может увеличить индивидуальный контракт, а следовательно, и размеры выплат. В СССР же сборная была для игрока главной командой, в которую он мечтал попасть и играть за которую считал самой высокой для себя честью. Руководство НХЛ действительно возлагало на встречи особые надежды. Вопрос о мировом хоккейном господстве всё еще оставался открытым. Холодная война между Востоком и Западом постепенно выходила на свой пик. «Одна система против другой» — этот рефрен лишь добавлял накала хоккейному противостоянию. «Встречи между клубами на стыке 1975-1976 годов расценивались как римейк, повторение суперсерии 1972 года», — признавался Иван Курнуайе,

в те годы правый крайний клуба «Монреаль Канадиенс».

Советская сторона настаивала на том, что встречи должны пройти корректно, в честной спортивной борьбе, без каких-либо провокаций. К середине 1970-х годов, когда в НХЛ еще играло только шесть клубов, масштаб грубости принял такие размеры, что журналисты и болельщики серьезно ставили вопрос о подключении к расследованию инцидентов, происходивших на льду, правоохранительные органы Соединенных Штатов, включая грозное Министерство юстиции, которому подчинялось ФБР. Бились и играли жестко не только в НХЛ: число травм лица и глаз во всех американских командах в 1975 году достигло за год сорока тысяч. «В наши дни меньше вероятность получить увечье в темном переулке, нежели на льду ярко освещенного хоккейного стадиона», — писал в 1975 году обозреватель Клайф Коккинг в одном из номеров «Уикенд мэгэзин», воскресного приложения к «Глоб энд мейл».

Президент НХЛ Кларенс Кэмпбелл в декабре 1975 года перед серией встреч с советскими хоккеистами был вынужден разослать специальное письмо в адрес руководителей клубов Национальной хоккейной лиги. В нем он сообщил об особом беспокойстве «Советов» относительно возможных проявлений агрессии на льду со стороны канадских хоккеистов. «Руководство советских команд в курсе той кампании по пресечению грубости, которая проводилась нашей лигой в течение последних двух лет. Вполне понятно их беспокойство в этом вопросе еще и потому, что почти каждый игрок из состава двух участвующих клубов является кандидатом в олимпийскую сборную СССР, которая будет отстаивать свой титул чемпиона в любительском хоккее на Олимпийских играх, начинающихся в феврале 1976 года в Инсбруке», — отмечалось в послании.

«Эти встречи во многом повлияют на определение будущих отношений с советским хоккеем. И хотя для нас важно добиться превосходства в предстоящих играх, важнее все-таки, чтобы они проходили в лучших традициях спортивного соперничества, так как это позволит извлечь максимум пользы из будущих наших контактов с единственной организацией в мире, которая может сравниться с нашей по уровню мастерства и престижу в мировом хоккее. В заключение я призываю вас сделать все, чтобы наш клуб и игроки постарались выиграть, но только в рамках правил игры», — говорилось в заявлении президента НХЛ.

Руководители североамериканских клубов обещали предупредить хоккеистов о необходимости строгого соблюдения правил и недопущении грубости. В Москву был командирован известный спортивный журналист Мэлвой, который специализировался на освещении предыдущих серий с советскими хоккеистами. Однако его репортажи из СССР больше походили на язвительные фельетоны, целью которых было всячески принизить мастерство советских хоккеистов и роль отечественных тренеров. Так, игрок Терехин, единственный бородатый хоккеист в составе «Крыльев Советов», напомнил ему Иисуса Христа — видимо, слишком уж непривычно было для журналиста увидеть на льду в СССР столько «гладко выбритых мужчин». Тренера армейцев Константина Локтева Мэлвой представлял едва ли не диктатором, поведав, что однажды «тот взбесился и заставил Харламова, пас которого на одной из тренировок перехватил защитник, в наказание сделать несколько отжиманий». «Советские тренеры едва ли действуют сколько-нибудь самостоятельно, — говорилось в статье. — Вся их работа запрограммирована федерацией хоккея. Наставник «Крыльев Советов» и сборной СССР Кулагин постоянно ворчит на игроков. Он как бы хочет сказать

или, может быть, дать им прочитать в своих глазах: «Попробуй сделать это еще раз, негодяй, и я отправлю тебя в Сибирь на 24-летнюю каторгу!..»

«Борис и его ребята готовятся к товарищеским играм» — так был назван этот опус. Почти как «Тимур и его команда». Словом, происходило нечто похожее на прелюдию к предыдущим сериям: русские ничего не могут, и их нужно побеждать во всех матчах.

Однако говорить о том, что канадцы, как и в предыдущие годы, хотели победить советскую сборную только за счет психологического штурма, было бы неверно. Наоборот, большое внимание они уделяли тактической подготовке. Канадские специалисты, проанализировав серии 1972 и 1974 годов, пришли к выводу, что большинство успешных комбинаций и голов советской сборной происходило за счет обыгрыша быстрыми и легкими форвардами тяжеловесных канадских защитников на краях. Удержать Харламова, Мальцева, Якушева не всегда могли и лучшие игроки обороны из числа профессионалов. Канадские тренеры давали своим игрокам установку лишить маневренных русских нападающих пространства, начать их опеку еще до получения ими шайбы. В результате советские форварды вынуждены были сбиваться с набранного ими темпа и ввязываться в силовую борьбу, в которой, безусловно, проигрывали гораздо более искусственным в ней канадским профессионалам.

Итак, в самом конце 1975-го и в январе 1976 года две советские команды — ЦСКА и «Крылья Советов» — направились в первое в истории клубное турне: предстояло провести восемь встреч — семь в США и одну в Канаде с местными хоккейными клубами. Два советских клуба имели право усилить свои составы шестью игроками. В составе ЦСКА появились две главные звезды «Динамо» — Валерий Васильев и Александр Мальцев. «Крылышек» же ждало

спартаковское усиление: Александр Якушев, Виктор Шалимов, Владимир Шадрин и Юрий Ляпкин.

«Мечта сбылась, и произойдет наиболее объективное испытание сил в мировом хоккее! Две сентябрьские серии 1972 и 1974 годов между сборными СССР и Канады были лишь “репетицией”, а настоящее выяснение мощи соперников будет сейчас, в декабре-январе, в матчах сильнейших клубов», — заявил накануне игр президент НХЛ Кларенс Кэмпбелл.

Первый матч состоялся в Нью-Йорке на глазах 17 500 зрителей. Зрители в городе Большого яблока, хотя менее воинственно настроенные к русским, чем в консервативной провинции, приготовили пропагандистские сюрпризы. Выделялся броский лозунг, причем написанный по-русски: «Красная армия отступит! Армия проиграет!»

Под ликующие крики болельщиков «Нью-Йорк Рейнджерс» выиграл первый период со счетом 1:0. А затем слово взяла первая тройка. Помчавшись один на четверых соперников, Валерий Харламов парой финтов оставил их не у дел, вошел в зону соперника и, не сближаясь с вратарем, забросил шайбу в сетку. Затем трижды ассистировал партнерам по звену: две шайбы забросил Петров, одну — Михайлов. На трибунах раздавался любимый клич советских болельщиков — «Шайбу! Шайбу!». Затем пришедшие на игру сотрудники советских учреждений в Нью-Йорке, а также артисты советского цирка, гастролировавшие в США, принялись скандировать — «Молодцы!».

Матч закончился убедительной победой ЦСКА — 7:3. Североамериканские журналисты по окончании игры аплодировали советским спортсменам. «Я предполагал, что хоккеисты ЦСКА большие мастера, но такого, откровенно говоря, не ожидал. Особенно мне понравился этот парень с труднопроизносимой фамилией под номером семнадцать. Понравилась вся

первая тройка форвардов, еще защитник Гусев и, конечно, вратарь Третьяк», — заявил после окончания матча тренер «Нью-Йорк Рейнджерс» Рон Стюарт. «Главный козырь советских хоккеистов — это то, что на площадке они находятся в постоянном движении и совершают огромный объем работы», — добавил он. «Отныне канадский хоккей не является для меня высшим классом, моя команда поедет учиться в Россию!» — заявил президент клуба Дженкис.

Одной из самых зрелищных в истории мирового хоккея признана игра, которая состоялась в Монреале 31 декабря 1975 года. Матч, изобиловавший изящными комбинациями в исполнении хоккеистов обеих команд, отличавшийся высоким индивидуальным мастерством отдельных исполнителей, силовыми единоборствами, надолго остался в памяти болельщиков, которые в СССР смотрели его за новогодним столом уже за полночь. Хоккейный праздник удался на славу. Некоторые канадские профи признавались, что сыграли лучший матч в своей жизни. Запись этой игры — одна из самых востребованных архивных спортивных записей в Интернете.

До конца 1970-х годов «Монреаль Канадиенс» доминировал в НХЛ. А в сезоне 1976/77 года этот легендарный клуб установит рекорд, победив в шестидесяти матчах регулярного чемпионата. Тренировал «Канадиенс», вероятно, лучший тренер в истории заокеанского хоккея Скотти Боумен, который не скрывал своих симпатий к советской школе хоккея и комбинационной игре, практикуемой русскими. Именно Боумен создаст в «Детройте» 1990-х знаменитую русскую пятерку.

Подбор игроков в Монреале был очень хорош: Ги Лефлер, Пит Маховлич, Жак Лемер, Серж Савар, Ги Лапойнт, Ларри Робинсон. Что ни игрок — имя в истории мирового хоккея. «В то время в советской прессе было

много материалов о “Монреале”, “Торонто” и “Детройте”, но в основном писали о “Монреале”. Мы рассматривали его в качестве главной команды НХЛ и знали обо всех великих игроках», — признавался Борис Михайлов.

В Монреале было тогда очень холодно. Стояли 35-градусные морозы. К тому же вся армейская команда, по воспоминаниям ветеранов, была одолеваема мучительной жаждой. Посчитали, что виной всему безвкусная пища с каким-то непривычным привкусом.

В местных газетах уже не было такого шапкозакидательского отношения к русским хоккеистам, как раньше. Внимание многих советских игроков привлек заголовок в «Монреаль газетт»: «Руки вверх перед русскими!». Местный журналист предрекал североамериканцам после разгрома, учиненного армейцами в Нью-Йорке, итоговый проигрыш в пяти встречах из восьми, одну ничью и две победы. Кто знал, что этот прогноз окажется на 100 процентов точным?

В этот снежный предновогодний вечер монреальский «Форум» был забит под завязку: вживую матч посмотрели 18 975 болельщиков. Некоторые спекулянты просили по 100 долларов за билет (около 800 «зеленых» в нынешнем эквиваленте). Программки к матчу пестрели красными звездами, а атмосфера в зале еще больше наэлектризовалась, когда под бурные аплодисменты всех зрителей Валерия Харламова представили перед матчем последним из советских игроков.

«Форум» встретил появление советской команды таким ревом, по сравнению с которым меркла поддержка хозяев во время других встреч. Психическая атака удалась. Оборона советской команды была сломлена, и канадцы быстро повели в счете 2:0. Так закончился первый период. Героизма Третьяка, который в итоге был признан «первой звездой матча», оказалось

недостаточно, чтобы остановить канадцев, мчавшихся напролом к его воротам. В перерыве Константин Локтев призвал игроков быстрее кататься по всей площадке и как можно точнее адресовать друг другу шайбу. Михайлов забил первым же выстрелом во втором периоде.

Дело пошло. Затем слово взял Валерий Харламов. Он вошел в зону противника по левому краю, получил шайбу от Михайлова и сместился в центр, с повисшим на его плечах канадцем Жаком Лемером. При этом ложным движением Харламов показал канадскому вратарю, что будет огибать ворота, заставив его сместиться вправо. А сам с неудобной руки послал шайбу в нижний левый угол ворот. Драйден позже признается, что «Харламов выскочил перед ним, словно из полыньи».

А потом самый молодой игрок в составе советской сборной двадцатилетний Борис Александров сравнял счет с передачи Виктора Жлуктова. В итоге, проигрывая две шайбы, 0:2 и 1:3, ЦСКА сравнял счет. В третьем периоде Владислав Третьяк показал такую блестящую игру, что один из канадских журналистов назвал ее «космической». Главный тренер канадцев Скотти Боумен сказал после игры: «Ни в одном матче сезона наша команда не имела столько возможностей для бросков по воротам, как во встрече с ЦСКА. Любому другому вратарю пришлось бы вынимать из своего тела осколки шайбы, как шрапнель. Но только не Третьяку. Этот русский лейтенант украл у нас победу».

ЦСКА мог выиграть матч, но мощный выстрел Владимира Попова в конце встречи угодил в перекладину. 3:3 — такой счет был зафиксирован на табло по окончании матча, несмотря на то, что канадцы в три раза (38 против 13) перебросали армейцев. «Эти шестьдесят минут были лучшим хоккейным матчем, в котором я когда-либо принимал участие. С точки зрения

голевых ситуаций, владения шайбой, стратегии и всего прочего», — спустя годы признавался Пит Маховлич. По мнению Владислава Третьяка, игра с «Монреалем» вместила в себя всё лучшее, что есть в хоккее.

«В новогодний вечер бог был советским!» — сказал после матча защитник Серж Савар, участник суперсерии 1972 года. «Перед матчем у нас было что-то около недели для подготовки. Календарь НХЛ составили так, чтобы наш тренер Скотти Боумен успел как следует подготовить нас к встрече с русскими. Он отлично знал наш хоккей и старался внушить нам мысль, что играть придется с лучшей командой Европы. В составе ЦСКА самым известным был Третьяк, но меня впечатлил и Харламов — его скорость, работа с шайбой. Пожалуй, он в этих компонентах был лучшим в мире», — признавался Савар.

Не скупилась на восторженные слова в адрес советской команды и местные газеты. «Наблюдать за игрой русских хоккеистов — все равно что присутствовать на хорошем спектакле», — отмечала газета «Нью-Йорк таймс». А журналисты одного из канадских изданий опять написали о том, что «смотреть русский хоккей так же прекрасно, как и русский балет». И, правда, были мы когда-то впереди планеты всей. И не только в балете и хоккее...

После достойной ничьей в матче с сильнейшим клубом мира игроков и тренеров ЦСКА пригласили отметить Новый год в советском торгпредстве в Монреале. От души накрыли стол для всенародных любимцев. А там всё родное: домашние пирожки, салат «оливье», холодец, винегрет и даже селедочка из запасов генконсула. Тепло и особенно уютно, если вспомнить о жутком холоде на улице и о бедолаге, водителе автобуса, перевозившем советских хоккеистов, который так и не поддавался на уговоры и не

рискнул зайти в диппредставительство, промерзнув в машине четыре часа, пока продолжался банкет.

Тогда еще никто не знал, что матч с «Монреалем» назовут «величайшим хоккейным поединком всех времен и народов». Тогда все просто радовались, что показали отличную игру и не посрамили честь родины. Начали говорить тосты за процветание страны и советского хоккея. За удачу в новом году. А Константин Локтев разрешил игрокам «приступить к дегустации». Тем более что на столе красовался не только знаменитый канадский виски «Блэк вельвет», но и любимый напиток многих игроков сборной — родное «Советское шампанское»...

Перед третьей игрой организаторы сделали для армейцев недельную паузу. Ажиотаж перед матчем в Бостоне был огромный. Вся арена «Бостон гарденс», вместившая 15 тысяч зрителей, была увешана плакатами, призывающими «Бостонских медведей» расправиться с «Красной армией».

«В первом периоде под натиском “Медведей”, казалось, должна рассыпаться любая самая сильная команда. Но армейцы выстояли. Особенно самоотверженно в эти трудные минуты действовали Харламов, Михайлов, Цыганков, Васильев, Александров. А Третьяк творил чудеса: по крайней мере, пять-шесть из девятнадцати отбитых им бросков можно отнести к категории “неберущихся”», — писал корреспондент ТАСС Владимир Дворцов.

После игры в Монреале отправился в лазарет центрфорвард первой тройки. Владимира Петрова в этом звене заменил Александр Мальцев, который в матче с «Бостон Брюинз» забил третью шайбу. А до этого дважды, и оба раза с подач своего друга Мальцева, отличился Валерий Харламов. «Трио Михайлов — Мальцев — Харламов играло выше всяких похвал. Мальцев взаимодействовал с партнерами,

словно выступал с ними всегда. Играл виртуозно, с каким-то радостным задором. Харламов блистал, как обычно», — написал в своем отчете Владимир Дворцов. Итоговый результат встречи 5:2 в пользу советских хоккеистов. «Красная армия подмяла под себя злых медведей», — броско и очень точно заключила одна из газет. ЦСКА досрочно выиграл свою серию у североамериканцев.

«Во время вчерашней игры в Бостоне хозяева больше грубили и охотились за лучшими советскими хоккеистами, в то время как русские чаще забрасывали шайбы. После того как Кэшман нанес травму капитану армейцев Михайлову, гости не полезли в драку, а наказали “Медведей” двумя голами Харламова и Мальцева. Именно так надо играть в хоккей», — сделал вывод комментатор в программе телеканала «Си-би-эс». «Это была великолепная игра. Хотя “Медведи” — бывшая моя команда — и проиграли, я в восхищении от показанного хоккея, в особенности от Харламова и Третьяка!» — сказал журналистам Фил Эспозито, который к тому времени завершил карьеру хоккеиста и комментировал матч для одного из телеканалов. Специальное жюри популярной телепередачи «Хоккейная ночь Канады» назвало Валерия Харламова в числе трех лучших игроков матча.

Предстояла заключительная игра «Красной армии» за океаном. 11 января 1976 года они должны были сыграть с «Филадельфией Флайерз». И здесь атмосфера была предельно накалена. Американские игроки, давая интервью перед матчем, грозили «порвать русских», не скупясь на эпитеты.

В чем же была причина такого ажиотажа вокруг матча ЦСКА в Филадельфии? В местных СМИ говорили о том, что, по сути, это был матч за звание чемпиона мира между клубными командами. «Филадельфия Флайерз» была обладателем Кубка Стэнли двух последних лет, и

из-за этого она, а не «Монреаль», утративший титул, называлась сильнейшей командой Северной Америки. ЦСКА считался многолетним лидером европейского хоккея. Хотя сам Харламов был убежден, что «Монреаль», семнадцатикратный обладатель Кубка Стэнли, и «Бостон» были куда более прославленными и уважаемыми клубами. Кстати, дальнейшие события в чемпионате НХЛ и розыгрыше Кубка Стэнли показали, что он недалек от истины в своих оценках. «Монреаль» той весной 1976 года не оставил камня на камне от американцев, разгромив «Филадельфию» в четырех матчах в финале Кубка Стэнли.

Команду из Филадельфии острословы именовали «Бандитами с большой дороги». Фред Шеро, тренер «Филадельфии», считал, что «запугивание соперников» является важнейшим элементом игры. «Многие хоккеисты добились бы большего, если бы не боялись драки. На чистом льду они короли и забивают много голов, но стоит их хорошенько припугнуть, и они не торопятся выходить с шайбой из средней зоны», — исповедовал свою «хоккейную философию» американский наставник. В Северной Америке даже появился термин «флайеризм», под которым подразумевалась грубая, грязная игра на льду.

Перед началом заключительного для ЦСКА матча серии Шеро прислал Константину Борисовичу Локтеву карикатуру из газеты, где были изображены сам Шеро и два его игрока — Келли и Шульц, напоминающие своим внешним видом скорее рецидивистов, чем хоккеистов. Карикатура сопровождалась запиской: «С кем вы хотите соперничать, если во “Флайерз” играют такие отчаянные забияки и громилы?»

Накануне матча в Филадельфии печально известный Бобби Кларк неожиданно тепло высказался о Харламове: «Поскольку Бобби Орра на льду нет, то он (Харламов), возможно, лучший игрок, которого вы

когда-либо увидите. Я не могу описать, как он хорош. Он быстр, у него множество финтов, он выполняет их на высшей скорости. Он умеет всё. Он так же быстр, как Иван Курнуайе. Но Курнуайе не может контролировать шайбу настолько же хорошо, как Харламов».

Когда советские игроки прилетели в Филадельфию, автобус встречал их прямо у трапа самолета. Вокруг находилось большое количество полицейских машин. Там были люди и в форме, и в штатском. И с этой минуты полицейские не отходили от игроков ни на минуту. Причиной таких невиданных мер безопасности было то, что в Филадельфии находилось несколько авторитетных еврейских организаций, которые беспощадно критиковали советский режим за то, что «Москва не позволяет евреям свободно покинуть СССР». Как раз незадолго до этого, в 1974 году, в США под давлением еврейского лобби была принята печально знаменитая поправка Джексона-Веника к Закону о торговле США, которая ограничивала торговлю со странами, препятствующими эмиграции, а также нарушающими другие права человека. (Она была отменена только в конце 2012 года.) Формально поправка была введена из-за ограничений на эмиграцию граждан из СССР. Большую часть которых как раз составляли евреи.

Организаторы опасались провокаций в отношении игроков сборной СССР вне стен ледового дворца, поэтому сопровождали советскую команду буквально повсюду. «В отеле мы разместились все на одном этаже, и первую комнату занимали полицейские. Дверь к ним была постоянно открыта, и охрана видела, кто входит, кто выходит из лифта, и если кто-то из ребят собирался пройтись по городу, то об этом следовало предупредить полицию. “Ангелы-хранители” неизменно следовали за нами на небольшом расстоянии... с привычки эта назойливая опека не могла не

действовать на нервы и не влиять на предыгровое настроение команды, — вспоминал Владимир Дворцов, сопровождавший советскую сборную. — Я вовсе не хочу сказать, что повышенное внимание полиции Филадельфии к хоккеистам ЦСКА было частью плана психологической обработки соперника. Но вот в том, что психологическая атака на армейцев была заранее продумана и спланирована, сомневаться не приходится. Зрители нас принимали хуже, чем в других городах. В Нью-Йорке, Монреале, Бостоне тамошним поклонникам хоккея очень хотелось, чтобы их команды одолели чемпиона СССР, но никакой враждебности мы не чувствовали. А здесь... Здесь мы вспомнили фразу из “Семнадцати мгновений весны”: “Все мы под колпаком у Мюллера”. Выехав на разминку, мы увидели антисоветские лозунги, написанные по-русски и обращенные, стало быть, к нам, к гостям, любезно приглашенным за океан. Эти лозунги прикрепляли к прозрачным бортам, чтобы мы, проезжая мимо, разобрали всё, что написано».

В газете «Филадельфия дейли ньюс» этот матч представлялся таким образом: «В воскресенье они встретятся снова. Бобби Кларк против Валерия Харламова — ЦСКА против “Филадельфии Флайерз”». После победы армейцев в Нью-Йорке газета «Монреаль стар» писала: «Защитник “Рейнджерс” Рон Грещнер обнаружил, что тесные объятия — единственный способ удержать Харламова».

Как правило, за день до матчей в Северной Америке организовывались совместные обеды с будущими соперниками из СССР. «Такие банкеты устраивались перед поединками с клубами “Монреаль Канадиенс” и “Бостон Брюинз”. Встречали нас команды НХЛ хорошо, особенно гостеприимны были руководители и хоккеисты “Монреаль Канадиенс”, и нам были созданы

все условия для отдыха и для подготовки к матчам», — вспоминал Харламов.

Совершенно иное впечатление сложилось у армейцев во время приема, устроенного в Филадельфии. «Когда назывались имена москвичей, хозяева льда смотрели на каждого из нас не столько с вполне понятной в таком случае заинтересованностью, сколько с какой-то неожиданной... не могу подобрать точное слово, пожалуй, агрессивностью. Здесь было всё — и уверенность в себе, и вытекающее отсюда ничуть не скрываемое ощущение собственного превосходства, и неутолимая жажда боя. Одним словом, хоккеисты “Флайерз”, кажется, готовы были сокрушить, испепелить нас прямо здесь, за обеденным столом, не дожидаясь выхода на лед. Знаменитый Дэйв Шульц по прозвищу “Кувалда” вроде бы даже поигрывал бицепсами, охотно демонстрируя свою могучую силу, — признавался Валерий Харламов. — Запугать нас было трудно: хоккеисты — люди, привыкшие к разному, и не однажды встречались мы с откровенными драчунами. Но выводы после банкета мы сделали правильные, и ход матча показал, что мы угадали настроение соперников».

Харламову и его товарищам было не привыкать играть с такими громилами-грубиянами. В этих случаях Валерий вспоминал слова своего друга Александра Мальцева, говорившего, что «у соперников-забияк те же две руки, что и у нас». В ЦСКА из-за травм и по болезни в тот день не смогли выйти на лед игроки основного состава — Петров, Жлуктов, Цыганков и Кузькин.

Игра началась как обычно: канадцы ринулись к воротам Третьяка, пытаюсь смять защитные редуты советской команды. Старались сразу же запереть армейцев в их зоне, подавить, сломить волю соперника, ошарашить его, не дав ему разобраться в происходящем. Третьяк работал в поте лица: на его

ворота обрушился град шайб. «Наш вратарь постоянно в игре, у него нет ни секунды передышки. Трибуны ревут, подбадривая своих, а хоккеисты из Филадельфии волна за волной накатываются на наши ворота, — вспоминал Валерий Харламов. — Это была психическая атака. “Флайерз” умеют играть. Там немало хороших хоккеистов, в том числе и блестящий Бобби Кларк. (В этом проявилось все человеческое благородство Харламова и его умение прощать обиды. Ведь этот канадец так измывался над советским игроком три с половиной года назад, едва не изувечив его в Москве! — *М. М.*) Но в эти минуты шайба едва ли интересовала многих игроков этой команды. Главным было иное — кого-то из соперников задеть, ударить, запугать, снести с ног. Случалось, что шайба была в одном углу площадки, а нашего хоккеиста атаквали в другом. Трещали борта, шайба металась от хоккеиста к хоккеисту, кто-то с ходу врезался в опекуна, швыряя его на лед. Азарт увлекал и зрителей, те, в свою очередь, еще и еще подстегивали своих любимцев».

Если в предыдущих матчах североамериканцы старались держать себя в рамках правил, то в Филадельфии они «съехали с катушек». В один из моментов Владислав Третьяк поймал шайбу и зафиксировал ее, а один из канадцев, исподтишка, позорно и умышленно, ударил его по рукам. Следом в советского вратаря врезался еще один игрок канадцев. Вот как описывала этот и другие, не красивые профессионалов эпизоды на следующий день газета «Вашингтон пост»: «Когда Бобби Кларк и Дэйв Шульц врезались в Третьяка, поймавшего шайбу, Борис Михайлов жестом выразил недоумение, и Шульц просто сунул кулак в лицо Михайлову. Салески ударил Александра Волчкова после свистка судьи, зафиксировавшего положение “вне игры”. Барбер грубо

атаковал Алексея Волченкова и локтем ударил советскую звезду Валерия Харламова».

Советские игроки были предупреждены руководством Спорткомитета СССР, что могут прекратить матч и даже прервать серию, если хоккеисты НХЛ нарушат соглашение и снова предложат им вместо хоккея одну из разновидностей бокса на льду.

«Когда они играли с “Филадельфией” в 1976 году, я не находил себе места, пребывал в шоковом состоянии от грубости американцев. Страшная была игра. У меня было желание взять телевизор и разбить его о голову Шульца. Там не только с “Филадельфией” игра такая была. С “Бостоном” лучше, что ли?.. Когда Михайлов забросил шайбу, поднял руки вверх, и Кэшман со всего размаху, со всей дури, ударил его под ребра, в область печени. Всем им прилично доставалось. Но Харламову — больше всего. А то, что касается игры с “Филадельфией”, я хорошо помню этот беспредел. Харламов идет с шайбой, сзади, сбоку, едет энхаэловец. Ключка зажата в руке, как знамя, наш игрок получает сильный удар по голове, вырубается, и судья показывает две минуты... Харламову. Мы вообще ничего не понимали возле телевизора. Когда Николай Николаевич Озеров говорил: “Нам такой хоккей не нужен”, он говорил абсолютно искренне. Он говорил с такой болью в сердце потому, что наши так никогда не играли», — признавался Григорий Твалтвадзе.

«Не мысль царил на площадке, не скорость, управляемая тактическими построениями. Царил напор, сливающийся с террором. От хоккея здесь ничего уже не оставалось. Судья Ллойд Жильмор удивил нас, несомненно, еще больше, чем хоккеисты. Сорокапятилетний ветеран, судивший сотни матчей профессионалов, сделал вид, что впервые видит хоккей и совершенно не понимает, что к чему. Роберт Фаше,

обозреватель газеты “Вашингтон пост”, писал, что судья давал свистки лишь в случаях особо опасных нарушений правил. Но в истолковании этого судьи такими нарушениями являются только те, что уже граничат с убийством. А потом рефери наконец удалил и хоккеиста из команды Филадельфии. Мы начали атаку, шайба попала ко мне, я стал было набирать скорость, как вдруг... жуткий удар, и перед глазами пошли зеленые круги. Упал на лед. Пришел в себя я не сразу. Это был нокдаун. Подлый нокдаун: соперник ударил меня кулаком, в котором была зажата клюшка, сзади. К травмам я привык. Но все-таки не к таким ударам сзади, как в матче в Филадельфии. Мы думали, что Эд Ван Имп, снесший меня боксерским ударом, будет наказан. Но судья не удалил соперника до конца игры. Не наказал он его и большим, десятиминутным штрафом», — вспоминал об этом филадельфийском ледовом кошмаре Валерий Харламов.

В итоге хоккеисты ЦСКА по указанию Константина Локтева покинули лед. Когда советская команда уходила с площадки, на табло горели цифры 11.21 — столько времени прошло с начала матча. «Мы никогда не играли против таких хоккейных животных», — без обиняков заявил на пресс-конференции тренер армейцев Константин Локтев, который снял свою команду с игры на 16 минут, протестуя против хамской выходки Эда Ван Импа, который срубил Валерия Харламова.

«Каждого из нас могли ударить сзади, подцепить клюшкой, пнуть коньком — ну какой же это спорт? Это ничего общего не имеет со спортом. Не забывайте еще и о том, что меньше чем через месяц после Филадельфии нам предстояло участвовать в олимпийском турнире. Тренеры строго-настрого запретили игрокам ввязываться в стычки. Мы должны были вернуться домой в полном здравии, а не

искалеченными. Только после долгих заверений хозяев в том, что игра будет продолжаться в рамках правил, наша команда вернулась на площадку. Вернулась без всякого настроения. У нас словно всё погасло внутри, мы не играли, а доигрывали. Филадельфийцы добились своей цели, но разве можно их победу считать справедливой?» — писал в своей книге Владислав Третьяк. «Во время матча серии 1976 года с “Филадельфией Флайерз” нас здорово колотить начали. Били куда ни попадя. С первых минут. Не в силах смотреть на эту грязную игру, Локтев увел нас со льда, хотя можно было и порубиться с ними», — вспоминал об этой игре Александр Гусев.

«Когда советские хоккеисты вернулись на лед, можно было ожидать, что шумные болельщики Филадельфии будут их громогласно оскорблять. Ничего этого не произошло. Было похоже, что любители спорта поняли, что их как-то особенно надули. И действительно, они были жестоко обмануты своими кумирами: то, что могло стать одним из лучших матчей в истории мирового хоккея, превратилось в жалкий инцидент международного спорта», — писал американский хоккейный обозреватель Роберт Фачет.

«Этот матч мог стать праздником. А остался дурным воспоминанием в памяти... Бесчисленные драки, удары исподтишка, стремление вывести соперника из строя, запугать его, давление, которое не укладывается в рамки какого-либо разумного принципа ведения игры, — все это складывается в антихоккей, где класс хоккеиста уже ни при чем. Вот почему 11 января 1976 года у нас создалось ощущение, что нам противостоит команда роботов, неудачно запрограммированных... Уверен, что если “Флайерз” и превосходили в чем-либо ЦСКА, так это только в желании и умении вести силовую борьбу за рамками правил», — констатировал в своих воспоминаниях Валерий Харламов.

«Мистер Локтев, а что нужно сделать для того, чтобы выиграть у русских?» — задал вопрос тренеру ЦСКА один местный репортер. Локтев выдержал паузу, внимательно посмотрел на журналистов и, улыбнувшись, ответил: «Для этого, прежде всего, надо быть русскими!» В зале для пресс-конференций раздались аплодисменты.

Тренер «Филадельфии Флайерз» Фред Шеро после игры светился от счастья, не стесняясь оскорбляющих советских хоккеистов выражений: «Да, мы чемпионы мира. Если бы они победили, то они были бы чемпионами мира. Мы выбили ад из этой красной машины».

Но газеты на следующий день после игры в Филадельфии были единодушны в своих комментариях. «Нью-Йорк таймс» опубликовала статью, в которой всё говорил ее заголовок: «Триумф террора над стилем».

Суперсерия 1975/76 года прошла с явным преимуществом ЦСКА и «Крыльев Советов»: пять матчей они выиграли, один свели вничью и лишь в двух случаях ушли с поля побежденными. Валерий Харламов стал лучшим в составе ЦСКА по системе «гол плюс пас», забросив четыре шайбы и отдав три голевые передачи. Всего в истории клубного противостояния НХЛ и лучших хоккейных коллективов СССР с 1975 по 1991 год было сыграно 108 поединков. Баланс этих матчей говорит сам за себя: советские команды одержали победы в 58 встречах, 40 раз уступили канадцам при 10 ничьих. Разница шайб: 413 на 337 в пользу клубов СССР.

С тех пор мир сильно изменился. С распадом СССР окончилось существование двухполярного мира, «двух систем, двух образов жизни». Но автора этих строк, как и многих других болельщиков, которые замирали у экранов, глядя за «командными суперсериями» Канады и СССР, до сих пор мучает ностальгия. Ностальгия от воспоминания о том, какими особенно волнительными и

ожидаемыми были эти встречи, проходившие в пору долгожданных и любимых новогодних праздников. Когда в уютной домашней атмосфере у телевизора, стоящего возле елочки, ты с нетерпением ждешь этих клубных баталий, которые, будем откровенными, отнюдь не уступали по накалу и драматургии сражениям национальных сборных СССР и Канады. Да и побеждали в таких поединках советские игроки намного чаще.

Увидим ли мы подобные матчи вновь? Хотелось бы еще не раз проникнуться той неповторимой атмосферой. Очень хотелось бы.

...Ранним утром 14 января 1976 года хоккеисты, тренеры, чиновники, журналисты, всего около восьмидесяти человек, возвращались в Москву. «Побитые в ледовых баталиях» игроки были счастливы. Они снова покорили своим мастерством Северную Америку. К тому же в этот день был двойной праздник. Харламову, «душе» сборной, исполнилось 28 лет. «Проставишься, Харлам?» — хитро подмигнул Мальцев. «Обижаешь, Саня», — ответил именинник.

Банкет на борту самолета, организованный с разрешения тренеров и с помощью стюардесс, оплачивал Харламов. Гуляли на славу. Пели любимые песни. Правда, не плясали. Иначе бы лайнер ходил ходуном над Атлантикой. Надо было видеть, как изумленно наблюдали молодые игроки за тем, сколько всего Валерий Харламов заказывает у бортпроводниц, чтобы отпраздновать день рождения. Качали головами те, кто был поскупее его, кто не понимал этот «размах крыльев» харламовской души.

«Душой сборной и всеобщим любимцем являлся Валера Харламов, — вспоминал известный отечественный арбитр Виктор Домбровский. — 14 января у Валеры был день рождения, тогда гудел весь самолет, и тренеры закрывали на это глаза. Можно,

конечно, было всё запретить, но всё равно бы втихаря праздновали, так пусть хоть открыто. Кроме того, команде полагались еще три-четыре дня отдыха, и каждый распределял свои силы сам».

Кстати, летать на самолетах Валерий Харламов не боялся, несмотря на то, что в зону турбулентности воздушные машины тех лет попадали гораздо чаще, чем современные. Как-то признался, что выучил расписание самолетов в разные города необъятной страны и мировые столицы как таблицу умножения. Входя в самолет, улыбался, по Высоцкому, «всем в синем стюардессам, как принцессам», «надежным, как весь гражданский флот». «Иногда мне кажется, а иногда и убежден, что именно с этими девушками я уже летал и не раз», — признавался он.

В аэропорту с двойными поздравлениями его ждали родные и близкие. Отец, невеста, сестра. Мама осталась дома готовить вкуснейший обед. Новый, 1976 год обещал быть счастливым. Харламов поставил цель: выиграть второе олимпийское золото.

Вдохновленные успехом в суперсерии, хоккеисты ЦСКА и «Крылышек», составлявшие костяк советской сборной, стали готовиться к Олимпийским играм, которые на этот раз проходили в австрийском Инсбруке. Пожалуй, именно в Австрии были продемонстрированы вся мощь и, главное, несокрушимый чемпионский характер отечественной ледовой дружины.

Австрийский Инсбрук стал первым городом в истории, который удостоился чести дважды принять зимние Олимпийские игры. Первоначально игры должны были пройти в американском Денвере. Однако жители штата Денвер, сочтя завышенными расходы на Олимпиаду, на местном референдуме высказались против их проведения. Турнир было предложено принять Инсбруку, который имел опыт проведения Олимпиад за 12 лет до этого.

Тринадцатый в истории олимпийский хоккейный турнир проходил с 6 по 14 февраля 1976 года. Он начался с предварительного раунда, в котором команды, разделившись на пары, сыграли по одной встрече. Советская сборная, разгромив хозяев турнира австрийцев со счетом 16:3, вышла в следующий раунд. Затем турнир проходил по круговой системе. В нем не принимали участие сборные Канады (из-за продолжавшегося бойкота), а также Швеции, Германии и Норвегии.

Харламов выступал в одной тройке с Михайловым и Петровым. Сборная СССР одержала победы во встречах с американцами (6:2), поляками (16:1), немцами (7:3) и финнами (7:2). Сборная ЧССР также выиграла все свои четыре поединка, однако во встрече с поляками, которая завершилась со счетом 7:1, чехословакам было засчитано техническое поражение 0:1. Дело в том, что по окончании матча у капитана команды Франтишека Поспишила в ходе медицинской проверки был обнаружен допинг.

В итоге перед матчем со своим главным конкурентом, сборной Чехословакии, советская команда имела преимущество в два очка. Чехов устраивала только победа, в то время как нашим было достаточно ничьей. Этот матч вошел в хоккейную историю как один из самых волнительных и интересных на олимпийских турнирах.

Мало кто из специалистов думал, что чехи дадут бой советским хоккеистам: ведь на сборную ЧССР обрушилась эпидемия гриппа, хотя перед турниром всем игрокам сделали прививки от этого заболевания. Вдобавок за два тура до финиша получил травму основной голкипер Иржи Црха, и таким образом команда ЧССР осталась с одним вратарем Иржи Холечеком в составе. Но и у того в день игры температура поднялась до 40 градусов.

Однако чехословацкие хоккеисты не собирались сдаваться и в матче со сборной СССР «взяли с места в карьер». В конце второго периода советская команда проигрывала 0:2 и после удалений Бабинова и Жлуктова осталась втроем против пятерых соперников. Если бы чехи забили третью шайбу, судьба турнира наверняка была бы решена.

Наступил самый драматичный момент игры. Старший тренер Борис Кулагин выпустил на лед трех игроков: Цыганкова, Шадрин и Ляпкина. Против них были брошены лучшие силы противника: Иржи Холик, Мартинец, Штясны, Поспишил и Махач.

Чехи «почувствовали запах крови». Тройка хоккеистов сборной СССР и вратарь Третьяк сдерживали тяжелейший штурм, не покидая своей зоны. «Среди всех моих игр, проведенных на четырех Олимпиадах, особняком, конечно, стоит встреча с чехами в Инсбруке. Этот матч мне больше всех запомнился. Самый тяжелый был, — вспоминал Владислав Третьяк. — Нам всем уже золотые медали на шею заранее повесили. А тут еще чехословаки с допингом попались, они ходили и умоляли: не забивайте нам много, мы все больные, с гриппом. Мы думали: ну кого там действительно побеждать? И выйдя против нас, как дали нам “прикурить” эти самые чехословаки!» Тройка защищающихся в итоге отстояла свои ворота. Но игроки были настолько вымотаны и обессилены, что, когда они вернулись на скамейку запасных, им пришлось нюхать нашатырь, чтобы не потерять сознание.

Это был переломный момент матча. Окрыленная сборная СССР обрушила на чехов всю свою мощь и заперла соперника вблизи его ворот. Владимир Шадрин на третьей минуте третьего отрезка игры забил первую ответную шайбу, а затем Владимир Петров в середине периода сравнял счет. Однако команда ЧССР

олимпийского созыва 1976 года оказалась крепким орешком. За шесть минут до конца матча в ворота Третьяка влетает третья шайба и противник опять вырывается вперед — 3:2. И когда казалось, что удача отворачивается от сборной СССР, проявился легендарный русский характер. Загнав себя в угол, советские хоккеисты умудрились не только отыграться, но и дожать противника. За четыре минуты до конца встречи Александр Якушев снова сравнял счет, а в самой концовке Валерий Харламов, сделав несколько обманных финтов, красивым кистевым броском забил победную шайбу, тем самым подведя черту под блистательным выступлением советских хоккеистов. «Я люблю забивать красивые голы. Вратарь лежит на льду, а шайба — в верхнем углу. Кинул верхом, и мне показалось, что шайба пойдет выше. Никогда бы себе этого не простил. А она влетела под штангу» — так вспоминал об этом «золотом» олимпийском голе сам Харламов.

«Мы не опустили руки — боролись до конца. И сначала сравнивали счет (ничья уже обеспечивала нам олимпийскую корону), а потом забили и победный гол — помнили, что весьма важно было выиграть олимпийский турнир убедительно», — вспоминал Борис Михайлов.[40](#)

На Зимних играх в Инсбруке Валерий Харламов забросил шесть шайб и отдал три результативные передачи. Однако та, в матче с чехословаками, действительно стала «золотой».

«Тяжелая была игра. Сразу проигрывали, проигрывали... Первый гол был моим просчетом. Милан Новы у меня шайбу отобрал и забил. Потом Глинка забросил вторую. Потом испытание было, когда Ляпкин, Цыганков и Шадрин втроем отбивались от пятерки чехов почти две минуты. Очень тяжелая была игра. Опять же, люди были — Якушев был, был Харламов, которые всё это сделали. В стране тогда такая волна

патриотизма и гордости за эту победу была», — вспоминал о тех памятных играх в Австрии Александр Гусев.

— Вы ощущали, что в те годы именно хоккей был нашей национальной игрой? — интересуюсь я у него.

— Да, всё на высоте было. Футбол тоже, но всё равно, хоккей главным был. Когда Олимпиада идет, когда все уже закончили, последняя игра — это хоккей, и все ждали окончания главного турнира игр. Мы ведь последними играли, последними выиграла. Пошли у нас голы. А победную шайбу забросил Валера Харламов. Представляешь, если бы проиграли, какая бы началась буча? Хоккей — это было что-то. Наши руководители во главе с Павловым были на седьмом небе. Тогда Павлов, щедрой души человек, дал нам водки, шампанского. Руководство в Олимпийской деревне в квартирах жило. Послали гонцов к нему, сказали: «Сергей Павлович, надо ребятам отметить победу. Нам-то где взять? По магазинам, что ли, бегать?» Мы играли, а они привезли прилично с собой. Павлов сразу же, без всяких слов, выделил сборной два ящика. Мы пошли в олимпийскую столовую, набрали еды сколько хочешь и принесли шампанского, водки. Махнули стаканами, все счастливы были.

Кстати, ветераны признавались, что в сборной СССР как в меньшинстве, так и в большинстве мог сыграть кто угодно. Такой был уровень универсальной подготовки. «В мою бытность, могу сказать откровенно, что звено Петрова, что звено Шадрина, с которым я выступал, да и третья тройка — все могли выйти в неравных составах. Все выходили и работали. Капитан Борис Михайлов бегал туда и обратно, вперед и назад, везде. Конкретного задания не было. Могли сказать: трое сзади, давай друг другу поможем. Были наиграны различные комбинации, и всё делали, как нужно», — вспоминал Юрий Ляпкин.

У тренерского штаба Кулагина, Юрзинова и Локтева это был олимпийский дебют. Защитнику сборной Сергею Бабинову эти тренеры запомнились доброжелательным отношением к игрокам. «Тем, что были профессионалами своего дела, верили в тебя, помогали. Между ними и игроками была какая-то незримая связь. Понимая их доверие, хоккеисты старались показывать всё лучшее, что у них было. Все должны были друг друга дополнять», — вспоминал он.[41](#)

Харламова, Мальцева и других игроков сборной СССР во время Олимпиады опять стали откровенно доставать с предложениями «остаться на Западе» североамериканские скауты. «Не понимают, когда мы отшучиваемся, ответим жестче», — сказал Валерий Харламов Мальцеву. «Советские игроки не могут отказаться от своих клубов», — отрезал Харламов во время турнира, когда его опять упрашивали уехать за океан. Затем продемонстрировал наглядно, почему не хочет играть в НХЛ. «Американский хоккей является зверским, слишком грубым», — сказал он, показывая синяки, полученные во время игры с «Филадельфией Флайерз». После матча прошло уже более месяца, а все тело по-прежнему оставалось в синяках.

Сборная СССР по хоккею с шайбой установила рекорд, в четвертый раз подряд став лучшей на зимних Олимпийских играх. Ликованию советского народа в те минуты не было предела! После этой игры тысячи мальчишек ринулись записываться в хоккейные секции, а многие девчонки решили стать фигуристками, чтобы получить возможность кататься на коньках. «Футбол и хоккей заменяют советским людям религию и культуру. По части эмоционального воздействия у хоккея единственный соперник — алкоголь», — иронизировал в романе «Ремесло» Сергей Довлатов.

После игр в Инсбруке игроков сборной СССР знали буквально в каждом дворе. «Был такой случай. Олимпийские игры 1976 года давно закончились, чемпионат СССР тоже, но предсезонка продолжалась. Был выходной день, — рассказывал Михаил Туманов. — Вдруг мне, фактически уже выполнявшему функции администратора команды, раздается звонок из ЦСКА. Дескать, срочно нужно найти Валерку. Тренеру Косте Локтеву зачем-то он понадобился. В то время все игроки переходили из клуба в клуб, сезон закончился, и начались все эти переходные дела».

Но как найти в огромной Москве народного любимца Харламова, получившего после столь трудного сезона законный выходной? Молодым не понять. Это сейчас человека можно найти в три секунды, а тогда не то что мобильных, но и городских телефонов в квартирах у многих советских людей не было.

Тем более что в Москву приехали давние друзья Харламова, с которыми он по молодости играл на первенстве Москвы. Несколько игроков, выпускников ДЮСШ ЦСКА и «Крыльев Советов», решили навеститься к своим товарищам на окраину столицы и, разумеется, пригласили Харламова.

«Приехали ребята из Саратова. “Кристалл” тогда команда была еще. Там до ЦСКА играл Борис Михайлов. И в компании был хоккеист Кулик, он в “Крылья” переходил. Ребята же неженатые, встретились, пообщались. Естественно, не хотели, чтобы кто-либо нарушал их покой, — рассуждал Туманов. — Начинаю думать логически. Если это игроки “Крылышек”, значит, скорее всего, празднуют у кого-то из них дома. Тем более что в этот день Валерка не был настроен идти куда-то в ресторан. Я звоню знакомым игрокам и спрашиваю: “Где этот, где тот?” — “Слушай, по-моему, у Кулика, где-то квартиру снимает. Может быть, Валера с

Борей у него”. — “А где это?” — “Где-то в Матвеевском”. — “А где же мне их там искать в Матвеевском?”»

В Матвеевском, сейчас относительно спокойном спальном районе на западе столицы, давали квартиры хоккеистам «Крыльев Советов». «Беру свою машину и еду туда, — продолжает Туманов. — Знаю, что Валера сегодня поехал на своей “Волге”, стало быть, главное увидеть знакомый номер 00-17».

Туманову пришлось пробираться к заветной цели, как героям передачи «Форт Бойяр», преодолевая неизвестное и разгадывая главную загадку. А именно: где же тут живут хоккеисты «Крыльев»? Постепенно район поисков сужался. По логике Туманова, гонявшие во дворе мячик мальчишки непременно должны были знать, где находятся в данный момент их кумиры. «Я у пацанов спрашиваю: “Не видели ли вы такого-то?” — “Как не видели? Вот они с дядей пошли туда”. И так иду от подъезда к подъезду, спрашивая у пацанов адреса и координаты. Так я их и нашел, — вспоминает Туманов. — Пришел и говорю Валере: “Слушай, там тебя в ЦСКА ищут”. — “А кто?” — “Не знаю. Но мне сказали, чтобы я тебя срочно нашел”. Тут сразу стали звонить, разбираться... Всё выяснили, ехать, оказалось, никуда не нужно было. Вот так слава приходила. Уже все пацаны во дворах знали, что за человек наш хоккеист Харламов. Не только его, всех хоккеистов сборной знали в лицо».

Остается добавить, что за победу в Инсбруке хоккеисты сборной СССР получили по 600 долларов призовых. Как говорится, «курам на смех», если сравнивать с теми гонорарами, которыми сегодня щедро одаривают победителей и призеров Олимпиад.

Тем временем в чемпионате СССР на победу претендовали сразу три московских клуба: «Спартак», ЦСКА и «Динамо». Турнир запомнился тем, что все лидеры потеряли большое количество очков.

На финишной прямой спартаковцы на два очка опередили армейцев и на пять динамовцев. Эта победа стала четвертой для «Спартака» в национальных чемпионатах. В составе победителей блеснул 24-летний Виктор Шалимов, который с 53 очками (28 шайб и 25 передач) стал лучшим бомбардиром чемпионата. Следом расположился Александр Якушев с 51 баллом за результативность. Хельмут Балдерис и Якушев стали лучшими снайперами чемпионата, забросив по 31 шайбе. Валерий Харламов в этом сезоне набрал 36 очков по системе «гол плюс пас»: по 18 заброшенных шайб и результативных передач.

Баталии между хоккеистами московских клубов тогда разгорались нешуточные. Если для «Динамо» и «Спартака» вторые места считались успехом, то для армейцев со времен честолюбивого Тарасова это рассматривалось как поражение. Не случайно у воспитанников ЦСКА одной из первых хоккейных заповедей было: «Не существует другого места, кроме первого». Валерий Харламов однажды сказал журналистам: «Игроки “Динамо” и ЦСКА друзья по жизни, но когда я выхожу на лед, то у меня среди них друзей нет».

«Тогда лучше не выходи играть», — в ответ улыбнулся Валерий Васильев, присутствовавший при разговоре.

«Хоть мы, динамовцы, и дружили с армейцами, но перед играми говорили друг другу: “Здравствуй!” И всё! Больше ни слова. Каждый боролся за свою золотую медаль. Друзьями опять после игры становились. Палыч (Рагулин) говорил обычно: “Ну, что, сыграли, ну а теперь поехали, отметим”», — вспоминал Анатолий Белоножкин.

Легендарный игрок московского «Динамо» Валерий Васильев, который слыл жестким защитником, никогда не играл жестко против одного игрока — своего

закадычного друга Валерия Харламова. «Он всегда оберегал Харламова. Наверное, потому, что высоко ценил его незаурядный и веселый талант и не хотел случайно нанести ему травму, — писали в своей книге о Харламове Владимир Дворцов и Зино Юрьев. — Не хотел обеднять игру, которой сам верно служил. Но и Валерий Харламов не оставался в долгу перед Валерием Васильевым. Он, заметив рыцарский жест защитника, столь же рыцарски предпочитал не забивать».

«Я говорил Валерке: “Бей меня во время игры, но только честно”. Против него мне тяжело было играть, потому что он был взрывной. Он отпустит от себя немного шайбу, она вроде твоя, а он потом берет, накоротке ногами переберет и уходит в сторону. Но я ему говорил: “Валера. В центре площадки не ходи. Возле борта, пожалуйста. А центр — мой. Не лезь, я тут хозяин, тебя могу ударить”. Харлам отвечает: “Я понял”. Но получалось так, он же напористый, все же лез туда, в центр. Тем более что он не боялся ни синяков, ни шишек. Бывает, мы на поле пободаемся с Валеркой, ударим друг друга больно, а потом выходим из раздевалок и говорим: “Ну, куда поедем? Где отпразднуем синяки и шишки?” Это было лучшее время, незабываемое», — вспоминал Валерий Васильев.[42](#)

Хоккеисты любили съездить покушать в Тарасовку. Там директором небольшого грузинского ресторана, открывшегося в 1967 году, был большой поклонник этой игры Амиран Ильич Джапаридзе, фронтовик, прошедший Великую Отечественную войну. Заведение «Кооператор» так и называлось в обиходе «ресторан Амирана Ильича». «Амиран любил и спартачей, и цээсковцев, и динамовцев — все там были, и Валерка Васильев там, и Харламов, и Цыганков, и Лутченко, и Михайлов, и Петров ездили, — вспоминает Михаил Туманов. — Заранее созванивались с Амираном

Ильичом, в ресторане уже стол накрывали, никто не мешал. Компания была человек семь-восемь, часто с женами приезжали: Михайлова Таня с Борисом, Надя Петрова с Петей, Ольга Цыганкова с Геной. Лутченко еще не был женат, Валерка тоже. Там была отличная кавказская кухня — сациви, сулугуни, цыплята табака, куриные потроха, шашлыки по-карски, лаваш, домашнее грузинское вино. Шашлычки все как на подбор хорошие, всё свежее».

Хороший ресторан находился недалеко от «Лужников» в районе станции метро «Спортивная». Его директором был армянин Рубен, друг Александра Мальцева. Туда динамовец и армеец часто отправлялись после игр ЦСКА с «Динамо», заходили пропустить по 100 граммов, перекусить. Рубен всегда говорил: «Я угощаю», но Мальцев и Харламов «пили за свои». Кроме того, Харламов часто заезжал в ресторан в гостинице «Россия», где благодаря знакомству с директором для него всегда накрывался стол в любое время вне зависимости от потока клиентов.

«Вне льда мы отдыхали кто где. В основном свои компании у каждого были. Все разбегались. После игр отпускали домой. Кто домой ехал, кто — развлечься по ресторанам. Когда неженатые были особенно. Друзей-приятелей очень много было», — признавался в своей книге Валерий Харламов.

Все ветераны, как один, вспоминали о танцевальном даре Валерия Харламова.

«В ресторанах он моментально заводился, когда звучала испанская музыка. В нем закипала испанская кровь, его тогда было не узнать. Преобразался в доли секунды из скромного парня в темпераментного танцора. Больше всего обожал песню в цыганском стиле — “От зари до зари” с заводными строками: “О любви говори, пой, гитарная струна”. Во всех ресторанах, где он отдыхал, ее тут же ставили. Потом

на бис. Если ты издалека слышал эту песню на юге во время отпуска хоккеистов в каком-нибудь ресторане, можно было быть уверенным: там находится и уже отплясывает Харлам», — улыбаясь, вспоминал в беседе Александр Мальцев.

«Ему были подвластны любые танцы. Чрезвычайно подвижный, с одинаковым блеском он мог станцевать фламенко и модный рок-н-ролл. Кто-то даже сказал ему: Валера — ты вылитый Элвис Пресли», — признавался Владимир Лутченко.

В ЦСКА он «перетанцевал» таких признанных танцоров, как Викулов и Фирсов. Об этом хорошо сказал Анатолий Тарасов: «Однажды я увидел, как в круг вышел Валерий со своей дамой. Я знал, что прекрасно танцуют Фирсов, Викулов и другие. Но Харламов! Он танцевал так пластично и оригинально, ритмично и легко, так свободно владел своим телом, так точно понимал партнершу, что постепенно все остановились, окружили эту пару и стали смотреть на них. На место их проводили аплодисментами — от своих это нечасто услышишь».

«Валера как только зажигательные мотивы музыкальные слышал, так сразу танцевать шел. “Это у тебя фламенко испанское наружу выходит, — говорил я ему. — У тебя и в русских танцах элементы Испании есть на все сто процентов”. Валерка когда начинал отдыхать и веселиться, то заводился с пол-оборота. Но он не загульный был. Ира, его жена, как-то мне домой звонит: “Валерка не у тебя? Что-то он припозднился”. Я говорю: “Не волнуйся, может быть, они выпили, но он не с девушками. Он у Лутченко на Кутузовском спит”», — вспоминал в беседе с автором Владимир Винокур.

«Когда мы отдыхали в кафе или ресторанах, Валера любил потанцевать. Услышит свою любимую “От зари до зари”, и понеслось. Заводной он был. Не удержишь. В пляс идет прямо в момент. Пел он тоже прекрасно, на

гитаре играл. У них же мама Бегоня пела. Она по-испански говорила, пела, когда они с подругами собирались — с Селией, Изабеллой», — признавался Михаил Туманов.

Песня «От зари до зари» действительно заводная, вдохновенная. Слушать ее можно без конца. Впервые она прозвучала на русском языке в исполнении обаятельного румынского актера и певца Дана Спэтару в кинофильме «Песни моря» 1970 года совместного, советско-румынского производства. Послушав ее, поймешь, каким открытым и радующимся жизни человеком был Валерий Харламов, какие «гитарные струны» звенели и «колыхались» в его душе. Однажды автор этих строк смотрел старую советскую хронику, игры сборной с участием Харламова, включив в качестве музыкального сопровождения песню румынского исполнителя с неповторимым мягким акцентом. И поразился: как удачно ложатся звуковым сопровождением фрагменты композиции на кадры, демонстрирующие лихую атаку, обводку, которую начинает и ведет Харламов. Смены ритма в самой композиции в точности соответствуют тем непредсказуемым движениям, которые так любил сам хоккеист.

Любопытными наблюдениями по поводу «музыкальности» действий армейца на площадке поделился в свое время журналист Олег Спасский, работавший с Валерием Харламовым над его автобиографией. «Несколько лет назад, зная увлечение Харламова магнитофонными записями, я дал Валерию чистую кассету и попросил переписать на нее его любимые танцевальные мелодии. При прослушивании неожиданно обнаружил любопытную закономерность: подобранная знаменитым форвардом музыка удивительно удачно (хотя, разумеется, и своеобразно) отражала игровые ритмы, выделяющие этого

спортсмена среди коллег, — писал Спасский в книге «Первая тройка», вышедшей в 1981 году. — В самом деле, попробуйте проанализировать игру Харламова. Пожалуй, в первую очередь вы выделите его невероятную ловкость, умение неожиданно менять и скорость и направление движения — те самые качества, что позволяют Валерию легко (по крайней мере, внешне) уходить от двух, а то и трех игроков соперника».

По словам Михаила Туманова, Валерий Борисович также буквально срывался с места, когда в ресторане звучала песня в исполнении Джо Дассена «Така така та». Его было не удержать, он пускался в пляс, какая бы важная персона ни сидела за столом и какие бы там речи ни произносились. Но самое удивительное, что автором этой песни, оказывается, был испанец. И в оригинале, на испанском языке, она называлась «Жена тореро». Как тут не поверить в зов испанской крови? Ведь услышав впервые эту композицию в исполнении Дассена, Валерий не мог знать, что она написана испанцем. Это выяснилось гораздо позже, когда песня прочно заняла свое место в душе хоккеиста. Кстати, так же бесполезно было сдерживать Харламова, когда ресторанный ансамбль, видя в зале знаменитого хоккеиста, затягивал легендарную «Бесаме мучо». Волновались, прихорашивались молодые девицы в зале, зная о том, что сейчас одну из них пригласит на танец сам Валерий Харламов.

«Он очень любил музыку, слушал много, пластинки привозил модные, иногда встречаешь его, особенно из Северной Америки, он и говорит: “Я купил пластинки, главное, чтобы их не раздавили”. У него был проигрыватель “Дюаль”, модный по тем временам, высший класс, и катушечный магнитофон “Ока”. В машине у всех игроков, как правило, были самые модные, привезенные из-за границы магнитолы.

Голландские кассетные “Филипс”, маленькие, которые, выходя из машины, забирали с собой, чтобы они не достались вору, — признавался в беседе Михаил Туманов. — На базе в Архангельском хоккеисты ЦСКА и сборной тоже имели возможность слушать музыку. Там был музыкальный центр в комнате отдыха, можно было слушать, а когда в машине ехали, всегда слушали. В новеньком “Икарусе” поставили магнитофон, слушали кто что, разное включали».

Записи, которые Харламов привозил из-за границы, он обязательно брал с собой на сборы. «И у Валеры всегда в комнате был магнитофон, и Володька Петров меломан был. Целый день у них там музыка долбила. Валерка Челентано слушать любил. Всё было классным: музыка, магнитофоны», — вспоминал Александр Гусев.

«Итальянцев во главе с Челентано, испанских певцов обожал. Фонотека у него была на загляденье. Одна из лучших в Москве», — признавался друг Харламова Владимир Лутченко.

«Покупать пластинки за границей было нашей болезнью, — рассказывает Александр Мальцев. — Мы с Валерой покупали абсолютно одинаковые пластинки, вкусы у нас были одинаковые. Брали сразу по пятнадцать-двадцать дисков, клали их в пакетики и везли домой. Проблем на таможне не было. В основном мы покупали итальянцев, англичан. Любили слушать Тома Джонса, Сальваторе Адамо, Адриано Челентано, Тото Кутуньо.

— А почему одинаковые пластинки брали? — спрашиваю у Александра Николаевича.

— Это чтобы, когда придешь друг к другу в гости, с собой любимые пластинки из дома не брать, — улыбается Мальцев, уточняя, что слушали музыку на модных в то время виниловых проигрывателях “Филипс”, которые также покупали за границей».

«Интерес к музыке, к коллекционированию пластинок у Валеры с годами не ослабевал. Пластинками он интересовался до самого конца. У него фонотека дома выдающаяся была. И музыкальные центры. И в машине всегда была самая лучшая музыка», — делился впечатлениями Сергей Гимаев.

В некоторых музыкальных магазинах европейских столиц Харламова и Мальцева уже знали. Узнав о приезде советских хоккеистов, продавцы настраивались на то, что те обязательно перед завершением турнира посетят музыкальную лавку. «Нам в этих магазинах давали большие прочные пакеты, запаковывали диски. Берешь его в руку и несешь в самолет как ручную кладь», — рассказывал Александр Мальцев.

В ту пору коллекции музыкальных записей многих иностранных исполнителей были запрещены к продаже в СССР и доставлялись в страну нелегально из-за границы. Спортсмены сборной, имея возможность колесить по свету, привозили любые пластинки на свой вкус, постепенно превращались в заядлых меломанов. Заметим, что стоимость западной пластинки на московском черном рынке могла превышать зарплату среднего советского служащего. Тем не менее Харламов часто дарил пластинки знакомым. Или давал послушать пленки, потом забывая об этом. Однажды фоторепортер Владимир Ульянов попросил на время у Харламова несколько кассет с записями иностранных исполнителей. Но в троллейбусе пропала его сумка с фотообъективами и этими кассетами. Журналист не решался признаться в пропаже Харламову. «При встрече Валерий сам спросил, понравилась ли музыка. Тут я и рассказал о нелепом случае. “Ну, ладно, привезу еще”, — сразу, без раздумий, ответил хоккеист. И по тону его стало ясно, что он простил мое ротозейство искренне, не затаив обиды». [43](#)

Харламов первым привез в Советский Союз пластинки Рафаэля, который до сих пор остается одним из самых популярных певцов в Испании. На концерты Рафаэля Мартоса Санчеса, родившегося в 1943 году, в Испании и сейчас трудно купить билеты. Он является обладателем 49 «платиновых», 327 «золотых» дисков и одного «уранового», нескольких премий «Грэмми», символических ключей от Нью-Йорка, Лос-Анджелеса, Чикаго и Майами. Его поклонники даже называют себя рафаэлистами. Считается, что знаменитый фильм «Пусть говорят» с его участием и его турне по многим советским городам в 1970-е годы «пробили окно в Испанию» для советских людей.

Харламов обожал Рафаэля и привез в СССР практически все диски, причем выпущенные им еще до того, как в СССР в 1974 году на фирме «Мелодия» появился двойной диск Рафаэля «Пусть говорят». «Валера первым привез диски Рафаэля. Потом мы бегали по десять раз на западную трибуну стадиона “Динамо”, где располагался кинотеатр под открытым небом, и смотрели фильм “Пусть говорят”. Впечатления были потрясающие», — вспоминал Владимир Богомолов.

Нравились ему песни и советских композиторов. «Очень люблю музыку, не представляю жизни без нее. Раньше, чем в комнате включить свет, включаю магнитофон. Многие песни меня волнуют, но больше других “Белые крылья” Шаинского и Харитонова», — признавался Валерий Харламов Борису Левину. Иосиф Кобзон включал «Белые крылья» в концертную программу, когда в зале присутствовал Харламов. И Валерий знал, что песня обязательно будет исполнена.⁴⁴ «Валера обожал песню “Листья желтые над городом кружатся”. Часто просил поставить ее, если находился в ресторане», — вспоминала Татьяна Харламова.

...После победной Олимпиады в Инсбруке у Харламова начались сплошные разочарования. Сначала армейцы упустили золото всесоюзного чемпионата, затем сборная СССР проиграла на чемпионате мира. Ну а в конце мая Харламов попал в аварию... «Ни товарищи по тройке, ни я вовсе не “везунчики”. Не баловни удачи... Мы побед добивались. Случались и поражения. И не только на льду», — признавался Харламов.

Кстати сказать, Валерий Харламов часто получал травмы в матчах, где не было жестких столкновений, острой борьбы, где его особо не «мутузили». Врачи ЦСКА полушутя-полусерьезно называли его своим «основным постоянным пациентом». Но знаменитый игрок никогда не терял присутствия духа. «Валера Харламов был остроумный парень. Никогда не унывал. Однажды привезли его с переломом и вывихом ключично-акромиального сочленения. Наложили специальную повязку-портупею. Харламов усмехнулся: “Как надену портупею, так тупею и тупею...” — вспоминал в одном из интервью директор Центрального института травматологии и ортопедии Сергей Миронов.[45](#)

Чемпионат мира 1976 года проходил в Катовице, в Польше. Несмотря на то, что Польша входила в социалистический лагерь, население страны всё больше тяготилось тем, что вынуждено жить под надзором «большого брата». Недовольство существующим режимом выльется через пять лет, в 1981 году, в бунт «Солидарности». Восхищаясь мастерством отдельных советских игроков, поляки отнюдь не собирались устраивать горячий прием советской сборной. Местные болельщики больше симпатизировали чехословацким игрокам, выражая им свою поддержку, как это обычно происходит с двумя не самыми большими государствами, оказавшимися под «пятой большой империи».

Летом 1975-го в руководстве мирового хоккея произошло знаменательное событие. Легендарного Джона Ахерна на посту президента ИИХФ сменил Гюнтер Сабецки. И одним из его первых шагов стало разрешение на участие в чемпионатах мира профессионалам из-за океана. Впрочем, канадцы не успели собрать сборную. В отличие от американцев, которые пригласили нескольких профессионалов и сумели занять четвертое место.

Еще одним новшеством было то, что группа сильнейших была расширена до восьми команд. Квартет лучших из них по итогам первого круга дополнительно встречался друг с другом, разыгрывая призовые места. Тренер Борис Кулагин не взял в сборную нападающего Петрова и защитника Гусева из ЦСКА. В первом звене с Борисом Михайловым и Валерием Харламовым играл Александр Мальцев. Но вскоре Мальцев получил травму и выбыл из дальнейшего участия в чемпионате. В результате первое звено советской сборной распалось еще раз. Досрочно собираясь в Москву, Мальцев улыбнулся Харламову: «Хорошо, что в этот раз мы прически с тобой не меняли». Смысл этой шутки тогда поняли многие игроки сборной.

«Несколько лет назад, когда сборная СССР совершала зарубежное турне, мы с Мальцевым жили в одном номере. И вот однажды утром решили подурачиться: одновременно изменили прически, сделали пробор на другую сторону. А вечером во время матча соперники, игравшие в общем-то достаточно корректно, разбили клюшкой лицо мне, а затем и Мальцеву. Кто-то из хоккеистов постарше объяснил: “Слишком уж вы оба выглядели сегодня непривычно, вот обоим и досталось”», — признавался Валерий Харламов. «Валера в конце 1970-х годов дважды делал себе модную химическую завивку. Для этого в Москву

специально приезжал мастер из Киева», — вспоминала Татьяна Харламова.

Настоящей сенсацией стал проигрыш сборной СССР команде хозяев со счетом 4:6. В этом матче в воротах стоял Александр Сидельников из «Крыльев Советов», который после четвертой пропущенной шайбы уступил место Третьяку. «Казалось, с появлением Третьяка игра выравнивается, но — фатальное невезение — ошибка защитника Цыганкова стоила команде еще одного гола — 2:5. Тем не менее и тут нельзя было считать, что всё потеряно: ведь сборная СССР выходила и из более сложных ситуаций. Да, выходила. Но тогда команда не находилась в столь трудном положении, в каком оказалась на сей раз. Наша сборная всегда славилась и вратарями хорошими, и защитниками надежными. И тем не менее самым грозным ее оружием была атака. Именно атака, которая нередко даже скрадывала огрехи в обороне. В матче со сборной Польши не было у нас такой атаки. Во многом тому виной — причины объективные. Не оправились еще от травм центрфорварды двух ведущих звеньев Мальцев и Шадрин, — писал в отчете корреспондент «Советского спорта». — Вот так и получилось: не пошла игра в пас у двух наших ведущих звеньев. А в одиночку пробиться к воротам Ткача оказалось не так-то просто. Польские хоккеисты достаточно быстры. Они успевали чаще всего уже в нейтральной зоне встречать форвардов сборной СССР. Однако как бы ни были уважительны объективные причины, нельзя объяснить поражение только ими».

Уже по ходу чемпионата мира сборная потеряла из-за травмы еще и Шалимова. «Откровенно говоря, травмы мешали, и состав тренеры слишком уж передергивали. Наверное, до шести вариантов в атаке получалось, а играли тогда в три звена. Вот и одна из

главных причин провала на чемпионате в Катовицах в 1976 году», — признавался Борис Михайлов.

Без нескольких ведущих нападающих советская сборная потеряла три очка из четырех в матчах с командой ЧССР, уступила в повторной игре со шведами. В итоге откатилась на второе место, отстав от победителей турнира чехов на шесть очков.

«Это был кошмар! Команду начали преследовать травмы. Мы вообще тот чемпионат в девять нападающих доигрывали! Конечно, там были ошибки тренерского состава, прежде всего в комплектовании. Наверное, в какой-то степени сказалась и победа на Олимпиаде в Инсбруке, — вспоминал в одном из интервью перипетии польского чемпионата Виктор Жлуктов. — Тогда вся команда чисто психологически не была готова участвовать два раза в год в таких серьезных турнирах. В этом, на мой взгляд, кроется причина нашей неудачи». [46](#)

Этот турнир стал звездным часом для сборной ЧССР. Почти все игроки той команды — Холечек, Дзурилла, Бубла, братья Штясны, Мартинец, Глинка и другие — считаются легендами хоккея в Чехии и Словакии. Четыре игрока сборной ЧССР вошли в символическую сборную турнира, куда от советской сборной выбрали лишь Валерия Харламова. Кроме того, Харламова признали лучшим нападающим первенства. Но ему от этого было не легче, потому что его в первую очередь интересовали не индивидуальные призы, а командные победы.

Второе место на чемпионате мира 1976 года, а главное, проигрыш «записным аутсайдером» чемпионата — полякам стали поводом для серьезного разноса, который устроил хоккеистам глава Спорткомитета СССР Сергей Павлов. Как вспоминал Мальцев, по возвращении в Москву игроков и тренеров промурыжили в приемной Павлова три часа, чтобы по

несколько раз сошел холодный пот и члены сборной прониклись всей «торжественностью момента». Во время разбора полетов хоккеистов и тренеров в особо жесткой форме упрекнули в том, что еще ни на одном первенстве мира сборная СССР не дарила очки командам, которые бы не считались ее основными соперниками в борьбе за первое место.

«Армейские хоккеисты в сезоне 1975/76 года порой, выходя на матч, берегли силы, оправдывая себя тем, что у нас впереди долгий и трудный сезон — и матчи с профессионалами, и Олимпийские игры, и первенство страны, и чемпионат мира. Банальная, прописная истина — к победе ведут победы, а некоторые наши мастера, действуя много слабее обычного, обещали, отвечая на упреки тренера, сыграть в полную силу тогда, когда понадобится и ЦСКА, и сборной. Но этого не получилось, чудес не бывает, и мы проигрывали не только отдельные матчи, но упустили и звание чемпиона страны. Да и чемпионами мира не стали», — подвел итоги в целом неутешительного для сборной и ЦСКА сезона Валерий Харламов.

Эти слова лучше всего говорят о той повышенной планке, которую, несмотря на звание олимпийского чемпиона и признание лучшим нападающим первенства планеты, задал себе и своим товарищам Валерий Харламов. Второго места для этого игрока не просто не существовало. Он его, как принято иногда говорить, «органически не переносил».

Глава 11 СВАДЬБА. ПЕРВАЯ АВАРИЯ

Свадьба Валерия Харламова состоялась 14 мая 1976 года. Расписывались в престижном Грибоедовском загсе на Чистых прудах. «Я составил списки друзей, вроде бы самых близких друзей, и у меня получилось более ста человек. Ведь только хоккеистов ЦСКА больше двух десятков. Вот и получилось, что на свадьбе было почти полторы сотни гостей», — признавался Валерий Харламов.

Банкет проходил в гостинице «Интурист» на нынешней Тверской (тогда улице Горького). Зданию «Интуриста», который демонтировали в 1990-е годы, тогда, в 1976-м, насчитывалось только пять с небольшим лет. С организацией банкета в ресторане помогла супруга футболиста ЦСКА Альберта Шестернева, работавшая там метрдотелем. Свидетелем со стороны жениха был Мальцев. Звучало много хороших пожеланий. Тогда на свадьбах дарили не конверты с деньгами, как сейчас, а запоминающиеся подарки. Мама Харламова, которая страшно боялась различных суеверий, очень близко к сердцу приняла один из свадебных сувениров, считая, что он «несет черную метку».

«Когда приехали из ресторана с подарками в дом родителей Харламова, Бегоня захотела посмотреть их. Открыла одну коробочку. Там лежал бюст какого-то испанского поэта, настоящая антикварная вещица. Мать охнула: “О, Мигель, это же памятник на могилу”, — вспоминал Михаил Туманов. — Я сказал ей: “Бегоня, ты что?! Люди делали подарки от чистого сердца”. — “Нет, — ответила Бегоня, — это всё, конец. Это

памятник на могилу Валерки”. Ведь испанцы очень суеверные люди. И когда через две недели случилась первая авария, мать сразу же вспомнила о подарке: “Я же тебе говорила, я же говорила”. Я ответил: “Они же живы”. Она тяжело вздохнула, подняла руки и обхватила голову: “Это не кончится просто так!”».

У Харламова не было никакого медового месяца. Они с молодой женой отдохнули всего один день, погуляли, а затем, несмотря на окончание сезона, Харламов продолжал приезжать тренироваться на базу клуба вместе с другими армейцами. Отпуск у него наступал в середине месяца, да и ехать с маленьким Сашей (который родился еще до свадьбы, в сентябре 1975 года) они особо никуда не рвались.

«Когда я женился, мама была очень рада, сказав: “Теперь Ира тебя будет провожать на игру. Мне немного легче станет”», — писал Харламов в автобиографии. «Бегонита исповедовала удивительную любовь к сыну. Валерий был вся ее жизнь. Когда Валерий женился, она отошла от сообщества испанских изгнанников, живших в России, и не могла уже вернуться в Испанию, как сделала я», — признавалась Клара Агиррегавирия, подруга Бегони Ориве-Абад и мать известного баскетболиста Хосе Бирюкова.[47](#)

«Женившись, он по-прежнему, улучив свободную минутку, встречал меня после работы во второй смене, — вспоминала Бегоня. — Раз они с Володей Лутченко всю клумбу возле проходной оборвали. Признавались: не могли меня без цветов встретить».

А всего через 12 дней после свадьбы Валерий Харламов попал в самую настоящую передрыгу, которая едва не поставила крест на его спортивной карьере и не сделала инвалидом.

Первая страшная автомобильная авария произошла с Валерием Харламовым в среду 26 мая 1976 года. В этот день в однокомнатную квартиру Харламова в

Тушине на улице Свободы заехали супруги Татьяна и Борис Михайловы, а также известный волейболист ЦСКА и бывший игрок сборной СССР, девятикратный чемпион страны Владимир Путятов, который не смог присутствовать на свадьбе по объективным причинам. Здесь же был и Михаил Туманов. Собирались пойти в ресторан, но в последний момент передумали.

Картина событий в тот день, по рассказам людей, близких к Харламову, была следующей. Днем все посидели за столом, немного пригубили вина. В 20 минут восьмого Михайловы и Туманов, которого они пообещали добросить до дома, ушли.

После этого Валерий и супруга постучались в дверь к соседке: попросили ее пару часов присмотреть за маленьким сыном Сашей. Харламов взялся отвезти Путятова домой на своей «Волге». Потом супруги хотели поужинать в кафе и вернуться домой.

В процессе подготовки книги мне удалось связаться с Владимиром Путятовым, который прояснил картину дальнейших событий в тот день. «Валера был абсолютно трезвый. Предложил мне: давай, Володя, отвезу тебя домой. Я тогда жил на “Войковской”», — рассказал он.

Итак, Харламовы с Путятовым сели в «Волгу» и направились в путь. Двигался хоккеист со скоростью не больше 40 километров в час из-за грузовика с песком, который медленно ехал на стройку, находившуюся в нескольких сотнях метров. Дорога была свободной. Впереди по встречной полосе также ехал грузовик. Харламов решил уйти влево, обогнав медленно ехавшую машину. Вдруг он увидел, как по встречной полосе, вылетев из-за встречного грузовика, прямо на него тараном на большой скорости движется такси. Оно также пошло на обгон грузовика на своей полосе.

«Я успел крикнуть Валере: “Уходи влево”. Справа, на нашей полосе был грузовик, и, уходя вправо, мы бы

попали под его колеса. Валера резко вырулил влево, ушел от столкновения с такси, но ударился о высокий бордюр. Руль выбило, и неуправляемая «Волга» врезалась боком в фонарный столб. Я отключился от удара и очнулся уже на асфальте в нескольких метрах от машины», — поведал о тех роковых минутах Владимир Путятков. Высоченного волейболиста отбросило от «Волги» на целых семь метров.

Благодаря реакции Харламову удалось избежать лобового столкновения с такси. Но удар пришелся в столб, который, как говорят автомобилисты, «машина обняла». Если бы Валерий не наехал на этот столб, то он сбил бы людей, находившихся на тротуаре. Там в тот момент было не менее пяти человек.

«В этой ситуации меня больше всего поразило то, что таксист, который шел с такой скоростью прямо на нас, не только сумел избежать аварии, но стремительно скрылся с места. К «Волге» тут же подбежали люди, много людей. Стали оказывать нам всю необходимую помощь. Минут через десять подъехала «скорая», а затем машина ГАИ», — вспоминал Владимир Путятков. Сам он, несмотря на то, что вылетел из машины, не получил ни царапины, отделавшись ушибом, в отличие от супругов Харламовых, сидевших спереди.

Всё произошло настолько стремительно, что уже ближе к восьми часам Туманов, который только-только вошел в свою квартиру, знал о случившемся. Ему позвонил Геннадий Цыганков, до которого, в свою очередь, дозвонился начальник Тушинского ГАИ, сказавший, что только что «разбился Харламов». Уже потом выяснилось, что машина хоккеиста угодила в аварию примерно в 19.35. На место происшествия вслед за «скорой», буквально через несколько минут, прибыли работники ГАИ, которые и сообщили об этом своему шефу. В считанные минуты об аварии знали все близкие Валерия Харламова.

Харламов лежал на асфальте и гнал от себя леденящую сознание мысль о ноге, которой не мог пошевелинуть. Эта острая нестерпимая боль, идущая от голеностопов, пронзала все его тело. От этой боли он даже не мог пошевелить губами и спросить, как чувствует себя его молодая жена.

«Авария произошла в начале улицы Свободы. Харламов ехал от современной МКАД, которая тогда была обычным шоссе. Справа была заправка, столб долго там стоял еще, который он левой стороной своей “обнял”. У него же машина согнулась вся; у меня где-то были снимки, когда столб, в который он врезался, Валеркина машина “обняла”. Их там всех выбросило из машины, как цемент с мастерка. Больше всего у Валеры пострадали голеностопы, которые попали в проем между жесткими и большими педалями “Волги”», — объяснял Михаил Туманов.

По словам Туманова, у «Волги» в тот день было спущено правое колесо. Это Харламов не успел заметить, садясь за руль. «Из-за того, что было спущено правое заднее колесо, машину начало разворачивать. Вдобавок при увеличении скорости Валера сделал маневр. Он принял весь удар на себя, вывернул руль и врезался в столб».

А вот как вспоминал этот эпизод в своей книге «Хоккей — моя стихия» сам Валерий Харламов. Книга в литературной записи Олега Спасского появилась на прилавках книжных магазинов спустя год после аварии. «Я никуда не спешил. Но грузовик, едущий впереди, катился вызывающе медленно. Он мне даже успел надоесть, этот грузовик. И я решил обойти его. Включил мигалку поворота и взял чуть левее, увидел идущую навстречу грузовую машину, подумал, что легко проскочу между двумя грузовиками, только добавлю скорость. И в ту секунду, когда я нажал педаль газа, из-за мчавшейся навстречу машины показалось такси.

Видимо, мы в одно мгновение ударили по тормозам. Резина на задних колесах моей “Волги” была уже почти “лысой”. Машину повело резко влево и швырнуло на столб», — признавался Валерий Харламов.

Это сейчас введены штрафы за непристегнутые ремни безопасности, а тогда, в 1970-е годы, мало кто из водителей использовал их. В СССР водителей и пассажиров легковых автомобилей обязали использовать ремни безопасности с 1 апреля 1975 года, за год до первой аварии Харламова. Кстати, через год после принятия закона выяснилось, что количество смертельных случаев и травм водителей и пассажиров уменьшилось в два раза.

«После первой большой аварии я занимался восстановлением Валериной “Волги”, — рассказывал Михаил Туманов автору этих строк. — На нее было больно смотреть. Я поехал к Коноваленко (бывшему вратарю сборной СССР) в Горький, где машина сходила с конвейера. В Москве с запчастями было плохо». Несмотря на жуткие повреждения, машину удалось восстановить, заменив кузов. Старый выбросили, так как он совершенно не подлежал ремонту. Детали двигателя, сильно пострадавшего при аварии, заменили на новые. Помогли и в Клину: железом и запчастями. «Там в исполкоме по хозяйственной части работал Вячеслав Иванович Белов, труженик, поклонник Валеры. Именно он станет инициатором установления знаменитой шайбы — народного памятника на месте гибели Валерия Харламова, а в 2008 году станет директором Дворца спорта в Клину, который будет носить имя Харламова», — признавался Михаил Александрович, скромно умалчивая о том, что он также причастен к установлению знаменитой «Шайбы Харламова» на месте его гибели.

Валерий Харламов некоторое время еще ездил на восстановленной «Волге», а на следующий год

приобрел новую модель Горьковского автозавода. Ту самую, на которой разобьется через несколько лет, уже насмерть. Эту «Волгу» Харламов получит в Военторге на Ярославском шоссе, принадлежавшем Министерству обороны.

А в тот роковой день в больницу № 67, находившуюся на Хорошевском шоссе, куда на машине «скорой» отправили Валерия Харламова с женой, также получившей травмы в аварии, вскоре приехало много близких ему людей: Кулагин, Локтев, Михайлов, Петров, Туманов, бессменный врач ЦСКА Олег Белаковский. Чуть позже подъехал Борис Сергеевич Харламов. В больницу примчался и Валерий Васильев. Пришел, тут же направился к врачам и, поговорив с ними, умудрился раздобыть рентгеновский снимок сломанной лодыжки Харламова. Прошел к нему в палату, утешал: «Терпи, Валерка, терпи! Всё будет хорошо».

Белаковский тем временем принялся дозваниваться до руководства военного клинического госпиталя имени Бурденко, чтобы хоккеиста перевели туда. Пока Валерию Харламову клали гипс на сломанные голеностопы, договорились о переводе в «Бурденко» на следующий день. Утром, в 10 часов, на карете «скорой помощи» армейского клуба супругов Харламовых привезли в военный госпиталь. Диагноз хоккеисту был поставлен неутешительный: двухлодыжечный оскольчатый перелом правой голени, перелом двух ребер, сотрясение мозга, не говоря уже о множестве ушибов, ран и ссадин.

«В этой аварии ему буквально лодыжки срубило», — признавался Михаил Туманов. «Скажу честно, когда я увидел, во что превратилась его машина, мне стало дурно от мысли о том, что же стало с самим Харламовым, — вспоминал Белаковский. — Я доложил в Главное военно-медицинское управление о состоянии Валеры, добавив, что, по моему мнению, на

восстановление старшего лейтенанта Харламова как хоккеиста потребуются месяца четыре. Нашлись “авторитетные” специалисты, считавшие, что Харламов в лучшем случае будет ходить». Когда Белаковский сказал о четырех месяцах, необходимых на восстановление Харламова, медицинские начальники упрекнули его в непрофессионализме. Но в итоге он оказался прав.

В палату к знаменитому пациенту пришел замечательный хирург, ас своего дела Андрей Петрович Сельцовский. Сняв гипс и осмотрев голеностопы пациента, он тяжело вздохнул. Уже выйдя в коридор, так, чтобы не слышал Харламов, сказал: «Операцию сразу надо было делать. Под гипсом пошла опухоль. Надо было сдвигать кости».

Вскоре Сельцовский приступил к операции под микроскопом. Валерию Борисовичу повезло во многом. Оперировали и реабилитировали его прекрасные врачи. Правда, сказали, что он еще долго будет лежать в больнице. Прогнозы врачей госпиталя были самыми мрачными. Военные медики считали, что он не восстановится как спортсмен и в хоккей играть больше не сможет. Речь даже шла о том, будет ли он вообще полноценно ходить. Или придется пользоваться инвалидной палочкой.

По Москве, как водится в таких случаях, поползли зловещие слухи. Сначала «сарафанное радио» Харламова «похоронило», отправив заодно на тот свет и защитника Цыганкова. Разумеется, «доброжелатели» тут же придумали свою версию ДТП: Харламов, дескать, разбился потому, что «был под мухой». Да и вообще вместе с ним и его женой и Цыганковым в машине ехали и спартаковец Александр Якушев с супругой. Лишь спустя несколько дней обо всех обстоятельствах аварии рассказала главная советская спортивная газета «Советский спорт». Конечно, рассказала скупо, без

лишних эмоций, как было принято в таких случаях в советские годы. Но читатель во всех уголках СССР теперь знал, что же на самом деле случилось с всенародным любимцем.

В первые дни после аварии Валерий Харламов понял, насколько крепка его семья, как ценят его родные, близкие да и незнакомые ему до этого люди. «Ребята проявили себя как настоящие мужчины. Как маме нужно было ехать в больницу, так всегда ее кто-то подвозил. А ездила она и днем, и утром, когда возила кашу. И вечером, когда везла Валере ужин. Или Миша Туманов подвозил. Или сама садилась на 50-й трамвай, который шел до “Бурденко” от нашего дома, и доезжала в госпиталь без пересадок. Татьяна Михайлова вообще у меня была личным секретарем, дежурила постоянно, ведь в доме тогда раздавалась масса звонков с предложениями о помощи, с выражением сочувствия. Михайлова на все звонки отвечала: “Всё нормально, всё в порядке. Будет жить! Идет на поправку”. Все ребята, которые помогали нам, проявили себя с самой лучшей стороны. Кто только к нему не ездил, и артисты, его друзья», — вспоминала Татьяна Харламова. «Мы, конечно, сразу к нему в госпиталь примчались. И потом не раз навещали. И наши жены тоже. Вкусненького чего принесем, поговорим, поспорим. Он лежит словно не в больничной палате, а на тренировочном сборе в Архангельском или Новогорске», — вспоминал Борис Михайлов.[48](#)

В госпиталь нескончаемым потоком шли те, кто хотел проведать попавшего в аварию хоккеиста. Благо Анатолий Фирсов, который пришел навестить товарища, быстро рассказал знакомым, где именно в больничном решетчатом заборе находится «заветная» дыра, а друг Харламова Владимир Лутченко раздвинул ее своими могучими руками. Этим путем в неприятные часы проходили в больницу родные, друзья, знакомые и

совсем незнакомые, как впоследствии шутил сам Харламов. Госпиталь был военный, со своим «уставом» и строгой дисциплиной; часы, отведенные для посещения больных, были строго ограничены. «Ребята не могли попасть в госпиталь в отведенные для посещения часы. У них в это время проводились тренировки. Вот и заходили с “черного хода”, — вспоминала Татьяна Харламова. — Однажды Валера позвонил и сказал: “Привези парикмахера, я сильно зарос”. И мы с Татьяной, мастером из модного салона-парикмахерской, тоже полезли в эту дыру. В итоге застряли в госпитале на несколько часов. Татьяна подстригла и Валеру, и еще человек десять. Очередь образовалась. Я даже с маленьким Сашей лазила в этот проем в заборе, чтобы показать его Валере».

В госпитале Бурденко Туманов навещал своего друга каждый день. «Как же! Я же и мать туда возил. Бегоня ему и готовила еду. Там кормили неплохо, но мать есть мать. Она такая темпераментная была женщина. Говорила: “Нет, я поеду, Валерик должен покушать то, что приготовила я”», — вспоминал Михаил Туманов.

«Я был у него в больнице два или три раза. Мы раз с Лутченко были, потом еще с кем-то. Там проходить было трудно. Раз через забор лезли. Тетя Бегоня у него в палате постоянно сидела, он еще влещку лежал», — вспоминал Вадим Никонов.

Зная о том, насколько Харламов с его авторитетом может утешить человека, оказавшегося в беде, к нему в палату положили парня-матросика, который попал под винт корабля и у которого были раздроблены кости ног. «Андрей Сельцовский этому мальчишке делал операцию, восстанавливал ему ноги. У парнишки много было чего перебито, потому что он под лопастью винта попал. Как через мясорубку прошел. И он как раз был в палате с Харламовым. Андрей это сделал для парня

специально. Знал, что Валера его обязательно поддержит, такой он был человек. Он относился к матросу хорошо. Сам на костылях, еле ходил, а за парнем, мировая звезда, ухаживал. Тот ожил и стал поправляться на глазах», — вспоминал Михаил Туманов.

«В госпитале у Валеры была лучшая подружка — легендарная соратница Чапаева Мария Попова, та самая Анка-пулеметчица. Ей было уже восемьдесят лет. Но они с Валерой стали лучшими друзьями. Придешь к нему в палату, а его нет. Где искать? “У Анки чапаевской”, — отвечают медсестры. Очень много историй они друг другу рассказывали. Валера говорил: “Мы чесали анекдоты”. Она, кстати, ушла из жизни через три месяца после гибели Валеры», — вспоминала Татьяна Харламова.

Валерию дали возможность тренироваться с гантелями, которые ему принесли в палату товарищи. Был и большой эспандер, с которым он разминался каждое утро. Тренажеров, о которых идет речь в фильме о Харламове, там не было. Забрехала маленькая, пока еще крохотная надежда, что он сможет вернуться на лед. Видя результат, врачи решили, что Харламову надо «нагружаться». Настал день, когда, зайдя в палату, Андрей Сельцовский улыбнулся и сказал своему пациенту: «Всё зависит от вас. Шансов вернуться на лед немного, но они есть. Вам предстоит нелегкий путь».

Врачи уже потом объяснили Валерию, что его быстрому восстановлению способствовала спортивная закалка. «Хоккеисту не требовались какие-то дополнительные уколы, массажи или прогревания. Организм, все мышцы были подготовлены к этому неожиданному испытанию. Меня не торопили с выходом на лед. Мне давали время. Я мог начать играть и в ноябре, а мог выйти на матчи и спустя пять-шесть недель. И спустя три месяца. Но мне казалось, что я

нужен команде. Что для меня хоккей? Ответов может быть много. Один из них — возвращение к нормальной жизни после автокатастрофы, после перелома нескольких ребер и обеих ног», — признавался хоккеист.

«Когда с него сняли гипс и он только начал ходить, он сказал мне: всё, я отыгрался. Я ответил ему: “Харлам, с таким характером, как у тебя, ты еще будешь играть”», — вспоминал Александр Мальцев. «Еще когда Валерка на костылях ходил, то постоянно говорил: “Я хочу вернуться. Очень хочу”. Он вернулся, работал со штангой, но, видимо, он понял, что таким, как он был, уже не будет», — рассказывал Вадим Никонов.

Еще в госпитале началась невероятно тяжелая работа по восстановлению организма. «Стиснув зубы, преодолевая страшную боль, глотая слезы, он буквально карабкался к хоккею, что для него было равнозначно — к жизни. Именно к жизни, так как хоккей был для него единственно возможным образом существования», — вспоминал Олег Белаковский.

Начав в госпитале ходить на костылях, он знал, что если сегодня пройдет сотню метров до сквера и обратно, то завтра преодолеет метров на двадцать-тридцать больше, «доковыляет до проходной и обратно», затем, если выдержит эти 130 метров, то на следующий день покорятся и 200. Позже будет удивляться — неужели и впрямь трудно было одолеть эти 100 метров. Выходя каждый день на прогулку, Харламов стал всё меньше опираться на костыли, постепенно перенося тяжесть тела на дрожащие от слабости ноги. Его мышцы ног, которыми он так гордился, уменьшились в объеме, стали какими-то мягкими. «Костыли сменила палка, правда, не хоккейная “палка”, как называют клюшку сами игроки, а обычная. Но до большого чуда — до возвращения в

хоккей было еще очень далеко. Многие хоккеисты из других городов, встречаясь с москвичами, задавали один и тот же вопрос: “Как там Харлам?” А в ответ следовало сначала “ходит на костылях”, затем — “с палкой”. И, наконец, долгожданное — “...начал кататься”», — писал журналист Дмитрий Рыжков.

Тогда, в госпитале, проявились не только мужество Харламова, но и его огромная сила воли, умение «бороться с испытаниями», преодолевать преграды, которые, как капканы, хитро ставила судьба-злодейка. Он разработал собственный план реабилитации.

Пункт первый — научиться ходить на костылях. Пункт второй — ходить без них. Пункт третий — научиться бегать. Когда сняли гипс, стал заниматься с гантелями. «Старался, с разрешения врачей, так нагрузить мышцы, как привыкли они работать в дни самых интенсивных тренировок. Наиболее трудное, однако, было потом. Когда уже вышел на лед. Когда нужно было догонять ушедших далеко вперед. Пункт четвертый моего плана — заниматься больше, чем партнеры. Это было третье начало моей хоккейной жизни. Благодарен товарищам, тренерам, которые поддерживали меня, отмечали при каждом удобном случае, порой просто захваливали, хотя я этого и не заслуживал», — вспоминал Валерий Харламов в автобиографии.

Однажды в палату к другу зашел Борис Михайлов. «Сборная собирается ехать за океан в сентябре, на Кубок Канады, — сказал Михайлов.

— На этот раз без меня, — ответил Валерий. — У меня пока что другой курс — на ноги встать как следует.

— Знаем. Поэтому-то и решили тебе сказать, что я и Володя Петров без тебя не поедем.

— Спасибо, ребятки, но...

— Без всяких “но”. Ты не можешь ехать, и мы не поедem. Все-таки мы тройка, а не двойка, — уверенно заявил Михайлов».

Глаза Харламова увлажнились и из них едва не потекли слезы. Теперь он, понимая, что не может подвести веривших в него друзей, восстанавливался с удвоенной энергией.

Не обходилось без шуток. Отличался Александр Мальцев. Однажды пришел к другу в палату, присел на стульчик и улыбается: «Я вот что подумал, Харлам: спешить тебе на лед не надо. Ты уж соблюдай рекомендации врачей. Не спеши никуда. Помнишь, в Катовице шутил: “Хорошо бы, мол, травму получить и отдохнуть?” Вот теперь и “отдохнешь” сезон. А “Динамо”, может, чемпионом станет». — «Да, нагадал. А ты не надейся, чемпионами вам не быть. Мы больше чем на год звание это не отдаем. Да и отпуск на сезон мне не нужен, месяцев трех-четырёх хватит», — ответил Валерий.

12 августа во время одной из контрольных игр сборной СССР перед Кубком Канады телекомментатор сообщил зрителям, что через две недели Харламова выпишут из больницы. Но это была неверная информация. Утром в тот день доктор Сельцовский снова наложил гипс на правую ногу игрока, сказав, что его снимут не раньше чем в начале сентября. Рентген показал: кости после операции срослись «не так, как следует». Была проведена повторная операция. Сам ее факт доставил Харламову новые переживания относительно его хоккейного будущего. Борис Михайлов и Владимир Петров, как могли, подбадривали его, терпеливо наблюдая за процессом реабилитации партнера по тройке. Но и они не признавались товарищу, что же говорят по его поводу в руководстве ЦСКА. Надеются ли на него или потихоньку начали забывать?

Сам он надеялся на какие-то уверения от Белаковского, других армейских медиков. «Мне врачи могут и не говорить правду. Но тренерам сказали бы. Хотя бы не здешние, а наши, цээсковские. Они должны дать ответ тренерам: ждать моего возвращения в команду или искать замену», — терзал себя сомнениями Харламов. Но врачи команды держали рот на замке и ничего не обещали. Подбадривали партнеры по первой тройке: обязательно сыграем так, как раньше, всё будет хорошо.

В итоге на больничной койке хоккеист пролежал всё лето, мучая себя вопросом: завершать или не завершать ему игровую карьеру... И только через три с лишним месяца после злополучной майской аварии его наконец-то выписали из госпиталя. Харламов поблагодарил всех, кто помогал ему восстановиться, — врачей, сестер. Из госпиталя он выходил на костылях. Подошел к машине и увидел лежащий возле нее камешек. Оперся на автомобиль и вдруг ударил по камешку костылем — игровые инстинкты взыграли. «Снаряд», к восхищению присутствовавших, улетел аккуратно к забору. Коньки он впервые надел в тот же день, 10 сентября, приехав после выписки домой. Аккуратно сделал несколько шагов, потом снял и сказал лаконично: «Кажется, всё нормально»...

А вскоре, когда немного отлежался дома и потихоньку стала утихать боль в голеностопах, начал свои занятия на льду. Самым сложным было надеть коньки. Начались изнурительные тренировки. Он не мог тренироваться полноценно. Однажды, стиснув зубы, подъехал к скамейке запасных во время тренировки, облокотился на борт и наклонил голову, чтобы товарищи не видели, как ему тяжело. Когда они подъехали к нему, спросили: «Больно, Валера?», повернулся. Сказал то, что никогда бы не позволил

раньше, «вывернув наизнанку» свои чувства: «Невыносимо, мужики!»

Такие тяжелые травмы чреватые тем, что хоккеист не только испытывает сильную физическую боль, но и получает серьезное психологическое потрясение: подспудно, вне своей воли, он опасается идти в столкновение, на контакт с соперником, тем более в стык.

Постепенно Харламов преодолел и этот психологический барьер. А в желании встать на ноги и быстрее выйти на лед ему не было равных. «Валера был готов целые сутки крутить педали на велотренажере, лишь бы вернуться в хоккей», — признавался Константин Локтев. Тренеры ЦСКА во главе с мудрым Локтевым нагружали его в несколько раз меньше, чем обычно. Он заново учился стоять на коньках и в этом смысле находился в гораздо более проигрышном положении, чем тот Валерка Харламов, который в 14 лет пришел на смотрины к Борису Кулагину.

«Начался тяжелый путь возвращения. Я был врачом сборной страны, а врачом команды ЦСКА — Игорь Силин. Вместе мы разработали систему восстановления Валеры. Но успех этого безумно трудного процесса был бы невозможен без упорства, смелости и мужества Валерия», — вспоминал Олег Белаковский.

«Сколько людей рано ушло из спорта после куда менее серьезных травм — сломился их дух. А Валерий вернулся. Почему? Что помогло ему?» — задавался вопросом Дмитрий Рыжков. И сам же отвечал на него, называя такие качества Харламова, как мужество, трудолюбие, верность. Особенно верность. «Так или иначе, почти каждый, вспоминая о Харламове, употребляет это слово. Он был верен хоккею. Он был верен своей родной команде ЦСКА. Он был верен дружбе». [49](#)

«Приходя на тренировки, я видел, с каким чудовищным упорством он возвращал себя в хоккей, как жесток был к самому себе, как дорожил каждой минутой... И он вышел на лед — его встречали в тот день друзья по команде, ветераны нашего хоккея и сотни поклонников, которые каким-то образом узнали об этом втором дебюте Харламова. Он катался, хромя, ему всё было трудно, нога болела, но по выражению лица нельзя было догадаться, как ему тяжело. Веселая улыбка и прищуренные глаза — всё, как обычно. Мы радовались: на лед вернулся тот же Харламов», — вспоминал Владимир Дворцов.

Хотя на первых порах после возвращения на лед у Харламова совершенно не шла его фирменная обводка. Проблема была в том, что он потерял психологическую уверенность в себе, утратил веру в способность переиграть соперника. Вдобавок не проходила мучившая его боль в ноге. «Когда он из госпиталя вышел, вначале ходил вразвалку, как матрос по кораблю. Потом тренироваться стал — еще более стало. И опять все преодолевал, не хотел нас подводить. Мы, конечно, его подбадривали, как могли», — вспоминал Владимир Петров.[50](#)

О том, что практически всё давалось Валерию Харламову с огромным трудом, говорил и Анатолий Тарасов. «Когда он стал участвовать в игровых упражнениях, восстановил навык передач и бросков, начал кататься с привычной скоростью, я заметил, что у него как-то не идет его знаменитая обводка. И не то чтобы утерян навык или забыты финты, нет, он робко, словно не веря в себя, лишь изредка пытается обвести соперника. Похож он был на мальчишку, который стесняется при своих сверстниках сделать то, что у него может не получиться», — писал Анатолий Тарасов в статье для сборника «Три скорости Валерия Харламова».

«Когда Валера натягивал коньки, у него дрожали руки, а мы с Игорем Силиным, врачом ЦСКА, еле сдерживали слезы», — вспоминал Олег Белаковский о том, как тяжело было восстанавливаться Харламову после аварии. А он продолжал выходить на лед и снова стискивал зубы от боли. Помогли занятия плаванием, которые посоветовали армейские врачи, тем более что плавать Харламов очень любил.

Тарасов тогда посоветовал Харламову оригинальное упражнение, точнее настоял на том, чтобы он включил в свой дневной цикл, а он тогда состоял у команды из двух-трех тренировок, занимавших в общей сложности пять-шесть часов, дополнительную тренировку: «Ты будешь играть один против пяти-шести пятнадцатилетних ребят. Желающих сразиться с тобой в армейской детской хоккейной школе хватит, от них отбою не будет».

Воспитанникам армейской школы сказали, что их кумир еще не совсем здоров, но в поддавки с ним играть не нужно. Они подумали, что это розыгрыш, но действительно, придя в назначенный час, увидели на площадке Харламова. «Мальчишкам так хотелось обвести самого Харламова, отнять у него шайбу, столкнуться с ним, кинуться в контратаку — ну, просто до слез. В единоборстве они были цепки и отчаянны, понятно также, что Валерий ни за что не стал бы применять против них силовые приемы, как против взрослых. Словом, приходилось ему очень туго, особенно когда надо было догонять этих юрких и живых, как ртуть, пацанов. Временами мне начинало казаться, что эксперимент себя не оправдывает, потому что никто не сможет выдерживать такое напряжение, такую дьявольскую нагрузку. Но Валерий понимал, до какой степени ему это важно, и тренировался прямо-таки подвижнически. Позже мы стали время от времени облегчать его участь, придавая ему в помощь одного, а

то и двух классных игроков, соответственно увеличивая и состав детской команды. Мастерство Валерия, его психологическая устойчивость, вера в себя крепили день ото дня», — вспоминал Анатолий Владимирович Тарасов.

Валерий Харламов признавался, что никакое противостояние с канадцами по сложности не шло в сравнение с этими тренировками, когда каждый из ребят отчаянно пытался отобрать шайбу у своего кумира. «Когда после выхода из госпиталя я тренировался иногда в одиночку и приходил на каток не только в то время, когда проводили свои занятия мои партнеры, но и утром, то видел мальчишек. Они без опоздания являлись во дворец ЦСКА настолько рано, чтобы уже в семь утра выйти на лед и потренироваться со мной», — говорил он.

Хоккеист в те дни и недели сажал ребятшек со двора в свою «Волгу» и катал по Москве. Не отказывал им и когда они просили его поиграть с ними на дворовой площадке в футбол или хоккей. «Дядя Валера, ну поиграйте с нами, а мы вам машину помоем», — предложили как-то ребята Харламову. «Машину я и сам помою, — ответил Валерий. — А играть приду».

Да и после трудных игр, когда тренеры давали дни отдыха, чтобы хоккеисты побыли с семьей, Харламов, возвращаясь домой, проходил мимо дворовой хоккейной коробки. А оттуда уже раздавался возглас поджидавших его пацанов: «Дядя Валера, сыграйте, пожалуйста, с нами, хоть чуть-чуть...» На эти игры собирался весь двор: надо же, сам легендарный Харламов с мальчишками играет. И эти сражения с мальчишками, визжащими от восторга, растягивались едва ли не на час.

А когда кто-то однажды произнес: «Что ты вечно с пацанами возишься? Делать тебе больше нечего?» — Валерий Харламов ответил: «Это не пацаны, это дети».

Трудно оценить, насколько важно это было для мальчишек. Глядя на кумира, который возится и играет с ними, они верили, что когда-нибудь и сами станут такими же, как он.

«Валерка очень любил детей. Я вообще не видел человека, который бы так искренне любил детей. Безумно любил своего племянника, Таниного сына, Валеру», — вспоминал Леонид Трахтенберг.

«Очень любит детей: и Сашу, и маленькую Бегоню. Любит играть с ними. Почему-то на многих фотографиях Валерия показывают с детьми около проигрывателя или магнитофона. Конечно, он любит музыку — даже Сашу приучил слушать бесконечные записи. Но папа наш предпочитает быть с ребятами во дворе, на бульваре, на даче, в лесу. И если он свободен и никто из малышей не болеет, мы, как правило, выезжаем за город», — признавалась супруга Харламова Ирина в интервью журналисту Олегу Спасскому, работавшему над книгой о ее муже.

«Когда меня просят вспомнить навскидку то, как Валера помогал людям, бескорыстно, от всего сердца, в памяти всплывает следующее. У него были очень хорошие отношения с врачами из ЦИТО — Центрального института травматологии и ортопедии имени Н. Н. Приорова. В отделении спортивной, цирковой и балетной травмы, которое возглавляла легендарная Зоя Сергеевна Миронова, поставили на ноги многих выдающихся спортсменов, а Валеру там любили очень искренне. Валера уже был великий человек, ему звонили с просьбами о помощи с разных концов страны. Я знаю, что он договаривался, чтобы в ЦИТО оказали помощь детям с какими-то сложными заболеваниями. Он ни в коем случае не афишировал это, — вспоминал в беседе Михаил Туманов. — Обращались к нему совершенно незнакомые люди. Через кого-то, кто был ему седьмая вода на киселе, но он находил

возможность помочь людям. Особенно детям. В первую очередь детям. Это было для него святое».

После окончания карьеры он хотел работать именно с детьми. «Он хотел отдать все свое спортивное мастерство ребятам. Шутя, мы спрашивали у него: “Ты будешь тренером?” Он отвечал: “Если буду, то только детским”», — вспоминал Борис Михайлов. «Валере понравилось заниматься с пацанами, он даже признался мне, что хочет стать детским тренером, когда закончит играть», — вторит Михайлову Олег Белаковский.

После окончания хоккейного сезона Валерий часто ездил с отцом в заводской пионерский лагерь. От заводского местного комитета в летнюю смену туда назначали сотрудников предприятия. «Дядя Боря был известен — сын такой именитый у него, знатный, все его знают, вдобавок сам Валера очень любил детей. Была и другая тенденция: после первенства мира, а мы очень часто его выигрывали, все предприятия, особенно связанные с военно-промышленным комплексом, приглашали и Третьяка, и Петрова, и Михайлова. Они собирались группой и ездили встречаться с работниками этих предприятий прямо на базах и заводах, — вспоминал Михаил Туманов. — Харламов же ездил на заводскую базу под Звенигородом, которая зимой служила профилакторием для рабочих, а летом превращалась в пионерский лагерь для детей сотрудников. Он туда ездил к отцу и с ребятами общался, соревнования с ними проводил; мы с ним много раз ездили туда. А потом он уже сам ездил отдыхать в Алушту, где был военный санаторий от Министерства обороны. Для него было в удовольствие с детьми заниматься. Племянник у него был Валера, он тоже с ним занимался; сестра разошлась с мужем, а Валерка — племянник все-таки. Пока своих детей у него не было, он о племяннике заботился, с воспитанием

помогал; Валера тренировался в футбольной школе ЦСКА».

«С детьми он сразу же легко устанавливал контакт, начинал общаться, играть, просто бегать. Приедешь в пионерлагерь, он с ними в футболчик гоняет вовсю. Он много подарков привозил из-за границы. Племяннику кроссовки, маечки, сестре кофту или платье», — добавил Михаил Туманов.

«Ему при всей невыносимости нагрузки еще и нравилось возиться с детьми. Я помню, как в дни приема новичков в армейскую школу Харламов вместе с Рагулиным, Третьяком и другими мастерами помогали тренерам отбирать способных мальчишек, так вот, Валерий никогда не мог отказать даже самым не подходящим для хоккея ребятам и их родителям, а предпочитал сообщить свое неблагоприятное мнение мне. Жалел очень. Представлял, видно, себя на их месте», — вспоминал Анатолий Тарасов.

Ведущие хоккеисты ЦСКА были прикреплены к детским и юношеским командам, которые они курировали. Харламов опекал ребят 1961 года рождения и часто беседовал с ними, как с глазу на глаз, так и с группами юных спортсменов. На льду, в раздевалке, на улице. Выступал и перед родителями армейских воспитанников.

Но вернемся в осень 1976 года. Уже прошли сентябрь, октябрь. Завершились ноябрьские праздничные дни. Выпал первый снег. Тренеры ЦСКА решили, что пришло время возвращать Валерия Харламова в состав команды мастеров, хотя объективно он не достиг еще своего прежнего уровня. «Надо было видеть, как он первое время осторожно выходил на лед. Это напоминало кошку, которая, подходя к воде, сначала немножко боязливо трогает ее лапой, убеждаясь, что же это такое на самом деле. Так же и он первое время выходил на лед на тренировки. Мы с

Борисом наблюдали за ним, как он потихонечку набирал форму», — вспоминал Владимир Петров в интервью для фильма о Харламове.

Армейцам предстоял нелегкий календарь игр. Поединки с неуступчивым рижским «Динамо», которое тренировал Виктор Тихонов, затем с московским «Динамо» и «Крыльями Советов».

«Рижское “Динамо” играло довольно жестко, московское было нашим принципиальным соперником, поэтому мы посоветовали тренеру Локтеву поставить Харламова на матч с “Крыльями Советов”, близкой нам по стилю командой, — вспоминал Олег Белаковский. — Тем более что многие игроки “Крылышек” играли в ЦСКА и были воспитанниками армейской детско-юношеской спортивной школы. Естественно, многие знали Валеру лично. Тренировал команду Борис Кулагин, который был знаком с Валерой, когда тот еще был подростком. Я попросил у него разрешения приехать на тренировку клуба. Он удивился: “Подсматривать приехал?” — “Разрешите выступить перед ребятами, — ответил я. — Сегодня Харламов возвращается”. Он дал добро. Я пришел к ребятам и сказал им, что против них сегодня будет играть Харламов. “Вы мужики, но я вас очень прошу, специально не бейте его! Он после тяжелой травмы первый раз выходит на лед”. Они отвечают: “Олег Маркович! Успокойтесь! Все будет нормально”».

В своем первом матче после выхода из больницы Валерий попросил наставника армейцев Константина Локтева, чтобы его поставили не в первом звене, до уровня которого, он, по его собственному убеждению, еще недотягивал, а в третьем. Михайлов и Петров возмутились и настояли, чтобы Валерий играл с ними.

«Валера пошел в раздевалку; надевая коньки, невероятно волновался, дрожали руки. Попросил клюшку, как он сказал — “для уверенности”. Вышел на

лед. Должен сказать, что ради таких моментов стоит жить и работать. Мы, взрослые мужики, не могли сдержать слез, глядя в глаза Валеры. Глаза человека, перенесшего нечеловеческие страдания, отчаяние и страх. И теперь эти глаза светились таким безбрежным счастьем, что мы поняли — Харламов вернулся и будет играть! Будет играть, вопреки всем тем, кто сомневался и поспешил вычеркнуть его из нашего хоккея», — продолжал Олег Белаковский.

«Когда команды вышли на раскатку и появился Валера, “Лужники” зашумели. Потом, когда в заполненном в этот день до отказа Дворце спорта объявляли составы играющих команд и назвали имя Валерия Харламова, весь стадион встал и овация длилась несколько минут. Аплодировали и игроки команд. Такой популярностью Харламов пользовался и у зрителей, и у игроков. Уже на четвертой минуте Валера забил», — рассказывал врач армейской команды в интервью.

«Мы атаковали. Борис прошел по краю, отпасовал мне, а я выложил шайбу Валерию. Защитник внимательно смотрел на Харламова, вратарь тоже. А Валера стрельнул и забил гол. Мы бросились его обнимать. Соперники тоже... улыбаясь, клюшками по льду стучали. Такой реакции на гол в свои ворота я ни раньше, ни после никогда не видел», — признавался Владимир Петров журналисту Дворцову. «Валера тогда всё понял, — добавил в разговоре Борис Михайлов. — Для него этот момент самым сокровенным стал. А о сокровенном люди, особенно такие, как Харламов, обычно распространяться не любят».

Аплодировали болельщики Харламову стоя. Аплодировали и благородству хоккеистов «Крыльев Советов», которые не позволили себе силовых приемов и грубости. Хотя это был не товарищеский, а официальный матч чемпионата СССР. У многих

болельщиков выступили на глазах слезы счастья: на лед вернулся родной Валера, хотя всего несколько месяцев назад считалось, что такое невозможно в принципе.

Хоккеисты «Крылышек» тактично, незаметно давали играть еще не совсем уверенно чувствовавшему себя на льду Харламову. «Харламова не рубили, не сбивали — разве что слегка цепляли руками: уж больно близко Валерий к воротам подобрался. А когда чуть позже он все же забил гол, свершилось уж совсем необычное. К аплодировавшим зрителям присоединились хоккеисты «Крыльев Советов». Да, да, сами игроки и вратарь «Крылышек» аплодировали форварду, только что забросившему шайбу в их собственные ворота. Такого мне, например, видеть на наших катках еще не доводилось, — вспоминал присутствовавший на матче обозреватель «Советского спорта» Дмитрий Рыжков. — ...Его талант уважали, его самого любили. За доброжелательность. За то, что не делил он игроков на партнеров и соперников. За отсутствие даже тени — и это при его-то титулах — высокомерия. Стоит ли удивляться, что в матче ЦСКА — «Крылья Советов», а это был матч-возвращение для Валерия Харламова, всем — и партнерам, и соперникам, и зрителям хотелось быть сопричастными к чуду. Отсюда и бережное (лучше слова не подберешь) отношение к Валерию всех тех, кто выходил, независимо от цвета формы, вместе с ним на лед. Отсюда и всеобщие, независимо от клубных симпатий зрителей, аплодисменты. Дворец спорта аплодировал не голу Харламова — он приветствовал чудо, которое совершил Валерий. Чудо возвращения в хоккей».[51](#)

«Харламов говорил, что самый памятный и важный гол для него — это гол, забитый в ворота «Крыльев Советов» в первой же игре по возвращении на лед. Ситуация складывалась так, что ворота могли поразить

и Петров с Михайловым. Но они уступили такую возможность партнеру. К тому же Сергей Глухов, который у кого угодно шайбу вырвет, здесь не особенно усердствовал. Гол скорее памятен Харламову общим к нему отношением. Он лишний раз убедился в благородстве партнеров и соперников», — вспоминал Леонид Трахтенберг.[52](#)

Игорь Тузик в тот момент работал в тренерском штабе «Крыльев Советов». О том, что Харламов «должен забить» — такого наставления Бориса Кулагина он не помнит. «Белаковского в нашей раздевалке не помню. Но ребята, думаю, расступились. Праворукий Петров нелогично выигрывает вбрасывание. Шайбу убирает не под себя, а катит налево. Где стоит в одиночестве Харламов. Бросок — гол. Мы проиграли 3:7. Недавно Петрова спрашиваю: “Володь, помнишь тот момент? Ведь договорились?” Он засмеялся: “Договорились”. В подсознании у каждого было — Валеру не трогать. Он играл немножко заторможенно. Но вскоре стал прежним», — вспоминал Игорь Тузик в интервью, опубликованном в начале 2014 года.[53](#)

Между тем сам Харламов назвал свой выход на лед против «Крылышек» «еще не игрой». Страшно злился на себя, что не выполнил намеченный им план. «Думал, пропущу восемь матчей, а не играл в двенадцати», — сказал он после игры журналистам.

«Верите, играл я тогда, как в тумане. И не потому, что был слаб. Функционально я уже восстановил форму. Просто я видел, что ребята оберегают меня — и партнеры, и противники. И тронуло это меня необыкновенно. Значит, нужен я. Значит, ценят. Взрослый, кажется, человек, кое-что повидал, а ощущение такое — вот-вот разревусь. Еле совладал с нервами», — признавался Валерий Харламов.

Через день после игры с «Крылышками», на тренировке в ЦСКА, он сказал в присутствии тренера Константина Локтева: «Не должен был я забивать...» Локтев подошел к игроку и спросил: «Это почему же?» — «Да Глухов меня за всю игру ни разу не остановил силовым приемом. Он меня оберегал... — и отъехал от меня, когда я шайбу забрасывал», — грустно констатировал Валерий Харламов, покидая ледовую арену. Локтев дождался, пока Валерий уйдет с площадки, и сказал присутствовавшим рядом с ним людям: «Каждая клеточка его тела пропитана чистой совестью — таких людей мало!» [54](#)

Несмотря на то, что данные тестов свидетельствовали о полном восстановлении организма после аварии, сам Харламов испытывал внутренний дискомфорт. В последний момент, когда он шел встык с игроком противника, внутренний голос как бы подсказывал ему: это может быть опасно, остановись.

«Я пришел в ЦСКА в 1976 году, когда Харламов разбился в первой аварии. Все в команде с огромным нетерпением ждали его восстановления. Харламов до 76-го и Харламов после аварии 76-го года — два разных игрока. После травмы ему приходилось очень много восстанавливаться. Ему приходилось оставаться после тренировок и дополнительно работать над восстановлением физических качеств, координации. Технику не потерять — она всегда великолепная у него была. Но физически ему надо было очень сильно прибавлять. После аварии он потерял скорость. Он стал не таким быстрым, каким был, — вспоминал в беседе Сергей Гимаев. — Ему пришлось больше играть с партнерами, он чуть медленнее стал. На фоне 76-го года, когда скорость у Валеры чуть пропала, взаимодействие этой тройки стало выдающимся. Они больше стали играть в пас. Раньше Петров раскатывался, давал Харламову шайбу, тот привозил в

зону, Петя открывался под бросок, а Харламов обыгрывал... Упрощаю, конечно. Но теперь они стали намного больше передач делать. Они просто рвали любую пятерку. Тем более уже в тот момент поставили Фетисова к ним».

Однако уже через несколько недель после возвращения на лед Харламов сознательно стал искать борьбы. Он не только не пытался избегать столкновений, но, наоборот, лез в самую гущу, шел на противника, в скопление игроков, старался обводить как можно больше соперников, пытался, по его словам, побиться, потолкаться, чтобы восстановить и ощущение соперника, часто не безболезненное, и уверенность в том, что может уйти от любого опекуна. «Стал чаще забивать, а это, по моим наблюдениям, первый признак восстановления утраченного душевного равновесия и веры в собственные возможности», — признавался он.

Так к Харламову вернулись и уверенность в себе, и, самое главное, фирменная обводка.

Глава 12 МАСТЕРСТВО. ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ КАЧЕСТВА. ДРУЗЬЯ ХАРЛАМОВА

Во время работы над книгой у автора возник небольшой спор с коллегой. Тот заметил, что биографии известных людей, тем более ушедших из жизни, изначально предвзяты и из-за этого их не так интересно читать. Дескать, о своем персонаже автор и собеседники, которых он цитирует, вспоминают только хорошее и главный герой всегда представляется «белым и пушистым».

В целом я поддерживаю собеседника. Но не в случае с Харламовым. Именно такие люди должны быть символами нации. «В наше время нужны герои, на которых можно равняться. И Валерий Харламов отлично подходит на эту роль», — абсолютно верно сказал Борис Михайлов.

Убежден, что о таких людях нужно писать и говорить, чтобы молодое поколение, — если оно хочет прожить эту жизнь не в погоне за мишурой, не в плену у накопительства, а с высоко поднятой головой, с достоинством человеческим, «честно и совестно», — знало, как это можно сделать. Ведь для этого совсем не обязательно уходить в монастырь и налагать на себя кучу самоограничений.

Разве Харламов не любил модно одеваться, так что его иногда за глаза называли «пижоном»? Разве не имел одну из лучших в Москве коллекций пластинок? Разве не флиртовал с самыми красивыми девушками столицы? Разве не феерил в ресторанах, пуская «винную струю» со своими друзьями, и не наполнял ванну шампанским?

Святым, может, и не был. Но был светлым. Стремился уловить все солнечные лучики тепла и доброты в этой непростой жизни. Свет своей натуры, море обаяния дарил людям. Бескорыстно. На льду и в жизни. Чтобы радовались. «Слава, живи полной грудью, жизнь прекрасна», — как-то сказал он Вячеславу Фетисову. «Мне стремление жить потихонечку, полегонечку неприятно. Так же, как неприятно нарочитое стремление выделиться» — так формулировал он один из главных принципов своей жизни на льду и вне льда.

«Он был человеком, к которому всегда можно было обратиться. И он никогда не отказывал в помощи, всегда был готов помочь. По любому вопросу. И было у него другое качество. Он опережал тебя: ты еще не обратился к нему с просьбой, а он словно знал о том, что ты именно сейчас нуждаешься в помощи. Он никогда не был *над*, он всегда был *внутри* команды. Был очень открытым по отношению к людям, открытый человек», — вспоминал Сергей Гимаев.

«Мы несколько раз проводили отпуск вместе в Ялте. Я могу сказать, что отношение людей к нему было фантастическое. Ему на улицу выйти было просто нереально. Народ к нему тянулся. Видны были влюбленные глаза людей, общавшихся с ним. Он никогда никому не отказал ни в автографе, ни еще в чем-то, ни в разговоре. Тогда же не было айфонов, он бы уже ослеп от этих вспышек в наши дни. Он очень доступный и легкий был человек», — признавался Вячеслав Фетисов.

Переговорив с десятками людей, знавших его, прочитав высказывания о нем людей, уже покинувших этот мир, скажу, что Харламов действительно был уникальным человеком. Да, со своими слабостями. Мог откровенно послать в известном направлении пристающего к нему пьяного болельщика, требующего

составить компанию. Но кто бы не сдержался в такой ситуации? Вообще, кто из нас безгрешен?

Запомнился Валерий Борисович Харламов «миру и городу» светлым чистым человеком. О чем, собственно, и сказали его близкие и товарищи на страницах этой книги.

Он сражался за своих товарищей, болельщиков, за стяг своей родины, которая платила ему не огромными премиальными, а беззаветной и искренней любовью.

Тут мы подходим к весьма важному моменту. Предложения уехать за границу, а попросту сбежать сыпались на Харламова как из рога изобилия. Он конечно же не мог не знать, что, уехав в Северную Америку, будет чувствовать себя королем, не зная никаких материальных проблем и купаясь в достатке. Видел же, как живут звезды НХЛ, которые были на порядок ниже его классом и талантом. С другой стороны, здесь, чтобы купить «Волгу», одному из лучших игроков страны приходилось брать в долг деньги у своего друга Мальцева.

Жил в «трешке», а не на собственной вилле, как запросто мог бы за океаном. Только уйди на «ту сторону» — и будешь купаться в роскоши. Так был ли какой-то внутренний конфликт у Харламова — конфликт, кажущийся неизбежным в этой ситуации для человека, заслуживающего несоизмеримо большего, чем имеет? Ведь слухов вокруг «отъезда за бугор» было столько, что однажды от одного болельщика я даже услышал «версию» о том, будто аварию Харламову подстроил КГБ: дескать, чтобы он не уехал за границу. Абсурднее и нелепее не придумаешь.

Когда я спрашивал у собеседников, знавших Харламова, о том, была ли у него некая внутренняя драма: дескать, мог стать очень богатым человеком за океаном, а не уехал, — ветераны смотрели на меня,

мягко говоря, с удивлением, едва ли не крутя пальцем у виска.

«Я говорил и говорю: Валера ни при каких обстоятельствах не уехал бы за границу, не сбежал бы, что бы там ни говорили сегодня отдельные злопыхатели. Он был офицер, человек чести, сильно любивший свое отечество, родных, друзей. Валера ни за что бы не уехал. Ни за что. На историческую родину, в Испанию, на время, потренировать, способствовать развитию хоккея, — это может быть. Да, у него была несбыточная по тем временам мечта — вернуться в Испанию. Он, конечно, внутренне переживал, что так вот запросто не может поехать туда, когда захочет. Это было невозможно, так как Валера был офицером. А так чтобы сбежать... Никогда и ни за что. Невозможно вообразить, чтобы он предал своих родителей, маму Бегоню и дядю Борю, пожертвовал бы любовью миллионов, — признавался Александр Мальцев. — Бегство за деньгами для нас было немыслимым поступком. Это было бы настоящее предательство нашей страны, всего того, ради чего мы жили. Кроме того, мы презирали тех, кто продает честь и родину за деньги».

«В 1972 году, когда мы выиграли игру в Монреале, к нам подошел хозяин “Торонто” и предложил нам деньги, чтобы мы завтра надели его форму. Ко мне, к Валерке и Петрову. К тройке. Когда он назвал сумму, я сказал, что мы советские миллионеры. И всё. Он сказал: “Извините, я не к тем людям обратился”. Конечно, впоследствии мы думали, почему бы нам там свои силы не попробовать. Но на тот момент даже в мыслях ничего подобного не было, — вспоминал Борис Михайлов. — Мы воспитаны были на преданности родине, на идеалах и т. д. Честь флага нам была дороже всего. Мы должны были доказать, что наш строй самый лучший».

Зачем Харламову было уезжать в годы его расцвета?! Ведь у него было ВСЁ. А самое главное — подлинная всенародная любовь. Что показал день его похорон, когда рев, плач сотен людей перекрыли шум ливня...

«Игра Валерия вызывала желание подражать. Причем далеко не только в том, что касается сугубо технических его достижений, а прежде всего в том, что относилось к неукротимому его бойцовскому духу, с особой силой проявлявшемуся в играх за спортивную честь родины. Выступая на чемпионатах мира и Европы, в международных турнирах, сражаясь с канадскими профессионалами, Харламов никогда не чувствовал себя просто игроком, старателем на россыпях спортивной удачи. Нет, он боролся, что называется, не на живот, а на смерть за победу сборной Советского Союза. И когда под сводами ледовых дворцов звучал наш гимн, Валерий чувствовал гордость не за себя, не за команду даже, а за державу. Патриотизм советского спортсмена, советского человека был свойствен ему в самой высокой степени», — сказал о Харламове и о всем этом поколении победителей Анатолий Владимирович Тарасов.

«Он был не просто хороший человек. Он был Человечище» — так точно и емко охарактеризовала Валерия Харламова супруга Юрия Блинова Татьяна Семеновна. Она знает, что говорит: Харламов, с которым они познакомились еще в юности, десятки раз был в их доме, фактически стал членом их семьи. В этой яркой фразе, по сути, квинтэссенция всех бесчисленных высказываний и воспоминаний о нем, часть которых приводится в этой книге. Приведем еще одно высказывание. В нем вылетающими будто искра из-под кремня рублеными фразами также предельно емко и выразительно сказано о Валерии Харламове. «Он знал славу. Но не знал себе цену. Не хотел знать. За

пределами площадки был заметен меньше других. Порой застенчив. Невероятно застенчив. Ценил дружбу. Берег ее. Благодарил хоккей за то, что свел его с прекрасными людьми. Тянулся к семье, к детям. Любил детей. И дети тянулись к нему. И свои. И чужие, — писал о Харламове близко общавшийся с ним спортивный журналист Олег Спасский. — Когда Валерия уже не стало, разговаривал о нем с Чернышевым. Аркадий Иванович, с участием которого сложилась вся история отечественного хоккея, сказал: “Это величайший хоккеист современности. Говорю не только о нашем хоккее. И очень скромный человек. Деликатный, чуткий”». [55](#)

В этой главе, лежащей вне каких-то биографических и хронологических рамок, мы поговорим о мастерстве и уникальности Харламова на льду и вне его. Расскажем о его человеческих качествах, о его друзьях, предоставив слово тем, кто близко знал Валерия Борисовича.

Как уже известно читателю из предыдущих глав, богатырем Харламов не был, но с детства виртуозно владел коньками. Благодаря сильным ногам, великолепной координации движений (наверное, сказались испанские гены) мгновенно менял ритм бега, буквально на месте набирал скорость и так же ее гасил. И всё это, как отмечали игроки и журналисты, происходило без особых усилий. «Руки он укрепил упорными тренировками. Обладал Валерий редким для хоккеиста качеством: он умел одновременно маневрировать скоростью и работать руками, играл при этом с поднятой головой, отлично видел, как говорят игроки, “поляну”. Добавьте к этому артистический дар. Он смотрел, допустим, налево, видел там партнера, начинал поворачиваться туда, и соперник был уверен, что он именно туда пошлет пас. Но прекрасно развитым периферическим зрением он в то же время видел партнера справа, и именно ему следовала абсолютно

неожиданная для обороняющихся передача», — писал журналист Владимир Дворцов.

«Валерий — он гений, он волшебник. Все говорят, дескать, техничный игрок — это тот, который один на один может обыграть. Техничный игрок — тот, у которого нет потерь, который, что бы он ни сделал, сохранял шайбу. Тот, у которого любой бросок результативен, а любая передача доходит до партнера. Любой твой финт проходит, ты не теряешь шайбу, ты принимаешь любую передачу, тебе можно отдать шайбу, и ты ее не теряешь, шайба подконтрольна тебе. Вот это техничный игрок, у которого нет проблем ни с чем. У Харламова не было проблем бросить — он любой бросок мог сделать. Правильно говорят, что он шайбу мог подкинуть, переложить — и всё. Он просто великий в этом плане. Я думаю, что его главное достоинство было, когда он только появился, когда дебютировал на льду, — это высочайшая техника на высочайшей скорости, — признавался в беседе известный хоккейный аналитик и комментатор Сергей Гимаев. — Я вот так скажу. Если обратить внимание, как большинство игроков в обводку идут — большинство все равно на две ноги встают и не толкаются, пытаются клюшкой обыграть. Харламов же мог переложить с крюка на крюк; даже за спиной мог переложить клюшку. По владению шайбой сейчас с ним можно сравнить разве что Пашу Дацюка. Подавляющее большинство людей — предсказуемы. Харламов, не теряя скорости, мог сделать всё, что угодно».

«Я брошу хоккей, как только пойму, что перестал делать сюрпризы моим оппонентам, зрителям и себе», — сказал как-то Валерий Харламов. Он и играл ради того, чтобы зрители радовались. Чтобы трепетно ждали неповторимого сюрприза от него. Того самого волшебства. Чуда не по расписанию. Потому так ценил доверие зрителей, пришедших на стадион для того,

чтобы посмотреть на его игру. «Он считал глубоко недостойным схалтурить, поберечь свои силы, когда команда буквально ложится костью, избежать силового единоборства с соперником, превосходящим в габаритах и в весе. Он никогда не пытался применить коварный, нечестный прием, не помню случая, чтобы он нарочно стукнул кого-нибудь клюшкой или коньком, даже просто оттолкнул плечом, если толчок этот не был вызван прямой необходимостью овладеть шайбой или уберечь ее. Валерий никогда не спорил с судьями и редкие наказания — удаления на две минуты — сносил сдержанно и терпеливо», — вспоминал Анатолий Тарасов.

Лучшие защитники мира говорили о том, что если не распознаешь заранее финт, который задумал Харламов, и уступишь ему хотя бы миллиметр, то пиши пропало. Обведет, оставит в дураках. «Попробуйте в одном из матчей проследить за “репликами” (движениями) Харламова. Если отгадаете, сумеете предсказать его игровой ход, решение той или иной ситуации хотя бы в одном случае из трех, значит, в вас пропал талант хорошего хоккейного защитника», — иронизировал великий технарь Анатолий Фирсов в своей книге «Зажечь победы свет».

«Есть выражение: искры летят из-под коньков. Когда Харламов шел к воротам, было ощущение, что искры летят из-под его коньков», — признавался Григорий Твалтвадзе.

Решения Харламова действительно обычно казались непредсказуемыми. Создавалось ощущение, что он и сам не знал, что сделает в следующую секунду. И вдруг следовал ход, совершенно неожиданный для соперника. Это был игрок невероятной интуиции, которая подпитывалась как вдохновением, так и теми огромными знаниями, которые он имел, собирая всю

информацию о вратарях и защитниках, противостоявших ему.

Во многом из-за этих его нестандартных действий, непредсказуемости от Харламова всегда ждали чуда. «Его мышление было создано для игр. Харламовское понимание ситуаций отличалось от принятых канонов. С шайбой или с мячом шел он не туда, куда предполагали соперники, а бросался в самую гущу, на эшелонированный участок обороны, чем вызывал смятение у противника и создавал оперативный простор для партнеров. Мог сделать всё и в одиночку, от первого хода до последнего, но чаще делился с товарищами радостью лихой атаки. Харламовские импровизации — это хоккейные мелодии, которые были столь любимы в его бытность и над которыми не властно время», — убежден партнер Харламова по тройке в детско-юношеском ЦСКА Владимир Богомолов.

Работая совместно с журналистом Олегом Спасским над автобиографией, Харламов в конце повествования поделился любопытными наблюдениями о своем видении базовых принципов хоккея. Среди них он особенно выделял игровую скорость. «Моя скорость — это скорость составления задач, которые не по силам разгадать защитникам. Перехитрить опекуна, поймать его на ложный прием, оставить его с носом доставляет мне, не скрою, величайшее удовольствие. Вот мчатся на меня два защитника, каждый размером с приличную гору, но я спокойно иду на сближение, показывая то одному, то другому, что намерен провести поединок именно с ним, а в последний момент проскакиваю между ними, как между Сциллой и Харибдой, к воротам соперника. Так забросил я в Канаде шайбу в матче с хоккеистами ВХА, и этот мой гол показывали потом несколько раз по телевидению, — с удовольствием вспоминал Валерий Харламов. — Но еще больше я люблю коллективные голы, голы, которые мы забиваем

втроем — Борис Михайлов, Владимир Петров и я. В одну секунду следуют два паса в одно касание. Шайба летит от моей клюшки к клюшке Бориса, от него в то же мгновение к Володе, и тот отправляет ее мимо защитников, мимо вратаря, выманенного вперед, в незащищенные ворота».

Что же такое фирменная харламовская обводка и что нового, помимо «проскакивания между Сциллой и Харибдой», привнес в этот компонент Валерий Харламов? «На льду он любил отпустить шайбу в пространство между собой и защитником, с которым затевал игру в кошки-мышки. Тот азартно бросался за легкой добычей. Тонко чувствуя дистанцию, Валерий выкрадывал шайбу буквально из-под носа защитника — и был таков. Позже это назовут обводкой будущего. До Харламова классическим считался постоянный контроль шайбы — у него она бывала вроде бы и ничейная», — признавался Владимир Богомолов.

«Обводка — вот одна из страстей и одна из самых сильных сторон этого игрока. На первых порах он даже злоупотреблял ею, но потом все образовалось, и Валерий поставил ее на службу звену. Его скоростные проходы, его филигранный дриблинг позволяют ему стремительно проходить в зону, оставляя за спиной защитников соперника или, наоборот, притягивая их как магнитом к себе. Это открывает оперативный простор для партнеров, — анализировал игру Харламова его кумир Всеволод Бобров. — Валерий во время обороны своих ворот как бы умышленно чуть отстает, чтобы при первой же возможности рвануться вперед. Он как дамоклов меч всегда “висит” над воротами соперников, всегда готов броситься вперед, чтобы лично забить гол или создать голевую ситуацию партнерам».[56](#)

Харламовская обводка не имела ни капли сходства с чьей-либо другой. Именно она является ключом к

пониманию того, что представлял из себя хоккей Харламова. «Он не применял ни величественных плавных жестов, ни проворного клюшечного фехтования мастеров, сложившихся до введения силовой игры. Его набег на тылы соперника не были размашистыми, скорее были прямыми, с небольшими резкими отклонениями. Обводя защитников, он подправлял шайбу себе на ход самую малость. Незаметно, так, как в выездке опытный всадник неуловимыми для наблюдателя движениями направляет коня. Харламову этого было достаточно. Когда он шел вперед, все его тело волновалось, чутко жило, хитрило, загадывало загадки защитникам, — писал известный хоккейный обозреватель Юрий Цыбанев. — Харламов неведомым способом развил в себе редкое чувство игровой гармонии, вкус к атаке. Товарищам Харламова по игре оставалось быть его единомышленниками. Для них, игроков первостатейных, эта задача была несложной и приятной. Он сохранял за собой игровую инициативу в матче с любым соперником, для него не было неподходящих, неудобных. Выходил ли он в форме ЦСКА против “Спартака” или в форме сборной против команд Канады, Чехословакии, Швеции, ритма дыхания его игры не сбивал никто».[57](#)

«Валера изумительно быстро катался, ухитряясь обводить на бешеной скорости несколько соперников. Он был актером на льду и в жизни: любил петь и танцевать. Валера полукровка, его мать — испанка. Полукровки обычно талантливые люди», — признавался в интервью в 2013 году многолетний врач хоккейной сборной Олег Белаковский.[58](#)

Но ни его скорость, ни неуловимая обводка, ни броски, которые ставили в тупик лучших вратарей мира, не «свалились на Харламова с небес». Это стало результатом его невероятного трудолюбия и конечно

же упорства и силы воли. В отличие от его друга Александра Мальцева, с его действительно врожденным талантом, Божьим даром, который он стал щедро использовать с первых дней появления на льду. У Харламова всё было не так гладко, читатель уже успел заметить, через какие испытания прошел он в юности.

«У нас с Мальцевым много схожего. Не только путь в сборную. Но и манера игры. И манера одеваться. Мы одного роста, одного веса, и потому коньки подбирает один — размеры совпадают. И рубашки, и брюки, и костюмы каждый легко подбирает и для приятеля — совпадают не только размеры, но и вкусы», — признавался Валерий Харламов.

Интересными наблюдениями о Харламове и Мальцеве поделились два известных российских телекомментатора в беседе с автором этих строк. «Мальцев — это действительно самородок. Харламов также достаточно рано начал заниматься хоккеем, и у него, как и у Мальцева, было блестящее катание. Если их сравнить по технике, то они очень схожие. Они — великие мастера. Они и дружили. Мастер мастера чувствует. И все-таки они отличались. У Мальцева была достаточно высокая стойка на льду: от этого ему что-то было проще делать. Харламов же, если внимательно посмотреть на его катание, фактически стелился по льду. У него была настолько низкая стойка, что переложить корпус ему было очень просто. Это талант. Этому не научить. Ты рождаешься с этим», — анализировал игру двух мастеров хоккея Сергей Гимаев.

«Я бы не назвал Харламова, как Мальцева, самородком. Потому что его все-таки сделали тренеры. Тот же Ерфилов, тот же Тарасов. Но при всем при этом такую фантазию, которая в нем бурлила (я не знаю, можно это назвать управляемой фантазией или нет), я

не видел ни у кого. Может быть, в силу даже какого-то темперамента. Многие говорят, что Фирсов был техничнее, чем Харламов, а Мальцев мог сотворить то, чего вообще никто не мог сделать. Но он потом сам объяснить это не мог, как он это сделал. А когда Харламов что-то творил на площадке, всегда было ощущение, что это абсолютно неподготовленная импровизация. И если ты видел его игру в первый раз, возникало ощущение, что ты видишь игру гения. Он и был гений. Я могу однозначно сказать, что для меня с детства и до сих пор — сколько лет прошло, как нет уже Харламова, — для меня он как был богом, так он богом для меня и остается», — признавался Григорий Твалтвадзе.

В беседе с Владимиром Владимировичем Юрзиновым автор этих строк также попросил одного из лучших отечественных хоккейных тренеров сравнить Александра Мальцева и Валерия Харламова с точки зрения природы их таланта. В хоккейном мире не секрет, что отношения между Юрзиновым и Мальцевым, некогда партнерами по «Динамо», долгие годы оставались сложными. Юрзинов честно сказал, что «был основательно обижен на Сашу». Но вот что интересно: Юрзинов, в высшей степени восторгаясь Харламовым и подспудно тая обиду на Мальцева, ставит динамовца по уровню таланта выше армейца. «Мальцев был такой талантище, которого не могли испортить никто и ничто. Ни тренеры, ни обстоятельства, ни спиртное. Это талант исключительно врожденный. А Валера, на мой взгляд, в равной степени — талант как врожденный, так и сделанный. Им самим, его наставниками», — полагает Владимир Владимирович. По словам Юрзинова, в становлении Харламова огромную роль сыграли его упорство и трудолюбие, поездка в Чебаркуль и армейские нагрузки, благодаря которым он «оброс мускулатурой»: «Сама армейская, тарасовская школа

сформировала у него дух победителя. Этой школой выращен и сформирован был Валера Харламов. Мальцеву же этого ничего не нужно было. Ни Чебаркулей, ни особых физических нагрузок. Он привык быть один в поле воин. В том смысле, что он был прирожденный вожак, именно он вел за собой партнеров по “Динамо”, которые уступали и ему, и соперникам в мастерстве. А по характеру, по силе характера я ставлю выше Валеру Харламова».

Дружба армейца и динамовца зародилась на глазах Юрзинова. «Харламов и Мальцев оттого так сдружились, что люди были искренние. Саша когда начинал играть, то забывал про всё, концентрировался на игре. То же было и у Валеры. У них внутри была только игра. Оба светились радостью от игры. Хотя их талант вне льда нужно было держать», — признался Владимир Владимирович. Такие же отношения, по его словам, у Харламова были и с Валерием Васильевым. «Вася (Васильев) и Харлам тоже были не разлей вода. Валера Васильев был тонкий по душевной организации человек. Интересный человек. Вы не представляете, какая душа была у него запрятана. Тонко чувствовал любую фальшь. Страшно ранимый, всю боль и переживания предпочитал держать в себе. Никогда не показывал этого. Оба сблизилась также, потому что были людьми искренними, не терпели подлости, предательства. Когда мы вернулись с Кубка Канады, то я увидел, что Валерка Васильев уже не тот. Гибель Харлама он переживал страшно», — вспоминал Юрзинов.

«Сколько раз Володя Писаревский мне говорил, что он в своей жизни, повидав немало поколений хоккеистов, видел только двух человек, которые вот так бы ошеломляюще врывались в большой хоккей. Харламов и Мальцев. Именно врывались. Наверное,

поэтому они и были друзьями на протяжении многих лет», — признался в беседе Григорий Твалтвадзе.

— На чем, на твой взгляд, основывалась эта дружба?
— интересуюсь у Твалтвадзе.

— Я думаю, на молодости. Это вообще очень редкий случай, когда два талантливых, два абсолютно гениальных пацана так вот искренне потянулись друг к другу. Ведь Мальцев никогда не называет его Валера, он всегда произносит, вспоминая о нем, — Харлам. Хотя многие цээсковцы до сих пор говорят: Валерка, Валера. А он: Харлам, Харлам. Есть какая-то дворовая, неподдельная составляющая этой дружбы, она присутствовала в этих отношениях.

«Валера очень любил жизнь. Однажды в конце сезона, когда мы с ЦСКА выиграли чемпионат СССР, решили отметить это событие у меня в квартире, — вспоминал Сергей Гимаев. — Мы прилично выпили и приехали домой; нас много народу было, и жены были. Выпить было. А закусить — нет. И мы пошли с Валерой в магазин на Беговой. Пришли в магазин. Там Харламова все узнали и очень сильно обрадовались. Спрашивают: “Ну, чего вы хотите? Выполним любой каприз. Пойдемте в подсобку”. И там дали нам огромную индейку. Никогда не думал, что индейка может быть такой огромной. Мы ее приготовили в духовке и два дня ели. А еще Харламов был очень доброжелательный. Однажды сидим, отдыхаем, он говорит товарищу по команде: “Я выпил, сейчас не могу ехать, а ты езжай на моей машине”. — “Как я могу ехать на твоей машине 00-17, все будут думать, что Харламов едет!” — “Нет, давай езжай. Сойдешь за меня”. Было очень весело. И когда приезжали в Ялту, в Крым, там его все очень любили. Ездили и на “Таврию” на футбол, и в Алушту, и везде были ликование и восторг, что приехал Валера. Мы очень любили Алушту. Рядом Ялта. Приезжали в Гурзуф. Гостиница “Ялта” в то время была пристанищем

игроков. Фрунзенский санаторий — туда ездили больше тренеры. Там было больше дисциплины, отбой и всё такое. Ребята и лечились там, и отдыхали, и по всему побережью ездили. В Алуште — розовое шампанское. Он любил шампанское: розовое шампанское или шампанское из Киева. Водку не пили. Другое качество. Торты всегда везли из Киева. И обязательно крымское шампанское».

«Одна из фишек крымского футбола: на матчи часто приезжали посмотреть хоккеисты. Летом же все, как правило, отдыхали в Крыму. Вот, к примеру, Михайлов, Петров, Харламов брали машину в Ялте и приезжали на футбол. Харламов, помню, как-то говорит: “Не надо нам в ложу. Поставьте скамеечку у поля, хотим игру послушать”. И садились поближе к запасным. Это сейчас запрещено, а раньше проблем не было», — вспоминал бывший игрок футбольного ЦСКА Анатолий Коробочка в одном из интервью.[59](#)

Харламов неистово работал над собой, чтобы быть лучшим. Не признавал второе место, даже за бильярдным столом страшно расстраивался, когда проигрывал. Мог после этого надолго уйти в себя, хотя товарищи уже забыли о поражениях. Сестра Татьяна признавалась, что, возвращаясь домой после неудачных игр, сразу затихал и уходил в другую комнату, переживая проигрыши. «У него всегда было стремление, чтобы самое лучшее, что только есть в арсенале хоккеистов, было и у него. У него была такая манера игры, такое профессиональное отношение к своему ремеслу: если ты профессионал, то ты должен всегда быть готов выйти на лед. Вспоминаю, с какими травмами Валерка играл — и ноги распухали так, что хоккейные ботинки на них не налезали. Однажды он приехал с первенства мира с такими распухшими голеностопами, что ничего ему подобрать не смогли. В итоге сабо какое-то нашли, оно только на эту ногу

налезть могло. А у него ножища распухшая, я вам скажу, размером была чуть ли не с валенок. Доктор Супруненко был в ЦСКА, обкалывал Валеру от боли постоянно», — вспоминал Михаил Туманов.

Харламов начисто опровергал существующий стереотип, что с годами хоккеисты утрачивают азарт и интерес к тренировкам, в особенности атлетическим. Дескать, становятся более вальяжными и иногда филонят в отличие от молодых, которым есть, что доказывать тренеру. «Прыгать и бегать со штангой весом в 60-70 килограммов, заниматься акробатикой для развития ловкости и координации движений, играть в футбол и баскетбол одновременно, в два мяча (есть такое неувядаемое упражнение), — все это доставляло Харламову мальчишеское удовольствие. Он умел многое лучше других, но никогда не кичился тем, например, что умеет крутить сальто и с места, и с разбега, и назад, и вперед, ходить, прыгать, бегать в стойке на кистях, что в беге с 70-килограммовой штангой делает резкие скоростные рывки. Если иные из спортсменов тренируются регулярно под известным давлением тренеров и коллектива, то Валерий воспринимал эту необходимость как норму своей жизни», — вспоминал Анатолий Тарасов.

Как уже говорилось, у Харламова был свой «свод хоккейных правил». Он последним из игроков выходил на лед и последним уходил со льда, оставаясь на тренировках, чтобы еще пробить буллиты. Завязывал шнурки сначала на левом ботинке, только потом на правом. Но было еще одно, что конечно же бросалось в глаза болельщикам. Он не праздновал забитые голы, не вскидывал вверх руку с клюшкой, как это делали другие игроки. Вот как он сам объяснял свою манеру: «Забросив шайбу, я не вздымаю вверх торжествующе свою клюшку. Не первый гол и, надеюсь, не последний. Можно радоваться, торжествовать, забросив

последнюю, решающую шайбу, которая приносит команде звание чемпиона мира или страны, олимпийского чемпиона. Но стоит ли радоваться, забив гол в начале сезона, когда всё еще впереди, когда ждут команду и тебя вместе с ней и удачи, и огорчения? Да и о сопернике подумать надо. Его чувства понять нужно. Так зачем эта демонстративная радость?»

В начале своей карьеры и Харламов, и его товарищи по клубу и сборной с иронией относились к суевериям. Понятно, что все эти причуды — на поле надо выходить с левой ноги и креститься перед этим, как практикуют некоторые футболисты, или, например, как делают бейсболисты, укладывая на ночь перед игрой в постель бейсбольную битую, — скорее являются некоей психологической встряской. Но когда дорогу клубному автобусу перебежит черная кошка, а твоя команда-лидер вдруг проиграет, да не раз, а другой и третий, а в день игры упадет вилка из рук и постоянно будет развязываться шнурок у кроссовки, а ты будешь промахиваться из самых выгодных положений, как и твои партнеры по команде, в отличие от соперников, у «которых залетает всё», — тут и в самом деле поверишь в приметы.

Да и психологи говорят, что ритуал, которым спортсмен дает своей психике своеобразный сигнал успокоиться, гораздо лучше утомляющего ожидания перед стартом. У хоккеистов ритуалов меньше, чем у футболистов или легкоатлетов, но и у них есть свои причуды. Так, феноменальный Уэйн Гретцки однажды перед матчем случайно уронил на клюшку присыпку, а его родной «Эдмонтон» разгромил соперника и сам «Великий» набрал несколько очков в игре. С тех пор перед игрой он под аплодисменты болельщиков высыпал порошок на свою клюшку. Вдобавок Гретцки никогда не стригся до и во время серии плей-офф. Однажды поход в парикмахерскую обернулся тем, что

его клуб проиграл все четыре матча серии. Знаменитый Рей Бурк вытаскивал шнурки из ботинок и перешнуровывал их.

У вратарей, как известно, еще больше «тараканов в голове». Эдда Белфора нельзя было трогать за амуницию перед игрой — мог смачно врезать. Жослен Тибо брал в руки секундомер и за шесть с половиной минут до начала матча поливал себе голову из бутылки с холодной водой. Легендарный Патрик Руа во время игры разговаривал со штангами ворот, как с близкими друзьями. Но больше всех шокировал партнеров известный канадский вратарь 1960-1970-х годов Гарри Смит. Он в перерывах матчей первым забегал в раздевалку, скидывал с себя всю экипировку, несколько минут, «на фарт», ходил по раздевалке нагишом, затем так же быстро одевался и как ни в чем не бывало выскакивал на лед.

У советских хоккеистов «ритуалов» было поменьше. Но зато партнеры могли, например, шнурки завязать с мылом на узел или заусенчики снять на коньках, чтобы те не катились. Бывало, приходит молодой в команду, весь в напряжении. Идет в уборную перед игрой. «Ты куда пошел?» — говорит ему опытный хоккеист. «В туалет». — «Правильно! Лучше раньше, чем вовремя!»

Развлекались и игрой в числа. С годами у Харламова и его товарищей появилась забава — «счастливые числа 100». В то время номера машин были четырехзначными. Кто-то случайно заметил, что если навстречу клубному автобусу едет машина, а сумма номера у нее равна ста: например, 45-55 или 63-37, то в предстоящем матче ЦСКА непременно выигрывал. Так и ехали на матчи, веселясь и разыскивая «армейскую соточку». А потом выходили на лед. Но все-таки в хоккее побеждают не ритуалы и суеверия, а люди, что убедительно доказывали Валерий Харламов с товарищами.

В харламовском «своде хоккейных правил» важное место занимали представления о благородстве, мужестве и силе воли. «Спортсмен, как и тренер, должен с достоинством переносить неудачу, поражения. Уметь видеть причину проигрыша в собственных ошибках, промахах и просчетах. По-настоящему мужественный хоккеист не может не быть человеком душевно щедрым, умеющим принять на себя вину (не только свою, но, может быть, и партнера!) за неудачу, не быть не расположенным к людям. Подлинный мастер не мелочен, он не считается с тем, кто сделал больше, а кто меньше», — признавался Валерий Харламов.

Его били. Били нещадно. Били жестоко. Не только канадцы. Часто неумышленно. Но по ноющим голеностопам. Часто так отвечали те игроки, которых он, как говорят хоккеисты, финтами усаживал на пятую точку. Таили злобу. Потом дожидались момента и били. В те годы игроки получали очень болезненные травмы. Нападающие взяли на вооружение не просто кистевые броски, а научились мощно щелкать по шайбе. Первыми это ощутили вратари и защитники с их допотопной защитной амуницией.

«Под шайбу наши игроки всё время ложились. Особенно защитники. Да и нападающие ложились, ничего. Так были воспитаны, что надо ложиться, — вспоминал Александр Гусев. — Хотя у некоторых игроков был очень сильный бросок. Как, например, у Фирсова. Хотя тогда никто не замерял скорости полета шайбы, все знали, что щелчок у него страшнейший. Рыжему Сидельникову (вратарю “Крыльев Советов”) однажды так попало от Фирсова, что через шлем ему рассекло голову. Мы тогда играли в “Лужниках”. Нас выпускал в большинстве Тарасов: Фирсов — слева, я — справа, соперника раскатывали и щелкали».

При этом игроки часто скрывали боль, понимая, что не могут подвести своих товарищей. «У Гены Цыганкова трещина кости была, попали ему в ногу. Терпел, выходил на лед. У Валеры Васильева однажды семь зубов разом вылетело. У меня тоже однажды после броска все зубы загнулись, потом кое-как выправили, — продолжает Гусев. — У нас тогда не было защитных зубных кап, как у боксеров. Мы и не знали, что это такое. Однажды мне в висок шайба попала. А висок не защищен был. У меня месяц голова болела. Сейчас-то всё защищено, сейчас новые шлемы, а тогда тоненькие такие “касочки” на голове болтались, мы их называли “мыльницами”».

Игроки тех лет постоянно доказывали свое мужество на площадке. «Принять на себя шайбу, посланную мощным броском, да еще с небольшого расстояния, решится совсем не каждый игрок: боль мучительная. И когда видишь, как встает со льда защитник, принявший на себя сильнейший щелчок армейца Анатолия Фирсова, Александра Бодунова из “Крылышек” или кого-то из канадских нападающих, когда видишь, как он морщится, корчится от боли, но все же встает и, ковыляя, спешит на помощь партнерам, то волей-неволей заражаешься мужеством товарища, его самоотверженностью. Твой партнер не лежит на льду, не покидает площадку, а пытается снова вступить в борьбу, пытается помочь ребятам. Те смотрят на него и понимают, по крайней мере, чувствуют где-то в глубинах сознания, что и они должны вот так же не жалеть себя во имя командного успеха. И это увлекает, поднимает всех хоккеистов, и зрители аплодируют команде, которая вдруг начала играть так, как давно не играла», — признавался Валерий Харламов, который никогда не щадил себя и не играл сверхосторожно. Разве что первые месяцы после возвращения на лед после аварии 1976 года.

Не случайно гимн отечественного хоккея — «Трус не играет в хоккей» композитора Александры Пахмутовой на стихи Николая Добронравова и Сергея Гребенникова — появился на свет в ту славную эпоху, в 1968 году. Мало кто знает, что песня эта получила большую популярность и в Северной Америке, особенно после того, как ее записал на пластинку популярный певец из США Пол Анка.

Однажды, когда Леонид Трахтенберг спросил Харламова, что остается в памяти после матчей, тот ответил: «Усталость, которая долго держится в мышцах, если игра не шла, и быстро проходит, если матч был интересным и мы победили. А главное — остается счастье, что была игра и скоро будет другая». [60](#)

«Что больше всего привлекало в игре Харламова? Незабываемые по искусству исполнения заброшенные шайбы, которые поднимали на ноги двадцатитысячные дворцы спорта, ярчайшая игра, всегда неразгаданная соперниками, действия, им осмысленные, но, казалось бы, всегда против логики? Не только это. В бешеном ритме хоккея, соответствующем темпу века, он, Харламов, заставлял остановиться и задуматься: как всё талантливое, его игра вызвала размышления об огромных возможностях человека, — писал журналист Юрий Цыбанев. — Появятся новые звезды. Будут играть и лучше. Но никто не будет играть так, как играл Валерий Харламов, человек, даривший людям радость». [61](#)

Сами армейские игроки порой поражались тому, что творит на тренировках и в официальных играх «семнадцатый номер». Бывает, что спортсмены такое показывают на тренировках, даже мировые рекорды бьют, а в игре или соревновании при стечении большого числа зрителей тушуются, затихают и повторить показанное, как ни стараются, не могут. «Валерка и на

тренировке, и в игре иногда такие вещи показывал, что голова кругом ходила. Некоторые вещи, конечно, как шайбу, забитую шлемом, что он сделать на тренировке запросто мог, в игре нельзя повторять. Там надо забивать и выигрывать. Но когда он свои финты коронные применял, защитникам очень тяжело против него приходилось, — признается Александр Гусев. — Непредсказуемый был. Он и любой частью клюшки, и коньком пас мог отдать. Он всё мог сделать. И шайбочку взять, перекинуть через игрока в игре. Играем как-то в первенстве СССР за ЦСКА, он к середине площадки откатывается, берет шайбу на крюк. На него идет игрок, он через него перекидывает шайбу, не давая ей опуститься на лед, ловит ее и держит на крюке. Навстречу еще один защитник. Он и второго таким же макаром перекидывает. Шайба, наконец, падает на лед, и он выезжает к воротам один на один. Кто еще может это сделать? Он владел клюшкой как своими пятью пальцами. Я не играл, слава богу, против него в официальных играх. Так же и против Мальцева тяжело было играть. Необычные, талантливейшие люди».

Однажды в ответственном матче внутреннего чемпионата, когда ЦСКА играл со «Спартаком», а напряжение нарастало с каждой секундой, Харламов вдруг улыбнулся и показал всем, игрокам, тренерам, болельщикам, с блеском исполненный прием — знаменитый финт Анатолия Фирсова «конек — клюшка — конек». Но не просто повторил, вот в чем была задумка. А еще и умудрился провести силовой прием в отношении противника. Этот игрок оказался на льду, а Валерий Харламов с еле заметной улыбочкой на устах уже мчался дальше, к воротам.

«Валера опередил свое время однозначно. Он и сейчас с таким мастерством все равно сильнейший был бы. Сейчас иногда смотришь, думаешь: бегают вроде

хоккеисты быстро, но толку никакого», — делился своими размышлениями Александр Гусев.

По его мнению, главным человеческим качеством у Валерия Харламова была доброта. «Что надо, поможет всегда. Но душу свою перед всеми не раскрывал. Что там дома у него было, это он особенно не рассказывал, всё в себе держал. А так с ребятами очень хорошие отношения были, компанейский был, и в компании мог участвовать, и что ни попросишь, всё было, — вспоминал Гусев. — Он, как все. Базар-вокзал идет, травим байки, анекдоты, что-нибудь вспоминаем. В основном всё было одинаково: игры-тренировки, игры-тренировки».

«Валерка был хороший человек, простой, нормальный мужик, — заметил в беседе Георгий Хитаров, который тесно общался с Харламовым в последние годы его жизни. — Симпатия, внимательный, добрейший. Таких больше нет. Надо куда-нибудь поехать, едет без раздумий. Надо помочь кого-нибудь встретить, он — первый. Без раздумий. Особенно его любили детишки в нашем дворе. Бывало, припаркует машину, жена с сыном и дочкой поднимаются наверх, в квартире его ждет мама Бегоня, а он, скинув куртку, начинает играть в футбол с мальчишками. Пацаны уже знали, если ЦСКА выигрывает, то Валере дадут увольнительную и он приедет навестить родителей. Как только въезжал во двор на “Волге”, дети тут как тут. А он гоняет с ними мяч, пока его за руку не возьмешь и домой силой не загонишь».

Георгий Хитаров познакомился с Валерием Харламовым в 1979 году. За год до этого он приехал в столицу из Батуми и устроился на работу в мясной павильон Тишинского рынка, куда приезжали за продуктами известные спортсмены и артисты.

В один из дней на рынок зашла сестра Харламова Татьяна и, подойдя к прилавку, заговорила с кем-то на испанском языке. Хитаров оживился, его мама была гречанкой. Речь зашла о схожести языков южно-европейских народов. Так завязалась дружба с семьей Харламовых, которая продолжается до сих пор, несмотря на то, что из жизни давно ушли и сам великий хоккеист, и его родители.

«Хоккеисты любили приезжать ко мне после игр на Тишинский рынок. Я к этому времени ставил большой казан, где готовил хашламу (мясо с зеленью). Наготове было вкуснейшее чешское пиво, которое мне специально для советских хоккеистов разрешали приобрести в посольстве ЧССР. Я расставлял стулья, стелил на них фанеру, так что получался импровизированный стол. Ребята начинали съезжаться к восьми вечера, — вспоминает Георгий Хитаров. — А у нас на рынке тогда работала немного странная, чудаковатая уборщица-ассирийка. Едва завидев “Волги” спортсменов, она кричала на весь Тишинский что есть мочи: “Рынок — смирно! К нам приехали выдающиеся советские хоккеисты!” Да тише ты, говорили ребята. Но было поздно. Никакой конспирации не получалось. Все четыре больших павильона знали, что олимпийские чемпионы приехали покушать хашламы и выпить пивка. Бывало, пропускали стопочку водочки. Но все знали меру. Наутро в “Динамо” и особенно в ЦСКА обязательно был кросс».

Компания в 1970-е годы у хоккеистов была славная — все красавцы и весельчаки, лучшие парни Советского Союза, как на подбор: Харламов, Мальцев, Михайлов, Петров, Цыганков, Лутченко. В конце 1970-х добавились молодые Крутов, Фетисов, Касатонов, Дроздецкий. Харламов как-то сказал Хитарову про Фетисова: «Этот парень будет выдающимся игроком, вот увидишь». «Ни про кого другого Валера так не сказал. Брал он с собой

Славу на все мероприятия», — вспоминает Георгий Хитаров.

«Валерия все, пожалуй, искренне любили, считали человеком себе близким, но доступностью его не злоупотребляли — в отношении к нему чувствовалась какая-то бережность. Во всяком случае, именно такое впечатление у меня создавалось, — вспоминал Владислав Третьяк. — Харламов был добр, очень добр, более того — великодушен. От Валерия Харламова я за все годы ни разу не услышал ни единого упрека. Он, наоборот, всегда спешил утешить. “Не обращай внимания”, — говорил, хотя вряд ли сам умел спокойно, хладнокровно пережить неудачу. Он был спортсменом, бойцом, каких мало... Вместе с тем в простоте Харламова было немало обманчивого. Точнее сказать, простота была настоящая, высокая, гордая простота большого, честного человека», — полагает Владислав Третьяк, приводя пример, как один хоккеист ЦСКА в конце 1970-х годов, который так и не заиграл на высоком уровне, набивался к Валерию Борисовичу в друзья после нескольких удачных игр. «Почувствовав себя с Харламовым “на равных”, он неоднократно звал Валеру в гости, посмотреть его новую однокомнатную квартиру, но так и не дождался. Отказать Валерий — уж такой характер — не мог, однако и пересилить неприязни к эгоцентричному юнцу тоже не смог — не пошел». [62](#)

Харламов никогда не забывал о людях, которые дали ему путевку в жизнь: родных, тренерах, учителях. «Когда Валерий учился в школе, нам, учителям, он доставлял только радость. Душевным, чутким человеком оказался Валерий и став взрослым. Когда я заболела, приходил в больницу, подбадривал. А каким вниманием меня, пожилую, скромную учительницу, окружили в больнице, когда все узнали, что “старушку” приходит проведать сам Харламов», — вспоминала его

школьная учительница Галина Михайловна Миляева, которая до сих пор дружит с Татьяной Харламовой и часто приходит к ней в гости.

Однажды у пожилой женщины, жившей в том же доме, где и Харламовы, отмечался день рождения. Туда пригласили Бориса Сергеевича и Бегоню. Валерий, забежавший на пять минут после матча домой, узнал, что родители приглашены на торжество к соседке. Чуть позже в квартире именинницы прозвучал звонок. Открыв дверь, пожилая женщина увидела своего знаменитого соседа. Он, как настоящий идальго, опустился на колени, взял руку женщины и галантно поцеловал ее. Все были в восторге. Не имея цветов, он, улыбающийся своей обезоруживающей улыбкой, сделал женщине, да еще на глазах у всех соседей, такой подарок, о котором та вспоминала годы спустя.

«Отдыхали мы тогда очень скромно. Потому что у наших мужей хоккеистов был режим, режим и еще раз режим. Гуляли, приезжая к ним на базу, по Архангельскому. Валера очень любил приезжать к нам. Мою мамочку, Анну Матвеевну, очень любил, — признавалась Татьяна Блинова. — Они, бывало, часами друг с другом разговаривали. Общий язык нашли. Особенно любил Валера блины: мама моя ему блинов напечет, так они всю ночь беседуют. Он был настолько тонкий человек, что ему не нужно было сидеть с молодняком и нести какую-то околесицу. Он выискивал человека более зрелого, более правильного, который мог что-то подсказать по жизни, а не просто болтать. Темы для разговоров у них с моей мамой разные были. Валера очень много говорил о тете Бегоне, очень переживал, беспокоился о ней (сердце, давление, как у любой мамы бывает), часто к нам приезжал с ночевкой. Потому что мы жили на отдельной площади. Отношения у нас были родственные, домашние. Для него самое главное был дом, а не хождение по ресторанам. Но и

рестораны любил — молодость же. Но главное — дом, семья. Это были счастливые времена, с 71-го по 73-й год. Молодость. Пик популярности Валеры».

Этому уважительному, даже бережному отношению к старшим его с детских лет учили родители, позже гордясь, что воспитали такого сына, внимательного и чуткого к ближнему своему. Этих принципов Валерий Харламов придерживался и в хоккейной жизни. «Уважать человека, который старше тебя, который больше прожил в команде, просто необходимо, если хотим мы создать внутри коллектива атмосферу дружескую и творческую. Если хотим создать то настроение, которое и позволяет команде бороться до конца, не опускать руки и в самой трудной ситуации. Это уважение может проявляться по-разному. И в том, что прислушиваешься к мнению ветерана, и в том, что раньше старшего по возрасту партнера по нападению помчишься при потере шайбы назад, в оборону, на помощь защитникам, и в том, наконец, что уступишь Цыганкову или Михайлову место в автобусе, если не все могут сесть», — писал Харламов в автобиографии.

«Он был простой, но не простодушный. Мы раза два ехали с ним в метро, его узнавали, но он резко отвечал тем, кто лез, приставал к нему с вопросами типа: “Ты меня уважаешь?” Несмотря на застенчивость и скромность, мог сказать им: “Да пошел ты!” И уйти в другой конец вагона. Или тем, кто приставал в ресторанах: “Мол, пойдем, Валера, за наш стол, по рюмочке махнем, что ты тут цену набиваешь себе!” Валера терпеть не мог панибратства, — вспоминал Вадим Никонов. — А с теми, с кем он постоянно общался, он был душа-человек, душа-парень, мог помочь другу — без проблем. Я у него деньги занимал перед тем, как меня в армию забрали; мне “Волгу тогда директор ЗИЛа выделил. И первый, к кому я обратился, был Валера. Таких друзей, как Валерка, мало бывает. Я

знал, что всегда можно к нему обратиться, по любому поводу. Надо на Канаду на суперсерию 1972 года билет — пожалуйста. Он где-то у кого-то из сборной тогда взял и вручил мне. Он щедрый был. Что ни попросишь — тут же отдаст. А кто знал, тот пользовался этим. И медали у него раз пропали. Хорошо Миша (Туманов) вмешался и их вернул».

Иногда он не знал, кому предназначалось то или иное лекарство, которое его просили достать. Но помочь человеку, часто незнакомому, был готов всегда! Александр Мальцев признавался, что у Харламова с его щедростью и желанием помочь многим людям часто попросту не оставалось денег на себя. Откладывал деньги на машину, потом одалживал или просто давал людям, просившим о помощи. В результате Александр помогал Валерию средствами, чтобы тот купил сначала первую, а потом вторую «Волгу».

Однажды Владимир Петров с тяжелой травмой угодил в больницу. По его воспоминаниям, надо было видеть, как буквально озарялись глаза его соседей по палате, когда туда входил Валерий Харламов. «Со стороны, наверное, казалось, что не только мне, но и всем остальным обитателям нашей палаты Валера такой же давний приятель и друг. Только и слышалось из разных концов: “Валера, расскажи”, “Валера, а как ты считаешь?”, — вспоминал легендарный игрок ЦСКА и сборной СССР. — И Харламов с присущей ему отзывчивостью находил для каждого из нас нужный ответ, остроумную шутку, расспрашивал сам. Ни одно лекарство, похоже, не действовало на моих соседей так сильно, как эти беседы с замечательным хоккейным мастером. Недаром, выписываясь из больницы и прощаясь со мной, один из тех моих товарищей по несчастью просто и убедительно сказал: “Повезло тебе, Володя, на друзей. Особенно на Харламова. Мировой он парень. Чистой, светлой души человек”».

По воспоминаниям близких, телефон в его квартире звонил без умолку. Народ начинал съезжаться в Тушино, как только знакомые узнавали, что Харламов, тогда еще завидный холостяк, приехал с армейской базы. «Товарищам он отказать всегда стеснялся», — вспоминал Борис Сергеевич Харламов.

«Валерка был очень добрый человек. Он помогал близким, своей сестре, друзьям. Вот вы знаете, как я познакомился с Фетисовым? — спрашивает Винокур и тут же отвечает: — Славка же был самый молодой в сборной СССР. Я тогда жил на Потылихе, около “Мосфильма”. Позвонил Валера Харламов и говорит: “Я тут близко нахожусь, ближе вас никого нет, Тамарка, жена твоя, дома?” Я отвечаю: “Да, а что случилось-то, Валера?” Он говорит: “Я сейчас приеду с парнем, надо помочь ему”. Приехал с парнем, это и был Слава Фетисов. У него в крови была губа, он попал в небольшую аварию на машине и прикусил губу. Так мы и познакомились, Валера при этом говорит: “Знакомься, наш пацан, молодой; я его от милиции увез, он был немножко не в себе, вмазал, и вот к вам привез, на Потылиху”. Я у Фетисова потом спрашиваю: “Ты помнишь, как тебя Валерка привозил?” Слава отвечает: “Валера примчался по первому зову”. Кому первому позвонил Фетисов, добежав до автомата? Правильно, Валере. И Валера с проспекта Мира немедленно поехал на выручку к младшему товарищу, на другой конец Москвы. В этом был весь Валера, душа-человек. Не пафосный, очень контактный, может, не суперразговорчивый, но очень доступный, нормальный. Мужик настоящий он был».

«Валера для меня навсегда останется добрым и справедливым парнем. Он был безотказный человек. Мог с себя часы снять и подарить какому-то мужику в ресторане. Последнюю рубаху мог снять. В нем всегда присутствовало чувство юмора. Он был несколько даже

смешливый. Я не помню, чтобы он ругался. Но с Мальцевым они могли атмосферу в команде поднять. Пошепчутся (они всегда сидели рядом), засмеются, и смешок нападает на всю раздевалку», — признался в беседе бывший партнер Харламова по сборной СССР Юрий Ляпкин.

Кстати, о «последней рубахе». «То, что он мог снять последнюю рубашку с себя, даже не обсуждается. Однажды он пришел к нам с другом. На улице сильно похолодало и выпал снег, а его товарищу нужно было ехать домой. Валера взял модную тогда куртку-аляску и просто так подарил своему другу, улыбнувшись и сказав: “Держи, не мерзни”», — вспоминала Татьяна Харламова.

Или другой случай, рассказанный ею же: «Помню, как я, только надев подаренные им из поездки в Канаду сапоги, неудачно оступилась и сломала обновку. Прихожу домой, чуть не реву, говорю: “Папа, сделай что-нибудь!” Валера подходит, улыбается и говорит: “Тань, хорошая вещь не сломалась бы. Не переживай, я тебе новые куплю”. И действительно привез. И не мне одной. Из той поездки в Канаду в 1973 году, когда он летал на финал Кубка Стэнли, привез три пары белых красивых сапог. Одну мне, две другие женам друзей — Наде Петровой и Тане Михайловой. Потом те всегда мужьям говорили: “Будьте такими же внимательными, как Валера. Советуйтесь с ним, если что нужно купить”».

Про «последнюю рубаху» есть хороший эпизод в одной из статей журналиста Леонида Трахтенберга. Валерий Харламов был приглашен на торжество — свадьбу журналиста. Примчался в ресторан чуть ли не с самолета после очередной игры на первенство СССР. Подарка купить не успел. Прямо перед банкетом снял с себя новенькую шикарную заграничную рубашку и подарил ее Трахтенбергу: «Носи, друг, как можно

дольше. Это от чистого сердца». Журналист чуть было не прослезился. А Валерий, улыбнувшись, достал из своего баула верный хоккейный свитер с номером 17 на спине и так просидел в нем к удовольствию гостей весь праздничный вечер.

Четырехкратный чемпион Олимпийских игр по биатлону Александр Тихонов тесно общался и с Валерой Харламовым, и с его партнерами по первой тройке. «С них иконы писать можно. Это были не только выдающиеся игроки, но и замечательные люди. Харламов вообще был невероятно скромным. Если не знаешь его в лицо и встретишь на улице — ни за что не подумаешь, что перед тобой звезда», — вспоминал он. [63](#)

«Это был игрок высочайших человеческих качеств. Радость жизни и радость игры была написана у него во всех движениях. Хотя судьба его потрепала основательно. Сколько у него было травм! Он был редкий человек. Понимаете, нет таких. В нем злобы вообще не было никакой. Чем он всегда отличался, что не могло не броситься в глаза, так это его естественность. Даже когда он выпивал, то никогда не прятался. Говорил, наказывайте меня. В нем главными человеческими качествами, на мой взгляд, были естественность и радость. У него не было ни хитрости, ни лицемерия. Он жил естественном. Был бесхитростным рубахой-парнем. После его смерти прошло уже больше тридцати лет, а я не могу забыть о нем, хотя я не очень тесно контактировал с ним. Но чувствовал его душу», — признался автору Владимир Юрзинов.

По словам Юрзинова, Валерий Харламов был удивительно скромным человеком. Из серии тех редких игроков, кого миновала звездная болезнь. «Я не отношу себя к числу звезд, хотя не могу пожаловаться на недостаток хвалебных отзывов, на невнимание печати. Дело в ином — я вижу, как много у меня еще

недостатков в игре, хотя от некоторых из них я уже, как мне кажется, избавился. Я вижу немало возможностей для повышения своего мастерства, вижу, над чем предстоит мне работать, и потому, повторяю, убежден, что мне еще далеко до совершенства», — писал Харламов в своей книге «Хоккей — моя стихия».

«К своей популярности он относился так же просто, скромно и деловито, как к любому делу или обязанности. Часами, не ленясь, он ставил автографы поклонникам хоккея. Щедрой рукой раздавал значки мальчишкам и взрослым. Безотказно ездил он на десятки выступлений в год, рассказывал слушателям о любимой игре, откровенно отвечал на вопросы. Особенно любил он встречаться с молодыми рабочими и солдатами, с детьми. И они отвечали ему тем же. Как в театр ходят “на Уланову”, “на Яншина”, “на Лемешева”, так и на стадион ходили “на Харламова”, — писал Анатолий Тарасов в очерке для книги «Три скорости Валерия Харламова». — Он был прост и скромен. Никогда он не капризничал, ничем не хотел отличаться от своих товарищей независимо от весомости их вклада в общее дело. Предлагал я ему, и не раз, стать капитаном команды, но он отказывался. Предпочитал оставаться рядовым полевым игроком, по сути, будучи тем, что входит у социологов в понятие “неформальный лидер”».

«Валерий и один его товарищ провинились в нарушении режима, причем за руку пойманы не были, хотя сомнений у меня не оставалось. Спорт вообще немыслим без строгой дисциплины, а в армейском клубе тем более. Я отдал приказ о наказании обоих. Тот, второй, отпирался и канючил до последнего, а Валера смолчал. Я спросил его, что, может быть, он тоже не считает себя виновным. И он ответил, что наказание понес заслуженное и вопросов не имеет», — вспоминал тот же Тарасов.

«Сколько я знал его — с пятнадцати лет и до трагической гибели, сколько наблюдал за его играми, могу сказать, что Валера остался таким же порядочным человеком, каким был в момент знакомства. Годы и слава ничуть не испортили его. К нему можно было подойти и спросить что угодно, он всегда старался помочь и помогал людям. Был очень доступен с журналистами, общался с нами легко в отличие от некоторых игроков, которые, увидев корреспондента, пугались его и отходили в сторону. И что меня поразило, уже когда он был ветераном в ЦСКА, он после тренировок часто сам, добровольно, собирал в ведро шайбы, хотя это, по хоккейным законам, должны делать самые молодые игроки клуба. Меня поражило: все опытные игроки давно уехали в раздевалку, а Валера, несмотря на усталость, собирает в ведро эти шайбы...» — делился воспоминаниями известный советский комментатор Владимир Писаревский.

Кстати, он признался, что Харламов разыгрывал его множество раз. Вместе с Мальцевым они были главными шутниками и острословами в советской сборной 1970-х. Перед каждой зарубежной поездкой Писаревский учил свежие анекдоты и потом рассказывал их Мальцеву и Харламову. И каждый раз оказывалось, что анекдотов, и особенно свежих, они знали больше.

«Ждать розыгрыша можно было в любое время», — вспоминал Владимир Писаревский. Вот яркий пример. Однажды сборная СССР возвращалась с победного для нее турнира в Чехословакии. Писаревский купил четыре литых диска для машины, потратил на них почти все командировочные, даже на еде сэкономил. Команда приехала в пражский аэропорт, готовилась к регистрации. Писаревский оставил диски возле хоккеистов, а сам отошел на пару минут. Возвращается, а дисков нет. Ребята все серьезные, говорят, что ничего не видели, выражают комментатору сочувствие. Рядом

стоит Харламов, всем своим видом выражает «вселенскую» скорбь, тут же Мальцев ходит, причитая: «Как же так, Владимир Львович, что же ты не уследил»... Писаревского начинает прошибать холодный пот. И вот, когда комментатор близок к отчаянию, наступает развязка. Выясняется, что шутники Мальцев и Харламов спрятали диски, чтобы ожидание перед полетом не было таким томительным. «Я выдохнул, рассмеялся сам. Другим бы устроил скандал, а на Сашу с Валерой нельзя было обижаться», — вспоминал Писаревский.

— Ну и язычок у вас, Валерий! Все время над кем-нибудь посмеиваетесь, — заметил однажды драматург Яков Костюковский.

— Имею право, потому что всегда могу посмеяться над собой, — тут же парировал Харламов.

Олег Спасский в своей книге «За кого болеют журналисты» вспоминал, насколько уважительно относился хоккеист к работе журналистов. Они вместе работали над автобиографией Харламова. «Порой он не успевал к назначенному им же самим часу — звонил в таком случае непременно. А однажды, не дозвонившись, приковылял (ноги после первой аварии еще болели) в “Смену” самолично. Отдохнув, пошутил: “Жаль, что от ЦСКА до вашей редакции каток залить невозможно, мне кататься сейчас легче, чем ходить”».

В те годы не существовало никакого пиара и спортивные звезды еще не обзаводились собственными пресс-атташе, с тем чтобы отгородиться или, наоборот, быть «выставленными в выгодном свете» в массмедиа. Харламов никогда не избегал общения с репортерами. Журналисты всегда тянулись к нему, восхищаясь его оригинальной манерой игры, артистизмом на льду, обаянием и магнетизмом в общении. С ними Валерий Харламов разговаривал предельно доброжелательно, спокойно, шутил, но не заискивал, не пытался

понравиться, так, чтобы о нем хорошо написали на следующий день. Он лучше других спортсменов понимал, что за каждым журналистом стоит многомиллионная аудитория читателей (а тираж «Советского спорта» в те годы достигал пяти миллионов экземпляров!). Более того, Харламов, по словам Спасского, ругал своих партнеров, если те капризничали и неохотно отвечали на вопросы корреспондентов.

Об одном из таких эпизодов вспоминал Анатолий Тарасов. Однажды после победы сборной СССР на чемпионате мира и Европы к одному из известнейших игроков подошел начинающий советский журналист, которого хоккеисты толком еще не знали. Увидев молодого репортера, игрок не только отказал в общении, но и посоветовал ему идти восвояси. Его поддержал другой хоккеист сборной, находившийся рядом. Мимо проходил Валерий Харламов, который увидел, что репортер едва не плачет от досады, а хоккеисты чуть ли не смеются. «Да вы что, ребята?! Вы в своем ли уме? Человек за семь верст киселя хлебать добирался. Ему надо свою работу делать, как и вам шайбу в ворота бросать. Что это за барские замашки? Журналист ведь вас о хоккее спрашивать хочет, а вы — хоккеисты. Стало быть, вы обязаны ему отвечать», — отчитал коллег Харламов. Пристыженные игроки извинились перед журналистом и принялись отвечать на его вопросы. Объясняя, почему он решил начать работу над книгами, Харламов отвечал журналисту: «Я рассказываю о хоккее, о товарищах и себе потому, что хочу приобщить к спорту как можно больше людей. Ведь спорт это здоровье, интереснейший отдых, новые друзья».

«Валера был очень доступным человеком, был коммуникабельным, легко мог поддержать любую тему, с ним можно было говорить о чем угодно, не только о

хоккее, — вспоминает Владимир Писаревский. — При этом заблуждаются те, кто считает, что его, дескать, интересовала только музыка. Он много читал, был одним из самых читающих спортсменов в той эрудированной сборной».

Одним из любимых произведений — наверное, сказывались гены — был «Дон Кихот» Сервантеса. Героя книги испанского писателя и советского хоккеиста роднят упорство в достижении цели, стремление идти в атаку на самые неприступные редуты, например на канадскую защиту.

Книжки, а не приставки и планшеты, были основными спутниками спортсменов того поколения победителей. В дорогу, тем более если предстояли поездки за океан, Харламов почти всегда брал с собой бессмертный образчик юмора книгу «Двенадцать стульев». Постоянно перечитывал, знал ее почти наизусть. Яков Костюковский часто общался с Харламовым. (Кстати, именно ему принадлежит крылатая фраза: «Когда я впервые увидел Харламова на фоне могучих партнеров, его фигура олицетворяла не телосложение, а теловычитание».) Вот как описывает известный сатирик один из диалогов с хоккеистом:

— У вас большая библиотека? — поинтересовался он.

— Не очень... Но есть несколько редких книг, — пытаюсь сдержать улыбку, ответил Харламов.

— Какие именно?

— Те, которые ребята брали у меня почитать и... вернули, — рассмеялся Харламов.[64](#)

Валерий Харламов был душой любой компании. Но в силу природной скромности, перенятых от отца сдержанности и определенной закрытости не был склонен к выпячиванию себя и монологам о «себе любимом». «У Валерки характер был замечательный, нрав компанейский. Вместе с тем, несмотря на

компанейский и общительный нрав, он избирательно относился к дружбе, не перед всеми распахивал душу. Он дружил с узким кругом людей. У него был друг Малец, Валерка Васильев, Лутченко. Я был его другом», — вспоминал Вадим Никонов.

«Друг это, по моим представлениям, человек, который всегда тебе поможет, человек, которому можно довериться в любой ситуации. Друг поймет твоё настроение и поспешит принять какое-то участие в твоих заботах, если у тебя неприятности или просто плохое самочувствие. И таких друзей у меня много. Если речь идет о дружбе, я — везучий человек», — писал Валерий Харламов в автобиографии.

После женитьбы, рождения сына, а потом и дочери Бегониты — названной так в честь его мамы — Валерий стал много времени уделять семье и реже встречаться с друзьями, которые не играли в ЦСКА. Больше виделся с Борисом Михайловым, Владимиром Петровым и Владимиром Лутченко. Не так как хотелось, но часто встречался с Мальцевым. «Как договаривались о встрече, когда не было мобильных?» — спрашиваю у Мальцева. «Интуиция, — с улыбкой на лице отвечает двукратный олимпийский чемпион. — Звонили на базу друг другу и так договаривались. Да и Валерка уже знал с годами, когда меня можно застать дома или в каком-нибудь любимом месте. От базы ЦСКА в Архангельском до нашего динамовского Новогорска 18 километров. Иногда заезжали друг за другом».

«Мне довелось пересекаться с Валерой в самых различных обстоятельствах. Вспоминается то, что он был очень общительный и добрый парень. У него не было никаких заморочек, позерства, голова никогда не кружилась от успеха, несмотря на то, что он стремительно, как метеор, оказался в центре внимания многих людей: специалистов, игроков, тренеров, болельщиков, номенклатурной и прочей элиты, которая

хотела познакомиться с ним», — рассказывал Владимир Писаревский. Он же вспомнил один эпизод, который говорит о скромности Валеры:

«Однажды мой друг, который работал в ресторане “Яр”, тогда — “Советский”, пригласил меня прийти поужинать. Благо идти мне было относительно недалеко от дома, а хоккейный сезон уже закончился. Подхожу к главному входу и вижу, как около него стоит одинокий Валера Харламов, одетый по-спортивному, в желтую куртку. Грустный какой-то был, что на него, в общем-то, и не похоже. Подхожу, мы тепло приветствуем друг друга. “Пойдем, говорю, Валера, внутрь, поужинаем”. — “Не могу, меня не пускают, дескать, мест нет, да и одет я неприлично”, — признается Харламов. Я в шоке: “Тебя и не пускают?!”».

Изумлению Писаревского не было предела. Это случилось как раз после суперсерии 1974 года. С учетом того, что в лицо Валерия Харламова к тому времени знало почти все население страны, ситуация выглядела более чем странной. «Вот такая ситуация, Володя, — улыбнулся Валерий Харламов. — В Канаде и США у меня был бы собственный ресторан. А здесь в родной “Советский” игрока советской сборной не пускают». Швейцар скрылся за дверьми ресторана, и комментатор был вынужден постучать в дверь, попросив вызвать своего друга, который работал в заведении шеф-поваром.

Друг Писаревского обомлел, когда узнал, что швейцар не пускает в ресторан самого Харламова. Швейцар, отставной офицер, понял, что ему не избежать скандала. Двери перед игроком распахнулись настежь. Ресторан был полон людей, и Харламов в своей желтой спортивной куртке шел под овации посетителей. Смолкла музыка на сцене, многие норовили пригласить его за свой стол. Но Харламову и Писаревскому выделили место в укромном уголке, где

они относительно спокойно, если можно назвать спокойным постоянные подходы к столу «визитеров с бутылками шампанского от такого-то стола», поужинали.

Харламов был начисто лишен накопительства и меркантильности. «Никогда не забуду интервью, которое однажды дал мне Юрий Ляпкин, — признавался Григорий Твалтвадзе. — Я пытался задать какой-то полупровокационный вопрос, типа, был ли Харламов среди тех хоккеистов, которые что-то возили из-за границы на продажу. Юрий Евгеньевич посмотрел на меня сердито и недоуменно: “Кто, Валерка? Да ты что, спятил?! Он кроме дисков ничего не возил. Он был помешан на музыке. И при этом одевался ‘с иголки’ ”».

Модники они с Мальцевым были знатные. «Мальцев и Харламов были не только самыми талантливыми представителями своего хоккейного поколения, но и законодателями мод в хоккейном и спортивном мире страны. Только они двое могли позволить себе в те суровые времена “морального облика строителя коммунизма” выходить на лед с золотыми цепями на шее в палец толщиной — просто потому, что это им нравится. Как бы показывая молодым: будешь играть так же блестяще, как и мы, будешь таким, — рассказывал Григорий Твалтвадзе. — Но, на мой взгляд, это не было пижонство. Просто и Валерий Харламов, и Александр Мальцев самыми первыми из хоккеистов подхватывали моду того времени. Помню, как, работая в “Гудке”, оказался в аэропорту Внуково в 1977 году, куда с неудачного для себя чемпионата мира возвращалась наша хоккейная сборная. Вышли наши хоккеисты, идут с грустными лицами, один на другого похож. И вдруг на этом общем фоне озаряет вспышка: из-за спин возникают два неразлучных друга Мальцев и Харламов. Степенно, широко улыбаясь, одетые по

последнему слову моды, идут, как люди из другого мира, как голливудские актеры, как два человека, только что сошедшие с подиума».

Кстати, у двух друзей был интересный ритуал после того, как они возвращались на родину. «После прилетов в Шереметьево из зарубежных поездок у нас с Валерой была традиция. Мы с шоферами за рулем, каждый на отдельной машине, выезжали на Ленинградское шоссе, заезжали в один из продуктовых магазинов и брали две бутылки полусладкого шампанского на двоих. Вставали где-нибудь недалеко от трассы и пили игристое. Удовольствие блаженное получали. От возвращения домой. От того неповторимого игристого. Потом потихоньку разъезжались по домам. Доложить родным о наших победах», — с улыбкой вспоминал Александр Мальцев.

Но вернемся к разговору о моде. Харламов очень любил цветные рубашки, они для него были символом радости и солнечного настроения. Предпочитал рубашки с большим отворотом и модные брюки, которые всякий раз надевал, не только отправляясь на юг, но и, как говорится, «выходя в свет». «Очень хорошо одевался. Вкус был хороший. С него брали пример не только хоккеисты и другие спортсмены, но и московские модники. Любая одежда на нем хорошо сидела. Ведь у него великолепнейшая фигура была. Он же невысокого росточка был, но весь такой точеный, такой атлетичный. Мускулы, ноги накачанные, ну очень красивая фигура была. Лицо обаятельное, с великолепной улыбкой доброй, не было у него злобы в глазах. Добрейший был парень», — признавалась Татьяна Блинова.

«Он очень следил за собой, модно, со вкусом одевался, последнюю копейку тратил на то, чтобы и жена была одета красиво, и сам он, и дети. У них семья

красивая очень была. И он всегда подарки привозил маме, папе», — вспоминал Владимир Винокур.

«Как он садился в свою злополучную “Волгу” после игр или тренировок?! Это нужно было видеть. Вид у него был совершенно фантастический. Если он надевал джинсы, то с ними — клетчатый пиджак с широкими рубашками с длинным воротником, которые тогда назывались “батниками”. Купить их можно было только по блату или в “Березке” (фирменных магазинах, торговавших за иностранную валюту либо сертификаты, чеки. — *М. М.*). Когда Валерий Борисович шел к своей машине, ты понимал, что это человек не из этой жизни. Но он этого заслуживал. Откуда идет его любовь к музыке, которую в СССР мало кто слушал? Ведь он не учился этому, не посещал музыкальную школу. Но чувство прекрасного от Веласкеса или Сервантеса в нем было. Я думаю, что это в большей степени материнские гены. Это очень тонкий вкус. Изящное отношение к жизни. Он был дворянин. Испанский дворянин. Идальго с Ленинградки. И это дворянство проявлялось не только на льду» — так образно сказал о Харламове Григорий Твалтвадзе.

Красивое сравнение...

Бегоня Ориве-Абад, получив возможность бывать в Испании у родственников, с гордостью показывала там фотографии сына с кубками и медалями. «Оказывается, про Валеру и там слышали. А я думала, что в Испании только футболистов и тореадоров знают». [65](#)

Знали ли о выдающихся успехах Харламова на родине его матери? Еще как знали! Посол Испании в СССР посещал матчи ЦСКА и советской команды, был вхож в семью Харламова. Приведем отрывок из интервью баскетболиста, бывшего игрока «Динамо» (Москва) и «Реала» Хосе Бирюкова, который лично знал хоккеиста и испытывал к нему большое уважение: «Все дети хотели быть Харламовым. Его популярность в

России (СССР) была сравнима с той, что имел Пеле в Бразилии. В России все играли в хоккей, Харламов был для меня лучшим игроком в истории хоккея, возвышаясь над звездами НХЛ. Ярче не может быть... это был чистый талант».

В Испании о Харламове помнят конечно же не все. Но те, кто имеет отношение к миру спорта, помнят безусловно. Вот что говорится о нем на одном из популярных испанских интернет-ресурсов: «Многие средства массовой информации и российские эксперты утверждали, что “русский Харламов играл с талантом и страстью басков”. Это сочетание помогло ему добратся до заоблачных высот в хоккее, начисто разрушив бытовавший на Западе стереотип советского хоккеиста как игрока-робота... Его движения были настолько непредсказуемы, что вызывали постоянный дисбаланс в защитных рядах команды противника. Его искусство было врожденным и совершенствовалось с самого раннего возраста. Его слава пересекла границы. В США и Канаде, например, у него была феноменальная популярность... В Советском Союзе он стал национальным героем и кумиром молодежи». [66](#)

Глава 13 КОНЕЦ 1970-Х ГОДОВ. ПРИХОД В ЦСКА ВИКТОРА ТИХОНОВА

Чемпионат СССР начался 28 сентября 1976 года и закончился непривычно рано, 19 марта 1977 года. Он был отмечен тремя сюрпризами. Главной из них стала бронзовая медаль челябинского «Трактора», в составе которого дебютировал будущий бомбардир ЦСКА и сборной СССР Сергей Макаров.

В этом сезоне откровенно провалился московский «Спартак», который занял шестое место, отстав от финишировавших первыми армейцев на 20 очков. Наконец, на четвертую позицию в итоговой таблице поднялись рижские динамовцы во главе с тренером-новатором Виктором Тихоновым, которым первым стал использовать в своей команде игру в четыре тройки нападения. В составе рижан блистал Хельмут Балдерис, ставший лучшим бомбардиром чемпионата с гроссмейстерским результатом в 63 набранных очка. При этом Балдерис забросил 40 шайб, почти треть от общего количества проведенных рижскими динамовцами.

Уже тогда стало понятно, что и он сам, и москвич Тихонов долго в Риге не продержатся. По логике вещей выходило, что, по крайней мере, один из них, Балдерис, может направиться по окончании сезона в родственную «ведомственную команду» — московское «Динамо», которое заняло в чемпионате второе место, отстав от ЦСКА на семь очков. Этим коллективом успешно руководил Владимир Юрзинов, хорошо знавший Тихонова с юношеских лет. Юрзинов вместе с Локтевым и Кулагиным входил в тренерский штаб сборной СССР.

Казалось, ничто не предвещало смены и на тренерском мостике ЦСКА, ведь команда во главе с Константином Борисовичем Локтевым стала чемпионом страны. Армейцы завоевали титул уже в двадцатый раз, команда была на ходу. В ней, как обычно, солировала первая тройка.

Для Валерия Харламова этот сезон прошел на фоне восстановления от тяжелых травм. В чемпионате он провел всего 21 игру из 36. Но заработал 26 баллов за результативность: 18 заброшенных шайб и 8 голевых передач.

Но всё с ног на голову перевернул чемпионат мира, проходивший в столице Австрии Вене. Советская команда, которая в Катовицах годом ранее финишировала на втором месте, ехала в Австрию за золотом. В красочной программе, изданной к чемпионату, были представлены все восемь команд. «В СССР — наилучшая система тренировок. Харламов, Петров и Михайлов составляют единое звено уже в течение восьми сезонов. За это время это трио забило 202 гола на чемпионатах мира», говорилось в буклете.

Венский чемпионат мира 1977 года советские телезрители впервые увидели в цвете. Но он получился окрашенным для советской сборной в еще более мрачные тона, чем в 1976 году.

После семи лет бойкота на чемпионате мира в Вене играла сборная Канады, в которую разрешили набирать игроков-профессионалов. Однако так как розыгрыш Кубка Стэнли проходил одновременно с чемпионатом, в составе сборной Канады играли хоккеисты из команд, не попавших в плей-офф или выбывших на первом этапе в играх навывлет. Впрочем, ради канадцев чемпионат мира 1977 года оказался сдвинут на конец апреля. Канадцы, сборные СССР, ЧССР и Швеции, как отмечалось в прогнозах, и должны были разыграть между собой три призовых места на пьедестале.

Канадцы на турнире играли крайне грубо: так, шведу Кенту Эрику Андерссону после столкновения с одним из канадских игроков наложили шесть швов на селезенке. Не меньше досталось советским игрокам: в первой игре Уилф Пэймент нанес два разящих удара клюшкой поочередно Александру Якушеву и Владимиру Шадрину, а Эрик Вейл разбил голову советскому защитнику Сергею Бабинову, которого унесли со льда в бессознательном состоянии. Когда защитника сборной СССР несли со льда, произошел еще более возмутительный эпизод. Фил Эспозито ехал рядом, кричал и плевал в сторону носилок. Как стало известно позже, один из тренеров канадской сборной поощрял грубость своих подопечных, придавая ей оттенок некой «политической борьбы с коммунизмом».

Канадцы явно пытались запугать советских хоккеистов. «Им ничего не стоило с силой швырнуть шайбу в соперника, проезжающего рядом. После разминки мы уходили со льда одновременно. Проходя с нами в одну калитку, канадцы старались побольше ударить клюшкой в спину, пускали в ход кулаки, задевали нас, сшибая с ног. Мне, в частности, тоже достались два здоровенных удара. Когда хоккеисты сборной Канады проходили по коридору мимо нашей раздевалки, то вызывающе стучали клюшками в дверь, самые горячие головы собирались ворваться в раздевалку. Вот эта наглость и помогла профессионалам, пожалуй, в решающей мере одержать верх над шведской и чехословацкой сборными», — вспоминал о поведении канадской команды Валерий Харламов.

Впрочем, родоначальники хоккея, уверенно разобравшись с чехами и шведами, спасовали перед сборной СССР, уступив ей в обеих встречах с разгромным счетом — 1:11 и 1:8. После первой игры советские хоккеисты и болельщики возмутились

хамским, пренебрежительным поведением канадцев во время исполнения гимна СССР в честь победителей матча. На пресс-конференции тренер канадцев отдувался за своих подопечных, как мог. «Мы просто не могли конкурировать с Советами на льду. И когда кто-то так играет с вами, на ум приходит — отомстить ему любым способом. Печальная истина заключалась в том, что это был единственный способ сделать с русскими так, чтобы вывести их из себя» — такое странное объяснение поступку своих игроков нашел тренер.

А до этого сборная СССР стартовала в своем привычном стиле. Сборную ФРГ победили со счетом 10:0 (Харламов отличился дважды), финнов разгромили 11:6. Здесь форварду номер 17 удалось отличиться трижды, и он уверенно возглавил снайперскую гонку. Пять шайб в двух играх. Блестящее начало!

Далее была та самая победа над канадцами 11:1 (на счету Валерия Харламова одна шайба), после которой у советских игроков сложилось впечатление, что канадские хоккеисты не поняли, на какой турнир попали, такими беспомощными и несыгранными они выглядели. Затем в четвертой игре сборная СССР беспощадно прошла по румынам 18:1, следом со счетом 6:1 и 8:2 разгромила команды Чехословакии и США. К последней игре первого круга со шведами советская команда подошла, имея разницу шайб 64:11.

Казалось, путь к чемпионству открыт. Но в игре со сборной Швеции случилось то, чего никто не ждал. Советская команда, владевшая неоспоримым преимуществом, ничего не могла поделать с хорошо игравшим шведским вратарем Йораном Хегустой. Накатывали волны атак русские, а забивали в немногих ответных контратаках шведы, в итоге победившие со счетом 5:1. На этом турнире тренер шведов в матчах со сборной СССР опробовал новую тактику: делал быстрые смены звеньев, так что во время одной смены советских

хоккеистов скандинавы менялись дважды. Как писали журналисты, шведы пребывали на турнире в «прекрасном расслабленном» состоянии: впервые в истории вместе с игроками разрешили присутствовать женам. Кстати, с личного разрешения Кулагина в Вену приехали жены некоторых советских игроков, в том числе Ирина Харламова.

Имея равное количество очков со шведами, сборная СССР сохраняла неплохие шансы на победу. Необходимо было выиграть три оставшиеся игры — с вышедшими во второй круг командами Швеции, ЧССР и Канады. Однако заключительная часть чемпионата получилась для советской сборной крайне неудачной, при том что очки теряли все фавориты первенства. Советская команда уступила сборной ЧССР 3:4. Правда, затем обыграла канадцев 8:1. В этой игре Валерий Харламов отличился одной заброшенной шайбой.

Увы, но накануне Дня Победы советская сборная опять была повержена шведами. На этот раз со счетом 1:3. В этой игре случился неприятный, не красящий больших мастеров эпизод. Проигрывая по ходу матча, советские игроки наращивали давление, и шведы не поспевали за ними. Тогда 32-летний тренер шведов Ханс Линдберг по прозвищу «Вирус» попросил защитника Ларса Лундберга выйти на лед и упасть в столкновении, чтобы имитировать травму. Советские игроки протестовали, заявляя, что шведы тянут время, чтобы получить минуты на отдых. Но арбитры не прислушались к ним. Получив пятиминутную передышку, Швеция удержала преимущество в счете. После sireны, на церемонии награждения победителей, Лундберг выглядел свежим и счастливым. В этой игре назрел скандал и в стане самой советской сборной. Глава советской делегации, назначенный на поездку в Вену из Кремля, снял Бориса Кулагина в третьем

периоде с руководства командой, передав это право Константину Локтеву. Но это не помогло.

Оставалось надеяться на сборную Канады. Если бы она сыграла вничью с чехами, то советская команда стала бы чемпионом. И всё было близко к этому, но при счете 2:3 судьи не засчитали правильно заброшенную шайбу канадцев. Сборная СССР уступила чехословакам одно очко в турнирной таблице и скатилась на третье место. При равенстве баллов со шведами мы уступили им за счет того, что дважды проиграли в личных встречах.

Это был худший результат для сборной СССР за последние 14 (!) лет. Утешением не могло служить даже то обстоятельство, что сразу три советских игрока (Петров, Михайлов, Капустин) заняли три верхние строчки в списке лучших бомбардиров венского чемпионата.

Харламов стал четвертым в списке бомбардиров с 16 набранными по системе «гол плюс пас» очками. После турнира он мрачно шутил: «Вот и стала коллекция медалей разнообразнее. Бронза появилась. А то всё золото да серебро. Ветераны сошли, так и не получив на чемпионатах мира ни одной бронзовой награды. Небось завидуют нам».

В те годы хоккеисты очень болезненно переживали поражения: тогда популярность имела и обратную сторону. «Не дай бог было проиграть в решающих встречах, особенно чехословакам. Если проигрывали, то нельзя было на улицу показаться. В 1977 году, после второго подряд проигранного чемпионата мира, я заезжал к матушке в родной дом в Раменское поздно вечером, уже за полночь, чтобы ребят знакомых не увидеть. Так стыдно было смотреть в глаза людям, которые тебя знают, которые за тебя болели, которые ночь не спали. А ты проиграл позорно. Такое внимание

всей страны было к хоккею в те памятные времена», — вспоминал в беседе Владимир Лутченко.

Вся Чехословакия ликовала оттого, что второй раз подряд насолила русским, не дав им вернуть себе чемпионский титул. «Что-то разладилось в механизме сборной. Не хочу упрекать в чем-то Бориса Павловича Кулагина, но, будучи объективно не хуже сборной ЧССР, мы проиграли им два чемпионата мира подряд. Для кого-то другого завершить эти турниры с медалями было бы счастьем. Но планка команды СССР всегда находилась на максимальной высоте», — признавался Борис Михайлов. В итоге два сезона, в которых Борис Павлович Кулагин после победы на Олимпиаде-76 не сумел привести команду к золоту мировых первенств, стоили ему места главного тренера в сборной СССР. Кулагину вспомнили и то, что он был слишком либерален с игроками, позволив взять им с собой в Вену жен, что не держит их в «ежовых рукавицах», как в свое время Анатолий Тарасов. Таких острых дискуссий относительно того, кому и как руководить советской сборной, отечественные газеты и общественное мнение еще не знали.

«В неудачах в Катовице и в Вене, как полагали наши наставники, были виноваты не столько они, сколько мы, игроки. После поражений хоккеистам припоминают какие-то происшествия месячной и даже двухмесячной давности. Нарушение режима, например («с излишествами» отметили чей-то день рождения). Плохо работали на тренировке. Я никого из партнеров не обеляю. Тем более что и сам небезгрешен», — вспоминал Валерий Харламов в автобиографии. Он действительно очень близко к сердцу принимал неудачи сборной на двух последних крупных турнирах.

В этой книге, вышедшей осенью 1977 года, Валерий Харламов объяснял причины провалов на двух чемпионатах мира подряд.

«...Ловлю себя на мысли, что одна, пусть и не решающая, причина поражений заключается как раз в том, что команда не проявила силы воли в полной мере. “Старики”, а я отношу уже себя к их числу, играли так, как могли, — ровно, без взлетов, поражающих воображение зрителя и соперников, молодые тоже не вспыхивали. Снизу нас, ведущих, никто не подпирал, борьбы за право попасть в сборную не было, а прежние успехи нашептывали: “Хватит!”», — поразительно точно поставил «диагноз» тех поражений прославленный хоккеист.

Той осенью в семье Харламовых родился второй ребенок: дочь, названная в честь матери Валерия Борисовича. Бетонита Харламова, будущий мастер спорта по художественной гимнастике, появилась на свет 9 октября 1977 года, спустя неделю с небольшим после старта очередного чемпионата СССР по хоккею. В этот день, как вспоминала Татьяна Харламова, ЦСКА играл матч. Друзья приготовили Валерию Харламову сюрприз. В самый разгар матча диктор зачитал текст: «Друзья поздравляют Валерия Харламова с рождением дочери, которую решили назвать Бегонитой». Поскольку игра транслировалась по Центральному телевидению, о том, что Харламов во второй раз стал отцом, узнали все советские зрители.

Но вернемся к ледовым баталиям. Борис Кулагин, по воспоминаниям ветеранов хоккейной сборной, умел находить ключ к каждому игроку, всегда интересовался жизнью игроков вне льда, был внимателен к самым разным сторонам быта спортсменов. Знал, кого поддержать, кого приструнить, умел находить дополнительную мотивацию, играя на самолюбии игроков. Чего не хватило Кулагину, сказать сложно. Но на то, что игроки сборной пребывали в некоем «благодарном настроении», обращали внимание даже неспециалисты.

Валерий Васильев как-то поведал об одном из перелетов через океан в очередное североамериканское турне в бытность тренером сборной Бориса Кулагина: «Прямо в самолете “тягнули” мы с Валеркой Харламовым. Кулагин поймал с поличным, отнял по сто долларов и на первую игру не поставил. Потом простил... Мы стали его просить: “Вы хоть все деньги отнимите, только дайте сыграть. Мы же не за деньги — за родину”. А деньги, кстати, вернул... Нас почти всегда прощали. Почему бы и нет? Мы же пили профессионально. Знали — когда и сколько. На игре не отражалось — вот что главное».

Васильев вспоминал еще один случай, когда командой стал руководить Виктор Тихонов. «Выпили с Харламовым, и немало... На следующий день играем с чехами. Счет по ходу — 0:2 не в нашу пользу. Виктор Васильевич весь белый от злости ходит вдоль скамейки и бормочет сквозь зубы: “Враги, враги... Снимаю с игры”. Но ребята за нас с Харламовым заступились: “Оставьте, Виктор Васильевич, пусть попробуют реабилитироваться”. Тихонов сдался. И что же? Вышли мы с Валеркой, и потом нас назвали главными героями матча. Харламов забросил две шайбы, я сделал передачу... В результате сборная выиграла». Тихонов потом, то ли шутя, то ли всерьез, говорил: «Есть идея: может, разрешить этим двоим пить? В порядке исключения». А тогдашний министр спорта Сергей Павлов выступил с еще более интересным предложением. Подошел к нам с Харламовым и сказал: «Послушайте, ребята. Если вам так хочется, возьмите ключи от моей дачи, пейте там. Но на сборах все-таки не стоит. Нехорошо... Другие увидят, тоже начнут...» «Мы, правда, поблагодарили, но отказались», — улыбаясь, вспоминал Валерий Васильев.[67](#)

После трудного сезона хоккеисты расслабились на отдыхе. Съездили в Ялту, где особенно любили

проводить время.

«Когда Валерка женился, мы уже меньше времени вместе проводили. И тем не менее в Ялту вместе ездили. Не забыть тот памятный отдых в 1977 году после такого трудного и нервного сезона. Мы как-то, пригорюнившись, пошли в ресторан, который поздно закрывался. Эдакий ночной клуб по тем временам, — вспоминал Владимир Лутченко. — Сидим, особо не веселимся. Валера только не грустит, улыбается, танцует. Вдруг в помещение заходит Иосиф Давыдович Кобзон с супругой. И говорит: “Ну, что, ребята, пригорюнились, поедем завтра на рыбалку мужской компанией, жены не против?” Жены были не против. Мы добавляем: “Да мы толком рыбу ловить не умеем”. Он: “А что там уметь — наливай да пей. Завтра с утра жду вас на пирсе”. Ну, думаем, смешок смешком. И вдруг с утра раздается звонок от Иосифа Давыдовича: “Так, ребята, почему еще не вниз? Срочно, яхта готова, давайте, я вас жду”. Так мы и поехали в море».

«Я дружил с моряками-пограничниками, и командир отряда дал мне катер. Мы помимо снастей загрузили в него необходимые для рыбалки шампанское, водочку, закуску. Поехали в открытое море. Договорились, что будем прикасаться к спиртному только после выловленной рыбы. Иными словами, кто поймает, тот имеет право “остаканиться”. Так получилось, что Валере везло больше всех. У него был спиннинг с десятью крючками. И надо же, у него на всех десяти крючках было по рыбке. И вот после каждой выловленной рыбки, и, соответственно, после каждого выпитого стаканчика, он обязательно бросался в море. У него было смешное выражение лица. И говорил он с хитрецей: “Ну, что, мырнем? Мырнем”. Произносил букву “м” вместо “н”. После этого бросался с катера в море. Выпил он немного. В основном шампанского. Но море было беспокойное и его укачало. Я сразу дал

команду экипажу: “На берег!”», — вспоминал Иосиф Кобзон в интервью для фильма «Валерий Харламов» из цикла «Живая история».

«Качка сильно подействовала на Харламова. Он был очень бледный. Плюс еще наложилось шипучее шампанское. Мы довели его в гостиницу “Ялта”. Прямо до номера. Супруга Ирина, естественно, возмутилась: “Какого его я вам отправила и какого его вы привели!”», — вспоминал певец.

Тем временем в спортивном руководстве страны было принято решение приступить к радикальным кадровым перестановкам в тренерском штабе, тем более что следующий чемпионат мира должен был проходить в Праге, где местная ледовая дружина собиралась взять третье золото подряд. Постановили, что тренерский штаб не справился с задачей. И федерация хоккея вышла с предложением назначить другого тренера. «Тихонова приглашали на очень высоком уровне, и был поставлен вопрос: раз команда ЦСКА — базовая команда сборной, то вы должны возглавить сборную», — вспоминал Борис Михайлов.

Тихонову дали полномочия, какие не снились другим советским хоккейным тренерам, включая легендарных Тарасова с Чернышевым. Он мог беспрепятственно получать в ЦСКА лучших игроков других клубов, невзирая ни на какие «условия и обстоятельства».

В тот день, когда армейское руководство представляло хоккеистам нового наставника, хоккеистов собрали на плацу. Но сначала довели информацию о смене тренера до Константина Локтева, который был в абсолютном неведении о происходящем. На глазах у армейского наставника выступили слезы. Образно говоря, тренерскую верхушку ЦСКА резали по живому. «Уход Локтева был очень болезненным. Локтев

очень сильно отличался от Тихонова и как тренер, и как человек», — полагает Сергей Гимаев.

«Я застал приход Тихонова, — вспоминал в беседе Вадим Никонов. — У нас, у футболистов, как раз накануне принял команду Бобров. Константин Борисович Локтев, когда ему сообщили о внезапной отставке, в тот день вышел с базы со слезами на глазах. Это известие было для него в определенной степени неожиданным и шокирующим. Но чуть раньше армейских хоккеистов построили на небольшом плацу перед базой. Было реальное армейское построение, все-таки они все имели звания. Приехал Иван Покусаев, начальник клуба ЦСКА, и коротко сказал: “Я представляю вам нового главного тренера. Это — Виктор Васильевич Тихонов”. Мы, футболисты, как раз рядом находились. Константину Борисовичу ничего не говорили. Но он, видно, догадался и ушел в здание. Всех после этого распустили. Ребята хотели, насколько я знаю, пойти заступиться перед начальством за Локтева. В первую очередь Борис Михайлов и Валера. В этом я вижу одну из причин того, почему от первой тройки так быстро избавились. Тихонов этого, скорее всего, не простил. Они пришли к Константину Борисовичу, это мне Борис уже потом рассказывал. Локтев сказал: “Как не обидно, но уходить надо. Уже там, наверху, это было давно решено”».

«Когда Тихонов возглавил ЦСКА, он сразу сказал: “Мне звезды не нужны!” Кстати, Юрзинов в “Динамо” произнес то же самое. Тихонов хотел из команды ЦСКА сделать роботов. Со звездами тяжелее работать, так как у каждой звезды есть свой характер. Он недолюбливал тройку Петрова из-за этого. Он и разбил эту тройку, когда перевел Харламова в одно звено, а Петрова и Михайлова — в другое. После этого я сразу сказал им на сборах: “Если он вас раздернет, то никто из вас, кроме Харлама, больше толком не сыграет. Вы

сильны только единой тройкой”», — вспоминал Александр Мальцев.

«Тарасов, Локтев, теперь Тихонов. Все и каждый по-своему учат, требуют. Всеволод Михайлович (Бобров) рассказывал, что Борис Андреевич Аркадьев придерживался принципа: не мешать играть мастерам, не донимать их нравоучениями, поучениями», — сказал однажды Валерий Харламов Борису Левину. «Без требовательности Тарасова ты, может быть, не стал бы Харламовым», — заметил Левин. «А разве Тарасов меньше требовал от Смолина. Нет, еще талант нужен, как в любом деле. Согласен? Хоккей, как музыка, — талант и любовь к нему, без этого не достигнешь высот», — парировал Валерий Харламов.[68](#)

«Надо обязательно обратить внимание на тот факт, что когда Тихонов пришел в ЦСКА, то звено Петрова было в самом расцвете сил. Игроки были обозлены на то, как убрали уважаемого ими Константина Локтева. Первая тройка действительно приняла Тихонова не сразу. Потому что он еще ничего особенного никому не доказал. И тем более у него была абсолютно новая методика тренировочной работы, которая не так просто переносилась теми же Михайловым, Петровым. Потому что легкую атлетику они не очень любили. И эта борьба лидеров с начинающим тренером, безусловно, имела место. Потому что надо знать Михайлова и Петрова. Они очень волевые, самолюбивые и честолюбивые ребята. И поэтому им просто так “беги туда, сделай то и то” нельзя было указать. Тем более что уровень мастерства у них был выдающийся. С игроками такого уровня до этого Тихонов не работал. Поэтому не так просто ему было понять, насколько они хороши», — полагает Сергей Гимаев.

Придя в ЦСКА в 1977 году, новый тренер сразу обратил внимание на нелады в армейском коллективе с дисциплиной в быту. По его словам, «в команде было

две дисциплины: одна для маститых, “великих”, другая — для “рядовых”».

Куда-то пропала мотивация. Для Тихонова было очевидно, что ведущие хоккеисты ЦСКА — основа сборной — находятся в состоянии низкой функциональной и психологической готовности. «Что повергло меня в изумление и уныние — поразительная отсталость достаточно, казалось бы, искушенных в игре мастеров в тактической подготовке, их неуважительное отношение к теоретической подготовке. Невысокая тактическая эрудиция большинства игроков сборной, которые уже выигрывали по нескольку чемпионатов мира, не могла не озадачить. Остановка в спорте недопустима, немыслима, и потому чемпионам нужно постоянно учиться, — писал Виктор Тихонов в своей книге. — Жизнь идет вперед, не стоит, понятно, на месте и хоккей. Но, судя по всему, степень тактической оснащенности игроков сборной не менялась, она явно отставала от требований времени. Именно этим и объясняю я поражение в Вене».[69](#)

«Слабость» из игроков он начал вышибать через изнуряющие тренировки. Самыми «страшными», по воспоминаниям хоккеистов, были так называемые интервальные тренировки. В субботу у команды была тренировка, в воскресенье выходной, а понедельник Тихонов устраивал так называемое «Сантьяго».

«Это упражнение называлось Сантьяго по аналогии с заключенными, которых после победы хунты в Чили при Пиночете держали на стадионе. Не помню, кому первым пришло это в голову, но это было попадание в точку: нам казалось, когда мы занимались легкой атлетикой на стадионе, что мы испытываем те же нагрузки и страдания, что и заключенные на стадионе Сантьяго. На стадионе действительно выпадала огромная силовая скоростная нагрузка. При Тарасове этого и близко не было. А Тихонов это применил и в

ЦСКА, и в сборной. Потом все этим стали заниматься. При Тарасове были короткие отрезки — стартовали из разных положений. При Тихонове очень много — 400 метров, 10 раз по 400, 15 по 400, 12 по 400, часть дистанции бежали не быстро, потом ускорялись, — вспоминал в беседе Сергей Гимаев. — За 75 или 85 секунд должны были пробежать 400 метров. Три минуты перерыв. Очень большое внимание при этом уделялось медицине. При Тихонове научное медицинское обеспечение очень сильно развилось».

«Тихонов стоял над нами с секундомером — столько-то пробежать надо было, столько-то поднять. А у Тарасова всё в динамике было, в прыжках, даже с отягощением. Например, блин берешь, пас даешь, кульбит, а в тебя уже еще блин летит. Это были не просто блины, это был элемент творческого образа на воображаемой площадке», — рассказывал Владимир Лутченко.

«Пробежать 16 отрезков по 400 метров с короткими паузами — ребята, это пытка! Особенно, когда у тебя вес под центнер, а на дворе жара 30 градусов. Пульс был запредельный. Порой после таких забегов игроков откачивали врачи. Единственный, кому всё было нипочем, был Балдерис. Он-то с Тихоновым еще в рижском “Динамо” работал, так что организм уже был адаптирован к этой пахоте. А вот Петров, Михайлов, Харламов и другие ветераны после проклятого “Сантьяго” долго не могли прийти в себя», — признавался в интервью знаменитый защитник ЦСКА и сборной Алексей Касатонов.[70](#)

Валерий Харламов не был большим любителем таких продолжительных забегов. Тем более после отпуска. И тем более после тяжелого перелома голеностопа. Но терпел. Жаловаться не привык. Терпел сквозь зубы.

«Бежишь и думаешь — опять готовишься в стайеры или марафонцы. Опять на лед не выходим, а работаем со штангой. Умом всё понимаешь: атлетизм, физическая подготовка — тот фундамент, на котором строится весь хоккей, и тем не менее велико искушение бросить всё: осточертели кроссы и бесконечные забеги на стометровку... — признавался Харламов в автобиографии. — Когда в июле Виктор Васильевич Тихонов сказал нам, что мы будем во время одной тренировки, точнее — в ее конце, пробегать десять раз по 400 метров, причем каждый раз укладываясь в 70 секунд, то мы восприняли это как дурную шутку. А сейчас пробегаем, и ничего, живы. Бывают моменты, когда не хочется ни играть, ни тренироваться, Ничего не хочется: глаза не смотрели бы на лед, на шайбу и на клюшку. Тем более трудно справиться с апатией в неудачном сезоне. Иногда после проигранного матча, когда мучительно болят мышцы, когда нет, кажется, сил шевельнуть рукой, приходит мысль: всё, хватит, пора кончать, пусть молодые побегают. Не пропаду. Не устраиваю ЦСКА — перейду в другой клуб, борющийся за восьмое или девятое место».

Еще одним испытанием, в первую очередь для опытных игроков, было то, что Тихонов начал «ставить» армейцам игру в четыре звена. Недовольство звезд сборной СССР вызвала эта новая тактическая модель игры, которую исповедовал, как они его называли, «динамовский тренер».

Схема Тихонова, сокращающая для хоккеиста время пребывания на площадке, предлагала абсолютно иные требования к спортсмену: теперь более плотными и насыщенными стали проводимые им отрезки на льду. Хоккеисту в пересчете на промежуток времени приходилось проводить больше технико-тактических действий: передач, финтов, единоборств, что, разумеется, требовало от него гораздо больших усилий

и мастерства, чем прежде. Первая тройка, не проигрывавшая свои микроматчи и проводившая на площадке большую часть времени, должна была делить это время с другими игроками. И не просто с «молодыми», а с теми, кто или уже блеснул в сборной, или настойчиво стучался в ее двери.

«Когда Тихонова приглашали и в сборную, и в ЦСКА, была государственная задача: сборная СССР по-прежнему должна считаться лучшей в мире, — вспоминал Сергей Гимаев. — Поражение на чемпионате мира в 1977 году было воспринято на самом верху очень болезненно. Получив эту государственную задачу, Виктор Васильевич стал перестраивать команду с прицелом на предстоящую четырехлетку. В 1980 году Михайлову исполнялось 36 лет. Тихонов, безусловно, понимал, что до Олимпиады в Сараево тот вряд ли дотянет. Михайлова он не хотел сильно обижать, но дал ему понять, что ставка будет сделана на других, на новых игроков. С Петровым у Тихонова конфликт был. На него сборная уже рассчитывать не могла. Харламова, кстати, Тихонов не особенно и трогал. По моему мнению, Валера, если бы не погиб, еще продолжал бы играть».

Тихонов, безусловно, понимал, каким авторитетом обладают в команде игроки первого звена. Видел он и то, что ветераны поначалу не приняли его методов и вообще отнеслись к нему как к чужаку. Говоря современным языком, у тренера на первых порах не было действенных рычагов воздействия на хоккеистов. Тем более что с началом сезона 1977/78 года первая тройка набрала приличный ход и безоговорочно была лучшей и в чемпионате, и в сборной. Придираться к их действиям на льду было попросту глупостью: они забрасывали большинство шайб и делали результат, который был поставлен во главу угла при выполнении задачи Кремля. Добавим и то, что молодая поросль,

будущие звезды, только вливалась в состав. Поэтому Тихонов ждал не того, когда «проколется» первая тройка, а того, когда созреет не точечная, а по-настоящему знаковая смена поколений. А произойдет это только через два года после его прихода в ЦСКА и сборную, в преддверии Олимпиады в американском Лейк-Плэсиде.

После аварии, в которую попал Валерий Харламов, часть его обязанностей в тройке пришлось взять на себя Петрову и Михайлову. И справились они с этим с блеском, выйдя на совершенно новый уровень игры и взаимопонимания. Это и было продемонстрировано ими в сезоне 1977/78 года. Сезон и у всего ЦСКА, и у первой тройки выдался блистательным. Команда оторвалась от своих соперников сразу же на старте чемпионата. Уверенной игре армейцев способствовало то, что в команду в приказном порядке «для службы в армии» были переведены Хельмут Балдерис из рижского «Динамо», Сергей Капустин и Сергей Бабинов из «Крыльев Советов», Михаил Варнаков из Горького. Впервые с 1970 года армейцы оторвались от ближайших соперников более чем на 10 очков: 13 баллов составлял их отрыв от занявших второе место земляков из «Динамо».

Тройка Михайлов — Петров — Харламов стала самой результативной в чемпионате. Все трое вошли в пятерку лучших бомбардиров чемпионата СССР. Вслед за Владимиром Петровым с 56 очками, ставшим лучшим, финишировал Борис Михайлов (52 очка). Замкнувший пятерку Валерий Харламов набрал 42 балла за результативность (18 заброшенных шайб и 24 голевые передачи).

«Было заметно, как преобразилась их игра уже на предсезонке с Тихоновым в 1977 году. Это был уже классический советский хоккей, когда достигается полное взаимопонимание, основанное на высочайшем

уровне мастерства. Поверьте, тогда эта тройка выглядела феноменально. Я приведу один пример: когда в ЦСКА пришел Виктор Тихонов, ему были даны определенные полномочия по набору состава. И он в интересах сборной пригласил в ЦСКА Балдериса, Капустина и Жлуктова, планируя создать из них еще одно ударное звено. Это был 1977 год. Макарова, Дроздецкого в составе еще не было. А у Тихонова так много двухсторонних игр не практиковалось. К тому же не всегда был смысл ехать на товарищеские игры. Поэтому армейские тройки играли между собой, особенно в предсезонке. Так вот звено Михайлова, Петрова, Харламова всегда играло против звена Капустин — Балдерис — Жлуктов. Справедливости ради, со звеном Петрова еще и Фетисов играл, выдающийся защитник, то есть еще одно преимущество у первой тройки было. И на этих тренировках звено Петрова просто «рвало» звено Жлуктова. Счет был 9:4, 11:5 в их пользу. Невероятно они играли. Потом тройки Петрова и Жлуктова уже не играли друг против друга. Наверное, Тихонов понял, что нет смысла в том, чтобы еще одно ударное звено сборной так проигрывало. Хотя и выдающейся первой тройке», — вспоминал Сергей Гимаев.

Первый по-настоящему крупный международный турнир Тихонов проиграл. (Кубок Канады 1976 года, когда он возглавил экспериментальную сборную СССР, не в счет.) Это был турнир на приз газеты «Известия» в декабре 1977 года. И кому уступили? Чехословакам. На родном льду. И в присутствии кремлевских начальников. Известинский турнир, проводившийся в декабре, незадолго до новогодних праздников, был особо любим советскими зрителями, пользовался огромной популярностью и в Европе. Особенно всем нравился его талисман — симпатичный снеговик, который в 1969 году придумал бывший главный

редактор «Известий» Борис Федосов. И вот первый «блин» Тихонова вышел комом. Второго подобного поражения ему бы точно не простили.

«Домашнее поражение стало причиной больших разборов на самом высоком уровне. Тогда меня второй раз в жизни вызвал к себе председатель КГБ Юрий Андропов. Юрий Владимирович сказал, что на следующий день после матча вся работа в стране была, по сути, завалена. Нет, заводы и фабрики работали по-прежнему, но работали плохо, — вспоминал Виктор Тихонов. — Тогда же я накрепко запомнил и другую его фразу. Андропов сказал: “Не важно, кто победит в нашем чемпионате. Да и не страшно проиграть в любом турнире по ходу сезона. Но для страны крайне важно, чтобы наши хоккеисты стали первыми в мире”. Тогда я и осознал всю глубину ответственности, возложенной на главного тренера сборной страны».[71](#)

По сути, без выходных для себя и хоккеистов Виктор Тихонов начал готовить сборную СССР к пражскому чемпионату мира, понимая, что у него, как у сапера, не было права на ошибку. Руководство страны и болельщики не поняли, если бы советская сборная уступила третий раз подряд.

На чемпионат мира 1978 года советская команда ехала с запредельным настроем. Накануне первого матча игроки собрались одни, без тренеров. В команде царило какое-то приподнятое настроение. «Все хоккеисты ехали с одной мыслью — должны победить! Тем более, как показывал опыт предыдущих лет, чехословацкая сборная три чемпионата мира подряд на высокой ноте играть не может, — вспоминал Александр Мальцев. — Помню, что скорее хотелось выйти на лед, прямо в бой. С таким вдохновением мы уже не играли давненько».

Серьезный настрой сборной СССР подтвердился во время товарищеских матчей в Финляндии и Швеции,

проведенных накануне чемпионата. Все четыре встречи в ходе скандинавского турне, по две с каждым из соперников, сборная СССР выиграла более чем убедительно, с потрясающей общей разницей шайб — 30:3.

И на стартовавшем чемпионате мира в Чехословакии по давней победной традиции советская сборная сразу взяла с места в карьер. Со счетом 9:5 была повержена команда США, хотя до 47-й минуты держался счет 4:4. В решающий момент Харламов обыграл двух защитников, уложил на лед вратаря Лопрести и отдал голевой пас точно на клюшку Михайлову. Затем были обыграны команды ФРГ 7:4, Финляндии 6:3, ГДР 10:2. Пятую победу подряд сборная СССР одержала над шведами со счетом 6:1, после чего начала готовиться к поединку с хозяевами турнира. После пяти игр на счету Валерия Харламова были три заброшенные шайбы.

При этом Виктор Тихонов не рискнул играть в чистые четыре звена нападения. Сергей Макаров и Юрий Лебедев выходили на замену ведущим игрокам в ходе матчей. И лишь в игре со сборной ГДР Лебедев подменил в стартовом составе Валерия Харламова. Кстати, в сборной произошли серьезные кадровые изменения. Не было в ней армейских защитников Гусева и Бабинова, которых заменили динамовец Билялетдинов и торпедовец из Горького Юрий Федоров. Спартаковскую тройку Шалимов — Шадрин — Якушев поменяли на Сергея Макарова, Юрия Лебедева и Александра Голикова. Вместо второго вратаря Сидельникова в Прагу поехал игравший еще в суперсерии 1972 года 34-летний Александр Пашков, защищавший цвета воскресенского «Химика».

В Праге 1978 года советская сборная столкнулась с мощнейшим психологическим давлением. Чешские болельщики припомнили все обиды, затаенные на

советскую сборную со времен Тарасова. В телевизионных обзорах и газетных статьях достоинства сборной СССР преуменьшались, а трибуны во время матчей открыто болели против нас.

Вдобавок на советскую команду обрушилась эпидемия травм. Уже в начале турнира из-за разного рода повреждений из состава сборной выбыло несколько ключевых и опытных игроков: Петров, Цыганков, Капустин. И это было только начало.

Первая игра между советскими и чехословацкими хоккеистами закончилась победой хозяев со счетом 6:4. Во многом благодаря трем шайбам Франтишека Черника, включенного в состав за сутки до начала турнира. Матч этот запомнился грандиозной дракой, которую спровоцировали игроки сборной ЧССР после забитого ими в ворота Третьяка гола. В этот момент советское телевидение вместо репортажа из Праги показывало заставку.

Накануне решающих поединков со сборными Канады и ЧССР во втором круге советская команда, ослабленная травмами ведущих игроков, не имела выбора: для того чтобы становиться чемпионами мира, нужно было выигрывать у двух наиболее сильных команд. И оба поединка стали, как говорят, «валидольными». Ведь на пражский чемпионат приехала более мастеровитая, чем годом ранее, канадская сборная. Достаточно сказать, что начало турнира опять было сдвинуто специально из-за канадцев, чтобы в нем могли принять участие игроки команд, которые не попали в плей-офф Кубка Стэнли или вылетели из него после первого тура. В результате сборная команда Страны кленового листа целиком состояла из профессионалов. В ее составе выделялся капитан, звезда НХЛ и «Лос-Анджелес Кингз» Марсель Дионн.

Чуть позже об игре с канадцами легендарный актер Евгений Леонов скажет: «Такую драму не напишет ни один драматург». За четыре минуты до конца на табло горели цифры 1:1. Такой счет не устраивал ни одну из команд. Но тут, за четыре минуты до конца встречи, канадский игрок Левер забросил шайбу в ворота Третьяка. Канадцы радовались так, будто только что стали чемпионами мира. Левер подъехал к воротам Третьяка и трижды, вынимая шайбу из сетки, снова закидывал ее в ворота.

Но гол только разозлил советских игроков. Уже после первого вбрасывания они приступили к яростному штурму канадских ворот. Кому, как не Харламову, было суждено сравнять счет?! Об этом голе нужно сказать отдельно, поскольку эта была шайба из серии «голов для гурманов», которые хитрый и проворный Харламов забивал чаще всего именно канадцам. Гол этот имеет историческое значение. Сравняв счет и переломив ход поединка, Харламов по сути спас от увольнения Тихонова, дав своего рода карт-бланш его будущей блестящей тренерской карьере.

Получив пас от Фетисова, Харламов двинулся один на трех противников, сместившись от правого борта к центру. И тут последовал финт, на который неоднократно покупались его «любимые канадцы». Ложным замахом он обыграл канадского игрока, но не поехал к воротам, как сделал бы в других случаях, чтобы сблизиться с вратарем, а тут же из-под конька защитника бросил в ближнюю девятку. В самую паутину. Стоявший до этого блестяще вратарь Бушар был в шоке. Ведь он специально изучал приемы Харламова. И тут такое.

«Мы понимали, что за несколько минут до конца встречи над нами висит петля, — вспоминал Юрзинов. — В Москве бы нам с Виктором (Тихоновым) поражения не простили. И вдруг Валера выскакивает на лед и как

бросит туда, в самую девятку! Шайба пулей влетает в сетку и пулей вылетает из нее. Вратарь ничего не понимает. Он (Бушар) реально не мог представить себе, что она у него оттуда выскочит. Побежал за судьей: мол, почему ты засчитываешь этот гол? Там, дескать, не было никакого гола. Настолько всё Валерка красиво сделал».

По словам заслуженного тренера, одним из самых ценных игровых качеств Валерия Харламова было то, что он в трудные минуты вел за собой партнеров по команде и отличался умением забивать решающие шайбы самым сильным соперникам.

Годы спустя об этой харламовской шайбе высказался и сам Бушар, которого Валерий Борисович «посадил в лужу». «Черт возьми, как же я мог пропустить эту шайбу? Нет, я ничего не пропускал — ее вообще не было в воротах. Это ошибся судья, у которого, видно, начались галлюцинации, и он без повода зажег красный фонарь за моей спиной. Недаром, когда я погрозил ему клюшкой, он даже не обиделся, — вспоминал Бушар. — Я был уверен в собственной правоте на сто процентов до тех пор, пока в раздевалке ребята не объяснили мне, что русский метров с семи бросил без замаха, но с такой силой, что шайба мгновенно выскочила из ворот в поле. А счет ведь был 2:1 в нашу пользу, и до конца игры оставалось лишь четыре минуты. Четыре минуты отделяли нас от звания чемпионов мира. Но, столкнувшись с мастером, так запросто перечеркнувшим все наши усилия и надежды, мы сломались, сникли и упустили свой шанс. В тот майский вечер в Праге я был зол на весь мир и особенно на 17-го номера русских. А теперь, спустя много лет, горжусь, что в мои ворота забивал великий Харламов».

Следом Капустин с передачи Балдериса внес сумятицу в канадские редуты. А молодой Вячеслав Фетисов с подачи своего старшего друга и опекуна

Валерия Харламова, который выцарапал шайбу у борта, закрепил преимущество советской команды — 4:2.

Перед заключительным туром чехословацкая сборная набрала 18 очков, сборная СССР — 16. Причем советской команде для того, чтобы стать чемпионом мира, нужно было не просто выиграть у чехов, а одержать победу минимум в две шайбы. В Праге уже шли приготовления к шикарному банкету, где должны были чествовать трехкратных чемпионов мира. В штабе сборной СССР, в который тогда входил еще молодой руководитель управления хоккея Спорткомитета СССР Вячеслав Колосков, царил гнетущая тишина. Все понимали: назад пути нет. Позади «суровая Москва».

Игра советской команды со сборной ЧССР 14 мая 1978 года однозначно входит в число лучших хоккейных матчей прошлого столетия. Здесь было всё, что должно присутствовать в настоящем хоккейном триллере: неистовая поддержка трибун, не до конца объективная работа судей, попавших под психологический пресс шумного зала, превосходная игра вратарей и, наконец, чудо-голы нападающих.

Напряжение, которое охватило болельщиков в СССР, было таким запредельным, что на время матча в московских аэропортах были задержаны вылеты многих рейсов. Пассажиры столпились у телевизоров, и никакие объявления, призывы, уговоры, даже угрозы лишиться места в самолете не могли заставить их пройти на посадку.

Никто из чехословаков не отрицал, что сборная СССР наиболее опасный для них соперник. Но мало кто предполагал, что, несмотря на все сложнейшие для нее обстоятельства, советская сборная добьется нужного для себя результата и так хладнокровно удержит его до конца матча. На разминке перед матчем советским игрокам по бледным и напряженным лицам хозяев стало ясно, что те психологически перегорели до игры.

Сборная СССР сразу взяла нити игры под свой контроль. Первую шайбу в первом периоде встречи провел блиставший в том сезоне Хельмут Балдерис. Затем, во втором периоде, после изящной перепасовки с Михайловым Петров провел вторую шайбу. А в третьем периоде Владимир Голиков увеличил счет до 3:0.

«Через две минуты капитан сборной ЧССР Иван Глинка “раскупорил” мои ворота, и этот успех придал хозяевам новой силы. Что тут началось! Нам нужно было выстоять в течение десяти минут. Десять минут... Какими длинными могут они казаться! — вспоминал Владислав Третьяк в своей книге «Хоккейная эпопея». — Незадолго до конца, когда чехословацкие хоккеисты предприняли яростный штурм и судьба золотых наград висела на волоске, у нас почти не осталось игроков. С тяжелой травмой покинул каток Мальцев. Шайба едва не высадила глаз Лутченко, и он тоже вышел из строя. Сердечный приступ свалил здесь же, на скамейке, Васильева... Врач метался от одного к другому. Вдобавок Билялетдинов получил двухминутный штраф».

Советская сборная в самый решающий момент игры теряла игроков. Вот где проявился настоящий русский характер. «В этом матче играл, действительно не имея никаких сил, Валерий Васильев. В третьем периоде он просто лежал на скамье запасных, пропустив две смены, а потом опять начал играть. Мы сказали Валерию, что он может отдыхать, но Васильев снова вышел на площадку, ведь из-за удара в глаз покинул лед его коллега по обороне Владимир Лутченко», — вспоминал главный тренер сборной СССР. [72](#)

«Перенапрягся сильно. Лутченко сломался, Цыганков — тоже, и решающий матч с чехами играли в три защитника. Тихонов и Юрзинов отвернулись, мы сами менялись, а нужно было обязательно в две шайбы

выиграть. Сердце прилично прихватило», — вспоминал великий игрок и легендарный человек Валерий Васильев.⁷³ Уже позже, в Москве, во время медицинского обследования на летних сборах, выяснится, что во время того памятного поединка мужественный игрок советской сборной перенес инфаркт на ногах. А всего у него таких инфарктов на льду во время карьеры было три...

Сборная СССР победила со счетом 3:1 и завоевала звание чемпионов мира. Первые два периода этой игры на советском телевидении шли в прямом эфире. Во время третьего отрезка игры в сетке вещания была запланирована программа «Время». В те годы эту программу никто и никогда не сдвигал, за исключением того самого матча в 1969 году, когда по воле Тарасова армейские хоккеисты ушли со льда и телевидение «ждало» вместе с болельщиками, когда они вернутся.

Третий период начался в 21 час 30 минут. Болела вся страна и, конечно, генсек Брежнев, который кричал, как мальчишка, в своей резиденции в Завидове и изрядно напугал домочадцев. Центральное телевидение не прервало вещание. Страна увидела в режиме онлайн ликующих хоккеистов, и даже слезы Виктора Тихонова, дебютанта-победителя, который плакал на плече у кого-то из чиновников на скамейке запасных. В те минуты от счастья плакали и хоккеисты, и миллионы болельщиков. Пожалуй, по эмоциям эти переживания людей были схожи с теми, что пришлось испытать ровно через 30 лет, когда сборная России обыграла канадцев на их родном льду в невероятно трудной игре в дополнительное время на чемпионате мира в Квебеке в 2008 году.

Эта победа окрылила огромную страну. В вечерней Москве 14 мая 1978 года в одиннадцатом часу ночи рябило от света в окнах обычных советских квартир, а кто-то за неимением в те годы фейерверков пускал в

майское небо столицы зажженные газеты, смотревшиеся как падающие с неба факелы. И грянул тогда майский гром. И счастливые люди вышли на улицы, обнимаясь друг с другом.

Щедрый Леонид Ильич, пребывавший в восторге от победы советских спортсменов, распорядился удостоить особо отличившихся на негостеприимном пражском льду игроков сборной орденами Ленина и Трудового Красного Знамени. Тут Харламова ждало еще оно испытание. К ордену Ленина представили трех хоккеистов из состава сборной: Бориса Михайлова, Владислава Третьяка и Валерия Харламова. Однако в последний момент Валерия неожиданно убрали из списка. Дело в том, что он, в отличие от своих товарищей, к тому моменту не был членом партии. «Валера сильно переживал, что его сняли с награждения в самый последний момент», — вспоминала Татьяна Харламова.

Пражский чемпионат мира 1978 года многие специалисты называют местом рождения «красной машины», как долгие годы в западной прессе именовали действительно мощную советскую хоккейную сборную конца 1970-х — начала 1980-х годов. Хотя это сравнение, прямо скажем, некоторым ветеранам не по душе. В первую очередь из-за слова «машина».

Многие убеждены, что «красной машиной» советскую команду называли по цвету флага и формы. Действительно, многие иностранные игроки в интервью признавались, что когда советская команда выходила на игру в ярко-красной форме, у них сдавали нервы еще до начала игры. Красный цвет в спорте не зря именуют цветом победителей. Но в случае с «красной хоккейной машиной» эта версия не вполне точна. Дело в том, что в Северной Америке «Большой красной машиной» в 1930-е годы называли уникальную бейсбольную команду из

Цинциннати, которая установила вечный рекорд, семь раз подряд становясь чемпионом США. Ее игроки, как и советские хоккеисты, носили спортивные свитера красного цвета. Так что своими истоками это красочное выражение восходит к легенде североамериканского спорта. Тем почетнее, что так окрестили советскую команду в Северной Америке, где действительно знали цену уникальным достижениям в спорте.

К слову, на кинофестивале в Каннах в 2014 году фурор произвела лента молодого американского кинорежиссера Гейба Польски «Красная армия». Родители Гейба, выходцы из Киева, переехали в Чикаго. В 13 лет Гейб посмотрел кассету, где были записаны игры советской сборной на чемпионатах мира по хоккею. Игры той самой «красной машины», о которой идет речь. «Посмотрев те матчи, я открыл для себя целый новый мир, доселе скрытый от меня, — увидел мир настоящего хоккея. Я пересмотрел кассету до дыр — никак не мог разгадать секрет игры советской сборной. И спустя какое-то время решил для себя, что не только я должен знать о могучей красной дружине, но и весь мир», — признавался Гейб Польски в одном из интервью.

Будущий режиссер учился играть в хоккей в США под руководством тренера-эмигранта из Советского Союза: «Методы нашего тренера и его философия были безжалостны и необычны: нас заставляли ходить на руках и делать кульбиты на льду, мы катались, посадив на плечи товарища по команде. А главное, тренер поощрял творческую инициативу и учил нас ощущать себя командой. Большинство чикагских команд не принимали его всерьез. Но именно он заставил меня полностью переменить свои взгляды на спорт. Я стал изучать старые киносъемки советского хоккея, и то, что я увидел, открыло мне глаза. Советский хоккей оказался на удивление креативен. Хоккеисты двигались

подобно единому организму, и это более походило на вид искусства, чем на спортивную игру. Мне захотелось так играть!»

В трейлере к документальной ленте говорилось, что фильм «рассказывает невероятную историю наиболее влиятельной спортивной команды за время существования спорта: Советской хоккейной дружины». Да-да, самой великой команды в истории спорта — такую оценку сборной СССР по хоккею дали американские авторы фильма, заметив, что «уровень мастерства этой команды был поразителен». Молодому режиссеру удалось проникнуться тем, что в Советском Союзе хоккей был больше, чем игра. «Они вознесли хоккей до одной из форм искусства. Эти игроки войдут в историю в качестве самых великих», — заявил автор ленты о советских хоккеистах. «В качестве рассказчика в фильме выступил Вячеслав Фетисов — первый из советских спортсменов, которому было разрешено играть в зарубежных командах — он стал игроком НХЛ, и его личность в сознании западных болельщиков эволюционировала от образа “врага” к образу “своего парня”. В фильме эта фигура подана как воплощение взлета и падения самой холодной войны», — говорилось в одной из рецензий о ленте «Красная армия». [74](#)

В октябре 1979 года в матче внутреннего чемпионата тройка Владимира Петрова забросила свою тысячную шайбу в первенствах СССР. Однако Тихонова по-прежнему беспокоило то, что вся армейская игра строится вокруг нее.

Впрочем, первая тройка продолжала исправно набирать очки. Чемпионат СССР 1978/79 года снова закончился триумфом армейского клуба. Интрига в турнире умерла задолго до финиша. ЦСКА громил соперников одного за другим. Команда забросила 277 шайб в 44 играх чемпионата, оторвавшись на 10 очков от финишировавших вторыми московских динамовцев и

на 20 опередив третьего призера турнира — московский «Спартак». Владимир Петров опять выиграл гонку бомбардиров с 63 баллами за результативность. Борис Михайлов занял третье место с 54 очками, а Валерий Харламов разделил пятое место с 48 очками с еще несколькими хоккеистами.

Примечательным событием сезона стала трехматчевая серия на «Кубок вызова». Поединки состоялись в феврале 1979 года в Нью-Йорке. Провести серию предложили сами канадцы, которые попытались подправить неудачную для себя статистику встреч с Советами и доказать, что лучшие хоккеисты мира «жили и живут в Северной Америке». Канадцы были особенно уязвлены статистикой личных встреч со сборной СССР: в 31 поединке, проводившемся с 1972 по 1979 год между советскими хоккеистами и канадскими профессионалами, последние одержали только 10 побед при 18 поражениях и трех ничьих. Разница шайб и вовсе была удручающей для хозяев льда: 140-101 в пользу русских.

В канадской сборной каждый игрок был звездой. В их ряды вошли лучшие игроки НХЛ той поры, которые, как на матч звезд, выбирались зрительским голосованием. Возглавил команду большой приверженец советского хоккейного стиля Скотти Боумен. Что ни имя, то легенда: Драйден, Робинсон, Савар, Лефлер, Дионн и многие другие. Уже за одно попадание в состав сборной звезд канадцы получили по пять тысяч долларов подъемных.

За одной из тренировок игроков сборной СССР накануне серии наблюдало несколько десятков местных ребятишек, занимавшихся в хоккейной секции. Как только советские игроки ушли в раздевалку, мальчишки гурьбой высыпали на лед. Как вспоминал Владимир Дворцов, Валерий Харламов сначала с удивлением, а потом с широкой улыбкой смотрел, как малыши

стараятся повторить только что увиденные приемы из его дриблинга при выходе из своей зоны.

Формула «Кубка вызова» была проста: победителем серии становилась та команда, которая выиграет два матча из трех. Все они проходили на льду знаменитого культурно-спортивного комплекса «Медисон-сквер-гарден». Первую игру советские хоккеисты проиграли со счетом 2:4. В этом матче Валерий Харламов отметился голевым пасом. Получив травму в этом поединке, больше он в Нью-Йорке на лед не вышел.

Играм придавали большое значение в Кремле. В раздевалке Тихонов провел серьезную накачку игроков сборной. В итоге во второй встрече сборная СССР сумела, с трудом переломив ход встречи, взять реванш — 5:4. Канадцы долго искали «хоккейное противоядие» против Владислава Третьяка, признаваясь, что он «попросту гипнотизирует» нападающих сборной Канады. Каково же было их изумление, когда на третий, решающий матч в воротах советской сборной появился никому не известный белокурый новичок Владимир Мышкин, у которого к тому времени в активе был лишь один матч, сыгранный за сборную СССР.

«Это ошеломило канадцев. Они заранее отрабатывали “противотретьяковую” систему, и замена вратаря на какое-то время вызвала у них психологический шок, выбила из колеи, чем не замедлили воспользоваться наши тренеры и спортсмены», — писал в своей книге известный хоккейный арбитр Юрий Карандин.

6:0 в пользу сборной СССР — такие греющие душу советским хоккеистам и, конечно же, болельщикам и унижительные для канадских игроков цифры горели на табло после окончания решающего матча. Уроженец Кирово-Чепецка Владимир Мышкин выдал такую потрясающую игру, что все канадские и североамериканские газеты вышли с фотографиями

чудо-новичка. Правда, в английском языке нет русской буквы «ы», и поэтому вратаря называли то «Мушкиным», то «Мишкиным», то «Мошкиным». Что ничуть не умаляло восхищения его игрой. Знаменитый игрок канадцев Бобби Кларк потом грустно шутил: «Мы должны сказать вашим тренерам спасибо, что те не сразу поставили в ворота Мышкина». Эти 6:0, да еще без Третьяка, не игравшего в турне Мальцева и получившего травму Харламова, заставили замолчать даже самых ярых противников советской сборной. «НХЛ больше не может заявлять, что Кубок Стэнли это символ мирового хоккейного превосходства. Теперь Кубок Стэнли всего лишь символ превосходства в Северной Америке», — писал Дейв Андерсон, хоккейный обозреватель «Нью-Йорк таймс».

Советская сборная рассматривалась как главный фаворит стартовавшего в Москве 14 апреля 1979 года сорок шестого чемпионата мира. Формула турнира была иной, чем на предыдущих турнирах. Восемь сборных были разделены на две группы: по четыре команды в каждой. В финальную пульку выходили по две лучшие команды. Советские организаторы специально попросили Международную федерацию хоккея закончить чемпионат до 1 мая, чтобы советские люди спокойно отметили Первомайский праздник.

В Москве даже не обсуждалось, какое место ждут от хозяев: генсек Брежнев присутствовал на каждой встрече с участием сборной СССР. В первом круге советская команда выиграла у сборных Польши 7:0, Швеции 9:3 и чуть не упустила победу в матче с командой ФРГ — 3:2. Во всех этих встречах Валерий Харламов забросил по шайбе.

На втором этапе турнира сборной СССР предстояло по два раза скрестить клюшки со шведами, канадцами и чехами. Советская команда победила в этих встречах более чем убедительно, забросив в ворота соперников

51 шайбу. Особенно впечатляющей получилась победа над чехословацкой сборной со счетом 11:1. Это была настоящая сатисфакция за все те обидные поражения, что советские хоккеисты терпели от чехословаков в последние годы. Так Валерий Харламов в восьмой и последний раз в своей карьере стал чемпионом мира.

Успешное выступление за океаном и на чемпионате мира в Москве молодых хоккеистов побудило Виктора Тихонова приступить к перестройке в рядах сборной в год зимней Олимпиады. «Начиная с осени 1979 года процесс смены поколений в нашем хоккее подошел к своему “часу пик”. Одновременно или почти одновременно сошли те хоккеисты, которые составляли костяк сборной СССР, — защитники Александр Гусев, Геннадий Цыганков, Юрий Ляпкин, Владимир Лутченко, нападающие — и какие! — Владимир Викулов, Александр Якушев, Владимир Шадрин...» — писал Тихонов.[75](#)

В 2009 году Борис Михайлов в интервью газете «Советский спорт» накануне своего 65-летия вспомнил об одном забавном эпизоде. В 1979 году Виктор Тихонов не взял тройку Петрова на предсезонный сбор национальной команды, заменив их молодыми игроками. Михайлов, Петров и Харламов отправились в Восточную Германию на сбор армейской команды под руководством Юрия Моисеева — «закладывать атлетический фундамент» перед началом сезона. Нагрузки у Моисеева были не менее «веселые», чем у Тихонова. Так, надо было вместе с солдатами из Группы советских войск в Германии бежать кросс по пересеченной местности с мешком, набитым песком. «За спиной двадцать кило — это, скажу вам, не шутка. После Тарасова, у которого таких кроссов вообще не было, легкую атлетику Тихонова мы переносили с трудом. Когда я накануне узнавал, что нас ждет эта самая легкая-тяжелая атлетика, то сразу терял два

килограмма. А Тихонову хоть бы хны — он всегда бежал первым, — рассказывал Борис Михайлов. — В Германии мне достался мешок солдата с фамилией Потапов. Вместо песка я набил его поролоном. Ребята об этом знали, Юрий Иванович догадывался, но виду не подавал. Перед очередным кроссом не могу отыскать свой хитрый мешок. “Где мой ‘потапчик’, кто взял?!” — кричу на всю раздевалку. Оказалось, это сделал ни о чем не подозревавший молодой солдат. А ну, салага, отдавай мой мешок!” — набросился я на него. А Харламов со своей модной химической завивкой так и бегал — с двадцатью килограммами за спиной».

Кстати, об экспериментах с прической. Мальцев с Харламовым в 1980 году на спор решили отрастить волосы, с тем чтобы выяснить, у кого они растут быстрее. Полгода не стриглись. Валерий Харламов даже себе ту самую химическую завивку, о которой вспоминал Михайлов, сделал. В итоге он победил. У него волосы отросли ниже плеч, на несколько сантиметров длиннее, чем у Мальцева. Сначала пошли стричься в парикмахерскую, затем отметили это дело в ресторане «Якорь», что на улице Горького. Кстати, этот ресторан, в отличие от многих заведений той поры, открыт до сих пор.

Уже тогда стало понятно, что в тренерском понимании первая тройка «доживает» свои последние месяцы. «Когда Тихонов только прибыл в команду, мы его как тренера не воспринимали. Потом прошло какое-то время, и всё пошло в нормальном русле. Но вскоре стало понятно, что его первая задача будет убрать нас, первую тройку. Был 77-й год. Все его помощники говорили об этом у нас за спиной. А после Олимпиады 80-го года он открыто начал воплощать свою идею в жизнь. И военное руководство об этом знало. Сборы 79-го года были как наказание. Если в сентябре я в каждой игре с Чехословакией забиваю по шайбе, а в декабре не

попадаю в сборную (а я капитан сборной), — может такое быть? И Валерка считался лучшим игроком на Евротуре, а через пять дней он не попадает в сборную команду. Для меня это смешно. Что, он разучился играть? Да нет, там совершенно другие моменты были», — вспоминал Борис Михайлов.

В январе хоккеисты ЦСКА провели нелегкую серию игр с сильнейшими командами НХЛ. Началась она победами над «Нью-Йорк Рейнджерс» 7:3 и «Нью-Йорк Айлендерс» 3:2, но затем последовало два поражения: в Монреале от «Канадиенс» 2:4 и поистине разгромное в Буффало от «Сейбрс» 1:6. С огромным трудом армейцам удалось выиграть пятый матч у «Квебек Нордикс» — 6:4, а с ним и всю серию. В заключительной встрече больше половины голов забили форварды первой тройки, в том числе Харламов, отличившийся дважды. Впрочем, Тихонов был недоволен тем, как в целом сыграла тройка Петрова. Разговор Валерия Харламова в самолете с журналистами получился нерадостным.

«Затянул я с учебой. Обязательно надо подналечь и окончить институт физкультуры, ведь я уже на пятом курсе. Ну а когда сыграю прощальный матч, буду работать с ребятами. Обязательно надо начинать с них. Ни в коем случае не становиться тренером в команде, в которой только что играл, признавался Валерий Харламов Владимиру Дворцову. — А уж для ребятшек-то я, надеюсь, буду авторитетом. Хотя и с ними непросто сейчас. Сплошь акселераты и развиты не по годам. Я тут недавно во дворе играл с пацанами. Говорю одному: “Катишь ты не очень, становись в ворота”. А он мне: “Дядя Валера, а я читал, что вратари еще лучше полевых игроков должны кататься на коньках...”»

Тогда, в январе 1980 года, незадолго до начала Олимпиады в США, он уже знал, что скоро уйдет со льда. Но для начала поставил цель: выиграть свое

третье олимпийское золото. Ведь сборная СССР рассматривалась в качестве главного претендента на победу в хоккейном олимпийском турнире.

Глава 14 ОЛИМПИАДА В ЛЕЙК-ПЛЭСИДЕ. ПРОЩАНИЕ С ПЕРВОЙ ТРОЙКОЙ

Накануне Олимпийских игр в США Тихонов продолжил кадровые перестановки, пытаясь убедить хоккеистов тройки Петрова в том, что одного из них нужно перевести в другое звено, а на его место поставить молодого хоккеиста. «Я напоминал своим лидерам, что однажды они уже разлучались. Было это, кстати, тоже на Олимпийских играх, в 1972 году, в Саппоро, и команда оказалась там первой, и все трое получили по первой золотой олимпийской медали, — вспоминал Виктор Тихонов. — Но экскурс в историю не убедил наших лидеров. Они мне в ответ напомнили другое важнейшее соревнование того года — чемпионат мира, где они опять были разлучены и где наша команда впервые после девяти побед подряд на чемпионатах мира уступила мировую корону хоккеистам Чехословакии».

Чем же руководствовался Тихонов? «Канадское турне (1980 года. — *М. М.*) напомнило мне прямо и настоятельно, что нельзя больше откладывать то, что запланировано было еще года два назад, — реконструкцию знаменитой тройки. Мне хотелось ввести в звено свежие силы и тем самым, во-первых, продлить хоккейный век больших спортсменов, а во-вторых, максимально полно использовать в интересах команды их богатейший опыт. Журналисты да и тренеры не раз подчеркивали, что эта тройка представляет собой громадную силу именно как единое целое. Это было, несомненно, так. Но Михайлов, Петров и Харламов были сильны и как три первоклассных

мастера. Каждый и сам по себе мог творить чудеса. Рядом с ними мог бы сыграть с очевидной пользой для команды хоккеист любого таланта и любого масштаба. Но три друга настаивали на том, что они хотят выступить на Олимпийских играх вместе, говорили, что это, может быть, их последний турнир такого уровня, и просили меня дать им возможность еще хоть раз сыграть в одной тройке... Я не был согласен, что сходить Борис, Владимир и Валерий должны одновременно, но в споре с ними у меня не хватало одного аргумента: они и вправду на чемпионатах мира играли, как правило, отлично, не давая поводов для критики. И особенно хорошо тройка выступила на последнем перед Играми чемпионате мира, в 1979 году. Да, у них случались в сезоне срывы, в частности, в некоторых матчах чемпионата страны, в международных турнирах, но вот в главном... И я уступил настоятельным просьбам знаменитых мастеров». [76](#)

Еще никогда в новейшей истории Олимпийские игры не проводились на таком напряженном политическом фоне, как состязания 1980 года в американском Лейк-Плэсиде. В декабре 1979 года советские войска были введены в Афганистан. Это вызвало бурю возмущения на Западе и привело к очередному обострению холодной войны. Американцы дали понять, что будут бойкотировать летнюю Олимпиаду 1980 года в Москве.

На высоком уровне было принято решение, что советские спортсмены всё же поедут в Лейк-Плэсид. На эти игры делалась особая ставка. Установкой Кремля были победа в общекомандном зачете и в первую очередь завоевание хоккейного золота в «логове главного противника». Это было важно Москве не столько в спортивном, сколько в политическом плане. В случае победы на Олимпиаде в США всем, без исключения, хоккеистам советской сборной в Кремле

намеревались вручить ордена Ленина. Надо также учитывать и тот факт, что на конгрессе Международной федерации хоккея 1978 года в Италии было принято решение о том, что чемпионаты мира в олимпийские годы больше проводиться не будут. Соответственно, именно Олимпиада расценивалась как важнейший турнир для хоккеистов в 1980 году.

Накал противостояния СССР и США подогревался мощными пропагандистскими машинами двух стран. Местные зрители в целом были враждебно настроены по отношению к советским спортсменам.

Олимпийская деревня Лейк-Плэсида до сих пор признается одной из худших в истории Олимпиад. Спортсменов поселили в зданиях будущей тюрьмы для подростков-наркоманов. Тюремным бытом здесь было пропитано всё, начиная от узких номеров с двухъярусными кроватями, умывальником без душа и покрашенными в депрессивные тона стенами. Александр Мальцев признавался, что проживание в этой «деревне» было похоже на пытку. По ночам здесь стоял такой холод, что приходилось укрываться двумя-тремя одеялами. В номерах трещали вентиляционные моторы. Условий для того, чтобы настроиться на игры или наоборот, прийти в себя после матчей, не было никаких.

В непростые условия были поставлены и журналисты. Так, до главного пресс-центра им приходилось добираться самостоятельно, а не на олимпийском транспорте. Спортивные объекты не были связаны между собой, и попасть с одного стадиона на другой можно было, лишь вернувшись в главный пресс-центр.

Итак, советское руководство на играх в Лейк-Плэсида особые надежды по праву возлагало на хоккейную сборную. После пары осечек на чемпионатах мира в середине 1970-х годов она снова доказала, что

является лучшей в мире. «Возможно, это была лучшая хоккейная сборная в истории Советского Союза», — скажет позже Вячеслав Фетисов. От обилия звезд в ее составе рябило в глазах: Третьяк, Васильев, Фетисов, Петров, Харламов, Михайлов, Мальцев, Балдерис и, как говорится, «далее по списку»...

Так же считал и Игорь Ларионов, тогда еще не выступавший в рядах сборной. «Абсолютно непобедимая команда. Как бы вы ее ни раскладывали, не было ни малейшего шанса, что она может кому-либо проиграть вообще», — отмечал он в одном из интервью. Сомнений в том, что команда победит в Лейк-Плэсиде, ни у кого не возникало.

Положительных эмоций добавила победа в товарищеском матче накануне Олимпиады над хоккейной сборной США, которую русские парни «разделали» со счетом 10:3. Причем олимпийская сборная США была на три четверти составлена из американских студентов. Настоящий фурор тогда произвела игра новичка из ЦСКА Владимира Крутова. Шустрый новобранец, отправленный в звено к Мальцеву и Юрию Лебедеву из «Крыльев Советов», в матче с американцами оформил хет-трик, сделав серьезную заявку на роль будущего лидера обновленной советской команды. По шайбе в этом матче забросили и все хоккеисты первого звена. Словом, советская хоккейная машина постепенно набирала ход. В местных СМИ задавались вопросом: если сборная СССР годом ранее разгромила звезд НХЛ со счетом 6:0, то что же ждет «простых американских студентов»?

На Олимпиаде в Лейк-Плэсиде была опробована новая формула хоккейного турнира: сборные были разбиты на две группы, «голубую» и «красную», по шесть команд в каждой. В дальнейший этап выходили по две команды из каждой группы, которые, с учетом игр между собой на первом этапе, образовывали

финальную пульку. Фавориты Олимпийских игр сборные СССР и ЧССР были разведены в разные группы — «красную» и «голубую» соответственно. Команда СССР подтвердила свой класс, одержав пять побед в пяти встречах, в том числе с двузначным счетом: Япония 16:0, Нидерланды 17:4. В этих матчах Валерий Харламов забросил по шайбе. Впрочем, специалисты сетовали на то, что победы над командами Канады (6:4) и Финляндии (4:2) были одержаны на классе и сборная СССР в этих встречах позволила себе немного повальяжничать. Тем не менее свой групповой турнир наши выиграли с общей разницей шайб «плюс 40». А вот извечный противник русских, команда ЧССР, удивил всех. Чехословацкая дружина уступила командам США и Швеции и смогла бороться лишь за пятое место, расчистив, как казалось тогда, дорогу сборной СССР к золотому пьедесталу.

Итак, 22 февраля советская команда начала финальный турнир Олимпиады встречей с американской сборной. Никто даже не рассматривал возможность поражения; напротив, некоторые члены советской делегации даже спорили друг с другом, сколько шайб команда СССР заколотит в сетку американских ворот.

В победу американцев не верил никто, кроме тренера Херба Брукса. Ему пришлось использовать крайние методы накачки игроков. Перед игрой на тренировке он вышел из себя, крикнув: «Джентльмены! У вас недостаточно таланта, чтобы выигрывать на одном таланте». Благодаря Бруксу у американцев действительно оказался сумасшедший настрой на эту встречу. Перед самым матчем тренер американцев еще раз «встряхнул» своих игроков, заведя их уже не обидными, а пафосными фразами, которые и по сей день вспоминают участники той команды: «Вы были

рождены, чтобы стать хоккеистами. Вы должны были попасть сюда. Этот момент принадлежит вам».

Как оказалось впоследствии, призыв к самому чувствительному, что есть в характере у американцев, — их самолюбию, действительно произвел должный эффект. Кроме того, Брукс тщательно изучил манеру игры советской сборной, понял, что ее главный козырь кроется в отменной физической подготовке и необычайной выносливости, позволявшей дожимать самых неуступчивых противников в концовках встреч.

Перед Олимпиадой он так натаскал физически своих подопечных, что те признавались, что впервые оказались под прессом таких нагрузок. Эти результаты дали свои плоды. Бруксу сначала удалось усыпить бдительность советских игроков в начисто проигранном американцами товарищеском матче накануне Олимпиады. Затем «студенты» удивили в положительном смысле. Они победили главных конкурентов сборной СССР — чехословаков и, сыграв вничью со шведами, заняли второе место в своей группе. Так что советской команде противостояла по-спортивному злая, хорошо обученная, сочетавшая элементы силового канадского хоккея с комбинационным европейским стилем, а главное, голодная до побед команда. «Наша команда в 1980 году сыграла в фантастический командный хоккей», — признавался в интервью бывший игрок американской сборной и «Миннесоты» Нил Бротен.

Зная о том, что в этом матче, скорее всего, не следует ожидать сюрприза, телекомпания «Эй-би-си», транслировавшая Олимпиаду, даже не поставила трансляцию в прямой эфир. Когда игра началась, десять тысяч болельщиков в зале в едином порыве принялись размахивать флагами и скандировать: «USA all the way!» («США — лучше всех!»). На трибунах во время матча советской сборной висели разные плакаты,

в том числе на русском языке. В некоторых из них Советы в оскорбительной форме настойчиво просили поскорее убраться из Афганистана.

Несмотря на гул, шум, свист в ледовом дворце, советская сборная дважды вела в счете в первом периоде, но американцы, в тот день костыми ложившиеся на льду, показали, что не собираются сдаваться. Во второй раз их форвард Джонсон сравнял счет после грубой ошибки обороны и Владислава Третьяка. Самое обидное, что гол был забит всего лишь за секунду до перерыва. Защитники сборной решили, что время первого периода уже закончилось, когда Третьяк неудобно отбил шайбу впереди себя. На отскок шайбы никто не пошел, кроме американцев. «В мгновение ока Джонсон, оказавшись один на один с советским вратарем, сумел обыграть его кистевым броском. Но что это? Гол или не гол? Красный сигнал почему-то не горит. Однако судья указывает, что гол засчитан. Оказывается, красный фонарь не зажегся потому, что уже горел зеленый, показывающий конец периода. Потом выяснилось, что надо доиграть еще одну секунду. Русские уже покинули площадку. Арбитр вновь приглашает их на лед, хотя это просто формальность» — так трактовался этот эпизод в книге «Один гол», написанной американцами Пауэрсом и Каминским о Лейк-Плэсиде. В итоге хоккеисты советской сборной все-таки ушли в раздевалку, а тренеры остались доказывать арбитрам, что шайба была забита американцами уже после свистка на перерыв.

Позже Виктор Тихонов признавался, что кто-то из окружения сказал ему в перерыве: «Владика (Третьяка) нужно поменять». В итоге доиграть секунду в первом периоде на лед вышли три полевых игрока и второй вратарь Владимир Мышкин, чье имя гремело в Северной Америке после выдающейся игры на «Кубке вызова» в

1979 году. Впоследствии Тихонов сожалел об этом. Но тогда, в перерыве матча, после той самой роковой замены, он, как говорили очевидцы, «вдрызг» разругался с обычно невозмутимым Третьяком.

Факт остается фактом: после замены Третьяка на Мышкина сборная потеряла уверенность, хотя по-прежнему доминировала на площадке. Третий гол в составе советской сборной забил Александр Мальцев, вновь выведя наших вперед. Причем идя в атаку, нападающий сборной СССР успел поправить свой шлем, съехавший набок.

Стало ясно, что исход противостояния решится в заключительном отрезке игры, на который сборная СССР выходила отнюдь не безоговорочным фаворитом. Настоящая паника началась в советской сборной после того, как на восьмой минуте третьего периода американцы вновь сравняли счет, реализовав численное преимущество после сомнительного удаления Крутова. «После второго периода мы вели 3:2, и надо было собраннее действовать в обороне. Но тут между коньков Сергея Старикова проскакивает шайба прямо на клюшку американского нападающего и пролетает у меня под щитком», — вспоминал Владимир Мышкин.

Невезение продолжилось. Уже через полторы минуты капитан хозяев Майк Эрузионе вывел сборную США вперед. Причем гол опять получился курьезным: защитник Василий Первухин закрыл обзор Мышкину, и шайба, невольно получается каламбур, проскочила у него под мышкой. Счет стал 4:3 в пользу американцев. До конца встречи оставалось десять минут. Малоизвестный американский вратарь Джим Крейг, впоследствии так и не нашедший себя в НХЛ, творил в рамке чудеса.

Ни наскоки, ни хаотичные атаки советских хоккеистов не приводили к успеху: шайба летела куда угодно, в каркас ворот, в защитников, в самого вратаря

Крейга, но только не в сами ворота. В последние секунды матча, когда все десять тысяч американцев принялись дружно отсчитывать хором истекающие цифры, американский телекомментатор Эл Майклз сказал фразу, которая дала название самой игре и фильму о ней: «Вы верите в чудо? Я — да!» Американцы утонули в объятиях друг друга, камера выхватывала победно вскидывавших руки Херба Брукса и героя матча Крейга, а комментатор Майклз только успевал восклицать: «Невероятно! Нет слов!»

Накануне одного из самых торжественных советских праздников — Дня Советской армии и Военно-морского флота — сборная СССР уступила не просто «идеологическому противнику», а команде американских студентов, прыгнувших выше собственной головы. Унынию советских мужчин не было предела. Лучшего подарка американцам и их мощной пропагандистской машине, начавшей называть СССР «империей зла», трудно было придумать.

Хотя это была еще не победа на Олимпиаде. Американцам было необходимо одолеть финнов, но все понимали, что поймавшая кураж сборная США так просто не упустит своего «олимпийского журавля» из рук. *Miracle on ice* — «Чудо на льду» — так назвали американские журналисты происшедшее в тот день. И хотя в заключительном матче, уже 24 февраля, советские хоккеисты разгромили шведов со счетом 9:2, это не помогло. Благодаря успеху над финнами в заключительной игре со счетом 4:2 на Олимпиаде победили американцы. Этот их триумф официально признан самым выдающимся спортивным достижением Соединенных Штатов в XX веке. «Если бы мы играли с Советами 100 раз, мы, вероятно, проиграли бы 99 из них, — сказал Марк Джонсон, который тогда в свои 21 год был центральным нападающим в этой команде. — О

том, что такое может произойти в Лейк-Плэсиде, никто не думал, никто и не мечтал».

И что с того, что после Олимпиады никто из победивших в Лейк-Плэсиде американских хоккеистов по большому счету так и не заиграл в НХЛ? Они оказались причастны к культовому событию, «победе над Советами». После окончания матча и тренеры, и игроки советской сборной находились в настолько шоковом состоянии, что оцепеневший Виктор Тихонов даже забыл пожать руку главному тренеру американской сборной. Херб Брукс, прославивший сборную США в Лейк-Плэсиде, трагически погиб в автомобильной катастрофе в Миннесоте летом 2003 года.

После победы американских хоккеистов в Америке началось нечто невероятное: коллекционеры гонялись за квитками билетов на этот исторический матч, скупая их по невероятной цене. О том, какое значение придается этой победе в США, говорит тот факт, что в Голливуде в 2000-е годы снят художественный фильм, который так и называется «Чудо на льду». Победа американских хоккеистов живописуется в нем во всех красках. На роль Херба Брукса пригласили не кого-нибудь, а известного актера Курта Рассела. Виктор Тихонов в фильме изображен таким бездушным тренером-диктатором, а русские хоккеисты — едва ли не роботами, выполняющими все его указания. Словом, типичный для Голливуда сюжет: патриоты Америки сражаются против заведомых злодеев. Только не с автоматами, а с клюшками в руках.

Воспоминание о «черном дне» советского хоккея и по сей день больная тема для участников той игры. Для отечественного хоккея само название «Лейк-Плэсид» стало нарицательным, обозначающим крупный спортивный провал. «Единственный раз мы и другие звенья отошли от своих принципов и проиграли. Это

случилось в 1980 году на Олимпиаде. Ребята смотрели на хоккеистов, выходящих на лед, вопросительно: может быть, вы забьете? И ничего не получилось. Но это пусть печальный, но редкий случай», — признавался Борис Михайлов. Действительно, после того провала сборная СССР выиграла три Олимпиады подряд, а с 1981 по 1985 год не проиграла ни в одном из крупных официальных турниров.

Тихонов впоследствии признавал свою вину, памятуя не только о замене Третьяка, но и об общих принципах комплектования команды на этот турнир. Особое внимание тренер уделил разбору игры первой тройки.

«Канадская печать много писала о возрасте нашей “парадной” тройки: в начале 1980 года им, вместе взятым, было уже больше... 100 лет. В той поездке Петров и его партнеры выступали неудачно, игра не клеилась. Наблюдения эти огорчили меня. Огорчены итогами выступлений были и сами хоккеисты — и Борис Михайлов, и Владимир Петров, и Валерий Харламов, хотя все трое полагали, что, когда придет час решающих матчей, они сыграют на пределе собственных возможностей и снова подтвердят свой класс, — писал Тихонов в своей книге. — И потому считаю, что только один виноват в том, что первая тройка дала нашей сборной в Лейк-Плэсиде меньше, чем могла, меньше, чем ждали от нее тренеры, команда, болельщики. В матчах с финнами и канадцами Петров и его партнеры не забили ни одного гола. Впрочем, этого можно было ожидать: силы замечательных мастеров не беспредельны, а опекали наших лидеров соперники так же внимательно, как и прежде. Не хватило сил им и на решающий матч — с американцами: в этот день Борис, Владимир и Валерий тоже не сумели забросить ни одной шайбы. Так команда была наказана за то, что ее тренер не проявил

достаточной твердости в претворении в жизнь своих принципов в формировании сборной в целом и отдельных ее звеньев. Надо было, конечно же, в январе, перед выездом за океан, действовать решительно, заменить некоторых игроков, иначе сформировать первую тройку».[17](#)

В 2009 году в интервью газете «Спорт-экспресс» Виктор Тихонов был предельно откровенен, вспоминая о своей главной хоккейной неудаче: «После того как незадолго до Игр мы разгромили сборную США — 10:3, хоккеисты расслабились. Хотя каждый день твердил: “Забудьте. Наши главные соперники на Олимпиаде — не чехи, а именно американцы”. Но достучаться до игроков не смог. Все были уверены, что снова легко с ними разберемся. За это и поплатились. А американцы к тому же бежали на допинге, в этом у меня сомнений нет. Что-то им кололи».

«Если говорить о том, что нам не удалось сделать, конечно, особняком стоит 1980 год. Ведь после Олимпийских игр наша тройка распалась, — вспоминал Борис Михайлов. — Вся атмосфера до игры с Америкой говорила о том, что мы уже выиграли. Когда мы вышли опять на Америку, вокруг все, начиная от руководителей спорткомитета, нам уже всем дырки наделали для орденов и медалей, говоря: дескать, американцев вы обыграете... И у нас в подсознании это было. И эта атмосфера, и личная психология не позволили нам выиграть. Мы не думали, что американцы выйдут с таким настроем, с таким подъемом, когда за них так неистово болел весь стадион. И, конечно же, сказалась замена Третьяка. Мы все знали, что он может пропустить шайбу. И впервые на моей памяти его заменили именно за пропущенную шайбу. Я считаю, что это ошибка Тихонова. Американцы заслуженно были сильнее, мы наделали много ошибок...

Нельзя сейчас себя оправдывать. В тот вечер они были сильнее и заслуженно победили».

«Нужно отдать должное сборной США, в 80-м она действительно сделала чудо... Что сказать, у нас каждый матч будет как финал. Вне зависимости от того, кто против нас выйдет. Все это прекрасно понимают. В 80-м американцы преподали нам хороший урок, нужно уважать соперника до игры, а после уже говорить, что он из себя представляет. Мы не уважали, за что нас и наказали», — признавался Владислав Третьяк в интервью во время Игр в Сочи-2014.

Самым памятным турниром для Владимира Винокура стали Олимпийские игры в 1980 году, куда он отправился в составе группы поддержки советской сборной. «Это знаменитая история, я даже ее Владимиру Владимировичу Путину рассказывал, когда было обсуждение фильма “Легенда № 17” в Сочи на премьере фильма, — вспоминал он. — В 1980 году случилось откровенное недоразумение. Наши ребята-хоккеисты взяли “серебро” в Лейк-Плэсиде. Мы находились на трибуне — Лещенко, я, Кобзон и Евгений Павлович Леонов, наш великий артист. Было жуткое ощущение. наших хоккейных монстров, лучших в мире, размотали эти американские студенты. И Валера не пошел на награждение. Валера к нам пришел на трибуну без коньков. Снял форму и пришел к нам, зрителям, на трибуну. Я спросил у него, почему он не пошел на награждение. Валера, очень расстроенный, сказал: “Знаешь, я не люблю получать серебро. Это для меня позор”... Ребята жили в тюрьме для малолетних преступников. Она была новая, только что выстроенная. И Валера после заселения сказал: “Вот приедете к нам в тюрьму выступать, привезите с собой чего-нибудь”. Так вот мы в эту тюрьму на 23 февраля пронесли в сумках двадцать бутылок водки — Кобзон, Лещенко, я, Евгений Павлович Леонов и Людмила Сенчина. С нами был

пианист Лёва Оганезов. Мы пронесли по три-четыре бутылки водки каждый. Тихонов не понимал, почему все такие веселые и праздничные в этой тюрьме в этот день».

— После проигрыша пронесли? — уточняю я у него.

— Да, у них матч с американцами 22 февраля был, а мы 23-го давали концерт в тюрьме в честь Дня Советской армии и Военно-морского флота. Откуда-то в этой тюрьме нашли и притащили старое пианино. Часа три длился концерт. Валерка тогда подарил мне куртку «Кох» красную. Сказал слова памятные: «Артист не должен мерзнуть и всегда должен быть хорошо одетым». Я потом эту куртку брату Борису подарил.

Позже выяснится, что куртка была как раз на Харламова: ее подарила ему одна из фирм в рекламных целях. Но Валерий Борисович пошел в офис и специально, чтобы куртка подошла Винокуру, попросил его размер. Еще раньше он подарил артисту специальный чемодан для концертного костюма, сказал, улыбнувшись и похлопав по плечу: «Ты забыл, что театр начинается с вешалки?!»

— А закуска была? — еще раз спрашиваю у Винокура подробности того «необыкновенного концерта».

— Ну, какая закуска, — улыбается Владимир Натанович, — сухой паек, они же централизованно питались. Была там, в тюрьме, столовая большая, были какие-то сэндвичи на скорую руку. Жили они в камерах по двое, а в одиночках жили только министр спорта, Павлов Сергей Павлович, и Тихонов. Валерка, по-моему, жил с Лутченко или с Михайловым. Мы успели «размяться» до того, как концерт начался, махнули по стопочке. Ребята, конечно, сильно переживали то злосчастное поражение. Дали ребятам «допинг», правда, поздний, они махнули. Немного освободились от жутких мыслей о проигрыше, потому что для них это

была сильнейшая трагедия. Такой у нас необычный праздник получился 23 февраля 1980 года.

После провала на Олимпиаде-80 Тихонов начал чистку в рядах сборной. У него состоялся очень серьезный разговор с хоккеистами. Шестерых из того состава Тихонов не взял на первый после Игр турнир в 1980 году — Кубок Швеции. Не взял капитана команды Валерия Васильева, хотя изменить это решение его долго просило большое руководство. Тихонов твердо стоял на своем, откровенно нарушив те указания, которым должен был следовать любой спортивный руководитель. Он поставил свой ультиматум: заявил, что немедленно уйдет из сборной, если проиграет Кубок Швеции. К счастью для наставника, турнир этот советская команда убедительно выиграла. Вскоре после этого в ЦК КПСС состоялось большое совещание по вопросам будущего советского футбола и хоккея. Председатель Спорткомитета СССР Павлов тогда сказал: «Здесь сидит один из тренеров, который не подчинился указаниям руководителей Спорткомитета и ЦК КПСС. Это Виктор Васильевич Тихонов. Я считаю, что только так и надо руководить».

Вот тогда Тихонов и решил окончательно, что нельзя полагаться на «палочку-выручалочку» в лице первой тройки. В новом хоккейном сезоне первое звено уже не играло в своем привычном, «золотом» составе. На первом после Олимпиады турнире в звене с Борисом Михайловым и Валерием Харламовым Владимира Петрова заменил Владимир Крутов, отлично проявивший себя на Олимпиаде. В этих четырех играх тройка смотрелась уверенно, забросив шесть шайб. Владимира Петрова до конца 1980 года Тихонов пробовал в различных сочетаниях в сборной: с Шалимовым, Шепелевым, Капустиным и другими. Но к испытанным партнерам уже не поставил. Борис Михайлов покинул ЦСКА в декабре 1980 года. Так

прекратила свое существование легендарная первая тройка.

«Думаю, что их первая тройка в 1981 году не имела перспектив. Борису Петровичу уже было тридцать пять лет, Петрову чуть поменьше. Если бы они выиграли в 1980 году в США, это был бы фурор. Ушли бы на волне, на подъеме, а получилось так», — полагает Григорий Твалтвадзе.

Как в сборной СССР, так и в ЦСКА Виктор Тихонов видел Валерия Харламова в роли наставника молодых хоккеистов. «Когда началось обновление команды, тренеры рассчитывали на Харламова, и это были не теоретические расчеты, не абстрактные планы. Считаю, что минимум два-три года Валерий мог бы еще играть в ЦСКА. Он был очень добр душевно, и ребята к нему тянулись. Практика уже показала, что Валерий прекрасно играет с молодыми. Я беседовал с ним накануне нового сезона, он понимал меня и соглашался опекать молодых армейцев. Валерий старательно готовился к новому сезону. Он отлично сыграл в нескольких матчах турнира в Италии, где определялся новый владелец Кубка европейских чемпионов и где ЦСКА тем летом в одиннадцатый раз завоевал этот почетный трофей», — писал Виктор Тихонов в своей книге.[78](#)

Но сезон 1980/81 года стал последним в хоккейной карьере Валерия Харламова. Свою последнюю шайбу в чемпионате СССР он забросил 14 мая 1981 года в ворота московского «Динамо». Из-за серьезной травмы он пропустил почти половину сезона. В итоге Харламов не попал на чемпионат мира в Швеции, который стал триумфальным для его друга Александра Мальцева, признанного лучшим нападающим турнира. Напротив, это первенство стало последним международным турниром для Владимира Петрова по причине, которая

по нынешним временам кажется несерьезной. А тогда выдающемуся игроку не простили вольного поведения.

История была такая. Каждый раз, когда хоккеисты сборной СССР выходили из отеля в Стокгольме, к центральному входу подъезжал дорогой автомобиль «порше», раскрашенный в цвета флага Советского Союза. За рулем сидела обаятельная дама в маечке и кепке с надписью «СССР». После последней победной игры хоккеисты наполнили кубок шампанским. Администратор сборной Анатолий Сеглин незаметно добавил туда водки. И вот когда игроки вышли на улицу, то возле гостиницы снова увидели тот самый «порше». Владимир Петров, опередив всех игроков, попросил девушку подвинуться и сел за руль. На втором вираже вокруг клумбы у отеля полицейский патруль остановил «порше», и Петров был отправлен в околоток. Хоккеиста отпустили только утром, объявив ему запрет на въезд в страну в течение нескольких лет. Для Тихонова это был хороший повод убрать из состава ЦСКА центрфорварда великой тройки. Вскоре Владимир Петров уехал играть за ленинградский СКА, а Валерий Харламов стал готовиться к Кубку Канады 1981 года, который он хотел провести на высокой ноте, чтобы, скорее всего, поставить замечательную точку в своей блистательной международной карьере. На родине хоккея с шайбой, где его так любили. Но — не случилось.

Глава 15 ТРАГЕДИЯ

*Звонит поутру
Атээсовский зуммер,
А сердце как знает,
А сердце болит!
На скорости жил
И на скорости умер! —
Какой беспощадный буллит.
...Нет. Жизнь не кончается рамкою
черной,
И ты бесконечно живой!
До встречи, Валера.
И помни, что в сборной
Семнадцатый номер,
Он — твой!
Мы к этой потере вовек не привыкнем.
Она обжигает, как ложь.
И если нам шайбы не хватит,
Мы кликнем —
Ты выйдешь и сразу забьешь!*

Михаил Танич. «Памяти артиста»

25 августа 1981 года сборная СССР по хоккею улетала на Кубок Канады. Настоящей сенсацией стало то, что в списке сборников не было Валерия Харламова. Его отсутствие в команде главный тренер Виктор Тихонов позже объяснит плохой функциональной подготовкой хоккеиста. Хотя на Кубке европейских чемпионов, проводившемся тем же летом, Харламов в составе ЦСКА забил две шайбы и отдал девять результативных передач. И это в трех играх! На том

турнире Валерия Харламова единодушно признали лучшим нападающим. Но Виктор Тихонов был непреклонен. «Вместо Харламова взял молодого Крутова, который был однозначно сильнее. Когда Харламов прогремел на весь мир? В 72-м. А в 81-м ему стукнуло тридцать три. Никогда не говорил об этом в прессе, но у Харламова к тому моменту были напрочь разворочены голеностопы. Из-за этого он потерял маневренность», — признавался Тихонов в своем нашумевшем интервью 2009 года.[79](#)

«Я хорошо помню тот турнир в Италии на Кубок чемпионов. Валера просто здорово сыграл. Он действительно был лучшим на этом турнире. Так мало того, Михайлов тоже в тот год, когда закончил выступления, был признан лучшим игроком Европы. И после этого его поставили в четвертое звено, чтобы он играл там с Курдиным и Паниным. На мой взгляд, Тихонов не взял Харламова не потому, что не верил в него, что он, по хоккейным меркам, был ветераном. Тихонов ведь всё равно немножко страховался всё время. Всегда можно было сказать: вот мы Харламова не взяли, и у нас резерв есть. Он не был на сто процентов уверен, что мы выиграем Кубок Канады в 1981 году. Если вспомнить первую игру с канадцами на том турнире, когда мы 3:7 проиграли, то сборную СССР просто возили, просто уничтожили. Никто даже не мог предположить, что в финале будет 8:1. Я уверен: если бы Харламов не погиб в 1981 году, то он бы и в 1984 году на Олимпиаде в Сараево играл», — признавался в беседе Сергей Наильевич Гимаев.

Вячеслав Фетисов вспоминал, что Валерий Харламов накануне тренировался «буквально неистово и был в прекрасной форме». «Я думаю, что для него Кубок Канады 1981 года был определяющим, знаковым турниром. Он знал, что это его последний крупный турнир. Тем более что в 1976 году из-за травмы он не

поехал на первый Кубок Канады. Это как раз был мой первый год выступлений в большом хоккее. Я понимал, что Харламов тогда переживал от того, что не попал на этот форум сильнейших хоккеистов. Поэтому к Кубку Канады 1981 года он готовился вдвойне. Он очень хотел выступить там. Ведь у него было имя в Канаде, в Северной Америке его знали, ценили и очень уважали. Он хотел доказать еще раз, что он лучший в этом деле. Но, к сожалению, всё случилось не так, как он хотел», — вспоминал в беседе Вячеслав Фетисов.

По словам легендарного защитника, сборная вылетала в Канаду заранее, поскольку предстояли товарищеские игры в Виннипеге. «Все армейцы приехали во Дворец спорта ЦСКА, остальные сборники уезжали из Новогорска в аэропорт, — продолжал он. — Валера пришел в армейский дворец, забрал форму, которая была там, и направился в автобус. Сели. И вдруг его из автобуса Тихонов к себе в кабинет вызывает. Вернулся Валерий Борисович сильно расстроенный и подавленный. Зашел в автобус, сказал: “Меня отцепили. Ребята, желаю вам удачи”. И вместе с водителем стал вытаскивать из автобуса свою форму. И хоккейную форму вытащил, клюшки, которые все вместе были замотаны. Тихонов какое-то время спустя зашел в автобус, и мы поехали. Мне в память врезалась такая картина. Валера не ушел. Он стоял и махал вслед автобусу. Эта печальная картина до сих пор стоит у меня перед глазами».

В автобусе в этот момент было непривычно тихо...

«Накануне отъезда в Канаду мы разговаривали в бане. “Валер, ты не обижайся”. — “Виктор Васильевич, я все понимаю. Никаких обид. Вы ж меня сроду не наказывали, хотя часто по пьянке прокалывался”. Злиться на Харламова было невозможно. Такой он был человек» — такова версия тех событий от Виктора Тихонова.[80](#)

«После того как они приехали из Италии с Кубка чемпионов, я зашел на армейскую базу. Мы пообщались. Боря Михайлов уже не играл. Когда мы на базе с Валерой разговаривали, то не было никаких предпосылок того, что он не поедет в Канаду. Хотя по его настрою выходило, что раз партнеры по тройке, Михайлов и Петров, заканчивают, то пора уже и мне. И я, значит, буду, наверное, скоро заканчивать. Правда, сильно хотелось ему финальный аккорд в Канаде сыграть, где его так обожали. На победной ноте в сборной команде СССР», — говорил в беседе Михаил Туманов.

То, что его не взяли на турнир в Канаду, для Харламова было не просто шоком. Человек ранимый и одновременно импульсивный, он пережил это как настоящее унижение. Тем более после того как он уже загрузил свою хоккейную форму в баул и поставил его в автобус. Ведь он прекрасно знал, как ждут его в Канаде местные болельщики. Харламов очень любил играть в Стране кленового листа, при неизменно заполненных трибунах. «Там силовая борьба. И чтобы понять, что ты представляешь из себя как хоккеист, нужно играть с канадцами», — говорил он.

«Для него это был страшнейший удар. Валерка однозначно должен был ехать в Канаду! Даже если он не был в хорошей форме, он обязан был ехать туда. Просто за заслуги его можно было взять даже и запасным. Ничего бы не случилось. И он бы еще сыграл не хуже всех. Я так думаю. И если бы его и не ставили на игры, одно его присутствие навело бы шороха. Его ведь в Канаде боялись. Неужели он этого не заслужил?! Тем более в эту поездку взяли около тридцати человек», — эмоционально признавался Александр Гусев.

По словам его товарищей, Валерий Борисович отказывался верить в случившееся и попросту не

понимал, почему такое произошло. Вдвойне больно, что об этом решении было объявлено не заранее, а в самый последний момент, когда он уже зашел в автобус, чтобы отправиться в аэропорт вместе со всей командой. Это, как говорится, был нож в спину. Именно за это подавляющее большинство ветеранов до сих пор не могут простить Тихонова, считающегося «легендой и мэтром». Кое-кто из них до сих пор не общается с Виктором Васильевичем. Впрочем, о том, что его могут отцепить, Харламов догадывался.

Но какова же истинная причина того, что Харламова не взяли в Канаду? Попробуем разобраться, не навязывая читателю своих версий. Начнем с версии Владимира Владимировича Юрзинова.

«Харламова я видел в последний раз, когда ЦСКА вернулся из Италии и мы приехали на сборы перед Кубком Канады. Я уже знал, что во время итальянского турнира ему сильно двинул Рехеранта (финский защитник), встретил ужасным по мощи силовым приемом. Валера лежал на льду и долго не мог подняться с него. На сборах в Новогорске я не узнал его. До этого в жизни я его таким не видел. В последнее время до этого мне казалось, что он как-то начал остывать к хоккею», — вспоминал в беседе помощник Виктора Тихонова в сборной СССР.

Тренер признался, что первый раз видел Харламова таким сникшим и потухшим: «Я не исключаю, что, глядя на его состояние, точнее, глядя на такого непривычного, нерадостного Харламова, Виктор Тихонов не взял его в сборную. То, что он был нездоров, это однозначно». Но подлинную причину «отцепления» Харламова от Канады Юрзинов, по его словам, не знает.

Выходит, что решение Тихонов принял единолично. И наверняка еще в Италии. Тогда зачем же так поступил с Харламовым, заставив его на глазах у

товарищей выйти из автобуса, куда он уже положил свой игровой баул?!

В принципе Виктор Тихонов изложил свою версию событий того дня еще в книге «Хоккей: надежды, разочарования, мечты», вышедшей в издательстве «Физкультура и спорт» в 1985 году. Почти на четверть века раньше интервью газете «Спорт-экспресс», упоминаемого в этой главе.

«Харламов в составе сборной не тренировался, он готовился по плану ЦСКА — не к началу, но к концу сентября, когда стартует чемпионат страны. Однако по уровню мастерства, по силе своего характера, мужеству своему Харламов всегда достоин выступления в сборной, характера у него, как говорится, на троих. Но вот по функциональной готовности... Валерий не набрал еще формы, и отставание его от партнеров было велико. Не было пока еще той двигательной мощи, благодаря которой этот блестящий форвард успевал действовать повсюду. Мы с ним обстоятельно поговорили. Валерий в заключение сказал: “Виктор Васильевич, я всё понимаю. Я действительно не в форме”», — вспоминал главный тренер сборной СССР.

А как же турнир в Италии, Виктор Васильевич, где он был лучшим, о чем говорят в один голос ветераны?!

Юрзинов действительно не присутствовал в кабинете главного, когда тот объяснял Харламову причины его «отцепления от сборной». Пришел в самой концовке этого непростого разговора.

«...Потом пришел Владимир Владимирович Юрзинов. Разговор продолжался втроем. Валерий пожаловался, что у него не хватает сил играть. Мы ему рассказали, что нужно делать, предложили программу действий.

— Бегать надо по двадцать-тридцать минут каждый день. Тогда в ноябре-декабре ты уже будешь в хорошей форме. Отыграешь на турнире “Известий” и начнешь готовиться к чемпионату мира.

Харламов ответил: “Я всё понимаю, я дал вам слово. Почему вы мне поручаете работу с молодежью, я понимаю... Сделаю всё, чтобы они играли”». [81](#)

Выслушав версию событий Виктора Тихонова, предоставим слово людям, близким Харламову.

«Когда сборная готовилась к Кубку Канады в Архангельском, Валера впервые попросил меня: “Леня, сходи к Моисееву (который был вторым тренером в сборной): может быть, под видом интервью задашь несколько вопросов о подготовке ЦСКА и спросишь ненароком, возьмут ли меня на Кубок Канады”. Я пошел к Моисееву, задал ему несколько вопросов и как бы между делом спросил про Валеру: может быть, он поедет после Кубка чемпионов в Канаду? Моисеев ответил: “Да нет, не поедет, он не готов”», — вспоминал журналист Леонид Трахтенберг. [82](#)

«Конечно, Валерку подкосило, когда Тихонов не взял его в Канаду. Даже в Гётеборг он его не взял, когда там был чемпионат мира, — вспоминает Владимир Винокур. — Мы слевой Лещенко летели в Швецию на чемпионат мира в самолете, рядом с нами сидел великий тренер Анатолий Тарасов. Он сказал: “Тихонов говорит, что Харламов заболел, чирей у него якобы вскочил”. Тарасов выдержал паузу и продолжил с таким раздражением и печалью одновременно: “Валеру надо было брать туда хоть на носилках и везти, чтобы он сидел даже в запасных, потому что он символ, его знают, любят, боятся и канадцы, и чехи. Это жуткая ошибка, что его не взяли”. А потом была та самая роковая Канада».

Тарасов знал, что говорил: ведь на Олимпиаду или чемпионат мира он обязательно брал запасным кого-нибудь из ветеранов. Пусть человек уже не играл так, как раньше, но авторитетом в команде такой игрок пользовался колоссальным. Да и на соперников его имя шороху наводило.

Валерий Васильев, капитан сборной СССР, отправлявшейся в Канаду, вспоминал, что, когда перед отъездом за океан Тихонов объявил список тех, кто едет, Валерий Харламов был очень обижен и сильно переживал: «В одной из газет было написано, что Виктор Васильевич не взял Харламова в Канаду якобы из-за того, что он был “физически не готов”. Но как так? В Италии он лучшего получает, а в сборной он не готов! Тихонов, таким образом, потихоньку выживал звено Михайлов — Петров — Харламов из сборной. Ему не нужны были игроки, которыми он не мог управлять. Первым был Михайлов, вторым — Петров. И оставался третий — Харламов, кого нужно было потихоньку сплавить». [83](#)

Для Тихонова, которого на Западе называли «мистер Дисциплина», не важно было, сколько игроку лет или сколько он имеет наград. Он руководствовался принципом: брать в сборную тех, кого считал в данный момент сильнее.

Последний раз Мальцев встречался с Харламовым в тот день, когда Валерию Борисовичу объявили, что в его услугах не нуждаются. По словам Мальцева, «черная кошка» между тренером Тихоновым и игроком пробежала уже во время турнира на Кубок европейских чемпионов в Италии. С Кубка чемпионов его друг приехал подавленным, хотя, как убежден Мальцев, по идее должен был радоваться тому, что его признали лучшим игроком турнира. «Чувствую, Тихон на Кубок Канады не возьмет», — сказал Валерий своему другу в номере базы на сборах, но что именно между ними произошло, не уточнил. Об этом, по словам Мальцева, знает лишь Тихонов. Корректный и державший всё в себе Валерий Харламов не рассказал о подлинных причинах решения Тихонова даже своему другу.

Кстати, больше всего из выдающихся хоккеистов после гибели Харламова на Тихонова злился Анатолий

Фирсов, который часто приходил на могилу своего младшего товарища на Кунцевское кладбище вплоть до своей смерти в 2000 году...

В Москву в этот день, 25 августа, Валерий Харламов, как говорят все те, кто видел его, вернулся в крайне подавленном состоянии. «Я знал Валерку к тому времени шестнадцать лет и видел его спустя час после того, как уехал автобус со сборной. Мы с Володей Петровым как раз приехали в армейский клуб. Так вот никогда в жизни я не видел Валерку таким бледным и подавленным. Даже подумал, что что-то в семье случилось. Он не ответил на вопрос, что же стряслось. Лишь махнул рукой и уехал. Он явно не ожидал такого решения Тихонова», — признавался в беседе Владимир Лутченко.

В семье Харламовых была традиция: перед отлетом игрока на крупный международный турнир запекали утку, которую приносил с рынка Георгий Хитаров, набивали ее «брюхо» яблоками и гречкой. Приезжал Валерий: отведают мамино блюдо, пальчики оближет — и привезет очередное золото престижных соревнований. Такую утку, но без мамы, которая уехала к родственникам в Испанию, запекли накануне отлета сборной СССР на Кубок Канады в 1981 году. Валерий Харламов не приехал днем, как договаривались. Пришел вечером 25 августа. Чернее тучи. Мрачный, без знакомой улыбки. Негромко сказал: «Я остался. Тихонов отцепил меня от сборной. Взял Крутова».

«Для нас с Татьяной это был шок, — вспоминал подробности того вечера Георгий Хитаров. — Как же тебя не взяли? Тебя же только что признали лучшим игроком на турнире в Италии, этого же просто не может быть!» Валерий молча пожал плечами. Попросил налить ему рюмку. Татьяна категорически отказала, опасаясь, что брат в порыве эмоций может наломать дров. «Как же так, утку и без рюмки?» — спросил Валера. «Я

показываю Татьяне, достань, — продолжает Хитаров. — Она мне пригрозила пальцем: ты еще куда лезешь? Дескать, не надо, набедокурит еще. Валера пошел в свою комнату».

А вот как вспоминает тот день Татьяна Харламова: «Он приехал 25 сентября мрачный и бросил две короткие фразы: “Меня не берут в Канаду. Отцепили”. Мы ему сразу сказали, что этого не может быть, ведь его только что признали лучшим в Италии. Он ответил: “Тихонов сказал, что я не в форме”. Было видно, как он всё это держит в себе, как ему трудно. Валера очень сильно ждал этой поездки в Канаду, светился весь. И вдруг... Этот кубок был бы для него хорошим финальным аккордом. Ведь еще летом он сказал нам: “Сыграю в Канаде, наконец-то окончу институт, а там, глядишь, коньки на гвоздь повешу”».

Харламов не спал всю ночь, ворочался, похоже, так толком и не заснул. Засобирался в аэропорт, встретить жену, которая возвращалась с юга. Затем хотел поехать на дачу. Сказал, что побудет там день, а потом вернется в Москву. Послезавтра, 27 августа, в 11 утра нужно было отметить в ЦСКА. К тому же Галина Миляева, школьная учительница, уговорила Валерия закончить обучение в институте физкультуры, пользуясь тем, что у него появилось свободное время. Хоккеист шел на красный диплом, хотя учился в институте уже тринадцатый год. С Татьяной договорились о том, что Валерий довезет Хитарова до работы, потом заедет к ней на аэровокзал на Ленинградке, где она работала, и после этого встретит жену с сыном.

Итак, Валерий Харламов завез Хитарова на Тишинский рынок, где тот работал. Георгий дал ему несколько кусков свиной вырезки, чтобы хоккеист сделал шашлык детям на даче. Друзья договорились встретиться на следующий день, 27 августа, после того

как Харламов потренируется и решит все дела в армейском клубе. Встречу назначили в ресторане «Советский» на Ленинградке. Там Хитаров должен был пообщаться с тремя друзьями: один из них приехал в отпуск из Алжира, двое других — этнические греки, уехавшие из СССР на постоянное место жительства в Грецию, приехали на побывку в Москву. Все трое жили предвкушением встречи с великим Харламовым.

На следующий день в обед все четверо приехали в «Советский». Стол ломился от яств. На пороге швейцар был предупрежден о скором приезде Харламова. Его не было час, два. Тогда Хитаров позвонил одному своему приятелю: узнать, не объявлялся ли Харламов; может быть, он перепутал ресторан и вместо «Советского» поехал к тому в «Баку».

«А ты что, ничего не знаешь? — ответил Хитарову товарищ. — Вся Москва только об этом и говорит. Валера несколько часов назад погиб со своей женой Ирой в автокатастрофе, выезжая с дачи».

...События разворачивались следующим образом. Валерий Борисович встретил жену с сыном в аэропорту, завез их на квартиру, чтобы они переоделись. Затем с сыном приехал к Татьяне на аэровокзал. Здесь они вместе пообедали, и Валерий купил в местном магазине сестре сумочку, которая ей понравилась. Договорились, что 27-го, после того как порешает все дела в ЦСКА, он заедет к ней, чтобы забрать племянника из детского лагеря в Кубинке. А 28 августа он должен был встретить маму, которая возвращалась в Москву из Испании.

Расставшись с сестрой, он повез на «Волге» жену и сына на дачу, где их ждали теща и маленькая Бегонита. «Эту дачу в Покровке, перед Клином, на границе Московской области, теща Валеры получила по наследству. Ехать туда надо было через переезд. Дорога до Ленинградки в несколько километров тогда

была сплошная щебенка. Дачка была шесть соток, огород», — вспоминал Михаил Туманов.

Темнело. Перекусили. Собрались спать, завтра нужно было рано вставать. За день до смерти, по воспоминаниям соседей, Валерий Харламов был гладко выбрит и лицо его было очень бледное.

«Если Ирина спала как сурок, то Валера не мог спать. Ворочался, просыпался каждый час. Я подумала, что с ним что-то случилось. Утром Ира сказала мне: ты не задавай ему лишних вопросов, его не взяли в Канаду, — вспоминала теща хоккеиста Нина Смирнова в интервью для фильма о Валерии Харламове. — Тогда я и подумала, что он, наверное, на почве этого так беспокойно спит. Ночь прошла. Утром они встали, позавтракали. Ира сказала: “Я поведу машину”. Я тут же ответила: “Валера, ни в коем случае не давай ей машину”. Харламов сказал: “Нет-нет, я не дам, потому что мне нужно их (Ирину и ее двоюродного брата) еще развезти по домам”. Я пожелала им счастливого пути, и они уехали». [84](#)

Утром в Подмосковье зарядил дождь. Хотя на дворе стоял август, дождь был по-осеннему холодным. Как оказалось, в пути Ирина все-таки выпросила у мужа разрешение порулить и пересела за руль. Когда именно это произошло, неизвестно. Предполагали, что не выспавшийся Валерий поменялся местами с супругой после того, как вырулил с щебенки на Ленинградское шоссе. По-другому считали, что это случилось раньше, сразу после того как машина скрылась за поворотом от взора ее матери. В любом случае на Ленинградке «Волгу» вела уже супруга хоккеиста.

«Валера не разрешал ей водить. У нее-то и практики вождения никакой не было. Более того, Валера говорил нам: если увидите, что она за рулем, сразу же сообщайте мне. В то утро он отдал ей руль. Видимо, потому, что у него была такая сильная депрессия, что

ему было все равно. К тому же не выспался», — полагает Татьяна Харламова.

Говорили, что харламовская «Волга» на мокром от утреннего дождя шоссе шла, дескать, с приличной скоростью — около 100 километров в час. Но знавшие Ирину люди утверждают, что она вряд ли могла выжимать более 70 километров в час на мокром и скользком шоссе, тем более на «Волге», на которой почти не ездила. Впоследствии это подтвердит милицейская экспертиза. Машина в момент столкновения двигалась со скоростью 60 с небольшим километров в час.

Как говорили эксперты, скорее всего, Валерий на переднем сиденье и двоюродный брат Ирины Сергей, который недавно вернулся из армии, заснули. Если так, то великий хоккеист встретил свою смерть во сне, так и не поняв, что произошло. Говорят, что это удел счастливых людей, помеченных Господом. Не всякому дано такое.

Двигаясь по практически пустому Ленинградскому шоссе, Ирина Харламова увидела знак «Ведутся дорожные работы» и стоящие впереди дорожные ограждения. Куда поворачивать на такой скорости? Она решила обогнуть препятствие.

«Волгу» резко крутануло. На злосчастном мокром асфальте, не так давно уложенном дорожными рабочими, машину завертело, закружило волчком. Всё произошло в считанные мгновения. «00-17 ММБ» вынесло на встречу. Судя по всему, Харламов в этот момент очнулся, эксперты зафиксируют, что его левая рука была протянута к рулю. Значит, хотел помочь жене вырулить...

И откуда в такую рань здесь взялся этот грузовик, как оказалось позже, тяжелый, доверху набитый запчастями? Парень, сидевший за рулем ЗИЛа, понял: столкновение с потерявшей управление «Волгой»

неминуемо. Он выкрутил руль вправо, пытаясь уйти на обочину. Поздно: «Волга» с номерами 00-17 ММБ уже летела на груженую и оттого менее маневренную махину. Ударилась в грузовик боком и покатила в кювет.

Скрежет железа, жуткий тупой удар и звон стекол. Женщина вылетела через лобовое стекло. «Волгу» сжало, искорежило, металл смяло, перемолото, раскочевряжило. Всё. В таких катастрофах выживших нет. Удар, как потом установили сотрудники ГАИ, пришелся на «Волгу» сзади — туда, где сидел двоюродный брат Ирины. Харламова ударило в затылок. А его жену выбросило из кабины. Она лежала на асфальте и была жива еще около десяти минут. Задала лишь один вопрос: «Как Валера?» И скончалась.

Через несколько секунд водитель ЗИЛа выбежит из кабины. Ужас. Дикий ужас овладеет им после того, как в пассажире на переднем сиденье он признает народного любимца, Валерия Борисовича Харламова. Уже не дышавшего, ушедшего в мир иной.

Об этом и других деталях позже рассказал сотрудник ГАИ Лев Максимович: «Когда я осмотрелся на месте происшествия, то почти сразу в деталях понял, что произошло. Всё застыло, будто на фотографии: Харламов, как живой, сидел на переднем сиденье пассажира, руку протянул в сторону руля. Наверное, в последний момент он пытался помочь жене справиться с управлением. Его жена Ирина лежала в кювете и еще была жива. “Скорая” стояла рядом. Врач суетился с ватными тампонами, пытаясь спасти ей жизнь. Двоюродный брат Ирины, сидевший на заднем сиденье, погиб на месте».[85](#)

Смерть семьи Харламовых, как потом писали, стала «во многом цепью случайных совпадений». За день до аварии на этом участке меняли асфальт. В месте, где заканчивалось новое покрытие, образовался

своеобразный выступ, кто говорит, высотой пять, кто семь сантиметров, который и стал причиной трагедии. Как позже сухо напишут эксперты, «жена Харламова была неопытным водителем и, наскочив на кочку, потеряла управление». Машину закрутило на шоссе, и она столкнулась с ЗИЛом, который шел навстречу.

Скорее всего, они бы выжили, если бы были пристегнуты. Но смерть, как известно, не признает сослагательного наклонения. Вдобавок грузовик, как назло, был до отказа набит запчастями. Этот тяжелый балласт усилил и без того мощный удар. Да и скользкий асфальт, словно нарочно, не оставил шансов на спасение, «выплюнув» машину в кювет. «Новое покрытие, на которое попала “Волга”, во время жары было скользким, как лед...» — напишут позже.

Спустя час о трагедии узнает вся Москва. Эту информацию корреспонденту ТАСС подтвердят в столичной ГАИ. А немногим позже мировые ленты новостей «прошьет молния» из Страны Советов: «Как сообщил ТАСС, в автокатастрофе под Москвой сегодня утром погибли знаменитый хоккеист Валерий Харламов и его жена. У них остались двое маленьких детей — сын и дочь».

«Сколько раз мы говорили Валере — не давай ей рулить. Ей говорил я лично: Ира, у тебя слабое зрение, ты носишь очки. Не дай бог, в пути упадут. К тому же вождение не так безопасно, а у тебя двое маленьких детей. Всё так и произошло, — вздыхает Георгий Хитаров. — Она в ответ вставала в позу. Дескать, смотрите, Сусанна Мальцева вон как машину водит. Таня Михайлова водит, супруга Цыганкова Ольга ездит; все ездят, чем я хуже?»

«Я проводил тренировку в команде СКА Ленинград. Пришла депеша от дежурного по клубу, что трагически погиб Валерка. Я собрал команду, объявил своим помощникам, чтобы они сами проводили тренировку. И

тут же выехал в Москву. Потом мне уже рассказали, что и как произошло. Она была за рулем. С дачи выезжал он. На трассе уже сидела она. Она не умела водить. Вот и всё. Так и произошла трагедия. Если бы он сидел за рулем, то трагедии не произошло бы», — признался в беседе Борис Михайлов.

«Перед его смертью я уехал в Голландию в рейс. Я тогда работал в “Совтрансавто” и был в тот момент за границей. Мне, найдя телефоны через руководителей, позвонил Геннадий Цыганков. По радио в Европе еще ничего не сообщалось. Гена был немногословен: “Так и так, крепись, Миша, случилась такая трагедия!” Но я никак не мог вырваться, не мог успеть — таможенные дела; бросить машину я тоже не имел права, времена были такие. Я приехал уже после, всё узнавал по слухам, — вспоминал Михаил Туманов. — Как я понял, в результате сильного дождя, который прошел накануне, у “Волги” намокли колодки. Асфальт на Ленинградском шоссе, по которому двигалась машина, был скользкий, как каток. При резком торможении случился резкий занос. И Ирина не смогла справиться с управлением. Тем более что стаж езды на “Волге” у нее был маленьким, да и водить она училась на другой машине, на “москвиче”».

В то роковое утро дети Харламовых остались на даче. Остались живы. Остались сиротами.

«27 августа утром позвонила Татьяна Михайлова и говорит: “Быстро приезжай ко мне. Валера разбился. Приезжай скорее”, — вспоминала Татьяна Харламова. — Вылетаю из дома. Как назло, ни троллейбуса, ни автобуса, ни такси. Нашла частника. Вся реву. Не верится, что произошло. Водитель спрашивает, что у меня случилось. Отвечаю, что у меня брат разбился. Приезжаю к Татьяне домой, а там ее младший сын говорит мне: “Тетя Таня, а они уже уехали в морг на опознание. Вы сидите здесь и ждите”. Я ждала, потом

позвонила из морга Татьяна и сказала одну фразу: “Да, это Валера”. Потом по радио пошла информация сразу же. Потом папа пришел, мы все приехали домой. А на следующий день должна была приехать мама». [86](#)

Игравшие на Кубке Канады хоккеисты сборной СССР, среди которых были близкие друзья Валерия Борисовича (да что говорить: он был многолетним любимцем и душой сборной), не смогли приехать на похороны. Оттого им было особенно обидно. И очень, очень горько. Они не смогли отдать последний долг тому, кого так уважали и любили, не смогли кинуть на его могилу, как это положено, горсть земли.

По признанию Александра Мальцева, известие о гибели Харламова стало для него «страшнейшим ударом», от которого он не мог оправиться годы. «В аэропорту Виннипега подошел к нам шведский судья и сказал, что погиб Харламов. Я понял, что потерял родную душу. Валерка Харламов был настолько любим всеми, что когда в Северной Америке объявили минуту молчания по Валерию, то, думаю, почтить его память встали вся Канада и Соединенные Штаты... Самого близкого друга судьба у меня отняла. Если бы жив был сейчас Валера, совсем бы по-другому всё сложилось. Его мне никто заменить так и не смог...»

О своем друге Александр Николаевич вспоминает часто. В эти минуты в его глазах видна боль утраты, которая не стихла, несмотря на прожитые годы. Мальцев оживляется, когда его просят рассказать о счастливых днях, проведенных с Харламовым, когда о его друге говорят теплые слова. В 1999 году, на банкете в честь пятидесятилетия Мальцева, знаменитый «голос Лужников», диктор Валентин Валентинов, когда до него дошла очередь поздравлять юбиляра, произнес фразу, которую он часто произносил во время игр сборной СССР. «Я встал и как можно торжественнее сказал: “С подачи Валерия Харламова,

номер 17, шайбу забросил Александр Мальцев, номер 10". Александр ко мне через весь зал побежал обниматься. Для него эти слова оказались лучшим подарком», — вспоминал Валентин Валентинов, ушедший из жизни в июле 2014 года.

Игроки советской команды поначалу не поверили информации о смерти любимца сборной, воспринимали ее как провокацию. Но портрет Харламова, обрамленный черной траурной лентой, показывали в новостях по телевизору, когда игроки сборной заселились в гостиницу Виннипега. Руководитель советской делегации Борис Майоров прямо со стойки регистрации в гостинице позвонил в Москву. И по его побелевшему вмиг лицу хоккеисты сборной СССР поняли, что действительно случилось непоправимое.

«В Канаду мы почти два дня добирались на перекладных. Прилетели в Виннипег, там была ночь, мы отсыпались. Утром, когда включили телевизор, в сообщениях новостей стали появляться фотографии Валеры в черной рамке. Тогда никто по-английски особо не говорил. Мы не понимали, что происходит. Все сбежались вниз в холл гостиницы. Потом кто-то пришел и сказал, что произошла такая трагедия. Начался шум. Мы сказали руководству, что полетим обратно в Москву на похороны. Начальник делегации из ЦК, инструктор, который дозвонился домой, сказал, что в ближайшее время состоится собрание команды, — вспоминал в беседе Вячеслав Фетисов. — В итоге нас убедили в том, что мы не успеем добраться на похороны. Не верилось, что такое произошло. Только вчера он был рядом с нами, и... вдруг его больше нет. Когда мы вышли со стадиона в Канаде, много людей подходило к нам, все выражали соболезнования и все повторяли имя Харламова. Только когда мы прилетели в Москву и пришли на его могилу, только тогда я осознал, что Валерия Борисовича нет с нами. Не хотелось верить в

это до последней минуты, но это была горькая правда. Это был шок. Это была потеря друга».

«В тот вечер мы должны были играть товарищеский матч с канадцами. Мы идем в Виннипеге, по дороге канадцы говорят: “У вас там трагедия в России”. Мы с удивлением спрашиваем: “Что такое случилось?” Они нам в ответ: “Харламов погиб”. Мы опешили. Вечером по всем канадским программам показали, как Харламов забивает голы канадцам, рассказали о нем. Для каждого из нас была личной трагедией потеря Валеры. Вечером мы хотели отменить матч, но канадцы сказали, что нельзя, так как на трибунах уже собрался народ. Все вышли на лед в черных повязках, была объявлена минута молчания о Харламове. Не только мы, но и все канадцы опустили головы», — вспоминал Владислав Третьяк.[87](#)

«Надо было видеть лица наших хоккеистов, когда они склонились над газетой с некрологом, пришедшей с Родины в Виннипег. С такими лицами не принимают жизненные невзгоды. С такими лицами не переживают поражения в самых решающих матчах. Такие лица бывают лишь тогда, когда приходит беда», — писал Юрий Цыбанев, в ту пору обозреватель газеты «Футбол-хоккей», освещавший Кубок Канады.[88](#)

По воспоминаниям обозревателя, эта трагическая новость не оставила равнодушными и жителей различных уголков Страны кленового листа. «Как же так?.. Харламов... Когда пришла весть о его гибели, все заботы и дела жителей Гладстоуна отошли на второй план. Проходишь мимо людей в магазине, на улице — и слышишь только одно: Харламов... Харламов», — сказал Цыбаневу в виннипегском пресс-центре главный редактор местной газеты Моррисон.

После трагедии много говорили о Харламове и в НХЛ: тренер канадской сборной Скотти Боумен, защитник Ларри Робинсон, нападающий Боб Гейни.

Боумен, один из самых известных тренеров в истории заокеанского хоккея, признался: «Я думаю, что любой тренер, имея в своей команде Харламова, был бы просто обязан создать с ним первоклассное звено. Харламов — на редкость широкая хоккейная личность». «Защитникам обычно помогает изучение приемов того или иного форварда. Против Харламова это бы не помогло. Он не был во власти какой-либо устоявшейся манеры игры. Он был в хоккее исключительно свободен и предприимчив», — признался столп канадской обороны Ларри Робинсон. «Если б я умел половину того, что мог делать Харламов, мое имя звучало бы на каждом шагу. Утром, днем и вечером», — еще более трогательно сказал о Валерии Харламове Боб Гейни. «Как же было канадцам не преклониться перед Харламовым, если в ускорившемся хоккее высшего разряда они оказались не в силах сбересть вечную ценность и красоту индивидуального мастерства?! Даже они, превыше всего ставящие личную предприимчивость в игре», — констатировал Юрий Цыбанев.[89](#)

Когда в апреле 2014 года в разговоре с Мальцевым о гибели Харламова (прошло уже 33 года!) я упомянул фамилию Виктора Тихонова, Мальцев еле сдержался, чтобы не выругаться. Я понял, что задел Александра Николаевича за живое. Разбередил ту самую боль, что прячется где-то глубоко-глубоко в душе. И не только у него. И предательски ранит, когда о ней вспоминают. А Мальцев повторил фразу тренера сборной СССР и ЦСКА Виктора Тихонова, которую ранее цитировал в одном из интервью. От которой Мальцев и его товарищи в Канаде 1981 года, Третьяк, Васильев, пришедшие к Тихонову с просьбой отпустить их на похороны друга, пребывали в состоянии шока. Дескать, «пришел один Харламов, придут и другие, такие же как он». Не отпустил их Тихонов, хотя игроки буквально умоляли наставника

сборной дать возможность проститься с лучшим другом. Готовы были лететь в Москву за свой счет первым рейсом, подсобили бы канадцы. Готовы были сразу же после похорон вернуться обратно на Кубок Канады. Тихонов был непреклонен.

«Мы пришли к Тихонову и за свой счет попросились полететь в Москву на похороны. Тихонов нам категорически запретил делать это. Собрались все ребята, помянули, выпили по сто грамм водки. Все мы ополчились на Тихонова. Во-первых, ты виновник того, что Харлама не взял. Если бы он поехал, то не было бы этой жуткой аварии и такого горя у нас. Во-вторых, то, что не отпустил нас на похороны. После 1972 года Валера сделал в Канаде революцию в хоккее. Он был там популярен, как национальный герой», — с горечью вспоминал Александр Мальцев.

Игроки для этого тренера были «материалом» для выполнения «важной государственной задачи». Не раз приходилось слышать о том, что больше всего Тихонов любил... своего пуделя, находившегося с ним даже на армейской базе. «А кого мне еще любить? Игроков? Совсем не обязательно», — подтверждал эти слова в одном нашумевшем интервью сам Тихонов.[90](#)

Как говорится, без комментариев...

Правда, в Канаде 1981 года Мальцеву Тихонов сделал «поблажку». Видя его состояние, не поставил его на товарищеский матч перед Кубком Канады против канадцев, который проводился 29 августа. Зато Третьяка с Васильевым заставил выйти на лед: дескать, «перетерпят».

После одного из матчей на этом турнире в раздевалку советской команды зашел легендарный Бобби Халл. В руках он держал букет красных гвоздик. «Я знаю, что красные гвоздики были любимыми цветами Валерия Харламова. Пожалуйста, возьмите их и

поклонитесь от имени всей Канады великому Хоккеисту и Человеку», — попросил он.

На Кубке Канады 1981 года хоккеисты сборной играли за двоих: за себя и за Валерия Харламова. Можно только представить, насколько тяжело им давались эти матчи. Когда каждую секунду жгла боль невосполнимой утраты, когда постоянно терзала мысль о том, что они не могут отдать последнюю дань памяти другу и товарищу в Москве, а должны в эти дни находиться далеко за океаном.

Обстановка в рядах сборной СССР действительно была гнетущей. Особенно тяжело приходилось тем, кто играл с Валерием Харламовым в сборной и клубе много лет, для кого он стал другом и братом. «Прошло уже три десятилетия, а в памяти до сих пор события тех дней. И главное, вопрос: почему это случилось так внезапно? Не после какой-то болезни, а вот так оборвалась жизнь одного из лучших наших спортсменов, нашего друга», — вспоминал Борис Михайлов.

Игроки тогда, в Канаде, провели свое, отдельное от тренеров и руководителей делегации собрание. «Валерка Васильев, капитан команды, все ребята сказали, что победу нужно посвятить памяти Валерия Борисовича. Мы поклялись, что будем биться до последнего и постараемся выиграть Кубок Канады, который он сам хотел выиграть. Перед финалом мы собрались еще раз, все вместе, без руководства, без тренеров и сказали, что мы всё сделаем, чтобы выиграть финальный матч у Канады», — признался Вячеслав Фетисов.

Сборная СССР действительно выиграла Кубок Канады. Да еще как! Не оставив в финале камня на камне от канадцев (8:1) и посвятив эту победу памяти Валерия Харламова. По приезде в Москву игроки ЦСКА и сборной побывали и у родителей Валерия, и на

кладбище. «По прилете в Москву из Канады нас встречали жены и родственники. Мы сели в автобус и прямо из аэропорта поехали на Кунцевское кладбище. В его гибель не верилось до последнего, но когда уже мы пришли на могилу, то поняли, что ни Валеры, ни Иры больше не будет», — вспоминал в беседе Вячеслав Фетисов.

Похороны Валерия Харламова и его жены состоялись 31 августа 1981 года на Кунцевском кладбище. Организацию похорон полностью взял на себя хоккейный клуб ЦСКА. Сначала великого хоккеиста было решено похоронить на Ваганьковском кладбище, куда ушло соответствующее письмо из Московского горисполкома. На Ваганьковское с письмом в руках приехал ответственный «партийный товарищ» и абсолютно бестолково выбрал участок в дальней, у забора, тогда еще неосвоенной, части кладбища. Когда друзья хоккеиста приехали посмотреть на участок, то сразу же отказались: к месту погребения было попросту трудно пройти. «Приехали бы вы раньше этого кадра, я, конечно бы, выделил лучший участок, поближе к могиле Высоцкого, но сейчас не могу, разнарядка уже утверждена», — развел руками директор кладбища. В результате было принято решение похоронить великого хоккеиста на Кунцевском кладбище столицы.

О том, что ее единственный сын погиб, всё еще не знала мама хоккеиста. Бегоня в тот момент как раз возвращалась из Испании на поезде. (Как говорит Татьяна Харламова, ее мама терпеть не могла самолеты.) Машинист состава, получив известие о гибели хоккеиста и предупрежденный о том, что в поезде едет мать Харламова, отключил радио. У Бегони было слабое сердце, и надо было сделать так, чтобы она не узнала о смерти сына раньше того, как скорбную весть донесут до нее родные. Хотя о гибели Харламова к тому времени знал уже весь мир.

Приехав на вокзал, Бегоня увидела много друзей и близких сына. Неожиданно много для ее встречи. На вокзал приехал даже Амиран Ильич, директор знаменитого ресторана в Тарасовке, где любил ужинать Валерий Харламов после игр. Но на перроне почему-то не было ее мужа. И не было Валеры, который неизменно встречал ее из любых поездок, когда был в Москве. (Его отпускали по такому случаю и Тарасов, и Локтев, знавшие, что мама — это святое. Однажды не отпустил Тихонов, и Валерий даже ушел в «самоволку».) А тут сына не было... Наверное, улетел в Канаду, подумала мама. «Что такое, почему вас здесь так много?» — занервничала Бегоня. Георгий Хитаров отвел глаза в сторону и ответил что-то по поводу приза лучшему игроку, который Валерий получил в Италии. Дескать, народ пришел приветствовать маму выдающегося хоккеиста. Но материнское сердце уже почувствовало неладное. Тем более что друзья хоккеиста попросили «скорую» сопроводить встречающих от вокзала до дома. Врачи во главе с армейским доктором Силиным караулили неподалеку.

Когда Бегоня приехала домой, то спросила у мужа, почему он такой подавленный. Борис Сергеевич ответил, что у него болит спина, радикулит, вспоминал Георгий Хитаров. В этот момент Татьяна Харламова ушла в ванную и начала рыдать. Бегоня моментально всё поняла: «Что с моим сыном?» Тогда ей сказали правду: Валера разбился насмерть, возвращаясь с дачи тещи. Матери стало плохо с сердцем, появились врачи. Бегоня присела на стул. Ей сразу сделали укол успокоительного.

«Не может быть. Валера знал эту дорогу от и до, как свои пять пальцев. Мой сын знал там все ямки и кочки. Его убили. Его кто-то убил», — тяжело выдохнула мама хоккеиста, еще не зная, что за рулем в тот роковой час находился не ее сын, а невестка. Чуть позже она

вспомнит о «мистическом» подарке на свадьбу в виде статуи-постаменты, о котором она говорила Туманову. О том, что Харламов постоянно говорил: «Тлидцать тли». Вот и «нагадал», получается. Ушел в 33 года...

Вспомнят еще об одном «гадании». Ирина Смирнова, которая тогда училась в школе, однажды поехала с подругами на пикник. По дороге к ней неожиданно подошла цыганка и предложила ей погадать. Девушка согласилась. Цыганка сказала ей, что она выйдет замуж за известного человека. «Ты будешь жить счастливо, но проживешь мало, всего двадцать пять лет», — сказала гадалка на прощание. Ирина все время помнила о предсказании цыганки. Когда праздновали ее 25-летие, она встала из-за стола и сказала: «Вот видите, мне нагадали 25 лет, а я жива». Через несколько месяцев она погибнет.[91](#)

«Валерка часто произносил фразы, которые словно вертелись вокруг числа 30. Как те самые тридцать три. Однажды нас Тарасов собрал и сказал, что завтра предстоит тяжелая утренняя тренировка. А у нас в тот день вечером было мероприятие, день рождения чей-то в ресторане договорились отметить. Мы, понятно, тарасовскому решению не обрадовались. Валера улыбнулся и сказал: “Да ладно, чего грустить. Всё в порядке. Доживем до тридцати, а там будь, что будет”. Произнес это со вздохом. Словно отмерил эти тридцать лет, как какой-то рубеж. Я потом много раз вспоминал после трагедии эти слова. Словно он знал что-то. Словно хотел от жизни взять всё. И хоккей, и всё остальное. Испанский весь был. И в игре. И в жизни. Не знаю, как лучше это объяснить», — признавался в беседе Владимир Лутченко.

О смерти своего товарища Александр Гусев узнал в тот же день, приехав в Москву из Ленинграда, где учился на дневном отделении Ленинградского военного института физической культуры. «После ЦСКА меня

туда отправили, и там я шесть лет в форме ходил. Надо было служить. И я здесь уже догуливал отпуск. Еду с дачи на машине в Москву, заехал на станцию техобслуживания, у нас в Пушкине была. И гаишники говорят: “Ты знаешь, что Валерка разбился”. Я поехал сразу в ЦСКА. Володька Лутченко стоит и говорит: “Уже заказали гроб, 30-го или 31-го похороны”. Это был шок», — вспоминал Александр Гусев.

Проститься с народным любимцем пришли тысячи и тысячи людей. Как годом ранее. На смерть Высоцкого. Прощание с Харламовым продлили на два часа после того, как организаторы увидели, какая огромная очередь людей тянется в Ледовый дворец ЦСКА. Люди лезли через забор. Очередь тянулась прямо от станции метро «Аэропорт». Офицеры, генералы с золотыми звездами героев Советского Союза, артисты, спортсмены, женщины, взрослые и дети в глубокой скорби проходили мимо гробов. Седая старушка, убитая горем, встав на колени, положила скромный букетик к ногам безутешной матери Валерия Харламова. На Бегоню было больно смотреть. Ей постоянно кололи успокоительное. Свое соболезнование выразил ей испанский посол: склонился над ней, что-то говорил, потом, как и та старушка, встал на колени. Телеграмму соболезнования Харламовым направил большой друг нашей страны, бывший посол в СССР и президент Международного олимпийского комитета Хуан Антонио Самаранч. «Когда великий Эдуард Стрельцов стоял на похоронах, как мне потом говорил писатель Анатолий Нилин, он сказал такую фразу: “Вот ушел бы я в ЦСКА или ‘Динамо’, глядишь, и в тюрьму не попал бы. — А потом выдержал паузу и добавил: — А разница в чем? Вот Валерка всю жизнь в ЦСКА играл, а раньше меня ушел”. Такая была его философская фраза, что не знаешь, где найдешь, где потеряешь», — вспоминал Григорий Твалтвадзе.

Народу всё прибывало. Сплелось всё воедино, слились потоки слез, переливаясь в огромное, да простит меня читатель, «море горя». И сама эта нелепая гибель в расцвете сил, и то, что ушел любимый Валера, Валерочка так рано и так несправедливо... Действительно, народный любимец, которому бы жить да радовать людей своим искрометным даром.

«На территории армейского Дворца спорта всё битком было заполнено людьми, многие из них плакали. Мы, армейцы, были в военной форме. Это было невыносимое чувство. Михайлов, Петров, Лутченко несли гроб Валеры. Я нес венок. Больше всего было смотреть на его маму. Это был шок. Боль потери чувствовалась годы. Мы об этом много говорили. Если бы он поехал в Канаду, тогда бы мог остаться жить. Но это судьба. Я не из тех, кто эту тему поддерживает. Харламов — это человек уникальный. И потеря его была очень тяжелой», — вспоминал Сергей Гимаев.

Наконец приняли решение везти гроб на кладбище, несмотря на то, что люди всё еще шли к дворцу. «Вспоминаю, что на похоронах Валеры народу было очень много. Тысячи и тысячи людей. К нашему армейскому залу тяжелой атлетики сплошной поток людей шел. Как в мавзолей шли. Очень много народа было. Долго проходила панихида из-за нескончаемого потока людей. Потом отправились на Кунцевское кладбище. Мы ехали отдельной машиной. Там непонятно, кто сел. Было несколько автобусов, чтобы туда доехать. На кладбище всё тоже битком забито было, не пробиться. На Кунцевском же дождь лил, как из ведра, потом вдруг солнце резко в секунду выглянуло. Выступали Тарасов, председатель спорткомитета Министерства обороны, генерал такой хороший. Выступало руководство, и люди говорили», — рассказывал Александр Гусев.

Так получилось, что накануне того рокового дня Владимир Винокур уехал в Курск в гости к родителям. «Тут мне позвонил Лева Лещенко и говорит: “С Валерой беда. Он разбился на машине”. Я по инерции спрашиваю: “Он в военном госпитале или в гражданской клинике?” — вспоминая об аварии, которая у него была в 1976 году. Тогда Лева сказал мне, что случилось самое страшное и непоправимое. Я немедленно поехал в Москву», — вспоминал Винокур.

«Похороны Валеры стали для нас трагедией, описать которую не хватит никаких слов. Я не чувствовала ничего: ни ног под собой, ни головы не было. Только запомнила, что, когда мы выезжали с процессией из Дворца спорта ЦСКА, повсюду, несмотря на проливной дождь, стояли плачущие люди на коленях и так провожали его в последний путь», — вспоминала Татьяна Блинова, знавшая Валерия Харламова с юношеских лет.

«В день похорон Валеры в 81-м году, когда мы выехали из ЦСКА, был ливень, мы ехали автобусом. Вспоминается символический эпизод. Едет траурная колонна, и вдруг перед нашим взором предстает совершенно потрясающая картина. Мужчина в светлом костюме под этим сумасшедшим дождем выходит прямо на Ленинградское шоссе с охапкой роз, встает на колени, прямо в воду перед едущим навстречу ему катафалком с гробами Валеры и Ирины, а затем и всей колонной, и кладет эти цветы, эту охапку шикарных роз прямо на мокрый асфальт. При этом он рыдал. А потом, когда мы приехали на кладбище, засияло ослепительное солнце. Я всегда, когда рассказываю про похороны Валеры, вижу эту символическую сцену: мужчина, розы, ливень и сияющее солнце» — а это вновь воспоминания Владимира Винокура.

Ливень на кладбище внезапно прекратился, выглянуло солнце. В этот момент к гробу подошел

Анатолий Тарасов. Вдруг прогремел гром и снова начался ливень. Тогда Тарасов сказал свою знаменитую фразу: «Видите, по Валере плачет вся Москва». И потом вдруг так же резко выглянуло солнце. «В прощальном слове на траурном митинге перед тысячами людей, перед верными друзьями хоккея и Харламова, собравшимися на кладбище, я говорил, что Валерий не знал своего величия, — напишет позже Анатолий Владимирович Тарасов. — Валерий был действительно великим хоккеистом... он не ведал истинных масштабов своего поразительного дарования, никак, никогда, ничем и ни перед кем не подчеркивал своей исключительности и вообще был редкостно порядочным, чистым и честным человеком».

«Сотни раз за двадцать лет тесного общения видел Тарасова — чаще сумрачного, считанные разы улыбающегося. Плачущего — первый раз. Думал, это капли дождя. Но микрофон выдал срывающийся голос: “Он был великий хоккеист, умел один воевать против шестерых. И побеждать. Потому, что человечье был могучий”. В последние минуты пребывания Валерия на земле вышло солнце. Тепло и ласку оно на прощание подарило ему», — писал Борис Левин.[92](#)

«Я узнал о гибели Валеры в Рязани, где работал. Я просто представить себе не мог, что это случилось. Похороны стали прощанием с великим человеком. Вся Москва встала, дождь шел. Так, наверное, политических деятелей не хоронили. Любили его за человечность, за простоту, не простодушие, а простоту, за то, что он был доступен для простых нормальных людей, а не снобов и лицемеров, какие бы те должности ни занимали», — вспоминал Вадим Никонов.

«Трагедия в том, что Валера был человеком мира, который не принадлежал себе. Он ушел трагически. Конечно, он переживал, что его, действующего игрока, лучшего на тот момент, не взяли в Канаду. У него были

конфликты с Тихоновым, все знали об этом. И тут случилась эта трагедия, когда за рулем сидела Ирочка, царствие ей небесное, которая мало водила автомобиль, причем она училась в автошколе на “москвиче”, а в тот трагический день села за руль “Волги”. Все знают этот случай: был сильный дождь, затормозила в дождь, и под машину ушла... Я сильно скучаю по нему. Вспоминаю Валеру, особенно в памятные даты, часто бываю на Кунцевском кладбище». — Винокур с трудом пропускает через себя эти слова и берет долгую паузу.

Разговор автора этих строк с Владимиром Винокуром, состоявшийся весной 2014 года, большей частью был посвящен тому, чем отличается сегодняшний хоккей от того, который демонстрировала легендарная советская сборная. В ответ на вопрос о слагаемых побед Харламова и его товарищей Винокур сказал очень красивую фразу: «Они были “золотые”. Золотые парни. У них не было многомиллионных контрактов, они получали копейки даже за выигрыш, женам покупали дешевые сувениры на распродаже. Но это были ребята, преданные спорту, преданные стране, патриотизм у них был высочайший и самый искренний».

«Я считаю, что Валера — это классика России. Гагарин и Харламов — люди, которых знает мир. Которых помнит. Первый космонавт — Юрий Гагарин и первый хоккеист мира — Валера Харламов. Конечно, космос, его освоение — это что-то такое заоблачное, поднебесное. Но и искусство Харламова было уникальным, всемирным. Поэтому в мире нет уголка, где бы человек, увлекающийся хоккеем, да и любым видом спорта, при слове “Харламов” не улыбнулся бы и не вспомнил бы его. Сегодня феномен Харламова не превзойден», — заключил Владимир Винокур.

То, что делал Харламов на льду, действительно неподвластно даже мастеру хоккея. Так играл

художник, замкнутый в себе, ранимый, тонко чувствовавший фальшь. Таким Харламова, обычно веселого и жизнерадостного, и описывали те, кто близко знал его.

«Игроки-художники, игроки-артисты требуют к себе особого отношения. Отношения, я бы сказал, бережного. Валерий был гордым человеком. Не гордецом, выставляющим напоказ свои регалии, а именно гордым. Справедливые замечания, порой даже резкие, он принимал с достоинством — благо сам прекрасно понимал, что такое хорошо и что такое плохо. Но несправедливости, не только по отношению к себе, не переносил. Потому был особенно раним. Да, да, раним. Несмотря на свою, казалось бы, постоянную веселость, общительность, он порой уходил в себя. И возвращал его к жизни — здесь без высокого слога не обойтись — именно хоккеей», — похожие слова о Валерии Харламове сказал и Борис Кулагин, знавший его 19 из 33 лет жизни хоккеиста.[93](#)

«На мой взгляд, феномен Харламова состоит в совокупности человеческих качеств, таланта, мужского начала, харизмы, желания жить и быть лучшим. То, что его и сделало Харламовым. Мне кажется, он не сомневался ни в чем. Кажется, всегда знал, чего хочет. И самое главное: добивался того, чего хочет. Хотя судьба у него была непростая. Приходилось преодолевать, падать и подниматься, и опять падать, и опять подниматься. Он был, как былинный герой, человек, который из рабочей среды сумел пробиться, стать любимцем миллионов и лучшим в своем деле. Он бы не состоялся без веры в себя, без таланта, без трудолюбия, без уникальности. Она тоже, насколько я понимаю, приходит, если ты в это веришь, если этим ты живешь», — констатировал в нашей беседе Вячеслав Фетисов.

«В нем удивительным образом сочетались неистовость в достижении цели и попытки всё, ну абсолютно всё делать красиво. И на фоне столь ярких игроков и тяжелейших испытаний с самолюбивыми родоначальниками хоккея хоккейная сила Валерия Харламова выросла еще во сто крат. Он был одним из тех, кто мастерством и характером своим подтвердил мое жизненное убеждение — возможности человека поистине беспредельны. При выдающихся способностях он отдавал себя всего без остатка, не принимая во внимание никаких расчетов кроме одного-единственного — расчета на красивую победную игру, — вспоминал заядлый хоккейный болельщик, ныне покойный, академик Станислав Шаталин, который, несмотря на любовь с детских лет к «Спартаку», восторгался игрой Харламова. — Кто-то сказал, что Сократ создал философию. Аристотель — науку. Несомненно, Харламов — один из создателей хоккея. Как Валерий убедительно доказал, для этого вовсе не обязательно стоять у истоков. На любой стадии развития можно сотворить нечто такое, что позволит получить неофициальный, зато вечный титул». [94](#)

Кем бы был Валерий Харламов, доживи он до наших дней? Однажды он сам сказал: «Хочу быть детским тренером. Я им должен, они помогли мне вернуться на лед». Владислав Третьяк в ответ на подобный вопрос заметил: «Работать тренером команды мастеров Валера, скорее всего, не потянул бы. А вот возиться с детишками — вполне возможно. Добрый, открытый человек он был. Дети к таким людям тянутся». В одном из редких интервью и отец хоккеиста, Борис Сергеевич Харламов, предположил, что если бы его сын был жив, то сейчас, скорее всего, работал бы тренером в детской школе.

«Не хочу врать, не знаю, но я чувствовал, что это его последний сезон. Ушли Михайлов, Петров, а он вроде

остался, тут новые пришли ребята, которые могли что-то уже сотворить на льду. Да и возраст Валеры сказывался, ему все труднее было играть как раньше, — отвечал на вопрос о том, стал бы 1981 год последним в карьере хоккеиста и чем он собирался заниматься, Михаил Туманов. — Он сам не раз говорил, чем будет заниматься после окончания карьеры. Это тренерская работа с детьми. Хотели, пророчили, что Валерка будет заниматься детской спортивной школой, научит детей. Он любил детей. Это все знали».

Впрочем, приходилось слышать другое мнение от человека, который также близко общался с ним в последние годы. «Валера не собирался на тренерскую работу и хотел играть еще несколько лет», — признался Георгий Хитаров. Об этом же говорил в беседе и Сергей Наильевич Гимаев.

«Со смертью Харламова мир потерял порядочнейшего человека, а наш хоккей лишился личности, которая всегда могла удивить. Ушла ярчайшая звезда, которая светила в нашем хоккее и озаряла его. Он дал надежду многим молодым игрокам, которые в чем-то недорабатывали, а после общения с Валерой, обретя уверенность, становились настоящими звездами. Он общался с ними, показывал финты, и ребята, глядя на Валеру, понимали, в каком направлении им надо работать», — признавался в беседе Владимир Писаревский.

«Он все время шутил, что уедет поднимать хоккей в Испанию. Это его мечта была. Мы ему говорили: “Валера, как же ты уедешь, ты же офицер?” Он улыбался и отвечал: “Я договорюсь, у меня испанские корни, мне хочется погрузиться в эту атмосферу, я хочу быть полезным на родине моей матери”. Он все время мечтал уехать в Испанию», — вспоминал Вячеслав Фетисов.

Когда я пытаюсь представить, кем бы был Валерий Борисович Харламов в свои 65 с лишним лет в нашем времени, полном цинизма, меркантильности и черствости, у меня нет ответа. И нет вариантов. Согласен с Вячеславом Фетисовым: Харламов, с его коммуникабельностью и оптимизмом, конечно, не потерялся бы и сейчас. Но я могу представить другое. Как ему было бы больно и тяжело пропускать через себя «гримасы» ЭТОГО непростого времени. С его харламовской чистой совестью и светлой душой.

Смотрю на грустные глаза его лучшего друга Александра Николаевича Мальцева, любимого болельщиками так же, как и 40 лет назад, вроде бы находящегося при большом деле — советник президента хоккейного клуба «Динамо» как-никак. Понимаю: не то время. Уплыла романтика. Столько негатива, что Мальцев всё чаще молчит. «Всё не так, ребята», — как пел хороший приятель двух друзей-хоккеистов Владимир Семенович Высоцкий.

Сегодня в этом мире потребительства и расчета, мире «мерчандайзеров и гаджетов» мне почему-то особенно трудно представить Валерия Харламова, Владимира Высоцкого, Василия Шукшина, Олега Даля. С их ранимостью, искренностью, болью, романтичностью. Точнее, представить, что они бы жили, любили, рвали душу, чтобы приносить радость и добро людям, могу. Не могу представить одного: насколько больно было бы им видеть и пропускать через свое сердце всё то, что произошло с душами людей в это безжалостное для души время. И это — главный моральный посыл автора читателям этой книги.

Диктатура денег победила диктатуру совести...

Корни этого, на мой взгляд, надо искать в «мутных и пьяных» 1990-х, когда фраза «гордись своей страной» стала почти постыдной. Ее старались не произносить, чтобы не прослыть невеждой и откровенным

«ретроградом» в компании молодых «господ-демократов». В те годы, когда в стране высочайшей духовной культуры, где всегда высоко ценились узы товарищества, дружба, взаимовыручка, вместо принципа «отдам последнюю рубаху», базового для героя этой книги, воцарились «постулаты»: «Крутись, как можешь», «Кинь ближнего своего».

Тяжелый урон был нанесен «символу нации» — хоккею. Куда-то вдруг делись присущие советскому хоккею точные пасы, филигранное владение клюшкой, комбинации, терпение, стойкость. Когда все были и в защите, и в атаке. «Младое племя» отечественных хоккеистов, до того побеждавших на крупнейших международных соревнованиях, отправилось за океан. А у тех, кто остался, вдруг пропала мотивация играть за сборную. А ведь раньше, только позови, только кликни «рать» в сборную СССР — и сразу выстроилась бы длинная очередь из первоклассных мастеров хоккея с шайбой — на три великолепные команды хватит!

Как-то в начале 2000-х годов Александра Мальцева попросили принять участие в одной из игр на Красной площади вместе с хоккеистами моложе его. Он подумал и ответил: «Я с этой шпаной не играю!» Не потому что был заметно старше их и имел все награды мирового хоккея, а значит, наверное, мог так говорить. Просто ему был противен тот примитивный хоккей, без мысли, с пресловутой заокеанской силовой возней и пробросами, в который стали играть в 1990-е годы в России. Прославленных ветеранов коробило и то, что наши извечные противники, будь то финны или американцы, отошли от индивидуальной игры и стали играть в хоккей коллективный. Тот самый, советский.

Как же резко стала различаться игра двух, казалось бы, близких поколений! В этот хоккейный «провал», который начался сразу после победного чемпионата мира 1993 года и продолжался без малого 15 лет, как

будто в бездонную бочку, «улетело» всё то лучшее, что олицетворяло отечественный хоккей. Прежде всего, мотивация — играть за свою родину, за флаг, за товарищей и во имя болельщиков как-то стало не принято.

— Мы играли за родину и были счастливы тем, что нас взяли в сборную. Нас сколько было миллионов человек в СССР? — спрашивал в беседе Александр Гусев.

— Двести шестьдесят.

— Вот. А играло двадцать человек, считай сам. Представляешь, что это такое было? Какая колоссальная ответственность, какое доверие. На тебя смотрит вся страна.

«На нас была огромная ответственность. И, как сейчас ни смешно, мы играли за честь клуба и сборной. Да, у нас были неплохие зарплаты по сравнению с другими профессиями в СССР. Но все равно мы играли в первую очередь за то, чтобы приносить победу своему клубу, а тем более сборной команде. У нас была такая цель. У нас было за честь играть в сборной СССР. Что нас мотивировать? Мы все ждали, кого возьмут, кого не возьмут. В наше время могли собрать не одну, а две-три равноценные сборные, которые могли достойно играть. Много было приличных хоккеистов, но они, к сожалению, не попадали в сборную. В Инсбруке в 76-м году было всего восемнадцать игроков: играли три пятерки и два вратаря. И один запасной», — вспоминал в беседе Юрий Ляпкин, многолетний партнер Харламова по сборной СССР. И потом добавил: «Деньгами больших побед не одержишь».

Всего через каких-то десять-пятнадцать лет после ярких побед сборной СССР можно было такую же очередь «выстроить» из отказников из НХЛ, не желавших приезжать уже в российскую сборную. У одного игрока «был очень трудный сезон», второй

должен был лечь на операцию, которой потом не было и в помине, третьему не ехать чёт-те куда рекомендовал тренер, а иначе прощай место в составе на следующий год. Науськивали российских игроков заокеанские наставники и агенты: «Деньги за тебя твои русские по страховке будут платить? Вот-вот. Да и вообще деньги тебе за твой чемпионат мира заплатят? Хочешь, поезжай вместо отдыха, но платить в случае травмы будешь сам».

Игроки чуть ли не сами стали назначать тренеров, не слушали их: дескать, мы лучше знаем, как нам тренироваться и играть. Считая себя крутыми профессионалами, требовали премиальных даже за проигрыши. Мы ведь соизволили, приехали. Так заплатите нам.

Так, играть за флаг и честь сборной страны, которая и без того всё чаще поливалась помоями в заокеанской прессе, стало чем-то стыдливым, зазорным. Честь и хвала таким ребятам, как Сергей Яшин, Алексей Ковалев, Андрей Николишин, а позже Павел Дацюк, Александр Овечкин, Илья Ковальчук, Евгений Малкин и другие, которые, несмотря на обстоятельства, всегда старались приехать в сборную.

Но все равно массовые отказы игроков НХЛ помочь главной команде страны напоминали игру в шахматы: по мере продвижения ходов знаешь, что рано или поздно у тебя «падет» та или иная фигура — одними пожертвуешь ты, другие «съест» противник, уцелеют лишь самые стойкие. Применительно к нашему хоккейному случаю изначально в раскладах болельщиков и специалистов фигурировало двадцать отечественных игроков из НХЛ, которые могли бы усилить ряды сборной. А в конце этой «игры на выбывание» оставались единицы.

Подобное затронуло не только хоккей, но и другие игровые виды спорта, дав «обильные всходы

индивидуализма» уже в XXI веке. Вот мнение тренера Фабио Капелло, который вывел сборную России в финальную часть чемпионата мира по футболу 2014 года. Давая интервью незадолго до этого первенства, Капелло рассказал об «индивидуалистическом футбольном менталитете россиян»: «Когда я пришел в команду, то обнаружил, что парни в России больше всего думают о себе и своих личных интересах — как на поле, так и за его пределами. Очень важно было перестроить сознание игроков на более коллективное — при этом, чтобы люди не потеряли себя как личности. Талант отдельных игроков должен проявляться во всем блеске, но при этом служить команде. Не такое: “Я — лучший, дайте мне мяч!” Это то, что я увидел вначале».[95](#)

Смог бы Харламов ужиться в сегодняшней суровой атмосфере? Когда материальное и индивидуалистическое начало вытеснило из многих сфер жизни коллективизм и романтику, а в хоккее то и дело говорят о суммах контрактов и бонусов для суперзвезд, которым по своему мастерству не дотянуться до «звезды Харламова». Приведем мнения людей, близко знавших его.

«До сих пор харламовских высот, харламовского уровня мастерства не добился никто. Не случайно канадцы, старики-хоккеисты, как мне рассказывал Владислав Третьяк, все они преклоняются перед памятью этого великого спортсмена и человека, — признается Владимир Винокур. — Что касается сегодняшних последователей великих советских мастеров хоккея, мне обидно, что есть люди, которые не проходят, не могут выдержать испытания богатством и славой. Это всё же произошло. То, чего не было тогда, случилось спустя годы. Голодный человек к чему-то стремится. Сытый — становится инертным. Это произошло с нашим хоккеем, когда все подписали

контракты, разошлись по различным иностранным клубам. Конечно, сегодня трудно говорить о патриотизме, о слаженной игре звеньев. Когда они встречаются редко, какая может быть сыгранность, когда все играют по миру, в разных командах? Говорить не о чем». О том, что «сытый не играет в хоккей», в свое время писал и Тарасов.

«Мне страшно представить, как же, наверное, неловко и дискомфортно было бы Валере с его добротой и открытостью в сегодняшней жизни. Ходил бы он на сегодняшний наш хоккей? Не уверен, — полагает друг Харламова Вадим Никонов. — Он бы просто не принял сегодняшней игры. Канадцы и американцы взяли у нас самое лучшее — техничность и игровую мысль. А что мы? Тафгайство, сильный прострел в чужую зону, и вперед, с клюшками, как с шашками наголо, на ворота противника».

«Валера часто повторял: “Чтобы о тебе вспомнили, надо умереть”. Странно, да? Мне кажется, если б Валера был жив, он бы, как Вова (Владимир Крутов. — *М. М.*), оставался невостребованным. У него чистая душа — а такому человеку дико сложно приспособиться к этой стервозной, продажной жизни», — вспоминала в одном из интервью вдова Владимира Крутова Нина. [96](#)

«Валерий Борисович, наверное, мог быть востребованным еще сто лет. С его умением общаться с людьми, с его жизненной энергией, с его желанием что-то творить», — считает Вячеслав Фетисов.

— А как вы считаете, в нынешней жизни как бы он чувствовал себя? В жизни, где превалирует меркантильное начало, ведь Харламов все-таки был крайне ранимым человеком, остро воспринимавшим всю несправедливость? — интересуюсь у Фетисова.

Вячеслав Александрович берет паузу и отвечает:

— Может быть, такие люди и поменяли бы нынешний мир, сделали бы его нормальным, а не тем, в

котором мы живем.

— Вы можете представить его в этом времени?

— Почему нет? Меркантильность — это такая вещь, которая всегда присуща человеку: можно получать те же большие деньги и не кичиться этим, профессионально относиться к своему делу и то же спрашивать с других. Я понимаю, почему наша команда была успешна. Потому что у нас были порядок и уважение друг к другу. Сказал — сделал. Эти вещи сложно не понимать, если ты играешь в суперкоманде. Эта обстановка требует концентрации практически все время, которое ты задействован в этой игре. Я могу представить Валеру в любом времени. И как игрока, и как человека. Я думаю, что его стиль неповторим. Сколько уже ребят появилось в хоккее во всех точках мира, но подобного ему я не вижу.

— Вы долгие годы прожили в Северной Америке. О нем там помнят?

— Конечно. Он один из немногих, кто после смерти был введен в «Зал хоккейной славы» в Канаде. Там обычно вспоминают о великих хоккеистах, когда для этого есть какой-то повод. Там своих чтят. Я был на церемонии введения Харламова в «Зал славы» в Торонто, это церемония непростая. Человека уже нет, а его в «Зал славы» вводят. Такой первый прецедент был. Чувствовалось уважение канадцев к этому человеку. На Западе уважение купить нельзя, его можно только заслужить.

В одном из редких интервью отец хоккеиста, Борис Сергеевич Харламов, предположил, что если бы его сын был жив, то сейчас, скорее всего, работал бы тренером в детской школе. Потом помолчал и добавил: «Ему с его характером сейчас вообще было бы трудно. Он у меня был романтиком, а теперь в России многие живут по волчьим законам. Валерка бы так не смог...»

Глава 16 ПОСЛЕ СМЕРТИ

Опустела без него Земля... Страна оплакивала своего любимца. Не веря в эту нелепую смерть. Еще раз убеждаясь, что гении уходят молодыми.

Его могила на Кунцевском кладбище долгие месяцы утопала в цветах. Номер домашнего телефона родители Харламова были вынуждены поменять: слишком много звонков с соболезнованиями раздавалось от знакомых и абсолютно незнакомых им людей.

Известные советские хоккеисты, тренеры, иностранные мастера стали частыми гостями в скромной квартире родителей на пятом этаже пятиэтажного дома в Угловом переулке. Там половину стены в одной из комнат занял портрет Валерия Харламова в майорской форме и висела целая гирлянда из золотых медалей чемпионатов СССР, Европы, мира и Олимпиад.

«1981 год забрал у матери не только Валерия Харламова и его жену. Бедная Бегоня не поднимала голову. Она думала, что ее внук и внучка останутся с ней, но они росли в семье бабушки по материнской линии. Бегоня умерла спустя несколько лет», — признавалась Клара Агиррегавирия, подруга Бегони Харламовой.[97](#)

После смерти супругов Харламовых началась тяжба за опеку над их детьми. История эта неприятная; она, в частности, поделила на два лагеря не только две семьи, но и тех из хоккеистов, кто еще недавно выходил на лед вместе с Харламовым. Александру Харламову с сестрой помогали хоккеисты первой пятерки во главе с Вячеславом Фетисовым: собирали им деньги, покупали одежду. «Для нас это была не просто ответственность. Это было огромное желание поддержать детей,

которые остались совсем маленькими без родителей», — признался Вячеслав Фетисов. Нельзя забывать о том, что помогали и Михаил Туманов, и Борис Михайлов с Владимиром Петровым, которые, в частности, содействовали оформлению для детей пенсии до достижения ими совершеннолетия.

Не забывали армейские игроки и о родителях Валерия Харламова. «Дядя Боря (Борис Сергеевич) был нашим армейским талисманом и символом. Ходил на все игры ЦСКА, когда Валерка играл. И после того, как Валера умер — тоже ходил. Даже когда мы первой пятеркой (Фетисов — Касатонов, Макаров — Ларионов — Крутов) уехали за океан, все время на играх ЦСКА можно было дядю Борю увидеть», — вспоминал Вячеслав Фетисов.

«С отцом, папой Борей, я общался практически до самой его смерти. Он не потерялся в этой жизни. Участвовал во всех мероприятиях, связанных с Валеркой. Во всех турнирах», — вспоминал первый тренер Харламова Виталий Ерфилов. Борис Сергеевич Харламов, или дядя Боря, как называли его друзья Валерия, умер 27 января 2010 года в Москве после тяжелой болезни. За пару месяцев до этого, когда он пошел гулять с любимой собачкой Харликом, какой-то мерзавец толкнул дверь в подъезд, да так, что Борис Сергеевич упал и сломал шейку бедра. Толкнувший эту дверь даже не оглянулся и не помог подняться пожилому человеку. Начались осложнения, всплыли старые болячки. Борис Сергеевич стал угасать...

На первый матч ветеранов СССР и Канады, проходивший в декабре 1982 года во Дворце спорта в «Лужниках», участников пришли приветствовать юные хоккеисты — дети Боброва, Михайлова, Петрова, Рагулина, Харламова. Все зрители, а их было около десяти тысяч, встали и долго аплодировали гостю из Виннипега, в свое время известному хоккеисту НХЛ Эбу

Макдональду. Он взял на плечи самого младшего из ребятишек — Сашу Харламова — и поехал с ним вдоль трибун. У многих болельщиков и хоккеистов на глазах появились слезы. А Саша Харламов, сидевший на плечах рослого дяди Эба из Канады, улыбался. Валерий Борисович поставил сына на коньки, когда тому было три года. Даже дома сын Харламова ходил в коньках, чтобы крепили ноги. И всякий раз, когда находилась свободная минутка, Валерий Харламов занимался с ним во дворе. Причем он хотел отдать сына в футбольную секцию, так как в свое время мечтал и, самое главное, мог стать отличным футбольным мастером. При жизни надеялся, что эту мечту осуществит его сын.

Уже в ноябре 1981 года бабушка отвела Сашу Харламова в армейскую секцию. Он уже тогда неплохо катался на коньках. Приходилось рано вставать и идти на тренировку в семь утра. Бетониту отдали в фигурное катание. Но вскоре у нее начался бронхит, и бабушка перевела ее в секцию художественной гимнастики. Она стала мастером спорта. Родила двух дочек. Один сын у Александра Харламова.

Начиная с сезона 1982/83 года в СССР стал вручаться приз имени Валерия Борисовича Харламова «Самому техничному хоккеисту сезона». Он был учрежден редакцией газеты «Труд». Первым его обладателем стал «подшефный» Харламова — Сергей Макаров.

Бронзовый бюст Валерия Харламова был установлен на катке ЦСКА, там, где он начинал свою карьеру, где столько лет тренировался и играл. Деньги на постамент выделило Министерство обороны. Его бесплатно в свободное от работы время отливали рабочие на заводе в Мытищах.

Имя Харламова с 1981 года носит детско-юношеская хоккейная школа ЦСКА. В «Галерее хоккейной славы» в Канаде по личному предложению Бобби Халла в виде

исключения был впервые вывешен портрет не североамериканского хоккеиста: на родине хоккея увековечили память Валерия Харламова. В ЦСКА в знак признания заслуг Харламова перед клубом выведен из обращения его 17-й номер.

В 2003 году был учрежден приз «Харламов трофи», которым газета «Советский спорт» награждает лучших российских хоккеистов, играющих в НХЛ. Пятикратным обладателем приза стал Александр Овечкин, двукратным — Павел Дацюк, которого эксперты из-за человеческих и хоккейных качеств называют «наследником Харламова».

В ноябре 2005 года, спустя почти четверть века после трагической гибели, Валерия Харламова ввели в «Зал хоккейной славы» в Торонто. Он стал вторым после Владислава Третьяка хоккеистом, не игравшим в НХЛ, который удостоился такого признания профессионалов. «Наконец справедливость восторжествовала. Это была моя первая реакция, — сказал, комментируя эту новость, известный хоккейный историк из Канады Артур Шидловски. — Он был поэтом. Народным поэтом этой игры». «Это игрок, который был любим болельщиками, соперниками и, конечно, его товарищами по команде».

«Он должен был быть там (в «Зале хоккейной славы») много лет назад. Я думаю, что он был одним из лучших игроков в мире, — сказал Илья Ковальчук, который носит 71-й номер (цифры наоборот) в честь Валерия Харламова. — Он был любимым игроком моего отца. У нас было много видеокассет дома. Смотрели серию 1972 года. Харламов был невероятным игроком».

18 мая 2008 года Международная федерация хоккея (ИИХФ) назвала символическую шестерку лучших хоккеистов за столетнее существование федерации. В нее вошел и Валерий Харламов.

Одно из старейших пишущих изданий о хоккее *The Hockey News* в ноябре 2012 года представило рейтинг

российских игроков, которые никогда не играли в НХЛ. Первое место, по версии издания, занял легендарный советский нападающий, трехкратный олимпийский чемпион Анатолий Фирсов. Это кажется тем более удивительным, что Фирсов не принимал участия в суперсерии 1972 года. Тем не менее его игра на чемпионатах мира в 1960-е годы настолько потрясла заокеанских скаутов, что ему первому из советских игроков, как признавались некоторые ветераны отечественного хоккея, предложили заоблачный по тем временам контракт в НХЛ. Особо впечатлены канадцы были тем, что Фирсов во время турне 1969 года забил в ворота их сборной шесть шайб. В рейтинге оказались представлены только прославленные советские хоккеисты: Анатолий Фирсов, Владислав Третьяк, Валерий Харламов, Всеволод Бобров, Александр Мальцев, Валерий Васильев, Александр Якушев, Борис Михайлов, Вячеслав Старшинов, Александр Рагулин.

13 июля 2013 года это же издание обнародовало *Top 10 all-time Europeans* — «Список десяти лучших игроков-европейцев» в истории хоккея. Валерий Харламов занял в этом списке шестое место. «Он был просто одним из лучших игроков своего поколения» — так коротко снабдил комментарий о Харламове обозреватель «Хоккей ньюс».

16 февраля 2013 года на Ледовой арене ЦСКА прошло торжественное мероприятие, посвященное 65-летию Валерия Харламова. Перед началом товарищеского матча между командами ветеранов ЦСКА и командой всех звезд руководитель администрации президента Сергей Иванов огласил приветствие участникам и гостям президента России Владимира Путина. «Один из самых ярких и талантливых игроков в истории мирового хоккея, Валерий Харламов был кумиром миллионов болельщиков. Стремительность и неповторимый стиль

игры этого выдающегося нападающего, огромная сила воли и дух товарищества служили залогом убедительных побед “армейцев”, триумфов нашей национальной сборной на Олимпийских играх и чемпионатах мира, в суперсериях СССР — Канада и других важнейших турнирах. И сегодня имя Валерия Харламова, его успехи и достижения являются предметом гордости всего нашего спорта, всей страны. Уверен, что хоккейный клуб ЦСКА, ледовые дружины России и впредь будут хранить богатейшее наследие Валерия Борисовича Харламова, развивать заложенные им традиции. А молодые воспитанники — равняться на этого легендарного игрока и замечательного человека», — говорилось в заявлении российского президента.

Специально к Олимпиаде в Сочи в Государственном центральном музее современной истории России в феврале 2014 года открылась выставка «Неповторимый Валерий Харламов». На выставке можно было увидеть личные вещи спортсмена, фотографии из семейного архива Харламовых, дипломы и грамоты, полученные им за время игровой карьеры, комсомольский билет легендарного спортсмена, а также хоккейную форму, в которой он выступал в составе сборной СССР.

То, что память о Валерии Харламове будет храниться через десятилетия и передаваться из поколения в поколение, очень точно характеризует эпизод, рассказанный Григорием Твалтвадзе:

«Однажды мы поехали по Ленинградке, чтобы снять сюжет для фильма о Харламове. Приехали к легендарному народному памятнику (пятистоткилограммовая мраморная «шайба» с надписью «Здесь закатилась звезда русского хоккея» была установлена через десять лет на месте его гибели. — *М. М.*). У нас это была последняя подводка к фильму, мы закончили съемку, и в этот момент оператор сказал: “Ну, слава богу, успели, а то батарейка разрядилась”. В

этот момент недалеко от нас остановилась машина, и из нее вышли пожилой человек с внуком. Мужчина подошел к нашей съемочной группе и спросил: “Ребята, а вы что тут снимаете?” Отвечаю им: “Мы снимаем фильм про Харламова”. А мужчина и говорит: “Ну вот, Валера, я тебя обещал привести на место, где умер человек, в честь которого ты назван”. Мы были в шоке. Мы закончили съемку, и откуда-то приезжает человек с внуком, которого назвали в честь Харламова. И этот пацан, а ему было лет семь-восемь, начинает у нас спрашивать о Харламове. Я говорю: “А тебе что, дед не рассказывал?” — “Рассказывал, конечно, а я не верил, — отвечает мальчишка. — А вы про него кино снимаете?” Пацан был очень довольный и счастливый. Когда они уже уезжали, говорю им: “Подождите, ребенок-то еще совсем маленький, при чем тут Харламов?” Мужик говорит: “Вы только не подумайте, я к спорту не имею никакого отношения. Я и с Харламовым не был знаком. Но это было такое всеобщее горе в стране, что я своему сыну сказал в 1981 году: ‘Когда у тебя родится сын, давай назовем его Валерой’ ”. Меня, честно говоря, эта история очень тронула. Она для меня лишней раз стала подтверждением уникальности и величия этого человека».

А напоследок несколько цифр. Свою первую шайбу в чемпионатах СССР Валерий Харламов забросил 23 апреля 1968 года в ворота «Крыльев Советов», которые защищал тогда Владимир Полупанов. А последний гол в чемпионатах СССР — 14 мая 1981 года в ворота московского «Динамо». Всего на его счету в чемпионатах страны 293 шайбы.

Свою первую шайбу на чемпионатах мира Харламов забросил 15 марта 1969 года в ворота американского вратаря Майка Карэна. Всего на чемпионатах мира и на олимпийских турнирах Харламов забросил 87 шайб. За сборную СССР Харламов сыграл в 286 матчах и забросил

185 шайб. По результативности в играх за национальную команду он уступает лишь Александру Мальцеву (208) и Борису Михайлову (202). Со 159 набранными очками он является вторым в списке бомбардиров за всю историю чемпионатов мира, уступая лишь своему другу и партнеру по ЦСКА и сборной СССР Борису Михайлову. На чемпионатах мира он сыграл 108 матчей, и это восьмой результат в истории. Сыграл 438 матчей за ЦСКА и забросил в них 293 шайбы. Харламов является двукратным олимпийским чемпионом, восьмикратным чемпионом мира, семикратным чемпионом Европы, одиннадцатикратным чемпионом СССР и одиннадцатикратным обладателем Кубка европейских чемпионов.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Жизнь ставила Харламову такие подножки, что не позавидуешь. Другой бы скис, расклеился, пал духом. А Валерий Борисович поднимался и шел вперед. Преодолеl порок сердца. Выдержал испытание Чебаркулем. Поначалу совершенно не подходя под «габаритную» тарасовскую модель, стал звездой в его команде. Что говорить, стал любимцем хоккейного мэтра, поначалу не верившего в него. «Поднялся» после первой аварии, триумфально вернулся на лед, хотя речь вообще шла о том, сможет ли он полноценно ходить. Добился бы еще многого. Если бы не та роковая авария на Ленинградском шоссе.

Кто-то заметил, что к судьбе Валерия Харламова лучше всего подходят слова Василия Шукшина о Сергее Есенине. «Вот жалеют: Есенин мало прожил. Ровно — с песню. Будь она эта песня, длинной, она не была бы такой щемящей. Длинных песен не бывает...» Мне больше нравится, когда про Харламова говорят как про Высоцкого нашего хоккея. Промчался по жизни словно комета, сжигая себя.

Почему комета? Потому что у Валерия Харламова и его товарищей горели не только глаза, как это сейчас модно говорить про поймавших кураж спортсменов. У них душа игроцкая радостью и мастерством искрилась.

«Гвардия, а Харламов был истинным гвардейцем, иногда “умирала” на поле хоккейной брани, но никогда не сдавалась. Харламов и его товарищи по клубу и сборной никогда не проявляли пораженчества, неуважения к себе и соперникам, не уважения, а по сути дела безразличия, к миллионам зрителей, ради которых и существует хоккей, точнее говоря, частью жизни которых он является. Об этом стоит помнить

нынешним лидерам», — писал академик Станислав Шаталин в далеком 1984 году.[98](#)

Пророческие слова. Обращенные не иначе как в наше время. Как не хватает сегодня таких гвардейцев, настоящих, не «пополняющих свой карман», а играющих во имя родной страны и ее болельщиков!

Были они в той сборной друг другу и товарищами, и братьями. Оттого была непобедима славившаяся своим духом советская ледовая дружина. Вдумайтесь в этот оборот, пущенный в обиход одним из журналистов. Ледовая дружина. От этого веет чем-то былинным. Как от Ильи Муромца и других славных русских богатырей. Между прочим, дружиной на Руси именовалось княжеское войско, реальная военная сила, всегда готовая к бою. Князья ценили свою дружину, оберегали и щедро вознаграждали ее.

Вот почему сегодня так часто вспоминают о Харламове и его товарищах, когда говорят о тех, кто жил не для себя, ради побед не щадя живота своего. О Харламове вспоминают не только как о великом спортсмене, но и как о символе искреннего коллективизма той эпохи. Ведь Валерий Харламов и жил-то для того, чтобы дарить радость людям. Прожил до боли мало, но как прожил! Будем надеяться, что те самые ребята из хоккейной сборной России с горевшими на ледовой площадке глазами, побывавшие на могиле Валерия Борисовича незадолго до поездки в Минск и победившие на том чемпионате мира 2014 года, продолжают славные традиции своих предшественников. Они сами говорили, что играют за сборную не ради денег, а за страну, по зову сердца. Хочется верить. Заждались этого в недавнюю эпоху безвременья в жизни и на льду.

Позвольте закончить эту книгу главным авторским выводом, который хотелось довести до читателя, вспоминая о Харламове и его товарищах.

Не либеральному топ-менеджеру с прослушиваемым айфоном или прочими гаджетами, не разным там «золотым» и другим «сладким» голосам России, которых и рядом не стояло с настоящими мужчинами из мира хоккея, из песен Пахмутовой и Добронравова, — не им быть символами великой страны. Хотя всё это мимолетное, наносное стало «витриной» сегодняшнего меркантильного времени, времени «золотого тельца».

У народа, победившего фашизм, всегда будет душа, пока страна будет помнить о победе над фашизмом. А помнить, надеюсь, она будет всегда.

Вспоминать через десятилетия будут не о названных выше «вип-персонах» «переломной эпохи». Будут помнить о Гагарине и Шукшине, Высоцком и Дале, Харламове и других, к глубочайшему сожалению, уже ушедших от нас гениях. О хоккеистах великого поколения победителей, ставших легендами. Действительно, символами русской души и характера. Мы-то с вами знаем: легенда обязательно находит продолжение.

Впрочем, и в этом славном ряду Валерий Борисович Харламов навсегда останется хоккейным уникалом. Нашим, таким родным, любимым Валерой — ярким, пролетевшим по жизни как лучезарная хоккейная комета, равной которой не было и вряд ли будет.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ В. Б. ХАРЛАМОВА

1948, 14 января — в роддоме недалеко от станции метро «Сокол» появился на свет будущий игрок ЦСКА и сборной СССР Валерий Харламов.

1961, март — Валерий заболел ангиной, давшей осложнения: у него был обнаружен порок сердца и поставлен диагноз «ревмокардит».

1962 — Валерий самостоятельно записался в хоккейную школу ЦСКА.

1967, март — в составе команды ЦСКА 1948-1949 годов рождения нападающий Валерий Харламов становится чемпионом СССР среди молодежных команд.

Июнь-июль — хоккеист отправляется на первый сбор с основным составом ЦСКА в Кудепсту.

22 октября — дебют Харламова в основном составе ЦСКА в матче чемпионата СССР против «Сибири» в Новосибирске. Армейцы выигрывают 9:0, хоккеист проводит на поле несколько минут.

7 ноября — Анатолий Тарасов отправляет Валерия Харламова вместе с его товарищем по ЦСКА Александром Гусевым играть за команду «Звезда» (Чебаркуль) на Урал. В составе этой армейской команды Харламов забивает 34 гола в 40 играх.

1968, 8 марта — Харламов по решению Тарасова возвращается в Москву и приступает к тренировкам в составе ЦСКА.

23 апреля — Харламов в матче против «Крыльев Советов» забрасывает свою первую шайбу в чемпионатах СССР. Спустя несколько дней завоевывает свой первый титул чемпиона СССР.

Октябрь — Харламов дебютирует в матче в Горьком против местного «Торпедо» со своими будущими партнерами по первому звену Борисом Михайловым и Владимиром Петровым.

Декабрь — в составе второй сборной СССР Валерий Харламов дебютирует на Московском международном турнире (в будущем — турнир на приз газеты «Известия»).

4 декабря — Харламов проводит первую игру в составе первой сборной СССР против сборной Канады в тройке с Владимиром Петровым и Виктором Якушевым.

1969, 19 января — в ходе первого для Валерия Харламова турне по Северной Америке он забрасывает первую шайбу в главной сборной СССР в ворота канадцев.

15 марта — Харламов дебютирует на чемпионате мира в Швеции в игре против сборной США.

16 марта — Харламов забивает первый гол на чемпионатах мира в матче с командой Швеции.

30 марта — Харламов получает свой первый (из восьми) титул чемпиона мира. В обход тренера Тарасова ему присваивается высшее спортивное звание в СССР — заслуженный мастер спорта.

Сентябрь — в составе ЦСКА Харламов первый раз побеждает в Кубке европейских чемпионов.

1970, 30 марта — в составе сборной СССР Харламов во второй раз становится чемпионом мира. На этом чемпионате он впервые надевает свитер сборной СССР с номером «17».

1971, 8 марта — первый хет-трик Харламова в сборной СССР: он забрасывает три гола в ворота финнов в товарищеском матче в Хельсинки.

3 апреля — в составе сборной СССР Харламов в третий раз становится чемпионом мира.

Апрель — Харламов с 40 шайбами становится лучшим снайпером чемпионата СССР и впервые

попадает в символическую сборную лучших игроков страны.

1972, 13 февраля — Харламов завоевывает первую золотую олимпийскую медаль и становится лучшим бомбардиром Олимпиады с 16 очками (9 шайб и 7 результативных передач). Правительство СССР награждает его орденом «Знак Почета».

20 апреля — Харламов впервые включен в символическую сборную чемпионата мира.

Май — Харламов становится лучшим бомбардиром чемпионата СССР с 42 баллами за результативность (26 шайб и 16 результативных передач).

Июнь — Харламов совместно со своим другом Александром Мальцевым удостоивается звания лучшего хоккеиста сезона в СССР.

Сентябрь — Харламов в составе сборной СССР принимает участие в серии поединков со сборной канадских профессионалов.

2 сентября — в матче в Монреале забрасывает две шайбы и получает признание на родине хоккея.

1973, 15 апреля — Харламов в четвертый раз становится чемпионом мира по хоккею и во второй раз подряд попадает в символическую сборную чемпионата мира.

Весна — Харламов вместе с тренерами сборной СССР по хоккею Всеволодом Бобровым и Борисом Кулагиним приглашен руководством НХЛ с недельным визитом в Канаду.

Июнь — Харламов признан лучшим хоккеистом сезона в СССР.

Декабрь — Харламов попадает в десятку лучших спортсменов года в СССР

1974, 20 апреля — Харламов становится в пятый раз чемпионом мира.

Сентябрь — Харламов в составе сборной СССР проводит матчи суперсерии против команды ВХА

(Всемирной хоккейной ассоциации) в Канаде и Москве.

Декабрь — Харламов включен в десятку лучших спортсменов года в стране.

1975, начало года — Валерий Харламов знакомится с девятнадцатилетней Ириной Смирновой, которая станет его женой.

Май — Харламов награждается орденом Трудового Красного Знамени.

23 сентября — у Валерия Харламова рождается первенец, сын Александр.

1975, декабрь — 1976, январь — Харламов принимает участие в первой суперсерии на уровне клубов СССР и НХЛ. По ее итогам включен в символическую сборную.

1976, 14 февраля — Харламов в австрийском Инсбруке становится двукратным олимпийским чемпионом, забив решающий гол в решающей игре против сборной ЧССР.

25 апреля — Харламов признан лучшим нападающим чемпионата мира в Катовицах и в третий раз включен в символическую сборную этого турнира.

14 мая — свадьба Валерия Харламова и Ирины Смирновой.

26 мая — супруги Харламовы попадают в тяжелую аварию недалеко от своего дома.

16 ноября — Харламов возвращается на лед после автокатастрофы в матче с «Крыльями Советов» и забрасывает шайбу.

16 декабря — Харламов триумфально возвращается в сборную в матче турнира на приз «Известий» и забрасывает три шайбы в ворота сборной Швеции.

1977, 9 октября в семье Харламовых рождается дочь Бегонита, названная в честь матери хоккеиста.

1978, 14 мая — Харламов становится чемпионом мира в Праге.

Июнь Харламов награжден вторым орденом Трудового Красного Знамени. Харламов в седьмой раз включен в символическую шестерку лучших игроков хоккейного сезона в СССР.

1979, 27 апреля — на чемпионате мира в Москве Харламов в восьмой и последний раз становится чемпионом мира.

Октябрь — тройка Владимира Петрова забрасывает свою тысячную шайбу в первенствах СССР в высшей лиге. Всего Валерий Харламов сыграл 438 матчей за ЦСКА и забросил в них 293 шайбы.

1980, 23 февраля — на Олимпиаде в США Харламов завоевывает в составе сборной СССР последнюю олимпийскую медаль — серебряную.

1981, май — в составе ЦСКА Валерий Харламов в одиннадцатый раз становится чемпионом СССР

5-9 августа — Харламов в одиннадцатый раз в составе ЦСКА выигрывает Кубок европейских чемпионов. На этом турнире в Италии он становится лучшим бомбардиром и забрасывает свои последние шайбы в официальных играх. Всего за карьеру у него — 538 шайб.

18 августа — Харламов проводит последний матч за сборную СССР против Финляндии. За 13 сезонов, проведенных в составе сборной, Харламов забросил в официальных матчах 193 шайбы.

25 августа — тренер Виктор Тихонов сообщает Харламову, что не берет его на Кубок Канады.

27 августа — в результате автомобильной аварии на 74-м километре Ленинградского шоссе погибают Валерий Харламов, его жена Ирина и ее двоюродный брат Сергей Иванов.

БИБЛИОГРАФИЯ

Харламов В. Б. Хоккей — моя стихия / Литературная запись О. Спасского. М: Правда, 1977.

Харламов В. Б. Три начала / Литературная запись О. Спасского. М.: Молодая гвардия, 1979.

Спасский О. Д. Первая тройка: Документальная повесть о первой тройке нападения хоккейной команды ЦСКА / Предисл. В. Г. Кузькина. М.: Физкультура и спорт, 1981 (серия «Сердца, отданные спорту»).

Три скорости Валерия Харламова (Посмертное издание воспоминаний о великом хоккеисте) / Авт.-сост. Б. М. Левин. М.: Физкультура и спорт, 1984.

Три скорости Валерия Харламова (Посмертное издание воспоминаний о великом хоккеисте) / Авт.-сост. Б. М. Левин. М.: Воениздат, 1988.

Дворцов В. А., Юрьев З. Ю. Форвард № 17. М.: Советская Россия, 1984.

Спасский О. Д. Валерий Харламов. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1998 (серия «Звезды спорта»).

Дворцов В. А. Хоккейные баталии. М., 1979.

Тихонов В. В. Хоккей: надежды, мечты, разочарования. М.: Физкультура и спорт, 1985.

Документальные фильмы

«Вспоминая Харламова», 1982, ЦСДФ (РЦСДФ), режиссер Игорь Гелейн, диктор Олег Табаков.

«Ледовая коррида Валерия Харламова», НТВ, 2002, режиссер Юрий Занин, ведущий — Александр Олейников.

«Валерий Харламов», Петербург — 5-й канал, 2007, режиссер Юрий Занин, фильм в двух частях из цикла «Живая история».

«Валерий Харламов. Последние 24 часа», Первый канал, 2008, ведущий — Леонид Якубович.

ФОТОГРАФИИ

В книге использованы фотографии из семейных архивов Татьяны Борисовны Харламовой, Александра Николаевича Мальцева, Михаила Александровича Туманова, Александра Владимировича Гусева.

Kapusta

Борис Харламов и Бегоня Ориве-Абад. 1949 г.

Мама Бегоня

В Испании. Слева направо: дед Бенито, Валера, бабушка Антония, Таня и мама Бегоня. 1956 г.

Отец Борис Сергеевич

С сестрой Таней. 1952 г.

С отцом. Валере три года

Перед отъездом в Испанию. 1956 г.

Валере тринадцать лет

Перед тренировкой. 1962 г.

В юношеской команде. Крайний справа в нижнем ряду — Валерий Харламов

В Чебаркуле с Александром Смолиным. 1968 г.

В футболе Валерий мог играть на любой позиции

Анатолий Владимирович Тарасов

Тренировки у Тарасова

Аркадий Иванович Чернышев

Борис Павлович Кулагин

Тяжело в учении, легко в бою

Анатолий Фирсов

Команда ЦСКА. 1969 год. Харламов — во втором ряду в центре

Александр Рагулин

Виктор Кузькин

После игры. Валерий был частым пациентом врачей ЦСКА

В атаке — Валерий Харламов

Момент игры

«Гол!!!»

На скамейке запасных

На льду — первая тройка. Слева направо: Борис Михайлов, Владимир Петров, Валерий Харламов

«Ну что, сообразим на троих?»

На отдыхе. В центре — Борис Михайлов. 1972 г.

С Александром Гусевым в Австрии. 1977 г.

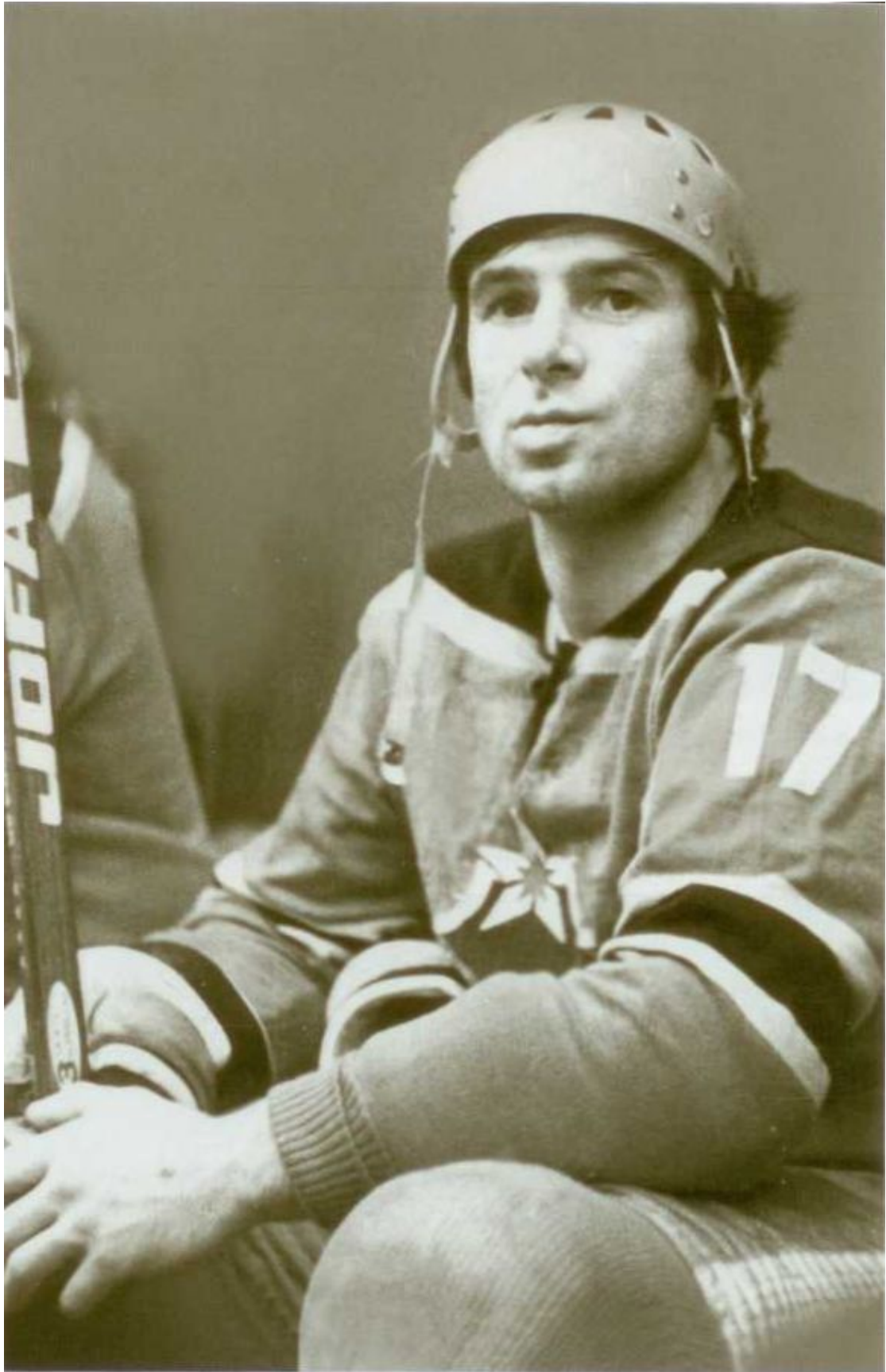
СССР

ВАЛЕРИЙ ХАРЛАМОВ

ЛУЧШИЙ НАПАДАЮЩИЙ

Хоккейный плакат в честь нападающего сборной СССР Валерия Харламова

Валерий Харламов

17-й номер набирает ход

Валерий Харламов на представлении суперсерии-1972

Всеволод Михайлович Бобров

Константин Борисович Локтев

Хоккейное побоище на матче СССР — Канада. 1972 год. Харламов — крайний справа

На льду — игроки сборной СССР: Александр Гусев, Валерий Харламов и Александр Мальцев

Александр Мальцев называл тетю Бегоню мамой

С Валерием Васильевым

Валерий Васильев, Валерий Харламов и Александр Мальцев после вручения правительственных наград

На отдыхе в Алуште. 1972 год. В центре — Валерий Харламов, справа — Владимир Лутченко

«От зари до зари...» Танцует Валерий Харламов

Вокально-инструментальный ансамбль ЦСКА. Слева направо: Владимир Лутченко, Александр Волчков, Владислав Третьяк, Валерий Харламов

«Подержите микрофон, я спою!»

В игре против сборной Швеции

В заводском пионерском лагере с вожатыми

Атака на ворота сборной ЧССР

Харламов всегда одевался со вкусом

В военном госпитале им. Н. Н. Бурденко после первой аварии

Общение с болельщиками продолжалось и здесь

Валерий Харламов с чемпионскими наградами

Именно мальчишкам из детской хоккейной школы Харламов был обязан своим возвращением на лед

С Вячеславом Фетисовым

С детьми из своей родной школы

С Михаилом Тумановым

С артистом Владимиром Винокуром

Та самая «Волга» с номером 00-17

Похороны Харламова

Памятник Валерию Харламову

На Кунцевском кладбище у могилы Валерия. Справа — отец Борис Сергеевич

Народный памятник — «шайба» на Ленинградском шоссе, на месте гибели Валерия Харламова

notes

1

Документальный фильм «Валерий Харламов» (из цикла «Живая история», 2007 год).

2

Документальный фильм «Валерий Харламов» (из цикла «Живая история», 2007 год).

Три скорости Валерия Харламова. М.: Физкультура и спорт, 1984. С. 22.

Три скорости Валерия Харламова. М., 1984. С. 37.

5

Там же. С. 38.

6

Три скорости Валерия Харламова. М., 1984. С. 40-41.

Павлов С. Е. Секреты подготовки хоккеистов. М.: Физкультура и спорт, 2008. С. 98.

Три скорости Валерия Харламова. М., 1984. С. 23-24.

Три скорости Валерия Харламова. М., 1984. С. 41-42.

Спасский О. Д. Первая тройка. М.: Физкультура и спорт, 1981. С. 92.

11

Спорт-экспресс. 1996. 19 декабря.

Три скорости Валерия Харламова. М., 1984. С. 42.

Спасский О. Д. Первая тройка. С. 95.

Спорт-экспресс. 2009. 30 октября.

Три скорости Валерия Харламова. М., 1984. С. 60, 62.

Три скорости Валерия Харламова. М., 1984. С. 74.

Там же. С. 75.

Три скорости Валерия Харламова. М., 1984. С. 25.
104

Дворцов В. Хоккейные баталии. М., 1979. С. 13.

Три скорости Валерия Харламова. М., 1984. С. 73.

Спасский О. Д. Первая тройка. С. 98.

Спорт-экспресс. 2004. 10 декабря.

Спорт-экспресс. 2014. 13 января.

Спорт-экспресс. 2004. 10 декабря.

Дворцов В. Хоккейные баталии. С. 29.

Портал www.sports.ru. 2013. 9 апреля.

Документальный фильм «Валерий Харламов» (из цикла «Живая история», 2007 год).

Спасский О. Д. Первая тройка. С. 121.

Советский спорт. 2013. 13 июня.

Спорт-экспресс. 2013. 25 января.

31

Спорт-экспресс. 2014. 24 января.

Портал www.sports.ru. 2013. 17 мая.

Советский спорт. 2013. 13 июня.

Спорт-экспресс. 2014. 24 января.

35

Советский спорт. 2001. 1 марта.

Советский спорт. 2009. 3 октября.

Советский спорт. 2004. 4 августа.

Три скорости Валерия Харламова. М., 1984. С. 49.

Три скорости Валерия Харламова. М., 1984. С. 69, 71.

Спасский О. Д. Первая тройка. С. 176.

41

Портал www.allhockey.ru. 2014. 11 января.

Документальный фильм «Валерий Харламов» (из цикла «Живая история», 2007).

Три скорости Валерия Харламова. М., 1984. С. 93.

Там же. С. 85.

Спорт-экспресс. 2013. 23 ноября.

Советский спорт. 2013. 17 апреля.

Три скорости Валерия Харламова. М., 1984. С. 77.

Три скорости Валерия Харламова. М., 1984. С. 35.

Там же. С. 66, 77.

Три скорости Валерия Харламова. М., 1984. С. 34-35.

Там же. С. 66.

Спорт-экспресс. 2014. 24 января.

Три скорости Валерия Харламова. М., 1984. С. 87.

Три скорости Валерия Харламова. М., 1984. С. 103.

Три скорости Валерия Харламова. М., 1984. С. 33.

Там же. С. 82.

Портал www.sports.ru. 2013. 17 мая.

Портал www.sovsport.ru. 2014. 22 апреля.

Три скорости Валерия Харламова. М., 1984. С. 69.

61

Там же. С. 85.

Три скорости Валерия Харламова. М., 1984. С. 51.

Спорт-экспресс. 2014. 15 февраля.

Три скорости Валерия Харламова. М., 1984. С. 95.

Спасский О. Первая тройка. С. 85.

<http://www.diariovasco.com /v/20110620/>

Советский спорт. 2004. 4 августа.

Три скорости Валерия Харламова. М, 1984. С. 85-86.

Тихонов В. В. Хоккей: надежды, мечты, разочарования. М.: Физкультура и спорт, 1985. С. 88.

Спорт-экспресс. 2009. 8 мая.

71

Спорт-экспресс. 2009. 13 февраля.

Тихонов В. В. Хоккей: надежды, мечты, разочарования. С. 149.

Советский спорт. 2004. 4 августа.

Российская газета. 2014. 16 мая.

Тихонов В. В. Хоккей: надежды, мечты, разочарования. С. 35.

Тихонов В. В. Хоккей: надежды, мечты, разочарования. С. 166-168.

Тихонов В. В. Хоккей: надежды, мечты, разочарования. С. 166-168.

Тихонов В. В. Хоккей: надежды, мечты, разочарования. С. 166-168.

Спорт-экспресс. 2009. 13 февраля.

Спорт-экспресс. 2009. 13 февраля.

Тихонов В. В. Хоккей: надежды, разочарования, мечты. С. 195-196.

Документальный фильм «Валерий Харламов» (из цикла «Живая история»).

Документальный фильм «Валерий Харламов» (из цикла «Живая история»).

Документальный фильм «Валерий Харламов» (из цикла «Живая история»).

http://www.nnre.rn/yezoterika/znamenitye_kozerogi/pl7.php

Документальный фильм «Валерий Харламов» (из цикла «Живая история»).

Документальный фильм «Валерий Харламов» (из цикла «Живая история», 2007).

Три скорости Валерия Харламова. М, 1984. С. 78.

Там же. С. 79, 82.

Спорт-экспресс. 2009. 12 февраля.

Документальный фильм «Валерий Харламов» (из цикла «Живая история»).

Три скорости Валерия Харламова. М., 1984. С. 86.

Три скорости Валерия Харламова. М., 1984. С. 43-44.

Там же. С. 45-46.

Спорт-экспресс. 2012. 12 октября.

<http://www.diariovasco.com /v/20110620/>

Три скорости Валерия Харламова. М., 1984. С. 46.